

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

*К 100-летию Февральской
и Октябрьской революций
в России (1917-2017)*

**ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН:
ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКИ**

**Материалы Всероссийской научной конференции РАПН
с международным участием**

Москва, РУДН, 24-25 ноября 2017 г.

**Москва
2017**

УДК 32(063)
ББК 66
В81

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Издание подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-03-14091г

**Ежегодная научная конференция РАПН 2017 г. проводится при поддержке
Российского университета дружбы народов и научных журналов: «Политические
исследования (Полис)», «Власть», «Политическая наука», «Сравнительная политика»**

Оргкомитет конференции:

председатель *О.В. Гаман-Голутвина*,
зам. председателя *Л.Н. Тимофеева*,
зам. председателя *М.М. Мчедлова*,

*А.В. Артемов, А.А. Дегтярев, С.Е. Заславский, Л.Е. Ильичева, Д.Б. Казаринова,
К.П. Кокарев, А.П. Кочетков, И.В. Мирошниченко, А.И. Никитин, С.В. Патрушев,
И.А. Помигуев, А.В. Соколов, А.И. Соловьев, А.Ю. Сунгуров, Л.А. Фадеева, В.Л. Шаповалов,*
отв. секретарь *М.Н. Шестакова*

Программный комитет конференции:

председатель *Л.В. Сморгунов*, председатель экспертного совета *О.В. Попова*,
С.Г. Айвазова, А.В. Глухова, М.В. Ильин, В.С. Комаровский, А.Е. Коньков, А.В. Курочкин,
В.Г. Ледяев, М.М. Лебедева, О.Ю. Малинова, А.Ю. Мельвиль, Е.В. Морозова, Л.И. Никовская,
В.Л. Римский, И.С. Семенов, С.В. Чугров, О.Ф. Шабров, Е.Б. Шестопал

В81 **Время больших перемен: политика и политики** : материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Москва, РУДН, 24-25 ноября 2017 г. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой – Москва : РУДН, 2017. – 444 с. : ил.

ISBN 978-5-209-08158-6

В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников Всероссийской научной конференции РАПН с международным участием «Время больших перемен: политика и политики».

Предназначено для политологов, социологов, специалистов в области международных отношений и регионоведения, всех интересующихся современными политическими проблемами развития России.

ISBN 978-5-209-08158-6

© Коллектив авторов, 2017
© Российский университет
дружбы народов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	16
Абидов Т.М. (РУДН, Фонд Горчакова, Москва) Миграционный вопрос как фактор системных трансформаций и влияния на государственную политику.....	18
Авдониин В.С. (ИНИОН РАН, Москва) О методологии исследований региональной и субнациональной политики в России	19
Авксентьев В.А. (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону) Политика идентичности в России: формирование и проблемы.....	21
Авцинова Г.И. (РГСУ, Москва) Популизм как политическая технология	22
Агазаде Мирмехти Миркамил оглы (РУДН, Москва) Азербайджан и Иран: вопросы, сдерживающие улучшение двусторонних отношений	23
Айвазова С.Г. (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) Революция: запрос на гендерное равноправие в поле политики.....	25
Алексеев Д.В. (НИУ ВШЭ, Москва) Роль текстов в конструировании и распаде персоналистских режимов	26
Алексеева Е.С. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва) Медиаобразование как инструмент противодействия информационной войне и важнейшее условие ориентации в пространстве политических коммуникаций.....	27
Аль-Акваа Амал Абдуллах Мохамед (Санаа) (РУДН, Москва) Особенности формирования внешнеполитического курса Йеменской республики.....	29
Андерхальден Ю.С. (Институт логики, Москва) Элиты в корпоративном управлении: случай Украины.....	29
Артюхин А.С. (Филиал ЛГУ им. А.С. Пушкина, Выборг) Мир в условиях смены геополитического порядка.....	31
Ачкасов В.А. (СПбГУ, Санкт-Петербург) Роль национализма в крушении Российской империи: уроки истории.....	33
Балаян А.А. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), Томин Л.В. (СПбГУ, Санкт-Петербург) Акторно-сетевая теория Б. Латура в контексте дискуссий о субъектах и структурах социально-политических коммуникаций.....	34
Баранникова А.Б. (ОГБУ «НИИ региональных исследований Ульяновской области им. Н.М. Карамзина», Ульяновск) Приватизация публичной политики в регионе: распределение власти в результате муниципальной реформы (Ульяновская область).....	35
Баранов А.В. (КубГУ, Краснодар) Соотношение национальной, региональной и этнических идентичностей в Краснодарском крае: уровень конфликтогенности.....	36
Баранов Н.А. (БГТУ «Военмех», Санкт-Петербург) Турбулентность – характерный признак современной мировой политики.....	38
Башмаков И.С. (КубГУ, Краснодар) Формирование региональной идентичности старшеклассников с помощью учебных пособий по Кубановедению (результаты контент-анализа)	39
Безбородов М.И. (ПетрГУ, Петрозаводск) Отношения России и Европейского Союза после Украинского кризиса 2014 г.	41
Беляева Н.М. (ПГНИУ, Пермь) Государственная молодежная политика РФ в середине 2010-х гг.: стратегическое планирование в условиях экономической нестабильности	42
Беспалов С.В. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва) Информационное сопровождение внешней политики России: состояние и перспективы совершенствования	44
Болгов Р.В., Филатова О.Г., Семенова Е.М. (СПбГУ, Санкт-Петербург) Социальные медиа в Мексике, Аргентине и Венесуэле: правовые ограничения и опыт политических кампаний	45

Большаков А.Г. (<i>КФУ, Казань</i>) Практики федерального вмешательства в антикризисное управление российскими регионами-донорами (на примере Республики Татарстан)	47
Большаков С.Н. (<i>СГУ им. Н. Сорокина, Сыктывкар</i>) Политика преобразования современной Европы: истоки и причины	48
Большакова Ю.М. (<i>Коми республиканская академия государственной службы и управления, Сыктывкар</i>) О клиенто-ориентированности государственного управления и задачах мониторинга качества государственных и муниципальных услуг	50
Бориско О.А. (<i>КубГУ, Краснодар</i>) Механизмы формирования региональной идентичности молодежи в Краснодарском крае	51
Борисова Н.В., Минаева Э.Ю. (<i>ПГНИУ, Пермь</i>) КСО по межнациональным отношениям в полиэтнических регионах РФ: эффективные элементы публичного управления или спящие институты этнического представительства?	53
Бочанов М.А. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Орел</i>) Роль интернет-технологий в расширении политической активности граждан.....	54
Бочаров Ю.Б. (<i>Министерство энергии, Хайфа, Израиль</i>) «Зарубежный» избиратель: «Почему я не могу агитировать за президента России?».....	55
Броварь А.В. (<i>Донбасская юридическая академия, Донецк, Украина</i>) Факторы и механизмы обеспечения продовольственной безопасности государства в современных условиях	56
Брянцев И.И. (<i>ПИУ им. П.А. Столыпина РАНХиГС, Саратов</i>) Институты и практики взаимодействия власти и национально-культурных объединений в реализации национальной политики в регионе	57
Буковская Н.В. (<i>ТГУ, Томск</i>) Политика государства в сфере гражданского общества: создание пограничных институтов.....	59
Буланов М.В. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Установление политической повестки дня перед президентскими выборами	60
Буров И.В. (<i>Институт социологии НАН Украины, Киев, Украина</i>) Социальная напряженность в Украине в период политических изменений	62
Бурьянов С.А. (<i>МГПУ, Москва</i>) Значение реализации прав человека в условиях обострения мировых политических конфликтов	63
Бурляй Я.А. (<i>МГЛУ, Москва</i>) Народная дипломатия и противодействие международному терроризму	65
Вахрушева М.Г. (<i>КубГУ, Краснодар</i>) Инновационные практики противодействия коррупции (на примере МО г. Краснодар).....	66
Ведерникова М.И. (<i>Институт Европы РАН, Москва</i>) PR политического деятеля в социальных сетях: возможности и риски	68
Веретевская А.В. (<i>МГИМО(У) МИД РФ, Москва</i>) Общественный договор в контексте гетерогенных обществ	69
Верховцев В.С. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Образ Украины в сознании граждан РФ	70
Ветренко И.А. (<i>ОмГУ, Омск</i>) Новые технологические формы современной демократии.....	70
Вилисов М.В. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Политические стратегии стран ЕАЭС: проблемы формирования и практической реализации.....	72
Виноградов И.Д. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Российский опыт использования «мягкой силы» в политике	73
Внукова Л.Б. (<i>ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону</i>) Возможности гражданского общества в противодействии радикализации: анализ зарубежного опыта	75
Волков В.А. (<i>СПбГУ, Санкт-Петербург</i>) Политическая экология и понятие экополитического суверенитета.....	76
Волкова А.В. (<i>СПбГУ, Санкт-Петербург</i>) «Умное регулирование» в публичной политике: формирование площадок сотрудничества	77

Вольпина Н.С. (<i>АНО «Институт логики», Москва</i>) Механизмы вхождения исламистских движений в состав правящей элиты арабских стран (на примере Египта, середина XX – начало XXI вв.).....	79
Воржецов А.Г. (<i>КНИТУ, Казань</i>) Демократический характер Февральской революции 1917 года в России	80
Воронкова Д.В. (<i>ЧелГУ, Челябинск</i>) Проекты Федерации британских идеологов нового империализма: планы и реальность	82
Гаврилова М.В. (<i>СПбГИКиТ, Санкт-Петербург</i>) Политическая речь, вызвавшая бурю: к 100-летию Февральской революции.....	83
Гаджиев Х.А. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) К вопросу о соотношении конституционных полномочий и реальной власти Президента в трансформирующихся политических системах	84
Гандалоева М.Т. (<i>КубГУ, Краснодар</i>) Сетевые технологии общественного контроля на выборах в России	86
Геворгян А.Г. (<i>РУДН, Москва</i>) Актуализация Курдского вопроса в политической трансформации мира	87
Герштейн И.З. (<i>НГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород</i>) Государственная идентичность: сущность и механизмы функционирования.....	88
Гимазова Ю.В. (<i>ГУУ, Москва</i>) К вопросу о развитии компетенций межсекторного социального партнерства у государственных служащих	89
Гиниятуллин Р.М. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) К проблеме измерения эффективности представительства субъектов федераций в верхних палатах парламентов федеративных государств.....	91
Глухова А.В. (<i>ВГУ, Воронеж</i>) Медийный ландшафт в постфактическую эпоху: вызовы политической коммуникации.....	92
Глушкова С.И. (<i>Гуманитарный университет, Екатеринбург</i>) К вопросу о политике в области прав человека.....	93
Гнедаш А.А. (<i>КубГУ, Краснодар</i>) Новые формы политической мобилизации в сетевом обществе: кейсы четвертой волны феминизма	95
Головин М.С. (<i>СПбГУ, Санкт-Петербург</i>) Националистический дискурс и феномен правого популизма в политическом процессе современной Европы.....	96
Головин Ю.А. (<i>ЯрГУ, Ярославль</i>) Политическое управление и развитие гражданской активности в регионах	97
Гоптарева И.Б. (<i>ОГУ, Оренбург</i>) Функции партий в репрезентативной демократии.....	99
Горбачев М.В. (<i>СГЮА, Саратов</i>) Особенности политических проектов цивилизационного уровня.....	100
Грибовский Е.Э. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Социальный аспект стратегии национальной безопасности Российской Федерации.....	101
Григорян Г.П. (<i>Ереванский ГУ, Ереван, Армения</i>) Россия и Южный Кавказ: возможности и ограничения регионального сотрудничества	103
Гришин Н.В. (<i>Астраханский ГУ, Астрахань</i>) К вопросу о концептуализации феномена избирательных комиссий.....	104
Гришин О.Е. (<i>РУДН, Москва</i>) Энергетическая политика Ирака: некоторые факторы	105
Губченко В.А. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Особенности формирования повестки дня в условиях виртуализации политической коммуникации (политико-психологический подход).....	106
Гудошникова О.Е. (<i>РГСУ, Москва</i>) «Новые» медиа как основа политического участия: некоторые подходы к пониманию	108
Гусев К.А. (<i>ВШПМ СПбГУПТД, Санкт-Петербург</i>) Оценка социалистического переворота и революционной демократии либеральными авторами	109

Гуторов В.А. (<i>СПбГУ, Санкт-Петербург</i>) В.И. Ленин и мировая революционная традиция: политико-философские аспекты интерпретации	111
Дагбаев Э.Д. (<i>БГУ, Улан-Удэ</i>) Политизация буддизма в общественной жизни России, Китая и Монголии	112
Дан-Чин-Ю Е.Ю. (<i>РУТ (МИИТ), Москва</i>) Особенности участия населения в политических процессах на местном уровне	113
Дёгтев А.С. (<i>МГИМО МИД России, Москва</i>) Роль бизнес-элиты в демократизации на примере постсоветского пространства	115
Декусар А.Б. (<i>КФУ, Казань</i>) Факторы успеха правых партий в странах Центральной и Восточной Европы: на примере Венгрии	116
Демидова Е.И. (<i>Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, Саратов</i>) Молодежная политика и время больших перемен.....	118
Денисов А.Е. (<i>АН РТ, Казань</i>) Этническая мобилизация крышен в Республике Татарстан: некоторые аспекты	119
Денисов С.А. (<i>Гуманитарный университет, Екатеринбург</i>) Разработка общей теории имитации демократии.....	121
Дергунова Н.В. (<i>УлГПУ, Ульяновск</i>) Противоречия представлений региональной элиты о гражданском обществе	122
Джиоева Е.Г. (<i>ЮФУ, Ростов-на-Дону</i>) Государственно-частное партнерство: проблемы и перспективы правового регулирования	124
Донцев С.П. (<i>РГГУ, Москва</i>) Государственно-конфессиональные отношения: особенности институциональной коммуникации	125
Дринова Е.М. (<i>ВолГУ, Волгоград</i>) Факторы риска в глобальных политических конфликтах.....	126
Евгеньева Т.В. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, ФУ при Правительстве РФ, Москва</i>) Крым как символ российской идентичности	128
Евдокимов Н.А. (<i>БАГСУ, Уфа</i>) Тенденции развития региональных отделений политических партий (на примере Республики Башкортостан).....	129
Евстифеев Р.В. (<i>Владимирский филиал РАНХиГС, Владимир</i>) Использование концепции интеллектуального капитала для оценки потенциала взаимодействия экспертного сообщества и органов власти на региональном уровне	130
Жаде З.А. (<i>АГУ, Майкоп</i>) Многоуровневая структура идентичности молодежи Республики Адыгея.....	132
Завершинский К.Ф. (<i>СПбГУ, Санкт-Петербург</i>) «Событие» русской революции: политико-культурные рамки и базовые символические конфигурации	133
Зазнаев О.И. (<i>КФУ, Казань</i>) Феномен прямых президентских выборов в парламентских республиках.....	134
Закиров А.Р. (<i>КФУ, Казань</i>) Особенности определения категории Government Relations (GR) в отечественной политологии.....	136
Заранкин И.А. (<i>НИУ ВШЭ, Москва</i>) Модели и факторы рекрутирования министров правительств Российской Федерации и Французской Республики: сравнительный анализ	137
Зарипова А.Р. (<i>КФУ, Казань</i>) Этнорегиональные партии в контексте Европейской регионализации	139
Захарова А.Е., Сунгуров А.Ю. (<i>НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург</i>) Концепция прав человека в контексте политологии права.....	140
Зверев А.Л. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Психологические вызовы времени больших перемен: ожидания российских граждан накануне выборов Президента РФ 2018 г.	141
Земскова А.Ю. (<i>МГИМО МИД России, Москва</i>) Гетерогенность Украины как фактор диверсификации типов электорального поведения	143

Зиневич О.В. (<i>НГТУ, Новосибирск</i>) Легитимация консервативных ценностей как источник семейных конфликтов	143
Зиннатуллин А.З. (<i>КФУ, Казань</i>) Факторы позиционирования европейских левых партий по проблеме иммиграции	145
Зиновьев А.О. (<i>СПбГУ, Санкт-Петербург</i>) Роль идей в контексте историко-философского понимания политики	146
Знаменский Д.Ю. (<i>ГУУ, Москва</i>) Государственная политика РФ в области развития научного потенциала вузов: контуры концепции.....	148
Зуляр Ю.А. (<i>ИГУ, Иркутск</i>) Оппозиционные губернаторы современной России (на примере Иркутской области)	149
Иванов В.Г. (<i>РУДН, Москва</i>) Оценка государствоведческого потенциала ведущих сравнительных межстрановых индексов	150
Иванов О.Б. (<i>Центр урегулирования социальных конфликтов, Москва</i>) Институт общественного контроля России и его потенциала в разрешении социально-политических конфликтов.....	152
Илиопулу Арети (<i>РУДН, Москва</i>) Миграционная политика Европейского Союза: вопросы сотрудничества и развития	153
Ильичева Л.Е., Комаровский В.С. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Теоретические аспекты идентичности и символической политики по отношению к историческим событиям прошлого	154
Иноземцева В.А. (<i>ПетрГУ, Петрозаводск</i>) Опорный ВУЗ в пространстве публичной политики региона: опыт Петрозаводского государственного университета.....	156
Ирхин Ю.В. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Проблемы комплексных подходов в методологии современного анализа политического	157
Исаев Б.А. (<i>ГУАП, Санкт-Петербург</i>) Великая русская революция, Октябрьская революция и политический процесс в России	159
Исаева Е.А., Соколов А.В. (<i>ЯрГУ, Ярославль</i>) Особенности организации коллективных действий в современной России.....	160
Кабанов Ю.А. (<i>НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург</i>) Развитие института электронного участия в контексте политических режимов: соотношение факторов Agency и Structure.....	162
Кавешников Н.Ю. (<i>МГИМО МИД России, Москва</i>) Европейский Союз на пороге перемен: становление системы «Центр и периферия».....	164
Казаринова Д.Б. (<i>РУДН, Москва</i>) Поиск новых подходов политико-философской рефлексии.....	165
Калашникова С.К. (<i>РУДН, Москва</i>) Эффективность политики идентичности в Санкт-Петербурге.....	167
Капицын В.М. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Контуры нового миропорядка: роль балансов сил.....	168
Каплунова Д.А. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Государство в эпоху перемен.....	169
Кардава Н.В. (<i>ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва</i>) Усиление роли киберугроз и внутренняя безопасность России	170
Карпухина К.А. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Образы стран СНГ в России	172
Каряпкина Ю.Д. (<i>Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС, Саратов</i>) Социально-демографические особенности избранных депутатов Саратовской городской Думы пятого созыва в сентябре 2016 года (анализ на уровне выборов – административный центр)	173
Касымов Р.Ш. (<i>КФУ, Казань</i>) Механизм отбора кандидатов: опыт проведения «праймериз» в России.....	174
Кенич Блаженка (<i>РУДН, Москва</i>) Интеграционные процессы в южнославянских странах в эпоху больших перемен.....	175

Ким В.И. (<i>РУДН, Москва</i>) Феномен «The Korean Wave» как политический фактор «мягкой силы» Республики Корея	177
Кинякин А.А. (<i>РУДН, Москва</i>) «Гонка интеграций» как форма взаимоотношений Евразийского экономического союза и Европейского Союза.....	178
Климова Д.Д. (<i>МГИМО МИД России, Москва</i>) Тенденции рекрутирования и ротации политического класса Франции в период Пятой республики.....	179
Ковалёв В.А. (<i>СГУ, Сыктывкар</i>) Региональная политика: проигрыш в «игре без правил»	180
Кожевников М.Н. (<i>РГСУ, Москва</i>) Молодежные спортивные организации как способ формирования патриотического воспитания	182
Козлова Н.Н. (<i>ТвГУ, Тверь</i>) Представительство женщин в региональных легислатурах РФ: опыт статистического анализа.....	183
Козлова Н.Н., Рассадин С.В. (<i>ТвГУ, Тверь</i>) Общественные палаты в публичном пространстве региона: опыт Тверской области.....	184
Кольба А.И. (<i>КубГУ, Краснодар</i>) Исследование процессов политического управления городскими конфликтами: методологические ориентиры	185
Кольба Н.В. (<i>КубГУ, Краснодар</i>) Проблемы формирования городских сообществ: политико-коммуникативный аспект	187
Комбаев А.В. (<i>Бурятский ГУ, Улан-Удэ</i>) Социально-политический портрет рабочего эмигранта в Бурятии	188
Коновалов И.Н. (<i>СГЮА, Саратов</i>) Социальные сети как мобилизационный ресурс в региональном избирательном процессе.....	190
Кононов Р.В. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Экономические аспекты Приднестровского конфликта	191
Коньков А.Е. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Пост-правда и ее эффекты для политики и политиков.....	193
Коргунюк Ю.Г. (<i>ИНИОН РАН, Москва</i>) Новые инструменты изучения электоральных размежеваний	194
Корнеева Е.М. (<i>НИУ ВШЭ, Москва</i>) Абсентеизм на парламентских выборах в регионах России	195
Королькова И.Ю. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Повышение качества образования в высшей школе как фактор политического влияния	197
Корюшкин А.И. (<i>СПбГУ, Санкт-Петербург</i>) Характеристика потенциала развития Европы через призму сопоставительного анализа европейской и американской «мечты» ...	198
Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В. (<i>ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, Ярославль</i>) Формирование гражданской идентичности и историческая память.....	199
Косов Г.В., Станкевич Г.В. (<i>ПГУ, Пятигорск</i>) Альтернативные концепции глобализации: псевдоисламский сценарий.....	200
Кочетков А.П. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) О государственной политике Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности в условиях глобализации	202
Красин Ю.А. (<i>ИС ФНИСЦ РАН, Москва</i>) Государство и общество в трансформирующемся социуме.....	203
Кротков В.О. (<i>Государственная Дума ФС РФ, Москва</i>) Теоретические подходы социально-политических изменений	205
Крымчанинова М.В. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Трансформация образов России, США и Китая в пространстве современного мира.....	206
Кузина С.И. (<i>РУДН, Москва</i>) Народная дипломатия в конфликтах на постсоветском пространстве.....	208
Кузнецова Е., Ахмадиён Комбиз Сахоби (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Особенности политики по развитию экспертного потенциала российской системы образования в современных условиях	209

Куманичкин П.С. (<i>ВГУ, Воронеж</i>) Эволюция государственной состоятельности и политических режимов в постсоциалистических странах: неопатримониальные и авторитарно-популистские тренды	210
Куренкова К.И. (<i>НИУ ВШЭ, Москва</i>) Гражданский политический протест в российском публичном дискурсе	212
Курков В.Н. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Антипатриотическая пропаганда как политическая коммуникация деструктивной антироссийской направленности.....	213
Курюкин А.С. (<i>ИС ФНИСЦ РАН, Москва</i>) Правосознание и гражданское общество	214
Кутырев Г.И. (<i>ИНИОН РАН, РГГУ, Москва</i>) Концепция гетеротопии и современные формы гражданской активности в Португалии.....	216
Кухарчук Д.В. (<i>ВАВТ МЭР РФ, Москва</i>) Социальный капитал и доверие в политическом пространстве.....	217
Кучинов А.М. (<i>ИС ФНИСЦ РАН, Москва</i>) Политика и ингибиторы политики: интеграция неоинституционализма, семиотики и дискурс-анализа.....	219
Линде А.Н. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Применение модели «идеальной речевой ситуации» и «притязаний на значимость» Ю. Хабермаса в критическом дискурс-анализе (пример удачной взаимосвязи нормативного и эмпирического уровней исследования).....	221
Лоскутов В.А. (<i>УИ РАНХиГС, Екатеринбург</i>) Революционная эпоха: сущность и признаки	222
Мадатов А.С. (<i>РУДН, Москва</i>) Гибридные политические режимы	224
Маклашова Е.Г. (<i>ИГИиПМНС СО РАН, Якутск</i>) Региональная национальная политика: проблемы интеграции мигрантов в Республике Саха (Якутия).....	225
Маковский А.А. (<i>СГЮА, Саратов</i>) Конфликтогенный потенциал государственно-конфессиональных взаимодействий в региональном политическом пространстве.....	226
Малинова О.Ю. (<i>НИУ ВШЭ, Москва</i>) Есть ли шанс на «примирение и согласие»? Анализ практики политического использования столетия Революции 1917 г. в России.....	228
Мальшева Е.М. (<i>АГУ, Майкоп</i>) Внутренние угрозы национальной экономической безопасности России.....	229
Мальцева Д.А. (<i>СПбГУ, Санкт-Петербург</i>) Риск-менеджмент в государственном управлении: стратегические сценарии.....	231
Мансуров Т.З. (<i>К(П)ФУ, Казань</i>) Политический конфликт в Сирии: особенности и противоречия его урегулирования.....	232
Мартынова М.Ю. (<i>РГСУ, Москва</i>) Россия и Китай: современный опыт регионального сотрудничества	234
Марудина Ю.А. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Персонологические исследования в Великобритании: идеи, направления, модели и методы	235
Мелконян Л.А. (<i>РУДН, Москва</i>) Специфические черты современных азиатских демократий на примере Японии	236
Мелкумян К.С. (<i>МГИМО(У) МИД РФ, Москва</i>) Противодействие финансированию терроризма как важный фактор борьбы с терроризмом в условиях «идеального шторма»...	237
Мизулин М.Ю. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Господство ненормативизма: что делать?	239
Минаева Э.Ю. (<i>ПГНИУ, Пермь</i>) Этнические региональные автономии: пространственная локализация этнических групп и проблема сегментации политического пространства	240
Мирошниченко И.В. (<i>КубГУ, Краснодар</i>) Сетевые инновации в многоуровневом публичном управлении.....	241
Мирясова О.А. (<i>ИС ФНИСЦ РАН, Москва</i>) Обретение гражданином субъектности как предпосылка формирования политического поля.....	242
Митрохина Т.Н. (<i>ССЭИ (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, Саратов</i>) Дуализм тенденций в политике	243
Михайленко В.И. (<i>УрФУ, Екатеринбург</i>) Политическое конструирование субрегиональных блоков в Центрально-Восточной Европе (на примере Польши)	245

Михайленок О.М. (<i>ИС ФНИСЦ РАН, Москва</i>) Особенности динамики социально-политических отношений в условиях становления сетевого общества	246
Михеев В.А. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Инклюзивная политика развития человеческого капитала	248
Морозова Е.В. (<i>КубГУ, Краснодар</i>) Образ другого в конструировании региональной идентичности (на примере регионов стран Южной Европы)	249
Морозова О.С. (<i>РГУ им. С.А. Есенина, Рязань</i>) Направления исследований избирательных систем и последствий электорального реформирования	251
Мун Д.В. (<i>ЮФУ, Ростов-на-Дону</i>) Россия в системе современных международных отношений: восточное направление сотрудничества	252
Мустафа Д.А. (<i>РУДН, Москва</i>) Курдский вопрос: будет ли утвердительный ответ?	253
Мчедлова М.М. (<i>РУДН/ФНИСЦ РАН, Москва</i>) Религия и современность: изменение политического метанарратива.....	255
Мышьякова Д.В. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Роль институтов гражданского общества в обновлении российской политической культуры	256
Напара А.С. (<i>РУДН, Москва</i>) Проблемы энергетического сотрудничества России и ЕС: между экономикой и политикой	257
Недяк И.Л. (<i>ИС ФНИСЦ РАН, Москва</i>) Политическое в обществе рынка: новые и/vs старые смыслы гражданских добродетелей	259
Нестерова С.В. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Восприятие образов России в сознании граждан.....	260
Нечаев Д.Н. (<i>Воронежский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, Воронеж</i>) «Новая» индустриализация как тренд промышленной политики субъектов РФ: особенности региональной стратификации экономического пространства (на примере областей ЦФО)..	262
Нечеталюк Д.В. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Революции: теоретико-методологический экскурс и текущая действительность в России	263
Никипорец-Такигава Г.Ю. (<i>Cambridge, United Kingdom, University of Cambridge; РГСУ, Москва</i>) К вопросу о Big Data в политических технологиях и профессиональных компетенциях политолога в эпоху киберинформации и киберкоммуникации.....	264
Никовская Л.И. (<i>ИС ФНИСЦ РАН, Москва</i>) Гражданское участие: растущий запрос на усиление публичности институтов взаимодействия и диалога с государством	266
Николаев И.В. (<i>ЮФН, Ростов-на-Дону</i>) Временно-официальные идеологии и их отражение в официальном дискурсе российской власти.....	267
Облезин А.А. (<i>УлГУ, Ульяновск</i>) Бюрократизация партийной системы как ограничение процессов модернизации страны (на примере регионального отделения ВПП «Единой России»).....	269
Овчарова О.Г. (<i>РГСАИ, РГГУ, Москва</i>) Глобальные рейтинги и гендерный статус государства.....	270
Оганесян А.Л. (<i>РУДН, Москва</i>) Современная китайская политологическая мысль и теория «морального реализма» Янь Сюэтуна	271
Окара А.Н. (<i>Центр восточноевропейских исследований, Москва</i>) Концепты революции и «русского бунта» в публичной политической сфере современной России	272
Онопко О.В. (<i>Донбасская юридическая академия, Донецк, Украина</i>) Интерпретации конфликта на Донбассе в политических дискурсах ДЛНР и Украины.....	273
Осипова А.В. (<i>Московский финансово-юридический университет, Москва</i>) Критерии классификации личных помощников политика	274
Павлова Т.В., Филиппова Л.Е. (<i>ИС ФНИСЦ РАН, Москва</i>), Патрушев С.В. (<i>ИС ФНИСЦ РАН / ВАВТ, Москва</i>) Институциональные проблемы конституирования политического поля в современной России.....	276
Палитай И.С. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Коммуникативный фактор формирования политических образов в массовом сознании.....	277

Панкратов С.А., Абохатем А.С.А. (<i>ВолГУ, Волгоград</i>) Условия и тенденции институционализации политических партий в Республике Йемен	278
Панов Л.Г. (<i>Империял Тобако, Москва</i>) Логика институционального поля: прагматика и методология исследования.....	280
Панов П.В. (<i>ПГНИУ, Пермь</i>) Институциональная модель Power-Sharing как механизм поддержания баланса в этнических региональных автономиях	281
Пахрутдинов Ш.И. (<i>Центральный институт повышения квалификации работников народного образования им. А. Авлоний, Ташкент, Узбекистан</i>) Опыт Узбекистана по предотвращению угроз: факторы и критерии создания угрозо-устойчивого общества	282
Пеньков В.Ф. (<i>ТГТУ, Тамбов</i>) Аксиологические аспекты политической модернизации в России.....	284
Пинюгина Е.В. (<i>ИНИОН РАН, Москва</i>) Партнерство КНР и ФРГ: новая геополитическая ось Евразии и вызовы для России.....	285
Плащинский А.А. (<i>Международный университет «МИТСО», Минск, Беларусь</i>) Парадигма нового мирового порядка: формирование и развитие.....	287
Подшибякина Т.А. (<i>ЮФУ, Ростов-на-Дону</i>) Историческая политика: стратегии коммеморации революции 1917 года в современной России	288
Помигуев И.А. (<i>ФУ при Правительстве РФ, ИНИОН РАН, Москва</i>) Политическое влияние Госдумы седьмого созыва перед президентскими выборами: ограничения и возможности роста.....	289
Попова О.В. (<i>СПбГУ, Санкт-Петербург</i>) Матрица государственной идентичности в эпоху постправды.....	291
Поцелуев С.П. (<i>ЮФУ, Ростов-на-Дону</i>) Историческая амнезия как феномен «политики постправды»	292
Прокопенко Л.Я. (<i>Институт Африки РАН, Москва</i>) Гендерный фактор в дипломатии африканских стран	294
Пустовойт Ю.А. (<i>СИУ РАНХиГС, Новосибирск</i>) Революции в тисках городского ландшафта: опыт применения макроисторического подхода для анализа событий в Петрограде в феврале 1917 г.	295
Радиков И.В. (<i>СПбГУ, Санкт-Петербург</i>) Агрессивная русофобия в современной политике давления Запада на Россию как фактор мировой политики.....	296
Ракитянский Н.М. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Ментально-политические референции Британской цивилизации	297
Расулзаде З.Л. (<i>Азербайджан, Баку</i>) Конфликты как инструменты международной политики	299
Регнацкий В.В. (<i>МПГУ, Москва</i>) Региональные особенности национально-государственной идентичности московской молодежи	299
Репьёва Я.И. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Политика в отношении отраслевых вузов на примере работы Государственной Думы ФС РФ	300
Реут О.Ч. (<i>ПГУ, Петрозаводск</i>) Регулирование избирательного ценза как функция медиа-репутации	302
Римский В.Л. (<i>Фонд ИНДЕМ, Москва</i>) Ценность стабильности и сословная организация общества как препятствия развития демократии и рыночной экономики в современной России.....	303
Рогожина К.А. (<i>АНО «Институт логики», Москва</i>) Клиентелистские механизмы рекрутирования политических элит в Российской Федерации и постсоветских государствах Центральной Азии: сравнительный анализ.....	305
Рожкова З.И. (<i>Институт философии РАН, Москва</i>) Демократия в исламских странах. Опыт Индонезии	306

Рожнева С.С. (<i>ПетрГУ, Петрозаводск</i>) Электоральная активность на муниципальных парламентских выборах как фактор выживаемости моногородов (на примере Республики Карелия)	308
Розов Н.С. (<i>ИФПР СО РАН, Новосибирск</i>) Революционные волны – следствия и причины больших перемен	309
Руденкин Д.В. (<i>УрФУ, Екатеринбург</i>) Модальность отношения россиян к И.В. Сталину в контексте электорального цикла 2016-2018 гг.	311
Рудницкая А.П. (<i>РГСУ, Москва</i>) Российско-турецкие отношения на современном этапе в ракурсе пантюркизма: геостратегия и политические риски	313
РусакOVA О.Ф. (<i>Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург</i>) Концептуальное осмысление большевизма: переход к парадигме мобильности	315
Рыхтик М.И. (<i>НИНГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород</i>) Биотехнологический фактор современного политического процесса.....	316
Рябов О.В. (<i>СПбГУ, Санкт-Петербург</i>) Политика идентичности и символические пограничники: случай «Родины-матери»	318
Рябова Т.Б. (<i>РПГУ им. Герцена, Санкт-Петербург</i>) Американская маскулинность в политике национальной идентичности современной России (на материале визуальной культуры).....	319
Рябовский Г.В., Болховитина Т.С. (<i>Брянский филиал РАНХиГС, Брянск</i>) Европейская консоциональная демократия vs российский федерализм?	320
Рябченко Н.А. (<i>КубГУ, Краснодар</i>) Трансформация политических коммуникаций в эпоху «постправды»	322
Савенков Р.В. (<i>ВГУ, Воронеж</i>) Специфика концептуальных подходов к анализу политической оппозиции в российской и зарубежной политической науке	323
Салыков Д.Н. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Новые малые партии России как продукт стратегии Президента РФ по кардинальному обновлению партийной системы современной России	324
Самарин Я.В. (<i>СПбГУ, Санкт-Петербург</i>) Новые медиа как фактор роста популистских движений	325
Самаркина И.В. (<i>КубГУ, Краснодар</i>) Европа и Россия в представлениях молодежи: семантическое пространство геополитических образов	327
Самохвалов Н.А. (<i>Балаковский филиал РАНХиГС, г. Балаково, Саратовская область</i>) Анализ ценностей молодежи России на современном этапе.....	329
Саркисян О.Л. (<i>Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван, Армения</i>) Публичная дипломатия на Южном Кавказе	331
Сащенко Н.П. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Показатели социальной напряженности и учет их в политическом управлении.....	332
Свешникова Ю.В. (<i>НИУ ВШЭ, Москва</i>) Инструменты публичной дипломатии Ирана в исламском мире и за его пределами	333
Селезнева А.В. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Представления школьников о революционных событиях 1917 года в России	334
Селиванова Е.С. (<i>ВГТУ, Воронеж</i>) Трансграничность блокчейн-технологии как вызов национальным государствам.....	335
Семененко И.С. (<i>ИМЭМО РАН, Москва</i>) Культурные контексты политики идентичности	337
Семенов А.А. (<i>ИДВ РАН, Москва</i>) Изменение принципов внешней политики и перспективы геополитических амбиций Китая	338
Семенцова И.Г. (<i>ЮФУ, Ростов-на-Дону</i>) Россия, США и Китай в новых геополитических условиях: партнеры или конкуренты?	339
Сергеева Е.В. (<i>СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов</i>) Институциональные аспекты форм политического участия граждан в интернет-пространстве на примере порталов Change.org и РОИ.....	341

Сересова У.И. (<i>АСОУ, Москва</i>) Левая идеология и социальная политика в России: революция, советский патернализм и современность.....	342
Серова А.А. (<i>НИУ ВШЭ, Москва</i>) Коррупция как фактор устойчивости авторитарных режимов современного типа	344
Сидоров В.В. (<i>КФУ, Казань</i>) Суверенитет национальных государств в условиях кризиса европейской интеграции.....	346
Слатинов В.Б. (<i>КГУ, Курск</i>) Тенденции развития института государственной гражданской службы России в условиях режимных изменений: трансформация «правил игры» для бюрократии.....	347
Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В. (<i>РУДН, Москва</i>) Государственная политика РФ в отношении образования: противоречия элементов новизны и отмирающих форм	349
Слобожникова В.С. (<i>СГЮА, Саратов</i>) Реперные точки идеологических ориентиров современной России	350
Сморгунов Л.В. (<i>СПбГУ, Санкт-Петербург</i>) Патисипаторное бюджетирование: опыт анализа российских регионов с использованием QCA	352
Смулькина Н.В. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Избирательный процесс: политико-психологический анализ	353
Соколов А.В. (<i>ЯрГУ, Ярославль</i>) Индексный анализ протестной активности в субъектах Российской Федерации	355
Соколов Н.Н. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Общественно-политическое движение современной России: приспособление к негативной политике	356
Соловьев А.И. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Эволюция национального государства: элитарная версия	357
Сонина Е.О. (<i>Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, Екатеринбург</i>) Реформа как особый вид государственных изменений: опыт реализации административной реформы в современной России.....	359
Софронов П.А. (<i>СВФУ им. М.К. Аммосова, Якутск</i>) О мерах по политической социализации коренных малочисленных народов Севера как условия устойчивого развития Арктики.....	360
Степанова Е.А. (<i>КубГУ, Краснодар</i>) Гендерный анализ медиа стереотипов в сетевом пространстве современной России.....	362
Стручалина К.А. (<i>СГЮА, Саратов</i>) Политические партии в региональном избирательном процессе (на материалах выборов 10 сентября 2017 года в Саратовской области).....	363
Сулимов К.А. (<i>ПГНИУ, Пермь</i>) Унификация и разнообразие: системы консультативно-совещательных органов в современной России.....	365
Сунь Цзыци (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Особенности трансформации и конструирования новой национально-государственной идентичности у молодежи Тайваня и Гонконга: технология, проблемы и перспективы.....	366
Суслов Е.В. (<i>МарГУ, Йошкар-Ола</i>) Государства Финно-Угорского сообщества между Европой и Россией: куда качнется маятник?.....	367
Суслов И.В. (<i>СГЮА, Саратов</i>) Доверие к гражданской идентичности: эмпирические индикаторы культурного феномена в аспекте политических исследований.....	369
Тадевоян Н.А. (<i>ЮФУ, Ростов-на-Дону</i>) Февральская революция 2017 года: исторический опыт несостоявшейся демократии.....	370
Таишева В.В. (<i>РУДН, Москва</i>) Эволюция ценностей демократии в контексте развития политического интернет-пространства.....	371
Тарасов И.Н. (<i>БФУ им. И. Канта, Калининград</i>) Когерентность интересов России и Германии в регионе Балтийского моря	373
Тарусин П.В. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Ролевой капитал как фактор лидерского отбора	374

Тезадова Д.А. (<i>КубГУ, Краснодар</i>) Государственная социальная политика и семейные стратегии «ухода и заботы» в условиях сетевой трансформации современного общества: гендерный анализ стран Европы	375
Терехов В.Ю. (<i>ПетрГУ, Петрозаводск</i>) Геополитические интересы США в Северной Европе	377
Тимофеева Л.Н. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Политические коммуникации через СМИ: почему мнения важнее фактов?.....	378
Титков А.С. (<i>НИУ ВШЭ, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Модель «советского человека» Ю. Левады: возможности для анализа и прогноза политического перехода в постсоветской России	379
Титов В.В. (<i>ООО «Медialogия», Москва</i>) Национально-государственная идентичность в современной России: от императива прошлого к метафоре «образа будущего».....	381
Толпыгина О.А. (<i>СНИУ им. С.П. Королева, Самара</i>) Политические партии и избиратель - модели идеологического взаимодействия	382
Тома Ю.П. (<i>ДГТУ, Ростов-на-Дону</i>) Патрон-клиентарные отношения в партийном менеджменте.....	384
Фазулов А.Р. (<i>КФУ, Казань</i>) Эволюция избирательной системы Российской Федерации: миф или реальность?	385
Фан И.Б. (<i>Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург</i>) Ценность жизни гражданина как основа его достоинства.....	387
Филиппов С.И. (<i>НГУ, Новосибирск</i>) Условия ответственности государственных служащих (на материале исследования военно-гражданской администрации Российской и Австрийской Империй (XVII-XIX вв.)).....	388
Фролов А.А. (<i>ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль</i>) Гражданская активность населения Ярославской области (результаты индексного исследования)	389
Фролова О.А. (<i>РВДН, Москва</i>) Мессианские идеи в политике РФ и США.....	391
Хаметов Э.Ш. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Спорт высших достижений как средство формирования национально-государственной идентичности.....	392
Хлебников И.Е. (<i>РВДН, Москва</i>) Феномен холодной гражданской войны на примере США.....	393
Хохлова Д.Д. (<i>СПбГУ, Санкт-Петербург</i>) Популизм и сатира как новые грани политического.....	395
Цветкова О.В. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Модификация субнационального политического пространства России: итоги и уроки.....	396
Чалов И.В. (<i>ТвГУ, Тверь</i>) Возвращение региональной повестки в российскую политику: причины и возможные следствия	397
Чеботарева Е.Э. (<i>СПбГУ, Санкт-Петербург</i>) Политика не революций, но инноваций: вопросы управления инновационными процессами в России	399
Черненко Е.И. (<i>ПетрГУ, Петрозаводск</i>) О динамике участия некоммерческих организаций Республики Карелия в конкурсах на предоставление президентских грантов (2013-2017).....	400
Черникова В.В. (<i>ВГУ, Воронеж</i>) Региональная идентичность как политический ресурс....	401
Чернышов Ю.Г. (<i>АлтГУ, Барнаул</i>) Конструктивизм после революций: общие и особенные черты в «нациестроительстве» постсоветских республик	403
Чес Н.А. (<i>МГИМО МИД России, Москва</i>) Политический дискурс в эпоху медиавойн: концептуальные константы и дискурсивные переменные	404
Чирикова А.Е. (<i>ИС ФНИСЦ РАН, Москва</i>), Ледяев В.Г. (<i>НИУ ВШЭ, Москва</i>) Коалиции бизнеса и власти в малых городах России.....	406
Чугунов А.В. (<i>Университет ИТМО, Санкт-Петербург</i>) Институциональная модель электронного участия в Российской Федерации.....	407

Шабров О.Ф. (<i>РАНХиГС при Президенте РФ, Москва</i>) Эпоха постмодерна: новые реалии и вызовы	410
Шапиро Н.И. (<i>НИИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва</i>) Переформатирование миссии НАТО в Афганистане: последствия для региональной безопасности	412
Шаповалов В.Л. (<i>МПГУ, Москва</i>) Российская революция 1917 года в политическом дискурсе современной России	413
Шашкова Я.Ю. (<i>АлтГУ, Барнаул</i>) Ротация региональных лидеров как элемент кадровой политики партий в РФ	414
Шведова Н.А. (<i>ИСКРАН, Москва</i>) Американки, выборы и «Трампокэр»	416
Швырков А.И. (<i>Брянский государственный технический университет, Брянск</i>) Украинские «революции»: вехи распада?.....	417
Шестакова А.А. (<i>КубГУ, Краснодар</i>) Позиционирование имиджа личности в online-социальных сетях	418
Шестопал Е.Б. (<i>МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва</i>) Психологические характеристики российского общества перед выборами 2018	420
Шингирей А.С. (<i>СПбГУ, Санкт-Петербург</i>) Взаимодействие государства и общества в рамках открытого правительства: проект индекса измерения сотрудничества	421
Шмелева О.Ю. (<i>ННГУ, Нижний Новгород</i>) Отражение опыта взаимодействия общества и власти в РФ в образе современного российского государства: проблемы и противоречия (на материалах прикладного исследования).....	422
Шпагин С.А. (<i>НИ ТГУ, Томск</i>) Динамика партийных систем в российских регионах (по материалам выборов в законодательные собрания 10 сентября 2017 г.).....	424
Шумилина Д.В. (<i>РУДН, Москва</i>) Гендерное равенство в политике Российской Федерации: инициативы, проблемы, потенциал.....	425
Шумилов А.В. (<i>ЧГПУ, Чебоксары</i>) Молодежная политика и новое поколение: поиски инновационного развития	427
Щеглова Д.В. (<i>ВГУ, Воронеж</i>) Современный политический протест и этический запрос к политическим элитам в условиях постправды.....	428
Щенина О.Г. (<i>Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва</i>) Коммуникативная составляющая политических отношений в сетевом обществе.....	429
Щербинин А.И. (<i>НИ ТГУ, Томск</i>) Революция и символические проблемы «длинной памяти»....	431
Щербинина Н.Г. (<i>НИ ТГУ, Томск</i>) Мифо-героическое конструирование победившей революции.....	432
Юрченко И.В. (<i>КубГУ, Краснодар</i>) Конфликтогенные факторы политического участия в период нового избирательного цикла.....	434
Ягодка Н.Н. (<i>РУДН, Москва</i>) Особенности участия российской молодежи в современных гражданских и социальных практиках.....	435
Якимец В.Н. (<i>ИППИ РАН, Москва</i>) Оценка развитости механизмов господдержки социальных предпринимателей в субъектах РФ	437
Ямалова Э.Н. (<i>БГУ, Уфа</i>) Особенности демократии в постсоветских государствах Балтии	438
Ячменник К.В. (<i>КубГУ, Краснодар</i>) Трансформация акторов локальной политики в пространстве сетевого фронта	439
Aleksanyan A.S. (<i>YSU, Yerevan, Armenia</i>) Trade Unions as an Instrument for the Development of Eurasian Public Diplomacy	440
Tsygankov, Andrei P. (<i>San Francisco State University, San Francisco, USA</i>) The World Order Transition: Russia, The United States, and the fragmented rivalry	441

ВВЕДЕНИЕ

Название Всероссийской конференции РАПН 2017 г. «Время больших перемен: политика и политики». И оно не случайно. На конгрессе МАПН в 2016 году в Польше мы обсуждали возможные варианты названия конференции. Тогда основной линией убеждения служили два обстоятельства. Во-первых, приближался год столетия Февральской и Октябрьской революций в России 1917 г. И эти события не могли не быть отмечены российскими политологами. Какие бы сегодня интерпретации не получали великие русские революции, но их время – это было время больших перемен как в истории России, так и в мире в целом. Второе соображение касалось сегодняшнего дня. Было очевидно, что и сегодня мир переживает какие-то политические трансформации, которые ведут к новому качеству развития отдельных стран и к новому мировому порядку. Разрушение Советского Союза в 1991 г. завершает предыдущую эпоху политических изменений, и начинается новый этап в развитии России и мира. Вперед выходит Европейское объединение, которому придавалось большое значение и с ним связывалось интеграционное развитие. Однако сегодня Европейский Союз переживает не лучшие времена. Брексит, Каталонское движение за независимость, усиление стремления к суверенному развитию отдельных государств ставят новые дополнительные вопросы и порождают вызовы. Китай становится экономической и политической силой, не учитывать которую уже никто не может. США находится в поиске своей новой роли в мировых процессах. Развивается Восток и Юг. Россия становится все более значимым игроком на мировой арене, выстраивая новые союзы и определяя новые приоритеты. В техническом смысле все это базируется на новых небывалых сетевых технологиях второго, третьего и четвертого поколений. В общем, мир находится в движении, порождающем многие вызовы технологического, экономического, социального, политического, экологического и культурного порядков. В этом отношении время больших перемен требует новой политики и современных политиков. Цель конференции РАПН – проанализировать соотношение мировых и национальных тенденций в условиях значительных разломов и вызовов, поставленных перед политикой и политиками; в 100-летний юбилей Февральской и Октябрьской революций в России выявить перспективы создания новых политических концепций и теорий макроуровня; рассмотреть проблемы политического развития России в условиях новых мировых реалий.

Она организована по основным темам:

- ✓ 100-летие Февральской и Октябрьской революций и современный мир
- ✓ Политика и политическое в эпоху больших перемен
- ✓ Политики эпохи больших перемен
- ✓ Макроисторические концепции и теории
- ✓ Россия накануне президентских выборов
- ✓ Тенденции развития Европы
- ✓ Россия, Китай, США и контуры нового мирового порядка
- ✓ Центры растущих мировых политических конфликтов
- ✓ Политика и культура

В ее организации также принимают участие исследовательские комитеты РАПН:

ИК по гендерной политологии

ИК по институциональным исследованиям

ИК по изучению мировой политики

ИК по политической психологии

ИК по политической социологии

ИК по политической элитологии

ИК по проблемам прав человека

ИК по сравнительной политологии

ИК по гражданскому обществу, конфликтам и публичной политике

ИК по публичной политике и управлению
ИК по изучению идей и идеологий в публичной сфере
ИК по политической регионалистике
ИК «Информационные технологии в политике»
ИК по политическому управлению
ИК по геополитике и безопасности
ИК по политической коммуникативистике
ИК по сравнительному изучению партийных и избирательных систем
ИК по политической идентичности
ИК по политической концептологии
ИК по государству, бизнесу и гражданскому обществу
ИК по политическому анализу
ИК по публичной дипломатии

На конференцию РАПН 2017 г. поступило более 300 заявок, которые были рассмотрены Экспертным комитетом РАПН и Программным комитетом конференции. В результате были отобраны доклады для участия и материалы для публикации в нынешнем сборнике материалов. На конференции представлены все региональные отделения РАПН, ученые из академических институтов РАН, ведущих университетов России и научных политологических школ. В программу конференции включены иностранные специалисты из ряда стран ближнего и дальнего зарубежья. Надеемся, что программа конференции позволит плодотворно обсудить намеченные темы и проблемы и сформулировать новые подходы и решения.

Редакторы сборника

МИГРАЦИОННЫЙ ВОПРОС КАК ФАКТОР СИСТЕМНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ВЛИЯНИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ

Развитие европейских и евразийских интеграционных процессов стимулирует расширение миграционных потоков. В настоящее время миграционные потоки очень подвижны, динамичны, и законодательство, естественно, не может так быстро подстраиваться за ними особенно в части обеспечения социального блока. Эти задачи встают особенно остро, учитывая сегодняшнее стабильное увеличение миграционных потоков. Также, учитывая особенности мигрантов, существует опасность их криминализации, многие могут стать жертвами нелегальной миграции, торговли людьми, использования рабского труда и прочей эксплуатации.¹

В XXI веке миграция становится рычагом регулирования многих процессов политики, экономики, демографии, культурного обмена и т.д. По мере углубления миграционных процессов все более отчетливой становится проблема общественного и политического участия мигрантов. Наиболее распространенной формой политического участия мигрантов является организация по их инициативе различных сообществ на религиозной и этнической основе, которые борются за свои политические права и ведут к формированию общественных организаций, а иногда и политических партий (или их подобий).

Политическая транснациональная деятельность мигрантов также часто приводит к политическим трансформациям как в отдающей, так и принимающей стране. Трансмигранты могут объединяться в различные сообщества на территории государства пребывания с тем, чтобы оказывать влияние на страну происхождения. Правительства стран происхождения, в свою очередь, нередко пытается использовать сообщества мигрантов, в качестве источника защиты их интересов и определенного влияния на страну их пребывания.

Формирование влиятельных диаспор мигрантами, их политическая деятельность вместе с обособленным развитием этнических меньшинств, в том или ином виде приводят к росту ксенофобии и национализма среди местного населения. Миграция, как фактор общественно-политических трансформаций, может стать катализатором не только конструктивных, но и деструктивных процессов. Все это ведет к необходимости создания новых форм миграционной политики.

По степени значимости для государства миграция играет в России большую роль. Исключительно важным представляется определение правильного пути дальнейшего управления миграцией и использования ее для целей государства. Необходимо, чтобы политика по координации миграционных потоков РФ включала в себя принятие мер по таким направлениям, как:

- иммиграционная политика, касающаяся вопросов предоставления права на постоянное место жительства, предупреждения и устранения нелегальной иммиграции;
- политика натурализации, связанная с четкой процедурой предоставления гражданства легальным мигрантам;
- политика социокультурной и политической интеграции, включение иммигрантов в жизнь страны;
- государственный контроль над общественно-политической деятельностью мигрантов – иностранных граждан, осуществляемый в строгом соответствии с законом и исключающий превышение полномочий и злоупотребления со стороны ответственных государственных органов.

¹ Абидов Т.М., Додиев Ф.Д., Сянькова М.А. Эффективная политика и государственное управление. Проект государственно-частного партнерства / Миграция и Россия. М., 2011. С.4.

Для эффективного регулирования миграционных потоков в РФ в соответствии с вышеуказанными основными направлениями необходимо принять комплекс мер, направленных на:

- предупреждение неконтролируемых миграционных потоков и негативных последствий, вызванных ими;
- организацию добровольного возвращения мигрантов;
- приведение к европейскому уровню систем миграционного контроля на территории регионов страны.²

Крайне важно определить верный подход к разработке стратегии миграционной политики и практического диалога между странами назначения и происхождения мигрантов, что обеспечит качественный сдвиг в характере миграционной политики от реактивного и ситуативного к проактивному и перспективному. Эффективная миграционная политика должна быть многоуровневой, включающей и регулирование трудовой миграции, и адаптацию культурно и ментально близких мигрантов, и предотвращение незаконной миграции, и борьбу с нелегальной продажей мигрантов, и другие меры.

Создание условий, в соответствии с которыми миграция станет организованной, эффективной и управляемой полностью на основе закона – важнейший вопрос, стоящий как перед мировым сообществом в целом, так и перед Российской Федерацией.

Авдонин В.С. (ИНИОН РАН, Москва)

О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ И СУБНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

К исследованиям региональной и субнациональной политики, как правило, относят исследования политических явлений и процессов, связанных с политико-административным территориальным делением внутри государства. Прежде всего, в них включают политику, связанную с относительно крупными территориальными единицами внутригосударственного деления (региональный уровень), а также политику, имеющую место в меньших территориальных единицах, входящих, как правило, в состав более крупных (местный, локальный или субрегиональный уровень).

В дискуссиях, посвященных этому полю исследований, можно отметить ряд проблем, на которые обращают внимание авторы. В теоретико-методологическом плане одной из таких проблем является определение статуса политики на региональном/ субнациональном уровне. Исторически она восходит к дискуссии «универсалистов» и «коммунитаристов» в области политической теории. Первые связывали политику с «обществом» как развитой системой, обладающей структурно-функциональной дифференциацией. Вторые – с «сообществами», представляющими собой менее развитый, дифференцированный и структурированный тип социальности. Здесь возникал вопрос о сходстве и различии политики в условиях этих разных типов социальности. На методологическом уровне это появлялось, в частности, в приоритетах исследовательского интереса: в первом случае – к структурно-функциональным аспектам политики и соответствующим методам, во втором – к процессуальным (действиям акторов).

В региональных и субнациональных исследованиях политики эта проблематика имеет теоретико-методологические последствия. В частности, в снижении либо повышении статуса этой политики (или ее сближению либо разграничению) по отношению к центральному/общенациональному уровню, а также в приоритетности интересов и методов

² Чекан Т.А. Миграция как фактор политических трансформаций в Европейском Союзе <http://www.dissercat.com/content/migratsiya-kak-faktor-politicheskikh-transformatsii-v-evropeiskom-soyuze>
<http://www.dissercat.com/content/migratsiya-kak-faktor-politicheskikh-transformatsii-v-evropeiskom-soyuze>

исследования (соответственно системность/структурность – процессуальность/акторность). Понятно, что в практике исследований эти дихотомии не реализуются в виде жестких схем, а проявляются как тенденции, связанные, прежде всего, с целями и задачами самих исследователей. Тем не менее, на больших массивах работ можно отследить не только наличие, но и усиление либо ослабление соответствующих тенденций. В российской политической регионалистике, например, в 1990-2000 гг. ряд авторов предлагали использовать понятие «политический регион», позволяющее некоторым образом концептуализировать и интегрировать поле региональных политических исследований. При этом его трактовка, как правило, показывала отчетливую связь с системной и структурно-функциональной традицией анализа политики. И это способствовало развитию различных направлений региональных политических исследований.

В конце 2000-х и, особенно, в 2010-е годы в исследованиях региональной и субнациональной политики все более заметной становится тенденция к распространению акторных подходов. В них политика связывается уже не столько с наличием системно-структурных компонентов, сколько с формированием и взаимодействием политических акторов. На методологическом уровне это может вести к более активному использованию конструктивистских и неоинституциональных методов, ориентированных на изучение акторов, их генезиса и взаимодействий.

Для характеристики этих тенденций в поле регионально-политических и локально-политических исследований было предложено использовать концепт «субнациональная политика» (Туровский). В основном это означает перенос акцента на изучение субнациональных политических акторов (т.е. акторов, деятельность которых ограничивается преимущественно региональным или локальным масштабом) и их взаимодействий как друг с другом, так и с политическими акторами других уровней, прежде всего, общенационального. При этом для субнациональной политики сохраняют все свое значение также и разнообразные характеристики (пространственно-территориальные, социально-экономические, историко-культурные и т.д.) той среды, в которой она возникает и функционирует.

Применяя концепт «субнациональная политика» к области методологии региональных и локальных политических исследований в России, можно условно выделить в нем три направления: институциональное, неоинституциональное и конструктивистское. Первое делает упор на изучение акторов в контексте формальной политической институционализации отношений центра, регионов и субрегиональных образований в рамках традиционных концептов федерализма и местного самоуправления. Второе – сквозь призму взаимосвязи формальных и неформальных институтов в деятельности субнациональных политических акторов. Третье – сквозь призму генезиса субнациональных акторов посредством становления и политизации идентичностей различных видов субнациональных сообществ.

Методологические различия находят проявление и в тематических направлениях российских исследований региональной и субнациональной политики. В последние годы здесь наметилось ослабление внимания к ряду их традиционных тематик (федерализм, органы власти, партии, выборы, элиты, местное самоуправление, политические режимы в регионах и др.) и усиление внимания к другим темам (этничность и этническая, региональная/местная идентичность, символическая политика и политика памяти в регионах, конфессиональные процессы и др.). Впрочем, также очевидно, что на эти сдвиги влияет не только развитие методологической базы исследований, но и экстраординарные факторы, в целом неблагоприятные для региональной и субнациональной политики в России.

Авксентьев В.А. (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)
**ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ:
ФОРМИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ³**

Активное обращение российских политиков и общественных деятелей к проблемам, концептуализируемым в научном дискурсе с помощью понятия «идентичность», свидетельствует о формировании относительно нового для российского политического процесса направления – политики идентичности. Понятие «политика идентичности» недавно вошло в российский научный оборот. В зарубежной литературе и политическом лексиконе этот концепт присутствует несколько десятилетий (identity politics, identitarian politics): политика идентичности включает в себя не только формирование общегражданской идентичности, чему уделяется значительное внимание в полиэтничных странах, но и интегративную политику в отношении различных меньшинств, например, сексуальных. Тем не менее, ядром современной политики идентичности во всем мире является формирование интегрированного в этнокультурном плане общества.

В российском политическом дискурсе проблемы идентичности прочно увязаны с этническим и конфессиональным многообразием. Однако концептуальные представления о российской идентичности остаются противоречивыми. Ярким свидетельством этого стали выдвижение, поддержка политическим руководством страны и последовавшая за этим дискуссия о законе о российской нации. Отдельными представителями политической элиты и научно-экспертного сообщества, «лидерами мнений» высказываются сомнения в необходимости общероссийской надэтнической идентичности.

Политика идентичности в современной России реализуется как бы «по умолчанию» – официально она нигде не провозглашена и концептуально не оформлена, но существуют нормативные документы, через которые государство воздействует на развитие российской идентичности, например, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. и соответствующие программы.

Политика идентичности должна включать в себя как меры по стимулированию определенных действий тех или иных групп граждан, создающих позитивную ассоциативную связь между ними и символами (маркерами) идентичности, так и технологии, направленные на противодействие деконструкции уже достигнутого единства общества. Это направление в формирующейся политике идентичности в России представлено значительно слабее. В публичном дискурсе прослеживаются негативные тенденции, препятствующие дальнейшему укреплению российской идентичности. Основными «мишенями» в российской идентичности стали российская государственность, армия, православная церковь, а также спорт. В то же время почти сошло «на нет» манипулирование таким событием, как воссоединение Крыма с Россией.

Инструментарий политики идентичности формируется относительно к арсеналу «мягкой силы». К настоящему времени Россия в значительной степени овладела технологиями «мягкой силы», направленными как вовне, так и внутрь российского общества. В 2016 г. Россия была впервые включена британским PR-агентством Portland в ежегодный рейтинг «The Soft Power 30», в котором заняла 27-ю строчку, а в 2017 г. – 26-ю⁴. Запад обеспокоен деятельностью России в гуманитарной сфере, некоторые авторы даже говорят о «позиции жертвы», которую занял Запад в проводимой Россией «информационной войне». Однако Россия не отказывалась от демократических ценностей, более того, часть из них закреплена в конституции страны. Ценности либеральной демократии во многом дискредитированы самими западными политиками; успех России заключается в том, что она показала их

³ Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, грант №16-03-00038

⁴ The Soft Power 30. 2017 Overview. // <http://softpower30.portland-communications.com/country/russian-federation/>

инструментальный характер, раскрыла двуличие политики Запада в аксиологической сфере и несоответствие содержания самих ценностей и методов их распространения.

Наиболее слабая сторона российской политики идентичности – разработка альтернативного позитивного образа общественного устройства. Некоторое движение в этом направлении осуществляется, наиболее значимая из выдвинутых идей – «русский мир». Среди российских экспертов бытует преимущественно скептическое отношение к «русскому миру», западные эксперты более взвешенно оценивают потенциал этой идеи, рассматривая ее как мощный инструмент распространения гуманитарного влияния России. Идея «русского мира» слабо концептуализирована, однако в этом заключается ее определенное преимущество: она может набирать сторонников на самых разных основаниях: этнокультурные связи, русский язык, классическая русская культура и др. Главный ограничитель этой идеи – ее неуниверсалистский характер, заложенный в самом названии.

Другое концептуальное направление российской политики идентичности – консерватизм – имеет, несомненно, более глобальный характер, и способно привлечь немало сторонников и в стране, и в мире, однако действительно привлекательным может быть проект, обращенный в будущее. Именно отсутствие такого проекта общественного устройства, который мог бы быть воспринят общественным мнением как внутри страны, так и за ее пределами, является главной проблемой политики идентичности в России. Все имеющиеся в настоящее время варианты имеют ограниченный характер, могут быть включены в эту политику в качестве дополняющих, но не основных концептов.

Авцинова Г.И. (РГСУ, Москва)

ПОПУЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Динамизм и противоречивость развития современного мира актуализировали проблематику популизма, со всей очевидностью демонстрируя его рост на уровне политики лидеров и целых государств. Популизм оказывает непосредственное воздействие на выбор социальных ориентиров, формы политического участия, способы демонстрации властных притязаний, осуществления гражданских функций, темп и характер политических модификаций, усиливая социальную плату, усугубляя социальные издержки.

Анализ содержания понятия «популизм» позволяет выявить следующие его основные трактовки. Чаще всего популизм трактуется как деятельность, направленная на завоевание народной популярности ценой демагогии и необоснованных обещаний; как разновидность политической культуры и стиля поведения, апеллирующих к настроениям и нуждам масс. По мнению автора, более эффективным является подход к популизму как политической технологии. Как считают его сторонники, совокупность сознательно и последовательно применяемых популистских приемов и способов деятельности направлены на максимальное достижение конкретной цели при минимальных затратах в кратчайшие сроки. Как совокупность определенных знаний и умений, обеспечивающих лидеру решение задачи достижения максимальной популярности у электората. популизм опирается на следующие приемы: прямая апелляция к народу, опора на массовые настроения, демагогия, манипулирование общественным мнением, беспочвенные обещания, использование стереотипов и мифов в непосредственном общении с народом, простота и примитивизм предлагаемых мер решения злободневных проблем, сомнительная легитимность решений и действий и др. Лидер, применяющий технологию популизма, ориентируется на наиболее обездоленные слои, демонстрирует нигилистическое отношение к иным суждениям, мнениям и действиям. нередко к прошлому опыту, публично оценивая их как полностью негативные, не способные адекватно решить проблемы в кратчайшие сроки.

Для него характерны: идейно-политическая ограниченность. применение идеологических клеше, лесть толпе. схематизм, фрагментарность, односторонность,

предвзятость в оценке факторов, камуфлирование истинных политических намерений, недооценка или игнорирование разнородных, но взаимосвязанных явлений, реально воздействующих на ход и исход событий. Являясь сопутствующим компонентом демократии, популизм облегчает приход к власти лидеров, продолжающих транслировать технологии выборной конкуренции там, где необходимо консолидированное решение проблем, внося дисфункции и хаос, создавая у населения иллюзию своей оппозиционности действующей власти или ее отдельным представителям. В современных условиях особо опасна эксплуатация популистами национальных чувств для реализации имперских планов. Вместе с тем, на наш взгляд, не корректно относить популизм полностью к «черным», нелегитимным технологиям или антитехнологиям. Его активизация сигнализирует властвующей элите о степени неблагополучия общественно-политической среды, усиливает конкуренцию претендентов на власть, является своеобразным каналом «выхода» накопившегося недовольства масс и разрядки социальной напряженности, через давление на политические институты популизм стимулирует власть на принятие первоочередных политических решений, заставляет властвующую элиту решать реальные проблемы и др.

Фронтальная перестройка системы международных отношений, крах глобализационных ценностей, высокий уровень ответственности политических лидеров за последствия принимаемых решений и действий актуализируют задачу нейтрализации крайних проявлений политического популизма, ограничения его воздействия на политическую жизнь. Как свидетельствует исторический опыт и современная политическая практика, радикальный популизм легко перерастает в экстремизм, революционаризм, терроризм и др. Недопустимы как романтизация, героизация, идеализация и популяризация в СМИ популизма, так и игнорирование, недооценка его опасности. Популизм был и остается необъемлемым атрибутом современной внутренней и внешней политики всех стран. Более того, эта технология работает только в случае функционирования в политической системе демократических институтов и процедур, учитывающих, в том числе, мнения и оценки народа. Повышение благосостояния народа, совершенствование законодательной базы, устойчивость экономической и политической систем правления, легитимность власти, обоснованность принимаемых решений, просвещение народа, повышение уровня политической и правовой культуры властвующей элиты и граждан, совершенствование механизмов народовластия и другие меры способны подорвать позиции популистов, нейтрализовать их воздействие на население, противодействовать политическому манипулированию.

Агазаде Мирмехти Миркамил оглы
(РУДН, Москва)

АЗЕРБАЙДЖАН И ИРАН: ВОПРОСЫ, СДЕРЖИВАЮЩИЕ УЛУЧШЕНИЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

После распада Советского Союза в 1991 году, были созданы условия для реализации новой региональной политики на Южном Кавказе и Иран в первую очередь начал устанавливать дипломатические отношения с новыми независимыми государствами Южного Кавказа. Исламская Республика Иран признала независимость Азербайджана 25 декабря 1991 г.⁵. Дипломатические отношения между двумя странами были установлены 12 марта 1992 г.⁶. Однако политические отношения между двумя странами не были всегда удовлетворительными. Нагорно-карабахский конфликт, правовой статус Каспийского моря,

⁵ Azerbaijan-Iran relations - http://www.mfa.gov.az/files/file/Azerbaijan_-_Iran_relations_18.09.2014.pdf

⁶ Там же.

вопрос иранских азербайджанцев и другие сюжеты напрямую повлияли на отношения и даже иногда приводили к их резкому ухудшению.

Одна из серьезных проблем в отношениях между двумя странами связана со статусом Каспийского моря. Статус Каспийского моря регулировался договорами, которые были подписаны между Ираном и СССР в 1921 и 1940 гг.⁷. После распада Советского Союза возросла актуальность вопроса о «статусе». Из-за распада Советского Союза количество прикаспийских стран выросло от двух (СССР и Иран) до пяти (Россия, Иран, Азербайджан, Казахстан и Туркменистан). Хотя статус Каспийского моря еще не определен, Россия, Азербайджан и Казахстан, и Казахстан с Туркменистаном определили морскую границу между собой. Между Азербайджаном и Казахстаном 29 ноября 2001 г. и 28 февраля 2003 г. были подписаны договоры «Соглашение между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой о разграничении дна Каспийского моря⁸». А 14 мая 2003 г. было подписано соглашение между Азербайджаном, Казахстаном и Россией, определяющее точку стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря⁹. А между Казахстаном и Туркменистаном подписано «Соглашение между Республикой Казахстан и Туркменистаном о разграничении дна Каспийского моря¹⁰» 2 декабря 2014 года.

Азербайджан — сторонник раздела дна и поверхности Каспийского моря по средней линии на 5 секторов согласно международным конвенциям и создания внутренних национальных секторов на расстоянии 25 морских миль.

Баку выступает за превращение всего Каспийского региона «из моря проблем» в зону мирного добрососедского сотрудничества с учетом национальных интересов каждого прикаспийского государства.

А что касается Ирана, Тегеран не согласен на 13-процентный сектор Каспия и выступает с двумя предложениями: либо он сторонник раздела Каспийского моря на основании «принципа равенства», т.е. на 5 равных частей, либо ничего не делить и совместно использовать всю акваторию.

Азербайджано-иранские отношения в Каспийском регионе носит двойственный характер. С одной стороны, неопределенный статус Каспийского моря, который в любой момент может стать поводом для напряженности, а с другой стороны – стратегически выгодное расположение на Шелковом пути и на пересечении транзитных путей на отрезке Север-Юг, а также обладание богатыми природными запасами, увеличивают важность Азербайджана и Ирана. С этой точки зрения, можно сказать, что азербайджано-иранские отношения влияют не только на регион, но и на происходящие глобальные процессы.

Вопрос азербайджанцев в Иране - еще один вопрос, который влияет на отношения между двумя странами. Восстановление независимости Азербайджанской Республики вновь вызвало рост национализма в Иранском Азербайджане. Актуализация идеи "Единый Азербайджан" является одной из серьезных проблем иранской стороны, что, в свою очередь, заставляет Иран быть осторожным в политике, проводимой против Азербайджана.

Таким образом, представляется возможность сделать вывод о том, что хотя вышеупомянутые вопросы могут иногда вызывать напряжение в отношениях, негативно сказываться на темпах развития экономических и торговых отношений, но руководство двух стран всегда пытается сохранить конструктивные и дружественные отношения между Азербайджаном и Ираном.

⁷ Правовой статус Каспия. -

http://www.iran.ru/news/analytics/82150/Pravovoy_status_Kaspiya_resurs_ili_barer_v_mezhregionalnom_sotrudniches_tve

⁸ Соглашение. - http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3996

⁹ Соглашение. - http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1688

¹⁰ - О ратификации Соглашения. -

https://tengrinews.kz/zakon/parlament_respubliki_kazahstan/mejdunapodnyie_otnosheniya_respubliki_kazahstan/id-Z150000335/

РЕВОЛЮЦИЯ: ЗАПРОС НА ГЕНДЕРНОЕ РАВНОПРАВИЕ В ПОЛЕ ПОЛИТИКИ¹¹

Постановка вопроса о равноправии женщин в поле российской политики восходит к революционным дням октября 1905 года, когда под нажимом общества на свет появился Высочайший манифест Николая II, провозгласивший, что в стране вводится новый конституционный порядок и, как орган народного представительства, созывается Государственная Дума. Опубликованный 11 декабря 1905 года закон о порядке выборов в Думу предоставил избирательные права только мужчинам. Женщины оказались исключенными из категории лиц, обладающих политическими полномочиями. И с помощью разветвленной сети своих организаций стали добиваться таких полномочий. Во многом благодаря их активности начало революционного процесса 1917 г. ознаменовала многотысячная манифестация женщин, требовавших не только «хлеба» и «возвращения мужей» с войны, но и предоставления им «права голоса». Акции в поддержку требований женского равноправия были столь мощными, что в «Официальное положение о выборах в Учредительное собрание», утвержденное Временным правительством 20 июля и вступившее в силу 11 сентября 1917 года, вошла норма, устанавливавшая, что Учредительное собрание будет избрано на основе «всеобщего, без различия пола, и равного избирательного права». Таким образом, Февральская революция официально признала равноправие женщин одним из принципов функционирования российской политики. После Октябрьских событий советская власть подтвердила верность этому принципу. Эти факты означали, что в поле политики произошла гендерная реконструкция, его институциональный передел: в это поле, нарушая тысячелетнюю мужскую монополию на власть, закон допустил женщин. Такой передел на заре XX века происходил по всему миру. Россия вступила на этот путь одной из первых. Впереди нее оказались только три страны: Новая Зеландия, которая предоставила своим гражданкам право голоса в 1893 г., Австралия – в 1896 г., Дания – в 1915 г.

Российский случай типичен для истории борьбы за женское равноправие. Начиная с эпохи великих буржуазных революций и вплоть до наших дней, процесс слома традиционных гендерных логик в политике, как правило, приходится на периоды революционных потрясений. Алгоритм процесса примерно одинаков для разных стран и разных культур: на волне массовых выступлений женщины заявляют о своих претензиях на право «голоса» в поле политики. Первая реакция среды практически всегда отрицательная. Почему? Ответ на этот вопрос предельно точно сформулировал Р. Дарендорф: «Долгое время *аристотелевское* положение о том, что женщины «по природе», может быть и не люди второго сорта, но все же должны находиться у домашнего очага, а не на рыночной площади гражданской жизни, господствовало в государственной философии. Движение суфражисток привязало требование гражданских прав к вопросу об избирательном праве и в конце концов... добилось успеха в большинстве развитых стран. Однако дискриминация, превращающая женщин в «граждан второго класса», сохраняется до сих пор»¹².

Современная политика во многом воспроизводит это «онтологическое» свойство – она является «естественной» средой в основном для лиц мужского пола. Более того, само это поле очерчивается путем означивания женщин как некоего «чужого» в его пространстве: «сфера политики выстраивает себя через производство и натурализацию «до- и «не-политического». Речь идет о производстве конститутивного внешнего, некоей границы

¹¹ Подготовлено в рамках проекта РФФИ «Конструирование политического поля в России: институциональный анализ», № 17-03-00446а.

¹² Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политической свободы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 52.

политического. К ней по традиции относят все приватное (семья, сфера репродукции, вообще «феминное»), которое рассматривается как «до-политическое»¹³.

Тем не менее, импульс, заданный требованиями переформатировать политическое поле с учетом гендерного фактора, пусть медленно, но срабатывает. Так, в период с 1999 по 2015 г. число женщин в парламентах мира практически удвоилось, в целом оно составляет уже более 20%. Эксперты ВЭФ (Давос) подсчитали, что при нынешних темпах перемен для преодоления "гендерного разрыва" во всех странах мира потребуется около 80-ти лет.

По оценке Межпарламентского союза по представительству женщин в органах законодательной власти Россия занимает лишь 132 место в мире. Более того, даже женщины-парламентарии, с трудом получившие депутатский мандат, всерьез сомневаются в правомочности самой темы гендерного равноправия. А в общественных дискуссиях разговор о правах женщин очень быстро сводится либо к проблеме материнства и детства в духе биологического редукционизма, либо к проблеме «секса». И практически никто из политиков не ставит вопрос о гендерной повестке дня, включая законы о гендерной дискриминации, в том числе в поле политики, о насилии над женщинами и др. Что это, обратный виток отечественной истории? XX век начинался для русских женщин как век эмансипации. Эмансипации трудной, сложной, не завершенной. Оборвет ли XXI век этот процесс? Вопрос открытый.

Алексеев Д.В. (НИУ ВШЭ, Москва)

РОЛЬ ТЕКСТОВ В КОНСТРУИРОВАНИИ И РАСПАДЕ ПЕРСОНАЛИСТСКИХ РЕЖИМОВ

Авторитарные и персоналистские режимы имеют в мире довольно широкое распространение. По данным исследований, к 2009 г. зафиксировано 303 диктатуры, из которых 237 существовали более года¹⁴. Две трети из них капитулировали перед новым государственным переворотом и есть все основания полагать, что большинство из них были именно персоналистскими режимами¹⁵. Среди причин краха авторитарных режимов также называются иностранная интервенция, смерть лидера, транзит к демократии. Однако едва ли эта совокупность причин является исчерпывающей.

Очевидно, что процесс разложения персоналистских режимов растянут во времени, ибо он не ограничивается самим фактом революции или военного вмешательства. В то же время, часто сложно отследить начальную точку деконсолидации, а также периода застоя, когда новые институты уже построены, а должный уровень политического, экономического и социального развития не достигнут. Предположим, что некоторые предпосылки краха режима можно увидеть еще в период его консолидации. Они могут быть скрыты, в том числе, и в текстах, которые автор настоящего исследования называет программными.

Программные тексты – это такие тексты, в которых закреплены важнейшие принципы организации государства нового порядка, а также базовые ценности и характеристики политической, экономической и социальных сфер в рамках системы, которая будет создана впоследствии. Важной их особенностью является то, что их автором является сам лидер режима. Это обстоятельство делает их очень важным политическим фактором, в случае приложения определенных усилий со стороны вождя по воплощению в жизнь программного текста: он становится своеобразным перформативом, предписанием, который обязателен к

¹³ Батлер Дж. Случайно сложившиеся основания. // Введение в гендерные исследования. Часть II. Харьков –СПб.: Алетейя, 2001. С. 256.

¹⁴ Svolik M. Power Sharing and Leadership Dynamics in Authoritarian Regimes. // American Journal of Political Science. - Vol. 53. - No. 2. - April 2009. - P. 477–494.

¹⁵ Харитоновна О.Г. Недемократические политические режимы. // Политическая наука. 2012. №3. С. 9 – 30.

исполнению. Очевидно, что это свойство «программы действий» утрачивается, если лидер отказывается следовать собственному плану.

Влияние программных текстов на конструирование и крах персоналистских режимов было рассмотрено на примере трех кейсов: Третий Рейх, Ливийская Джамахирия и Советское государство. В результате проведения дискурс-анализа текстов и сопоставления результатов анализа с историческим событийным рядом был выделен ряд ключевых функций программных текстов. Отметим, что вышеуказанные функции могут по-разному проявляться в различных программных текстах и исторических контекстах. Вот некоторые из этих функций:

1. Изложение биографии и жизненного пути;
2. донесение базовых принципов по устройству «общества будущего» до людей;
3. критика других государств и режимов;
4. перформативность (совокупность перформативных высказываний, вызывающих перформативные действия).

Особое значение имеет функция перформативности. Именно за счет нее достигается функциональность программных текстов. Однако данная функция реализуется исключительно путем приложения усилий со стороны лидера режима. Таким образом, лидер режима становится «воплощенным» перформативом, если реализует на практике те идеи, которые были закреплены в программных текстах. Однако существуют и обратные примеры, когда лидер сознательно отказывается от воплощения программного текста в пользу удержания власти любой ценой. Именно так и произошло в Ливийской Джамахирии в 1990-е годы.

Для функционирования программных текстов большое значение имеют исторические контексты. В зависимости от них, тексты могут способствовать как конструированию режима, так и его краху. Например, в первые годы существования Третьего рейха, «Майн Кампф» положительно влияла на гитлеровский режим. Лидер прилагал определенные усилия по его реализации: установление жесткой вертикали власти, упразднение Рейхстага, гонения на евреев, пропаганда нацизма и др. До начала Второй мировой войны фюрер прилагал усилия по воплощению программного текста, и они были эффективны, так как способствовали консолидации народа и государства. Однако с начала Второй мировой войны программный текст, который ранее положительно влиял на конституирование режима, стал в свою очередь способствовать его краху.

В целом, программные тексты, при условии воплощения их лидером, оказывают сильное влияние на персоналистские режимы. Большое влияние программных текстов на конструирование и крах персоналистских режимов подчеркивает, что лидеры по большей части стремятся реализовывать программные тексты, однако иногда это может приводить к отрицательным результатам. Проблема влияния текста на государства и режимы (персоналистские в частности) нуждается в дальнейшем всестороннем исследовании.

Алексеева Е.С. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)
**МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ И ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ
ОРИЕНТАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ
КОММУНИКАЦИЙ**

19 сентября в сети Интернет активно распространялась информация об ударе по зрителям ракетой с вертолета Ка-52 во время учений «Запад-2017». «Жалко людей!», «По журналистам ударили!», – возмущались пользователи сети. При этом мало кто обратил внимание на совпадение этой информации с визитом В. Путина на полигон «Лужский» в

Ленинградской области. И уж тем более никто из возмущавшихся не обратил внимания на то, что информацию распространил малоизвестный портал 66.ru со ссылкой на осведомленный источник. Конечно, Минобороны выступило позднее с опровержением, назвав данные сообщения глупостью или провокацией¹⁶. Но негативный фон вокруг учений уже был создан, операция по дискредитации проводимого Вооруженными Силами Российской Федерации мероприятия состоялась, а телекартинка с поездкой Президента России на полигон явно диссонировала с валом сообщений в сети о «ЧП на учениях», поддерживая стереотип, насаждаемый населению в Интернете: «По телевизору всё врут».

Информационно-коммуникационное пространство сегодня безгранично, и это прекрасно. Столько возможностей появилось, столько средств! При этом если люди старшего поколения по-прежнему читают газеты, смотрят телевизор и слушают радио, то молодежь телевизор не смотрит. Она черпает информацию в сети¹⁷. А информации в сети столько, что переработать ее просто невозможно. Определить, где достоверная, а где фальшивка, может только специалист. Однако «лайкнуть», наспех прокомментировать и отправить уже обновленную информацию гулять дальше по сети может любой, даже не догадываясь о том, что сегодня информация – не только развлечение и товар. В условиях информационной войны она – грозное оружие.

Сегодня каждый сам себе журналист, но вооруженный и очень опасный. Потому что если настоящий журналист обучен правилам работы с информацией, владеет навыками пользования источниками, привык доверять, но проверять, то обычный пользователь – как правило, нет. Что же получается? Всех вооружили, а как пользоваться – объяснить не удосужились.

При этом мы знаем: с использованием электронных медиа резко возросла скорость политической мобилизации. Это подтверждают украинские майданы, цветные революции, арабские весны и «прогулки» с Навальным по Москве, в том числе 26 марта и 12 июня 2017 года. Между прочим, оппозиционный политик, позиционирующий себя как бескомпромиссный борец с коррупцией, стал узнаваем в молодежной среде, школьники с удовольствием просматривают его выступления на YouTube, отмечают, что он «прикольный», «юморной», «доходчиво всё объясняет», «реально хочет добра государству», «выступает против коррупции» и т.д. Насмотревшись роликов, подростки смело делятся ими со своими сверстниками и смело рассуждают о политической системе и даже судьбах государства, а некоторые интернет-издания оказывает А. Навальному дополнительную поддержку в виде публикаций забавных мемов – «Навальный с дошираком»¹⁸, «Навальный с микрофоном»¹⁹ и т.д. Ничего не делай: только смотри, «лайкай» и «репость». Пока в Госдуме думают над тем, какой идеей увлечь сегодня молодежь и как законодательно запретить использовать несовершеннолетних в чьих-то корыстных политических целях, а Президент осваивает новое для себя, но привычное для молодежи информационно-коммуникационное пространство – социальную сеть «ВКонтакте», умы и сердца некоторых представителей нынешнего поколения школьников уже завоеваны. И события в Москве на Тверской весной этого года самое наглядное тому доказательство.

Здесь крайне важна и психологическая составляющая: кому проще поверить – говорящей голове в телевизоре или другу, родственнику, знакомому, делящемуся информацией в сети?

¹⁶ <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2933906&cid=7>

¹⁷ Опрос подростков: интерес к политике и источники информации. Прогнозы 15–17-летних относительно ситуации в стране. - <http://fom.ru/SMI-i-internet/13324>

¹⁸ Фото Навального с дошираком стало мемом.

https://www.gazeta.ru/tech/photo/foto_navalnogo_s_doshirakom_stalo_memom.shtml

¹⁹ Фото Навального опять стало мемом. -

https://www.gazeta.ru/tech/photo/foto_navalnogo_opyat_stalo_memom.shtml

Полагаем, что в условиях развязанной Западом против России информационной войны (войны за умы людей, войны смыслов) первостепенное значение приобретает решение проблемы медиаобразования населения. Убеждены: российским органам управления образованием необходимо в срочном порядке вводить в средней и высшей школе «Краткий курс медиаобразования», или «Основы противодействия манипуляции сознанием» (варианты названий могут быть разные). Теоретической базы для такого спецкурса достаточно, а практическая – и вовсе безгранична.

Аль-Акваа Амал Абдуллах Мохамед (Санаа)
(РУДН, Москва)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ЙЕМЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В свете происходящих геополитических изменений в регионе Ближнего и Среднего Востока возросла научная и политическая значимость изучения политической ситуации на Аравийском полуострове, внешнеполитической деятельности расположенных здесь государств, включая Йемен, факторов, определяющих их внешнюю политику. В российской и зарубежной историографии данный вопрос остается малоизученным.

Йемен обладает характеристиками, свойственными большинству арабских государств: выгодное геостратегическое положение; наличие месторождений углеводородов; ограниченность водных ресурсов; неблагоприятная геополитическая обстановка, обусловленная этническими противоречиями и межгосударственными конфликтами; важная роль армии в государственно-правовой системе, влияние исламского фактора на внутреннюю и внешнюю политику государства.

Первоочередное значение при формировании внешнеполитической стратегии Йемена имеют вопросы экономического развития, на втором месте – политические и военные задачи. Вопросы арабского единства и выстраивания межарабских связей также являются внешнеполитическими приоритетами.

С ростом угрозы международного терроризма противодействие радикальными и экстремистским группировкам стало одним из приоритетных направлений сотрудничества Йемена с ведущими государствами мира.

Андерхальден Ю.С. (Институт логики, Москва)

ЭЛИТЫ В КОРПОРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ: СЛУЧАЙ УКРАИНЫ ²⁰

Экономика Украины сегодня не представляет собой единой, целостной “материи”, ибо во многих ее отраслях и секторах сложились свои, довольно специфические, правила игры. Поэтому уровень рыночной зрелости отдельных секторов экономики различен, причем в ряде случаев такое состояние разнородности поддерживается искусственно. При этом основной характеристикой украинской экономики является определенная поляризация предпринимательской элиты в зависимости от того, к какому сектору (привилегированному или непривилегированному) она относится. Так, сегодня можно вполне определенно говорить о формировании в Украине трех групп предпринимателей.

Первую группу составляет **новая предпринимательская элита**. К ней относятся лица, которые создали свой бизнес практически с нуля, при минимальной поддержке (нередко и

²⁰ Подготовлено в рамках проекта РФФИ № 17-03-00746.

вовсе без нее) государства, без каких-то особых связей с властными структурами. Такая элита объективно заинтересована в либерализации предпринимательской среды и рассматривает рыночную конкуренцию как естественную форму функционирования бизнеса. К данной группе можно отнести также руководителей отдельных крупных предприятий и высших управленцев предприятий с иностранными инвестициями.

Вторую группу образует **старая управленческая элита** в лице руководителей и/или собственников бывших крупных государственных предприятий, которые объективно заинтересованы в сохранении традиционных экономических форм (государственная поддержка, гарантии по иностранным кредитам, протекционизм) системы государственного патернализма в целом. На фоне бедственного положения предприятий уровень личных доходов представителей второй группы довольно высок.

Третью группу можно с определенной долей условности назвать **квазипредпринимательской элитой**. В нее входят активно занимающиеся бизнесом государственные чиновники; использующие свою близость к власти предприниматели в своих коммерческих целях (точнее, стремящиеся всеми силами “срастись” с властью в той или иной форме). Сюда также можно отнести и слои, которые развиваются благодаря доступу к бюджетным средствам, обслуживанию государственных структур и т.п. Сегодня существует реальная опасность того, что ряды квазипредпринимательской элиты пополнятся в связи с передачей управления государственными корпоративными правами местным властям и отдельным предпринимателям.

Участие элит в корпоративном управлении, влияние на процессы распределения собственности, управление корпоративными правами государства во многом зависит от модели корпоративного управления, которая доминирует в той или иной стране.

Среди моделей корпоративного управления можно выделить следующие:

- **Аутсайдерскую модель**, в которой доминируют внешние механизмы корпоративного управления. Эта модель характеризуется высоким уровнем использования внешних и рыночных механизмов корпоративного контроля (США, Великобритания и др.);

- **Инсайдерскую модель**, в которой доминируют внутренние механизмы корпоративного управления. Она базируется на использовании внутренних методов корпоративного контроля и самоконтроля (Германия, Нидерланды и т.д.);

- **Смешанная модель**, которая сочетает характеристики аутсайдерской и инсайдерской моделей корпоративного управления (Япония, Китай, Франция, Россия, Украина и др.).

Украинский опыт корпоративного управления более походит на немецкую модель, что находит отражение в высокой концентрации собственности и низкому отделению власти от управления. Однако большинство акционерных обществ имеют в уставном капитале значительную государственную часть (пакет акций), что сближает украинскую модель корпоративного управления с континентальной версией корпоративного управления, в которой стратегические инвесторы (бизнес элиты) имеют значительные пакеты акций. Следует отметить, что сегодня в рамках украинской модели корпоративного управления среди инвесторов практически нет банков в качестве акционеров, а в управлении значительную роль принимает участие старая (или, лучше сказать, ортодоксальная) управленческая элита в лице руководителей-собственников бывших крупных государственных предприятий.

Сложившаяся в настоящее время система корпоративного управления на России не соответствует ни англосаксонской ни японо – германской. Это объясняется высокой неопределённостью внешней и внутренней среды корпорации и несовершенством российского законодательства. При этом, скорее всего, дальнейшее развитие системы

корпоративного управления будет проси ходить по смешанной модели корпоративного управления.

Таким образом, каждая модель корпоративного управления отражает национальные черты управления и участия в нём бизнес – элит. Практика каждой страны отражает тенденции и закономерности развития, функционирования кооперативного управления, на эффективность которого влияет экономическая ситуация страны, политический контекст и цикличность кризисных явлений.

Артюхин А. С. (Филиал ЛГУ им. А. С. Пушкина, Выборг)
МИР В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

После распада биполярного миропорядка в конце XX столетия мир оказался в условиях геополитического кризиса, связанного с необходимостью поиска новых содержательных оснований и структурных форм осуществления международных отношений.

Любой переходный период всегда характеризуется геополитической дестабилизацией, обусловленной борьбой за перераспределение позиций и ролей в мировой политике. Подтверждением этому выступает целый ряд очевидных фактов современной международной жизни:

- 1) стремление США как единственной оставшейся после распада СССР сверхдержавы закрепить свои гегемонистские устремления в мире, навязать остальным субъектам международных отношений свои интересы, представляя их в качестве универсальных;
- 2) глобальное финансово-экономическое противостояние, обострение борьбы за контроль над источниками энергоресурсов и перераспределение транзитных потоков;
- 3) стремление многих стран бывшего «третьего мира» укрепить свой государственный суверенитет и стать самостоятельными центрами мировой политики, способствуя формированию многополярности;
- 4) усиление региональных интеграционных процессов;
- 5) увеличение количества региональных и локальных конфликтов;
- 6) резкий всплеск различных форм фундаментализма, терроризма, политического радикализма и экстремизма;
- 7) ослабление роли системы международного права и ООН, ранее выступавших надёжным гарантом поддержания мировой стабильности;
- 8) феномен информационных и сетевых войн.

Закономерности геополитического развития мира, особенности и проблемы, возникающие в условиях смены эпох, объясняются в рамках теории геополитических циклов, в разработку которой внесли вклад целый ряд современных западных и российских учёных: П. Кеннеди, Дж. Модельски и У. Томпсон, П. Тейлор, И. Валлерстайн, В.Л. Цымбурский, В.И. Пантин и В.В. Лапкин и др. Каждый геополитический цикл увязывается с военно-политическим, экономическим, технологическим и культурным лидерством ведущей мировой державы. Распад прежнего мирового порядка открывает возможности для трансформации лидерства в геополитическую гегемонию. Смена геополитических эпох никогда в истории не происходила без значительных потрясений и конфликтов, что в XX веке вылилось в две мировые войны.

Нынешний переходный геополитический период можно развить на два этапа:

- 1) 1991–2005 годы – утверждение гегемонии США, их возможность существенным образом влиять на ход мировых дел, решение международных проблем;
- 2) с 2005 года, на фоне не слишком успешных военных действий в Афганистане и Ираке начался процесс постепенного ослабления гегемонистских претензий США и размытие однополярной геополитической структуры, без чего устойчивый мировой порядок выстроить невозможно.

Американский социолог и геополитик И. Валлерстайн ещё в 2003 году указал на неизбежность упадка американской гегемонии в мире, так как она держится не только на превосходящей военной мощи, но и на экономических преимуществах, а главное – нужна «легитимность, по крайней мере, признаваемая значительной частью человечества»²¹. Утрата мировой легитимности на фоне обострения внутренних проблем требуют от Америки пересмотра прежнего внешнеполитического курса, несмотря на отдельные всплески имперской политики.

Мировой гегемон стремится извлечь максимальную выгоду из своего привилегированного положения и редко всерьёз задумывается о долгосрочной геополитической перспективе. США тоже не являются исключением из этого правила: «Соединённые Штаты, всё ещё являющиеся мировым лидером, стремятся переложить все издержки и жертвы собственного экономического, социального и политического кризиса на плечи других стран и народов, проявляя при этом удивительную безответственность и способствуя углублению мирового экономического кризиса...»²².

Последнее десятилетие происходит радикальная перестройка структуры мирового геополитического порядка, которая не обязательно должна завершится полным крахом США как мирового лидера, но разрастания международных политических конфликтов избежать не удастся. По мнению известного российского политолога В. И. Пантина, 2017 год является переломным годом фазы великих потрясений, для которой характерны «глубокие кризисные явления в мировой экономике и финансов, обострение внутренних социальных и международных политических конфликтов, сдвиг в стороны более авторитарных или тоталитарных режимов»²³.

Международная ситуация 2016 – 2017 годов свидетельствует о наступлении периода активного передела сфер геополитического влияния в мире. Азиатские страны, в первую очередь, Китай, всё решительнее продвигают свои интересы на мировой арене. Даже признание объективных тенденций полицентризма в мировой политике вряд ли заставит США существенным образом пересмотреть свои амбициозные планы доминирования в мире, а значит, продолжится практика нарушения Америкой принципа государственного суверенитета других стран, смена «неудобных» политических режимов, провоцирования конфликтов. Опасность разрастания глобального международного конфликта в ближайшие годы останется весьма высокой.

Говорить о формировании нового, многополярного геополитического миропорядка, пришедшего на смену Ялтинско-Потсдамской системе международных отношений, пока преждевременно, поскольку, как справедливо отмечает Т. А. Шаклеина, «не оформлены взаимоотношения между ведущими державами и между великими державами и малыми и средними странами»²⁴. Геополитический порядок только тогда становится состоявшимся и стабильным, когда он подкреплён целым рядом международно-правовых договоров и соглашений, устанавливающих взаимные обязательства сторон.

Для России в условиях значительного ухудшения отношений с Западом важной задачей укрепления национальной безопасности является предотвращение активного вовлечения в глобальный военный конфликт, мобилизация ресурсов для отражения усиливающегося внешнего экономического и информационно-политического давления и достижение целей, провозглашённых в новой редакции Концепции внешней политики РФ от 30 ноября 2016 года.

²¹ Валлерстайн И. Закат американского могущества // Космополис. 2004. №1(7). С.105.

²² Пантин В. И. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века: основные вызовы и возможные ответы. – Дубна: Феникс+, 2009. С.153.

²³ Там же. С.135, 137.

²⁴ Шаклеина Т. А. Россия и США в мировой политике. – М.: Аспект Пресс, 2017. С.58.

РОЛЬ НАЦИОНАЛИЗМА В КРУШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: УРОКИ ИСТОРИИ

Как считает большинство исследователей, российская имперская власть в правление Александра III – впервые в своей истории – предприняла попытку опереться на светский национализм, апеллирующий к языковой и этнической общности, в целях сохранения империи. Русская нация должна была обрести собственное государство и в союзе с самодержавием объединить нерусскую периферию и русский народ. Однако, разрушив в последние годы своего существования традиционные опоры системы управления – иерархию сословий и вероисповеданий, царский режим не смог закрепить альтернативный подход к идентификации своих подданных по национальному признаку. Реакцией на официальный русский национализм и непоследовательные попытки проведения имперской властью политики унификации и «русификации» стало возникновение и подъем этнических национализмов на окраинах Российской империи.

Таким образом, в канун революции русский национализм объективно приобретает антиимперское измерение, ибо, стремясь к «национализации» империи, он ускоряет процессы становления других национализмов и подрывает традиционную лояльность к имперской власти. В свою очередь, «окраинные национализмы» также стали одним из ферментов той смеси причин, которые разрушили Империю в 1914-1917 годах. Однако, следует отметить, что в период до 1914 года большинство нерусских народов империи не имели своих собственных культурных элит и лишь небольшая часть национальных движений стала к началу революции массовыми, поэтому, только поляки и отчасти финны ставили себе целью образование/возрождение своего независимого национального государства. «В национальных движениях народов царской империи, которые находились на разных стадиях своего развития, - пишет А.Каппелер, - проявляется «одновременность неодновременного»: от массовых национальных движений поляков и финнов, которые уже стремились к созданию независимого национального государства, массовых движений эстонцев, латышей, литовцев и армян, которые предъявлял единые культурные и умеренные политические требования, от элитного в основе своей национализма украинцев, мусульман и грузин до национально-культурных манифестаций отдельных представителей интеллигенции слабо мобилизованных крестьянских народов на востоке и западе. Между тем необходимо учитывать тот факт, что, независимо от различий в степени национального становления, почти все этнические группы империи были национально мобилизованы во время «весны народов» в 1905-1907 годах. Это была (пусть даже не в ленинском понимании) генеральная репетиция «весны народов» 1917-1920 годов, когда крушение центральной власти, дало возможность для значительно более сильной и более радикальной национальной мобилизации, которая привела к отделению (зачастую временному) большинства периферийных областей от России»²⁵.

Ситуация особенно быстро стала меняться в годы «великой войны» когда радикально изменилась природа и понимание роли «национальных проблем», а имперская власть была ослаблена и потеряла легитимность.

Многие исследователи отмечают также, что национальные движения оказали заметное влияние на развал не только царской империи, и СССР. Так, профессор Колумбийского университета С.Билер утверждал еще в 1986 году: «Потенциал нестабильности (в Советском Союзе – В.А.) из-за этнических и расовых противоречий и конфликтов ... огромен. Весьма вероятно, что этнические проблемы станут в будущем наиболее важной причиной

²⁵ Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П.Верт, П.С.Кабытов, А.И.Миллер. - М.: Новое издательство, 2005. С. 402-403.

радикальных перемен или даже дезинтеграции страны».²⁶ Однако эти факторы явились «...все-таки только вторым шагом после того, как правящий центр развалился или был существенно ослаблен изнутри. События в центре, Февральская и Октябрьская революции, горбачевская перестройка и августовский путч 1991 года, а не возмущение наций стали толчком к дезинтеграции обеих многонациональных империй», - справедливо отмечает А.Каппелер²⁷ .

Балаян А.А. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург),
Томин Л. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

АКТОРНО-СЕТЕВАЯ ТЕОРИЯ Б. ЛАТУРА В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИЙ О СУБЪЕКТАХ И СТРУКТУРАХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

Оригинальным вкладом в исследование сетей являются работы Бруно Латура. Он наряду с М. Каллоном и Дж. Ло основал целую исследовательскую программу Science and Technology Studies. Ее основные темы: переосмысление базовых понятий (общество) и линий раздвоения (социальное/технологическое, макропроцессы/микропроцессы), обоснование взгляда на вещи как акторы.

В рамках акторно-сетевой теории (АСТ), под словом сеть понимает «...связанный ряд действий, каждый участник которых рассматривается как полноценный посредник. Хороший с точки зрения АСТ отчет - это нарратив, или описание, или высказывание, в котором все акторы не сидят, сложа руки, а что-то делают. Каждая точка в таком тексте может стать точкой бифуркации, событием или источником нового перевода вместо того, чтобы переносить эффекты, не трансформируя их»²⁸.

Работы Б. Латура, можно отнести к ряду новых теорий, объединённых «плоской онтологией», основной акцент делается на самой связи между различными акторами (без деления на социальные, природные, технологические). Так понимаемая сеть включает в себя по-разному устроенные типы акторов как иерархические структуры, так и гибридные и горизонтально-сетевые.

Сами теоретики STS долгое время не обращались к политическим процессам, ряд их последователей попытались эксплицировать основные теоретические постулаты, осмыслить их в контексте политической проблематики и показать, как теория Б. Латура дает исследователям новые основания для анализа политических процессов вне традиционных понятий и линий деления. Г. Харман назвал это объектно-ориентированной политикой²⁹.

В таком понимании теряют свое значение многие понятия и линии деления (идеологическое различие левое/правое). Предыдущие модусы существования политики обозначаются как «политика истины» («truth politics») и «политика силы» («power politics»). Каждый из модусов имеет условно левую и правую версию.

«Политике истины» противопоставляет знание (knowledge) – невежеству (ignorance). Левая революционная версия видит людей равными и обладающими неотчуждаемыми правами, в случае если равенство или индивидуальные права и свободы отсутствуют или сильно ограничены, причина этого видится во внешней силе (случайные исторические события, идеологическое подчинение правящему классу). В такой ситуации левая версия выдвигает идею группы-авангарда способной просветить и освободить массы.

²⁶ Bialer S. The Soviet Paradox. External Expansion, Internal Decline. - L., 1986. P. 167.

²⁷ Каппелер А. Там же. С.397.

²⁸ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 181.

²⁹ Harman G. Bruno Latour: Reassembling the Political. - Pluto Press, 2014. P 172-189.

Правая версия «политики истины» строго элитистская, она утверждает необходимость управления общества философами или экспертами, возвышающимися благодаря своим знаниям над массами. Как пример такого понимания можно привести интерпретацию идей Л. Штрауса как эзотерического философа элиты³⁰.

«Политика силы» это борьба за власть, в рамках которой над политикой нет никакой трансцендентной инстанции. Левая версия согласно Г. Харману похожа с одной стороны на политику идентичности в ее трактовке интеллектуалами постмодернистами, с другой на анархическую идею бесконечной креативности желания, которое не должно и не может быть ничем ограничено.

Правая версия восходит к Т. Гоббсу и его страху, что любая апелляция к трансцендентной инстанции, находящейся над политикой, будь то религия или наука, спровоцирует гражданскую войну, поскольку сама возможность существования такой инстанции ослабляет власть Левиафана. Сходную правую версию «политики силы» можно обнаружить в работах К. Шмитта, где сама сущность политического понимается через оппозицию друзей и врагов, которая особенно проявляется в ситуации чрезвычайного положения, когда между ними идет смертельная битва.

С точки зрения политической философии здесь предлагается достаточно интересный новый подход, а в практическом применении акторно-сетевой теории в современных политических условиях, Б. Латур и его последователи выдвигают как единственное предложение новую экологическую политику.

Баранникова А.Б. (ОГБУ «НИИ региональных исследований
Ульяновской области им. Н.М. Карамзина», Ульяновск)

ПРИВАТИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ В РЕЗУЛЬТАТЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ (УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Реформа местного самоуправления и появившиеся в результате новые институты, структуры управления вызвали существенные изменения в системе распределения власти в регионе³¹. Система управления, распределения власти в Ульяновской области в декабре 2008 изменилась практически во всех муниципальных образованиях (исключение - Новоспасский и Цильнинский районы, в которые до настоящего времени действуют избранные главы муниципальных образований). До введения этих изменений глава муниципального образования совмещал функции главы исполнительной и представительной власти.

В 2008 на Губернаторском совете Ульяновской области было решено перейти к схеме управления «глава района + глава администрации района». Сам факт принятия решения о «переходе» на большом мероприятии без участия населения и депутатов муниципальных представительных органов только подтверждал, что данное решение было принято и технологически подготовлено администрацией губернатора области. В СМИ неоднократно упоминали, что данный переход стал итогом реализации «плана Корнева» (Корнев В.В. – первый заместитель руководителя аппарата губернатора Ульяновской области, курировавший проведение муниципальной реформы). Переход к схеме управления муниципального образования с назначаемым главой администрации (сити-менеджером) существенно повысил управляемость, позволил региональной администрации сместить практически всех

³⁰ Harvey I., The Rhetoric of Esotericism: The Challenge to Deconstruction // Law and Semiotics, ed. R. Kvelson. - N.Y.: Plenum Press, 1987. P. 232-233.

³¹ Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Муниципальная реформа и распределение власти в руководстве малого российского города // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. №4. С. 7-16.

самостоятельных глав. До этого единственной фигурой, аккумулировавшей публичную власть в муниципальном образовании, был глава, теперь же ситуация стала менее определённой.

В региональном центре – Ульяновске схема «единого мэра» действовала до 2010. Общественность предпринимала неоднократные попытки противостоять внедрению схемы «мэр – сити-менеджер», организовывала пикеты, митинги, дважды пыталась инициировать референдум. Тем не менее, после избрания мэром А.П. Пинкова, человека «команды губернатора» необходимые изменения в устав города были внесены. Декларировалось, что конкурсная процедура назначения сити-менеджера позволит выбрать квалифицированного управленца, консолидировать общество, снимет напряженность в отношениях между депутатами и главой города, существенно повысит роль Ульяновской городской думы.

На практике стремление ввести должность сити-менеджера в областном центре отражало желание региональной администрации повысить управляемость областным центром, снизить политическую значимость мэра города. Именно сити-менеджер должен был стать проводником политики губернатора в городской администрации. После отставки избранного мэра г. Ульяновска в 2011 была реализована новая схема управления городом. Главой города из состава депутатов думы была избрана М.П. Беспалова, а главой администрации после прохождения конкурсных процедур – С.С. Панчин. Однако, доминировать в принятии управленческих решений, распределении финансов, вопросах приватизации городской собственности, начала именно М.П. Беспалова, а не сити-менеджер С.С. Панчин, в чьих руках находились рычаги управления городом. Постепенно отношения между городской и региональной администрацией стали все более конфликтными и к июню 2015 конфликт вышел в публичную сферу региона – губернатор и мэр города открыто конфликтовали на аппаратных совещаниях. Конфигурация власти существенно изменилась – несмотря на все предпринимаемые региональной администрацией меры, городская власть вышла из-под контроля губернатора. В данном случае сыграл большую роль персоналистский фактор – глава города, даже не избранная населением, смогла занять лидирующие позиции, навязать сити-менеджеру позицию «ведомого» и стать значимым публичным политиком, впервые за несколько десятилетий открыто оппонировавшим губернатору области.

Однако, после выборов в Ульяновскую Городскую Думу в октябре 2015 года за Беспалову М.П. проголосовало лишь 7 депутатов, и она лишилась поста главы города. Впоследствии региональная администрация стала системно принимать меры по вытеснению бывшего мэра из пространства публичной политики города. Практически вся команда Беспаловой была уволена из городской администрации, в декабре 2015 она была исключена из регионального отделения «Единой России» (впоследствии восстановлена в партии). Конфликт в более скрытой, латентной форме сохранялся вплоть до избрания Беспаловой в 2016 в Государственную Думу РФ. С октября 2015 в Ульяновске действует мэр С.С. Панчин, сити-менеджер А.В. Гаев, практически не проявляющие публичной активности. Как итог, публичная политика региона все более свертывается, исчезает, будучи приватизированной одним единственным публичным политиком – губернатором области.

Баранов А.В. (КубГУ, Краснодар)

СООТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ, РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: УРОВЕНЬ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ

Политическая конкуренция в глобальном мире принимает форму конкуренции проектов нациестроительства. В Российской Федерации проводится политика идентичности,

направленная на формирование российской гражданской нации и укрепление её единства. В приграничных и полиэтничных регионах, ярким примером которых является Краснодарский край, особенно актуально преодоление рисков и угроз дезинтеграции общества.

Цель статьи – выявить соотношение национальной, региональной и этнических идентичностей в Краснодарском крае на основе исследования результатов анкетных опросов. Работа выполнена на основе парадигмы конструктивизма.

Баланс гражданской и этнических идентичностей на Кубани характеризуется устойчивым преобладанием российской идентичности. Проверить это можно на материалах анкетного опроса (2010 г., Краснодарский край, республики Адыгея, Ингушетия и Дагестан), проведенного политологами Кубанского государственного университета (краевая подвыборка 323 чел., молодёжь). Важнейшим параметром соотношения идентичностей выступает оценка российской идентичности. В Краснодарском крае гордятся ею 63% опрошенных. Желают сменить гражданство 13%. Считают себя «гражданами мира» 8,9% респондентов, а 20% безразличны к российской идентичности либо затрудняются выразить отношение к ней³².

Анкетный опрос жителей края, проведенный В.Н. Муха в декабре 2012 г. (выборка 1200 чел. старше 18 лет, квотная) доказал, что в системе идентичностей лидирует российская идентичность (72,6%), на втором месте – региональная идентичность (66%), на третьем – этническая идентичность (45,5%). Среди особенностей сообщества респонденты отмечали «особенности образа жизни» 30%, «особый кубанский говор, “балаканье”» (26%), «почитание казачьих традиций» (22%), «кубанский характер» (13%), «любовь к земле» (9%). В сравнении субнациональных идентичностей преобладает локальная («единство с теми, кто живет в том же населенном пункте») – 43%, далее соотнесение с краем («я – житель Кубани») – 38% и на третьей позиции идентичность «житель Юга России» – 19%³³. Оценка кубанцами своей интегрированности противоречива: 42% согласились с высказыванием «Можно ли говорить, что жители края – это единое и сплоченное сообщество, у которого есть общие интересы и традиции», 28% отрицают, что такое единство существует, а 30% затруднились ответить³⁴.

Но риски межэтнической отчуждённости и потенциал конфликтности остаются весомыми. Опрос, проведённый социологами Кубанского государственного университета под руководством Т.А. Хагурова в 2015 – 2016 гг. среди молодёжи 14-30 лет (выборка 2467 чел.) показал, что проявляет толерантность к иным этническим и конфессиональным группам 53,7% респондентов, а 41,5% испытывает устойчивую неприязнь к тем или иным группам (9,1% - к иноверцам, 7,8% - к представителям других народов). При этом уровень знаний о традициях народов и конфессий в молодежной среде остаётся низким. Постоянно или «время от времени» участвуют в конфликтах с этническими мотивациями, по самооценке, 18,3% опрошенных (в том числе «часто» - 4,3%)³⁵. Доминирующим мотивом предполагаемого личного участия в межэтнических конфликтах респонденты назвали «агрессию и насилие» - 89,4% ответов; «нежелание принимать местные обычаи, отличающиеся от общепринятого публичного поведения» – 9,6%³⁶.

Сделаем выводы. Соотношение национальной, региональной и этнических идентичностей в Краснодарском крае достаточно устойчиво. Анкетные опросы подтверждают наличие весомой приверженности общероссийской идентичности в Краснодарском крае. Основной линией размежеваний субъективно воспринимаются

³² Проблемы устойчивого развития региона: информационная безопасность полиэтничного социума (на материалах Юга России) / под ред. В.М. Юрченко. - Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. С. 127-128.

³³ Муха В.Н. Русский этнос в полиэтничной среде: особенности самосознания и структура социальной идентичности. - Краснодар: Кубан. гос. технол. ун-т, 2014. С. 155.

³⁴ Там же.

³⁵ Доклад о состоянии гражданского общества в Краснодарском крае за 2016 год / рук. раб. гр. Л.В. Попова. - Краснодар: Общественная палата Краснодарского края, 2017. С. 117-118.

³⁶ Там же. С. 118-119.

взаимоотношения этнических групп. Успешный экономический рост Краснодарского края скорее интегрирует его в общероссийское социокультурное пространство, чем дистанцирует от центра. Украинский сегмент региональной идентичности значительно слабее, чем «кавказский», и его значимость сокращается. Вместе с тем, полиэтничная молодёжь остаётся группой риска распространения этнической интолерантности. Для укрепления единства российской нации приоритетны ценности общенационального единства, мира, межэтнического согласия, взаимного уважения и равноправия. На распространение таких ценностей должна быть направлена информационная политика не только органов государственной власти, но и СМИ, научных и педагогических сообществ, этнокультурных объединений.

Баранов Н.А. (БГТУ «Военмех», Санкт-Петербург)

**ТУРБУЛЕНТНОСТЬ - ХАРАКТЕРНЫЙ ПРИЗНАК
СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ**

Бурное развитие событий в XXI веке предстает хаотичным набором не связанных друг с другом, случайных процессов и явлений, которые изменяют прежние достаточно устойчивые представления об общественном развитии. Широкое распространение терроризма, экстремизма, национальной и расовой неприязни и сопровождающие их локальные вооруженные конфликты, массовая миграция, приводящая к смене привычных образов жизни в устоявшихся социальных системах, антиэлитные настроения в странах либеральной демократии, нежелание ряда развивающихся государств идти в русле западной модернизации свидетельствуют не об эпохе «управляемого хаоса», а скорее всего о беспорядочности в социальных отношениях и неконтролируемом характере социально-политических перемен. Неслучайно при характеристике современного мирового порядка все чаще применяется термин «турбулентность», который достаточно точно отражает непредсказуемость международных процессов в мировой политике.

Концепцию турбулентности в мировой политике предложил американский политолог Джеймс Розенау, который в 1990 г. опубликовал работу «Турбулентность в мировой политике: теория изменения и преемственность»³⁷. Согласно данной концепции мировая система испытывает высокую напряжённость вследствие кардинальных перемен, из-за которых структуры и процессы, поддерживающие мировую политику, становятся неустойчивыми и в них происходит переустройство. Привычные колебания системы сменяются аномалиями, устоявшиеся структуры расшатываются, развёртываются новые процессы, результаты которых оказываются недолговечными, а система вступает в период длительного неравновесия. Возникает неустойчивость, проявляющаяся в технологических новациях, кризисах власти, нарушениях согласия, конфликтах на разных уровнях, революционных переворотах и других процессах и явлениях, изменяющих человеческую жизнь.

Главной характеристикой турбулентной политики является неопределённость, характеризующаяся отсутствием закономерностей. Мировая политика вступает в фазу, не имеющую предварительно установленных правил или границ, поскольку напряжённость в мире обостряется, отношения трансформируются, разработка политического курса основными акторами политики парализуется. Происходит разрушение параметров мировой политики, которые прежде были стабильными и ограничивали колебания ее переменных составляющих. Ход событий становится турбулентным, когда сложность и динамизм социально-политических процессов достигают точки, где существующие правила управления больше не работают.

³⁷ См.: Rosenau J. N. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. - Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1990. 480 p.

Немецкий политолог Ханнс Молл предложил называть турбулентностью последствия глобализации международных отношений. По его мнению, динамика глобальных взаимодействий в системах, отмеченных высокой взаимозависимостью, свидетельствует о сложности политического контроля, что может привести к коллапсу сложившейся системы³⁸.

Дж. Розенау усмотрел причину неопределенности в сложности регулирования, управления растущим множеством сфер компетенций, которые занимают глобальную арену³⁹. В конце XX века в мировой политической системе установилась иерархия, в которой доминирующее положение занимала единственная сверхдержава. Однако оказалось, что возможности сверхдержавы в поддержании порядка в глобальном масштабе и реализации своих целей ограничены.

В условиях усложнения мировых процессов становится актуальным вопрос о расщеплении власти в глобальном масштабе. Поэтому на первый план будут выходить, и уже выходят, международные структуры, ориентированные на решение конкретных проблем, кооперация которых более эффективно будет влиять на преодоление возникающих угроз и вызовов в мировой политике.

Турбулентность в политике создают такие субъекты, которые не вписываются в привычные нормы и правила, установленные системой. Такими субъектами могут быть государства (например, разработка ядерной программы КНДР), международные организации (влияние Amnesty International на политические процессы внутри государств или между государствами), транснациональные корпорации, негосударственные субъекты, такие как Католическая церковь или Исламское государство, а также отдельные лица (например, президент США Дональд Трамп).

Турбулентности способствует разрыв между растущими требованиями, предъявляемыми к политике различными акторами, и снижающимися возможностями политики для управления событиями в желаемом направлении. Возникающая неопределенность – это результат противоборства между силами, сохраняющими существующий порядок, и силами, тяготеющими к преобразованиям, обусловленным формирующимся информационным обществом.

Башмаков И.С. (КубГУ, Краснодар)

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ С ПОМОЩЬЮ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ ПО КУБАНОВЕДЕНИЮ (РЕЗУЛЬТАТЫ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА)⁴⁰

Наличие региональных дисциплин в школах может способствовать формированию территориальной идентичности через актуализацию интереса к местным историко-культурным ценностям и социально-экономическим особенностям. Объем выборки контент-анализа был обусловлен необходимостью выявить ключевые символические смыслы в конструируемой региональной идентичности старшеклассников (учебные пособия по кубановедению за 9 и 11 классы⁴¹). Единицей контент-анализа стали отдельные слова и

³⁸ Maull Hanns W. World Politics in Turbulence // Internationale Politik und Gesellschaft Online. 2011. N.1. P.14-15.

³⁹ См.: Rosenau J.N. Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. – (Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P.144-173.

⁴⁰ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 16-13-23026 «Формирование региональной идентичности молодежи в культурно-образовательной среде Краснодарского края» (2016-2017).

⁴¹ Кубановедение: учебное пособие для 9 кл. общеобразоват. учреждений / А.А. Зайцев, С.А. Лукьянов, А.Н. Еремеева, И.А. Терская. - Краснодар: Перспективы образования, 2012; Кубановедение: учебное пособие для 11 кл. общеобразоват. учреждений / А.А. Зайцев, Е.В. Морозова и др. -- Краснодар: Перспективы образования, 2014.

выражения, описывающие Краснодарский край и его географические, природные, культурные, социально-экономические особенности. Нами выполнен количественный и качественный анализ исследуемых единиц.

По результатам исследования основными смыслами политики по формированию идентичности стали: экономически и социально успешный, богатый и перспективный регион, особый характер жителей региона и их культуры, безопасный и стабильный регион, уникальная природа, география и благоприятный климат, привлекательный для переселенцев регион. Все смысловые группы и их подкатегории присутствовали примерно в одинаковом к общему массиву единиц процентном соотношении в обоих учебниках. Новых значимых смысловых групп мы не обнаружили, что свидетельствует об устойчивости и ограниченности числа данных тем для региональной идентичности Краснодарского края.

Наиболее часто встречающейся темой стало благополучие и богатство региона (37% от общего числа единиц анализа). Символические фразы *«динамично развивающийся регион»*, *«Кубань входит в число наиболее развитых субъектов»* конструируют образ успешного региона с высоким уровнем жизни и темпами развития. Здесь также часто встречаются традиционные для региона темы *«житницы»* (8,8%) и *«здравницы»* (7,5%), акцентирующие важность и значимость региона как аграрного и рекреационного центра для всей страны.

Важную смысловую нагрузку несет тема отличия жителей региона от остального населения России (25,6 %). В ней подчеркивается этнокультурная особенность кубанцев, особый менталитет и характер (*«консерватизме кубанцев»*, *«особом этническом и региональном самосознании»*, *«в эпоху глобализации Кубань сохраняет яркость и самобытность»*, *«культура Кубани представляет собой колоритное и самобытное явление»*). Выделенная здесь подкатегория *«Многонациональный регион»* оказалась более распространенной (11%), чем подкатегория *«Казачий край»* (6,6 %), что свидетельствует о том, что авторы обоих учебников по кубановедению отдают предпочтение культурному и национальному разнообразию региона, а не его казачьей монокультурности.

Третий по значимости смысловой блок – безопасный и стабильный регион (18,1 %), который не только не имеет больших внутренних конфликтов, но и поддерживает добрососедские отношения с окружающими странами и регионами (*«репутация региона стабильности и безопасности»*, *«регион прочных добрососедских отношений между народами»*). Эти смыслы подчеркивают благополучие региона и его привлекательность для жизни по сравнению с не всегда спокойными соседними регионами. Интересным является символический смысл окраины или форпоста России, выделенный в отдельную подкатегорию, который обращает внимание школьников на важную стабилизирующую и оградительную военную, культурную и социально-экономическую роль Краснодарского края на Юге России.

Другими темами по результатам исследования стали уникальная природа и благоприятный климат Краснодарского края (12,1%), выгодно отличающие регион от остальных субъектов России (*«единственная зона субтропиков»*, *«теплый умеренный климат»*, *«уникальные природно-климатические условия»*) и тема привлекательности для переселенцев (6,6%) (*«Кубань привлекает переселенцев»*, *«объект притяжения»*), что повышает статус региона и способствует позитивному восприятию принадлежности к нему.

В своей совокупности символические смыслы формируют представление школьников о Краснодарском крае как о привлекательном для жизни, особом и значимом регионе России. Упоминание успехов региона, например, проведения Зимних Олимпийских и Паралимпийских игр в 2014 году в Сочи, способствуют созданию подобного образа. Через подобные позитивные символические образы на уроках кубановедения в школах Краснодарского края формируется чувство региональной принадлежности и местный патриотизм, которые способствуют стремлению учащихся не покидать регион и содействовать будущему процветанию края, позволяют гордиться за его успехи.

Безбородов М.И. (ПетрГУ, Петрозаводск)

**ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
ПОСЛЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА 2014 Г.**

Отношения Российской Федерации и Европейского союза сегодня находятся в наихудшем состоянии за всю историю. То, что раньше рассматривалось обеими сторонами как важный и взаимовыгодный проект, разрушено военно-дипломатическим кризисом вокруг Украины. Он же в значительной степени стал результатом длительного периода стагнации и обоюдного непонимания. Если еще 20 лет назад аналитики рассматривали интеграцию России и Европейского Союза как реальный сценарий развития их отношений, то сегодня речь идет о том, как вывести стороны из состояния конфронтации.

Еще один вопрос заключается в том, до какой степени кризис вокруг Украины может быть отделен от других областей взаимодействия с Россией (борьба с терроризмом, Ближний Восток, Арктика, энергетика). Точка зрения, согласно которой Москва является первоочередным партнером в решении проблем терроризма и миграции, особенно сильна в ряде южных стран Европейского Союза и согласуется с их параллельной заинтересованностью в торговле с Россией. По сравнению с этим российская позиция выглядит более целостной. Тактические задачи могут меняться, но стратегически Москва очевидно хотела бы избежать лобового столкновения и изоляции со стороны Запада. Для нее предпочтительно было бы добиться нового компромисса, который легитимизировал бы воссоединение с Крымом и структурно изменил Украину путем предоставления областям Донбасса значительных конституционных полномочий, а затем начать отношения с Европой с чистого листа. При этом Москва открыто дает понять, что не хотела бы возвращения к старой модели отношений, когда Европейский Союз устанавливал правила. Поднявшаяся волна евро-скептицизма и усиление националистических партий в Европе позволили России утвердиться в собственной позиции. Например, российский Совет по внешней и оборонной политике в докладе «Стратегия для России» (2016)⁴² оценил нынешний российский курс как крайне успешный, прежде всего потому, что стране, по мнению авторов, удалось «остановить экспансию западных структур и союзов на территории, которые в России считаются жизненно важными», «частично остановить и даже, возможно, повернуть вспять распад постсоветского и исторического российского имперского пространства».

Наиболее позитивная модель развития отношения России и Европейского Союза - это их улучшение или нормализация. Она может произойти только в том случае, если Россия придет к пониманию, что нынешняя патовая ситуация постепенно ослабляет ее позиции и что ей было бы выгоднее пойти на перемены раньше, а не позже. Экономические и финансовые соображения могут сыграть в этом свою роль, так же как и взгляды тех российских элит, которые хотели бы сохранить связи с Европой.

Отношения между Россией и ЕС носят инерционный характер, и сегодня они находятся на траектории конфликта. Даже если в целом ситуация все еще под контролем, нужно понимать, что чем дольше они остаются на траектории конфликта, тем больше усилий понадобится для того, чтобы сдвинуть их с этого пути в дальнейшем. При этом стороны должны быть нацелены не на наращивание военного потенциала и ограничительные меры воздействия по отношению друг к другу, а на мирное урегулирование конфликта путем переговоров, привлечения посредников. Такая дискуссия назрела, но только совместными усилиями возможно понять, как не повторить ошибок прошлой, фактически истребившей себя, модели отношений и создать новую, которая

⁴² Стратегия для России. Российская внешняя политика: конец 2010-х – начало 2020-х годов [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/05/%D1%82%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B_23%D0%BC%D0%B0%D1%8F_sm.pdf

отвечала бы интересам каждого. Переговоры – единственный путь мирного урегулирования разногласий, целью которых должен стать консенсус либо компромисс. Но чтобы его достичь, сторонам необходимо быть готовыми пойти на уступки, а также должны выработать четкую стратегию совместных отношений и открыто обозначить собственные цели по отношению друг к другу. Отношения России и Европейского Союза должны быть прозрачны для общества и бизнеса в России, Европе и мире, чему способствует широкое вовлечение в диалог представителей негосударственных структур и групп интересов, опора на экономических игроков, отказ от закулисных сделок и парламентский контроль.

Беляева Н.М. (ПГНИУ, Пермь)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА РФ В СЕРЕДИНЕ 2010-Х ГГ.: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Государственная молодежная политика (ГМП) в современной России начала формироваться в 1990-е гг., одновременно со становлением нового государства, когда возникла необходимость определить правовой формат взаимоотношений власти и молодого поколения. Данный процесс отличался волнообразным характером, обусловленным то возрастанием, то затуханием интереса со стороны власти к данному сегменту общества, что находилось в прямой зависимости от внутренних (политических и социально-экономических) и внешних факторов (положение государства на мировой арене).

К середине 2010-х гг. стратегическое планирование курса государства в отношении молодежи приобретает новый характер. В этот период стало очевидно, что угроза «цветных» революций для России неактуальна, а, следовательно, исчезла необходимость в деятельности пропрезидентского «антиоранжевого» молодежного движения «Наши». С другой стороны, изменения международной обстановки в связи с событиями на Украине и последовавшие экономические санкции со стороны стран Запада обострили и без того напряженную в результате кризиса конца 2000-х гг. экономическую ситуацию в стране, что привело к сокращению объемов финансирования мероприятий молодежной политики. Так, по данным доклада Росмолодежи «Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала»: «По принятому федеральному бюджету на 2013 г. и плановый период 2014-2015 гг. расходы на молодежную политику и оздоровление детей в 2015 г. (рис. 1)»⁴³ [4].

⁴³

Доклад Федерального агентства по делам молодежи «Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала». Часть 1. М., 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://vmo.rgub.ru/files/report-937-2.pdf>.

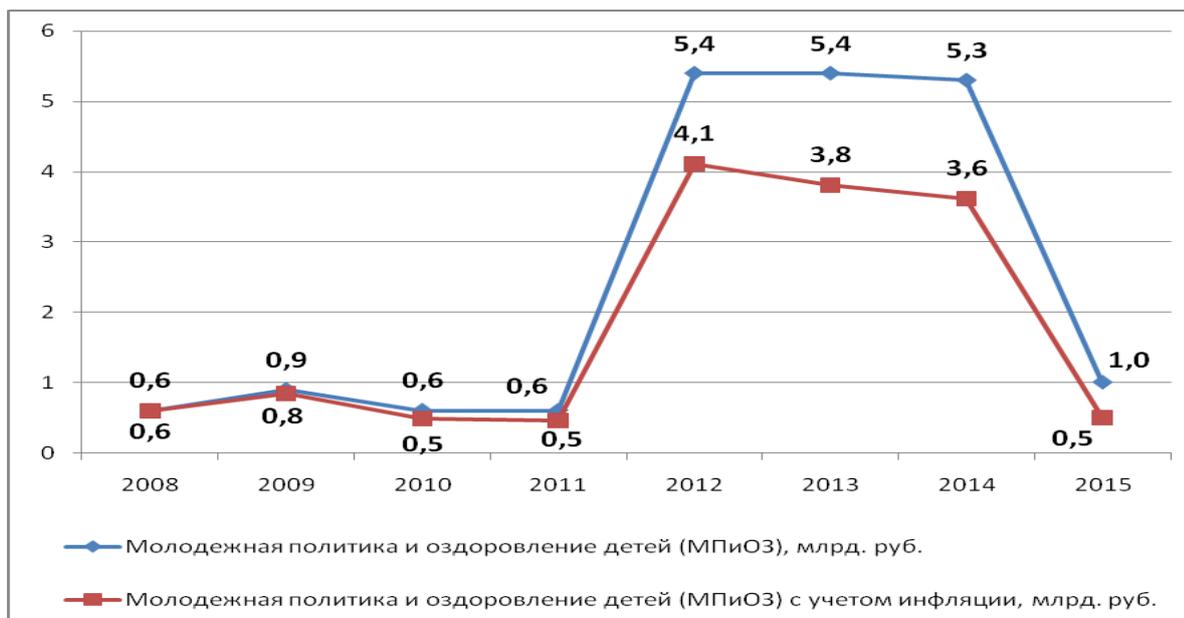

Рис. 1. Расходы федерального бюджета на молодежную политику и оздоровление детей в текущих ценах и с учетом инфляции, млрд. руб.

Стратегическое планирование государственной молодежной политики РФ в условиях экономической нестабильности включает новое понимание сущности и механизмов реализации ГМП.

Новое понимание государством сущности ГМП сформулировано в Распоряжении Правительства РФ от 29.11.2014 г. «Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.», в рамках которого ГМП рассматривается как «направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодействия, *направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи*, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, *глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене*»⁴⁴ [8].

Данное определение ГМП отражает, во-первых, два приоритета в деятельности государства в молодежной среде, а, во-вторых, является зеркалом сложившейся международной ситуации. Можно утверждать, что ГМП в ближайшие десять лет будет сфокусирована исключительно на гражданском и духовно-нравственном воспитании молодого поколения в соответствии с ценностями патриотизма, православия, защиты национальных интересов. При такой расстановке приоритетов необходимо понимать, что основные сферы жизни молодого поколения (образование, трудоустройство, досуг, молодые семьи, здоровье и др.) окажутся в поле наименьшего внимания государства, что неизбежно приведет к нарастанию проблем.

Ключевым механизмом реализации и финансирования мероприятий в отношении молодежи данный документ провозглашает систему государственно-частного партнерства: «развитие системы государственно-частного партнерства в целях вовлечения в реализацию

⁴⁴ Распоряжение Правительства РФ № 2403-р «Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.» от 29.11.2014 г.

государственной молодежной политики бизнес-сообщества, общественных объединений и граждан»⁴⁵.

Развитие государственно-частного партнерства в сфере молодежной политики осложняется особенностью данной сферы, которая состоит в том, что вложение финансовых и иных ресурсов в данную сферу осуществляется на средне- и долгосрочную перспективу, получение прибыли от вложений может быть отсрочено временем, что не всегда соответствует интересам государства, а тем более бизнеса, для которого прибыль выступает в качестве внутреннего источника финансирования и может быть направлена на расширение производства, внедрение новых технологий, обновление технического парка, повышение квалификации сотрудников и другие цели развития. Соответственно, сфера молодежной политики не является предметом, представляющим наибольший интерес для бизнес-структур, что может сказаться на финансировании и в целом реализации молодежной политики в России.

Таким образом, ГМП в условиях экономической нестабильности середины 2010-х гг. предполагает рассмотрение ее исключительно как духовно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание молодого поколения, характеризуется отказом от масштабных мероприятий и попытками развития государственно-частного партнерства как механизма реализации данного политического курса.

Беспалов С.В. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Информационное направление гуманитарной политики в современных условиях является одним из ключевых, имеющим к тому же (в средне- и долгосрочной перспективе) осязаемую политическую и экономическую отдачу. Оно играет значимую роль в формировании образа России. Без эффективного информационного сопровождения невозможно не только реализовывать ключевые направления гуманитарной политики, но и обеспечивать поддержку российского внешнеполитического курса общественным мнением зарубежных стран, а также создавать комфортные условия для деятельности российского бизнеса.

При проведении информационной политики как на постсоветском пространстве, так и в отношении стран «дальнего зарубежья», направленной на улучшение имиджа России, во внешнеполитической практике следует учитывать новые возможности, предоставляемые системами электронной коммуникации и сетевыми технологиями. Значимость этих факторов демонстрируют, в частности, феномены «цветных» революций, в том числе, на постсоветском пространстве, исключительно важную роль в организации которых сыграли новые сетевые технологии. И контроль российского государства над каналами коммуникаций, включая международные, должен соответствовать стандартам постиндустриального общества.

В то же время зачастую успехи новых российских медиа приводят к довольно неожиданным последствиям. И речь не только об усиливающемся в странах Западной Европы и Северной Америки противодействии их работе. Так, в США развитие современных информационно-коммуникационных технологий и, как следствие, расширение присутствия на американском информационном пространстве качественного российского медиа-контента («Russia Today», «Sputnik» и др.) уменьшило интерес проживающих в США

⁴⁵ Распоряжение Правительства РФ № 2403-р «Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.» от 29.11.2014 г.

наших соотечественников – основного потребителя информации на русском языке – к местной русскоязычной прессе, издаваемой, как правило, членами общины. В результате – падение тиражей и доходов от рекламы вплоть до банкротства и закрытия, как, например, произошло со старейшей газетой эмигрантов из России «Новое русское слово». Подобная ситуация характерна и для ряда европейских стран. Вопрос о поддержке некоторых из этих изданий заслуживает отдельного рассмотрения.

Российское информационное пространство сумело вызвать к себе достаточно массовый интерес населения постсоветских стран. Этому способствовали две причины. Во-первых, русский язык по-прежнему остается основным языком коммуникации между группами элит в ряде постсоветских стран. Во-вторых, на протяжении многих лет русский оставался главным языком телевидения и массовой культуры в ряде стран СНГ: первый и второй каналы российского телевидения транслировались почти во всех странах. Однако национальный язык в каждой стране усиливает свои позиции, и при помощи государства активно входит в медийное пространство, поэтому без поддержки из России коммуникационная сила русского языка будет уменьшаться. Преимущество русского языка на постсоветском пространстве закономерно после семидесяти лет СССР, но после распада Советского Союза это преимущество до середины 2000-х гг. почти не поддерживалось в рамках официальной политики России. В последние же годы в ряде стран СНГ растёт противодействие местных элит попыткам продвижения российских средств массовой коммуникации.

Очевидно, что для повышения эффективности политики России на постсоветском пространстве, а также для сохранения хотя бы относительного культурного единства некоторых постсоветских государств необходимо единое информационное поле, для создания и поддержания которого нужно стремиться обеспечить доступ жителей стран СНГ к российским СМИ (печатным и электронным). Для этого требуются, в свою очередь, скоординированные и последовательные действия как государственных органов РФ, так и ряда негосударственных структур. Помимо этого, совершенно необходимо стимулировать ключевые российские СМИ к гораздо более регулярному и всестороннему освещению жизни стран ближнего зарубежья. Сейчас же отсутствие такого внимания приводит, помимо прочего, к тому, что сами жители стран СНГ зачастую теряют интерес к российским медиа (даже если в принципе имеют к ним доступ), поскольку не находят в них сбалансированных оценок внутренних событий в соответствующих странах, да и вообще не видят подлинного интереса к жизни их государств. Не менее важно и то, что вследствие такой информационной политики ключевых российских медиа у большинства российских граждан отсутствует адекватное представление о происходящих на постсоветском пространстве процессах и их значимости для России. Пока ситуация не будет изменена, сложно рассчитывать и на активное включение в российскую гуманитарную политику на этом направлении структур гражданского общества.

Болгов Р.В (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Филатова О.Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Семенова Е.М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА В МЕКСИКЕ, АРГЕНТИНЕ И ВЕНЕСУЭЛЕ: ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАМПАНИЙ

В докладе анализируется состояние развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в контексте глобальных рейтингов. Основной акцент был сделан на изучении и сравнении внутреннего законодательства в сфере ИКТ, а также на использовании социальных медиа в последних предвыборных кампаниях в Мексике, Аргентине и Венесуэле. В докладе также анализируются общие черты законодательства, наиболее актуальные

показатели, а также рассматриваются тактики и поведение партий и их лидеров в социальных медиа в ходе предвыборных кампаний.

Рассматриваемые страны представляют собой три испаноязычных государства с абсолютно разными политическими режимами. В соответствии с Индексом демократии, Венесуэла является государством с переходным режимом, в то время как Мексика и Аргентина занимают схожие позиции как страны с несовершенной демократией. В этих странах существует определенная специфика законодательства в сфере регулирования информационного пространства, ограничений свободы СМИ и т.д. Изменение внутренне- и внешнеполитического курса этих стран и бурное развитие информационно-коммуникационных технологий представляют значительный исследовательский интерес. Сравнение социальных медиа в Мексике, Аргентине и Венесуэле в данной работе проведено на основании международных рейтингов: Networked Readiness Index, ICT development Index, Web Index, Freedom on the Net.

Таблица 1. Позиции стран в индексах развития Интернета

Индексы	Аргентина	Венесуэла	Мексика
The Web Index(2014)	31 (60,74)	59 (29,79)	37 (55,34)
Freedom on the Net(2015)	Свободный интернет	Частично свободный интернет	Частично свободный интернет
ICT Development Index (2015)	52 (6,05)	72 (5,48)	95 (4,62)
Network Readiness Index (2015)	91 (3,7)	103 (3,4)	69 (4,0)

Важно отметить тот факт, что развитие интернет-технологий встретило на своем пути ряд трудностей, таких как высокие цены на интернет, плохое качество соединения, монополия провайдеров и многие другие факторы. Однако, на сегодняшний день, проводится активная политика для преодоления этих трудностей, например, распространение широкополосного доступа во многих странах поддерживается на государственном уровне.

В трех рассматриваемых странах законодательство достаточно серьезно ограничивает сферу социальных медиа, несмотря на ратификацию Американской конвенции по правам человека и ряда договоров о свободе выражения мнения и слова.

Законодательство в сфере регулирования интернета у каждой страны имеет свою специфику, но можно найти точки соприкосновения. Например, во всех рассматриваемых странах официально не существует законов, каким-либо образом запрещающих распространение информации. Однако, формулировки законов, подзаконных актов и различных поправок имеют очень широкую степень охвата и неточные формулировки. Так же, не существует определенного регламента проведения, приостановления и наложения санкций на различные сайты и пользователей за распространение информации. Ссылаясь на таблицу о свободе интернета, составленную по показателям всемирных индексов, можно сделать вывод, что лидером в данном списке является Аргентина, с достаточно свободным интернетом, затем идут Мексика и Венесуэла. В Венесуэле правительство достаточно жестко регулирует интернет среду, например, только за последний год в преддверии парламентских выборов был осуществлен ряд арестов и новых законопроектов, усиливающих контроль над Интернетом.

Политики ведущих партий достаточно активно используют интернет-пространство для достижения некоторых выгод. Наиболее популярными партиями Аргентины на сегодняшний день являются Фронт за победу (Frente para la Victoria, FpV) и Республиканское предложение (Propuesta Republicana, PRO), в Мексике – Институционно-революционная партия (Partido Revolucionario Institucional, PRI) и партия Национального действия (Partido Accion Nacional, PAN), а в Венесуэле - Единая Социалистическая партия (Partido Socialista Unido Venezuela, PSUV) и партия За Справедливость (Primero Justicia, PJ). Интересен тот

факт, что политики от оппозиции более активно взаимодействуют с избирателями через социальные медиа.

В области ведения предвыборных кампаний анализируемые страны достаточно схоже используют медиа площадки. Тактики, к которым прибегают конкурирующие партии имеют схожую направленность. Например, достаточно сильно развит такой феномен, как использование ботов и фальшивых аккаунтов (в Мексике в 2012 году правящая партия активно использовала это явление). Также фальсификация информации об оппоненте и распространение соответствующих видео и фото часто используется во время предвыборных кампаний.

Оппозиция Венесуэлы не имела ресурсов для пропаганды в традиционных СМИ, поэтому социальные медиа стали эффективным инструментом для проведения предвыборной агитации. Несовершенство законодательной базы облегчили эту борьбу для оппозиции. В социальных медиа начали обращать внимание граждан на отсутствие политических свобод и силового подавления оппозиции, и были предприняты попытки дискредитировать государственные органы и активно поддерживать оппозицию. В последних парламентских выборах она одержала победу, в какой-то степени этому поспособствовала успешная тактика поведения в социальных медиа.

В Аргентине социальные сети используются скорее для проведения опросов по поводу возможной победы одного из кандидатов. Также здесь иногда публикуются аналитические материалы о ходе предвыборной гонки.

Большаков А.Г. (КФУ, Казань)

ПРАКТИКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКИМИ РЕГИОНАМИ- ДОНОРАМИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Любой кризис (в том числе и политический) имеет две стороны. Первая сторона – разрушительная, ведущая к дисфункциям (падение уровня производства и курса национальной валюты, рост безработицы, усиление различного рода конфликтов). Вторая сторона кризиса – стимулирование поиска вариантов возможного развития, что приводит к появлению других моделей управления, к усложнению институтов и даже новому политическому курсу.

На практике новые модели управления могут быть так же неэффективны, как и предыдущие, сдерживать социально-экономическое развитие, приводить еще к более существенному кризису. Так, российский социально-экономический кризис 2014-2017 гг. обострил проблемы регионального неравенства, способствовал обеднению различных социальных групп, уменьшил поступления средств в бюджеты различных уровней и др.

Типологически можно выделить четыре основных разновидности социально-экономических конфликтов, которые господствуют сегодня в регионах России. К ним относятся: социально-трудовые конфликты (СТК); конфликты раздела собственности (наиболее интенсивные – рейдерские захваты); конфликты строительных компаний и дольщиков из-за несданного жилья; конфликты финансовой несостоятельности банков в различных российских регионах.

Показательным в этом плане является такой регион как Республика Татарстан. Изменение финансовой политики Правительством РФ (перераспределение налогов в пользу федерального центра) не позволила республике справиться с банковскими кризисом 2016-2017 гг. без больших потрясений. Наиболее известной стала ситуация вокруг финансового краха четырех банков республики, крупнейшим из которых являлся «Татфондбанк» и невыплат денег их вкладчикам.

Властями Республики Татарстан в качестве выхода из создавшейся ситуации первоначально был предложен механизм санации и найден субъект ее возможного проведения – группа компаний «ТАИФ». Однако подобное регулирование ситуации не входило в планы Национального банка РФ. Руководители Татарстана, которые не смогли найти в бюджете региона необходимых средств для регулирования банковского кризиса, выступили с критикой новой финансовой политики. В ответ на критику федеральный центр приступил к действиям по собственному регулированию банковского кризиса в Татарстане.

3 марта 2017 года федеральным банковским руководством было принято решение об отзыве лицензий у нескольких татарстанских банков. Это означало банкротство данных организаций, увольнение их персонала и отсутствие выплат пострадавшим вкладчикам. Для облегчения положения людей руководство Татарстана смогло провести выплаты большинству физических лиц, которые имели застрахованные вклады, остальным в таких выплатах было отказано.

Отсутствие выплат породило в обществе напряжение и конфликты, что привело к открытым выступлениям части вкладчиков перед зданием Кабинета Министров РТ. Спасительным для властей стал небольшой масштаб протестных выступлений (не более 200-300 человек). Но региону было продемонстрировано то, что его экономическая и социальная стабильность может быть подорвана в любой момент.

Республиканские власти были вынуждены задуматься о смене планов своих действий. В Татарстане произошло несколько громких арестов людей, которые, по предположению следственных органов, виновны в финансовых махинациях банков-банкротов. 3 апреля ушел в отставку премьер-министр Республики Татарстан и по совместительству глава Попечительского совета «Татфондбанка» И. Халиков.

26 апреля 2017 года на встрече Президента РФ В. Путина и Президента РТ Р. Минниханова было заявлено о создании специального фонда, часть прибыли от проектов с земельными участками которого инвесторы обязаны перечислять на выплаты пострадавшим клиентам.

Подобный план вызвал критические оценки со стороны экспертов и самих вкладчиков. Но, по всей видимости, перспективы протестов в республике в ближайшее время минимальны. В результате событий последнего года с рынка ушли наиболее проблемные банки, при этом компенсация потерь вкладчиков будет надолго определять повестку дня Татарстана.

Банковский кризис в Татарстане и его федеральное регулирование являются основой для понимания событий летом 2017 года, когда федеральный центр в одностороннем порядке отказался пролонгировать договор между РФ и РТ о распределении компетенций и полномочий, посчитав, что подобный документ, существовавший в форме федерального закона, просто не нужен. Через СМИ Татарстану было обещано сохранение должности Президента РТ, но только до конца срока пребывания в ней Р. Минниханова.

В современной ситуации для российских властей более удобной является модель централизованной федерации, где «правила игры» определяются сверху, а не регионами.

Большаков С.Н. (СГУ им. П.Сорокина, Сыктывкар)
**ПОЛИТИКА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ:
ИСТОКИ И ПРИЧИНЫ**

Проблематика развития ЕС обусловлено спектром возникших противоречий политического и социально-экономического порядка.

Творческий характер и инициатива присущи обществам, которые развиваются собственным путем; политическое устройство средневековой Европы было основано на принципе власти, трактуемой как личная связь между вассалом и сеньором. «Высшим

выражением этой системы, стала, в принципе, Империя; неслучайно последовательным теоретиком федерализма был И.А.Альтузий, немецкий кальвинист и юрист, стремившийся дать теоретическое обоснование сложной децентрализованной структуре Священной Римской империи»⁴⁶. Согласно его теории, каждый уровень легитимности и полномочий зависит от нижележащего уровня. На самом нижнем уровне политического порядка, каковым является город, члены сообщества - не индивидуальные жители, но семьи и ассоциации (коллегии), связанные вместе. Для Альтузиуса суверенитет (*ius regni*) исходит не от индивидуума, а от целого, совокупности (*universitas*) членов, каковыми являются не индивидуумы, даже не семьи и ассоциации, а города, провинции и регионы, составляющие сообщество. Таким образом, его система распространяется снизу вверх⁴⁷.

Либеральный универсализм готов повсеместно навязывать свою систему ценностей. Федералистская позиция нейтральна. Индивидуумы и социальные группы не могут претендовать на знание того, что лучше для других: подобная прерогатива принадлежит только членам данного конкретного сообщества.

Федералистская мысль всегда противопоставляла монополии «национальной идентичности» этнокультурное возрождение регионов, с одной стороны, а с другой - европейскую идентичность.

Рассматривая сложные соотношения между этничностью, самоидентификацией и реальной «принадлежностью», А.Олунд, так отвечает на этот вопрос: «Иммигранты, и, пожалуй, еще более их дети, являются «чужаками», близкими, но дистанцированными. В их поиске идентичности, унаследованной либо приобретенной, зреют новые очаги конфликта в европейских обществах». Ф.Шмиттер ставит вопрос: что заменит национальное государство в Европе, если оно угаснет? Он поддерживает тезис, согласно которому значимость представительной демократии и парламентаризма уменьшается. Однако если национальные государства Западной Европы находятся на стадии угасания, важно выявить, какая новая форма их заменит. На смену сегодняшней европейской системе, придет либо полное федеративное государство, либо частичная конфедерация и консорциум для некоторых частичных функций, скорее предполагающий кондоминиум. В рамках такого Кондоминиума территории и функции, отданные под компетенцию ЕС, могут различаться. Подобные вариации могут стимулировать политическую идентичность⁴⁸.

Диалектика разнообразия и однородности особенно очевидна в контрасте федерализма и демократии.

Комитет регионов ЕС следит за соблюдением принципа субсидиарности, записанного в Маастрихтском договоре. Этот церковный термин реанимировал Ж.Делор. Сегодня в юридическом смысле слова субсидиарность означает, что в рамках ЕС решения должны приниматься на уровне, наиболее близком к гражданам. Однако идет постоянная дискуссия о дефиците демократии, потому что у граждан ЕС создается впечатление, что решения принимаются в Брюсселе, а демократическая процедура Еврокомиссии играет роль лишь некоего декора. Комитет регионов дает возможность выразить свое мнение на европейском уровне представителям местных и региональных объединений, так как именно они призваны претворять в жизнь большую часть общеевропейских законов.

Как пишет Э.Гидденс, создание ЕС произошло благодаря региональной политике, которая, естественно, была направлена в первую очередь на выравнивание различий в уровне жизни разных субъектов, входящих в Союз⁴⁹.

⁴⁶ Flemming T. The federal Principle // Telos. N.Y., 1994. N100. P.32.

⁴⁷ Фадеева Т.М. Европейский федерализм: современные тенденции. Серия «Федерализм, региональное управление и местного самоуправления». - М.: ИНИОН РАН. 2000. С. 84.

⁴⁸ The future nation-state: Essays of cultural pluralism and political integration/ ed. Gustaffson S., Lewin L. - L., N.Y., 1996. P.34, 101.

⁴⁹ Гидденс Э. Неспokoйный и могущественный континент. Что ждет Европу в будущем. - М: Дело, 2015. С.40-41.

Интеграционный процесс в Европе, эффективно не решив свое социальное измерение, столкнулся с расовыми и цивилизационными проблемами и ставшими глубинной причиной «кризиса предместий», этнических агломераций, по существу кризиса этнических общин, кризиса цивилизаций. Интеграционные процессы в Европе очевидно не являются панацеей от цивилизационных кризисов. Пройдя этапы торговой, экономической, валютной интеграции, продвинувшись по пути политической интеграции, ЕС оказался в тупике цивилизационного разлома и неспособности его преодолеть путем социальной интеграции.

Большакова Ю.М. (Коми республиканская академия
государственной службы и управления, Сыктывкар)

О КЛИЕНТО-ОРИЕНТИРОВАННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ЗАДАЧАХ МОНИТОРИНГА КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

В указанном контексте особое место занимает сфера государственных услуг. Ее важность определяется не только утилитарной значимостью, но и тем, что она является передним краем взаимодействия общества и государства, где в силу таких особенностей этого взаимодействия, как высокая интенсивность, контактность и систематичность, характер отношений государства и общества находит здесь наиболее концентрированное выражение. Став своего рода индикатором эффективности управления социальной жизнью общества и приобретая, вследствие этого, значение репутационного фактора, эта сфера заняла одно из первоочередных мест в ряду подсистем, претерпевающих институциональную трансформацию в РФ. Предпринимаются практические попытки реформирования этой сферы в направлении ее сервисолизации.

Для государственных органов и государственных служащих, задействованных в процессе оказания государственных услуг гражданам и организациям, одним из важнейших показателей качества государственного управления является уровень удовлетворенности граждан, получающих соответствующие государственные услуги. В отличие от многих управленческих процессов, при измерении качества которых приходится ограничиваться лишь оценкой промежуточных результатов, процесс предоставления государственных услуг позволяет оценить достижение именно конечной цели – удовлетворенности потребителей и эффективности реализации клиентоориентированного государственного управления.

Во всех странах мира органы государственного управления и самоуправления работают над улучшением отношений и повышением качества обслуживания своих граждан. Современное видение роли государственных органов заключается в том, что орган власти призван служить гражданам, а не наоборот. Обслуживание по принципу «одного окна» означает наличие подразделения, в которое граждане могут обращаться для получения государственных и муниципальных услуг, или для их запроса. Синонимами организации обслуживания по принципу «одного окна» являются «общественный информационный центр» или «магазин муниципальных услуг существует несколько причин, по которым организация обслуживания по принципу «одного окна» может быть полезной вашей организации местного самоуправления:

- повышает качество оказания услуг вашим органом местного самоуправления.
- улучшает отношения между органом местного самоуправления и гражданами.
- позволяет организовать контакты между гражданами и организацией органа местного самоуправления более эффективным и действенным способом.

В условиях внедрения практик «нового государственного менеджмента» по прежнему остается актуальным для исследователей вопрос пределов институционального

обновления сферы предоставления государственных и муниципальных услуг, особенно социальной сферы обслуживания населения, качества этих услуг, где основным препятствием на пути к оценке роли государственного аппарата управления в производстве общественных благ является отсутствие пригодных для оценки сравнительных данных об организации государственного аппарата и о поведении чиновников.

Регулярный мониторинг качества предоставления государственных и муниципальных услуг позволяет констатировать значение обратной связи оценки деятельности государственных органов и органов местного самоуправления по решению социально-значимых задач. В Республике Коми в рамках исполнения Указа Президента РФ от 07.05.2012 №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» была организована работа по контролю предоставления населению государственных и муниципальных услуг на базе многофункциональных центров, а также реализуется мониторинговая функция по достижению уровня удовлетворенности граждан государственными и муниципальными услугами.

Объем публикации и масштаб проблемы не позволяют в полной мере представить результаты анализа удовлетворенности граждан качеством предоставления услуг и в конечной мере оценить результативность работы государственного аппарата управления. Но тем не менее следует отметить, что результаты 5-летнего мониторинга позволяют говорить о наличии реальных возможностей достижения качественных критериев, определенных указом №601 от 7.05.2012г., к 2018 году уровень удовлетворенности должен составлять не менее 90%. С каждым годом мониторинга все меньше жалоб клиентов получающих государственную услугу в части времени предоставления услуги, оценки «плохо» и «очень плохо» выставили в сумме 0,4% опрошенных, оценивая время ожидания в очереди при получении государственной услуги только 1,19% респондентов - «плохо» и «очень плохо» отметили данный показатель. Такой показатель, как вежливость и компетентность сотрудника, взаимодействующего с клиентом при предоставлении государственной услуги в своих отрицательных значениях в 2017 году показал 0,61% в сумме оценок «плохо» и «очень плохо». В процессе мониторинга наблюдается рост показателей «комфортность условий помещений в котором оказывается услуга» и «доступность информации о порядке предоставления государственной услуги», данные показатели составили соответственно 92,81% и 93,29% ответов респондентов соответственно в сумме ответов «хорошо» и «отлично».

Результаты данного исследования конечно не всегда позволяют говорить о положительных тенденциях в реформе государственного управления в целом, о понимании процессов трансформации государственной службы, но качественные сдвиги в решении общественных задач налицо.

Бориско О.А. (КубГУ, Краснодар)

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ⁵⁰

Федеральные органы государственной власти России посредством реализации образовательной и культурной политики определяют цели и приоритеты формирования региональной идентичности молодежи. Региональные органы власти разрабатывают и реализуют комплексную политику по формированию ценностей, оценок и представлений молодежи. Государственные органы власти, проводя культурно-образовательную политику в отношении молодежи, создают нормативно-правовые акты, специальные программы. Также

⁵⁰ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 16-13-23026 «Формирование региональной идентичности молодежи в культурно-образовательной среде Краснодарского края» (2016-2017 гг.)

органы государственной и муниципальной власти разрабатывают план молодежных мероприятий, которые реализуются либо самими органами власти, либо к их проведению привлекаются другие институты. Заметим, что процесс разработки приоритетов и направлений работы в данной области никогда не останавливается, и субъекты, которые конституируют идентичность, находятся в состоянии определения и переопределения⁵¹. Реализуя культурно-образовательную политику, органы власти постоянно корректируют программы, способствующие формированию региональной идентичности молодежи.

Формирование региональной идентичности молодежи в Краснодарском крае происходит через правовые, организационные, информационные и научно-аналитические механизмы.

Правовые механизмы включают в себя развитие нормативно-правовой базы, определяющей место и значение региональной компоненты культурной и образовательной программ. На федеральном уровне законодатель определяет объем региональной части в образовательном процессе, региональные власти наполняют данный компонент программы определенным содержанием. В Краснодарском крае реализуются государственные программы развития образования региона, важное место определяется изучению в образовательных учреждениях края дисциплин «Кубановедение» и «История Кубани».

К организационным механизмам относится разработка программ, направленных на формирование региональной идентичности молодежи, организация мероприятий, способствующих проведению работы по формированию благоприятного образа региона и региональной общности у молодежи, проведение научных исследований по данной проблематике. Важную роль играют механизмы взаимодействия различных субъектов формирования идентичности молодежи, которые аккумулируют проводимую работу всех институтов. В Краснодарском крае традиционно проводятся молодежные региональные форумы и работают площадки в летних оздоровительных лагерях, где в рамках реализации образовательного компонента молодые люди получают знания о регионе. Возможность участия на дискуссионных площадках позволяет молодежи сформировать умение формулировать и выражать собственную точку зрения по многим актуальным для края вопросам.

Через информационные механизмы происходит информирование молодежи в средствах массовой информации о запланированных мероприятиях, которые способствуют формированию представлений молодежи об истории, культуре, особенностях Краснодарского края. В последнее время активизировалась работа по информационному сопровождению организации и проведения мероприятий для молодежи в популярных среди молодых людей социальных сетях.

Научно-аналитические механизмы формирования региональной идентичности молодежи должны занимать важное место в реализации данной работы. Они включают проведение комплексных исследований по теме формирования региональной идентичности молодежи, формулирование рекомендаций субъектам реализации региональной образовательной и культурной политики по совершенствованию деятельности в данной области.

Формирование региональной идентичности молодежи в Краснодарском крае происходит в результате деятельности различных институтов, которые непосредственно и опосредованно оказывают влияние на молодежь.

⁵¹ Малинова О.Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности // Политическая наука. 2005. № 3. С. 15.

КСО ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ РФ: ЭФФЕКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИЛИ СПЯЩИЕ ИНСТИТУТЫ ЭТНИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА?⁵²

Практика создания консультативно-совещательных органов по межнациональным отношениям (КСО) в регионах РФ при органах госвласти имеет относительно длительную историю. Первые КСО появились еще в 1990-е гг., а их массовое распространение и обновление пришлось уже на 2000-е – 2010-е гг. Создание КСО сопровождается нормативным признанием за ними функции по обеспечению взаимодействия и консолидации усилий, направленных на гармонизацию межнациональных отношений, обеспечение межнационального согласия и предупреждения межнациональных конфликтов. Насколько реально включенными и/или востребованными оказываются КСО в решение вопросов гармонизации межнациональных отношений и конфликтов? Какие условия оказывают влияние на функциональность КСО как институциональных элементов публичного управления? Ответ на этот вопрос требует не столько обращения к нормативно-правовым актам, регулирующим создание и функционирование КСО на региональном уровне, сколько внимания к таким вопросам как состав КСО и его соответствие этнической структуре регионального сообщества, публичность и открытость деятельности КСО, повестка и программа его работы.

КСО по межнациональным отношениям созданы во всех регионах РФ (преимущественно при высшем должностном лице). Все случаи генеральной совокупности были сгруппированы исходя из следующей логики. Во-первых, учитывались структурные характеристики региона (этническая структура регионального сообщества, его социально-экономические). Во-вторых, политические особенности региональной жизни. В-третьих, данные ФСО (предусмотрены ФЦП "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)" об оценке гражданами состояния межнациональных отношений в регионе. В-четвертых, доля представителей этнических организаций в КСО. Последние два параметра позволяют дифференцировать регионы на 1) условно «благополучные» / «неблагополучные» и 2) на регионы с «хорошим» представительством этнических групп (доля представителей этнических организаций в КСО выше средней по России) и «плохим» представительством этнических групп (доля представителей этнических организаций в КСО ниже средней по России).

Были выбраны две пары регионов, этническая структура которых характеризуется наличием двух относительно доминирующих этнических групп.

Первая гипотеза: условно «хороший подход» к формированию КСО способствует нормализации или воспроизводству благоприятной (оцениваемой как благоприятная) ситуации в сфере межнациональных отношений. Для проверки этой гипотезы были выбраны республики Бурятия и Якутия, где по данным ФСО ситуация в межнациональных отношениях оценивается, как благополучная, но при этом в Якутии в составе КСО этнические организации представлены минимально («плохой подход»), а в Бурятии, напротив, при формировании КСО представители этнических организаций и нацменьшинств – в большинстве («хороший подход»).

Вторая гипотеза: представительство этногрупп не оказывает сколько-нибудь значимого влияния, в то время как более значимыми являются практики работы КСО (активность, публичность). В этом случае пару составили республики Адыгея и Алтай.

⁵²

Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ №16-03-00121.

В ходе сравнительного анализа оценивалось потенциальное влияние конфигурации и деятельности КСО на региональную ситуацию в межнациональной сфере; определялись место и роль КСО в региональной политике по гармонизации межэтнических отношений.

Сравнительный анализ практик создания и функционирования КСО в Бурятии и Якутии показал, что в Бурятии КСО способствует нормализации и воспроизводству благоприятной ситуации в межнациональных отношениях. Совет непрерывно работает с 1998 года, его отличает проработанный и адекватный с точки зрения представительства этнических групп состав. В то время как рост активности якутских чиновников в плане проведения заседаний КСО в условиях «неправильного» состава не снижает уровень конфликтности в сфере межнациональных отношений в регионе.

В случае сравнения Алтая и Адыгеи было обнаружено различие структур КСО. Для Адыгеи характерно доминирование представителей этно-организаций. В свою очередь алтайский КСО отличается доминированием в составе Совета региональных, федеральных и местных чиновников, депутатов. Информационная активность обоих КСО крайне низка (наличие и наполненность сайт/интернет-страницы; частота упоминания в прессе и т.п.). И это наблюдение не дает возможности понять, в какой мере советы влияют на решение вопросов в области межнациональных отношений в своих регионах. Зафиксированная низкая публичность КСО по межнациональным отношениям, ограниченная доступность информации об их создании и деятельности ставят под сомнение эффективной функциональности КСО как институтов публичного правления.

Бочанов М.А. (РАНХиГС при Президенте РФ, Орел)

РОЛЬ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В РАСШИРЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАН

В настоящее время складываются некоторые тренды и противоречия в расширении политической активности граждан в условиях развития интернет-технологий. На наш взгляд, возникают определенные сложности практической реализации концепции электронной демократии, электронных выборов, проблемы электоральных технологий и использования социальных медиа для политической мобилизации. Интернет способен повышать прозрачность и открытость деятельности властных органов, а также способствовать расширению каналов интерактивного взаимодействия граждан и институтов-посредников. Это влечет за собой как развитие более «свободных» форм политической активности (движений, «монопроблемных» гражданских инициатив и т. д.), так и трансформацию традиционных институтов, в частности политических партий. С помощью интернет-площадок для активных граждан государство получает импульсы со стороны гражданского общества, что положительно сказывается на результатах государственного управления.

Интернет имеет потенциал реализации элементов прямой демократии, обеспечив прямой контакт с властью, исключая промежуточные звенья, сводя к минимуму зависимость людей от выборных чиновников, групп давления, партий. В свою очередь, возможности интернет-технологий в области электронного голосования и демократии участия на практике не так значительны, как предполагали исследователи во времена появления Интернета.

В настоящее время основным мотивом интернет-присутствия политических партий и кандидатов остаётся поддержание имиджа, а не реальная двусторонняя коммуникация с избирателями. Гипотеза о влиянии Интернета на демократизацию авторитарных политических режимов основывается на том, что в силу сетевой структуры Интернет не поддаётся контролю со стороны государства. Однако это не всегда подтверждается на практике. Интернет, как и другие источники информации, может способствовать нарастанию политической пассивности, дает инструментарий для манипулирования, навязывания чужого

мнения и стереотипов массового поведения.

Значимым негативным аспектом Интернета является низкий уровень достоверности информации⁵³. Достаточно показательно, что молодые люди доверяют информации из сети гораздо больше, чем граждане среднего возраста и старшего поколения. Анализ результатов социологических исследований показывает тренд снижения интереса к политике со стороны граждан на фоне развития политического влияния интернет-технологий и появления новых форм политической активности⁵⁴. Мы полагаем, что роль общественно-политических организаций гражданского общества в современных демократиях не уменьшается, как это представляли сторонники электронной демократии, что позволяет задуматься над реальными последствиями влияния Интернета на сферу политики и открывает перед научным сообществом новую грань проблемы интернет-технологий в политике.

Бочаров Ю.Б. (Министерство энергии, Хайфа, Израиль)
**«ЗАРУБЕЖНЫЙ» ИЗБИРАТЕЛЬ: «ПОЧЕМУ Я НЕ МОГУ
АГИТИРОВАТЬ ЗА ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ?»**

Менее полугодия отделяют нас от выборов президента Российской Федерации. Эти выборы знаменательны тем, что в этот день к избирательным урнам смогу прийти все граждане Российской Федерации вне зависимости от места проживания и места нахождения. Ведь эта возможность не быть привязанным к своему адресу прописки как крепостной, появилась лишь сейчас, благодаря инициативе ЦИК РФ по отмене открепительных удостоверений. Граждане России так же могут голосовать не только на ее территории, но и за ее пределами. При этом право голосовать есть у всех наших граждан даже несмотря на наличие второго гражданства и постоянного проживания за рубежом.

Все это как бы очень демократично и отлично, если бы не отдельные нюансы или как говорить, "если иное не обговорено законом", которые и портят всю картину.

Сегодня за рубежом, по данным консульского учёта МИД РФ, проживает более 1,8 миллиона российских избирателей, а ведь это почти 4 округа. Одним из камней преткновения, особенно в странах с многотысячной русской диаспорой является принцип организации участковых избирательных комиссий (УИК). Всего в 147 странах мира ЦИК при поддержке МИД РФ организует чуть более 380 избирательных участков. К примеру, в той же Германии, где только зарегистрированных избирателей более полумиллиона их всего 10. То есть по 50 тысяч избирателей на участок и на комиссию в 5-6 человек. В Израиле для 150 тысяч зарегистрированных избирателей создается лишь 13 участков, тоже самое в США, Англии, Прибалтике и в большинстве европейских стран. Дело в том, что согласно действующему законодательству, все зарубежные УИК комплектуются только из числа членов российских дипломатических миссий, а в силу ограниченности их персонала, ограничено и число участков.

А вот еще не менее парадоксальный момент нашего законодательства о выборах. Это вопрос организации агитационной работы за поддерживаемого нами кандидата. Законодательство фактически не позволяет на законных основаниях организовать ни рекламную, ни разъяснительную кампанию по выборам кандидата в президенты, за пределами территории Российской Федерации.

⁵³ Гришин О.Е. Политическая деятельность: технологическое измерение // Вестник Омского университета. -2011. -№ 3. -С. 296-302.

⁵⁴ Опрос подростков: интерес к политике и источники информации // Фонд общественное мнение. Официальный сайт. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13324> (дата обращения: 29.05.2017).

Так к примеру, федеральный закон N 67-ФЗ (ред. от 01.06.2017) "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" (статья 48 пункт 7) запрещает проводить предвыборную агитацию, агитацию по вопросам референдума, выпускать и распространять любые агитационные материалы: - "государственным органам" и "иностранным гражданам".

То есть за рубежом, запрещено выпускать и распространять агитационные материалы-дипмиссиям ведь они «государственные органы» и проводить агитацию практически всем зарубежным избирателями, ведь в большинстве своем они - иностранные граждане (лица с двойным гражданством), ведь иное не обговорено в законе.

С другой стороны, закон разрешает гражданам Российской Федерации проводить предвыборную агитацию, призывать голосовать за кандидата, распространять информацию, в которой явно преобладают сведения о каком-либо кандидате в сочетании с позитивными либо негативными комментариями. Но сделать официально за рубежом, это практически невозможно. Ведь федеральный закон от N 20-ФЗ (ред. от 18.06.2017) "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" (статья 54, пункт 1) утверждает, что все агитационные материалы должны изготавливаться на территории Российской Федерации.

Выходит, что за рубежом, нет никакой официальной возможности вести агитацию за кандидата в президенты РФ. В итоге «зарубежные» избиратели практически не получают на местном уровне никакой информации о кандидатах, и должны довольствоваться, публикациями в местных СМИ или различных интернет сайтов и результате в основном получают недостоверную или слегка искаженную местными СМИ информацию.

Кстати зарубежные представители СМИ могут получить аккредитацию на выборы через МИД РФ, однако согласно действующему законодательству только для работы на территории России, в законе вообще не оговаривается аккредитация зарубежных представителей СМИ, в том числе и русскоязычных, для работы на территории их стран.

Как мне кажется пора изменить ряд статей закона, для более полной информации избирателей, проживающих за пределами территории РФ.

Но как показывает практика, до этих поправок так-то далеко, поэтому у многих зарубежных избирателей возникает вопрос, а куда писать, чтобы нам прислали агитационные и информационные материалы по выдвижению в кандидаты в президенты и в дальнейшем выборы их представителя - президента России В.В.Путина?

Ведь мы, как и вы хотим легитимности избранной власти, поэтому хотим поступать и избирать по закону. Может не стоит превращать выборы за рубежом в фикцию и пришло время либо менять законы, либо обеспечивать за границу материалами, позволяющие нам вести нормальную и главное законную агитационную работу за своего кандидата?

Броварь А. В. (Донбасская юридическая академия, Донецк, Украина)

ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Современные государства сталкиваются с множеством глобальных проблем, среди которых выделяют следующие: проблема киберугроз, терроризма, поддержания мира, демографическая проблема, проблема преодоления отсталости, экологическая проблема, а также проблема истощения ресурсов. Особо остро стоит проблема продовольствия. Сейчас на планете практически каждое государство и каждая межгосударственная организация пытаются найти пути решения данной проблемы. Однако не все в решении данной проблемы

преследуют благие цели, что часто создаёт серьёзные угрозы национальной безопасности государств.

К факторам, влияющим на продовольственную безопасность государства могут относиться: 1) уровень обеспечения населения продовольствием, уровень платежеспособного спроса; 2) степень зависимости национального рынка от импортных поставок продовольствия, конкурентоспособность агропромышленного комплекса страны; 3) конкурентоспособность продукции по качеству и / или цене продовольствия собственного производства; 4) степень развитости внешнеэкономических связей; 5) эффективность деятельности хозяйствующих субъектов в АПК; 6) объёмы обязательств по внешнему долгу; 7) совместная деятельность иностранных государств и транснациональных корпораций.

Принимая это во внимание, важно подчеркнуть, что механизмы политики обеспечения продовольственной безопасности должны осуществляться на государственном уровне, поскольку ее обеспечения невозможно без централизации и координации действий всех участников этого процесса. Система продовольственной безопасности региона должна учитывать приоритетность общегосударственных интересов в этой области, единство и взаимосвязь регионального и национального производства и не ставить под угрозу продовольственную безопасность других регионов при реализации собственных интересов.

Если тщательно проанализировать все угрозы продовольственной безопасности, то понятно, что защита – в наращивании собственного производства. Но главная угроза продовольственной безопасности заключается в том, что у населения не хватает стимулов заниматься сельским хозяйством. Целые отрасли сегодня являются нерентабельными.

Кроме того, можно выделить следующие механизмы обеспечения продовольственной безопасности в современных условиях:

1. Полный отказ от генно-модифицированной продукции.
2. Ответственный и серьёзный подход к вопросу развития собственного агропромышленного комплекса.
3. Минимизация содержания химикатов в удобрениях сельскохозяйственной продукции.
4. Государственное субсидирование фермерских и иных сельскохозяйственных угодий.
5. Усиление контроля над импортом продукции, прежде всего в вопросе безопасности ее употребления.
6. Усиление ответственности за распространение и выращивание трансгенных культур.

Продовольственная безопасность имеет ключевое значение для стран с переходной экономикой, особенно тех, что находятся под экономическими санкциями. В этих условиях, возможности решения продовольственной проблемы напрямую связаны с решением стратегических вопросов агропромышленной сферы экономики. И, конечно же, важной задачей обеспечения продовольственной безопасности традиционно является повышение жизненного уровня населения на основе увеличения объемов производства продуктов питания и производительности труда, развития научно-технического прогресса.

Брянцев И.И. (ПИУ им. П.А. Столыпина РАНХиГС, Саратов)
**ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ
И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ**

Анализ региональных практик взаимодействия власти и национально-культурных объединений в реализации национальной политики в различных субъектах Российской Федерации и в частности в Приволжском федеральном округе показывает, что с целью эффективной реализации конституционно - правовых принципов регулирования межнациональных отношений, поддержки и координации общественных инициатив в

достижении целей национальной политики, осуществления конструктивного взаимодействия и диалога между органами государственной власти и национальными общественными организациями созданы и функционируют соответствующие структурные подразделения в системе органов государственной исполнительной власти субъекта федерации.

Анализ функциональной направленности деятельности этих структур свидетельствует о том, что основной акцент в сфере национальной политики, в реализации которой они принимают участие делается на принцип национально – культурной организации общественной жизни. Это является наиболее оправданной стратегией в условиях полиэтничного состава российского социума. Это особенно актуально также и в связи с тем, что такая стратегия позволяет формировать единые приоритеты при организации межведомственного взаимодействия реализации национальной политики особенно в решении вопросов профилактики и предупреждения проявлений этнофобии, радикализма и экстремизма на самой начальной стадии их зарождения как на региональном уровне, так и на муниципальном. Такое межведомственное взаимодействие и координация совместных усилий как показывает практика позволяет эффективно решать задачи по поддержанию межнационального мира и общественного согласия, обеспечивать диалоговые коммуникации широкого спектра национально-культурных и общественных организаций, активно участвующих в реализации национальной политики.

В качестве критерия оценки эффективности такого взаимодействия власти и национально-культурных общественных объединений степень доверительности такого общения, когда информация о предконфликтных ситуациях не утаивается от органов власти, а поступает оперативно и своевременно. Это особенно важно в связи с тем, что, наверное, в принципе невозможно сформировать законодательную базу, которая бы в полной мере удовлетворяла всех субъектов нашего общества и их представлениям о формах и методах формирования общественно-политического единства и минимизации межнациональной напряженности и различных этнополитических проблем, многие из которых сегодня имеют глобальный характер.

Анализируя опыт Саратовской области, в частности, следует отметить, что переход к социально ориентированному эффективному типу управления этносоциальной ситуацией невозможен без функционирования эффективных структур и механизмов гражданского общества, общественного контроля деятельности государства и бизнеса.

На сегодняшний день в Саратовской области зарегистрировано более 30 национальных объединений, культурных автономий, 200 национально-культурных центров⁵⁵. Лидеры национальных объединений постоянно принимают активное участие в работе различных форумов и совещаний, проводимых в том числе и на общероссийском уровне. Предоставленное народам области право выбора своего пути в общецивилизационном процессе, а также налаженная в области работа по созданию условий для развития каждой нации позволяют предположить, что в ближайшее время тенденция к росту числа национальных обществ сохранится⁵⁶.

Органами исполнительной власти региона реализуется комплекс мер по реализации в этой сфере государственных услуг на конкурсной основе в целях реализации мероприятий по информационному сопровождению деятельности в сфере общественных, национальных, государственно-конфессиональных отношений и укрепления единства российской нации в рамках подпрограммы 13 «Гармонизация межнациональных отношений и этнокультурное развитие народов Саратовской области» государственной программы Саратовской области «Культура Саратовской области до 2020 года», утвержденной постановлением Правительства Саратовской области от 20 ноября 2013 года № 642-П, в рамках основного мероприятия 13.1

⁵⁵ Статистическая справка Комитета общественных связей и национальной политики Саратовской области. [Электронный ресурс] URL: <http://www.saratov.gov.ru/government/structure/komobotn/statistika.doc>

⁵⁶ Брянцев И. И. Диалог между властью и национально-культурными общественными организациями: проблемы и перспективы их разрешения //социум и власть. 2009. № 3. С.83-88

«Информационное сопровождение деятельности в сфере общественных, национальных, государственно-конфессиональных отношений и укрепления единства российской нации» и исполнения приказа комитета общественных связей и национальной политики области от 9 марта 2017 года №7 «Об утверждении детализированного перечня мероприятий, взаимоувязанных по срокам и объемам финансирования, реализуемых в 2017 году в рамках подпрограммы 13 «Гармонизация межнациональных отношений и этнокультурное развитие народов Саратовской области» государственной программы Саратовской области «Культура Саратовской области до 2020 года» (в редакции приказа от 22 августа 2017 года № 24). Стратегической целью реализации этого комплекса управленческих действий является объединение усилий представителей различных общественных сил гражданского общества в поиске необходимых всему обществу решений по значимым проблемам общества.

Сложившаяся с начала 2000-х годов система взаимодействия власти и национально-культурных объединений в том числе и в рамках целевых областных программ дали возможность многим национальным общественным организациям, работающим в области профилактики межнациональных конфликтов, участвовать в реализации совместных с органами власти проектов и почувствовать значимость своего участия в укреплении межнационального мира и согласия и таким образом создавать дополнительные возможности для формирования эффективного механизма управления этносоциальной ситуацией в регионе и повышения эффективности деятельности органов власти, что должно стать неотъемлемой частью реализации мероприятий по выполнению задач «Стратегии 2030» Правительства Саратовской области.

Буковская Н.В. (ТГУ, Томск)

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЗДАНИЕ ПОГРАНИЧНЫХ ИНСТИТУТОВ

В современной России параллельно развиваются два взаимообусловленных процесса, с одной стороны, становление нового постсоветского государства, с другой, - формирование гражданского общества. Политика государства в сфере гражданского общества определяется попытками управлять, во-первых, процессами его формирования, а во-вторых, процессами, происходящими в нем. В результате, во-первых, создается законодательная база, во-вторых, возникают совместные институты государства и гражданского общества. Таким образом государство пытается взять под контроль процесс гражданской самоорганизации, влиять на него изнутри, а также перенять ряд гражданских инициатив с помощью создания определенных институтов, имеющих пограничный статус (их называют переходными, гибридными, смешанными). Пограничность этих институтов определяется их способом формирования, организационными характеристиками, структурой, функциями и полномочиями. В тоже время ответ на вопрос, в какой степени функции государства передаются гражданскому обществу определяется тем, кто доминирует в этих образованиях (государственные чиновники или инициативные группы граждан) и механизмом их формирования (назначением или выборностью). К такого рода образованиям, обладающих двойственным статусом, можно отнести органы местного самоуправления, Общественную палату РФ, Общероссийский народный фронт. Есть позитивные и негативные следствия данного процесса. Негативные состоят в том, что попытки создания гражданского общества сверху могут подавлять инициативы граждан, приводят к появлению карманного контролируемого гражданского общества, которое создает только видимость его существования. Параллельное существование двух типов гражданских организаций (созданных и контролируемых государством и самоорганизующихся, отстаивающих свои права) может привести к политизации ГО, к размежеванию и конфронтации внутри него.

Когда в одном политико-культурном пространстве появляется два типа гражданского общества: стихийное (естественное) и целенаправленно формируемое (искусственное), тогда возникает вопрос о его деполитизации, т.е. об отделении гражданского общества от политических партий. В тоже время не следует забывать, что процессы мобилизации и политизации гражданского общества определяются политической ситуацией, они могут быть связаны или с антитоталитарными и национально-освободительными движениями (снизу) или же с укреплением политического режима (сверху).

Слабое гражданское общество безусловно требует всесторонней поддержки со стороны государства, но она должна быть достаточно деликатной. Позитивные следствия политики государства в сфере гражданского общества определяются следующими факторами. Импульс сверху, со стороны государства, может получить внутреннее ускорение и стимулировать процессы самоорганизации, саморегуляции и саморазвития в гражданском обществе. Это, кстати, может привести и к переформатированию искусственных и политизированных общественных образований, к наполнению их другим содержанием, к деполитизации или отпочковыванию от них самостоятельных самоорганизующихся объединений. Данный процесс эмансипации уже прослеживается в эволюции Общероссийского народного фронта, члены которого становятся все более самостоятельными в борьбе с коррупцией, в артикуляции инициативы снизу. Процесс демократизации государства связан с возникновением промежуточных или смешанных институтов, имеющих двойственную природу, принадлежащих, с одной стороны, государству, а с другой, - гражданскому обществу. Но нельзя путать данные формы с так называемыми «троянскими конями», с помощью которых направляются и подавляются общественные инициативы.

Буланов М.В. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)
**УСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ
ПЕРЕД ПРЕЗИДЕНТСКИМИ ВЫБОРАМИ**

Процесс установления политической повестки дня стал объектом рассмотрения политической науки относительно недавно, во второй половине XX века. Маджоне понимает под установлением политической повестки дня очень емкий политический процесс внедрения в политику идей и институтов, которому достаточно трудно дать однозначное определение, однако описывая его он отмечает, что методологически он возникает из соотношения ресурсов и интересов, что подразумевает принятие политического решения на конкурентной основе и противопоставляется "плюралистической модели государства"⁵⁷. Важным следствием этого тезиса, является то, что повестка дня не может носить всеобъемлющий характер, она заведомо ограничивает решение социальных проблем по критерию эффективности.

А.А.Дегтярев на основе работ Андерсонна и Данна предлагает рассматривать первую фазу принятия политического решения "построение политической повестки дня как определение приоритетных общественных проблем и включение их в официальную повестку публичной политики государственных органов"⁵⁸.

Современное экспертное сообщество в контексте данной темы можно условно разделить на несколько групп. Первыми, на кого нужно обратить внимание, - это общероссийские социологические службы, поллстеры. На сегодня самыми известными такими организациями являются ФОМ, ВЦИОМ и Левада-центр. Каждый из этих центров

⁵⁷ Маджоне Дж. Публичная политика и администрация: идеи, интересы и институты. – Политическая наука: новые направления. Под ред. Х.-Д.Клингеманна и Р.Гудина, М.: Вече, 1999. с 589

⁵⁸ Дегтярев А.А. Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике: динамичный цикл и его основные фазы / А.А. Дегтярев. Полис, — № 4, — 2004, — С. 163—164

имеет репутацию, ресурсы и опыт всероссийских политических исследований, а ВЦИОМ летом прошлого года значительно усилил свои возможности, приобретя TNS Russia, часть транснационального коммуникационного холдинга WPP. Поскольку результаты социологических опросов населения часто зависят от формулировок вопросов, которые будут задаваться, то и проблемное поле, точнее его символическое значение, избирательной кампании будет зависеть от поллстеров. С другой стороны, в связи со спецификой социологических служб, они не столько стремятся к установлению специфической повестки дня, сколько следуют ей.

Второй группой экспертного сообщества можно назвать аналитические центры при различных политических силах. Если обратиться к опыту США, то значительная часть организованного экспертного сообщества там ориентировано на обслуживание интересов конкретных партий, например, Институт Катона и Институт прогрессивной политики сотрудничают с демократической партией США, а Гуверовский институт и Фонд Наследие с республиканцами. В нашей стране подобной ситуации не сложилось, экспертно-аналитические центры группируются вокруг органов власти и партии Единая Россия, в качестве исключения можно привести КПРФ при которой существует Центр исследования политической культуры России (ЦИПКР). Вероятно, аналитические центры сотрудничают и с другими партиями, но они не особенно публичны.

Наверное, самой большой такой структурой является Общероссийский народный фронт (ОНФ), с точки зрения организации экспертно-аналитической работы - это дискуссионная площадка (точнее несколько площадок) в самых разных сферах общественной деятельности и одновременно группа влияния. Слабой и одновременно сильной стороной этой структуры является максимально широкий круг вопросов и максимально широкий круг экспертов, которых она может привлечь, но и соответственно громоздкость, в связи с тем, что повестка дня будет носить ограниченный характер, такой инструмент для установления политической повестки дня просто избыточен.

Вторым по списку, но не по важности является Институт социально-политических и экономических исследований (ИСЭПИ), эта структура, близкая к Администрации Президента РФ, вероятно будет ключевым игроком в процессе установки политической повестки дня в экспертном сообществе. Руководитель института Д. Бадковский одновременно является и членом центрального штаба ОНФ, что позволяет координировать работу этих двух структур в области экспертно-аналитической работы, кроме того ИСЭПИ - распорядитель выдачи президентских грантов по соответствующему профилю, что позволяет привлекать и отдельных экспертов, и коллективы к выработке решений. В свою очередь руководитель ВЦИОМ В.Федоров входит в попечительский совет ИСЭПИ, а сам ВЦИОМ принадлежит государству. Таким образом, образуется связка из поллстера, аналитического центра и широкой дискуссионной площадки, которые могут на основе сотрудничества сформулировать политическую повестку дня на избирательный цикл.

Третью группу могут составлять альтернативные аналитические центры, отмечу лишь некоторые из них. Здесь стоит обратить внимание на фигуру А. Кудрина, ключевую в целом ряде организаций, которые могут составить альтернативную политическую повестку дня: Комитет гражданских инициатив (КГИ), который занимается социально-политическими вопросами, Центр стратегических разработок (ЦСР), объектом внимания которого является экономика, Общероссийский гражданский форум (ОГФ); с учетом же того, что бывший президент ЦСР М. Дмитриев - член правления Лавада-центр, а директор которого Л.Гудков - эксперт Общероссийского гражданского форума, то мы получаем практически аналог проправительственному аналитическому комплексу из связки поллстера, дискуссионной площадки и 1-2 аналитических центров.

Буров И.В. (Институт социологии НАН Украины, Киев, Украина)
**СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ В УКРАИНЕ
В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ**

После 2014 года происходящие в Украине процессы привлекают к себе все большее внимание мировой общественности. События «горячего» 2014 года и последующие за этим события стремительного перехода Крыма в состав России, вооруженное сопротивление на Донбассе обозначенное первоначально как АТО (Анти Террористическая Операция) и которая спустя три года из уст президента Украины уже озвучена как война с Россией (!), стали вехой не только политических, но и социальных (нравственных, идеологических, психологических и пр.) изменений в общественном развитии Украины.

Ежегодный мониторинг общественного мнения, который проводит Институт социологии НАН Украины показал, что основные показатели социальной напряженности несколько снизились по сравнению с прошлым годом, но это снижение незначительное. Если в прошлом году политическую ситуацию в Украине как напряженную и взрывоопасную оценили 91% опрошенных, то в этом году данный показатель снизился всего лишь на 2 п.п. и составил 89%. Длительное нахождение в подобном состоянии расшатывает социальное самочувствие населения, и оценка уровня напряженности в обществе составила 6,8 балла по 10-ти балльной шкале! Следует сказать, что 12% опрошенных отметили крайний уровень напряженности в 10 баллов и 11% опрошенных отметили на шкале показателей 9 баллов!

Общая оценка ситуации в стране за последние три года не получила существенных изменений. В 2017 году почти половина опрошенных (48%) отметили, что «терпеть наше тяжелое положение уже невозможно» (в 2016 г. – 48%, 2015 г. – 45%, 2014 г. – 39%). В тоже время в оценке будущего слегка уменьшается негативизм. Доля считающих, что никакого улучшения не будет, хоть и остается высокой (48%), но по сравнению с прошлым годом снизилась (в 2016г. - 59%). Оптимизм населения остался практически на том же уровне - 21%. Показательно, оптимистов отмечено больше в Западном регионе (30%) и Юге (25%), и менее всего на Донбассе (13%).

Основное чувство, которое возникает у людей, когда они задумываются о будущем Украины, это надежда (47%). Далее следует тревога (35%), оптимизм (21%) и страх (17%). По сравнению с прошлым годом, чувство надежды слегка увеличилось, а тревога и страх уменьшились.

Подавляющее большинство населения (68%) основной причиной высокой напряженности в обществе называет продолжение боевых действий на востоке Украины. При этом, на вопрос: «с кем сегодня, главным образом, воюют украинские силовые структуры» ответы, полученные за три года наблюдения, выглядят следующим образом.

Таблица 1

С кем воюют украинские силовые структуры на Донбассе (%)

	2017	2016	2015
С местным ополчением, которое действует самостоятельно	4,1	4,1	4,3
С местным ополчением и иностранными добровольцами, которые действуют самостоятельно	6,9	7,2	6,4
С местным ополчением, которое финансируется, вооружается и руководится из России	18,4	18,4	15,9
С российскими наёмниками (местными и иностранными, которые воюют за деньги), которых поддерживает Россия	28,6	36,5	36,7
С регулярной российской армией	20,5	12,9	17,4
Трудно сказать	21,5	20,9	19,3

Как видно из представленных данных, половина опрошенных в исследовании основным виновником в затянувшемся кризисе видят Россию (руководит и/или финансово поддерживает). И показатель мнения о том, что на Донбассе украинские силовые структуры воюют с регулярной российской армией, в этом году резко поднялся. Украинские СМИ и высшее руководство страны методично и постоянно в течение трех лет, внедряющие данную идею в сознание украинцев, достигают своего результата. Минские соглашения зашли в тупик, и скандально принятый 04.10.2017г. Верховной Радой закон по Донбассу подтвердил желание украинских властей военным путем разрешать имеющуюся проблему. Отрытое, не только из уст Президента, но уже введенное в закон обозначение Российской Федерации как «государство-агрессор», это очень серьезная заявка на конфронтацию мирового значения. Данные действия по урегулированию конфликта дают нам основание предполагать, что установление мира в этом регионе отодвигается на неопределенное время.

На возрастание напряженности существенно влияют экономические показатели: рост безработицы (48%), обеднение населения в связи с ростом цен и возрастанием тарифов (46%). Высокая негативная оценка присутствующей в обществе коррупции (44%) и безнаказанности чиновников (41%) приводит к тому, что люди не доверяют власти (34%). Основную ответственность за возрастание напряженности в обществе население Украины возлагает на власть (!), которую в 2014 году сами же возвели на пьедестал в ореоле дыма от горящих шин и града коктейлей Молотова... Сейчас 74% опрошенных считают, что более всего своей деятельностью (вернее бездеятельностью) влияют на ухудшение ситуации нынешние властные институты: Президент, Правительство, Верховная Рада.

Парадигма мышления нынешней правящей команды остается авторитарной. Ее интересы отличаются от интересов большинства украинцев, а отсюда и ожидать реальных реформ абсурдно. Легко спрогнозировать качество предлагаемых реформ и, как следствие, политические результаты – Украина останется олигархической республикой, как бы не были изменены отношения в системе власти. В такой же мере пессимистично выглядят и предлагаемые (проводимые) реформы от законодательной власти. Отклики на недавно проведенную Верховной Радой реформу образования мы уже получаем от своих ближайших западных соседей (Венгрия, Румыния, Польша) и не за горами получение от них практических действий. Естественно, что такие реформы (на очереди пенсионная реформа и реформа здравоохранения) не добавят спокойствия населению Украины, и внутренние конфликтные процессы в стране будут только возрастать.

Бурьянов С.А. (МГПУ, Москва)

ЗНАЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ МИРОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

В современном мире происходит существенная дестабилизация международных отношений и обострение мировых политических конфликтов. В новых условиях усиления неравномерности развития глобальных процессов и обострения глобальных вызовов, проблема формирования адекватной новым реалиям и при этом гуманистической системы управления мировыми процессами объективно выходит на первый план. Крайне важно, чтобы упомянутая система управления учитывала интересы каждого человека (а не только «элит») и смогла преодолеть чрезмерную социальную дифференциацию. В указанном контексте необходимо исследование роли международно признанных прав человека, включая свободу мысли, совести и религии.

Прежде всего, необходимо отметить, что новые условия в значительной мере обусловлены усилением глобальных процессов, которые охватывают все сферы общественной жизни и направлены на формирование единой планетарной социотехноприродной системы.

Однако, в различных общественных сферах упомянутые процессы протекают не равномерно, что характеризуется различными стадиями, состояниями и, в конечном итоге, уровнями развития общественных подсистем. При динамичном развитии экономической, почти о завершении формирования информационной, следует отметить значительное отставание политической, правовой и образовательной подсистем.

Одной из попыток объяснить противоречивый характер развития современных общественных процессов в некоторых регионах планеты является теория глокализации, как правило, весьма дискуссионно понимаемая как некий региональный сценарий глобализации. На самом деле региональные интеграционные процессы являются, прежде всего, следствием дисбаланса в формировании глобальной общественной системы вообще, и недоразвитости ее политической подсистемы, в частности. Например, Европейский Союз со всеми его достижениями и проблемами является подтверждением данного предположения.

Полагаю, что одним из наиболее значимых дефектов современного мирового политического развития является доминирование концепции «права силы» в международных отношениях, в различные исторические периоды представленной одним или двумя (или несколькими) полюсами силы. Современное обострение мировых политических конфликтов является наглядным подтверждением неадекватности силовых моделей.

Глобальные процессы, в случае их завершения могут привести к формированию качественно нового состояния глобальности, характеризующего кардинальную эволюцию современных общественных отношений. В конечном итоге, завершающую интеграционную стадию процесса глобализации можно и следует называть состоянием глобальности, применительно к планетарной социальной системе в целом, а также к составляющим ее элементам (подсистемам) в различных сферах общественных отношений. Полагаю, что состояние глобальности планетарной социальной системы, наряду с термином интеграция, наиболее емко описывают термины взаимопроникновение, взаимозависимость и открытость. Однако, для этого необходим переход к адекватной системе управления глобальными процессами в целях устойчивого развития.

Назову наиболее известные подходы к решению проблемы формирования глобального управления – мировое государство (правительство), глобальная управленческая система на основе ООН и межправительственных организаций, а также ее варианты с участием транснациональных корпораций и неправительственных организаций. Меньшую известность получили концепции с условным названием «управление без правительства», в т.ч. на основе сетевых структур гражданского общества.

В указанном контексте полагаю, что подходы, подразумевающие огромную концентрацию власти в планетарном масштабе, не соответствуют объективным тенденциям развития общественных отношений и изначально не имеют перспектив в условиях их дальнейшего усложнения.

Формирование системы «управления без правительства» на базе международных организаций, включая неправительственные, представляется более перспективным, но при условии эволюции их нормативной и институциональной основ.

Следует согласиться с выводом многих исследователей, что глобальное управление без правового обеспечения невозможно, но при этом развитие глобальной нормативной системы должно носить опережающий характер, особенно его научной составляющей.

В условиях усиления неравномерности глобальных процессов и обострения мировых политических конфликтов, безусловным приоритетом должны стать права человека. Именно правам человека должна принадлежать ключевая роль при формировании глобальной системы управления в целях устойчивого развития, в том числе, как способа ограничения концентрации власти и важнейшего условия преодоления чрезмерной социальной дифференциации.

Бурляй Я.А. (МГЛУ, Москва)

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ

С 1976 по 1996 год регистрировалось от 320 до 660 терактов в год, которые можно причислить к международному терроризму.⁵⁹ Согласно экспертным оценкам, в последние годы в мире происходило свыше 10 тысяч террористических актов ежегодно, в результате которых страдают десятки тысяч человек, в том числе тысячи гибнут.⁶⁰

На Международном совещании руководителей спецслужб, органов безопасности и правопорядка, в котором приняли участие представители 70 государств, глава ФСБ России А. В. Бортников заявил: «В настоящее время, на наш взгляд, наибольшую остроту приобретает проблема интернационализации террористической деятельности. В мире скоро может появиться «террористический интернационал», созданный на основе союза двух наиболее влиятельных организаций исламистского подполья – запрещенной в РФ группировки «Исламское государство» (ИГ) и международной террористической сети «Аль-Каида»⁶¹

Международное сообщество осознаёт опасность, исходящую от этого явления. В связи с этим на международном и региональном уровне принят ряд конвенций о противоправности различных проявлений международного терроризма.

Всего с 1963 года в рамках Организации Объединенных Наций было разработано 16 международных соглашений (13 контртеррористических конвенций и три протокола), которые открыты для участия всех государств-членов. 8 сентября 2006 года Генеральная Ассамблея ООН приняла «Глобальную контртеррористическую стратегию» в виде резолюции и прилагаемого к ней плана действий.

Однако государственными мерами, направленными против террористов, эту проблему решить невозможно, поскольку она порождается такими причинами как глобальное неравенство и массовая бедность в странах третьего мира. Кроме того, главное противоборство ведется в сфере идеологии, и государства при этом терпят поражение. Важнейшую роль в этой борьбе призвана сыграть народная дипломатия.

Народная дипломатия — это деятельность независимых от государства неправительственных организаций (НПО), направленная на достижение внешнеполитических целей. Основным «оружием» НПО в сфере мировой политики является формирование международного общественного мнения и повестки дня, а методом достижения целей — оказание давления на те или иные государства и межправительственные организации.

Без грамотного использования солидного ресурса НПО невозможно эффективно отстаивать внешнеполитические приоритеты государств в мире. В интересах России не только сотрудничество правительственных структур с институтами гражданского общества, но и содействие интеграции неправительственного сообщества в международные структуры.

Долговременные успехи внешнеполитической деятельности любого государства невозможны без четкой стратегии народной дипломатии и ее эффективной реализации на основе соответствующей институализации, идеологического наполнения и ресурсного обеспечения. Возрастают роль и возможности общественной дипломатии в вопросах противодействия международному терроризму в Интернет-сетях.

В условиях настоящего кризиса и глобальной «войны», навязываемой России, настойчивых разнообразных попыток втянуть её в настоящую войну или изолировать

⁵⁹ Бобков Ф.Д. КГБ и власть. - М.: Ветеран МП. 1995. С. 248.

⁶⁰ Доклад «Глобальный индекс терроризма» - Цит. по:

<http://mosved.ru/news/society/zarubezhom/17503.html>

⁶¹ См.: <http://rossaprimavera.ru/article/terroristicheskiy-internacional-v-deystvii>

руководство России, наряду с мерами самозащиты, поисками друзей и процессов их вовлечения в свою орбиту, нужно срочно, создавать механизмы поддержки и расширения возможностей функционирования общественной дипломатии.⁶²

Выход народной дипломатии в практическую деятельность на международной арене выдвигает на первый план вопрос о профессиональной подготовке общественных дипломатов, чтобы они могли достойно, грамотно, со знанием дела выполнять свои миротворческие, гуманитарные функции и добиваться положительных результатов. Народный дипломат - это, по существу, новая чрезвычайно необходимая профессия.

К сожалению, при всем развитии различных общественных организаций и форм общественного воздействия, нам до сих пор не удастся построить достойное гражданское общество и соответствующую ему систему институтов влияния.

Для мобилизации народной дипломатии на цели борьбы с международным терроризмом было бы целесообразно предпринять следующие шаги:

- в рамках Общественной палаты РФ проработать вопрос о создании Антитеррористического Интернационала;
- Экспертному центру Всемирного Русского Народного Собора изучить возможность формирования Союза авраамических религий;
- провести, возможно в РУДН, международную конференции для обсуждения основных направлений применения методов народной дипломатии в целях борьбы с международным терроризмом.

Вахрушева М.Г. (КубГУ, Краснодар)

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МО Г. КРАСНОДАР)⁶³

Действующая антикоррупционная политика насчитывает внушительный комплекс нормативных актов и мероприятий, эффективная реализация которых должна доказать реальную силу и способность предупредить коррупционное явление либо нейтрализовать его негативные последствия. Более того, этому институту отведена обособленная часть в любом публичном законодательстве РФ (о полиции, об основах местного самоуправления, о государственной службе, об образовании и т.д.).

Органы местного самоуправления являются особым органом публичного управления. В силу своей специфики, муниципальные органы решают достаточно «узкий» спектр вопросов местного значения, формируя местный бюджет, управляя деятельностью муниципальных учреждений, муниципальным имуществом и др. Тем самым муниципалитет занимает значительное место в системе управления, представляя собой по некоторым разрешаемым им вопросам исключительно монопольный орган власти.

Муниципальный уровень организации антикоррупционной деятельности позволяет максимально задействовать ресурсы гражданского общества к решению проблем коррупции. Антикоррупционная политика выходит за пределы государственной и приобретает формат публичной, встраивая антикоррупционные механизмы в систему многоуровневого публичного управления.

Специфика муниципального уровня источника власти заключается также в его близости к населению и обособленности от государственной власти. Таким образом, процесс

⁶² Будаева С.В., Дегтярева Н.В. Международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом. - <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-v-oblasti-borby-s-terrorizmom>

⁶³ Выполнено в рамках Гранта Президента РФ № МД-5993.2016.6 «Инновационные практики в многоуровневой системе публичного управления современной России».

реализации муниципальных полномочий может породить значительный коррупционный потенциал.

Актуализация антикоррупционных механизмов на муниципальном уровне стало возможным благодаря Национальному плану противодействия коррупции на 2016–2017 гг., согласно которому высшие должностные лица субъектов Российской Федерации обязаны в пределах своих полномочий оказывать содействие органам местного самоуправления в организации работы по противодействию коррупции⁶⁴.

Местное самоуправление в Российской Федерации, будучи в рамках своих полномочий независимым, самостоятельно реализует политику в обозначенной сфере, но в то же время она является составной частью указанной программы. На муниципальном уровне возможен широкий спектр внедрения и реализации как традиционных, так и инновационных механизмов противодействия коррупции.

Антикоррупционная программа МО г. Краснодар «Противодействие коррупции в Администрации МО город Краснодар на 2016–2020 годы» представляет собой целенаправленную систему профилактических мероприятий, разработанных на основе совершаемых преступлений коррупционной направленности на территории России и должна стать основой комплекса антикоррупционных мер. В связи с этим основные мероприятия программы направлены на борьбу с коррупцией и профилактику коррупционных проявлений в деятельности Администрации МО г. Краснодар, а также на создание системы противодействия коррупции в целом.

Согласно Докладу о восприятии коррупции в МО город Краснодар на март 2017 г., коррупция занимает вторую строчку серьезных проблем в стране⁶⁵. Власти считают, что для устранения коррупции в городе, в первую очередь, нужна помощь самих горожан, их активная жизненная позиция.

В качестве инновационной практики антикоррупционной деятельности, направленной на продуктивный диалог между обществом и властью, в Краснодаре организован конкурс общественных инициатив решения данной проблемы, где субъектом реализации антикоррупционной деятельности становятся активные граждане. Его цель – привлечь активных и неравнодушных жителей, а также общественные организации к участию в реализации мер по противодействию коррупции, совершенствованию системы антикоррупционной политики.

Также в целях реализации антикоррупционной политики в г. Краснодар создан и успешно действует Комитет по противодействию коррупции. Успешно были реализованы следующие общественные проекты: «Противодействие коррупции: Общество и Власть», «Укрепление гражданской инициативы в противодействии коррупции: Единство Общества и Власти», «МЫ БУДУЩЕЕ – Молодежь против коррупции» и «Бизнес и коррупция: проблемы противодействия».

Организация регулярно проводит круглые столы, открытые лекции и семинарские занятия по противодействию коррупции, а также экспертизу нормативно-правовых актов на наличие коррупционной составляющей и т.д. Для этого создаются специальные Представительства Комитета по противодействию коррупции и Общественные приемные.

В ходе реализации всех запланированных антикоррупционных проектов на территории МО г. Краснодар ожидается, что достигнутые результаты обеспечат поддержку деятельности органов местного самоуправления в сфере экономики со стороны гражданского общества, будут способствовать проведению социальных преобразований, укреплению местного самоуправления, повышению активности населения в решении вопросов местного значения.

⁶⁴ Лепехин И.Я., Зайковский В.Н. Перспективы развития антикоррупционных мер, осуществляемых в России на муниципальном уровне // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 31.

⁶⁵ Доклад о восприятии уровня коррупции в МО город Краснодар. Март, 2017 г. - URL: <http://krd.ru/uploads/files/2017/04/20/37172-doklad-korrupciya-2017-opublikovanie.pdf>

Ведерникова М.И. (Институт Европы РАН, Москва)
**PR ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:
ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ**

В современном мире онлайн коммуникации играют огромную роль, которая постоянно возрастает. Именно поэтому политтехнологи придают такое значение использованию сети Интернет в качестве эффективного канала продвижения имиджа политика не только во время предвыборной кампании, но и после окончания периода электоральной активности.

При создании образа политика в онлайн-пространстве необходимо учитывать не только уже устоявшиеся «законы жанра» политического имиджмейкинга, но и особенности коммуникации в Интернете. К примеру, важно то, что «созданный пиар-специалистами имидж должен обладать определенной способностью к изменению, если этого требует сложившаяся политическая ситуация. При этом, однако, сам «каркас» имиджа должен оставаться неизменным. Иначе лидер рискует остаться без своих сторонников и не обрести поддержки тех, на кого он рассчитывал»⁶⁶).

Сегодня подавляющее большинство даже муниципальных депутатов имеет аккаунты в популярных социальных сетях, не говоря уже о политиках городского и федерального уровней. Такой способ коммуникации с населением имеет ряд преимуществ:

- 1) Позволяет оперативно информировать население о важных событиях;
- 2) Является эффективным инструментом позиционирования;
- 3) Помогает повысить узнаваемость политика;
- 4) Позволяет стимулировать активность пользователей и привлекать их интерес;
- 5) Помогает донести позицию политического деятеля;
- 6) Является эффективным инструментом продвижения имиджа политика;
- 7) Позволяет оперативно получать обратную связь от населения и т.д.

Зачастую могут достигаться сразу несколько целей, но в зависимости от того, какая из них является приоритетной, определяется стиль ведения страницы и тот контент, который там будет размещаться.

С помощью своего аккаунта в социальных сетях очень удобно и оперативно можно информировать население о принятии новых законов, о предстоящих массовых мероприятиях и прочих событиях. К примеру, мэр Москвы С. С. Собянин активно ведёт аккаунт в социальной сети «ВКонтакте», где у него 277 000 подписчиков. Каждая запись набирает, в среднем, 35 000-50 000 тысяч просмотров. Подавляющее большинство фото и текстов носят официальный характер. На странице также любой желающий пользователь данной социальной сети может оставить комментарий.

Практически в таком же стиле выдержан и аккаунт депутата Московской городской Думы Святенко Инны Юрьевны, которая имеет более 4000 подписчиков в социальной сети *Facebook* и почти 5000 друзей.

Б. А. Трофимов, глава управы района Северное Медведково, в социальной сети *Facebook* имеет более 800 подписчиков и почти 5000 друзей. Стиль ведения аккаунта более неформальный. Помимо сообщений о жизни района, контент включает в себя личные фотографии Б. А. Трофимова.

Несмотря на очевидность важности такой коммуникации политика с населением, далеко не всегда аккаунты ведутся правильно и способствуют достижению поставленной цели. Наиболее распространённые ошибки, которые встречаются:

⁶⁶ Мехдиева У.М. Политический пиар как средство влияния на общественное сознание // *Juvenisscientia*. 2017. № 1. С. 38.

1. аккаунт содержит только официальную информацию, которая подаётся в скучном и «нечитабельном» виде в формате пресс-релиза или отчёта;
2. аккаунт ведётся в стиле личного блога и содержит слишком много контента, касающегося только самого политика и не связанного с его деятельностью;
3. стиль ведения аккаунта расходится с имиджевой стратегией.

Можно заключить, что сегодня подавляющее большинство политических деятелей разного уровня пытаются выстраивать коммуникацию с помощью социальных сетей, но не учитывают, что ведение аккаунта должно вписываться в общую PR-стратегию, без которой оно не только утратит свою эффективность, но и может привести к формированию отрицательного образа среди населения.

Веретевская А.В. (МГИМО(У) МИД РФ, Москва)

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР В КОНТЕКСТЕ
ГЕТЕРОГЕННЫХ ОБЩЕСТВ**

Б. Андерсон назвал нацию воображаемым сообществом, однако сегодня этот тип сообщества с очевидностью является доминирующим типом политической системы в мире.

В основании современного государства-нации лежит либеральное представление об общественном договоре. По сути своей эта концепция общественного договора, согласно которой государство легитимно в той мере, в какой оно выполняет свою часть договора, отличает современные государства-нации от государств традиционных, чья легитимация определяется традицией.

Как и для традиционных государств, так и для государств-наций легитимность – один из синонимов состоятельности. Именно поэтому вопрос о качестве исполнения общественного договора имеет такую важность в государствах-нациях.

Наличие гетерогенного населения создает сложности в плане исполнения общественного договора по целому ряду параметров. Во-первых, если гетерогенность растёт (например, в случае усиливающейся миграции), государству сложно экономически подстроиться под растущий список тех, в отношении кого у государства есть обязанности. Во-вторых, большинство населения в государстве с сомнением относится к тому, что меньшинства (особенно новые и инокультурные) будут выполнять свою часть общественного договора (а у общества также есть по этому договору обязанности, ведь договор имеет две стороны!). В условиях, когда политическая система настроена на большинство, этот момент фактически лишает меньшинства политического голоса. В-третьих, условия самого договора потенциально могут быть неприемлемы для представителей меньшинств, так как не отражают их культурные требования, свойственные им представления о взаимодействии с политической системой, и они не готовы участвовать в этом договоре в том виде, в каком он существует. Сочетание этих трех моментов и ряда других, собственно, и дает ту социально-политическую напряженность, которую мы наблюдаем во всем мире там, где гетерогенность обществ растёт.

При условии, что нация-государство остается доминирующим типом политической организации, необходимость какого-то решения проблемы гетерогенности сохранится. Это решение связано с «вписыванием» меньшинств в общественный договор. Институционально существует не так много способов сделать такое вписывание. Диалог - неперемное условие того из них, который единственный эффективен в долгосрочной перспективе. Без полноценного диалога культур государства обречены на конфликтность и проблемы с собственной легитимностью, что является прямой угрозой их политической состоятельности.

Верховцев В.С. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

ОБРАЗ УКРАИНЫ В СОЗНАНИИ ГРАЖДАН РФ

Исторически Украина и Россия имеют давние экономические и культурно-этнические связи, одни из самых крепких среди бывших народов СССР: общий взгляд на многие исторические события, уважение к культуре, традициям и языку наших народов, общая религия и так далее.

Однако в свете недавних событий (Майдан 2004 года, события 2013-2014 гг.) стало заметно охлаждение отношений между странами, что не могло не повлиять и на взаимное восприятие гражданами этих стран друг друга.

Такие изменения в отношениях могут носить как временный, так и постоянный характер. Именно поэтому важно своевременно диагностировать ухудшения, выявлять причины и факторы влияния на них.

Основным показателем, характеризующим отношения между народами, на наш взгляд, следует считать образ Украины и ее жителей, складывающийся среди наших граждан. Здесь важно определить не только факт наличия положительного, отрицательного или нейтрального образа представителей другой страны, но и дать развернутую качественную оценку структуре этого самого образа: эмоциональную оценку граждан результатов указанных выше событий, информированность их об этих событиях, ассоциации, возникающие при упоминании некоторых исторических фактов, образ новой власти в Украине, отношение к территориальному вопросу, к вопросу мирного сосуществования в настоящем и будущем и так далее.

Изучение образа Украины в глазах граждан Российской Федерации поможет своевременно выявить причины напряженности в отношениях между представителями этих стран на межличностном и межгрупповом уровнях, поможет распознать основные «точки конфликта», обозначить вопросы, по которым граждане слабо информированы и многое другое.⁶⁷

Всестороннее изучение сложившегося у россиян образа Украины можно использовать для корректировки межгосударственных отношений, не допуская межнациональной розни и столкновений. Корректировка взаимного восприятия – один из наиболее доступных способов сгладить возникающие разногласия между странами, а значит – это вопрос, заслуживающий отдельного и пристального внимания.⁶⁸

Данное исследование способствует получению новой информации о некоторых аспектах национальных отношений жителей Украины и Российской Федерации.

Ветренко И.А. (ОмГУ, Омск)

**НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ**

Перед политической наукой сегодня стоит огромное множество задач, но есть среди них одна, которая является перманентной — сформулировать идеальный, пусть и теоретический образ демократии. Само по себе решение этой проблемы не имеет никакого эпистемологического смысла: даже самая совершенная модель требует соотнесения ее с

67

□ Психология политического восприятия в современной России/ под ред. Е.Б. Шестопаля. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 311 с.

68

□ Там же.

реально существующими демократическими формами организации социально-политической жизни. Согласимся с мнением, что современное понимание демократии — это соединение двух идущих навстречу друг другу тенденций: от идеала к реальности, от реальности к идеалу⁶⁹.

Политические реалии демонстрируют нам технологичность и подвижность демократических форм, появление как нового качества, так и новых форматов взаимодействия между политическими акторами. Еще недавно экспертное политологическое сообщество обсуждало жизнеспособность и актуальность таких видов демократии, как демократия соучастия, консультативная демократия, демократия участия, сегодня мы говорим о новых технологиях демократического управления, основанных на сотрудничестве, совместном политическом творчестве.

Ранее показателем развития демократии было наличие или отсутствие гражданского общества в государстве, многообразие/однообразие форм общественно-политического участия, затем о качестве демократии стали судить по развитости межсекторного партнерства, т.е. по уровню общественно-политического участия трех секторов: государства (власти), бизнеса и общества в принятии политических решений. А уже сегодня мы констатируем новую форму проявления демократии, основанную на сотрудничестве, совместной деятельности и творчестве, что, бесспорно, демонстрирует более глубокое и деятельное участие всех политических акторов в системе политического управления.

Значимым моментом в этой связи являлось проведение международного научно-практического семинара «Управление на основе сотрудничества: новые дизайны и платформы для отношений государства и граждан в публичной политике» в Санкт-Петербургском государственном университете в июне этого года. Как на пленарном заседании, так и на секциях состоялась плодотворная дискуссия о переходном этапе развития демократии от «демократии участия» к «демократии сотрудничества». В подтверждение можно привести несколько смысловых концептов, выработанных и озвученных отечественными и зарубежными учеными на данном семинаре.

Следует отметить, что понятия «сотворчества» и «совместного производства» недавно стали активно использовать, как в политологии, так и в практической политике. Изначально данные категории подразумевали новое отношение к предоставлению государственных услуг, а также были направлены против рыночного подхода к организации этой деятельности. Их чаще всего применяли в системе государственного и муниципального управления. Новое дыхание эти концепты приобрели в развитии движения за цифровое управление. Понятие «совместного производства» стало широко использоваться при изучении государственной политики в целом, куда вошла и публичная политика. По сравнению с категориями «сотрудничества», «участие общественности» это понятие расширило понимание цикла государственной политики, затрагивая проблематику политических проектов, управления публичной политикой, совместной разработки и реализации публичных ценностей, политических решений и др. Совместное производство является особенно новой темой для демократической публичной политики, следовательно, главная задача для политологов – формулирование содержания этого процесса.

Сотрудничество и ориентация на совместное производство в публичной политике подразумевает следующее:

- дизайн политики с акцентом на граждан, а не на учреждениях;
- взаимодействие в процессе публичной политики, а не заключение договоров;
- расширение публичных площадок для совместной работы;
- акцент внимание на обсуждении публичных ценностей и реальных потребностей;
- управление посредством рассуждений и суждений, а не норм;

69

См. Зеркин Д.П. Основы политологии: Курс лекций. - Ростов н/Д: Феникс, 1996. 544 с.

- внимание к реальному контексту жизни заинтересованных сторон публичной политики (потребности и интересы, выбор места и времени);
- контекстуализация процесса публичной политики вместо типизации;
- обеспечение прозрачности управления и политики;
- формирование сгенерированных на граждан данных и использование цифровых ресурсов для публичной политики.

Возвращаясь к нашему первому тезису, констатируем, что переход к такой технологической форме демократии в реалии сложен и тернист. Как справедливо отметила профессор РАНХиГС при Президенте РФ Л.Н. Тимофеева в докладе «Управление через сотрудничество государства и общества: проблемы обоюдной ответственности» на указанном выше семинаре, в современных обществах ценности самовыражения и ценности самовыживания присуще гражданам из разных возрастных и социально-экономических групп, но кто из них готов к соуправлению с государством, а кто не в состоянии этого сделать до поры и времени? В ситуации кризиса общественность склонна винить в неудачах государство. В таком случае возникают новые вопросы: существует ли в данном случае управление через сотрудничество, если за самовыражение и самовыживание граждан ответственно государство, а активная общественность остается в стороне⁷⁰.

Вилисов М.В. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ СТРАН ЕАЭС: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Формирование и практическая реализация политических стратегий в постсоветских странах подвергаются воздействию ряда общих факторов, обобщенно сводимых к одной формуле: слабость формальных политических институтов и, напротив, широкое распространение различных неформальных институтов и практик в сфере политики, государственного управления и бизнеса⁷¹, что затрудняет рациональное формирование долгосрочных целей. Случаи Белоруссии, Казахстана и России в этой связи представляет особый интерес: эти страны последовательно двигаются к экономической интеграции в рамках ЕАЭС, хотя и по разным причинам.

С конца 1990-х – начала 2000-х годов во всех трех странах был отмечен тренд на формализацию политических стратегий.

Наиболее системно это можно наблюдать в Казахстане, где президент дважды: в 1998 и в 2012 году выдвигал системные и амбициозные стратегии (Стратегия Казахстан-2030 и Стратегия Казахстан-2050) в качестве ответов на политические вызовы государства, элите которого приходилось балансировать между «национализмом» и «юнионизмом»⁷². В результате именно Казахстан выступил инициатором и «двигателем» создания ЕАЭС, успешно реализуя свою стратегию (сохранение политического суверенитета при высокой степени экономической интеграции с Россией на выгодных для себя условиях) в рамках ЕАЭС.

⁷⁰ Неверов К.А. Международный семинар ИК РАПН по сравнительной политологии и ИК-48 МАПН по административной культуре GtC2017 - Управление на основе сотрудничества: новые дизайны и платформы для отношений государства и граждан в публичной политике//Человек. Общество. Управление, 2017. Том 18. № 2. С.155-161. - http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2017_2/2017_2_Neverov.pdf

⁷¹ См., например: Melville A., Mironyuk M. “Bad enough governance”: state capacity and quality of institutions in post-Soviet autocracies // Post-Soviet Affairs. 2016. 32:2. Pp. 132-151; Gel'man V. The vicious circle of post-Soviet neopatrimonialism in Russia // Post-Soviet Affairs. 2016. 32:5. Pp.455-473,

⁷² Hale, H. Cause without a Rebel: Kazakhstan's Unionist Nationalism in the USSR and CIS // Nationalities Papers. – 2009. 37:1. Pp. 1-32.

В Белоруссии, где строительство национального государственного проекта не вызывало культурно-политических конфликтов⁷³, стратегии развития еще более подчинены прагматичной логике социально-экономического развития в формате стратегического планирования. Высокий уровень политического консенсуса в обществе и элитах, в том числе по поводу экономической целесообразности интеграции с Россией позволяют концентрироваться на управленческих аспектах реализации стратегий, фактически в рамках социально-экономического планирования.

Таким образом, основные партнеры России по ЕАЭС формируют свои политические стратегии с ориентацией на экономическую интеграцию с Россией при сохранении максимально возможной степени политического суверенитета, вплоть до декларируемой «многовекторности» во внешней политике.

В России ситуация сложнее. Фактическое отсутствие столь же безальтернативно понимаемого в обществе и политической элите центра экономического притяжения⁷⁴, каковым сама Россия выступает для Белоруссии и Казахстана, значительно низкая, вопреки распространенному мнению, централизация политической власти⁷⁵ и дезинтеграция политической элиты⁷⁶, большая роль неформальных институтов и практик не позволяют формировать российскую стратегию на прагматических и рациональных основаниях. Технократические попытки это сделать через создание, например, правового института стратегического планирования не имеют успеха – политический консенсус по долгосрочным целям развития выработать не удастся и государственная политика реализуется преимущественно по проектному принципу⁷⁷. Ситуация усугубляется явным доминированием в политическом плане темы «безопасности» над темой «развития», что создает стратегические ловушки, характерные для позднесоветского периода.

Для выхода из этих ловушек России имеет смысл обратить внимание на успешный опыт сочетания формальных и неформальных практик при разработке стратегий в сфере национальной безопасности и спроецировать их на сферу развития: формирование прагматичных стратегий развития на базе эффективных неформальных институтов, заведомо выполняющих роль промежуточных⁷⁸ в формальном институциональном строительстве.

Виноградов И.Д. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)
**РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ»
В ПОЛИТИКЕ**

В конце XX столетия благодаря стараниям американского профессора Дж. Ная мл. на свет появился термин «мягкая сила»⁷⁹, который подразумевал под собой ведущую роль привлекательности как основополагающего фактора в завоевании государством сердец других народов мира.

⁷³ Radzik R. Belarus Between the East and the West // International Journal of Sociology. 2001. 31:3. Pp. 11-45.

⁷⁴ Lukin A. Russia's New Authoritarianism and the Post-Soviet Political Ideal // Post-Soviet Affairs. 2009. 25:1. Pp. 78.

⁷⁵ Ledeneva A. Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance. – L.: Cambridge Univ. Press, 2013. Соловьев А.И. Политический лидер в административной среде государственного управления, или «кто в доме хозяин» // Полис. – М., 2017. № 2. С. 60-81.

⁷⁶ Ратленд П. Постсоветские элиты России // Полис. – М., 2016. № 3. С. 55-72.

⁷⁷ Вилисов М.В. Государственная политика: проектный подход // Политическая наука. – М., 2016. Спецвыпуск. С. 110-126.

⁷⁸ Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. Доклад Центра стратегических разработок. М., 2017. - <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf>

⁷⁹ Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – N.Y., 1990. — 307 p.

Формирование российской стратегии «мягкой силы» имеет огромное значение в обеспечении национальной безопасности страны.

По мнению многих ученых, после распада СССР Россия стала утрачивать унаследованный потенциал «твердой» и «мягкой силы», утратив материальные ресурсы, значительные территории и оказавшись в состоянии аномии. Некоторые исследователи считают, что возможности «мягкой силы» России сильно утрачены, поскольку сейчас многие каналы воздействия «отошли в прошлое»⁸⁰.

В то же время стоит отметить, что даже сейчас остается достаточно внушительным, включая в себя информационное и культурное влияние РФ на входящие в СНГ страны, возможность продвижения российской медиапродукции, а также научно-образовательную привлекательность вузов.⁸¹

И все же для России основным полем реализации политики «мягкой силы» служит постсоветское пространство, где главным ее ресурсом становится русская диаспора. Дипломатические представительства способствуют укреплению положения диаспоры и ее организаций. Существуют также различные Координационные советы за рубежом, которыми проводятся всемирные конференции соотечественников, оказывается помощь в переселении в Россию.⁸²

Россия позднее других государств пришла к осознанному конструированию стратегии «мягкой силы». В последнее время ей все чаще уделяется внимание, хотя в научной среде он возник практически сразу, официальный политический курс не содержал в себе «мягкую силу» долгое время.

Впервые термин «мягкая сила» на высшем уровне был использован в статье В.В. Путина в 2010 г., где ему давалось четкое определение как «комплекса инструментов достижения внешнеполитических целей за счет информационных и других рычагов воздействия»⁸³.

Желание догнать США вынуждает правящие российские элиты уделять особое значение «мягкой силе». В феврале 2013 г. в новой редакции Концепции внешней политики появилось понятие «мягкой силы», что свидетельствовало об его институционализации в правовом поле России.⁸⁴

Возрождение российской «мягкой силы» можно связать с укреплением позиций на внешнеполитической арене, а также предложить миру альтернативу западной позиции.

Таким образом, хотелось бы отметить, что существование различных практик применения концепта «мягкой силы» повышают ее значимость и для России. Пристальное внимание к «мягкой силе» в нашей стране было обращено позднее всего, нежели остальными важными участниками международных отношений. Несмотря на возникающие трудности в ее реализации, российская внешняя политика стремится в полной мере анализировать возможности политики «мягкой силы» и, следовательно, вырабатывать собственные подходы ее эффективного применения.

⁸⁰ Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис, 2008. № 2. С. 122.

⁸¹ Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России / М.М. Лебедева, Ж. Фор // Вестник МГИМО (У) МИД РФ, 2009. № 6. С. 200.

⁸² Миссия, цели и задачи // Консолидация русской общины в США [Электронный ресурс]. URL: <http://ksors.org/about/mission-ru>

⁸³ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012, 21 фев. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mn.ru/politics/78738>

⁸⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf>

Внукова Л.Б. (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)
**ВОЗМОЖНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ РАДИКАЛИЗАЦИИ:
АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА⁸⁵**

После терактов 9/11 и 7/7 в англоязычной политической науке появились десятки статей и монографий, посвященные терроризму, процессу радикализации и экстремистской исламской идеологии. Как ответ на этот вызов разрабатываются стратегии и программы противодействия. В данных тезисах сконцентрируемся на направлении, связанном с возможностями гражданского общества. В фокусе исследования находятся инициативы формальных и неформальных объединений людей, в том числе активность в виртуальном пространстве, отдельное внимание будет уделено общине (Community) как важнейшему субъекту государственной политики в противодействии радикализации. Главный императив – общество выступает не объектом, а активным актором этого процесса.

Свидетельством значимости результатов зарубежных исследований и важности их практического применения, является публикация ОБСЕ в 2014 г. путеводителя «Предотвращение терроризма и противодействие насильственному экстремизму и радикализации: общинная политика»⁸⁶, в котором говорится, что необходимым условием государственной общинной политики является понимание общих угроз и партнерство, которое строится на доверии и поддержке со стороны членов общины по отношению к полиции и органам власти. Подход ориентирован на локальные гражданские инициативы, НПО, медиа и бизнес.

А. Хак⁸⁷ считает, что гражданское общество может противодействовать радикализации тремя способами: посредством идеологической конкуренции, этического закрепления и кооперативного сотрудничества в выявлении потенциальных террористов. Во-первых, чем больше конкуренция на идеологическом «рынке» политических и религиозных социальных движений, тем сложнее террористической организации привлечь к себе последователей. Второй механизм основывается на этике близкой связи и заключается в социальном давлении со стороны родственников и друзей. Потенциал кооперативного сотрудничества заключается в том, что человек способен лучше, чем автоматизированные системы, интерпретировать неоднозначные обрывочные сигналы от несвязанных людей.

Диссертационное исследование Н. Кашехадзе основывается на 175 интервью с проповедниками салафизма и их последователями в десяти странах. В результате автором выделяются типы «воинствующих джихадистов» и предлагаются возможные дерадикализационные стратегии, основанные на практическом опыте. С помощью личных бесед и совместных с родственниками усилий Н. Кашехадзе сумела предотвратить уход 35 из 38 опрошенных, готовившихся отправиться в Сирию. «Создание альтернативных жизненных путей и деконструкция джихадистского нарратива – главные задачи, стоящие перед гражданским обществом»⁸⁸.

Т. Силверман пишет, что в основе стремления молодых людей присоединиться к борьбе, лежат эмоции, которые распространяются и разделяются внутри сообществ. Главный тезис – обеспечение необходимого позитивного участия должно удерживать людей от выезда за границу, для чего необходимо сотрудничество правительства и сообществ. Это партнерство

⁸⁵ Подготовлено в рамках государственного задания ФАНО России по теме «Конфликтологические прогнозы и сценарии Юга России» (№ 0260-2014-0005).

⁸⁶ Preventing Terrorism and Countering Violent Extremism and Radicalization that Lead to Terrorism: A Community-Policing Approach. Organization for Security and Co-operation in Europe. - Vienna, 2014. URL: <http://www.osce.org/atu/111438?download=true>

⁸⁷ Huq A.Z. The Social Production of National Security. - The Law School. The University of Chicago, 2013. URL: http://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=11078&context=journal_articles

⁸⁸ Käsehae N. De-Radicalising Militant Salafists // Perspectives on terrorism. 2017. Vol. 11, Iss. 1. Pp. 77-79.

расширяется и укрепляется «за счет открытого диалога, прозрачности и необходимости работать на местном уровне»⁸⁹.

Отдельным направлением является идеологическое противодействие радикальной идеологии, осуществляемое гражданскими инициативами в сети Интернет: <http://extremedialogue.org/>, girds.org или <http://www.exit-deutschland.de/english/> и др. Некоторые из них предлагают профессиональные услуги, например, «Германский институт по радикализации и исследованиям дерадикализации» или «EXIT».

Гражданское общество способно противостоять радикализации посредством различных механизмов в силу сетевой структуры. На наш взгляд, получение позитивного социального опыта молодежью, принятие и поддержка семьей и референтной группой, полная социальная интеграция всех незащищенных категорий граждан сведет к минимуму риск пандемии экстремизма и радикализации. Важнейшая роль принадлежит привлекательному образу «справедливого общества», которое транслируется государством.

Волков В.А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ И ПОНЯТИЕ ЭКОПОЛИТИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Политическая экология – это направление исследований, изучающее отношения между субъектами политики по поводу природы как жизненного мира. Современный понятийный аппарат экологической проблематики не вполне адекватно отражает существо и глубину проблемы. Понятие природы сохраняет все признаки ее новоевропейского понимания. Природа есть нечто противоположное человеку.

Политическая экология - это жизненный мир человека, в котором экологический кризис разделяет людей на противоборствующие политические единства. Жизненный мир человека исторически выступает в виде: во-первых, противоположности человека и природы, в которой человеческие сообщества борются за ее максимальную эксплуатацию; во-вторых, всеобщего единства человека и природы, в максимальной сохранности которой человек видит свое собственное спасение; в-третьих, деятельного развития, в котором человеческие сообщества солидарно выступают как действующая природа, коэволюция.

Политическая экология исследует эти отношения, поскольку они становятся значимыми для разделения политических сообществ на соперничающие политические единства.

Экологические проблемы выступают определяющими для политических отношений тогда, когда экономические инструменты перестают быть эффективными.

В рамках исследования политической экологии необходимо говорить об экополитических конфликтах. Экополитический конфликт – это противоборство по поводу природных ресурсов, организующее заинтересованные стороны до уровня политических субъектов.

В сфере экологии интересы политических субъектов вращаются возле контроля над природными ресурсами, возле установления и лоббирования норм и стандартов, фиксирующих нанесение экологического ущерба от производственной деятельности, создания эффективных институтов международного экологического мониторинга и контроля, формирования политико-правовой базы для управления экологическими проблемами.

Первая составляющая политической экологии состоит в абстрактном отрицании экономики как фундаментального основания и механизма в жизнеобеспечении современного человеческого сообщества. Экономические механизмы, основанные на обмене, уже не могут

⁸⁹ Silverman T. U.K. Foreign Fighters to Syria and Iraq: The Need for a Real Community Engagment Approach // Studies in Conflict & Terrorism. 2016, Oct.27. Pp. 1-17. doi: 10.1080/1057610X.2016.1253991.

обеспечить надежным образом доступ к основным ресурсам, обеспечивающим жизнь современного общества, - энергетическим ресурсам.

Современные политические союзы в лице государств, ТНК вынуждены использовать насилие и угрозу применения насилия как главный инструмент в обеспечении энергетической безопасности своего жизненного мира.

Политический суверенитет в современном мире обеспечивается напряжением всех ресурсов государства и оказывается возможным для ограниченного круга участников политического пространства. Для большинства стран на политической арене отводится роль союзников или сателлитов. Это нормальная ситуация, поскольку реальные политические субъекты современного мира конституируются в логике экополитических пространств.

Политический суверенитет – понятие, соединяющее атрибуты независимости и верховенства. Понятие экополитического суверенитета указывает на обеспечение государством гарантий доступности для него природных ресурсов и безопасности их эксплуатации, вне зависимости от того во вне, или внутри политических границ они находятся.

Уже не вопросы экономического процветания, борьба за рынки сбыта, или протекционизм становятся причиной военных конфликтов. Достижение экополитического суверенитета в форме обладания и контроля над невозполнимыми, дефицитными ресурсами и контролем над сложными технологиями становится источником конфликтов самого разного спектра, от информационных до военных, в современном мире.

Стратегия экологической безопасности оказывается насущной задачей для развития современной России. Понятие экологической безопасности получает расширительное значение. Если в предыдущую эпоху национально-экономической парадигмы под экологической безопасностью понималось направление деятельности, связанное с предотвращением угроз жизнедеятельности человека вследствие неблагоприятного техногенного воздействия и техногенных катастроф, то сегодня политическая экология должна говорить об экополитической безопасности государства.

Политическая экология включает в себе задачу формирования экополитической безопасности, понимаемой как обеспечение доступа политического субъекта к совокупности ограниченных природных ресурсов как условию сохранения своего экополитического суверенитета, а также обеспечение контроля над техногенными воздействиями и катастрофами.

Волкова А.В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

«УМНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ» В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ: ФОРМИРОВАНИЕ ПЛОЩАДОК СОТРУДНИЧЕСТВА

Несмотря на разницу в подходах, меры по улучшению качества деятельности органов государства занимают важное место в политике современных государств. Решение данной проблемы связывается сегодня с процессом налаживании коммуникации между властью и социумом, с установкой на обязательность публичных дискуссий при принятии и реализации политико-управленческих решений. Так постепенно происходит постепенная замена Нового государственного менеджмента Менеджментом публичных ценностей. Этот коммуникативный поворот можно считать началом четвертой волны оценивания⁹⁰, когда главной задачей оценивания становится поиск консенсуса между различными акторами. Этим и ознаменован переход к концепции «Smart regulation» («Умного регулирования»).

⁹⁰ Цыганков Д.Б., Смирнова М.В. Четвертое поколение методов оценивания / Оценивание программ и политик: методология и применение: сборник материалов коллоквиума Вып. I. под ред. Д. Б. Цыганкова. - М., 2007.

Оценка регулирующего воздействия (ОРВ) получает новое осмысление в связи с распространением концепции «Умного регулирования» и современными мировыми экономическими кризисами. ОРВ определяется как социально-экономическое исследование, дающее ответ на вопрос о целесообразности внедрения определенных регулятивных механизмов, нормативно-правовых актов и стимулирующее развитие «частно-государственного» партнерства. Децентрализованная система, основанная на принципах кооперации и сотрудничества, сегодня трактуется как ядро «Умного регулирования» и значима для развития процессов публичной политики. Она предполагает ориентацию на снижение административных барьеров, внедрение стандартов публичных консультаций и развитие систем гражданской коммуникации и предоставлении возможности заинтересованным сторонам высказать свое мнение и его последующий учет, выражающееся в создании площадок (платформ) сотрудничества.⁹¹

В Российской Федерации на региональном уровне попытки внедрения инструмента ОРВ начались более десяти лет назад. Согласно «Прогнозу долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года»⁹² (разработан МЭРТ), ключевым направлением улучшения качества регулирования экономики в среднесрочной перспективе станет формирование и развитие новых институтов, обеспечивающих учет интересов всех сторон, являющихся адресатами регулирования предпринимательской и инвестиционной деятельности. Оценка регулирующего воздействия не только выполняет непосредственно техническую функцию (снижение количества и стоимости возможных издержек), но она начинает определять процесс принятия органами государственной власти решений. Это имеет важное значение для совершенствования процессов управления публичной политикой в современной России: в рамках консультационного этапа проведения ОРВ формируется информационное поле, создаются площадки сотрудничества, происходит открытый диалог граждан, на которых распространяется регуляторное воздействие и государства, которое это воздействие осуществляет.

Создан специальный Интернет-сайт, содержащий информацию о данном инструменте⁹³. В рамках Министерства разрабатываются и внедряются региональные аналоги Интернет-сайта⁹⁴, выступающие площадкой для размещения проектов нормативно-правовых актов для их публичного обсуждения. Созданы соответствующие группы в социальных сетях⁹⁵.

Сравнительный анализ С.-Петербурга и Ленинградской области достаточно интересен в этом аспекте. В рассмотренных нами субъектах РФ гражданское общество демонстрирует готовность к ответственному участию в процессах управления публичной политикой, однако в регионах гражданская ответственность понимается по-разному и, соответственно, типы взаимодействия с государственными структурами различны. Падение интереса к процедуре ОРВ в Петербурге со стороны структур гражданского общества отражает разочарование и неприятие гражданскими активистами формальных механизмов. Наряду с этим, в 2016-2017 гг. петербуржцы демонстрируют развитие форм гражданского участия, рост активности, самоорганизации, ответственности (гражданских способностей). Граждане активно формируют политическую повестку региона, выступают с позиций таких публичных ценностей как справедливость, сотрудничество, солидарность. Ленинградская область, в свою очередь, наряду с формированием законодательной базы ОРВ, в последние несколько лет сделала ряд важных шагов, направленных на развитие гражданской

⁹¹ Better regulation framework manual. Practical Guidance for UK Government Officials. March 2015.

<http://www.bis.gov.uk/assets/biscore/better-regulation/docs/i/11-1111-impact-assessment-guidance.pdf>

⁹² http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06

⁹³ orv.gov.ru

⁹⁴ regulation.gov.ru

⁹⁵ <https://www.facebook.com/DepartamentOPB>

коммуникации и гражданских способностей. Область вошла в число пилотных субъектов РФ по созданию регионального портала на базе федерального ⁹⁶ для публичного обсуждения проектов и действующих нормативных правовых актов. Успешная реализация пилотного проекта способствовала продвижению процедуры ОРВ и ее информационному сопровождению. Прослеживается ориентация структур гражданского общества на повестку, предлагаемую органами государственной власти и на сотрудничество в рамках формализованных практик. Область не поддержала протестные настроения ближайшего соседа и сохранила исключительную лояльность.

Вольпина Н.С. (АНО «Институт логики», Москва)

МЕХАНИЗМЫ ВХОЖДЕНИЯ ИСЛАМИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ В СОСТАВ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ АРАБСКИХ СТРАН (на примере Египта, середина XX – начало XXI вв.)⁹⁷

Начало XXI в. во многих странах Арабского Востока ознаменовалось событиями, получившими название «Арабской весны», которая принесла в существующие политические режимы не только нестабильность правящих элит, но и укрепление исламистских движений во власти, вхождение исламистов в элитарные круги. Ярким примером этой тенденции стал Египет, в котором представители исламистского движения «Братья мусульмане» на протяжении многих десятилетий искали каналы для входа в правящую элиту страны.

Организация «Братья-мусульмане» была основана в 1928 г. и первоначально представляла собой гибрид политической партии и религиозной секты. «Своей целью организация ставила объединение всех мусульман в рамках «истинно исламского государства», где конституцией должен быть Коран, а правовой системой – Шариат. Для достижения этой «святой» цели допускалось использование любых средств борьбы, в том числе и террора»⁹⁸.

После окончания Второй мировой войны «Братья-мусульмане» принимали активное участие в национально-освободительной борьбе Египта.

«Братья-мусульмане» приветствовали приход к власти «Свободных офицеров» во главе с Гамалем Абдель Насером, однако, убедившись, что новая политическая элита не собирается строить государство на основе законов шариата, в 1954 г. предприняли провальную попытку убить президента. В результате последовал запрет деятельности организации, ее члены подверглись жестким репрессиям, однако некоторым лидерам удалось бежать и скрыться в Саудовской Аравии.

«Братья-мусульмане» вернулись в Египет с приходом к власти Анвар ас-Садата, который надеялся с их помощью ослабить позиции последователей Г.А. Насера. Садат придал деятельности «Братев-мусульман» полуправильный статус: они обрели возможность легально выпускать печатные издания и усилить свою религиозную пропаганду через радио и телевидение. Однако сближение президента с Израилем настроило исламистов против него, и они развязали открытую борьбу с президентским режимом.

После убийства Садата в октябре 1981 г. и прихода к власти Хосни Мубарака «Братья мусульмане» подверглись жестким репрессиям, однако с 1984 г. представителям движения удавалось занимать государственные посты, принимая участие в выборах либо в

⁹⁶ regulation.lenreg.ru.

⁹⁷ Подготовлено в рамках проекта РФФИ № 17-03-00746а

⁹⁸ Торкунов А. Современные международные отношения. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/14.php

качестве «независимых» кандидатов, либо баллотируясь от официально зарегистрированных партий.

Поправки к Конституции в 2007 г. ограничили возможность вхождения представителей «Братьев-мусульман» в правящую элиту. Конституция запрещала политическую деятельность и создание партий на основе религии и ссылок на религию⁹⁹. Выдвижение кандидата на пост президента могло быть осуществлено только зарегистрированной политической партией, с момента основания которой прошло не менее 5 лет, кандидат должен был входить в партийное руководство не менее года. Данная формулировка, одобренная в 2007 г., лишала «Братьев-мусульман» возможности выдвигать своих кандидатов на пост президента. Также, если до 2007 г. в Народное собрание кандидаты избирались по мажоритарной системе, то в 2007 г. был осуществлен переход от мажоритарной системы к мажоритарно-пропорциональной системе выборов (по пропорциональной – по партийным спискам, по мажоритарной – в одномандатных округах), что увеличивало число депутатов от партий и уменьшало число независимых депутатов и стало прямым ограничением электоральной активности «Братьев-мусульман», которые были лишены возможности зарегистрироваться в качестве партии¹⁰⁰.

«Арабская весна» открыла перед «Братьями мусульманами» новые политические перспективы: в 2012 г. один из их представителей Мухаммед Мурси возглавил страну, одержав победу на первых в стране демократических выборах, была принята исламистская конституция.

Таким образом, на разных исторических этапах развития Египта механизмы вхождения «Братьев мусульман» в правящую элиту страны отличались: это были как заигрывания со стороны правящей элиты, которая в своих интересах использовала движение для удержания власти, так и недостатки законодательства, которое лишь в 2007 г. смогло поставить эффективных барьер для проникновения представителей движения в политические элиты. Народная поддержка «Братьев мусульман» во время событий «Арабской весны» стала еще одним каналом для входа этого исламистского движения в правящую элиту. Однако, не имея политического опыта управления страной, а также подобно своим предшественникам, стремление максимально укрепить и удержать свои позиции во власти, пренебрегая мощью военной элиты, которая на протяжении десятилетий сохраняла сильные позиции в стране, правление «Братьев мусульман» спустя год было свергнуто военным переворотом.

Воржецов А.Г. (КНИТУ, Казань)

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ

Для многих исторических исследований отправным пунктом является «стихийность» Февральской революции. И «Февральская революция 1917 года, свергнувшая династию Романовых, была стихийным выступлением большинства населения, озлобленного тяготами войны, явно неравным распределением её бремени». И «её приняли и использовали широкие слои буржуазии и чиновничества, которые потеряли веру в самодержавную систему

⁹⁹ См. Конституция Арабской Республики Египет, ст. 5 [Электронный ресурс] http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=190040

¹⁰⁰ См. Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы / Под ред. А.Д. Воскресенского. - М.: Аспект Пресс, 2011.

правления и, особенно, в царя и его окружение». А «именно из этой части населения делегировался состав Временного правительства»¹⁰¹.

Народное восстание и мятеж Петроградского гарнизона в конце февраля 1917 года привели к почти бескровному падению монархии лишь потому, что либеральные круги страны решили воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы достичь своих собственных целей в проведении радикальных политических перемен. Важное значение имела и деятельность представителей Верховного командования армии России.

Главным итогом Февральской революции 1917 года бывший председатель Временного правительства России А.Ф. Керенский справедливо считал то, что в России впервые за её тысячелетнюю историю установился «строй свободы, равенства и социальной справедливости». По его мнению, «Временное правительство, опираясь на все здоровые и демократические силы государства, целиком выполнило свой долг: после падения монархии в кратчайший срок весь государственный, административный и хозяйственный аппарат государства был перестроен на твердых началах политической и социальной демократии»¹⁰². Следует отметить, что «с начала мая... Временное правительство неизменно оставалось правительством буржуазно-социалистической коалиции, включавшей в себя представителей всех тех партий, которые... отрицали все формы диктатуры – личной, партийной или классовой». Причём «условия войны предопределили для России после революции систему образования правительства – коалиционную, самую трудную»¹⁰³.

По мнению И.К. Пантина, Февральская революция «осуществила то, чего добивались демократические и либеральные силы российского общества в революции 1905 – 1907 годов – свержение самодержавия, установление демократической формы правления...» И «более того, на время Россия стала самой свободной страной в мире...»¹⁰⁴ По мнению А.Н. Медушевского, «мы можем рассматривать Февральскую революцию как первую массовую демократическую революцию XX века, поставить её в контекст теории демократических переходов, которая... говорит о трёх волнах демократических революций в XX веке». А «первая волна начинается с Февральской революции...» В.П. Булдаков отметил, что «даже во времена марксизма-ленинизма её (Февральскую революцию) называли «общенародной», что, в общем, вполне соответствовало истине». Так, «императора никто не поддержал, включая церковь, официальным главой которой он считался». И «практически все епископы сразу же встали на сторону Временного правительства и дружно принялись сочинять присягу новой власти».

А.Н. Медушевский считает, что «Февральскую революцию можно рассматривать как мощный рывок в развитии демократии, первую революцию такого рода в XX веке, которая породила целое направление либеральных революций в XX веке». И «этот факт сам по себе уже говорит о том, что данная революция, если и была случайной по времени начала, не была случайной по характеру перемен»¹⁰⁵.

¹⁰¹ Катков Г.М. Февральская революция / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 442.

¹⁰² Керенский А.Ф. Потерянная Россия / сост., вступ. ст., примеч. Т.Ф. Прокопова. – М.: ПРОЗАиК, 2014. С. 252.

¹⁰³ Там же. – С. 124 – 125.

¹⁰⁴ Пантин И.К. Русская революция. Идеи, идеология, политическая практика. – М.: Летний сад, 2015. С. 244.

¹⁰⁵ Стенограмма «круглого стола» «Февральская революция 1917 года в российской истории» в Институте российской истории РАН 15 марта 2007 года. Режим доступа: <http://rus-istoria.ru/component/k2/item/366-stenogramma-kruglogo-stola-fevral'skaya-revolyuetsiya-1917-g-v-rossiyskoy-istorii-v-institute-rossiyskoy-istorii-ran-15-marta-2007-g>

ПРОЕКТЫ ФЕДЕРАЦИИ БРИТАНСКИХ ИДЕОЛОГОВ НОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА: ПЛАНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В последнее время новый империализм, то есть оригинальная доктрина формирования британского национализма, привлекает внимание многих историков. В данном контексте для российской действительности особенно важно изучить с позиции временной дистанции эволюцию идеи федерализма в Великобритании во второй половине XIX в. и, самое главное, исследовать причины неудач данных проектов.

Полезными для моего исследования были работы таких авторов как В.В.Грудзинский, Н.В.Дронова, М.В.Глеб, И.М. Нохрин.

Целью данного исследования было определить характерные черты проектов имперской федерации, созданных сторонниками нового империализма, и выявить факторы эволюции представлений федералистов. Для достижения поставленной цели мной были изучены сочинения публицистов 70-х гг. XIX в. – начала XX в., периода наибольшей актуализации и популяризации нового империализма.

В результате проведенного исследования было выявлено, что новый империализм был реакцией на ускорявшиеся процессы роста национализма в колониях и дезинтеграции Британской империи в середине XIX в.. Требовалось найти новую модель внутриимперских взаимоотношений, которая бы соответствовала уровню развития автономий¹⁰⁶.

Добиться желаемого планировалось при помощи проектов имперской федерации, которая представляла собой политический, экономический и военный союзом колоний. В качестве равноправных частей империи предполагались только переселенческие белые колонии, такие как Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка. Одним из вариантов политического союза было создание имперского федерального парламента, куда входили бы представители «белых» колоний и метрополии. Предлагалось поделить в этом органе управления места пропорционально численности каждого субъекта федерации¹⁰⁷. Задачей этого парламента было бы решение глобальных вопросов обороны, внешней политики и всего, что, так или иначе, затрагивало интересы всей федерации. Внутренняя автономия колоний сохранилась бы. Существовал и другой проект, который предполагал формирование Совещательного совета¹⁰⁸. По идеи, Совещательный совет представлял бы собой консультативный орган, состоящий только из колонистов. Также существовал идея включения представителей автономий в палаты общин английского парламента.

Кроме политического единства, план имперской федерации предусматривал экономический союз. Установленное таможенное соглашение должно было увеличить ввозные пошлины на товары из других стран. Идеалом считался переход империи на полное самообеспечение. Достичь этого можно было путем специализации каждого субъекта федерации в определенной отрасли производства. Вместе с правами колонии, естественно, получили бы и обязанности. И, прежде всего, это взятие на себя части полномочий по обороне империи.

Само возникновение проектов федерации и их развитие основывалось на том образе «белых колоний» Британской империи, который сформировался у идеологов нового империализма в последней трети XIX века. И именно несоответствие этих субъективных представлений действительности послужило причиной неосуществления проектов имперской федерации.

¹⁰⁶ Dilke Ch. Problems of Greater Britain. Vol. I-II Lnd., 1890.

¹⁰⁷ Minutes of Proceedings of the Imperial Conference. L., June and July 1897

¹⁰⁸ Curtis L. The problem of the Commonwealth. L., 1915.

С 1890-х гг. британскими политиками предпринимаются попытки осуществления планов федералистов, к примеру, продвижение программы тарифной реформы¹⁰⁹. Империалистами предполагалось, что соглашение между доминионами и Великобританией будет строиться не только на основе «родственных уз», но и на общности интересов¹¹⁰. Однако на практике этого единства не наблюдалось¹¹¹. Переселенческие автономии и метрополия находились на разных этапах экономического и политического развития, что выступало как препятствие для создания равноправного союза¹¹².

После ряда общеимперских конференций федералисты понимали неготовность метрополии и колоний переходить к практическим шагам в сторону интеграции. На этом этапе развития отношений Великобритании и автономий они ставили главной задачей пропаганду идеи федерации в высших органах власти, среди промышленной буржуазии, в учебных заведениях и в прессе¹¹³. Однако в ходе своей деятельности осознали, что доминионы намерены двигаться лишь к «содружеству свободных государств»¹¹⁴.

Гаврилова М.В. (Санкт-Петербург, СПбГИКиТ)
**ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ, ВЫЗВАВШАЯ БУРЮ:
К 100-ЛЕТИЮ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

В 2017 году в России отмечается 100-летие Февральской и Октябрьской революций. Это повод для объективной и всесторонней оценки исторического развития русского политического дискурса, воздействия политического слова на общественные настроения.

В докладе будут представлены результаты риторического анализа выступления лидера кадетской партии П.В. Милюкова 1 (14) ноября 1916 года в Государственной думе. Выбор материала обусловлен влиянием этой речи на развитие политической ситуации в России накануне Февральской революции. Это знаменитая речь, вошедшая в хрестоматии по отечественной истории; политическая речь, которую современники называли «штурмовым сигналом» к началу революции (А.С. Резанов), не получила рефлексии в отечественной гуманитарной науке. Кроме того, изучение ораторских и полемических приемов, позволяющих ввести аудиторию в заблуждение и склонить на свою сторону, может прояснить активно обсуждаемые сегодня в публичном пространстве понятия «пост-правда» и «ложные новости».

Описание контекста коммуникативного события. Время произнесения речи: 1 (14) ноября 1916 года, когда после 4-х месячного перерыва Государственная дума собралась на новую сессию. Место произнесения: высшее представительное собрание с законодательными или административными функциями в России. Выступающий: Павел Николаевич Милюков. (Политическая) социальная роль оратора: депутат III и IV созыва Государственной думы, публицист, редактор кадетской газеты «Речь». Приверженность определенной идеологии: создатель и лидер конституционно-демократической партии (кадеты), лидер оппозиционного Прогрессивного блока, составляющего большинство в Государственной думе. Задачи политической партии, в которой состоит участник коммуникативного события: сохранить политический вес думы. Личный интерес политика: спасти Прогрессивный блок от распада. Коммуникативная цель оратора: критика действий правительства и обвинение царской семьи в измене.

¹⁰⁹ Chamberlain J. Imperial Union and Tariff Reform. - L., 1903.

¹¹⁰ Seeley J. Expansion of England. - Boston, 1905.

¹¹¹ Minutes of Proceedings of the Imperial Conference. - L., 1911.

¹¹² Parkin G.A. Imperial Federation: The Problem of National Unity. - L., N.Y., 1892 [электронный ресурс]//URL: <http://anglosphere.com/weblog/archives/000157.html>

¹¹³ Rhodes C. J. Political life and speeches 1881-1900./by F. Verschoyle. - L., 1900.

¹¹⁴ Milner A. The nation and the empire. Being a collection of speeches and addresses. / By A. Milner. - L., 1913.

Выступление П.Н. Милюкова явилось политическим скандалом, поскольку открыто с трибуны Государственной думы прозвучало обвинение царской власти в измене. Запрет речи цензурой привел к быстрому её распространению и популярности. После произнесения речи возможность конструктивного сотрудничества членов Государственной думы с правительством была исключена.

Мы выяснили, что убеждение и внушение, а не доказывание являлись способами речевого воздействия П.Н. Милюкова на собравшихся в зале заседания депутатов. Члены Государственной думы слушали речь с интересом, вниманием и волнением, о чем свидетельствуют многочисленные ремарки в стенограмме выступления.

Мы считаем, что основным способом воздействия П.Н. Милюкова на слушателей является речевая агрессия, которая воплощается в двух основных коммуникативных стратегиях: стратегии дискредитации противника и стратегии повышения личного статуса. В свою очередь дискредитация осуществляется при помощи коммуникативных тактик прямого и косвенного обвинения, отрицательной категоричности высказываний, а также демагогических приемов. Повышение статуса реализуется путем использования тактик самопрезентации и провозглашения собственной правоты.

Речевое воздействие осуществлялось при помощи определенных риторических приемов: 1) средства привлечения внимания (обращение к аудитории с вопросом, вопросно-ответный ход, речевые средства юмора и иронии, прямые обращения к собравшимся, различные виды повторов), 2) речевые приемы, помогающие домыслить высказывания оратора (риторический вопрос, намек), 3) изобразительно-выразительные средства, усиливающие эмоциональность и выразительность речи (анафора, градация, эллипсис, синтаксический параллелизм, эпитеты, метафоры и др.). Благодаря таким качествам, как образность, оценочность, эмоциональность, призывность политическое выступление П.Н. Милюкова близко публицистическому стилю речи.

Сочетаемость слова *революция* с иностранным словом *идефикс*, означающим 'одержимость человека навязчивой, маниакальной идеей' и трижды повторяющемся в ограниченном текстовой пространстве с указательными местоимениями, способствует формированию представления о революции как о форме помешательства членов правительства, излишне опасаящихся народных волнений.

Какие уроки можно извлечь из анализа речи П.Н. Милюкова и ее влияния на начало революционных действий? Во-первых, нравственная ответственность политика за произнесенное слово, поскольку политическое высказывание и политическое действие тесно взаимосвязаны. Во-вторых, для поступательного развития страны важным является диалогическое общение власти и общества, разъяснение политического курса гражданам, особенно в атмосфере недоверия к представителям власти. В-третьих, важно повышать уровень риторического образования в средней и высшей школах, развивать критическое мышление.

Гаджиев Х.А. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ
ПОЛНОМОЧИЙ И РЕАЛЬНОЙ ВЛАСТИ ПРЕЗИДЕНТА
В ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ**

Исследование президентской власти должно проводиться с учетом сложившейся в той или иной стране практики реализации конституционно-правовых норм, которая может быть подвержена определенной динамике.¹¹⁵ Несмотря на то, что в правовых нормах чаще всего дается верная характеристика статуса главы государства, нередко его реальные возможности

¹¹⁵ Черкасов А.И. Полномочия главы государства в странах современного мира // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2008. № 6. – С.77

и фактическая роль не соответствуют им. Более того, исключительно по конституционным положениям невозможно всеобъемлюще охарактеризовать не только институт президента и специфику его функционирования, но также политическую систему и фактическое распределение власти в ней.¹¹⁶

Однако из этого не следует, что юридический анализ имеет меньшее значение и его можно игнорировать при рассмотрении института главы государства. Напротив, он крайне важен, поскольку позволяет выяснить установленные законами порядок создания и прекращения данного института, его структурные особенности, функции, место в системе государственной власти, полномочия главы государства, его ответственность и прочее.¹¹⁷

Именно конституционные положения отражают основные черты системы государственной власти и предусматривают определенное правовое пространство для президента, область, в пределах которой он должен осуществлять свою деятельность. Поэтому политическая практика должна анализироваться по отношению к конституционно-правовой плоскости, а не в отрыве от нее, независимо от степени несоответствия между ними. Даже если глава государства действует, выходя за рамки конституции, он не может с ней вообще не считаться. Одним из наиболее наглядных подтверждений этого являются довольно частые конституционные реформы в персоналистских режимах, направленные на укрепление института президента. Более того, можно сказать, что конституция – это не только основа для деятельности главы государства, но и гарантия его стабильного пребывания на данной должности.

Таким образом, при анализе президентской власти нельзя отвергать ни формально-правовую, ни фактическую плоскость, так как они обе важны в равной степени.

В целом оценивать возможности президента в политической системе следует по совокупности таких составляющих, как: объем полномочий; сложившийся политический режим; соотношение сил в политической сфере в определенный период времени; личные качества главы государства, степень самостоятельности ветвей власти и т.д.¹¹⁸

Проблема дисбаланса в соотношении конституционных полномочий президента и его реальной власти появляется вследствие того, что в трансформирующихся политических системах, где новые политические институты еще слабо институционализированы, конституция зачастую не в состоянии сдерживать влиятельные субъекты власти. В таких случаях главе государства посредством неформальных практик удается добиваться доминирующего положения в политической системе.

Между тем, преобладание неформальных практик отрицательно сказывается на процессе институционализации института президента и, как следствие, на состоянии политической системы (появляется вероятность ее дестабилизации).

В тех же случаях, когда президенты, обладая намного большей властью, чем им предписано правовыми нормами, инициируют конституционные реформы, закрепляющие их фактическую власть на формальном уровне, усиление института президента практически никак не сдерживается и не ограничивается. Это позволяет менять баланс сил в системе государственной власти.

Довольно часто такие системы правления обозначают «суперпрезидентскими». В них президентская власть существенно отличается от уже утвердившихся в мировой практике «классических образцов», с учетом которых она изначально и формировалась.

Как представляется, для успешной адаптации и институционализации института президента в трансформирующейся политической системе, в соотношении возможностей

¹¹⁶ Duverger M. A new political system model: semi-presidential government // European journal of political research. 1980. Vol. 8. № 2. – P.179

¹¹⁷ Чиркин В.Е. Глава государства. Сравнительно-правовое исследование: монография 2-е изд., испр. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – С.31

¹¹⁸ Черкасов А.И. Глава государства и правительство в странах современного мира: конституционно-правовое регулирование и практика. - М.: Экзамен, 2006. – С.12

главы государства в конституционно-правовой плоскости и его реальной власти должен быть определенный баланс. Функционирование института президента максимально приближенно к конституционно-правовой плоскости – важнейшее условие, соблюдение которого благоприятно сказывается как на результатах политического транзита, так и на стабильности и безопасности государства.

Гандалоева М. Т. (КубГУ, Краснодар)

СЕТЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НА ВЫБОРАХ В РОССИИ¹¹⁹

Уровень политической культуры в России, а вместе с ним и уровень электорального процесса за последнее время значительно возрос. Различные акторы избирательного процесса стали занимать более основательную позицию относительно признания права общества контролировать соблюдение законности на выборах. Несмотря на то, что данное право закреплено в Конституции РФ¹²⁰ и является гарантированным, для претворения его в жизнь необходимо соответствующее технологическое обеспечение.¹²¹

В научном дискурсе встречаются различные толкования общественного контроля, однако во всех них активная роль в процессе контроля за ходом выборов отводится обществу.

Таким образом, любой гражданин, который придя на участок в день голосования обнаружит нарушение и заявит об этом, может выступать субъектом общественного контроля.

Самой яркой краудсорсинговой программой на выборах в России является «Карта Нарушений на Выборах»¹²². Проанализировав статистические данные приведенные на сайте заметно, что пик активности пользователей пришелся на выборы в Государственную Думу в 2011 г., когда сервис только начал свою работу, а в 2016 г. уровень упал почти в 2 раза с 7090 сообщений до 3051. Активнее всего фиксируются нарушения на региональных выборах, нежели на муниципальных. С 2011 г. наблюдается тенденция снижения гражданской активности. Это можно объяснить несколькими причинами, главным образом отсутствием мотивации вследствие того, пользователи не видят эффективности в выполняемой ими работе по фиксированию нарушений. Если в 2011 г. посредством сервиса было подано 945 жалоб, то к 2013 г. количество жалоб снизилось до 235 и только на 26 из них получен ответ. К 2016 г. количество официальных обращений выросло по сравнению с 2012-2014 гг., однако уровень официальной реакции на них все также невысок.

К недостатку данного проекта можно отнести отсутствие возможности проверить достоверность вносимых данных ввиду анонимности поступающих сообщений. Однако, благодаря классификации по источникам нарушений, регионам, фильтрации сообщений по критериям сайт очень удобен в использовании и является прекрасным источником информации для анализа.

Безусловным преимуществом сервиса является помощь в оформлении официальных жалоб о нарушениях в соответствующие органы власти, а также отслеживание состояния поданных документов.

Еще одной программой, которая реализовывала функцию контроля, являлась площадка «ВикиУики».¹²³

¹¹⁹ Выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-03-00339 «Фронтير сетевого общества как пространство политического взаимодействия».

¹²⁰ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. в ред. 21.07.2014 г. // Правовая система «Консультант Плюс»

¹²¹ Борисов Г. А. Инструменты политического аудита, используемые в период проведения избирательной кампании // Горизонты гуманитарного знания. 2014. №4. С.5

¹²² О проекте «Карта нарушений». URL: <http://www.kartanarusheniy.org/page/about>

¹²³ О проекте «ВикиУики». URL: <https://www.wikiuiki.org/page/1-o-proekte>

В связи с формированием в России участковых избирательных комиссий на 5 лет - относительно длительный срок, в течение которого могут проходить несколько выборов, представляется возможным анализировать работу этих комиссий. Проект был создан для решения проблемы отсутствия открытой информации о сформированных по новым правилам в 2013 г. участковых избиркомов. Сервис также был построен по принципу краудсорсинга: волонтеры наполняли его информацией об избирательных комиссиях России. Фиксировалось качество их работы, данные об их составах, территориях участков, адресах помещений для голосования и результатах выборов.

О его успешности говорит тот факт, что ЦИК России приняла во внимание замечания и опыт организаторов проекта, в связи с чем с 2016 г. данные о составах избирательных комиссий стали общедоступными и опубликовывались на сайтах избиркомов, а сервис «ВикиУики» завершил свою работу.

Для успешного развития краудсорсинговых площадок необходимо постоянно продвигать проект в массы, мотивировать участников, устанавливать оперативную коммуникацию. Развитие краудсорсинга – это тяжелый труд, который со временем дает значительные результаты. Уже сейчас существуют мощные площадки для развития данной технологии и примеры ее удачного использования.

Геворгян А. Г. (РУДН, Москва)

АКТУАЛИЗАЦИЯ КУРДСКОГО ВОПРОСА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРА

После распада Советского Союза начался серьезный процесс политической трансформации мира. В этом процессе начал получать актуальность Курдский вопрос, который по своей сути является проблемой политического самоопределения курдского народа в государствах Ближнего Востока (Ирак, Иран, Турция, Сирия). В системе международных отношений Курдский вопрос в этом регионе существует более двухсот лет¹²⁴.

За все время своего существования «Курдский вопрос» потерпел множество изменений, но этот вопрос все большую актуальность приобрел в начале 21-го века, так как единственная курдская автономия –Иракский Курдистан (неофициальное название Курдского автономного район (КАР) после свержения режима Саддама Хусейна и закрепления автономии в Конституции Ирака), продолжала укреплять свои позиции¹²⁵.

В общей тенденции трансформации мира большое место занимает именно регион Ближнего и Среднего Востока. Именно к трансформации Ближнего Востока относился американский проект «Большого Ближнего Востока», где особое место уделялось Курдистану. Курдский вопрос стал активизироваться в большей степени после начала Сирийского кризиса, который стал частью процесса трансформации региона. В марте 2016 года курды Сирии сообщили о создании автономии Рожавы (означает Западный Курдистан) на севере Сирии, что обеспокоило и Сирию, и Турцию, и Иран.

Значимость Курдского фактора стал играть немаловажную роль и в вопросе конкуренции между Ираном и Турцией за приобретение роли основного регионального игрока. Запад в отношениях с Турцией неоднократно поднимал вопрос курдов против Турции, что, с одной стороны, выгодно Ирану, но с другой стороны – нет, в этом вопросе интересы Ирана и Турции соответствуют. При подобной региональной обстановке, что касается

¹²⁴ Лазарев М. С. Курдский вопрос в новой геополитической ситуации Институт изучения Израиля и Ближнего Востока РАН, Курдский вопрос на рубеже тысячелетий (Круглый стол 19.02.2004г.) - М., 2004. С. 3-6.

¹²⁵ Жигалина О.И. Курдский вопрос – вновь на повестке дня, [Электронный ресурс]- Информационное агентство - Россия в Глобальной Политике, 29 июня 2013, [Режим доступа] - <http://www.globalaffairs.ru/number/Kurdskaa-vopros--vnov-na-povestke-dnya--16042/>

отношений Сирии и Турции, несмотря на разногласия между ними, провозглашение курдской автономии в Сирии - против интересов как Дамаска, так и Анкары.

Курдский вопрос приобретает активность и на фоне ухудшения отношений между Турцией и Европой, Турцией и США. В этих отношениях немаловажную роль играют энергетические ресурсы Южного Курдистана, который развивает экономические отношения со многими странами мира, привлекает иностранные инвестиции, в том числе от Турции.

В борьбе против ИГИЛ (запрещенная в России организация) курдские военные подразделения Ирака и Сирии оказались одними из самых эффективных сил.

В списке перечисленных преобразований региона Ближнего Востока и актуализации Курдского Вопроса самым значительным явлением можно считать предстоящий референдум о независимости Иракского Курдистана, который независимо от того состоится или нет, и какими будут его результаты, показывает, что процесс актуализации этого вопроса неизбежен.

Герштейн И.З. (НГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород)
**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
СУЩНОСТЬ И МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

Государство как основной политический институт общества играет в современном мире значительную роль в жизни людей. Практически каждый человек является членом государства, зачастую не особенно задумываясь об этом. В то же время, институт государства в лице своего аппарата в значительной степени оторван от большей части общества. Процесс «отчуждения» государства и общества в общественно-политической мысли Нового времени подробно разобран в работе О. Хархордина¹²⁶. Доктрина «народного суверенитета» формально ставит государство под контроль общества, объявляя социум высшим источником государственной власти.¹²⁷ Это порождает необходимость легитимации государства в индивидуальном и массовом сознании своих граждан. Таким образом, **государственная идентичность** – это структурный элемент индивидуального и массового политического сознания, формирующий единство человека (гражданина), и политического института (государства). В качестве связующего звена между личностью и государством выступает социально-политическая группа – нация, т.к. один человек не являет собой политический институт.

Особенность механизма функционирования государственной идентичности состоит в том, что, в зависимости от специфики политической культуры, уровня социально-экономического развития общества и политического режима государства каждый человек принимает на себя определенную роль симметрично той роли, которую во взаимодействии с обществом играет само государство. Добровольное ролевое взаимодействие формирует «модель государственной идентичности».

Государственная идентичность, являясь феноменом массового политического сознания, в понимании конкретного человека базируется на системе символов и мифов, отражающих особенности выбранной модели идентичности, «концепции государственной идентичности». Эта концепция формируется властвующей элитой общества в соответствии с ее пониманием политических процессов в стране и мире. Несмотря на уникальность каждой конкретной «концепции государственной идентичности», ее базовая структура однотипна. Она простирается по хронологической оси прошлое-настоящее-будущее. Фокусом внимания концепции является будущее, где в идеале располагается Цель – смысл существования

¹²⁶ Хархордин О. Основные понятия российской политики. - М.: Новое литературное обозрение, 2011.

¹²⁷ Всеобщая декларация прав человека. Ст. 21, п. 3. // Официальный сайт ООН. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr

государства в его настоящем виде. Например, «коммунистическое общество» для СССР или «общество равных стартовых возможностей» для США. Настоящее – более (для консерваторов) или менее (для реформаторов) оптимальный процесс достижения результата, а прошлое – совокупность необходимых этапов для формирования настоящего и успехов в будущем.

Одной из главных проблем, при построении концепции, вокруг которой и происходит формирования государственной идентичности, могут становиться «исторические разрывы» - периоды в истории государства, которые, исходя из его текущего состояния являются «лишними», «позорными», когда все (или почти все) было неправильным и этого надо стыдиться. Пример исследования подобного «разрыва» и попыток его преодоления в массовом сознании и концепции идентичности дает работа немецкого историка и социолога А. Ассман.¹²⁸

Однако, даже «гладкая» концепция государственной идентичности не обеспечивает ее эффективное функционирование (высокий уровень доверия политической системе). Значительно большую роль играет соответствие картины политических, экономических и культурных процессов, транслируемых государством с помощью системы государственной пропаганды, с ощущениями каждого человека, с консенсусом большинства. Поэтому возможности манипулирования общественным мнением и конструирования идентичности государством далеко не беспредельны. Вопросы о пределах возможностей формирования государственной идентичности, о различных аспектах и деталях ее функционирования в настоящее время не разрешены до конца и требуют дальнейшего изучения.

Гимазова Ю.В. (ГУУ, Москва)

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КОМПЕТЕНЦИЙ МЕЖСЕКТОРНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА У ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Сегодня, когда стимулирование межсекторного социального партнерства вновь стало одним из долгосрочных приоритетов российской публичной политики, развитие компетенций участников трехстороннего взаимодействия приобретает особую актуальность.

Интенсификация деятельности федеральных органов власти по обеспечению господдержки социально ориентированных некоммерческих организаций (далее: СО НКО) в регионах России¹²⁹ формирует серьезный вызов компетентности госслужащих. Условия экономической и политической турбулентности, перспективы сингулярности, необходимость становления знаниеемкой экономики – все это требует от чиновников особого рода креативности, ответственности и профессионализма в вопросах поиска и активизации ресурсов эффективности неприбыльного сектора. Чиновник не должен бояться задействовать дискреционный потенциал административного управления. Такой подход в разы повышает вероятность получения синергетического эффекта от межсекторного взаимодействия.

Насколько готово сегодня российское чиновничество к проявлению такой «эвристической» креативности?

Развитие механизма поддержки НКО за счет грантов Президента РФ в 2014- 2017гг. способствовало существенному повышению профессионализма СО НКО в вопросах

¹²⁸ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.

¹²⁹ См.: Комплекс мер, направленных на обеспечение поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2016-2020 годы. Утвержден Распоряжением Председателя Правительства РФ 23 мая 2016г. № 3468 – П44.

фандрайзинга, подготовки конкурсных заявок, привлечения волонтеров и т.д. В то же время, прекращение финансирования в 2016г. федеральной целевой программы поддержки СО НКО затормозило процесс осмысления и освоения госслужащими ценностей и компетенций межсекторного взаимодействия. Так, качество инфраструктуры поддержки СО НКО существенно различается по субъектам РФ. Ряд регионов (например, Санкт-Петербург, Пермский край, Саратовская, Тюменская, Ярославская области, р-ка Татарстан) более 10 лет признаются успешными организаторами межсекторного социального партнерства в России (вне тесной зависимости от методологии исследований); результативность межсекторного взаимодействия в остальных субъектах РФ различна и носит стохастический характер. В большинстве регионов организациям, «не знакомым» власти, получить господдержку по-прежнему довольно сложно, вследствие высоких административных барьеров. По-прежнему высоки риски формализма в области «заземления» на региональном уровне даже самых инновационных норм и технологий межсекторного взаимодействия. Ситуация усугубляется широкой дискрецией чиновников в вопросах признания деятельности НКО «влияющей на политику», что создает дополнительные возможности административного манипулирования. К таким выводам позволили прийти исследования эффективности технологий взаимодействия государства и неприбыльного сектора, проведенного с участием автора при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в 2014 – 2015гг.¹³⁰

В контексте изложенного, масштабная, системная, многоуровневая работа по развитию компетенций российских чиновников в сфере межсекторного взаимодействия приобретает все возрастающую значимость и наполняется особым содержанием. Некоторый опыт реализации автором ряда профильных образовательных проектов для государственных и муниципальных служащих¹³¹ позволил сформулировать ряд методологических рекомендаций на данном направлении.

1. Валидными аспектами методологии разработки образовательных программ профессиональной подготовки и повышения квалификации чиновников представляются: парадигма метамышления; теория управления по ценностям; концепция эмоционального интеллекта.

2. Обучение представителей государственного и некоммерческого сектора базовым навыкам работы «в команде» позволяет сторонам лучше «услышать» и «понять» друг друга на этапе поиска и конструирования совместных решений, избежать ситуации искусственного согласия, научиться «не бояться» конфликтов и направлять их в конструктивное русло.

3. Индуктивный подход к разработке интерактивных методов обучения. Все кейсы, тренинги, деловые игры должны быть основаны на реальных событиях и предполагать предварительное ознакомление с успешными региональными практиками межсекторного партнерства.

4. Ряд вопросов межсекторного социального партнерства (например, размещение государственного социального заказа, включение НКО в «социальные» реестры, привлечение волонтеров, отчетность НКО) должны прорабатываться только в ходе совместного обучения госслужащих и лидеров НКО.

5. Обязательно консультативное сопровождение деятельности госслужащих после обучения, на этапе практического применения полученных знаний, навыков и умений, укоренения ценностей межсекторного взаимодействия.

¹³⁰ Проект РГНФ № 14-03-776 «Технологии взаимодействия социально ориентированных некоммерческих организаций с государством в современной России» (реализован коллективом ГУУ).

¹³¹ Авторский курс «Межсекторное социальное партнерство», реализуемый для магистрантов на кафедре государственного управления и политических технологий ГУУ с 2011г. по наст. вр.; программа повышения квалификации «Технологии взаимодействия государственных и муниципальных служащих г. Москвы с некоммерческими организациями» (72ч.), реализованная в декабре 2012г.; вебинар по теме «Власть и НКО: понять, чтобы сотрудничать», в рамках дистанционного образовательного проекта «profdeputat.guu.ru» в 2016 г.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИЙ В ВЕРХНИХ ПАЛАТАХ ПАРЛАМЕНТОВ ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВ

С учетом современных тенденций развития федерализма в России и тех проблем, которые возникают в процессе взаимодействия органов государственной власти федерации и субъектов федерации, возникает необходимость пересмотра принципов данного взаимодействия.

По мнению отечественных политологов, взаимодействие национального и субнациональных органов государственной власти нельзя назвать полноценно федеративным. Так, А. Захаров охарактеризовал Россию как «федерация без федерализма»¹³². И. Бусыгина и М. Филиппов для описания взаимодействия федерального центра и субъектов федерации предлагают модель «принципал-агент»¹³³. Отметим, подобная модель не присуща федеративным государствам.

Что выступает в качестве необходимого условия для успешного функционирования федеративного государства? Согласно мнению американского политолога Д. Элейзера, таким условием является «сотрудничество центрального правительства и федеративных единиц и конкуренция между ними»¹³⁴. Важно подчеркнуть, что Д. Элейзер определяет федерализм как «конституционное соучастие во власти»¹³⁵, то есть субъекты федерации имеют конституционно закрепленные «инструменты» для участия в осуществлении как внутренней, так и внешней политики федеральным центром.

Одной из основных «площадок» сотрудничества и конкуренции между центром и субъектами является верхняя палата парламента – представительный орган, выражающий интересы территориальных единиц федерации. Насколько эффективно будут функционировать верхние палаты парламента, настолько эффективно будут функционировать федеративные государства. Возникает другой вопрос – что значит «эффективное функционирование» верхней палаты парламента? По нашему мнению, эффективное функционирование верхней палаты определяется природой данного института как представительного органа, т.е. степенью возможного представительства собственных интересов субъектов федерации и возможностью защищать свои интересы перед другими федеральными органами государственной власти. Автор исследования ставит перед собой задачу определить основные параметры для измерения эффективности представительства.

На эффективность представительства в верхней палате парламента влияют множество переменных. Их можно разделить на две группы – формально-определенные переменные и переменные «неформальной практики».

К первой группе переменных следует отнести:

1. Совокупность полномочий верхней палаты.
 - 1.1. Законодательные полномочия.
 - 1.2. Кадровые полномочия.
 - 1.3. Контрольные полномочия.
 - 1.4. Взаимодействие с другими органами государственной власти (право отлагательного вето, импичмент, отставка правительства).
2. Сроки полномочий представителей верхней палаты.
3. Способы формирования верхней палаты.

¹³² Захаров А. Российский федерализм как «спящий» институт // Неприкосновенный запас. 2010. №3

¹³³ Бусыгина И., Филиппов М. «Вертикаль власти» как освоение имперского проекта в России: что дальше? // Казанский федералист. 2012. №1-2

¹³⁴ Элейзер Д.Дж. Сравнительный федерализм // Полис, 1995. №5. С.113

¹³⁵ Там же. С.106

4. Характер мандата представителя верхней палаты парламента.

Ко второй группе переменных следует отнести:

1. Частота применения конституционных полномочий (отлагательного вето и т.д.).

2. Работа в согласительных комиссиях, создаваемых совместно с депутатами нижней палаты.

3. Количество создаваемых комитетов для парламентского расследования.

4. Взаимодействие с лоббистскими структурами.

Список переменных не закрыт. Существует и другие переменные, которые влияют на эффективность представительства. Автор считает, что подобные переменные возможно определить через проведение сравнительного анализа большого количества кейсов.

Конечной целью исследовательской работы является создание методики оценки эффективности представительства субъектов федераций в верхней палате парламента. В свою очередь, эффективность представительства субъектов федераций в верхней палате парламента являлся бы одним из критериев эффективности функционирования федеративных отношений в государстве.

Глухова А.В. (ВГУ, Воронеж)

МЕДИЙНЫЙ ЛАНДШАФТ В ПОСТФАКТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ: ВЫЗОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современном политическом дискурсе появились новые понятия – «постправда», «постфактичность», вызывающие серьезную озабоченность исследователей¹³⁶. Вместе с тем политике всегда было свойственно гибкое обращение с фактами, а ложь вряд ли можно считать инородным телом в политической коммуникации, являющейся коммуникацией стратегической. Согласно Н.Луману, в политической системе речь не идет о поисках истины: это всегда вопрос о власти. Политическая коммуникация в своей значительной части есть властная коммуникация, служащая тому, чтобы действовать против других, поэтому от того, насколько широко ее поле, настолько большим будет объем циркулирующей в ней лжи: кто обманывает, кого обманывают, в связи с чем распространяется обман и какова его цель?

Начало президентства Д.Трампа ознаменовалось скандальными обвинениями в адрес «лживых и продажных СМИ» и заявлениями о наличии у новой президентской администрации «альтернативных фактов». Но какой смысл оспаривать факты, которые могут быть легко верифицированы? «Само собой разумеется, можно спорить о том, в самом ли деле это факт. Но противоречая фактам, мы противоречим самой действительности», - отмечают немецкие исследователи¹³⁷. Однако двусмысленная позиция по отношению к фактам возникает сознательно и вполне может стать успешной стратегией.

Демократия находится в постфактическом состоянии, когда не факты и доказательства, но оппортунистические нарративы служат основой формирования мнений в публичных дебатах и в политике в целом. Факты и их доказательства потеряли свой авторитет: залогом политического успеха становится игнорирование фактов. Политики привносят в мир заблуждения и практикуют снисходительное обращение с правдой и ложью. Новым является то, что больше не нужно прилагать усилий, чтобы скрывать ложь или перепроверять «противоречие» при помощи проверяемых фактов. Если СМИ, вскрывшие ложь, обвиняются в партийности или лишились доверия избирателей, то обнаружение лжи не будет иметь серьезных последствий для имиджа или политической карьеры лжеца. В постфактической демократии это кажется второстепенным – действовать в соответствии с фактами.

¹³⁶ Чугров С.В. Post-truth: Трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. 2017. № 2. - С. 42–59.

¹³⁷ Hendricks V., Vestergaard M. Verlorene Wirklichkeit? An der Schwelle zur postfaktischen Demokratie // Aus Politik und Zeitgeschichte. 24.03.2017 (APuZ 40 – 13/2017).

Оксфордский словарь определяет «постправду» как синоним постфактичности. Это понятие описывает обстоятельства, при которых объективные факты имеют ничтожное влияние на состояние общественного мнения по сравнению с призывами к чувствам или личным (персональным) воззрениям. В этой связи немецкие авторы предпочитают понятие «постфактичность», поскольку оно не затрагивает конroversы вопроса об истине/правде – одного из старейших вопросов политической философии.

Постфактичность сильно стимулируется благоприятным медийным контекстом. В поле новых онлайн – медиа слухи, фальшивые сообщения и выдуманные истории хорошо расцветают и долго живут. Раздутое онлайн-внимание может реально влиять на демократические дебаты, формирование мнений и политический ландшафт.

С Интернетом, цифровой эпохой и социальными медиа медийный ландшафт драматически изменился: традиционные медийные учреждения потеряли монополию на распространение информации. Конвенциональные «привратники» по информации и знанию фактов, т.е. журналисты и редакторы, утратили значительную часть своей власти. Поначалу это приветствовалось, поскольку новые цифровые или сетевые медиа сделали возможным для любого человека публиковать содержание и информацию на онлайн-платформах и в социальных сетях.

Но вопреки оптимистическим надеждам эмпирические исследования показывают, что внимание распространяется неравномерно между источниками информации: эфирное время и повестку определяют немногие большие холдинги – каналы и онлайн-платформы. Тем самым похоронена роль «привратников» и информационного фильтра, которую выполняли профессиональные журналисты и редакторы. Сегодня политические акторы всех мастей, преследуя единственную цель – деньги, власть или популярность – намерены обходить профессиональных журналистов, редакторов, ученых.

Вместе с тем остаются еще публичные учреждения, в которых, вопреки правилам политики, «истина и правдивость всегда оставались высшим мерилем для оценки речей и усилий»¹³⁸. Это судебная власть и вузы /университеты, серьезно увеличивающие шансы истины восторжествовать в публичной сфере.

Глушкова С.И. (Гуманитарный университет, Екатеринбург) **К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

Политика любого государства в области прав человека, согласно повестке ООН в сфере прав человека на 2016 – 2030 гг., должна основываться на принципе всеобщности, но с учетом прав и интересов социально уязвимых групп населения.

Надо отметить, что ООН по преимуществу применяет инструментарий мягкой силы в политике, разрабатывая и принимая стратегии устойчивого развития, повестки в сфере прав человека, провозглашая миротворческие дни, недели, годы (например, День мира – 21 сентября, День прав человека – 10 декабря, День ребенка – 20 ноября, др.).

В 2006 году в ходе реформирования ООН Комиссию по правам человека сменил Совет по правам человека. Наряду с этим был разработан и введен механизм Универсального периодического обзора (УПО), предусматривающего индикаторы и показатели, которые позволяют сделать вывод о том, соблюдаются, обеспечиваются и защищаются ли права и свободы человека в той или иной стране эффективно и качественно в соответствии с требованиями международных стандартов.

¹³⁸ Арендт Х. Между прошлым и и будущим, Восемь упражнений в политической мысли. - М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – С. 384.

В государствах – членах ООН (на сегодня их 193) политику в области прав человека должны проводить прежде всего национальные правозащитные институты (НПУ), важную роль среди которых играют уполномоченные по правам человека в центре и регионах.

Однако такие смысловые конструкции, как «правозащита» и «защита прав человека», отнюдь не для каждого уполномоченного, тем более обычного человека означают одно и то же. Риторика прав человека отличается у государственных и народных защитников, у правозащитников и представителей государственной власти.

Предвыборные кампании большинства политиков, как правило, ярко и полно насыщены риторикой прав человека, однако дальнейшая деятельность избранных политиков чаще всего свидетельствует о понижении интереса к правозащитной работе, связанной с каждодневным отстаиванием прав и свобод человека и гражданина на всех уровнях власти.

Рассмотрим ряд проблем, требующих решения для развития правозащитной политики в России, прежде всего для системного анализа кризисных явлений, препятствующих качественному соблюдению, обеспечению, эффективной защите прав и свобод человека:

1. Отсутствие ежегодного систематизированного мониторинга прав человека, который позволил бы провести сравнительно-правовой анализ ситуации с правами человека в различных субъектах РФ, выявить общие федеральные, региональные и местные проблемы, риски, барьеры на пути к соблюдению, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, а также региональные особенности функционирования институтов и механизмов судебной и внесудебной защиты прав человека. Важно разработать концепцию проведения такого мониторинга, определить его показатели, используя международно-правовой и российский опыт, и учитывая вызовы правам человека, которые проявляются во всех сферах жизни человека, общества.

2. Нестабильное, разное и не всегда достойное качество защиты прав человека в различных регионах России. Каков уровень защиты прав человека в каждом субъекте РФ? Может ли каждый субъект РФ вводить свою шкалу оценок, замеров такого качества? Но в таком случае мы получим, условно говоря, «права человека» самарского, рязанского или уральского образца, либо другие образцы или стереотипы. Такое не допустимо. В вопросах соблюдения принципов прав человека, обеспечения равенства всех перед судом и законом, а также противодействия дискриминации, коррупции нет городского или деревенского масштаба и качества, не может быть той или иной социальной, национальной, религиозной или региональной окраски. Поэтому важно создать систему индикаторов прав человека (и, в целом, индекс прав человека), которые позволят определить уровень соблюдения, обеспечения и защиты прав человека в каждом регионе России, и в России, в целом.

3. Разный, не всегда достаточный уровень информированности о правах человека и механизмах их защиты, правовой политике государства: не всегда и не на всех сайтах Уполномоченных по правам человека в субъектах РФ, органов государственной власти в субъектах РФ и органов местного самоуправления можно увидеть полную информацию не только о деятельности конкретного уполномоченного, либо органа власти в субъектах РФ, но и об изменениях в российском законодательстве о защите прав и свобод человека и гражданина, институтах и механизмах защиты прав и свобод человека и гражданина в судебном и досудебном порядке. В то время не каждый человек может разобраться в документах и правовых комментариях СПС «Гарант» и СПС «Консультант», а многие даже не знают о существовании таковых поисковых и просветительских систем. В условиях функционирования открытого правительства, прежде всего сайты уполномоченных должны стать максимально информативными для каждого человека, некоторые из которых (будучи далеки от права и юриспруденции) не могут грамотно сформулировать вопрос и разобраться в правовых комментариях или ответах чиновников. Знакомство с сайтом для каждого человека должно предполагать возможность подписки на новости в деятельности уполномоченного по правам человека в конкретном субъекте РФ, а также на новости в сфере изменения и совершенствования российского и регионального законодательства по защите

прав и свобод человека и гражданина. Это будет способствовать развитию правовой грамотности и правовой культуры в российском обществе.

Гнедаш А.А. (КубГУ, Краснодар)

НОВЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ: КЕЙСЫ ЧЕТВЕРТОЙ ВОЛНЫ ФЕМИНИЗМА¹³⁹

Четвертая волна феминизма возникает в конце 2000-х гг. и связана с online-деятельностью и развитием социальных медиа (Facebook, Twitter, Instagram, YouTube и т.д.). Интернет бросил вызов современной культуре, активировав гендерное равенство и социальную справедливость. Влияние online-технологий и появление новых форм и каналов коммуникации, распространения информации, создания женских сетей – все это приводит к формированию четкой границы между нынешней и предшествующей волн феминизма. Кроме того, четвертая волна характеризуется отказом от радикальных действий в процессе достижения гендерного равенства, работой именно в направлении гендерного равенства (не просто равенства женщин с мужчинами), усилением акцента на взаимосвязи и солидарности с другими общественно-политическими движениями.

Социальные медиа демократизировали феминизм и открыли любому человеку возможности бороться с патриархатом при помощи социальных сетей.

В 2013 г. группа женщин штата Техас протестовала против принятия спорного закона об абортх, рассматриваемого в Капитолии. Все, кто не смог прийти, в течение 13 часов протестовали online с хэштегом #StandWithWendy, поддерживая члена палаты представителей Вэнди Дэвис. Фолловеров набралось 180 тысяч человек¹⁴⁰.

В 2013 г. около 2800 американских женщин, протестующих против сексистских футболок для детей (надписи «Слишком хороша, чтобы делать домашние задания», «Женофоб (никто не совершенен)» и т.д., буквально затопили отрицательными постами страницу производителя одежды «The Children's Place» в Facebook. В результате руководству компании пришлось принести публичные извинения матерям и девочкам и изъять продукцию из продажи¹⁴¹.

В том же году американская организация «Women Action and the Media» развернула кампанию, направленную на запрет в Facebook изображений и комментариев, связанных с насильственными действиями над женщинами. Странники (60000 твиттов и 5000 постов) этой акции бомбардировали сотни страниц Facebook с хэштегом #FBrape. В результате Facebook совместно с «Women Action and the Media» внесли ряд поправок о запрете ненависти и насилия на гендерной почве в принципы функционирования online социальных сообществ¹⁴².

В 2016 г. участнику президентской избирательной кампании Джеббу Бушу пришлось уволить своего сотрудника, после того как в интернет всплыл один из старых твиттов этого человека, в котором он называл женщин «sluts».

В 2016 г. вопрос о домашнем насилии и его решении снова возник в социальных сетях. Группа ирландских активисток запустила проект «The Black Dot»: женщины,

¹³⁹ Выполнено в рамках проекта РФФИ «Сетевые ресурсы развития локальной политики в условиях новой политической реальности» (№ 15-33-01313, 2015-2017 гг.)

¹⁴⁰ Stand with Wendy: Texas senator's abortion bill filibuster captivates the internet. URL: <http://www.theverge.com/2013/6/26/4465316/texas-senator-abortion-filibuster-wendy-davis>

¹⁴¹ Children's Place Pulls 'Sexist' T-Shirt. URL: <http://abcnews.go.com/blogs/lifestyle/2013/08/childrens-place-pulls-insensitive-t-shirt/>

¹⁴² F. Rape Campaign Takes on Facebook Misogyny and Wins! URL: <http://msmagazine.com/blog/2013/05/30/frape-campaign-takes-on-facebook-misogyny-and-wins/>

подвергающиеся насилию, рисуют на своей ладони черную точку и публикуют свое фото в любой доступной социальной сети. Фото становится своеобразным сигналом для окружающих о проблеме. Увидев этот сигнал, близкие люди могут оказать как психологическую поддержку, так и пригрозить мужу судебным разбирательством. В Великобритании женщины шлют фото с черной точкой на ладони социальным службам, которые приходят в дом и в административном или уголовном порядке разбираются с насильниками. Инициаторы проекта отметили, что чем больше людей будет знать о проблеме насилия в семье, тем чаще она будет решаться и реже совершаться, если будет считаться открытой, а не закрытой проблемой¹⁴³.

Появление социальных медиа и сосредоточение активности индивида именно в сфере интернет, которая может переходить из online-пространства в конкретные результаты публичной политики гендерного равенства в offline-пространстве, позволяют нам концептуализировать четвертую волну феминизма. Основную цель четвертой волны мы определим как развитие именно гендерного равенства и искоренение всех видов насилия и дискриминации в отношении и мужчин, и женщин, вне зависимости от их статуса, возраста, класса и этнической принадлежности. Четвертая волна формируется не только в личностном измерении или отдельном страновом контексте, но в масштабе всего мира.

Головин М.С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ФЕНОМЕН ПРАВОГО ПОПУЛИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ

Одним из ярких явлений европейской политики последних нескольких лет стал электоральный взлет различных политических партий и организаций, основной доминантой идеологии которых является националистический дискурс. Для обозначения этих партий, как журналисты, так и ученые используют самые разные понятия: «крайне правые», «праворадикальные», «правые популисты», «национал-популисты» и так далее. В качестве рабочего определения понятия «популизм» представляется возможным взять то, которое было предложено в работе отечественного исследователя Г.И. Мусихина, трактовавшего популизм как «фрагментарную идеологию, которая ограничена логикой собственного использования, но, тем не менее, формирует определенный набор представлений, взаимодействующих с мыслительными конструкциями традиционных целостных идеологий»¹⁴⁴. Это определение феномена популизма представляется довольно удачным в том плане, что характеризует его основной признак – признак дополнения: когда говорят о правом, левом, или национал-популизме, то обозначают, в первую очередь, его идеологическую окраску. Безусловно, праворадикальные политические организации в основе своего дискурса имеют идеи националистической направленности. Помимо этого, на протяжении довольно долгого периода, одной из составляющих идеологии правого радикализма является его ярко выраженная анти-элитная направленность, то есть противопоставление «народа» – элите. Эта элита, по мнению крайне правых, выражает интересы не «простого народа», а является сторонницей глобализационных процессов в противовес укреплению национального суверенитета. Таким образом, по меткому замечанию политолога К. Мадде, основа идеологии праворадикальных партий – «сочетание нативизма, авторитаризма и популизма»¹⁴⁵. В основе третьего компонента – популизма – лежит

¹⁴³ Эта женщина нарисовала себе точку на ладони. Через некоторое время в ее дом постучалась полиция. URL: <http://burunduk.co/articles/12554>

¹⁴⁴ Мусихин Г.И. Очерки теории идеологии. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 150-151.

¹⁴⁵ Mudde C. Populist Radical Right Parties in Europe. - Cambridge: Cambridge University Press. 2007. P. 26.

дихотомия «народного» и «элитарного» (т.е. принадлежащего к элите). В связи с этим исследователь Мусихин отмечает сходство популизма именно с националистической идеологией, говоря о том, что, как и национализм, «популизм посвящает себя защите народа как привилегированного субъекта политики и обосновывает то, почему народ должен находиться на этом пьедестале»¹⁴⁶. Отечественный исследователь Т.А. Андреева выделяет следующие признаки популистской партии: 1) нахождение по краям политического спектра; 2) использование нехватки доверия электората к политическому курсу правительства; 3) выставление себя как истинных защитников интересов народных масс и 4) предложения простых решений серьезных проблем¹⁴⁷.

Очевидно также, что ключевым моментом в понимании взаимосвязи популизма и правого радикализма является ставшее уже классическим определение политического К. Шмитта, который видел сердцевину политики в антитезе «друг – враг». При анализе программ крайне правых партий хорошо видно, как активно «свои» противопоставляются «чужим», начиная от истеблишмента, заканчивая носителями других, «враждебных» национальных и религиозных идентичностей.

Таким образом, анализируя те тенденции, которые наблюдаются в европейской политике на протяжении последних нескольких лет, важно отметить, что достаточно большая часть населения ЕС под влиянием различных кризисов, а также из-за специфики отношений конкретных стран-участниц ЕС с наднациональными структурами данного объединения, всё чаще отдает свой голос тем политическим партиям, которые в своей риторике и программных документах делают акцент на таких вопросах как суверенитет государства, национальная идентичность и безопасность в контексте угроз терроризма и нелегальной иммиграции. Некоторые консервативные и правоцентристские политические силы, как, к примеру, Консервативная партия Великобритании, пытается перехватить эту повестку. Но вопрос заключается в том, смогут ли традиционные политические силы в ряде стран ЕС найти грамотный способ решения вышеназванных проблем, снижая уровень влияния организаций национал-популистской направленности и, что ещё важнее, вернуть доверие к себе со стороны тех, кому популистская риторика крайне правых кажется легким, пусть и зачастую радикальным способом решить сложные проблемы.

Головин Ю.А. (ЯрГУ, Ярославль)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В РЕГИОНАХ¹⁴⁸

Смысл политико-административного управления заключается в том, что любое административное управленческое действие должно предусматривать политическую составляющую. Надо сказать, что значение этой политической составляющей в управленческой деятельности постоянно возрастает.

Среди нынешних руководителей Ярославской области немало тех, кто получил добротное военное образование. Хорошо известны традиции и особенности нашей военной управленческой культуры. Это высокая ответственность за порученное дело, исполнительность, дисциплина, умение принимать важные решения самостоятельно, настойчивость в достижении результата. Вместе с тем, в условиях гражданского общества требуется уделять большее внимание именно политической составляющей. Несомненно,

¹⁴⁶ Мусихин Г.И. Указ. соч. С. 161.

¹⁴⁷ Андреева Т.А. Крайне правые и крайне левые популистские партии Соединенного Королевства и их влияние на результаты референдума 23 июня 2016 года. С.2. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.imemo.ru/files/File/en/news/2017/3101201_LMU_Andreeva_text.pdf

¹⁴⁸ Выполнено в рамках проекта РГНФ №16-03-00394а.

нельзя игнорировать региональные и местные особенности, мнения и позиции различных категорий населения.

Кафедра социально-политических теорий Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова стала признанной школой в области политической науки, и в настоящее время разрабатывает проблему развития гражданской активности в регионе, а также исследует природу протестных движений. Результаты наших исследований были представлены на XV юбилейном Гражданском форуме Ярославской области.

Представляется, на ряд показателей этих исследований надо обратить особое внимание. Так, в рамках исследования был проведен опрос населения Ярославской области в возрасте от 18 лет и старше, проживающие в крупных (более 100 тыс. человек) и малых (до 100 тыс. человек) городах, сельских населенных пунктах (городских и сельских поселениях). Объем выборки – 1000 человек. Опрос проводился в г. Ярославле, Рыбинске, Переславле-Залесском, Тутаеве, Угличе и ряде сельских населенных пунктов.

Согласно данным опросов жителей Ярославской области, с 2014 года наблюдается снижение показателей, характеризующих открытость органов власти Ярославской области. По сравнению с 2014 годом на 13 п.п. уменьшилось число тех, кто считает региональные органы власти так или иначе «доступными» для простых граждан (с 38,3% до 25,0%). И на 10 п.п. увеличилось число заявляющих об их «недоступности» (с 47,9% до 58,5%).

Ослабевает стремление власти в направлении организации прямого общения с жителями региона. В настоящее время считают достаточными усилия власти по налаживанию прямого контакта с гражданами только 20% населения региона (в 2014 году таких было 41%).

Кроме этого, при рассмотрении ответов респондентов за два года, отчетливо прослеживается тенденция на сужение спектра форм/ способов оказания влияния граждан на решения, принимаемые органами власти, а также на снижение эффективности оставшихся способов воздействия на действия власти. В настоящее время, по результатам опроса, только каждый четвертый житель Ярославской области верит в то, что может оказывать влияние на решения властей на местах и регионе. Еще в 2014 году веру в гражданское участие в управлении областью разделяли 50% опрошенных.

В целом, возможностями участия в решении задач региона и принятии решений органами исполнительной власти в области удовлетворены, по данным опроса 2016 года, 15,9% населения. Это более чем в два раза меньше, чем в 2014 году.¹⁴⁹

В числе причин протестных настроений в обществе - значительное расслоение общества, утеря надежды на социальную справедливость.

Немалый вклад в развитие негативных настроений в обществе вносят сами органы власти и управления. Непродуманные решения, последствия коррупционных сделок, неумение и нежелание разъяснять свою политику – становятся причиной многих протестных действий. Надо учитывать и то, что органам власти приходится действовать в условиях информационного противодействия.

В настоящее время в регионе начинается предвыборная кампания по выборам губернатора Ярославской области и депутатов муниципалитета города Ярославля. Возросла политическая активность всех политических сил региона, влияют на политическую ситуацию и федеральные акторы.

Поэтому особенно важно иметь объективную и квалифицированную информацию о политических процессах, происходящих в регионе.

¹⁴⁹ Доклад о состоянии гражданского общества в Ярославской области в 2016 году. – Ярославль, 2017. С. 22-41.

ФУНКЦИИ ПАРТИЙ В РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ

На проблематичность и напряжённость отношений между политическими партиями и демократическим институтом представительства нередко влияют базовые функции партии, претерпевшие редукцию в результате изменений организационной структуры в последние несколько десятков лет.

Функция отбора включает два направления: рекрутирование политической элиты и внутрипартийный отбор кандидатов. Первое означает, что партии, кроме того, что они — общественные организации, были и остаются патронажными ассоциациями со своими клиентами, офисами, должностями, карьерой, рекламным сервисом и проч., занимающиеся подготовкой к занятию властных позиций на всех уровнях. Второе — выбор кандидата от партии определяет, кто должен быть избран на демократических выборах, кто будет внесен в партийные списки и под каким номером, т.е. у самих кандидатов есть решающие функции внутри партии: а) являются общественным лицом партии; б) представляют персональный ресурс для высоких должностей в партии; в) представляют собой конкретные социальные группы, меньшинства и т.п.; г) привносят с собой образцы внутрипартийных позиций власти¹⁵⁰.

Но при слабом институте членства и — превалировании централизованного способа принятия внутрипартийных решений, выбор кандидатов всё больше контролирует партийная элита, несмотря на определенную автономию местных партийных организаций.

Агрегирующая функция партии характеризуется сложным переплетением противоречивых интересов, запросов, требований множества общественных групп. В плюралистических демократиях разносторонние представления о желаемом благе, интерпретации общественного благополучия должны «мирно сосуществовать». С этой точки зрения, партии должны играть роль агрегирующего механизма, обобщающего и суммирующего разные, подчас конфликтующие запросы и требования с целью интеграции граждан со схожими представлениями об общем благе, что позволяет партиям создавать основу для стабильного демократического процесса.

Но профессионализация и картелизация партий ослабляют агрегирующую функцию: роль партии как главного посредника между обществом и государством проявляется теперь только в период выборов, между выборами партии действуют как профессионально организованный партийный картель.

Мотивационная функция — формирование и мобилизация политической идентичности, побуждающая граждан к политическому единению, к общей воле, усиливая, тем самым, доверие к ценности коллективного участия в политических процессах: так партии культивируют идеальный тип «демократического этоса». Эта функция зависит от нормативных и исполнительных ресурсов, с помощью которых партии формируют политическую идентичность своей интерпретацией общего блага (нормативный ресурс); исполнительные ресурсы выражены осознанием партии возможности непосредственно влиять на политический процесс. Смысл мотивационной функции заключается в том, что партии должны видеть в перспективе возможности успеха политического участия, отчетливо понимая свою специфику, отличительную, например, от движений и т.п., которые лишь косвенно влияют на политику.

Но изменение организационной структуры партий редуцировали их нормативные ресурсы; сближение целей и задач предвыборных программ делают партии мало отличимыми друг от друга; исполнительная власть в партиях достаточно укрепились, чтобы противостоять вызовам снизу.

¹⁵⁰

Katz R.S. 2001. The Problem of Candidate Selection and Models of Democracy. Party Politics, 7 (3). Pp. 278-280.

Роль *делиберативной функции* заключается в обеспечении политических дебатов внутри- и между партиями, являющихся главным элементом и партийной активности, и политического конфликта: члены партии защищают свои позиции, споря с политическими оппонентами, сталкиваются с критикой, обостряют разногласия, в то же время обеспечивают себя нормативной основой для межпартийных дебатов¹⁵¹. Делиберативные процессы могут способствовать развитию перспективного механизма демократического контроля партийной элиты. Хотя представить себе в организационном плане демократический процесс обсуждения между множеством членов партии сложно, но как идеал широкого и динамичного внутрипартийного дискурса в качестве ориентира для внутренней партийной демократии вполне уместен.

Постдемократические изменения внесли и в делиберативную функцию свои коррективы: с одной стороны, снижается потребность в межпартийных дебатах, т.к. основная деятельность электорально-профессиональных и картельных партий связана с координацией государственных ресурсов, поэтому здесь нужны не дебаты, а консенсус, чтобы не поставить под угрозу стабильность «картеля», с другой, – сокращается ряд конфликтов: антагонизм партийных программ, противоречия между партийной элитой и сильно уменьшившимся институтом членства, плюрализм мнений сменяется на универсальный компромисс.

Горбачев М.В. (СГЮА, Саратов)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО УРОВНЯ

В своих публичных выступлениях политики и общественные деятели применяют терминологию цивилизационного проектирования, чтобы объяснить как геополитические, так и локальные, внутригосударственные проблемы, относящиеся к различным сферам, начиная от миграционных вызовов и заканчивая экономической рецессией и политическими кризисами. В 2014 году лидер российского государства обозначил идею о необходимости развития собственного цивилизационного проекта: «...мы должны беречь уникальный опыт, который передали нам наши предки. Россия веками развивалась как многонациональное государство – изначально так было, – государство-цивилизация»¹⁵². В 2016 году Председатель Европейского парламента М. Шульц в своем твиттере высказал идею о необходимости «бороться за цивилизационный проект «Европа»»¹⁵³. Президенты США от В.В. Вильсона до Б. Обамы неоднократно отмечали особую роль своего цивилизационного проекта в решении ключевых вопросов международных отношений. Так, в 1919 году В. Вильсон заявлял, что американская культура «содержит в себе духовную энергию, которую ни одна другая нация не в состоянии направить на освобождение человечества»¹⁵⁴. В 2014 году Б. Обама выступая с трибуны ООН заявил о распространении ценностей «американского цивилизационного проекта» на самые разные макрокультурные образования современного мира, отметил его глобальный характер. Собственные цивилизационные проекты формулируются и активно обсуждаются «восточными» и латиноамериканскими обществами. В политическом дискурсе лидера КНР Си Цзиньпина постоянно встречаются

¹⁵¹ White J., Ypi L. 2011. On Partisan Political Justification. *American Political Science Review*, 105 (2). Pp. 383-384. DOI: 10.1017/S0003055411000074.

¹⁵² Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию // Электронный ресурс: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173>

¹⁵³ Martin Schultz bedauert Ausgang des Referendums in den Niederlanden // Deutsche Text service Nachrichtenagentur, Электронный ресурс: <http://www.all-in.de>

¹⁵⁴ Цит. по: Гершов З.М. Вудро Вильсон. - М.: Мысль, 1983. С. 224.

высказывания относительно «китайской мечты о великом возрождении китайской нации»¹⁵⁵. Данный цивилизационный проект демонстрирует уникальное сочетание принципов постиндустриальной цивилизации, философии марксизма, классической китайской философии Конфуция. Специфические цивилизационные проекты конституируются в Индии, Японии, а также ряде государств Южной и Северной Африки. В отличие от Китайского цивилизационного проекта, в них ценностный акцент делается не на философскую, а на религиозную составляющую. Латиноамериканские цивилизационные проекты также связаны с конфессиональными ценностями, что выражается в политической риторике лидеров государств, относящихся к данному региону.

Концептуализацию цивилизационного политического проекта можно осуществить следующим образом. Цивилизационный проект – это динамичная общественная система, имеющая четкие пространственные и временные границы, интегрирующая в себя несколько государств и обществ, в которых политические, экономические, социальные и духовные институты функционируют в рамках особых ценностных координат, сочетающих уникальные и универсальные качества. Такое понятие цивилизационного проекта позволяет отделить его от глобального проекта, ориентированного на универсализм, а также от концепции «переноса цивилизации» (civilization transfer), связанной с уникальностью «культурного кода» многочисленных макросоциальных образований. Таким образом, цивилизационный проект базируется на ключевых уникальных и вторичных универсальных ценностях, имеющих особый и общий смысл для всех обществ и государств, на которые он распространяет свое влияние. Цивилизационный проект может зародиться в различных локальных цивилизациях. Его инициаторами являются многочисленные индивидуальные и коллективные субъекты: от отдельных ученых, отстаивающих идею «пассионарности» собственной цивилизации, до крупных социальных групп, имеющих общее этническое происхождение и религиозные ценности. Активная реализация цивилизационного проекта возможна только посредством трансформации его социокультурных ценностей в политические интересы субъектов, обладающих властным ресурсом. К ним могут быть отнесены политические партии, государство, международные организации. Поэтому уровень осознания и реализации цивилизационных ценностей в интересы будет влиять на то, станет ли проект глобальным, или сохранит локальный характер.

Грибовский Е.Э. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)
**СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Стратегия национальной безопасности - основной документ, определяющий наиболее значимые для России угрозы. В 2015 г. была принята обновленная «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», где дано развернутое определение национальной безопасности. Это состояние «защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации». Как видим, на первое место выдвинулась защита от внутренних угроз, к коей мы с полным основанием можем отнести слабую социальную защищенность граждан.

Понятие социальной безопасности относительно новое и его содержание является предметом дискуссий. Мы придерживаемся точки зрения, что социальная безопасность

¹⁵⁵

Тавровский Ю.В. Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. - М.: Эксмо, 2015. С. 14.

является основой национальной безопасности России. Она включает в себя помимо противодействия экологическим, техногенным, военным угрозам еще и противодействие чрезмерному социальному неравенству, которое официально составляет 16 разовый коэффициент в уровне жизни между бедными и богатыми, но на практике в отдельных регионах значительно превышает эту цифру. Официально признано и такое явление как «работающая бедность».

Обращает на себя внимание, что социальный аспект безопасности несколько смещён в данном документе в пользу других её составляющих. В этой связи стоит сравнить аналогичное направление в Стратегии национальной безопасности США, где в самом начале сказано об экономическом могуществе как приоритете национальной безопасности, позволяющем обеспечить не только влияние США в мире, но и побороться с безработицей и увеличить рост занятости в стране. Во главу экономического могущества положены трудовые ресурсы и «предпринимательский дух американских рабочих и компаний».

Наше положение усложняется еще и тем, что Российская Федерация находится сегодня в жёсткой конфронтации с рядом стран Запада, против нас объявлена и проводится политика санкций. В условиях глобализации, переплетения экономических связей и зависимостей, увеличения предельной прозрачности границ, усиления международной деятельности различных негосударственных агентов вопрос национальной безопасности приобрёл комплексный характер.

Серия революций на Ближнем Востоке показала, что ошибки в социальной политике могут стать удобным спусковым механизмом для острых политических конфликтов, ведущих к свержению власти и политической нестабильности. Разумеется, социальным недовольством граждан пользуются другие. Ближайшим примером стала организованная украинскими олигархами революция на Украине в 2014 г, приведшая подавляющую часть населения этой страны на грань нищеты. Более того, социальная напряжённость может стать удобной основой для внешнего вмешательства. Одним словом – нельзя рассчитывать на сохранение национальной безопасности страны, способной отражать любые угрозы, без ключевых инвестиций — инвестиций в человеческий капитал.

В распоряжении государства имеются различные ресурсы для обеспечения своей защиты. События в Крыму ясно продемонстрировали наиболее ценный из них — доверие. Основой успеха произошедших событий было огромное доверие крымчан к России и её руководству, которое базировалось в том числе на убеждённости в способности нашего государства обеспечить более высокий уровень жизни. Конечно же, в равной степени крымчане стремились вернуться в родное культурно-историческое пространство. Именно доверие, а вовсе не военная операция стали причиной возвращения Крыма.

Доверие людей основано на том, насколько государство выполняет, прежде всего, свои социальные обязательства, какие возможности оно предоставляет гражданам и насколько соблюден принцип равенства возможностей. Оно может быть подорвано или утрачено вовсе. В течение всех последних лет после разрушения СССР постоянно ведётся разговор о необходимости сокращения роли государства во всех сферах, воспитания у граждан большей самостоятельности, предпринимательской закалки. Тем самым проблема совершенствования социальной политики подменяется проблемой формирования предпринимательской культуры, инициативы, способностью выживать в свободной конкурентной среде. То есть социальная функция государства отодвигается на второй план. А это грозит серьезными последствиями для политической стабильности страны.

Григорян Г.П. (Ереванский ГУ, Ереван, Армения)

РОССИЯ И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В двустороннем формате отношений России со странами региона существует не однозначная обстановка: с Арменией отношения, в основном, благоприятные, с Грузией – не благоприятные, а с Азербайджаном ни то, ни другое или и то, и другое. Поскольку Грузия вышла из-под прямого политического влияния Москвы, последняя должна вести до предела сбалансированную политику в отношении с Ереваном и Баку. Дело в том, что Грузия изменила мозаику влияния России на Южном Кавказе, что сделало политику Москвы в регионе более чувствительной и уязвимой. Из-за этого политика Баку в отношении с Москвой стала более маневренной. В этом контексте чем больше Грузия будет отдалена от России и ее влияния, тем сильнее Москва будет нуждаться в отношениях с Азербайджаном. В результате, Азербайджан будет чувствовать себя более сильным и значимым, и будет чем «поторговаться» в отношениях с Россией. Не случайно, что по данным второго квартала 2017г. Азербайджан является самым крупным инвестором в плане прямых иностранных инвестиций с долей 36.6% (126 млн дол. США) (турецкие инвестиций – 13%).

Для Азербайджана российский фактор значителен в контексте карабахского конфликта и возможностей проявления российского политического, военного, военно-технического и другого влияния в нем, а также и в виду важности России как рынка для вооружения, сельхозпродукции и т.д. С другой стороны, Россия служит геополитической альтернативой в тех случаях, когда напрягаются отношения страны с Европой и США из-за проблем, связанных с состоянием демократии и прав человека в стране. И маневры между Россией и Европой/США являются постоянным инструментом внешней политики Баку. На самом деле, политика Азербайджана по отношению к России можно считать как «тихой дипломатией», которой Баку постепенно наращивает роль Азербайджана в регионе, используя противоречия между державами. В этом плане Москва иногда прилагает больше усилий на отношения с Баку, нежели на отношения с Ереваном, несмотря на союзнические отношения с последним.

Южный Кавказ является воротами Турции к Каспийскому морю и Центральной Азии. Эти направления внешней политики Турции по-прежнему имеют периферийное или второстепенное значение. Они становятся приоритетными только тогда, когда возникают или обостряются проблемы Турции с США и ЕС. Тем не менее, существует явная тенденция развития не только двусторонних отношений с государствами региона, но и попытка получения преобладающей роли в этих двух регионах. По аналогии можно подчеркнуть, что у Турции отношения с Арменией не благоприятные, с Азербайджаном – благоприятные, а с Грузией и то, и другое! Азербайджан является «пособником» политики Турции в регионе, но его значение в приоритетах турецкой политики в регионе в свое время значительно завышалось, на основе чего и Турция закрыла границу с Арменией. Это не дало ничего, но и ограничивает потенциальное влияние Анкары на Армению.

Турция пытается «завоевать» Грузию, а Россия борется за удержание Азербайджана в сфере своего влияния и, с другой стороны, вернуть доверие Грузии, поскольку политика Азербайджана не внушает доверие. Это дает Тбилиси и Баку возможность «поторговаться».

США в геополитической борьбе с Россией сумели «отвоевывать» часть региона в виде доверительных отношений с Грузией. В этой связи Россия пытается держать паритет за счет специфических отношений с Арменией. В данном контексте основная борьба, думается, должна идти за влияние над Азербайджаном. Но Азербайджан пытается держать Россию и Запад на контролируемой дистанции. Соответственно, все пропущенные дивиденды Москва пытается наверстать за счет понижения напряженности в отношениях с Тбилиси. Не случайно, что, с одной стороны, Грузия считает Россию главной угрозой, с другой стороны, намечается тенденция расширения общественного одобрения для членства в ЕАЭС – 23% по состоянию июня 2017г.

Считается, что очередным очагом геополитического разрыва между РФ и США может стать активизация карабахского конфликта. Вот почему и Ереван, и Баку, все-таки, пытаются уклоняться от конкретики в геополитической ориентации: Азербайджан стал членом Движения неприсоединения в мае 2011 года, а Армения не отказывается от сотрудничества с НАТО.

Главный набор инструментов на осуществление политики ЕС в регионе в виде «Восточного партнерства» не оправдал ожидания ни в Европе, ни в регионе. Соответственно, в регионе идет некий процесс переосмысления представлений о Западе. Уменьшается доля тех, кто поддерживал членство в НАТО: с 47% до 42% в Грузии, с 39% до 21% в Азербайджане и от 15% до 10% в Армении. Доверие к ЕС несколько снизилось во всех трех республиках: в опросах в Азербайджане и Армении уровень доверия превысил уровень недоверия относительно незначительной маржой: 37% против 27% в первом и 39% против 29% в последнем. Однако уровень доверия в Грузии был значительно выше на 55% в 2012 году, и только 7% респондентов выразили недоверие.

Гришин Н.В. (Астраханский ГУ, Астрахань)

**К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА
ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ¹⁵⁶**

Термин «избирательная комиссия» часто применяется в чрезмерно широком диапазоне значений, вплоть до отождествления с более общим понятием «избирательные органы» (в отечественной науке) или понятием “electoral management bodies” (в англоязычной науке). Таким образом, специфика этого феномена, его история и тенденции развития остаются в тени внимания исследователей. В современной науке практически нет системных исследований и других отдельных разновидностей избирательных органов. Изучение феномена избирательных комиссий необходимо для развития научных представлений о государственном управлении в сфере избирательного процесса.

Избирательные комиссии можно определить как наиболее распространенную разновидность органов управления, ответственных за проведение выборов, которая обладает признаками коллегиальности и независимости от других органов власти.

Обладая широким многообразием форм, феномен избирательных комиссий приобретает статус полноценного органа государственного управления в сфере избирательного процесса только когда возникает на центральном уровне управления и становится постоянно действующим органом. Формирование первых центральных избирательных комиссий произошло в Колумбии и Перу в 1880-90-х гг. Определены основные пути и этапы институционализации избирательных комиссий в разных странах мира.

В течение второй половины XX институт избирательных комиссий был введен в большинстве государств мира, на рубеже XX-XXI века распространяется также среди стран западной демократии. В отличие от других типов избирательных органов, избирательные комиссии обладают признаками «доминантного» института: возникнув однажды, они почти всегда сохраняются в системе государственного управления (за исключением некоторых стран Латинской Америки, перешедших к форме электорального трибунала).

По объему полномочий избирательные комиссии можно классифицировать на слабые, сильные и сверхсильные.

Слабая избирательная комиссия играет роль не руководящего органа, а координатора или контролера в системе проведения выборов. Она обладает ограниченными полномочиями

¹⁵⁶

Подготовлено в рамках проекта РФФИ № 15-03-00153.

по организации процедур голосования и подсчета голосов и делит эти функции с другими органами власти – с министерством внутренних дел и т.д. Комиссии такого типа существуют в странах со смешанной моделью электорального менеджмента (Великобритания, Нидерланды и т.д.).

Сильная избирательная комиссия выполняет функции важнейшего руководящего органа в вопросах имплементации избирательных правил - непосредственного проведения голосования и подсчета голосов, но не имеет полномочий в других важных вопросах электорального менеджмента. Не имеет право определять границы избирательных округов, не участвует в разрешении избирательных споров, не устанавливает дату проведения выборов (Польша и т.д.).

Сверхсильная избирательная комиссия обладает не только полномочиями по имплементации правил проведения выборов, но участвует также в подготовке правил и разрешении избирательных споров, а также обладает значительными организационными полномочиями - определяет границы избирательных округов, надзирает за политическими партиями, руководит нижестоящими комиссиями. Большинство избирательных комиссий за пределами стран западной демократии (прежде всего, в Африке и странах СНГ) являются сверхсильными.

Перспективы института избирательных комиссий представляются самыми благоприятными: они востребованы во всех политических режимах и при разных моделях электорального менеджмента. Этот институт распространен в наиболее децентрализованных системах управления выборами, в том числе, в англо-саксонских странах, – в этих условиях он выполняет функции координации и методического руководства, взаимодействуя со сложной системой других избирательных органов. Существует он и в наиболее централизованных формах управления выборами, доминируя в системе электорального менеджмента и фактически приближаясь к положению отдельной ветви власти.

Гришин О.Е. (РУДН, Москва)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ИРАКА: НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ

Современные исследования политологов демонстрируют, что проблемное поле энергетической политики в международных отношениях толкуется по-разному. Интерпретационные векторы этого феномена будут расходиться и дальше, поскольку политические и экономические интересы политических акторов различны. Востребованность изучения энергетических политик разных государств обусловлена их многомерностью, сложностью и, как правило, конфликтностью.

Внешняя энергетическая политика решает более масштабные и глобальные вопросы, чем внутренняя. Она стремится к наиболее полному обеспечению государства нужными видами энергии по оптимальной цене, а также, например, использует энергоресурсы в политических целях во взаимоотношениях с другими международными субъектами (в том числе, частными коммерческими структурами, как наднационального, так и национального характера) для их поддержки или принуждения.

Ирак для достижения своих внешнеполитических целей может эффективно употреблять конкурентное энергетическое преимущество в Ближневосточном регионе. Важно осознать, как использовать такой инструмент, в каких случаях, и в какой степени это востребовано для защиты и реализации его национальных интересов. Иракские энергетические ресурсы и транзитная инфраструктура могут быть действительно применены для повышения роли и статуса державы на региональной арене.

В настоящее время после интервенции США в 2003 году Ирак вновь стал вторым по величине производителем нефти в ОПЕК. В конце 2012 года добыча составила 3,2 млн

баррелей, и впервые с 1979 года близка к 3,8 млн баррелей в сутки (уровень до войны между Ираном и Ираком). Международное энергетическое агентство (МЭА) в своем докладе от 2012 года прогнозирует, что добыча нефти в Ираке может достигнуть 6 млн баррелей в 2020 году и 8 млн баррелей в 2035 году. Но более оптимистичны ожидания Багдада, который надеется достичь 10 млн баррелей уже 1 января 2020 года¹⁵⁷. Развитие ситуации в таком позитивном направлении весьма вероятно, так как доказанные нефтяные запасы Ирака, пятые по величине в мире, при этом они еще не до конца изучены, а себестоимость добычи сырья в некоторых его регионах крайне низка.

В январе 2016 года добыча нефти в Ираке достигла рекордного уровня в 4,35 млн баррелей в день. МЭА считает это симптомом четкого восходящего тренда, который будет продолжаться. Иракские власти также реализуют грандиозные планы по расширению своей нефтехимической индустрии, которая могла бы смягчить наблюдаемый длительный во времени дефицит топлива. Такая работа будет осуществляться в разных частях страны. В этом примут участие, в частности, компании из Китая и Южной Кореи¹⁵⁸.

Ирак желает освободиться от ограничений по добычи нефти в рамках соглашения ОПЕК. Он является вторым по величине производителем сырой нефти в картеле. Согласно апрельскому отчету 2017 года его добыча составила 159000 тонн. По мнению официальных представителей Багдада, Ирак имеет право рассчитывать и получить возможность увеличить добычу. Иракцы имеют особое отношение к этому соглашению. Первая иракская государственная организация по сбыту нефти объявила, что ограничения по добыче будут введены, но не в январе 2017 года. Выполнению этого соглашения еще больше мешает тот факт, что нефтяные контракты Ирака с иностранными организациями содержат записи о государственной компенсации, когда рабочие места ограничены «независимыми причинами» от компаний, что в свою очередь усугубляет тяжелое финансовое положение страны¹⁵⁹.

Таким образом, энергетическая политика Ирака зависит от ряда политических и экономических факторов: достижение консенсуса с курдской автономией, которая с одной стороны, имеет одно из ключевых нефтяных месторождений, а с другой является транзитной территорией для транспортировки нефти в турецкий порт Джейхан; создание внутренней трубопроводной сети, которая позволила бы передачу возрастающего количества добываемой нефти для внутренних и внешних клиентов; организация эффективной защиты нефтепроводов от террористических формирований; снятие ограничений на добычу со стороны ОПЕК; представление доказательств устойчивого обеспечения энергетическими ресурсами стран-экспортеров.

Губченко В.А. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

**ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПОВЕСТКИ ДНЯ
В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ (ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)**

Эволюция коммуникационных основ системы политического управления выражается в процессах медиатизации и виртуализации политико-коммуникативного пространства. Средства массовой коммуникации, преобразуя политическую реальность в политическую

¹⁵⁷ Godlewski P. Arabia Saudyjska vs Irak - wyścig o kreowanie globalnej polityki naftowej. -

http://www.mojeopinie.pl/arabia_saudyjska_vs_irak_wyścig_o_kreowanie_globalnej_polityki_naftowej

¹⁵⁸ Irak radykalnie zwiększy wydobywanie ropy. - <http://www.energetyka24.com/316098,irak-radykalnie-zwiekszy-wydobywanie-ropy>

¹⁵⁹ Kajmowicz J. Irak chce być wyłączony z porozumienia opecit. -

<http://www.energetyka24.com/582934,irak-chce-byc-wylaczony-z-porozumienia-opecit>

<http://www.energetyka24.com/582934,irak-chce-byc-wylaczony-z-porozumienia-opecit>

медиа-реальность, стандартизируют информационные запросы аудитории, управляют формированием массовых политических представлений и настроений, упрощают восприятие политической информации и стереотипизируют образы политической реальности в массовом сознании¹⁶⁰.

Вследствие этого Интернет рассматривается в качестве «естественной среды» формирования политических представлений и предпочтений, а также поведенческих паттернов интернет-аудитории, в первую очередь молодежи¹⁶¹. В определенной степени это обусловлено спецификой интернет-коммуникации: технологическими преимуществами (в частности, мультимедийностью контента, экстерриториальностью и горизонтальностью распространения информации), ярким эмоциональным компонентом интернет-общения, обусловленным неформальностью коммуникации, и игровыми и развлекательными принципами подачи контента.

Сочетание особенностей интернет-коммуникации диктует своеобразие информационных форматов в виртуальном пространстве, среди которых преобладает мем — единица информации, неограниченно воспроизводимая среди интернет-пользователей в течение определенного периода времени, в большинстве случаев соединяющая в себе как вербальную форму коммуникации, так и невербальный визуальный элемент, прошедший процесс символизации¹⁶².

Влияние медиатизации и виртуализации политики отразилось на таком направлении реализации политического управления, как формирование политической повестки дня. Оперативность распространения контента в Интернете вкупе с технологическими механизмами популяризации контента позволяют как частным интернет-пользователям, так и виртуальным лидерам общественного мнения формировать интернет-повестку. Вовлеченность современных СМИ в виртуальные информационные процессы с одной стороны, мониторинг информационной повестки субъектами политического управления и применение интернет-технологий в политической активности с другой, обуславливают встраивание элементов интернет-повестки в медиа-повестку и политическую повестку дня. Процесс формирования и транслирования повестки дня, в классическом понимании направленный вертикально от субъектов политического управления через СМИ к массовой аудитории, получает все более отчетливые черты информационного цикла, при котором в Интернете осуществляется функция «обратной связи».

Политико-психологический подход к проблеме трансформации процесса “agenda setting” позволяет изучить психологическую специфику влияния Интернета на формирование политической повестки дня как одного из признаков виртуализации современной политической коммуникации. Процессуальные особенности раскрываются на основе управления психологическими механизмами политической интернет-коммуникацией и, вследствие непрерывности данного процесса, их влияния на формирование медийной и политической повесток. В рамках исследования психологические механизмы группируются по характеру воздействия: на массовое сознание и поведение влияния (убеждение, внушение, подражание и эмоциональное заражение) или на восприятие информации (стереотипизация, идентификация, социальная категоризация, социальная и каузальная атрибуция).

Изучение процессуальной стороны диктует необходимость определения содержательной стороны влияния Интернета на политическую повестку дня. По этой причине выделяется образно-символический язык политической интернет-коммуникации, отражающийся в интернет-повестке и элементы которого впоследствии переходят на

¹⁶⁰ Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М.: Изд-во Московского университета, 2015. – С. 76-79.

¹⁶¹ Евгеньева Т.В., Титов В.В. Образ врага как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России // Информационные войны. – М., 2014. – № 4. – С. 22-27.

¹⁶² Евгеньева Т.В., Манойло А.В., Селезнева А.В. Психология управления массовым политическим сознанием и поведением. – М.: Известия, 2015. – С. 34.

следующие уровни повестки дня. Конечным этапом считается встраивание в политическую повестку дня конкретных стереотипов, образов и их символического выражения, изначально растиражированных в Интернете. Типология символов, предложенная Д.А. Мисюровым¹⁶³, представляется наиболее подходящей в рамках изучения этапов символизации образов и стереотипов на различных уровнях формирования повестки дня.

Гудошникова О.Е. (РГСУ, Москва)

«НОВЫЕ» МЕДИА КАК ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ: НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ

Востребованность исследования «новых» медиа как технологической основы политического участия обусловлено влиянием их на интенсивность коммуникационных обменов, развитию активных политических отношений в информационном пространстве и созданию новых их форм, трансформацией сознания и поведения политических акторов. Тема актуальна и в связи с тем, что идет поступательное развитие научно-технического прогресса, который детерминирует появление более совершенных и эффективных цифровых технологий, позволяющих усиливать результативность политической деятельности¹⁶⁴. Политические процессы все более и более перетекают в виртуальное пространство, и это положение вещей будет усиливаться.

Рассмотрим некоторые подходы к пониманию «новых» медиа.

О. Стинс и Д. Ван Фухт в общефилософском смысле полагают, что «новые» медиа занимают свое место среди других вещей, порожденных новыми технологиями и изменениями в человеческом поведении»¹⁶⁵. С развитием цифровых технологий, Интернета и свойственных ему новых форм повествования (таких как вэб-доки, лонгриды и др.) границы между киноискусством, документалистикой, журналистикой стали размываться – один из уровней так называемого процесса конвергенции в теории «новых» медиа¹⁶⁶.

И.Д. Денисова акцентирует внимание, на том, что «предпосылкой появления «новых» медиа является появление пользовательского, народного контента, подготовленного общественностью, а также возрастание спроса на мультимедийную журналистику и появление виртуальных кабинетов»¹⁶⁷. А.В. Антонова подчеркивает, что «новыми» называют медиа, противопоставляемые традиционным, вместе с тем подчеркивая условность такого разделения: «любые медиа когда-то были новыми»¹⁶⁸. Е.В. Выровцева отмечает, что термин «новые» медиа используемый в значении «новые СМИ» значительно суживает функциональный спектр этого феномена и приводит к некорректному использованию собственно термина «средства массовой информации»¹⁶⁹.

Д.Г. Балувев и Д.И. Каминченко разделяют понятия «новые медиа» и «социальные медиа», говоря, что первые имеют более широкое функциональное значение и включают в

¹⁶³ Мисюров Д.А. Политика и символы. — М.: РИП-холдинг, 1999. — 124 с.

¹⁶⁴ Гришин О.Е. Технологический подход в российской политической науке: сущность, становление, проблемы // PolitBook. 2013. №4. С.75-84.

¹⁶⁵ Стинс О., Ван Фухт Д. Новые медиа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2008. №7. С.98-106.

¹⁶⁶ Антонова А.В. Социальная сущность вэб-документалистики в рамках теории новых медиа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т.16, вып.2. С.186-190.

¹⁶⁷ Денисова И.Д. Традиционные и новые медиа: роль России в рекламном рынке и перспективы развития // Научные записки ОрелГИЭТ. 2016. №2(14). С.62-65.

¹⁶⁸ Антонова А.В. Социальная сущность вэб-документалистики в рамках теории новых медиа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т.16, вып.2. С.186-190.

¹⁶⁹ Выровцева Е.В. Интернет-технологии в журналистике // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. №2(22). С.51-59.

себя все современные цифровые средства передачи информации. Социальные же медиа являются надстройкой, выполняющей социальные функции. «Новые» медиа – их основа, фундамент¹⁷⁰. В.Ф. Гигин акцентирует внимание на том, что дискуссия «о «новых» медиа в политике является отражением ... давнего спора о влиянии техногенных факторов, техники в целом, особенно в условиях научно-технической революции, на сферу общественных отношений»¹⁷¹.

С.В. Володенков полагает, что «новые» медиа, основанные на принципах интерактивности и демократичности, стали современной площадкой для агрегации, артикуляции и трансляции интересов и приоритетов различных общественно-политических групп как внутри страны, так и во внешнем пространстве»¹⁷².

Таким образом, применение «новых» медиа детерминирует инновации в политике. Такие медиа в современной политике рассчитаны, с одной стороны, на создание большей свободы, но с другой стороны и больших ограничений. «Новые» медиа позволяют активной группе людей, движимых политической инициативой, быстрее объединиться, чем это возможно в традиционных учреждениях. Большое количество людей получает доступ к информации, обеспечивающей им большую степень политического участия. С другой стороны, существует опасность более сильного контроля и целенаправленной манипуляции «новыми» медиа.

Гусев К.А. (ВШПМ СПбГУПТД, Санкт-Петербург)

ОЦЕНКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОРОТА И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ ЛИБЕРАЛЬНЫМИ АВТОРАМИ

Либеральная, либерально-консервативная и неоконсервативная критика революционных событий за столетие разработана и аргументирована. Прочитаем не самый яркий, а, скорее всего, самый распространенный вариант. «Весь «эсхатологизм» концепции социализма как формы обретения «земного рая» - самоопровержение, - пишет, например, А.Н. Мочкин. - Поскольку возвращение «бытийного архетипа», провозглашенное как смысл и цель социалистической доктрины, является своеобразной формой невозвращения бытийной, родовой сущности индивида, он сводится, редуцируется к биологическому субстрату, поставленному в жесткие рамки вне биологических – социогенных традиций и правил, навязанных извне и принуждающих его жить по принципам, в которых как раз и отрицается его родовая, природная сущность. Остается лишь безликий индивид, член, термит, пчела единого целого – муравейника, улья, зоны и т.п.»¹⁷³.

Но Октябрь семнадцатого года указал на возможность социалистической направленности общедемократических реформ. Б.Г. Капустин отмечает возможность образования новой системы ценностей путем исторической преемственности, сохранения леводемократической традиции, т.к. «демократический социализм» (социализм «с человеческим лицом», советская власть без ее узурпации коммунистической номенклатурой) до 1991 г. предпочитала большая часть общественности¹⁷⁴.

¹⁷⁰ Балуев Д.Г., Каминченко Д.И. Сравнительный анализ «новых СМИ» и социальных медиа в контексте социально-политического и исторического факторов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. №1(33). С.154-161.

¹⁷¹ Гигин В.Ф. Новые медиа как фактор политики: стереотипы и тенденции // Вестник ВЭГУ. 2016. №3(83). С.132-139.

¹⁷² Володенков С.В. Особенности и возможности применения технологий интернет-пропаганды в политическом управлении // PolitBook. 2016. №4. С.22.

¹⁷³ Мочкин А.Н. Социализм в поисках «третьего пути» // Общественные науки и современность, 1998. - №5. С. 100-107.

¹⁷⁴ См.: Капустин Б.Г. Кризис ценностей и шансы российского либерализма // Полис, 1992. - №№ 5-6. С.

Бердяев в знаменитой, не всегда сциентистски глубокой, но очень честной, и по анализу, и по фактуре, книге решительно отвергая большевизм, как в нравственно-интеллектуальном, так и в институционально-политическом аспектах, признает некоторую историческую заслугу Ленина: «Нужно было взбунтовавшимся массам дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организовать и дисциплинироваться, нужны были заражающие символы... Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям».¹⁷⁵ Многие другие либеральные, социально-христианские, да и умеренно-левые - вполне здравые - критики большевизма признавали, что сохранить хотя бы видимость социального порядка, вывести страну из распада, созданного долгими неудачными реформами, революционным протестом против них, войной, деятельностью коррумпированных и неэффективных монархической и буржуазной администраций, смогли лишь Советы.

«Обрушившись на капитал как господствующее богатство, - пишет Агаев, - революция в нашей стране оказалась не в состоянии преодолеть его как производственное отношение. Более того, капитализм (хотя и в образе некапитализма) приобрел форму всеобъемлющего и всеподавляющего государственно-организованного экономического уклада, гипертрофировавшего до предела те «государственно-монополистические» черты, которые на Западе проявлялись в наиболее кризисные моменты истории, особенно в чрезвычайных условиях мировых войн».¹⁷⁶

По «горячим следам», в мае 1919 г., с ортодоксально-марксистских, сходных с меньшевистскими, позиций критиковал Ленина К. Каутский. По мнению видного немецкого левого мыслителя и общественного деятеля, российская социальная специфика - вследствие антикапиталистического по форме и докапиталистического по сути народного переворота - породила наихудший вариант госкапитализма, или скорее, «социализма казармы», в рамках которого «правительственная и капиталистическая бюрократия слиты воедино».¹⁷⁷

Дефиниция советского периода в рамках подобного, честного и добросовестного, марксистского анализа (Каутский, Плеханов, Мартов, Дан, Агаев и многие другие), разумеется, допустима. Возможно, более продуктивно характеризовать советскую ситуацию в формационных категориях не как «госкапитализм», а как «восточный способ производства». Но только выход за пределы марксистской терминологии позволяет говорить о «реальном социализме», который - даже в трагически-тоталитарных «вершинах» - сохранял некоторые черты популистски-справедливого общества (гарантии заработка и занятости, социально-низкие нерыночные цены на товары первой необходимости, некачественное, но гарантированное жилье, неплохая обязательно-страховая медицина, доступность образования для выходцев из низших социальных страт).

Ленин и его сторонники, опираясь на неортодоксально переформулированную марксистскую схему, сумели предложить теоретический выход из логического и практического тупика, в который попали Плеханов, Мартов и вся, весьма разумная, леводемократическая традиция. Но теоретическая мешанина Маркса с Герценом и Чернышевским, а практическая - прямолинейного просвещенческого гуманизма со Стенькой Разиным, оказались препятствием для очень трудного - догоняющего, но естественно-эволюционного - буржуазного пути России.

Идея диктатуры пролетариата, почерпнутая у самого К. Маркса, стала в работах позднего Ленина схемой левого авторитаризма. Его гипотетическая историческая задача - модернизация отсталой, не вышедшей, во многих аспектах, из патриархальщины, страны. По существу, продиктованное тяжело больным вождем, власть из рук которого уже

76-83.

¹⁷⁵ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. С. 114-115.

¹⁷⁶ Агаев С.Л. «Маркс был соединен со Стенькой Разиным» (Об истоках большевизма) // Полис, 1992. №4. С.163.

¹⁷⁷ См.: Каутский К. Терроризм и коммунизм / К. Каутский. // Полис, 1991. № 2. С. 149, 150.

уплывала к следующему коммунистическому монарху – Сталину, «политическое завещание» - здравая компромиссная схема левоавторитарных преобразований. Был ли неизбежен крайний – левототалитарный вариант? Вопрос открыт, варианты в истории были и есть.

Гуторов В.А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

В.И. ЛЕНИН И МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТРАДИЦИЯ: ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Историческая память - очень странное, парадоксальное явление. Антикоммунистическая риторика эпохи «бархатных революций» в Центральной и Восточной Европе и идеологическая истерия времен ельцинских псевдореформ 1990-х гг. уже давно канули в Лету, а в Санкт-Петербурге ленинский памятник неизбежно стоит перед входом в Смольный. Политики и ученые постоянно спорят о том, является ли В.И. Ленин случайной фигурой, волею случая поднявшейся на историческую авансцену, или же победа возглавляемой им партии большевиков была закономерной и неизбежной.

Проблема соотношения национального и интернационального аспектов русской революции на протяжении многих десятилетий формировала философский и идеологический пунктир, проходящий через работы наиболее выдающихся мыслителей. Решительным сторонником идеи об органическом сочетании национальных корней Октябрьской революции с международной социалистической традицией был Н.А. Бердяев. Не случайно одно из наиболее ярких его произведений «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937 г.) начинается следующими словами: «Русский коммунизм трудно понять вследствие двойного его характера. С одной стороны, он есть явление мировое и интернациональное, с другой стороны - явление русское и национальное. Особенно важно для западных людей понять национальные корни русского коммунизма, его детерминированность русской историей. Знание марксизма этому не поможет»¹⁷⁸.

Современная западная традиция интерпретации большевизма также является в высшей степени разноплановой и неоднородной. Даже самый поверхностный обзор научных работ о Ленине, опубликованных в начале XXI века, свидетельствует о неослабевающем интересе к нему со стороны ученых и политических теоретиков. В свете «лингвистического поворота», происходящего в западноевропейских гуманитарных науках с 1960-х гг., становится непререкаемым тезис, согласно которому ключом к пониманию ленинизма и его идейных истоков, является изучение политических текстов с целью выявления специфики языка Ленина и других теоретиков большевизма. Новая коммунистическая терминология появляется на Западе и на Востоке – «кибернетический коммунизм», «герменевтический коммунизм» и даже японский «конкурентоспособный коммунизм».

Западные аналитики и в наши дни постоянно пытаются ответить на вопрос – почему, несмотря на утопизм, «несовместимость с природой человека», «историческую обреченность» и т.д., социалистические режимы в Европе, Азии и Латинской Америке на протяжении многих десятилетий демонстрировали живую динамику, «эластичность» и способность приспосабливаться к разнообразным политическим «повесткам дня». Следует отметить, что еще в начале 1950-х гг. блестящее понимание исторических причин подобной «эластичности» было продемонстрировано Баррингтоном Муром в его классической работе «Советская политика – Дилемма власти. Роль идей в социальном изменении». «*Тактическая гибкость в восприятии новых ситуаций*», - отмечал Мур, - уже давно рассматривалась как сильная сторона Ленина-политика»¹⁷⁹. Иными словами, по удачному метафорическому

¹⁷⁸ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. - М: Наука, 1990. С. 7.

¹⁷⁹ Moore B. Soviet Politics – The Dilemma of Power. The Role of Ideas in Social Change. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1950. P. 38.

выражению Эдмунда Уилсона, «Ленин использовал свой интеллект, свое острое понимание марксистской теории для того, чтобы повернуть ключ в дверном замке истории»¹⁸⁰. Этим ключом была политическая власть. Как отмечал Г.В. Вернадский, взяв власть в октябре 1917 г., «Ленин как бы стиснул зубы в мертвой хватке и не обращал никакого внимания на возражения, возникавшие порой в его окружении. Он был готов идти и шел по трупам, не останавливаясь ни перед чем и не обращая никакого внимания на проблемы морали и совести. Он употреблял любое оружие, используя в битве не только матросов и красногвардейцев, но также злословие и хитрость, не только угрожая, но на деле посылая в бой неимущие массы, воодушевляя их лозунгом: “Грабь грабителей!”»¹⁸¹.

Разумеется, невозможно отрицать наличия множества элементов утопизма в программных установках большевиков и самого Ленина, которые были изначально свойственны любому социалистическому направлению в эпоху модерна. Марксизм в этом плане не является исключением. Вместе с тем, следует признать, что как накануне, так и на всех этапах развития революционного процесса в России большевикам почти всегда удавалось органично соединять (в том числе, и в чисто прагматическом плане!) утопические элементы собственной социалистической программы с мессианскими настроениями и чаяниями русского крестьянства.

Дагбаев Э.Д. (БГУ, Улан-Удэ)

ПОЛИТИЗАЦИЯ БУДДИЗМА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ, КИТАЯ И МОНГОЛИИ

В современном мире конфессии становятся более активным участником политических процессов. Если христианство и ислам подвержены этому явлению с давних пор, то для буддизма оно более редкое явление. События последних десятилетий показывают, что буддийские религиозные организации стоят во главе многих массовых общественных движений и политических акций в странах Юго-Восточной Азии (достаточно назвать недавние события в Мьянме), немалое влияние они имеют в политической жизни Японии и Индии. Еще более значительной становится их роль в России, Китае и Монголии.

Ранее в России буддизм, конечно же, не имел такого мощного влияния, что, впрочем, вполне объяснимо: страна по большей своей части православная. В современной общественной жизни в ряде регионов России и, прежде всего, в таких буддийских, как Республике Бурятия и нынешнем Агинском бурятском округе Забайкальского края, Республике Калмыкия – ситуация явно меняется, буддисты и особенно буддийские иерархи становятся очень влиятельными в общественно-политической жизни. Несмотря на различные политические системы и религиозные традиции в трех соседних странах России, Китае и Монголии, в них существует целый ряд общих закономерностей этого явления.

В чем причины политизации буддизма в этих странах? Как и в каких формах буддийская религия участвует в политике?

Наши многолетние научные наблюдения позволяют сделать ряд определенных выводов.

Прежде всего, радикальные преобразования в общественных системах России и Монголии, реформы в Китае увеличивают влияние буддийской конфессии, исторически игравших значимую роль. Нынешние национальные государства оказываются в ситуации «религиозного вызова», как в виде давления конфессиональных групп в правовом и

¹⁸⁰ Kimmage M. The Conservative Turn. Lionel Trilling, Whittaker Chambers, and the Lessons of Anti-Communism. – Cambridge (Mass.); L.: Harvard Univ. Press, 2009. P. 39.

¹⁸¹ Вернадский Г. Ленин – красный диктатор. - М.: АГРАФ, 2000. С. 170.

неформальном поле, так и в стремлении государств и элитных групп использовать интегративный легитимизирующий потенциал религии.

Современные процессы, происходящие в России, Китае и Монголии, демонстрируют высокий потенциал политизации буддизма, несмотря на его сложившийся образ аполитичной религии. В Тибетском автономном районе КНР буддизм сопряжен с высококонфликтным процессом, причем выходящим далеко за пределы национальных границ и отражающимся на внутрироссийской и монгольской ситуации. В политическом поле важным пунктом является проблема Тибета и деятельность Далай-ламы XIV. Деятельности тибетских лам и связанных с ними групп в России часто приписывается политический характер¹⁸². Используя поддержку ряда государств, сформированную сеть общин и последователей, а также возможности Интернета, тибетская диаспора и сочувствующие ей группы смогли сформировать глобальный дискурс «SaveTibet» в котором связываются демократия, гражданские свободы и тибетская политическая проблематика. Такая постановка создает основу для критики многих действующих правительств, прежде всего КНР, со стороны гражданских активистов. В России буддизм прочно связан с этнополитическим процессом в «буддийских» регионах – Бурятии, Тыве и Калмыкии, а также с активностью довольно большого числа религиозных групп во многих городах России.

Сейчас многие религиозные и светские мероприятия, по сути, переименованы, поскольку в каждом из них присутствует как религиозный, так и светский элементы. Мероприятия начинаются и заканчиваются молитвами от лам, а торжественные речи произносятся как светское, так и духовное руководство.

На сегодняшний день наиболее крупной, разветвленной и авторитетной российской структурой, практикующей традиционный тибетский буддизм, является Буддийская Традиционная Сангха России. Главой БТСР с 1995 года по настоящий момент является 25-й по счету Пандито Хамбо-лама Дамба Аюшев, который является членом Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте и Межрелигиозного совета России. Российское государство, безусловно, оказывает большое внимание БТСР. Так, в Иволгинский дацан, где по-прежнему находится резиденция Хамбо-ламы, приезжали президенты России В.В.Путин и Д.А.Медведев, целый ряд влиятельных политиков, начиная от министров и депутатов ГосДумы до зарубежных гостей. С их стороны оказывалась поддержка в том числе и по строительству дороги-ветки от федеральной трассы до Тамчинского дацана, льготам по электроэнергии и др.

Как и в прошлых веках, мы видим прагматическую политику как со стороны Российского государства, так и со стороны буддийских иерархов. Также, как и во многих иных случаях, высшей политической элите удобнее иметь дело с одной влиятельной организацией и с одним лидером, которому дается политический карт-бланш.

Дан-Чин-Ю Е. Ю. (РУТ (МИИТ), Москва)

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

Местное самоуправление – оптимальный, наиболее приближенный к населению тип публичного управления, а также уровень решения большинства социально-политических и экономических проблем. Именно на уровне муниципальных образований создаются необходимые условия для участия населения в управлении, а именно реализации их властных полномочий. На органы местного самоуправления, как субъекты политики, ложится особая роль. Она выражается в учёте социально-экономических, политических,

¹⁸² Островская Е.А. Транснациональная сеть тибетского буддизма как инструмент эскалации этно-религиозного конфликта // Вестник аналитики. 2009. № 35(2009-1). – С. 72-79.

культурных, духовных и других особенностей конкретного муниципального образования, также в своевременной реакции на изменяющиеся интересы и потребности при осуществлении социально-политической деятельности. Она включает в себя принятие и осуществление эффективных управленческих решений и действий, ответственность перед местным населением, а также привлечение непосредственно самого населения, как источника власти, к принятию, реализации, контролю над реализацией принимаемых управленческих решений, касающихся его жизнедеятельности.

Эффективная деятельность органов местного самоуправления является основой социально-экономической и политической стабильности, способствует становлению конструктивного сотрудничества между государством и обществом, содействует приобщению населения к процессу управления, а также социальной интеграции общества, а в итоге - является фундаментом гражданского согласия.

Несмотря на то, что народ, согласно Конституции РФ, является носителем суверенитета и единственным источником власти, многими исследователями отмечается спад показателей участия граждан в управлении на местном уровне. Необходима активная работа по вовлечению граждан в местное самоуправление, развитию их самоорганизации и инициативы.

Именно местное самоуправление является ключевым институтом для развития демократии, здесь формируются традиции принятия решений, навыки участия в управлении социально-политическими процессами в муниципальных образованиях. Не везде на местном и региональном уровнях уделяется должное внимание проблеме участия граждан в политической жизни.

В западной практике именно на местном уровне наиболее активно проявляет себя участие общества в политической жизни, в том числе, различные виды активности граждан, стремящихся оказывать влияние на процесс принятия решений и структуры управления этим процессом в целом. В России исследования показывают низкий уровень доверия граждан почти ко всем органам власти. Наибольшее беспокойство вызывает отсутствие доверия к муниципальным органам власти, поскольку на формирование именно этого уровня власти граждане обычно могут оказывать наибольшее влияние.

Исследования показывают готовность муниципальной власти в большинстве случаев сотрудничать с гражданами. Вместе с тем на практике взаимодействие местной власти и граждан не всегда полноценно и эффективно. Такое положение дел обусловлено, среди прочего, низкой гражданской активностью, недостаточной ответной готовностью граждан участвовать в формировании органов местного самоуправления, в решении вопросов местного значения, в общественно-политической жизни своих территориальных сообществ. Участие граждан в осуществлении местного самоуправления имеет, как правило, ситуативный, несистемный характер. В основном преследуются утилитарные цели: решение отдельной острой проблемы. Системного, созидательного участия, как такового, нет. Наблюдается слабая электоральная активность: явка на муниципальных выборах обеспечивается в значительной степени только за счёт их проведения совместно с федеральными.

Для многих россиян является очевидным несоответствие между объёмом и сложностью стоящих перед местным сообществом задач и теми полномочиями и ресурсами, которые имеются в распоряжении местной власти.

Растет доля протестной ситуативной активности, как в форме объединений, так и в форме отдельных мероприятий прямого действия: акции, митинги, пикеты. Достаточно широко применяются формы низовой самоорганизации, движения «одного требования»: движения обманутых пайщиков, объединения дольщиков жилищных пирамид. Граждане зачастую предпочитают сплотиться в протестное движение, нежели обратиться в органы местного самоуправления с целью решить возникшую проблему. Такой подход обусловлен

укоренившимся у населения восприятием представителей власти (любой – федеральной, региональной, муниципальной) как антагонистов, а не как партнёров и союзников.

Можно перечислить несколько факторов, снижающих гражданскую активность на местах:

- недоверие к органам местного самоуправления.
- медленные темпы социально-экономического развития муниципальных образований;
- отсутствие финансовой базы для гражданской активности, экономическая слабость муниципальных образований;
- отсутствие у граждан свободного времени, разобщённость людей;
- сложившаяся система управления, где местные власти больше зависят от вышестоящих органов государственной власти, нежели от граждан;
- несовершенство правовых механизмов, регулирующих участие граждан в решении вопросов местного значения.

Важным элементом функционирования муниципальных органов власти является сфера публичной политики, в частности, взаимодействие двух секторов – государства и гражданского общества. Перед современной Россией остро стоят задачи совершенствования политических отношений в муниципальных образованиях, повышение доверия населения к власти и расширение гражданского участия в принятии решений местного значения.

Дёгтев А. С. (МГИМО МИД России, Москва)
**РОЛЬ БИЗНЕС-ЭЛИТЫ В ДЕМОКРАТИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ
ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Принято считать, что в отличие от естественных наук, в гуманитарных исследованиях невозможен эксперимент. До определённой степени это утверждение является верным. Однако некое подобие экспериментальных ситуаций всё-таки может присутствовать и при изучении социальных явлений. Речь идёт об уникальных, переломных моментах истории, когда общество проходит через такие системные преобразования, которые ранее можно было вообразить только в самых смелых фантазиях. Революции, коренные реформы, смены формаций дают некий аналог эксперимента в масштабах всего социума. Отличие от физики или химии заключается в том, что, если естествоиспытатель сам создаёт условия для эксперимента, то роль гуманитарного исследователя является пассивной – ему остаётся лишь внимательно наблюдать за происходящим. Одним из примеров такого невольного социального эксперимента являются постсоветские трансформации, многомерный характер которых создал богатую почву для исследования различных феноменов общественной жизни.

После распада СССР на постсоветском пространстве начались бурные процессы демократизации, приватизации госсобственности и перехода к рынку. Большинство транзитов к демократии оказались неуспешными. Преобразования в экономической сфере оказались более успешными и приняли необратимый характер. Рыночная экономика укоренилась на всей территории постсоветского пространства, хотя порой и с существенными недостатками, часто в форме госкапитализма, когда государство оставляет за собой контроль над ключевыми производственными активами.

Одним из главных итогов изменений в экономической сфере с политологической точки зрения стало появление бизнеса как самостоятельного политического игрока. Крупные корпорации, ассоциации предпринимателей и наиболее влиятельные бизнесмены начали активно участвовать в политике, влияя на множество параметров политических систем

постсоветских стран. В разных странах формировались различные системы отношений бизнеса с государством. Часто прослеживаются закономерности между особенностями режимных трансформаций в той или иной стране и тем, какая в ней сложилась модель взаимоотношений власти и бизнеса. В связи с этим представляется целесообразным проследить влияние системы отношений власти и бизнеса на становление политических режимов в постсоветских странах.

В зависимости от уровня политического участия делового сообщества можно выделить две модели отношений власти и бизнеса. *Инклюзивная модель* отношений власти и бизнеса характеризуется широкой представленностью интересов корпоративного сектора на политическом уровне. *Модель ограниченного доступа бизнеса в политику*, напротив, подразумевает подчинение бизнеса государству и строгое ограничение его политического участия.

При прочих равных первая модель будет более благоприятной для демократизации, так как способствует развитию плюралистической конкуренции. Вместе с тем, известно, что политические режимы, предоставляющие бизнесу широкие возможности политического влияния на высшем уровне государственной власти, вовсе не всегда становятся консолидированными демократиями. Во многих случаях такие режимы сталкиваются с проблемой так называемого «захвата государства» (*state capture*), когда государство из института, обеспечивающего коллективное благо, превращается в инструмент обслуживания личных интересов отдельных узких групп. Часто в числе этих групп оказываются именно представители бизнеса.

На наш взгляд, способность политического режима успешно демократизироваться в условиях широкого политического участия предпринимательского сообщества в значительной мере зависит от государственности. В странах с её высоким уровнем политическое участие бизнеса будет способствовать полноценному демократическому транзиту в то время, как государства с менее эффективными институтами могут не справиться с усилением политической конкуренции и стать жертвой «захвата». Таким образом, расширение политического участия бизнеса повышает шансы на демократизацию, одновременно создавая риски «захвата государства», величина которых главным образом зависит от уровня государственности.

Страны постсоветского пространства могут быть сгруппированы в три основных кластера в зависимости от соотношения системы отношений власти и бизнеса с одной стороны и политического режима – с другой: 1) *модель ограниченного доступа + авторитаризм*; 2) *инклюзивная модель + авторитаризм*; 3) *инклюзивная модель + демократия*. Этим кластерам соответствуют три траектории режимных трансформаций: 1) консолидация авторитарного режима в условиях ограниченного доступа бизнеса в политику; 2) «захват государства» в условиях инклюзивной модели отношений власти и бизнеса по причине недостаточно высокого уровня государственности; 3) демократизация в условиях инклюзивной модели отношений власти и бизнеса при достаточно высоком уровне государственности.

Декусар А.Б. (Казань, КФУ)

ФАКТОРЫ УСПЕХА ПРАВЫХ ПАРТИЙ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: НА ПРИМЕРЕ ВЕНГРИИ

В течение последнего десятилетия все более заметной становится тенденция роста поддержки правых партий в Европе. Количество тех, кто негативно относится к миграционной политике, проводимой европейскими странами, неумолимо растет. Многие

факты говорят о том, что правые и праворадикальные силы вновь становятся серьезными игроками на политической арене.

Наибольший интерес для современной политической науки представляют кейсы наиболее влиятельных венгерских правых партий – «Фидес – Венгерский гражданский союз» (венг. *Fidesz – Magyar Polgári Szövetség*) и партия «За лучшую Венгрию» («Йоббик») (венг. *Jobbik Magyarországért Mozgalom*).

Можно выделить группу факторов, которые способствуют их успеху. Одним из таких факторов является современная миграционная ситуация в Венгрии. Позиции партий «Венгерский гражданский союз» и «За лучшую Венгрию» по данному вопросу схожи. Являясь националистическими, данные партии выступают против смешения различных этнических групп, которое впоследствии приводит к культурному вымиранию, а также критикуют мультикультурализм.

Важное отличие во взглядах партий по указанному вопросу состоит в методах осуществления борьбы с мигрантами. «Фидес», желая сохранить респектабельность в глазах мирового и европейского сообщества, предпочитает осторожные шаги и постепенность в мерах. Оппозиция в лице партии «Йоббик» часто критикует действия партии власти и самого премьер-министра Виктора Орбана¹⁸³, требует большей решительности в противостоянии Европейскому союзу.

Следующее отличие в том, что «Йоббик» делает упор на антицыганскую политику, и это основная программа, которую она может предложить населению. Данный факт автоматически сужает круг потенциальных сторонников, поскольку шансы на успех высоки лишь в тех регионах страны, где проблема «рома» (цыган) актуальна. Программа партии «Фидес» является потенциально более привлекательной для всех граждан страны.

Другой группой факторов являются факторы социально-экономической направленности. Недовольство экономической политикой, проводимой Венгерской социалистической партией, способствовало росту электоральной поддержки партий Фидес и Йоббик.

Важное отличие в программных положениях партий состоит в том, что «Фидес» во время последней избирательной кампании обещала создать в Венгрии большое количество новых рабочих мест, снизить налоги и стимулировать экономический рост. Данная стратегия выглядит нереальной, если учитывать политику МВФ, который требовал сократить бюджетный дефицит и расходы на социальную защиту. За эти действия оппозиционная партия активно критикует правящую.

Важными факторами электорального успеха являются скептицизм в отношении ЕС и процессов евроинтеграции, а также кризис традиционных политических сил. Общим для партий является то, что они пришли к власти в период, когда население разочаровалось в действиях Венгерской Социалистической Партии, которая не только не справлялась с социальными и экономическими проблемами, но и поддавалась сильному воздействию со стороны Европейского Союза. Действия ЕС обострили социально-экономические проблемы в стране.

Объединяет «Фидес» и «Йоббик» скептическое отношение к ЕС и евроинтеграции, поскольку это противоречит идеологии правых, выступающих за защиту национальных интересов и ценностей. Но различия существуют. Партия «Фидес», желая сохранить партнерские отношения со странами-соседями, менее подвержена скептическим настроениям в адрес ЕС. «Йоббик», как и многие европейские националистические партии последовательно выступает за выход Венгрии из Евросоюза. Объясняя необходимость этого шага, партийное руководство апеллирует как к чувствам, так и к разуму избирателей. Оно напоминает о том, что «евробюрократы» являются главными врагами традиционных

¹⁸³ Желтов, М. Референдум против расселения мигрантов в Венгрии – по следам «двухвостой собаки» [Электронный ресурс] / ИнтерИзбирком URL: <http://izbircom.com/2016/11/05/референдум-против-расселения-мигрант/> (дата обращения: 13.09.2017).

ценностей, насаждают мультикультурализм и способствуют распространению гомосексуализма. Также, представители «Йоббик» акцентируют внимание на том, что масштабы коррупции в ЕС исчисляются миллиардами евро.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что партии «Венгерский гражданский союз» и «За лучшую Венгрию» являются теми политическими силами, что стремятся укрепить Венгрию как самостоятельное государство, но способы достижения этого предлагают разные. «Фидес», являясь правящей партией, не может себе позволить резкие высказывания в адрес Европейского Союза и обязана поддерживать хорошие отношения с соседними странами для эффективного сотрудничества и сохранения дипломатических отношений, но при этом стремится отстаивать национальные интересы Венгрии. Оппозиционная партия «За лучшую Венгрию» не боится открыто критиковать действия ЕС и активно выступать за выход из Евросоюза.

Демидова Е.И. (Саратовский социально-экономический
институт (филиала) РЭУ им. Г.В. Плеханова, Саратов)
МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА И ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН

Сейчас в России свыше 30 с половиной миллионов граждан в возрасте от 15 до 29 лет. Молодежь России — это не просто пласт в социальной структуре общества, это 36,3% населения России. От молодежи, от ее взглядов, мы с вами это прекрасно понимаем, в значительной степени зависит судьба нашей страны, будущее России. Именно молодежь, ее подходы к жизни определяют направления развития страны, но в то же время общество и государство закладывают ценностные основы и формируют приоритетные ориентиры молодежи.

Рассматривать состояние молодежи в современной России следует именно через призму государственного развития, национальных интересов страны. Проблема активизации молодежного ресурса для решения первостепенных задач в современной России является одной из актуальных и социально значимых. Эта проблема – политическая. Но на сегодняшний день она не имеет ясной стратегии решения, потому что нет четкого представления о состоянии той молодежной среды, на изменение характеристик которой должна быть собственно направлена стратегия государства. Мы должны честно признать, что нынешняя молодежь – другая и очень разная. Она выросла и сформировалась в совершенно иных социально-экономических и политических реалиях. И мы ее плохо знаем и не всегда адекватно друг друга понимаем.

Необходимо констатировать следующий факт, что за последние три десятилетия в России трижды кардинальным образом менялись принципы и механизмы политической социализации молодежи: от тотальной системы партийно-государственного контроля за воспитанием молодежи в духе преданности идеалам социализма к деидеологизации и деполитизации основных институтов социализации, к свободному, конкурентному воздействию на молодежь. И к современным попыткам синтезировать идеологический плюрализм и политическую конкурентность с общенациональной идеологией и государственным механизмом политического воспитания молодежи. Все эти преобразования привели к неоднозначным последствиям, которые требуют срочного объективного и всестороннего анализа. Изучение мировоззренческих ценностей молодежи, мотиваций поведения, особенностей и форм участия молодых людей в жизни социума представляются актуальными, в связи с тем, что необходимо своевременно формулировать новые положения, которые определяют эффективное участие молодежи в определении ориентиров будущей России.

Характеристики современной российской молодежи как ресурса развития общества очень противоречивы.

Политические ориентиры молодежи определяют идеологическое поле в России в будущем: готова ли молодежь активно бороться за лучшую Россию или же ее полностью устраивает положение дел в стране. Подходить к вопросу позиционирования молодежи необходимо учитывать взгляд на себя самой молодежи и точку зрения государства, формирующего условия для ее развития. В отношении ценностей российской молодежи следует говорить как о ценностном реверсе, так и о сохранении некоторых основ, на которых базируется российская цивилизация.

Обществу и государству сейчас необходимо определиться: какой они хотят видеть молодежь и выразить свою волю в форме четко продуманной государственной молодежной политики, которая должна осуществляться как важнейший компонент многогранной деятельности государства во всех сферах жизни общества. Идеологическая неопределенность сферы молодежной политики сегодня является препятствием в деле воспитания подрастающего поколения страны, решения его многочисленных проблем. Ведь смысл жизни как раз и заключается в том, чтобы сформировать социально активных граждан, осознанно отстаивающих и защищающих свои интересы и интересы общества. У государства и молодежи, к сожалению, нет стратегического видения того, какой она должна быть. Нам нужна постоянная, системная работа с молодежью, которая бы пронизывала все действия властей на всех уровнях. Для того, чтобы изменить ситуацию, необходимо формирование государственной молодежной политики на всех уровнях и этапах становления и развития молодежи. Пока молодежь находится в стадии становления, ей необходима направляющая роль наставника, которым и выступает государство. Молодежи следует помогать переосмысливать морально-нравственные, политические, жизненные приоритеты. От подхода критики без действий, молодежи надо настойчиво предлагать осознать и на практике это поддерживать, что именно она - основа будущего России и от её выбора зависит то, в какой России мы будем жить через 20–30 лет.

Молодежная политика - это целый комплекс экономических, социальных вопросов, проблем демографии, науки, образования, жилищной политик. Это продолжение стратегической линии на инвестиции в человеческий капитал. Те, кому сегодня 15, 20, 30 лет, в 40 лет станут главными действующими лицами в нашей стране. Так было и будет всегда. Молодежь - это наиболее динамичная и в то же время наиболее уязвимая часть общества. С одной стороны, она способна на многое. Может сделать страну по-настоящему успешной и конкурентоспособной, но требует поддержки, поощрения, создания здоровой жизненной среды и надежных социальных гарантий.

Денисов А.Е. (АН РТ, Казань)

ЭТНИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ КРЯШЕН В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

В современной научной и общественно-политической дискуссии “кряшенский вопрос” возник на рубеже 1980-ых – 90-ых годов в период ослабления государственной власти в Советском Союзе и параллельно с этим ростом национального и этнического самосознания у населения страны.

Вначале, если посмотреть на первых кряшенских просветителей (Н. Ильминского и В. Тимофеева), то мы увидим, что они способствовали всестороннему формированию кряшенской идентичности и самосознанию. Их заслуга в формировании кряшенской идентичности заключается в том, что были открыты первые учебные заведения, где люди

могли обучаться на родном языке. Это, конечно, крещено-татарская школа, которая позже стала культурным центром кряшенского движения.

В кряшенском движении можно выделить пять этапов чередования культурного и политического национализма.

Первый этап начинается с деятельности православных миссионеров в среде крящённых татар и заканчивается временным интервалом 1914 – 1917 годов.

Второй этап уже проходит как первая волна кряшенского политического национализма. Длился он примерно с 1917 по конец 20-ых годов 20 века. Именно в этот период происходит разрыв в сознании кряшен с остальным татарским этносом. В это время, в 1917 году, в газете “Кряшен” выдвигается тезис о кряшенах как отдельной нации.

Третий этап выпадает на период с конца 20-ых годов до конца 80-ых годов 20 века. Данное время характеризуется “затишьем” всякого рода национализма и вообще кряшенского движения.

Четвёртый этап можно выделить с конца 80-ых годов до переписи населения в 2002 году. В этот период поднимается вторая волна кряшенского политического национализма. В этот период кряшенские активисты стали пропагандировать среди населения необходимость зафиксировать свою “национальность”.

Пятый этап начинается с переписи населения 2002 года и продолжается в наши дни. Политический национализм кряшенских лидеров показал свою не состоятельность, так как очень мало людей откликнулись на их призывы.

На сегодня кряшенское движение в Татарстане представлено ООК РТ¹⁸⁴. Данная организация не выдвигает политические требования и проводит умеренную этническую мобилизацию. При этом фактически главные цели кряшенского движения были достигнуты (включение в Ассамблею народов Татарстана и т.д.).

Выделим другие результаты исследования этнической мобилизации кряшен:

1. Было выявлено, что у кряшенского населения не чётко структурированы представления о границах своей группы, истории и этнокультурных особенностях.

По Татарстану, среди респондентов “кряшенского” опроса, превалирует не только эндоэтноним “кряшены” – 78,2 %, но и “крещённые татары” – 17,2 %¹⁸⁵, т.е. можно говорить о размытости эндоэтнонима.

“Кряшенский” язык является “народным” языком, то есть местным диалектом татарского языка. 78,5 % кряшенских респондентов в РТ отметили татарский язык как родной¹⁸⁶.

2. Основа кряшенской идентичности – религия (с особенными формами религиозных обрядов и верований).

Е.В. Баркаръ в 2005 и 2006 гг. провёл ряд полевых экспедиций в республике Татарстан, где изучал современную религиозность кряшенского населения. Его исследования показали, что в кряшенской среде существуют особенные формы религиозных обрядов и верований, не всегда совпадающие с ортодоксальным православием.

3. Миф о происхождении (разновидность “арийского мифа”) уже достаточно сильно укоренился в сознании кряшенской общественности.

Вариация “арийского мифа” – “кряшены ведут своё происхождение от “керчинов”, которые жили в районе горного массива Куньлунь (потомки арийских племён)”¹⁸⁷.

¹⁸⁴ Общественная Организация Кряшен Республики Татарстан (ООК РТ)

¹⁸⁵ Титова Т.А., Хуснутдинова К.Ю. Этноконфессиональная группа кряшен: трансформация идентичности и современные этнокультурные процессы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (67). С. 200.

¹⁸⁶ Никитина Г.А. Кряшены Удмуртии: этнокультурный портрет // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2012. № 5-3. С. 74.

¹⁸⁷ Овчинников А.В. Арийский миф в национализмах современного Татарстана // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 92.

4. В Татарстане благоприятное состояние этноконфессиональных отношений. Существующее заблуждение за пределами РТ о притеснении кряшен не выдерживает никакой критики.

В Татарстане кряшены оценили ситуацию как стабильную и спокойную даже выше, чем русские¹⁸⁸. Особенно стоит выделить данные о “возможности межконфессиональных конфликтах из-за политического руководства Татарстана”. В результате среди кряшенского населения данный показатель (15,8 %) намного ниже, чем, например, аналогичный показатель у русских (21,8 %)¹⁸⁹.

Денисов С.А. (Гуманитарный университет, Екатеринбург)
РАЗРАБОТКА ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ИМИТАЦИИ ДЕМОКРАТИИ

В мире накопилась достаточно обширная практика имитации демократии. Это позволяет сделать обобщения и выработать общую теорию ее имитации. Всякая общая теория держится на выработке основных понятий. Прежде всего, из многих понятий демократий следует выбрать то, которое будет рассматриваться как подлинная демократия. Подделкой будет называться создание видимости этой демократии. При этом следует отличать подделку от неразвитой демократии.

При построении своей теории имитации, автор исходит из представления о том, что демократия – это решающее участие граждан в управлении общественными и государственными делами.

Суть имитации демократии обычно заключается в подмене понятия демократии, субъектов, осуществляющих участие в управлении общественными и государственными делами (за народ могут выдавать охлос), имитации самого участия в управлении и преувеличение роли членов общества в управленческом процессе. Следует выделять деятельность по имитации демократии, которая может иметь разную степень эффективности и результат этой деятельности в виде разного рода имитационных институтов (общественных отношений). Имитация демократии включает в себя создание подделок свободы слова, свободы объединения, конкурентной политической системы, свободы выборов и т.д.

Общая теория имитации демократии должна выявить закономерности возникновения и развития этого явления. Прежде всего, следует выявить причины и условия возникновения такого явления как имитация демократии. Очевидно, что оно возникает в условиях транзита. Здесь есть силы, которые заинтересованы в переходе к демократическим отношениям в обществе, но не имеющие достаточно ресурсов, чтобы осуществить свои желания. С другой стороны, действуют силы, которые не заинтересованы в переходе к демократии, но вынуждены создавать видимость того, что идут на уступки и вводят (допускают) демократические отношения. Те и другие силы привлекают на свою сторону определенные социальные ресурсы. При анализе имитаций следует выделять сознательно осуществляемую деятельность и стихийные процессы, возникающие в ходе взаимодействия различных социальных сил. При анализе расстановки сил следует учитывать внутренних и внешних акторов, влияющих на процесс. Автор данного исследования придерживается материалистического мировоззрения и считает, что демократия возможна только при наличии определенного развития экономических отношений, которые приводят к формированию социальных групп, выступающих за демократизацию общественных отношений.

¹⁸⁸ Титова Т.А. Внутригрупповая консолидация и межконфессиональная дистанция православного населения Республики Татарстан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (часть 1). С. 183.

¹⁸⁹ Там же. С. 184.

Как и в любом процессе, следует выделять **средства и технологию** имитации. Фактически имитация является разновидностью обмана наблюдателей. Поэтому важнейшими здесь являются средства воздействия на сознания людей: органы образования, культуры, средства массовой пропаганды. Важнейшим имитационным средством являются нормативные акты: конституции и законы. При имитации демократии применяются разнообразные приемы и методы индокринации населения и манипуляции его сознанием и поведением. Активно участвуют в деятельности по имитации демократии политологи.

Обман может осуществляться не только на словах, но и **в действиях**. Сегодня, государства, имитирующие демократию, вынуждены осуществлять ритуальные действия, символизирующие участие населения в управлении делами общества и государства: управляемые выборы, плебисциты, участие в обсуждении принимаемых законов. Для создания видимости демократии могут создаваться специальные субъекты.

В ходе имитационной деятельности административный класс вынужден допускать дозированное участие групп населения в управлении общественными и государственными делами, оставляя за собой право решающего слова. Государство может допускать деятельность независимых от него средств массовой информации, которые занимают небольшую часть информационного поля и не могут существенно повлиять на сознание масс. Оно может позволять создавать слабые политические партии и движения, которые не могут увлечь за собой значительные группы общества и победить на выборах.

Если имитация демократии носит характер осознанной деятельности, то она имеет свои **цели и задачи**. Кроме цели обмануть наблюдателей, субъекты имитационной деятельности могут стремиться мобилизовать население на действия, полезные правящей группе. Люди, убежденные, что законы реализуют их интересы, будут добровольно их исполнять.

Общая теория имитации демократии выделяет общий **процесс** имитационной деятельности. Он может включать в себя создание ложных демократических идеалов. Главной в этом процессе является деятельность по убеждению наблюдателя в том, что в стране существуют демократические отношения. Вспомогательную роль играет деятельность по подавлению критиков и сомневающихся. Необходимо оценить степень эффективности этой деятельности.

Зрелая общая теория имитации демократии позволяет выработать программу исследования этого явления.

Дергунова Н.В. (УлГПУ, Ульяновск)

ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Формы и направления гражданского участия в жизни страны чрезвычайно разнообразны – это работа в области общественного контроля и общественной экспертизы, добровольческое движение, благотворительность и меценатство, реализация гражданских инициатив, участие в деятельности органов местного самоуправления и многое другое. События последних лет (после воссоединения Крыма) придали новую динамику гражданской активности.

Задача государства – предоставить гражданскому обществу площадки самореализации и участия в дискуссии по всем вопросам национальной повестки. Государство должно уделять достойное внимание сфере гражданского активизма, обеспечить функционирование «социальных лифтов» для выявления и продвижения талантливых людей, настроенных на позитивную активность. Однако выполнение данной задачи требует серьезного отношения к деятельности гражданского общества и со стороны различных групп политической элиты.

Отношение и оценка данных процессов представителями различных групп регионального сообщества имеет ряд различий¹⁹⁰. Взаимодействие трех секторов – общества, государства и бизнеса – большей частью экспертов воспринимается как отношения интеграции, направленные на обеспечение оптимального баланса в реализации интересов всех взаимодействующих субъектов (57,6%), но чаще так воспринимают взаимоотношения представители муниципальной власти и институтов гражданского общества (62-61% соответственно).

Тем не менее, большинство экспертов от трех групп (кроме административно-политической элиты) понимают, что отношения между представителями гражданского общества, государства и бизнеса должны быть основаны на принципах социального партнерства (68-70-80%). Больше всего экспертов от власти (32%) считают, что в данных отношениях главенствующая роль должна принадлежать государству. Бизнес, муниципальная власть и НКО в данном случае противостоят позиции административно-политической элиты, защищая самостоятельность и свободу гражданского общества в целом.

Цели взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса представители разных групп экспертов воспринимают по-разному, доминирующих общих позиций не выявлено. Для бизнеса цель взаимодействия - создание благоприятных условий для развития предпринимательства (34%), передача части функций государства гражданскому обществу (23%), эффективное решение проблем граждан, улучшение жизни населения (22%).

Для представителей гражданского общества - повышение качества государственных услуг для населения и механизма их предоставления, то есть контроль деятельности государства (34%), эффективное решение проблем граждан, улучшение жизни населения (29%), передача части функций государства гражданскому обществу (21%).

Для муниципальной власти - эффективное решение проблем граждан, улучшение жизни населения (47%), повышение качества государственных услуг для населения и механизма их предоставления (24%), передача части функций государства гражданскому обществу (18%).

Для представителей политико-административной элиты - эффективное решение проблем граждан, улучшение жизни населения (42%), повышение качества государственных услуг для населения и механизма их предоставления (36%), Усиление влияния органов государственной власти в обществе (8%). Полученные данные свидетельствуют о доминировании патерналистских взглядов на отношения общества и государства, прежде всего, у представителей политико-административной, то есть управленческой элиты региона. К партнерским отношениям по разным причинам больше всего стремятся бизнес и институты гражданского общества. Муниципальная власть в данном случае занимает промежуточную позицию, но она по целям ближе всех к жизненным проблемам населения.

При оценке факторов, которые являются препятствием для эффективного взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса, мнения экспертов четырех групп совпали только при оценке деятельности институтов гражданского общества – «формальный подход» в их работе (12-13-14 %) и все эксперты выделили такой фактор как отсутствие общих интересов у субъектов взаимодействия, но оценили его значение по-разному.

Эксперты-бизнесмены основными факторами, препятствующими эффективному взаимодействию, назвали законы, не соответствующие условиям реальной жизни (49%), отсутствие общих интересов у субъектов взаимодействия (20%). Представители муниципальной власти назвали отсутствие общих интересов у субъектов взаимодействия

¹⁹⁰ Опрошено 115 респондентов – экспертов, представителей бизнеса (46 чел.), муниципальной власти (25 чел.), НКО (15 чел.) и политико-административной элиты (31 чел.) Ульяновской области. Опрос проведен в феврале 2016 г. кафедрой философии, социологии и политологии УлГУ (Дергунова Н.В., Котельникова О.) по анкете лаборатории проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления Южно-Российского института управления филиала РАНХиГС при Президенте РФ.

(40%), отсутствие необходимых законов, которые являлись бы ориентиром такого взаимодействия (21%). Представители гражданского общества посчитали, что препятствием к эффективному взаимодействию являются законы, не соответствующие условиям реальной жизни (37%), отсутствие общих интересов у субъектов взаимодействия (22%). Представители политико-административной элиты назвали отсутствие общих интересов у субъектов данного взаимодействия (57%), формальный подход в деятельности структур гражданского общества (13%).

Джигоева Е.Г. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Проблемы взаимодействия государства и бизнеса занимают одну из центральных позиций в политике большинства развитых и развивающихся стран. Однако ключевые точки такого взаимодействия государства видят по-разному.

В России, несмотря на то, что отношения «государство-бизнес» имеют уже довольно долгую историю развития, все же можно говорить об этапе формирования принципов таких отношений, становления структуры и механизма их реализации.

Новым витком в развитии рассматриваемых отношений явилось принятие Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁹¹, вступившего в силу с 1 января 2016 года.

Согласно ч.1 ст.1 указанного закона его целью является создание правовых условий для привлечения инвестиций в экономику Российской Федерации и повышения качества товаров, работ, услуг, организация обеспечения которыми потребителей относится к вопросам ведения органов государственной власти, органов местного самоуправления. Само государственно-частное партнерство (муниципально-частное партнерство) определяется как юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества (п.1 ч.1 ст.3 Федерального закона №224-ФЗ).

Однако названный Закон фактически создал больше вопросов чем призван был решить. Согласно приведенному определению, государственно-частное партнерство осуществляется на основании соответствующего соглашения. В то же время Федеральный закон № 224-ФЗ не указывает в каком соотношении находится сфера его правового регулирования с другими институтами, оформляющими партнерские взаимоотношения государства и бизнеса. До принятия указанного закона в числе таких институтов рассматривались юридические лица с государственным участием, соглашения о разделе продукции, соглашения об осуществлении предпринимательской деятельности в особых экономических зонах, соглашения простого товарищества, систему закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд¹⁹², концессионные соглашения. Только в отношении последних

¹⁹¹ В редакции от 03.07.2016//СЗ РФ.2015. № 29 (часть I). Ст. 4350.

¹⁹² Указанные отношения регулируются Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (ред. от 29.07.2017)//СЗ РФ.2013.№14.Ст. 1652.

Федеральный закон № 224 –ФЗ указывает, что отношения, возникающие в связи с подготовкой, заключением, исполнением и прекращением концессионных соглашений, с установлением гарантий прав и законных интересов сторон концессионного соглашения, регулируются Федеральным законом от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (ч.2 ст.2 Закона). При этом указанная норма не отвечает на вопрос о том, как распределяются «зоны ответственности» концессионных соглашений и соглашений о государственно-частном партнерстве. Не трудно заметить, что объекты обоих соглашений фактически совпадают (см. ст.4 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»¹⁹³ и ст. 7 Федерального закона №224-ФЗ).

Очевидно, что Федеральный закон №224-ФЗ рассматривает государственно-частное партнерство исключительно в узком смысле, в то время как соответствующие государственные, общественные и частные структуры (органы и организации), участвующие в отношениях государственно-частного партнерства, видят реализацию проектов партнерства посредством всех указанных выше институтов¹⁹⁴.

К сожалению, никто из участников отношений «государство-бизнес» не дает рекомендаций по выбору соответствующего правового механизма, оптимально применимого к конкретным отношениям.

По нашему мнению, причинами отсутствия единообразного подхода к построению системы правового регулирования отношений государственно-частного партнерства является не вполне выстроенная концепция указанных отношений, не до конца поняты цели основных субъектов, разбалансированность интересов.

Преодоление обозначенных проблем видится в расширении коммуникации государство-бизнес посредством организации и проведения коммуникационных площадок, бизнес форумов и т.д., в результате чего участники партнерства смогут максимально четко выявить взаимный интерес, условия и формы его реализации, оптимальные для государства, общества и бизнеса. Результаты подобной коммуникации должны найти отражение в Концепции государственно-частного партнерства, утвержденной на федеральном уровне.

Донцев С.П. (РГГУ, Москва)

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Существуя в пространстве социальных коммуникаций религиозные организации вынуждены одновременно вступать в отношения с государственными институтами. Это взаимодействие опосредуется социальными практиками, существующими в конкретном обществе. Объяснительные модели, обосновывающие то или иное положение религиозной организации в государстве, либо формируются в обществе, артикулируются им, и в таком виде воспринимаются государством, либо наоборот формируются «сверху» и предлагаются обществу в качестве универсальной модели. Во втором варианте модель требует адаптации, в соответствии с ожиданиями общества и преобладающими в нем социокультурными

¹⁹³ В ред. от 29.07.2017//СЗ РФ.2005.№ 30 (ч. II).Ст. 3126.

¹⁹⁴ См., например, Рекомендации по реализации проектов государственно-частного партнерства в субъекта РФ, разработанных Центром развития государственно-частного партнерства// http://pppcenter.ru/assets/files/presentations/GChP-Recommend_web.pdf (дата обращения 19.09.2017); Рекомендации по реализации проектов государственно-частного партнерства. Лучшие практики, подготовленные Минэкономразвития// <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/723e4b43-2e71-43fb-aedf-dfa3ba54998d/metodicrecommmend.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=723e4b43-2e71-43fb-aedf-dfa3ba54998d> (дата обращения 19.09.2017)

традициями. Эта адаптация может приспособливать модель к реальным условиям, добавляет в нее неформальные практики, модифицирует содержание, сохраняя при этом первоначальную форму. На следующем этапе государственные институты в свою очередь вынуждены менять формально-юридическое содержание модели, чтобы разрыв между формой и содержанием не стал критическим и не привел к «разрыву», когда формально заданные и реальные практики государственно-конфессиональных отношений абсолютно не совпадают друг с другом. Этот процесс можно уподобить «черному ящику» с системами входа и выхода по аналогии с известной концепцией политической системы Д. Истона. Только здесь на «выходе» будет формироваться формально-юридическая модель государственно-конфессиональных отношений, которая после адаптации в пространстве социальных коммуникаций сформирует сигналы «входа», требующие соответствующей реакции со стороны государственных институтов. Последние вновь трансформируют модель и она опять будет предложена обществу. Таким образом говорить об устойчивости модели можно только с определенными оговорками. Процесс ее модификации непрерывен. Другое дело, что глубина модификаций, временной промежуток между положениями условного «выхода» и «входа» может очень сильно варьироваться в зависимости от конкретного общества. В условиях нестабильности политической системы модель также нестабильна и постоянно трансформируется. В стабильной же системе модель после нескольких циклов трансформации становится устойчивой. В этом качестве она может способствовать реализации стратегических задач государства, которые подразумевают сотрудничество с религиозными организациями. Социализация граждан, в том числе и политическая, является одним из основных направлений, в котором государственные институты могут использовать ресурс религиозных организаций, и для реализации которого формируются концептуальные рамки государственно-конфессиональной модели. В свою очередь и религиозные организации не являются пассивным участником этого процесса, только воспринимающими установленные «правила игры». Они могут сами участвовать в модификации формируемой модели, в соответствии со своими внутриконфессиональными интересами. В постсоветской России первый этап формирования, опробации и адаптации модели коммуникации государственных и религиозных институтов завершился к 1997 г. с принятием Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», формализовавшем межинституциональные взаимодействия. Второй этап, характеризующийся институциональной стабильностью, продолжается до настоящего дня, однако в его рамках наблюдается усиление интенсивности коммуникации и усиление отдельных направлений взаимодействий (например, связанных с совместной реализацией гуманитарных проектов, и в международной плоскости). Однако несмотря на продолжающиеся корректировки правового контекста взаимодействий религиозных организаций, государства и общества (например, принятие Федерального закона от 29 июня 2013 г. N 136-ФЗ о внесении изменений Уголовный кодекса РФ в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан) все они пока происходят в рамках той институциональной модели, которая сложилась в конце 1990-х гг.

Дринова Е.М. (ВолГУ, Волгоград)

ФАКТОРЫ РИСКА В ГЛОБАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ

Общество риска / глобальные политические конфликты. Актуальность анализа рисков в глобальных конфликтах современного мира обусловлена как внешнеполитическими, так и внутриполитическими факторами. Основополагающими внешнеполитическими факторами являются модернизация, глобализация, общество риска. Модернизация в обществе модерна

представляет собой основной тип глобальных изменений, охватывающих социум¹⁹⁵. Ее амбивалентность проявляется в том, что с одной стороны она ведет к прогрессу, с другой, порождает войны, революции, глобальные конфликты, культурные травмы. Доминантными внутриполитическими факторами риска могут быть национализм, сепаратизм, десекуляризация, моделирование образа врага. В обществе риска происходит трансформация традиционных политических ценностей. Факторы риска актуализируют формирование иных требований к демократии, новой тенденцией становится «легитимный тоталитаризм, который творит наихудшее, только с той целью, чтобы избежать худшего»¹⁹⁶.

Крушение Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений / турбулентность в политике / глобальные политические конфликты. Перестройка, формирование нового политического мышления и последующий крах Советского Союза стали той точкой отсчета с которой началось формирование нового мирового порядка. Его доминантой выступает турбулентность в мировой политике, которая, по мнению Дж. Розенау, может спровоцировать конфликты. Вместе с тем, неопределенность, политический риск предполагают как возможность выбора, так и ответственность за него, необходимость моделирования поливариантных сценариев глобальных политических конфликтов с учетом вероятностных потерь на международном, региональном и локальном уровнях.

Глобальные политические конфликты / риски. Ирак, Ливия, Сирия, Украина – основные центры глобальных мировых конфликтов. Ирак и Ливия в недавнем прошлом были относительно стабильными индустриальными странами. Результатом внешнеполитической агрессии со стороны Запада, стали ослабление государственности, трансформация государственных режимов. Политической реальностью выступила высококонцентрированная форма насилия, осуществляемая террористической группой ИГИЛ. Так, в Ираке индекс терроризма в 2016г. составил 9,9¹⁹⁷.

В Сирии США, Франция, Великобритания и др. страны члены НАТО на протяжении длительного времени активно поддерживают политическую оппозицию. Следует отметить, что только оказание военной и гуманитарной помощи со стороны Российской Федерации официальным властям Сирии дало возможность минимизировать издержки военно-политического конфликта. Вместе с тем, институционализировался эффект бумеранга, что проявляется в массированных атаках террористов на территории стран Евросоюза. Угрозы и террористические акты в 2017г. во Франции, Великобритании, Испании свидетельствуют о том, что существующая система международной безопасности не является эффективной.

Более того, по мнению ряда исследователей, «что же касается конфликта в Украине, то в настоящее время не суть важно кто в нем прав. Для России Украина является южным буфером. Если она становится сферой преимущественно влияния ЕС и НАТО, даже входит в НАТО, то альянс приблизится к Волгограду (ранее – Сталинграду, который Советы в свое время защищали ценой сотен тысяч жизней), Россия стремится возродить буферную зону на своих западных границах. Европейцы и американцы хотят лишить русских этого буфера и получить возможность прямого влияния на поведение России»¹⁹⁸.

Факторы риска в глобальных политических конфликтах в значительной мере определяются не только акторами турбулентного международного процесса, но и во многом зависят от системы политических ценностей, возможности ее трансформации в ходе конфликта, доминирующего в обществе риска мироощущения.

¹⁹⁵ Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации)

//Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013.№ 6. С.119.

¹⁹⁶ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. - М., 2000. С. 97.

¹⁹⁷ The Global Terrorism Index 2016.<http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2016/11/Global-Terrorism-Index-2016.2.pdf>

¹⁹⁸ Фридман Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира. 2016. С. 203

КРЫМ КАК СИМВОЛ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье анализируются результаты исследования символического пространства российской идентичности в период после реинтеграции Крыма. При этом в центре внимания исследования находится анализ места образа Крыма в формировании российской национально-государственной идентичности.

В этом контексте исследовательский интерес представляют основные содержательные элементы российской идентичности, не только выраженные в форме ценностей и идеалов, но и репрезентируемые массовым сознанием через систему образов и символов и именно в этой форме существующие в коллективном дискурсе, транслируемые в межличностном общении и массовой коммуникации.

Исследование стало частью долгосрочного научно-исследовательского проекта «Формирование национально-государственной идентичности в современной России» на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. В рамках проекта национально-государственная идентичность определяется как психологическая самоассоциация личности с геополитическим образом определенного национально-государственного конструкта, имеющая в своем основании персональные фреймы (ценности и представления), закрепляющаяся и проявляющаяся через систему символических репрезентаций. Она представляет собой постоянно развивающийся баланс между глубинными политико-культурными, образно-символическими и коммуникативными компонентами.

Целью исследования было выявить и проанализировать образно-символическое содержание того контента, который властные политические элиты транслировали в эти периоды гражданам, с одной стороны, и трансформации, происходившие в образно-символическом пространстве массового сознания под влиянием этого контента.

Существенное теоретико-методологическое значение для исследования имеют теории, разработанные в рамках современной политической психологии и политической культуры:

- теоретическая модель политического восприятия, разработанная под руководством профессора Е.Б. Шестопал, позволяющая выявить рациональные и неосознаваемые компоненты политических образов;

- классические теоретические работы, посвященные природе политических символов, логике их зарождения и существования К. Юнга, М. Элиаде, А.Н. Лосева, Э. Кассирера.

- концепция символической репрезентации политических явлений и процессов, связанной с теориями «символической власти» П. Бурдьё, социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, символической политики М. Эдельмана. В современной российской гуманитарной науке эта концепция представлена в проекте исследования символической политики, инициированном О.Ю. Малиновой в ИНИОН РАН, результаты которого опубликованы также в серии сборников «Символическая политика», изданных в 2012-2017 гг.

Выбор методов исследования (открытые вопросы, неоконченные предложения, проективные тесты, картоиды) определялся задачей выявить как осознаваемые, так и неосознаваемые компоненты представлений респондентов о месте Крыма в сознании граждан России в качестве оснований для идентификации со страной и государством.

В процессе анализа результатов исследований 2014-2015 гг. были выявлены некоторые новые символические элементы российской идентичности, отражающие новые тенденции в трансформации массового сознания.

В то же время этот анализ показал, что образно-символическое пространство «крымского консенсуса» в сознании значительной части россиян и особенно представителей молодого поколения было, во-первых, достаточно упрощенным и стереотипизированным, а, во-вторых, не таким монолитным, как можно было подумать, принимая во внимание внешнюю коммуникативную его сторону.

Если в 2014- 2015 и начале 2016 гг. высказывались предположения, что «крымский консенсус» станет новым центром конструирования российской нации, то к концу 2016 года можно говорить о спаде интереса массового сознания к образу Крыма, ослаблении его символического значения для идентификации граждан со страной и государством.

Исследования 2016-2017 гг. подтверждают, что Крым из эмоционально окрашенного символа объединения «русского мира» и укрепления государства постепенно трансформируется в достаточно нейтральный образ одного из российских регионов, не самого благополучного и нуждающегося в поддержке.

В этом контексте возникает вопрос не только о сохранении привычных образов и символов, но и о поиске новых смыслов, способных сформировать более прочные образно-символические основания российской идентичности.

Евдокимов Н.А. (БАГСУ, Уфа)

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Анализ региональных политических событий на электоральном и партийном поле свидетельствует о некотором кризисе политических партий, который имеет место, несмотря на количественный рост партийных образований в регионе.

В частности, 10 сентября 2017 года, в Единый день голосования, в Башкортостане состоялись выборы в муниципальные органы власти. По их итогам из 256 депутатских мест 193 достались «Единой России», 39 самовыдвиженцам, 14 - «Справедливой России», 6 - ЛДПР, 3 - «Патриотам России» и 2 - КПРФ. Колоссальный разрыв между «партией власти» и оппозицией не только свидетельство использования властью серьёзного административного ресурса, но и следствие полной неготовности партий парламентской оппозиции вести избирательную кампанию без помощи центрального аппарата.

Полагаем, что этот партийный кризис связан не только с региональными политическими процессами, но и с федеральной партийной динамикой, которая характеризуется падением популярности «традиционных» партий при недостаточной ресурсной обеспеченности новых «игроков» на партийном поле. В целом, кризис вызван следующими обстоятельствами:

1) политические партии в настоящее время не имеют реальной возможностью влиять на органы государственной и муниципальной власти, включая формируемые ими законодательные и представительные органы. Присутствие в федеральном или региональном парламенте нескольких депутатов той или иной партии зачастую является следствием компромисса между партией и властью, но практически никак не влияет на её статус и поддержку среди избирателей;

2) действующие политические партии крайне пассивны в период между выборами. Они не заинтересованы в осуществлении иных, помимо электоральной, функций, имеют слабую внутреннюю организацию, испытывают дефицит харизматичных лидеров, зависимы от политической и бизнес-элиты. Как следствие – низкая узнаваемость региональных политических партий среди избирателей, не готовность участвовать в политических мероприятиях и акциях в силу низких мобилизационных и организационных возможностей.

В силу этих причин, можно сделать вывод, что характер избирательной системы играет второстепенную роль. За исключением «Единой России» для остальных субъектов партийной системы не является принципиальным по пропорциональной или смешанной системе проводятся выборы, так как форма избирательной системы не влияет принципиально на итоговый результат выборов.

Повышение политического статуса партий зависит не столько от результатов выборов, сколько от решения следующих задач:

1) адекватное определение социальной базы политической партии. Решение этого вопроса будет способствовать эффективной организации внутренней структуры партии, а также позволит успешно проводить политическую мобилизацию, в том числе, в период избирательной кампании. На сегодняшний день, большинство региональных отделений политических партий не имеют чёткого представления о своей социальной базе. Претензии партии на статус всеобщей нередко приводят к обратному результату: не обладая яркими, популярными в народе лидерами, политическая организация становится одной из многих общественных структур, не идентифицируемых рядовым гражданином, а потому непопулярных среди населения;

2) аккумуляция политических взглядов тех категорий граждан, которые составляют социальную базу партии. Для этого необходимо ведение активной повседневной работы. Попытка аккумулировать требования населения только в период избирательной кампании означает желание заменить реальную политику политическими технологиями, что не может дать долгосрочного эффекта;

3) преобразование социальных интересов в программы и действия политического характера (разработка партийной идеологии). Именно на этом этапе политические взгляды членов партии соотносятся с государственным курсом регулирования жизнедеятельности общества, определяется отношение партии к государственному режиму: поддержка либо оппозиция. На сегодняшний день, большинство партийных программ представляют собой документы, содержащие очевидные положения и лишённые способности к какой-либо политической самоидентификации.

В случае решения этих задач у региональных партийных отделений появится возможность адекватно представлять как свою социальную базу, так и кадровые и организационные возможности для ведения эффективных политических кампаний. Конечно, успешное становление партий возможно лишь при соблюдении требований законодательства и цивилизованных правил политической игры всеми участниками политического процесса.

Таким образом, большая часть отделений политических партий в Республике Башкортостан (прежде всего, новообразованных) сегодня не готова работать в рамках существующей политической системы. В период между избирательными кампаниями партии, за исключением «Единой России», столкнулись с проблемой эффективной организации собственной работы, что связано с отсутствием чёткой структуры и узнаваемых политических фигур в партийных организациях городов и районов Башкортостана. Для многих региональных отделений (включая, даже, КПРФ и ЛДПР) остаются нерешёнными вопросы идеологической самоидентификации и/или чёткого понимания собственной социальной и электоральной базы. Политические партии пока не пользуются большой популярностью и в большинстве своем они не проросли на низовой уровень.

Евстифеев Р.В. (Владимирский филиал РАНХиГС, Владимир)
**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА
ДЛЯ ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКСПЕРТНОГО
СООБЩЕСТВА И ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ¹⁹⁹**

Оценка потенциала взаимодействия экспертного сообщества и органов власти является актуальной научной задачей в рамках исследования практик взаимодействия власти, научного

¹⁹⁹ Подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 17-03-00328 «Институты и практики взаимодействия власти, экспертного сообщества и общественных организаций в российских регионах»

сообществ и гражданских организаций, как значимого элемента публичной политики (public policy)²⁰⁰.

Сравнительный анализ институтов, отвечающих за реализацию взаимодействия органов власти, экспертного сообщества и общественных организаций в четырех российских регионах – в Северо-Западном федеральном округе – г. Санкт-Петербург, в Центральном федеральном округе – Владимирская и Тверская области, в Приволжском Федеральном округе – Саратовская область, а также практик такого взаимодействия, изучение документов и заявлений лидеров государственных и общественных организаций, показывает, что для оценки потенциала такого взаимодействия необходимо привлекать более точные инструменты, обладающие параметрами, позволяющие проводить количественные сравнения.

Одним из таких инструментов могут стать методы, разрабатываемые в рамках концепций интеллектуального капитала²⁰¹.

С точки зрения авторов данных концепций, интеллектуальный капитал представляет собой неосязаемую, нематериальную ценность, которая, тем не менее, в современный период оказывает значительное влияние на формирование общей стоимости и капитализации как отдельных компаний, так и регионов и национальных государств. С этой точки зрения, потенциал взаимодействия экспертного сообщества и органов власти на региональном уровне также может быть оценен как вклад в интеллектуальный капитал региона.

Наиболее приемлемым инструментом оценки может быть монитор нематериальных ресурсов, разработанный международной компанией Selemi специализирующейся в области оценки знаний и интеллектуального капитала. Монитор нематериальных активов Selemi определяет три направления анализа нематериальных активов: клиенты (направление, касающееся внешних структур взаимоотношений с клиентами и поставщиками, торговых марок, контрактов и репутации или имиджа), организация (внутренняя корпоративная структура, состоящая из патентов, принципов, договоров на поставку, моделей и компьютерных и административных систем), люди (общая компетентность служащих, их способность действовать в самых разных обстоятельствах).

В основу модели, адаптированной к сфере взаимодействия органов власти и экспертного сообщества, может лечь блок «клиенты», под которым понимается структура взаимоотношений органов власти и экспертов, формы и содержание договоренностей, репутация, имидж органа власти в обществе. Блоки, касающиеся организации и персонала, требует отдельной разработки и в данной статье пока не рассматриваются. Однако, они учитываются при создании матрицы клиентов, то есть классификации «клиентов» - участников взаимодействия с органами власти.

С точки зрения распределения интеллектуального капитала экспертов, взаимодействующих с органами власти, можно условно определить как «клиентов» организации, вносящих важную долю интеллектуального капитала в нематериальные активы органа власти. Таким образом, можно выделить три категории «клиентов», позволяющих развивать внешнюю, внутреннюю структуры и общую компетентность сотрудников и организации в целом.

Первая категория – «клиенты», улучшающие имидж, то есть те эксперты, которые пользуются в регионе хорошей репутацией и могут кому-нибудь порекомендовать сотрудничество с органов власти. Такие «клиенты» необходимы для привлечения внимания к позитивным сторонам деятельности организации, их действия улучшают внешнюю структуру организации.

Вторая категория – «клиенты», улучшающие организацию. Это эксперты, которые требуют поиска новых решений и тем самым заставляют орган власти совершенствоваться

²⁰⁰ Сунгуров А.Ю, Карягин М.Е. Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. №3. С.144-159.

²⁰¹ Corporate Reporting of Intangible Assets: A Progress Report. OECD. 2012.

прежние методы работы или внедрять новые. Такая группа экспертов улучшает внутреннюю структуру организации и формы ее взаимодействия с внешней средой.

Третья категория – «клиенты», повышающие компетентность. Это эксперты и граждане, взаимодействие с которыми требует от органа власти приобретения новых навыков, компетенций. Эта группа экспертов помогает изменять эффективность работы органов власти и повышать компетентность государственных служащих и органов власти в целом.

Оценка числа «клиентов» в разрезе выделенных трех групп может быть основой для анализа использования интеллектуального капитала региона.

Изучение практики работы и документов Общественных палат указанных регионов (ежегодных отчетов) и документов общественных советов показывает, что в них присутствуют в основном описание взаимодействия с первой группой экспертов, которые демонстрируют высокую лояльность к органу власти и готовы эту лояльность транслировать во внешнюю среду. В гораздо меньшей степени представлены «клиенты» второй и третьей групп. Более глубокое изучение вопроса показало, что при формировании Общественных палат и общественных советов эксперты второй и третьей групп рассматриваются органами власти как менее приемлемые по сравнению с экспертами первой группы. Очевидно, что это создает некоторую стабильность во взаимоотношениях с экспертами, но, с другой стороны, снижает возможности использования интеллектуального капитала, что, в свою очередь, приводит к снижению эффективности деятельности органов власти и отставанию в овладении новыми необходимыми компетенциями.

Жаде З.А. (АГУ, Майкоп)

МНОГОУРОВНЕВАЯ СТРУКТУРА ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ²⁰²

В отечественной науке в настоящее время отсутствует однозначная точка зрения на содержательные компоненты многоуровневой идентичности. Такая постановка проблемы определила содержание прикладного социологического исследования, реализованного нами в 2016 г. в Республике Адыгея²⁰³. Анкета опроса содержала блок вопросов, направленных на изучение Я- и Мы-идентификации, места гражданской, этнической и территориальной (региональной) идентичности в общей структуре социальной идентификации.

Результаты опроса показали, что молодежь Адыгеи чаще всего описывает свою Я-идентичность в таких абстрактных категориях как человек, личность, индивид (36,7%). На втором месте по распространенности располагается государственно-гражданская идентичность – относят себя к россиянам, гражданам России еще 15,2%. Третье место занимает идентификация со студентами (13,3%). И еще 8,6% респондентов идентифицирует себя по семейному статусу.

Чаще всего адыгейская молодежь идентифицирует себя посредством абстрактных общечеловеческих категорий (41,9%). Данная позиция собирает 36,6% русских студентов и 27,6% представителей смешанной группы национальностей. С большим процентным отрывом далее следует государственно-гражданская Я-идентичность. Она присуща 13,8% опрошенных адыгейцев, 15,6% – русских и 17,3% – респондентов «смешанной» группы.

На уровне Мы-идентичностей государственно-гражданская идентичность уступает по степени распространенности группам повседневного общения. На первом месте здесь идентификация со сверстниками (18,7%). Далее по частоте упоминаний следуют

²⁰² Выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования».

²⁰³ Жаде З.А. Особенности региональной идентичности молодежи Республики Адыгея (по материалам социологического исследования) // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 5. С. 22-28.

государственно-гражданские идентификации (15,2%). Принадлежность к группам повседневного общения – социально-профессиональные общности – собирает 12,6% опрошенных. Рядом располагается идентификация по признаку принадлежности к жителям Республики Адыгея (12,3%). Этническая идентичность отмечается еще 10,8% молодежи. Конфессиональная идентичность и отождествление себя с жителями Северного Кавказа присуща еще примерно 6% респондентов.

Сравнительный анализ ответов респондентов разных национальностей показывает, что для адыгейцев в качестве важнейших мы-групп выступает общность жителей Республики Адыгея (18,5%), которая немного уступает поколенческим сообществам (18,5%). На третьем месте по степени распространенности находится этническая идентичность, которая собирает больше половины студентов адыгейцев (14,5%). Государственно-гражданская идентичность указывается только десятой долей опрошенных (9,3%). Еще примерно столько же отождествляют себя с людьми одного рода занятий (9,3%) и жителями Северного Кавказа (8,9%).

В сегменте русских студентов на первых местах в структуре Мы-идентичности располагаются поколенческие (23,3%) и государственно-гражданские идентичности (17,6%). На третьем месте по степени значимости располагаются социально-профессиональные мы-группы (14,3%). Примерно десятая доля русских студентов, проживающих в Адыгее, отождествляют себя с населением республики (10,3%) и с представителями своей национальности (8,4%).

В подгруппе, в которую вошли студенты разной этнической принадлежности, на первое место вышли идентификации с макрообщностью, т.е. с гражданами России (17%). Принадлежность к людям одного с ними возраста и национальности важна еще для 14,9% и 12,9% опрошенных соответственно. И еще 11,3% опрошенных отмечают близость с людьми одной профессии, рода занятий (11,3%).

Для молодежи Республики Адыгеи в целом характерен поиск новых идентичностей, отождествление себя через более густую сетку социальных ролей. На уровне Я-самоописаний доминируют абстрактные идентичности (человек, личность, индивид), вдвое меньше распространены государственно-гражданские идентификации.

В мы-идентификациях опрошенных преобладают первичные группы социального общения (представители одного поколения, рода занятий, этничности), но также большую роль играют и абстрактные макрообщности, как общегосударственного, так и регионального масштаба. Этническая специфика проявляется в приоритете для адыгейцев региональной и этнической Мы-идентичности, которая конкурирует с группами повседневного общения. Для русской молодежи, проживающей в республике, важнее являются государственно-гражданские наднациональные идентификации.

Региональная идентичность более выражена на уровне Мы-идентификаций в группе адыгейских студентов, среди которых также более выражены отождествления с этнической Мы-группой. Русские студенты больше тяготеют к идентификациям с государственно-гражданскими общностями.

Как видим, национально-этнический фактор в ряде случаев оказывается в системе Мы-идентификаций важнее, чем гражданственный. Хотя для Я-идентификаций соотношение обратное.

Завершинский К.Ф. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

**«СОБЫТИЕ» РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЕ
РАМКИ И БАЗОВЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФИГУРАЦИИ**

Актуальность обращения к проблеме артикуляции политико-культурных, символических рамок и «фигур» Русской революции, при описании места и роли событий

революции в политической культуре современной России достаточно очевидна в реалиях академического и идеологического многообразия стратегий описания и использования символических ресурсов в практике социального конструирования национальной идентичности постсоветской России. Дискуссии о методологическом потенциале концепта и события Русская революция достаточно регулярно возникают в предметной области исторических и политологических исследований зарубежных и отечественных авторов. Теоретические дебаты о месте и роли Русской революции весьма нередко констатируют, что современные исследования в области теории революции и событий Русской революции носят междисциплинарный характер, а поэтому нуждаются в артикуляции общих когнитивных и семантических параметров, чтобы избежать риска быть «погребенными» многообразными фактами, концепциями и идеологическими интерпретациями²⁰⁴. Автор полагает, что преодолеть идеологический редукционизм и осуществить смысловое "стягивания" в изучении феномена русской революции в рамках разнообразных исторических, социологических и политологических субдисциплин возможно на основе методологии анализа символических измерений революций Нового времени, обозначенных в фундаментальных исследованиях таких авторов как Джек Голдстоун, Шмуэль Ной Эйзенштадт, дополненных стратегиями исследования символических рамок и фигураций социальной памяти в работах таких авторов как Николас Луман,, Ян и Алейда Ассмань, А.Ф. Филиппов, Дж.Олик.

В контексте теоретических посылок, обозначенных выше автором, Русскую революцию можно представить, как политическое событие («смысловой комплекс») в символических рамках современной политической памяти, значимого для пролонгации политико-коммуникативного процесса в настоящем. Дискуссии о присутствии (отсутствии) символических структур Русской революции в политической памяти постсоветских и постсоциалистических государственных образований - это не только ресурс идеологической борьбы элит за социальное доминирование, а и симптом сложных перформативных процессов в символическом пространстве национальной политической памяти постсоветских пространств.

Идеологии о "похоронах Русской революции" и примитивный антикоммунизм, препятствуют осмыслению феномена русской революции и мешают установлению "связи времен", осмыслению многослойности символического пространства современной политической культуры. Вместе с тем это актуализирует политологическую значимость теоретической посылки, в свое время представленной в работе французских философов, которые заметили, что, «если две величайшие революции нашего времени -- американская и советская - обернулись столь скверно, то это не мешает концепту идти дальше своим имманентным путем», поскольку значимость концепта революции состоит не в "энтузиазме", связанном в «отрыве зрителя от актера», сколько в перманентной коммуникативной «автореферентности»²⁰⁵. Исследование Русской революции как «смыслового события» современной политической памяти создает предпосылки для теоретического и эмпирического проектирования более эффективных практик символической политики и конструирования новых символических форм гражданской идентичности.

Зазнаев О.И. (КФУ, Казань)

ФЕНОМЕН ПРЯМЫХ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ПАРЛАМЕНТСКИХ РЕСПУБЛИКАХ

В последние годы целый ряд парламентских республик ввел институт прямых выборов президента. В 2007 году в Турции были внесены поправки к конституции, в соответствии с

²⁰⁴ См., напр.: Goldstone, Jack A. Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory // Annual Review of Political Science, 2001. 4:139-187; Революция как концепт и событие: монография. - М.: ЦИУМ, 2015.

²⁰⁵ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? - М.- С-Пб.: АЛЕТЕЙЯ. 1998. С.125-131.

которыми были учреждены всеобщие выборы президента. В Чешской Республике граждане стали выбирать главу государства в 2013 году (поправки к конституции приняты в 2012 году). В 2016 году в Молдавии Конституционным судом были восстановлены прямые выборы президента (в 1991-2000 гг. президент избирался всенародно). Острые дебаты по поводу возможности всенародного избрания главы государства шли и идут в Венгрии, Италии, ФРГ и Эстонии.

Как известно, в чистой парламентской республике президент избирается парламентом или специальной избирательной коллегией, и из этого процесса граждане исключены. Феномен прямых выборов президента в условиях парламентской республики пока не получил должного объяснения в политической науке. Вместе с тем, нужно ответить на ряд вопросов: о плюсах и минусах прямых выборов, об изменении характера взаимоотношений между органами власти в связи с внедрением прямых президентских выборов, а также о том, меняется ли при этом парламентская форма правления на иную.

1. К преимуществам прямых выборов президента в парламентской республике относят:

- повышение степени легитимности власти президента;
- возрастание значимости должности президента и превращение его в более активную политическую фигуру;
- выражение президентом интересов более широкой коалиции, а не политических партий;
- появление президентов, которые менее лояльны по отношению к партиям и не являются «продуктом» «делок» между ними;
- преодоление отчуждения граждан от власти и политики.

Аргументы противников прямых выборов президента в парламентской республике таковы:

- эти выборы больше подходят президентским и полупрезидентским системам;
- слабые позиции президента в парламентской системе больше коррелируют с его избранием парламентом, а не народом;
- даже несмотря на то, что президент получает большую легитимность в силу прямого его избрания, это ничего не значит, пока не будет расширения его полномочий;
- прямые выборы не гарантируют того, что президент будет независим от партий;
- президент, избранный от партии, может управлять независимо.

2. Возможны два варианта последствий учреждения института прямых выборов президента. Первый случай касается ситуации, когда не происходит изменения взаимоотношений между государственными органами. Так, в Словакии по Конституции 1993 года президент избирался парламентом, а с 1999 года стал избираться гражданами. Однако президент продолжал оставаться носителем ограниченных исполнительно-распорядительных полномочий, и подавляющее их большинство как реализовалось, так и реализуется премьер-министром, представляющим коалицию большинства в парламенте. Словакия функционирует как типичная парламентская система²⁰⁶.

Другой случай – парламентская Турция, где введение прямых президентских выборов в 2007 году в сочетании с другими институциональными изменениями, одобренными на референдумах 2010 и 2017 гг. (расширение полномочий президента, ликвидация должности премьер-министра, введение постов вице-президентов, право президента назначать и увольнять министров и вице-президентов, отмена обязанности министров устно отвечать на вопросы в парламенте и др.) в конечном итоге приведут ее к президентской республике (поправки к конституции вступят в силу после следующих выборов, которые намечены на 2019 год). Таким образом, в Турции прямые президентские выборы стали частью радикальной трансформации формы правления страны – от парламентской к президентской.

²⁰⁶ Horváth P., Brix R. Direct Presidential Election as an Attendant Feature of Central European Consolidation: Paper presented at the 23rd World Congress of Political Science, 2014. P.6.

3. Оценка формы правления после введения прямых президентских выборов во многом зависит от того, как мы понимаем парламентскую систему. В литературе справедливо отмечается, что парламентская система создает «единственный локус верховной власти на национальном уровне» в отличие от президентской системы, где власть разделена между двумя избираемыми органами – законодательной и президентом²⁰⁷. Что касается полупрезидентской системы, то ее важная характеристика – дуализм исполнительной власти. Вряд ли можно согласиться с подходом Р.Элджи, который считает, что прямые выборы президента превращают систему в полупрезидентскую²⁰⁸. Полагаю, что следует обратить внимание не на формальный во многом признак выборов, а на принципы функционирования власти. Если после внедрения прямых президентских выборов характер взаимоотношений между ветвями власти не поменялся, и глава государства действует как итальянский или немецкий президент, то нельзя говорить о трансформации формы правления в сторону полупрезидентской системы.

Закиров А.Р. (КФУ, Казань)

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ GOVERNMENT RELATIONS (GR) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Одной из проблем современной отечественной политологии является разнородность определений категории GR (Government Relations) и возникающее с этим понятийное многообразие.

Одной из первых особенностей является «расширение» исследователями понятия от узкопознаваемой категории GR до всеобъемлющей, включающей в себя все аспекты GR. Например, П.А. Толстых обозначает, что «GR - деятельность специально уполномоченных сотрудников крупных коммерческих структур (GR-менеджеров) по ведению работы компании в политическом окружении»²⁰⁹. В данном определении упор делается на «специальных сотрудников», понимая GR как узкоспециализированную профессиональную деятельность.

Немного шире GR обозначается Л.В. Сморгунным: «GR – это особая организация взаимодействия негосударственных структур (ассоциаций гражданского общества и бизнеса) с государством для влияния на власть с целью согласования и принятия эффективных решений»²¹⁰.

В свою очередь Т.А. Кулакова, расширяя предыдущие определение, понимает GR как «одно из направлений коммуникативного менеджмента, целью которого является согласование интересов организаций с интересами органов государственной власти различного уровня для снижения рисков и обеспечения устойчивого развития»²¹¹. Стоит отметить, что в данном определении теперь уже включены цели и задачи GR.

У зарубежных политологов GR раскрывают его как процесс, включающий в себя определенные этапы и результат: «GR представляет собой деятельность по выстраиванию отношений между различными общественными группами и государственной властью, включающую в себя сбор и обработку информации о деятельности правительства,

²⁰⁷ John Gerring, Strom C. Thacker and Carola Moreno. Are Parliamentary Systems Better? // Comparative Political Studies. 2009. Vol. 42. № 3. P.337.

²⁰⁸ Semi-Presidentialism in Europe. Ed. by R.Elgie. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 8-9, 14.

²⁰⁹ Толстых П.А. Профессиональный словарь лоббистской деятельности. [Официальный сайт]. URL: http://lobbying.ru/dictionary_word.php?id=6.

²¹⁰ GR-связи с государством. Теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством: учеб. Пособие / под редакцией Л.В.Сморгунова и Л.Н. Тимофеевой. - М., 2012. С.12

²¹¹ Кулакова Т.А. Government Relations в процессе принятия политических решений. [Официальный сайт]. URL:<http://www.politex.info/content/view/139/30/>

подготовку и распространение информации о позициях представляемых групп, влияние на процессы принятия политических и административных решений»²¹².

Но наиболее широко GR понимается Сергеевым В.: «GR является собой формой информационно-коммуникационной системы в политической сфере, представляющей совокупность информационных потоков, которые постоянно формируются вокруг целенаправленных взаимодействий представителей бизнеса и государства и способны к своему устойчивому воспроизведению благодаря деятельности специально создаваемых организационных структур»²¹³. Данное определение делает GR синонимичным с такими категориями, как Public Affairs, медиарилейшнз и PR.

Второй особенностью является не всегда четкое понимание самих субъектов GR, что влияет на содержание данной категории. Например, А.Н. Чумиков и М.П. Бочаров исключают из своего определения субъекты: «GR - сознательная организация коммуникаций, установление эффективных коммуникаций с органами государственной власти»²¹⁴, что позволяет сделать вывод что, любой, кто занимается данной коммуникацией, полноправно реализует GR.

В заключении хотелось бы отметить, что понятие GR не ограничивается вышеназванными определениями и в некоторых исследованиях приобретает значение, противоречащее своей сути.

Например, существует обратно-направленный взгляд на GR – «GR – это ситуация при которой связи с государством рассматриваются как PR государственных структур»²¹⁵, позволяющее нам сделать умозаключение, что GR - составная часть PR.

Иной пример приводится в исследованиях В.В.Грибанова, И.В.Сидорской, И.А.Быкова, где понятие GR, наоборот, приобретает значение инструмента лоббизма: «GR – отношения социальных субъектов с органами государственной власти, где специалисты в области GR – это люди, которые строят мост между властью и бизнесом, для того чтобы по этому мосту свободно могли пройти лоббисты для решения своих вопросов с властью»²¹⁶. Хотя в современной отечественной науке устоялось мнение, что именно лоббизм является инструментальной частью GR.

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день не существует вполне конкретного определения понятия GR, которое позволяло бы провести черту и разграничить смежные с ним понятия, как в первую очередь «лоббизм», а также медиарилейшнз, PR, Strategic Management, Advocacy.

Заранкин И.А. (НИУ ВШЭ, Москва)
**МОДЕЛИ И ФАКТОРЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ МИНИСТРОВ
ПРАВИТЕЛЬСТВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Правительство является высшим органом исполнительной власти, отвечающим за реализацию политического курса, поэтому исследование рекрутирования министров, составляющих высший эшелон исполнительной власти, имеет важное значение. В России

²¹² Аги У., Кремкрон Г., Олт Ф., Улкокс Д. Самое главное в PR. - СПб., 2004: С. 362-363.

²¹³ Сергеев В. Тенденции политического взаимодействия бизнеса и государства в современной России // Власть. - М. 2013. № 7. С. 106.

²¹⁴ Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Актуальные связи с общественностью. – М., 2009. С. 605

²¹⁵ Михайлов Ю.М. Связи с общественностью по-русски. - М. 2007. С. 6.

²¹⁶ Государственный PR и GR в России и Беларуси: основные тенденции / под редакцией В.В.Грибанова, И.В.Сидорской, И.А.Быкова. - Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2015. С. 218.

министры, как правило, рекрутируются из рядов бюрократии, обладающей менее обширным, по сравнению со своими западноевропейскими коллегами, политическим опытом. Подобное рекрутирование было характерно и для советского периода, т.е., несмотря на распад советского и образование нового государства, нынешнее рекрутирование, как показывает анализ литературы по данной теме, частично сохраняет прежние черты. Однако сама модель рекрутирования и предопределившие ее факторы по-прежнему в должной мере не исследованы – существует ограниченное число публикаций, посвященных рекрутированию российских министров. Понятие «модели рекрутирования» отражает определенный паттерн рекрутирования политических акторов на министерские должности, характерный для определенной политической системы, и включает каналы рекрутирования, механизмы, бассейн и карьерные траектории.

Для выявления факторов, определяющих российскую модель, необходимо провести ее сравнение с другой моделью, характерной для политической системы, имеющей схожие черты с российской системой. Оптимальным в данном отношении представляется бинарное сопоставление схожих случаев. На наш взгляд, такой страной является Франция, что определено следующими обстоятельствами. Конституция Пятой Республики оказала значительное влияние на российскую Конституцию 1993 года. Как и Россия, Франция, согласно классическому определению М.Дюверже, является полупрезидентской республикой. В обеих странах схожие политико-административные системы исполнительной власти, отличающиеся взаимопроникновением политического и административного классов, а также клиентелизмом (С.Л.Коровина). Подвижность грани между политикой и администрированием ведет к тому, что во Франции, как и в России, чиновники нередко делают политическую карьеру и рекрутируются на министерские посты. Эта особенность является заметной чертой французской системы – не случайно Пятая республика неформально называется «республикой государственных служащих» (П.Бирнбом).

Анализ моделей рекрутирования российских и французских министров показывает, что они характеризуются двумя главными сходствами. Общим механизмом рекрутирования выступает лояльность президенту, однако у главы российского государства больше возможностей для влияния на состав кабинета с учетом того, что российский президент, по Конституции, в отличие от своего французского коллеги, может отправить правительство в отставку. Другим сходством является то, что относительное большинство министров родились в центральных и крупных по численности регионах – Иль-де-Франс во Франции, а также Москве и Санкт-Петербурге в России.

Однако отличий в моделях рекрутирования министров больше, чем сходств. Главным *бассейном* рекрутирования французских министров выступают профессиональные политики, имеющие электоральный опыт и занимающие высокие посты в партиях, а российских – чиновники. Доминирующим *каналом* рекрутирования российских министров являются исполнительные органы власти, в то время как французских – политические партии. *Механизмом* рекрутирования французских министров выступает *политический* опыт, а российских – опыт работы в структурах *исполнительной власти*. Для последних очень важен электоральный опыт, доверие избирателей и известность в публичном пространстве, в то время как для российских членов правительства этот фактор малозначим.

Говоря о *карьерных траекториях* французских министров, необходимо отметить, что члены кабинета, как правило, делают политическую карьеру, заключающуюся в многократном избрании в легислатуры разных уровней и продвижении внутри партии. Для российских министров, чаще всего, характерна бюрократическая карьера, однако, в отличие от французских «больших школ», ни один российский университет не является стабильно значимым каналом рекрутирования министров. Впрочем, роль «больших школ» и «больших корпусов» во Франции сегодня снижается.

Анализ факторов, определяющих модели рекрутирования, показывает, что к ним, прежде всего, относятся конституционный дизайн, конфигурация системы государственного

управления, уровень политической профессионализации, роль партий в политической системе страны, а также состояние институтов государства и гражданского общества.

Зарипова А. Р. (КФУ, Казань)

ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРТИИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Новый XXI век внес существенные изменения в политическую ситуацию в Европе. Масштабные процессы европейской регионализации и децентрализации государственного управления, вызванные ускорившейся интеграцией европейских государств, привели к усилению роли региональных партий этнической направленности. Именно этнорегиональные партии становятся активными политическими акторами, стремящимися оказывать существенное влияние на принятие государственных решений, как на региональном, так и национальном уровне. Рост национального самосознания делает региональные партии, защищающие интересы этнических групп, влиятельной силой, способной навязывать свои решения центру, используя этно-региональную идентичность населения как один из важнейших аргументов в переговорах с центральной властью. Таким образом, этнорегиональные партии становятся главными оппонентами центра и оказывают сильнейшее влияние на государственную политику.

Каталония, Страна Басков, Шлезвиг-Гольштейн, Фландрия, Южный Тироль и Шотландия стали регионами, в которых за последние пять на региональных выборах одержали победу этнорегиональные партии, позднее вошедшие в состав коалиционного правительства или самостоятельного сформировавшие его.

На основе анализа программных положений европейских этнорегиональных партий по вопросам децентрализации и территориального устройства государств можно выделить несколько типов партий.

Этнорегиональные партии, выступающие за сохранение статуса-кво, ведут борьбу за признание культурной исключительности представляемой этнической группы. Эти партии не стремятся изменить государственно-территориальную систему или расширить политическую автономию региона. Особое внимание уделяется признанию языковой и культурной самобытности национальных меньшинств и права на представительство в институтах регионального и национального уровня и участию в политическом процессе. К таким партиям можно причислить Союз южношлезвигских избирателей (партия датского меньшинства в земле Шлезвиг-Гольштейн, Германия), баскские партии во Франции (Баскская националистическая партия, Социалистическая партия Страны Басков, Движение левых патриотов, Союз Басков).

К следующему типу партий следует отнести этнорегиональные партии, борющиеся за децентрализацию власти в пользу регионов. Главной целью таких партий является изменение внутренних границ, укрепление региональных институтов и перераспределение полномочий в пользу региональных властей. Требования расширения полномочий могут касаться различных областей политики, например, полномочия в сфере культуры, образования, языка, экономики, бюджетирования, регионального развития, налогообложения и внешней политики. Галисийская коалиция (Галисия, Испания), Баскская националистическая партия (Страна Басков, Испания) относятся к данному типу партий.

Наиболее радикальными требованиями среди всех этнорегиональных партий выделяются партии, выступающие за независимость регионов. Политическая платформа таких партий опирается на право нации на самоопределение, а среди основных задач можно выделить реорганизацию существующего государства и создание на базе региона нового суверенного государства. Если требования партий-сторонниц децентрализации остаются

внутренней проблемой государства, то деятельность сепаратистов ведет к созданию нового государства и его выхода на международную арену. Необходимость признания нового государства международным сообществом, заключение многочисленных двусторонних и многосторонних соглашений, проблемы определения границ, а также ослабление государства, от которого произошло отделение - вот небольшой перечень наиболее очевидных последствий региональной сепарации.

Деятельность этнорегиональных партий сепаратистского толка может быть направлена на отделение территории и создание нового самостоятельного государства (индепендисты), отделение нескольких регионов, находящихся в составе разных государств, и их объединение в единое государство (ирредентисты), отделение региона и его присоединение к другому государству (раташисты). Левые республиканцы Каталонии (Каталония, Испания), Новый Фламандский Альянс (Фландрия, Бельгия), Национальный альянс Корсики (Корсика, Франция), Шотландская национальная партия (Шотландия, Великобритания) яркие примеры партий, стремящихся к независимости своего региона.

Приход к власти этнических партий в регионе, основной целью которых является реформирование существующей системы государственно-территориального устройства, расширение автономии региональных властей с помощью перераспределения политических и экономических полномочий, оказывает существенное влияние на выстраивание модели «центр-регион». Поэтому важно учитывать степень радикальности требований правящих этнорегиональных при анализе отношений центральных и региональных властей.

Захарова А.Е., Сунгуров А.Ю. (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург)
**КОНЦЕПЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ
ПОЛИТОЛОГИИ ПРАВА**

Развитие концепции прав человека как междисциплинарного научного направления происходит в нашей стране с большими сложностями, что связано как с постепенным ростом табуированности самой темы прав человека, например, в связи с включением многих действительно правозащитных организаций в список НКО-иностранных агентов²¹⁷, так и с проблемой «приписанности» темы прав человека к области исключительно юридической науки (раз это право, то его надлежит исследовать исключительно в поле правоведения).

С другой стороны, концепция универсальности прав человека является не единственной концепцией, «неприписанной» ни к одному из основных научных направлений. Это относится и к концепции «правосудия переходного периода» (transition justice)²¹⁸, и к проблеме соотношения международного и национального права, или шире – глобализации права.

В рамках доклада на конференции РАПН планируется представить обоснования развития такого научного направления, как политология права (или политологической юриспруденции), которое позволило бы рассматривать упомянутые выше концепции и ряд других не разрозненной, а в рамках некоего общего концептуального поля. Мы не являемся первопроходцами в этом направлении, о важности развития политологии права или

²¹⁷ О нарушении международных и конституционных норм в связи с признанием отдельных некоммерческих организаций Пермского края выполняющими функции иностранного агента. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Пермском крае. – Пермь: ОТ и ДО, 2013

²¹⁸ Эрик Соттас, «Правосудие переходного периода и санкции». // Международный журнал красного креста, Том 90, № 870, июнь 2008.

юридической политологии писали ранее в своих работах и В.В.Смирнов²¹⁹, и М.Ю.Мизулин²²⁰, однако должного развития эти предложения пока к сожалению не получили.

Еще одним направлением в рамках политологии права может стать область политических исследований деятельности судов, в особенности такой их разновидности, как конституционные или уставные суды, в деятельности которых политическая составляющая часто играет по крайней мере не меньшую роль, чем правовая. Именно взаимодействие институтов судебной власти с другими властными институтами, равно как и с экспертным сообществом и гражданскими организациями может и должно стать важным аспектом возникающей политологии права. Еще одним ее направлением могли бы стать исследования в области лучшего понимания явления коррупции и поиска оптимальных форм борьбы с нею. Именно в рамках формирующейся политологии права может быть лучше понят и феномен развития «мягкого права» - договоренностей о намерениях, кодексах этического поведения бизнеса и других нормативных актов, не несущих с собой обязательных санкций за их нарушения, но в ряде случаев оказывающихся более соблюдаемыми на практике, чем юридические нормы с санкциями.

Предполагается также обсудить вопросы разграничения полей предлагаемой политологией права и уже хорошо известным направлением, обозначаемыми как социология права. Так, если социология права в фокусе своего внимания держит такие проблемы правоприменения, как реакции на принятые нормативные акты отдельных людей и социальных групп, то в рамках политологии права на взаимодействия государственных и негосударственных институтов прежде всего в процессе законотворчества, но также и в процессе правоприменительных практик.

Зверев А.Л. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН:
ОЖИДАНИЯ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ
ПРЕЗИДЕНТА РФ 2018 Г.**

Приближающиеся выборы Президента РФ в марте 2018 г. могут стать временем больших перемен в российской политике. Как показали прошедшие 10 сентября 2017 г. выборы новых глав российских регионов, в которых победили преимущественно молодые политики из кадрового федерального управленческого резерва, в современной политике России намечается новый тренд на омоложение региональных политических элит. Кроме того, в большинстве регионов, где проходили выборы глав, победившие кандидаты апеллировали в своих коммуникациях с жителями к *переменам* текущего состояния их жизнедеятельности, особенно сильно эта ориентация характерна для ряда регионов, находящихся в социально-экономической депрессии. Вместе с тем, еще одной ценностью, ставшей основной в предвыборных лозунгах избранных новых глав регионов, является призыв к наведению *порядка* на территории, управление которой им предстоит в ближайшие несколько лет. Подобная амбивалентность в апеллировании к ценностным ориентирам массового сознания электората: призыв к переменам (либеральный ценностный вектор) и наведение порядка (авторитарный ценностный вектор) может свидетельствовать, что сегодня как массовое сознание, так и сознание элит находится в кризисе и характеризуется тем, что политические представления и ценности как элиты, так и общества, в целом, мозаичны и не

²¹⁹ Смирнов В.В. Юридическая политология: теоретико-методологическая эволюция. – В кн.:

«Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990-2007)», М., Изд-во РОССПЭН, 2008.

²²⁰ Мизулин М.Ю. Политология права: исходные основания и принципы. // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. / Редкол.: А.Ю.Сунгуров (отв. ред.) и др. – М.: Российская ассоциация политической науки; РОССПЭН, 2008. С. 246-257.

целостны. И подобный парадокс заключается в том, что гражданам хочется, с одной стороны, перемен в их текущей жизни в депрессивных социально-экономических условиях, но, с другой стороны, они хотят, чтобы в их регионах навели элементарный порядок, фиксирующий определенный уровень их жизни и способствующий процессу стабильного его воспроизводства.

Проведенное кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова исследование состояния массового политического сознания свидетельствует о том, что психологически и, прежде всего, в ценностном отношении общество сегодня неоднородно. С одной стороны, в социальной структуре общества по-прежнему представлен определенный тип граждан, которые несмотря на ухудшение экономической ситуации готовы поддерживать власть, пока та выполняет социальные обязательства перед населением. Это патерналистски настроенные группы населения, которые превыше всего ценят стабильность. Они были главной опорой власти накануне предыдущей президентской кампании. Не удивительно, что именно они поддержали консервативную идею и партию, ее декларировавшую. По-прежнему, эта часть российского общества ожидает от следующего Президента РФ в первую очередь обеспечения стабильности, но в случае невыполнения государством своих обязательств, есть и определенный риск всплеска протестных настроений с их стороны.

С другой стороны, сказать, что данная категория граждан сегодня доминирует в российском обществе, уже нельзя. Данные проведенных кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии им. М.В. Ломоносова исследований подтверждают: становится все больше людей, которые в кризис уже рассчитывают не на государство, но исключительно на себя, и они, в решении собственных проблем, не ждут поддержки со стороны власти. И пока их попытки адаптации к новым условиям в массе своей удачны. Но в случае неудачи их протестная активность может резко повыситься. Эта категория людей включает в себя и представителей среднего класса, и так называемых самозанятых, и представителей малого и среднего бизнеса, отдельных представителей рабочих профессий, не связанных с бюджетной сферой – т.е. людей активных, со своим мнением, критичных, ценящих свободу и берущих на себя ответственность за себя и свои семьи. Эта часть общества поддерживает *ценности развития (перемены)* и пока не получила своего адекватного представительства во властных институтах в силу того, что классические «правые» (в российском понимании) партии, как показали результаты недавних выборов, не смогли ни сформировать эффективной организационной структуры, ни предложить адекватной новому формирующемуся общественному запросу программы действий.

При этом и та, и другая категории избирателей, ждут новых позитивных целей, ценностей, смыслов и идей для нового президентства. Более того, и поставленная президентом задача перехода от стабильности к развитию страны, потребует и от элиты, и от общества совершенно иного политического поведения, чем в предшествующее десятилетие. Кроме того, в предстоящей избирательной кампании потребуется и новая политическая стилистика. Общество давно ждет, что ему предъявят не только демонстрацию личной силы и надежности, но и программу действий, четкие смыслы и ценности. А с ними пока еще нет ясности. В условиях сокращения ресурсной базы власти возникает необходимость в принятии ответственных решений, которые потребуют общественного согласия, здесь должен быть налажен диалог. Отсюда вытекает задача выработки новой стратегии политического развития, ее обсуждения в различных коммуникативных средах, активизация представителей политического класса.

Земскова А.Ю. (МГИМО МИД России, Москва)

ГЕТЕРОГЕННОСТЬ УКРАИНЫ КАК ФАКТОР ДИВЕРСИФИКАЦИИ ТИПОВ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Украина представляет собой чрезвычайно сложное, комплексное государство с большим количеством особенностей, наложенных одна на другую. Причиной этому является специфическое историческое развитие.

В некотором смысле, можно утверждать, что вся область современной Украины и граничащей с ней Молдавии, в силу своего географического положения, а именно, - выход к Черному морю, наличие горной систем Карпат, – это область «периферии лимитрофа» – граница Великой Римской Империи. Возможно, именно поэтому, территория современной Украины постоянно находилась на стыке различных империй: Российской, Австро-Венгерской, Османской и др. Однако, если с точки зрения территориальной структуры, создание единой территориальной общности со всеми признаками присущей государственности и суверенитета, подотчетной единому политическому центру, увенчалось успехом, то, с точки зрения унифицированной украинской идентичности и консенсуса в рамках одной нации, таковой создать не удалось. Это и стало причиной раскола украинской идентичности на несколько составляющих. По сей день, жители отдельных областей Украины придают крайнюю важность собственной персональной идентичности, включающей в себя компоненты языковой, культурной, политической, исторической идентичностей, что и стало причиной кардинальных различий в менталитете, цивилизационном выборе и ориентире развития у жителей различных регионов одной страны. Также следует отметить рост экономических факторов в голосовании населения в последние годы. Ориентация на Европейский Союз или на Таможенный Союз в большей степени в большей степени определяется экономическими факторами, нежели политическими. Совокупность перечисленных обстоятельств определяет диверсификацию типов электорального поведения: в основе системных противоречий по вопросу идентичности лежит не только факт исторических, языковых или культурных различий, но также и сам факт того, что по своей сути Украина является государством, в состав которого входят отдельные регионы, являвшиеся в разные исторические периоды составными частями различных государств. Как следствие, они впитали в себя различные культурные, языковые, политические традиции и даже традиции различных политических и правовых систем. Кроме того, наблюдается негласное идеологическое противостояние между отдельными частями Украины, в особенности, условно Западной и Восточной Украиной. Полная ассимиляция украинского этноса и создание единой украинской над-идентичности представляются маловероятными, что говорит о сохранении существующего характера электорального поведения граждан и его континуального характера и о практической невозможности его изменения в долгосрочной перспективе.

Зиневич О.В. (Новосибирск, НГТУ)

ЛЕГИТИМАЦИЯ КОНСЕРВАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ИСТОЧНИК СЕМЕЙНЫХ КОНФЛИКТОВ

Трансформация института семьи на основе консервативных и либеральных ценностей имеет разнонаправленные (конфликтующие) тренды: ценности стабильности, порядка и блага общества (государства, нации) вступают в противоречие с ценностями индивидуальной свободы (в рамках общественного договора). Консервативно ориентированная политика государства в области семьи и гендерных отношений усугубляет

кризис института семьи в современном российском обществе, что имеет свои исторические корни.

В течении всего советского периода государственной идеологией и политикой насаждалась специфическая этика «любви к дальнему» в ущерб и вопреки «любви к ближнему». Следование этическим принципам «любви к дальнему» означало, что «своими» и в малом, и в среднем, и в большом круге общения мог считаться только тот, кто поддерживал идею «дальнего», светлого коммунистического будущего, в ее различных проявлениях. В постреволюционной России семейные отношения легко «разваливались» и «собирались» по идейным соображениям. В эпоху сталинизма идеологизированные семейные конструкторы подкреплялись механизмом репрессий и тотальным контролем партийно-государственного аппарата над личной жизнью граждан.

Внедряемые идеологами и политиками советского государства идея гендерного равенства приняла своеобразную форму гендерного контракта «работающая мать»²²¹, а патриархальные установки были реализованы в контрактах «женщина-домохозяйка - муж-кормилец», «спонсорский» или «женщина на содержании»²²². Политика равенства мужчин и женщин в советском и постсоветском обществе имела ряд особенностей, которые способствовали утверждению гендерных укладов, причудливо сочетающих в себе ценности гендерного равенства и патриархальности. Основным гендерный контракт, характерный для российского общества (контракт «работающей матери»), является эгалитарным лишь частично, поскольку, наряду с тем, что общество дает возможность женщине работать и обеспечивать семью, оно же возлагает на работающую мать ответственность за ведение домашнего хозяйства, обслуживание членов семьи, заботу о детях.

Выполнение гендерного эгалитарного контракта между супругами, предполагающего работающих супругов и равное распределение домашних обязанностей, и в настоящее время выглядит формальным. Исследования российских семей показали, что даже в тех семьях, где супруги на словах признают гендерное равенство, воспроизводятся традиционные представления о внутрисемейном разделении труда (мужчина – кормилец, женщин занимается домом и детьми)²²³. Эти традиционные представления устойчиво связаны с образами маскулинности (доминантность, лидерство, инициативность, финансовая обеспеченность) и феминности (подчиненность, зависимость, безынициативность, финансовая несамостоятельность). Можно предположить, что именно неоднозначность гендерных образов феминности и маскулинности, столь характерная для гендерного контракта «работающей матери», является одним из главных источников семейных (супружеских) конфликтов.

В постсоветском российском обществе реализация эгалитарного гендерного контракта имеет ряд объективных и субъективных ограничений, в том числе законодательных, которые активно продуцируются консервативным политическим режимом. Конфликт «возможного» и «действительного», а также приверженность различным системам ценностей внутри семьи порождают и поддерживают перманентную «революционную ситуацию» в семейных отношениях. Отсюда следует, что легитимация консервативных ценностей государством (особенно запретительные меры) не только не укрепляют семейные отношения, но и способствуют их разрушению.

²²¹ Айвазова С. Г. Контракт «работающей матери»: нарушения или расторжение? (К вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 13-22.

²²² Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография / Под ред. Е Здравомысловой, А. Темкиной. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 169-170.

²²³ Задворнова Ю. С. Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 51-58.

ФАКТОРЫ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ЛЕВЫХ ПАРТИЙ ПО ПРОБЛЕМЕ ИММИГРАЦИИ

Проблема иммиграции становится одной из актуальнейших тем политического процесса стран Западной Европы. Политические партии в ходе электоральной конкуренции вынуждены выражать собственную позицию по этой проблеме, зачастую отказываясь от изначальных идеологических ценностных ориентаций. Это явление вызывает интерес в наибольшей степени в контексте партий с левого фланга политико-идеологического спектра, к коим можно отнести социал-демократов, «новых левых», «зеленых». Последние два типа партий в литературе именуется нишевыми или партиями «новой волны»²²⁴. Их формирование начинается в конце 1970-х – начале 1980-х годов²²⁵. Развитие этих партий связано с возникновением в 1960-е годы новых социальных движений, которые акцентировали внимание на отстаивании и реализации постматериалистических ценностей и которые стали одним из проявлений постиндустриального общества. Именно в этот период громко о себе заявляют разнообразные экологические, коммунитаристские, ЛГБТ-сообщества и прочие движения. Одновременно с этим происходит падение престижа классических всеохватных партий, которые в погоне за правительственными постами перестали отражать интересы граждан.

Гипотеза 1 – Доминирование активистов в структуре партийной организации влияет на положительное отношение левых партий к проблеме иммиграции.

Гипотеза 2 – Доминирование партийных активистов над лидерами партии в ситуации успеха крайне правых характеризуется акцентом левых партий на проиммигрантской позиции.

Гипотеза 3 – Увеличение доли иностранцев в общей численности населения страны ведет к занятию левыми партиями проиммигрантской позиции.

Гипотеза 4 а – Чем более «нишевой» является партия с левого фланга, тем в большей степени она пытается не заострять внимание на проблеме иммиграции в своей предвыборной программе.

Гипотеза 4 б – Чем более «нишевой» является партия с левого фланга политико-идеологического спектра, тем более проиммигрантские позиции она занимает.

Гипотеза 5 – В ситуации увеличения электоральной конкуренции левые партии склонны занимать более проиммигрантские позиции.

Мы рассматриваем выдвинутые гипотезы на примере собранной нами базы данных по переменным, относящимся к партиям из 10 стран с демократическим политическим режимом с середины – второй половины 1970-х по 2010-е годы: Австрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Швейцария, Швеция. Критериями, в соответствии с которыми выбор пал именно на эти страны, являются действующая в них избирательная система, а также наличие влиятельной крайне правой партии, занявшей антииммигрантскую нишу.

Временное измерение анализа (1970-е – 2010-е годы) выбрано нами потому, что в 1970-е годы новые партии, выросшие из социальных движений, становятся заметными акторами в процессе электоральной конкуренции, изменяя партийные системы западноевропейских стран.

²²⁴ Последнее название не является распространенным в западной политической науке, однако на русском языке подобную характеристику можно встретить в ряде работ.

²²⁵ Соловей Т. Г. Институциональная трансформация современных политических партий. 2009. Режим доступа: <http://www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/89019/1/3.PDF>. [Solovey T. Institucional'naya transformaciya sovremennyh politicheskikh partij 2009. Mode of access: <http://www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/89019/1/3.PDF>.]

Таким, образом, учитывая характер выдвинутых гипотез, мы представляем следующую модель, объясняющую позиционирование партий с левого фланга политико-идеологического спектра по проблеме иммиграции.

Позиция по проблеме иммиграции

$$\begin{aligned}
 &= \beta_1(\text{Доля мигрантов}_t) + \beta_2(\text{крайне правая партия}_{t-1}) \\
 &+ \beta_3(\text{Электоральная конкуренция}_{t-1}) + \beta_4(\text{Нишевость}_{i,t}) \\
 &+ \beta_5(\text{Позиция по иммиграции}_{i,t-1}) + \beta_6(\text{Партийная организация}_i) \\
 &+ \beta_7(\text{Партийная организация} * \text{электоральная конкуренция}_{i,t-1}) \\
 &+ \beta_8(\text{Партийная организация} * \text{крайне правая партия}_{i,t-1}) \\
 &+ \text{дамми(партия)} - 1 + \text{Остаток}_{i,t}
 \end{aligned}$$

Значимость иммиграции

$$\begin{aligned}
 &= \beta_1(\text{Доля мигрантов}_t) + \beta_2(\text{крайне правая партия}_{t-1}) \\
 &+ \beta_3(\text{Электоральная конкуренция}_{t-1}) + \beta_4(\text{Нишевость}_{i,t}) \\
 &+ \beta_5(\text{Значимость}_{i,t-1}) + \beta_6(\text{Партийная организация}_i) \\
 &+ \beta_7(\text{Партийная организация} * \text{электоральная конкуренция}_{i,t-1}) \\
 &+ \beta_8(\text{Партийная организация} * \text{крайне правая партия}_{i,t-1}) \\
 &+ \text{дамми(партия)} - 1 + \text{Остаток}_{i,t}
 \end{aligned}$$

Из выдвинутых гипотез эмпирическую проверку прошли гипотезы 1, 2 (частично), 4б и 5. Позиционирование по вопросам иммиграции социал-демократических партий, которых относят к так называемому политическому «мэйнстриму», и «новых левых» с «зелеными», отстаивающих альтернативную повестку, носит различный характер. Лежащие в основе этого процесса факторы сводятся к особенностям внутрипартийной организации и связанной с ней реакцией на конкуренцию со стороны других участников межпартийного соревнования.

Социал-демократические партии, в которых партийные лидеры доминируют над активистами, склонны выступать менее прямолинейно, с одной стороны, не отпуская далеко от себя соседей по флангу, с другой – реагируя на возможные импульсы со стороны общественного мнения, которые напрямую нами не рассматриваются. Во всяком случае, ориентация социал-демократов на изменение количества мигрантов в стране отражает в некотором смысле их стремление рассмотреть как можно больше факторов, способствующих максимизации голосов избирателей, в отличие от «зеленых» и «новых левых».

Зиновьев А.О. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

РОЛЬ ИДЕЙ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ПОНИМАНИЯ ПОЛИТИКИ

В рамках традиционного понимания политики идеи и интересы соединяются в единый комплекс человеческого поведения. Для экономической науки более важно и просто выявлять интересы индивида, что несколько упрощает описание поведения индивида, и отчего современная экономическая наука постепенно отказывается. В рамках социологии и психологии преобладает компромиссная позиция, которая предполагает сложные взаимоотношения между идеями и интересами. Экономическая наука в большей степени, а социология и психология в меньшей степени, ориентированы на объективный мир в смысле К. Поппера и Ю. Хабермаса. При этом в науках об обществе усиливается понимание ключевой роли социального мира как посредника между субъективным миром индивида и объективным миром природы. Идеи возникают как эффект сложного взаимодействия

социального мира в виде интеллектуальных сетей и субъективного мира индивида в них. Идеи могут описываться как реалии объективного мира, так и реалии социального мира, и реалии субъективного мира индивида. В рамках историко-философского понимания политики идеи понимаются как описание реалий социального мира, а в рамках экономической науки есть тенденция соотносить идеи о социальном мире с формой рассуждений об объективном мире (по аналогии с природой). Хотя интересы индивида можно понимать как часть объективного мира, как правило, они формируются в виде идей субъективного мира индивида, которые сформулированы в социальном мире. Для изучения революционных изменений идеи и интересы можно соотнести с идеологическими предпочтениями лидеров революционных социальных движений. Уже Теда Скочпол отмечала, что революционные лидеры строят новое государство в соответствии со своими идеологическими убеждениями. В работе Д. Голдстоуна «Революция и восстание в мире раннего Нового времени» отмечалась роль культуры («идей» в широком смысле) в формировании революций в Европе в отличие от случаев социальной нестабильности в Турции и Китае. Хотя в основе революционных событий в данное время, по мнению Голдстоуна, лежали объективные процессы в экономике и в демографии. По мнению Р. Коллинза, причины не состоявшихся революций в Турции и в Китае следует искать не в их культуре, а в социальных структурах данных обществ. Позицию Коллинза можно уточнить в духе Скочпол, указав на ключевую роль идеологических предпочтений создателей нового государства. В Китае было создано новое государство Маньчжуров, которое опиралось на «идеологию» превосходства маньчжуров над китайцами, что исключало революционные перемены в интересах китайцев.

Современное сочетание идей и структурных условий революционных процессов можно показать на расхождении результатов революций в Иране и в Филиппинах. В Иране, в ходе политического кризиса «султанизма» шаха (который был переходным вариантом политического режима от традиционной монархии к современному «султанизму») ключевую роль сумело захватить революционное социальное движение шиитов, основанное на социально-религиозных идеях шиизма как особой ветви ислама. Данные идеи стали основой для создания Исламской республики Иран в результате революции против власти шаха. Особенности революционной идеологии шиизма определили отказ от допуска к управлению других идеологических сил в иранском обществе (также как большевики отстранили от участия в управлении все другие политические партии как «буржуазные»). По мнению Мисаха Парсы, структурные условия революции в Иране были тождественны структурным условиям революционных процессов на Филиппинах. Политический режим президента Маркоса был более чистым видом «султанизма» (без элементов традиционной монархии как в Иране), но его структурное воздействие на общество и экономику Филиппин было тождественно воздействию режима шаха на общество и экономику Ирана. В ходе экономического кризиса режима Маркоса ключевую роль стало играть либеральное революционное социальное движение, что определялось особенностями филиппинской политики и культуры (традиции либерализма сохранились от колониального правления США). Лидер революции Корасон Акино была случайной политической фигурой, но она оказалась удачным «символом» идеи «восстановления» либеральной демократии. Именно идеология либерализма оказалась ключевой для формирования революционного социального движения в условиях Филиппин.

Хотя Акино была слабым лидером, а Хомейни был сильным лидером, на мой взгляд, ключевое значение имел характер идей, на которые они опирались, создавая революционное социальное движение и управляя революционным процессом. Именно революционные идеи определяют характер созданного в ходе революции нового государства.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РФ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА ВУЗОВ: КОНТУРЫ КОНЦЕПЦИИ

Как неоднократно подчеркивалось многими учеными и управленцами-практиками, в современных условиях экономическая, финансовая, военная и политическая мощь государства в значительной степени зависит от уровня развития науки²²⁶. В этой связи нельзя игнорировать то, что по такому ключевому показателю, как величина затрат в расчете на одного исследователя, Россия отстает от США почти в 25 раз.

Следует обратить внимание на то, что все чаще, как в научных кругах, так и на государственном уровне признается значение научного потенциала высшей школы в данном контексте²²⁷. Не вызывает сомнений тот факт, что прежняя позиция университетов, заключающаяся исключительно в профессиональной подготовке студентов, уже никого не удовлетворяет²²⁸.

Все изложенное делает актуальным вопрос о разработке концептуального обеспечения данного направления государственной политики. Речь идет о документах стратегического характера, определяющих принципы, цели и методы государственной политики в области развития научного потенциала отечественной высшей школы.

Достаточно типична структура концепции государственной политики, состоящая из следующих блоков: 1) *общие положения*, включающие понятие государственной политики в той или иной сфере, обоснование необходимости концепции, главные цели политики, а также круг субъектов, участвующих в ее формировании и реализации; 2) *анализ современного положения дел* в предметной области политики, в т.ч. позитивных и негативных факторов, его обуславливающих; 3) *цели, принципы, основные направления и приоритеты политики*, отражающие современные вызовы в рамках предметной области, методы решения поставленных задач, а также ценностные основы политики; 4) *механизмы взаимодействия органов публичной власти различного уровня*; 5) *анализ ресурсов реализации концепции* и описание соответствующих *механизмов*; 6) временной диапазон и основные *этапы реализации концепции*; 7) *ожидаемые результаты* реализации государственной политики, в т.ч. значения целевых индикаторов.

Подобная структура прослеживается в большинстве стратегических документов, издаваемых по различным направлениям политики Российской Федерации. Однако, что в ней недостаточно отражены институциональные и коммуникативные основы политики, а также механизмы согласования интересов различных ее субъектов. Зачастую также в подобных документах трудно отслеживается системная связь между целями политики, основными этапами ее реализации, институтами, задействуемыми в ее формировании и реализации, и технологиями взаимодействия между ними.

Думается, что характеристика возможной концепции государственной политики Российской Федерации по управлению научным потенциалом высшей школы может строиться исходя из системно-динамического подхода²²⁹. Это означает, что примерные контуры такой концепции должны охватывать: 1) пространственные аспекты данной

²²⁶ См. напр.: Галлямова Л.И. Интеграция академической науки и высшей школы как фактор интеллектуального потенциала Тихоокеанской России // Россия и АТР. 2017. № 1 (95). С. 35-48.

²²⁷ Подробнее см.: Кирюшина О.Н. Научный потенциал высшей школы как фактор модернизации системы образования и основа развития общества // Национальная ассоциация ученых. 2016. № 4.

²²⁸ Литвинова К.П. Развитие научно-образовательного потенциала высшей школы // Совет ректоров. 2015. № 7.

²²⁹ Подробнее см.: Знаменский Д.Ю., Системно-динамический подход к исследованию процесса формирования и реализации государственной политики // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12; Знаменский Д.Ю. Теоретико-методологические основы исследования государственной политики // Социодинамика. 2016. № 3.

политики (ее цели, основные направления и приоритеты, правовые и институциональные основы); 2) ее временной компонент, предполагающий описание основных этапов ее осуществления; 3) технологический компонент политики.

Характеризуя первый, *пространственный компонент* политики Российской Федерации по управлению научным потенциалом высшей школы, представляется обоснованным уделить внимание уточнению базовых категорий в рассматриваемой области, институциональным основам политики РФ в области вузовской науки, а также анализу текущей ситуации как в сфере науки и технологий вообще, так и конкретно в сфере вузовской науки. Кроме того, концепция должна содержать принципиальный вектор развития законодательства в области научно-технической политики, политики по развитию высшего образования и их интеграции.

Не менее важным выступает *временной компонент* государственной политики в исследуемой области, который целесообразнее всего рассматривать в разрезе основных этапов жизненного цикла научного потенциала высшей школы. Так, на первом этапе реализации политики должно происходить формирование и наращивание указанного потенциала, на втором – наполнение заданных рамок реальным содержанием, на третьем – реализация сформированного научного потенциала в различных формах, а также оценка результативности политики и ее корректировка.

Что же касается третьего, *технологического компонента* политики, то, как представляется, в предполагаемой концепции следует отразить два его главных аспекта: во-первых, формы и методы взаимодействия государства и политических институтов в процессе формирования и реализации политики по управлению научным потенциалом высшей школы; во-вторых, методы оценки данного научного потенциала на всех стадиях его жизненного цикла.

Зуляр Ю. А. (ИГУ, Иркутск)

ОППОЗИЦИОННЫЕ ГУБЕРНАТОРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

В последнее десятилетие Иркутской областью руководили два губернатора, не являвшиеся на момент назначения/избрания членами партии Единая Россия. Исходя из существующей российской политической реальности оппозиционный губернатор – это достаточная редкость, а два подряд – скорее исключение и закономерный предмет политологического анализа.

Первый из рассмотренных глав области - С.В. Ерошенко, завершил свою работу, проиграв на выборах в сентябре 2015 г. ныне действующему губернатору С. Г. Левченко, вступившему в должность 2 октября 2015 г.

Оба губернатора – предприниматели. Ерошенко с 1993 г. в бизнесе. Совместно с братом создал компанию «Истлэнд» — холдинг, объединяющий более 50 предприятий разного направления, расположенных в Иркутской области и других субъектах РФ. Основные направления: транспорт, туризм, стройиндустрия и коммерция. Среди предприятий холдинга — ОАО «Восточно-Сибирское речное пароходство», авиакомпания «Ангара», входящая в состав ОАО «ИАРЗ 403», ЗАО «Байкал-Отель» («Интурист»). Левченко — владелец акций и соучредитель шести строительных компаний. Ему как депутату Госдумы РФ и действующему губернатору невыгодно освещать свою предпринимательскую составляющую, но ряд аналитиков утверждают о соизмеримости контролируемых обоими губернаторами капиталах.

Оба губернатора занимались политической деятельностью, но здесь различия принципиальные. В конце июля 2011 г., не выходя официально из партии «Единая Россия», Ерошенко возглавил Иркутское региональное объединение партии «Правое дело». Являлся доверенным лицом М. Прохорова, когда он баллотировался на пост президента РФ. Левченко

активно участвовал в политике, еще до распада СССР. С 1987 по 1989 гг. он председатель Юго-Западного райисполкома в Ангарске. В 1989-1991 гг. — второй, а затем и первый секретарь Ангарского горкома КПСС. В 1994 и в 2004 гг. избирался депутатом Заксобрания Иркутской области. Дважды, в 2007 и в 2011 гг. - депутат Госдумы от КПРФ.

Различным был и их приход на губернаторское кресло. Ерощенко 18 мая 2012 г., после отставки губернатора Д.Ф. Мезенцева, назначен указом Президента РФ В.В. Путина исполняющим обязанности губернатора региона. А, уже 29 мая 2012 г. на внеочередной сессии Заксобрания Иркутской области депутаты утвердили его кандидатуру на должность губернатора. Левченко трижды баллотировался на пост губернатора Иркутской области. В 1997 г. он проиграл Б.А. Говорину, набрав 18,8 % голосов, в 2001 г. во втором туре получил 45,3 % голосов, незначительно уступив ему же (47,6 %). И, наконец, с третьей попытки в сентябре 2015 г., победил во втором туре врио губернатора.

И отношения с партией власти у них сложились по-разному. Утвержденный в мае 2012 г. в должности губернатора Ерощенко, в 2013 г. уже возглавил список «Единой России» на выборах в Законодательное Собрание региона, но в нее не вступил, и остался беспартийным. На губернаторских выборах 2015 г. он шел от «Единой России». Левченко противник правящей партии. В 2011 г. его кандидатура называлась среди кандидатов от Компартии на президентских выборах. В 2015 г. вместе с другим депутатом Госдумы от Иркутской области Романовым инициировал частично удовлетворённый Конституционным судом запрос, оспаривающий закон, ограничивающий прямые выборы глав муниципальных образований.

Именно последняя позиция и расставила двух губернаторов по разные стороны «баррикад». Ерощенко за полгода до назначения досрочных выборов губернатора руками депутатов-единороссов провел решение об отмене выборов мэра Иркутска. Тем самым Ерощенко повторил ошибку своего предшественника – Мезенцева, вмешавшегося в выборы мэра областного центра. Его конкурент Левченко пообещал восстановить выборность мэра, заручившись тем самым поддержкой многих иркутян.

Ерощенко, будучи не особенно популярным у населения области, пошел на досрочные выборы, боясь дальнейшего снижения своего рейтинга. Зная ситуацию в области лучше губернатора, президент России, пытался его отговорить, но безуспешно. 13 мая 2015 г. В.В. Путин подписал указ о досрочном прекращении полномочий С.В. Ерощенко в связи с его заявлением о добровольной отставке, и назначил временно исполняющим обязанности главы региона до губернаторских выборов. В итоге, позиционируя себя как сторонника и протеже президента, во втором туре Ерощенко разгромно проиграл, реально, а не формально оппозиционному конкуренту, и прежде всего за счет избирателей иркутян, не простивших отмены выборов мэра.

Несмотря на поддержку В.В. Путина, жители Иркутской области для решения своих проблем отдали предпочтение коммунисту, так как считают, что он будет проводить политику, направленную на защиту жителей региона от центральных чиновников и московского бизнеса.

В современной России в регионах понятие оппозиционности потеряло традиционное политическое значение. Большинство населения поддерживает президента страны, но недовольно социально-экономической политикой, проводимой российским правящим классом.

Иванов В.Г. (РУДН, Москва)

ОЦЕНКА ГОСУДАРСТВОВЕДЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ВЕДУЩИХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ МЕЖСТРАНОВЫХ ИНДЕКСОВ

В современный период актуализируется вопрос о легитимности и валидности наиболее популярных межстрановых сопоставительно-институциональных рейтинговых исследований и их государствоведческом и эвристическом потенциале. Основной интерес

представляют наиболее масштабные, комплексные и, соответственно, высокобюджетные рейтинговые проекты, являющиеся «поставщиками» данных для целого ряда других индексов и сравнительных исследований.

Для того, чтобы оценить государствоведческий потенциал современной «рейтинговой инфраструктуры» (с учетом приоритетной задачи сравнительного анализа России с другими странами мира) в 2017 году автор провел корреляционный анализ позиций ряда стран в 14 наиболее популярных межстрановых государствоведческих рейтингах («Human Development Index», «ARWU» «Global Gender Gap Report», «Doing Business», «State Fragility Index», «BTI», «Corruption Perception Index», Govindicators «Government Effectiveness», Govindicators «Voice and Accountability», Govindicators «Political Stability and Absence of Violence», «Fragile States Index», «Freedom of the Press», World Press Freedom Index, Global Peace Index).

Отобранные рейтинги, несомненно относящиеся к категории наиболее известных и цитируемых сравнительных исследований, являются репрезентативными, так как охватывают практически все страны мира и совокупно оценивают и сравнивают ключевые общественные институты и параметры.

Предпринятый корреляционный анализ базируется на гипотезе (и подтверждает её) о том, что позиции стран, воспринимаемых в политическом и экспертном дискурсе западных стран в качестве «противников» должны быть в значительной степени похожими между собой. Особенный интерес в связи с этим представляет собой последовательное сравнение предложенных рассмотренной выборкой рейтинговых организаций оценок России, и ряда стран, объявленных «изгоями», например, Венесуэлы и Ирана.

Проведенные расчеты убедительно подтверждают наше предположение – в обоих сравнениях хорошо заметна положительная линейная корреляция с высоким коэффициентом корреляции (см. рис. 1, 2).

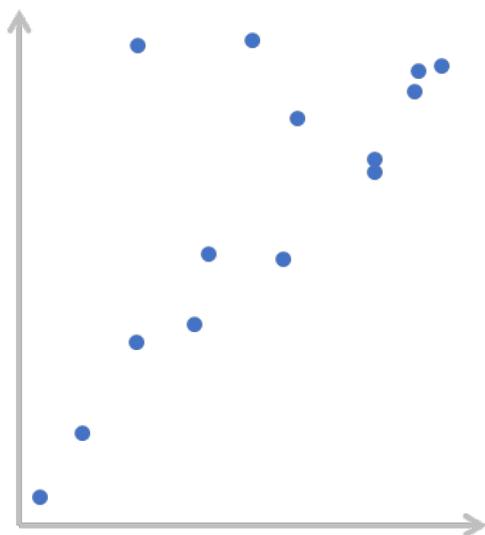

Рис. 1. Соотношение Россия-Венесуэла в 14 популярных государствоведческих межстрановых рейтингах (положительная линейная корреляция, коэффициент корреляции – 0,65).

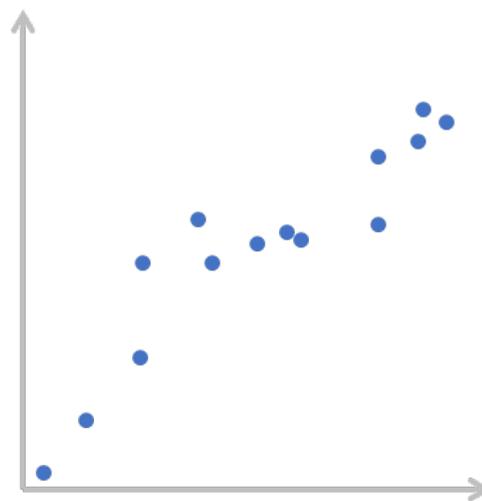

Рис. 2. Соотношение Россия-Иран в 14 популярных государствоведческих межстрановых рейтингах (положительная линейная корреляция, коэффициент корреляции – 0,81).

Так, например, такие принципиально разные государства как Россия и Иран видятся составителям большинства сравнительных индексов поразительно похожими государствами с практически идентичными институтами (коэффициент корреляции – 0,81(!)).

Таким образом, учитывая то, что мы рассматриваем наиболее известные, авторитетные и высокобюджетные исследования, налицо убедительные подтверждения тезиса об ограниченной валидности и государствоведческом потенциале ряда индексо-рейтинговых проектов (и соответственно, созданных на их основе международных бенчмарков). Можно сделать вывод о том, что во многих случаях государствоведческие индексы предлагают не столько сравнительный анализ институтов разных стран, сколько маркирование государств по критерию «свой – чужой».

Проведенный эксперимент легко воспроизводим, в то же время, говоря о валидности рассмотренных рейтинговых проектов следует вспомнить положение известного в философии науки тезиса Дюэма-Куайна о невозможности «решающего эксперимента», который позволил бы однозначно верифицировать или фальсифицировать рассмотренные сравнительные исследования.

В случае России, тем более в условиях текущей конфронтации с США, отчетливо прослеживается позиция ряда рейтинговых организаций (в первую очередь, расположенных в США или получающих финансирование от американского правительства или разнообразных фондов) подвести образ нашей страны под заранее заданную искусственную модель, четко озвученную, например, бывшим госсекретарем США М. Олбрайт: «Россия – это Бангладеш с ядерными ракетами».

Сегодня, к наиболее качественным, объективным и, соответственно, легитимным индексо-рейтинговым исследованиям следует отнести в первую очередь рейтинговые проекты, возникшие и функционирующие под эгидой ООН (например, HDI). В то же время, на основании проведенного анализа мы пришли к выводу о том, что именно политические индексы и разнообразные «индексы свободы» являются наименее валидными из всей совокупности рассмотренных сравнительных исследований. При этом их недостатки обусловлены не только значительной политизированностью и идеологизированностью, неизбежно отражающейся на оценках и выводах, но и наиболее несовершенной методологией, основанной на холистских, универсалистских принципах и презентизме.

Иванов О.Б. (Центр урегулирования социальных конфликтов, Москва)
**ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ РОССИИ
И ЕГО ПОТЕНЦИАЛ В РАЗРЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
КОНФЛИКТОВ**

Современное российское общество характеризуется наличием социально-политических конфликтов (конфликтов), возникающих на стыке гражданского общества и государства. Требуется создание системы управления конфликтами. Гражданское общество стабилизирует общественное развитие и является инструментом регулирования социально-политических конфликтов при условии их институализации²³⁰.

Устойчивость общества зависит от уровня политической активности населения. Нельзя допускать оттеснения конфликтов на периферию общественного сознания, поскольку это повышает риск дестабилизации общественно-политической системы.

Управление конфликтами достигается путем баланса интересов общества и государства. Для этого необходимо создание соответствующих институтов, как, например,

²³⁰ Дарендорф Р. 1) Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. - М.: «РОССПЭН», 2002. - 288 с. – с.45; 2) После 1989. Размышления о революции в Европе. - М.: Ad Marginem, 1998. - 271 с. – С.62.

институт общественного контроля. Общественный контроль является средством обеспечения социального баланса и гарантом выполнения социальных норм²³¹.

В России сложилась правовая база управления конфликтами. «Содействие предупреждению и разрешению социальных конфликтов» зафиксировано в качестве задачи закона об общественном контроле. Институты общественного контроля в целом сформированы, осуществляют организацию взаимодействия между гражданским обществом и государством.

Органы власти не используют потенциал общественного контроля в конфликтной сфере. Вместо повышения эффективности институтов обсуждаются меры «по повышению статуса общественников в глазах населения»²³². Деятельность общественных палат сводится к формированию общественного мнения в русле инициатив власти. Появляются инициативы по ограничению влияния общественных институтов (законопроект о «нежелательном поведении»)²³³.

Актуальна проблема легитимности институтов общественного контроля. Этот уровень низок и системная работа по его повышению отсутствует. Для использования потенциала общественного контроля в сфере управления конфликтами необходимо наполнить этот институт рабочими механизмами, а также привлечь к его работе профильных специалистов - конфликтологов, «социальных медиаторов» и т.д.

Для использования общественного контроля в сфере управления конфликтами необходимы рабочие механизмы, привлечение специалистов - конфликтологов, «социальных медиаторов» и т.д.

Илиопулу Арети (РУДН, Москва)

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ВОПРОСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И РАЗВИТИЯ

Европейский миграционный кризис и спровоцированный им кризис солидарности внутри самой единой Европы, заставил страны-члены ЕС по-новому взглянуть в целом на политику, переоценить свои действия на арене внешней политики и осознать необходимость общей внешней политики и политики безопасности, которая долгое время пребывала в тени других «опор» Евросоюза.

Резкое увеличение интенсивности миграционных потоков в последние годы оказало глубокое влияние на европейское внешнеполитическое измерение, а также на миграционную политику.²³⁴ Подчеркнем, что речь пойдет об общеевропейской политике в отношении иммигрантов из третьих стран. Миграционные потоки внутри ЕС между странами-членами союза – это тематика отдельного исследования. Основные инструменты, структурирующие внешнюю миграционную политику ЕС на базе общих принципов солидарности - Глобальный подход к миграции и мобильности (ГАММ) и Европейская повестка дня о миграции - прямо подчеркивают связь между развитием и миграцией.

²³¹ Плотников А.А. Общественный контроль и его потенциал в противодействии коррупции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2013. №2. С.105-111. – с.105-106.

²³² Дорофеев К. «Единая Россия» поднимет статус общественников // Официальный сайт газеты «Известия». Доступ: <http://iz.ru/614528/konstantin-dorofeev/boris-gryzlov-khochet-podniat-status-obshchestvennikov> (проверено 10.09.2017).

²³³ Трифонова Е. Поведение оппозиции может оказаться нежелательным. – Официальный сайт издания «Независимая газета». 06.09.2017. Доступ: http://www.ng.ru/politics/2017-09-06/1_7067_behavior.html (проверено 10.09.2017 года).

²³⁴ Anita Orav, First measures of the European Agenda on Migration, EPRS, European Parliament, June 2015.

Основываясь на взаимосвязи между развитием и миграцией, подход ЕС всегда исходил из необходимости профилактики существенных причин миграции. Подход этот эволюционировал от собственно политики в области развития, основанной на двусторонних договорах со странами-источниками миграционных потоков, к более сложной конфигурации.

В связи с этим многие опасаются, что европейская политика содействия развитию станет лишь инструментом для управления миграцией.²³⁵ Европейский парламент принял четкую позицию по этому вопросу, назвав в ряде своих недавних резолюций борьбу с бедностью как основную цель европейской политики развития. То, что ее инструменты используются в то же время для устранения коренных причин миграции, в данном случае вторично.

Наряду с неправительственными организациями, действующими в этой области, Европейский парламент выступает против нынешнего положения вещей, когда условия предоставления помощи поставлены в зависимость от степени сотрудничества стран-партнеров в области реадмиссии и возвращения, как это предусмотрено в миграционных договорах²³⁶.

"Во времена, когда потребности растут, а ресурсы сокращаются, Европейскому Союзу необходимо найти новые способы, которые позволят расширить государственное финансирование. Это то, что мы сделали вновь сегодня, воспользовавшись потенциалом бюджета ЕС, чтобы стимулировать инвестиции, которые создадут больше рабочих мест в Европе и позволят преодолеть первопричины миграции".²³⁷

Решение текущей проблемы миграции без ущерба для достижений политики будет одним из ключевых вопросов постоянного пересмотра европейского консенсуса в отношении развития. При том уровне социальной, экономической и политической интеграции, которая уже есть на сегодняшний день, Европейский союз не может себе позволить откладывать выработку общей политики, в том числе в отношении мигрантов. Очень важно, чтобы ЕС не только способствовал экономическому и социальному развитию в странах-источниках миграционных потоков, но и в своей внешнеполитической позиции содействовал поддержанию стабильности и противостоял стратегии управляемого хаоса своих партнеров по НАТО.

Ильичева Л.Е., Комаровский В.С. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)
**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ
И СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ
К ИСТОРИЧЕСКИМ СОБЫТИЯМ ПРОШЛОГО**

В канун юбилея революции 1917, авторы обратились к анализу воздействия важнейшего события истории России – революции 1917 г. на формирование национально-государственной идентичности в ракурсе представления этого события в «публичной истории» – средствах массовой информации, публичной политике, властном дискурсе,

235

https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/proposal-implementation-package/docs/20160607/communication_external_aspects_eam_towards_new_migration_ompact_en.pdf

236

<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=REPORT&mode=XML&reference=A8-2016-0245&language=EN>

237

Кристаллина Георгиева, Заместитель Председателя Европейской Комиссии по вопросам бюджета и человеческих ресурсов

массовом сознании. Цель – выявить истоки и причины, сохраняющихся до сих пор расхождений и разногласий по поводу оценки событий революции, ее влияния на последующее развитие российского государства и общества.

Авторы исходят из концепции, согласно которой национально-государственная идентичность (в трактовке других специалистов – макрополитическая идентичность) характеризуется четырьмя кластерами общих убеждений и представлений о стране и нации:

- коллективное «мы» – представление о нации и стране, где в качестве институциональных скреп выступает государство («моя страна», родина предков и т.д.), а в качестве гуманитарных – «моральное сообщество» – доверие, солидарность, обязательства в отношении других членов общества;
- «значимые другие» – страны и народы, постоянное взаимодействие с которыми позволяет лучше понимать свое отличие, самобытность;
- интерпретация прошлого и конструирование традиций как общей судьбы и истории;
- проект желаемого будущего (Комаровский 2013).

В современную эпоху, «бытия на разломе» традиции, образ мысли и действий, ценности и нормы – все что позволяло человеку и обществу идентифицировать, отождествлять себя с себе подобными (или выделяться среди других) пришло в движение, потеряли свою прежнюю устойчивость и определенность. Это глобальная проблема. Но для некоторых стран (Россия в их числе) она особенно актуальна и болезненна. В 1991 г. после распада СССР и смены общественно-политического строя в Российской Федерации, когда она стала отдельным государством, было поставлено под сомнение вся история 70-летнего бытия в формате социалистического государства, а частично и более отдаленного времени – времен Российской империи. Попытка сконструировать национально-государственную идентичность России по образцам современной западно-европейской цивилизации, закончилось полным провалом.

Нет нужды кого-либо убеждать, что абсолютное большинство граждан имеет то представление об истории своей страны, которое сформировано в первую очередь системой воспитания и образования, СМИ, отчасти исторической литературой, музеями, памятниками. Как отмечает Д.Белл, чтобы сформировать «чувство единства с другими людьми, принадлежащих к той же нации, необходимо, чтобы индивид мог отождествлять себя с разворачивающимся во времени нарративом, в котором нации «отводится центральная и позитивная роль» (Bell 2013). Конструирование нарратива, – сюжетно сформированного повествования, который описывает и «объясняет» гениологию общества, устанавливает связь между времени и событиями, задает шаблоны интерпретации конкретных событий прошлого, создает тем самым «инфраструктуру» коллективной памяти и объяснения каким образом из коллективного прошлого вырастает настоящее и будущее. Таким образом, завершая теоретический посыл к анализу заявленной проблемы, отметим следующее:

- в эпоху развитости учреждений и средств отражения исторической памяти (музеев, мемориалов, выставок, документальных фильмов и т.д.), возрастания интереса населения к собственной истории, она становится важным объектом современной публичной политики и формирования национально-государственной идентичности;
- обращаясь к прошлому, формируя политику памяти (символическая политика), политики решают в первую очередь насущные задачи современного бытия: легитимация политического режима (или оспаривание этой легитимации), обеспечение поддержки принимаемых решений, мобилизации граждан на их реализацию (противодействие им), консолидации общества и обеспечения солидарности его членов, ориентация граждан в отношении других стран и народов.
- интерпретация (переинтерпретация) событий прошлого связана как правило с их упрощенной трактовкой и в той или иной мере мифологизацией. Для политики важен не сам по себе исторический факт, а как он будет воспринят большинством граждан, как его «подать», чтобы добиться желаемого эффекта. Особенно важно, какие факты и события

исторического прошлого выносятся в повестку дня, становятся предметом публичного обсуждения, дискурса.

Иноземцева В.А. (ПетрГУ, Петрозаводск)

ОПОРНЫЙ ВУЗ В ПРОСТРАНСТВЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА: ОПЫТ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В русле современных трендов Петрозаводский государственный университет взаимодействует со своим регионом не только в подготовке кадров «обладающих высокими гражданскими качествами»²³⁸ и проведении научных исследований для территории. Университет является активным субъектом публично-властных коммуникаций, содействуя развитию гражданского общества, обеспечению наращивания эффективности участия общественных институтов в программах развития Республики Карелия за счет сопровождения практик публичного управления и взаимодействия университета с органами государственной власти и местного самоуправления, общественно-консультативными структурами, общественными организациями, средствами массовой информации, гражданскими активистами.

Определенным драйвером участия Петрозаводского государственного университета в публичной политике региона стало получение в апреле 2017 года статуса опорного вуза. Программа развития ПетрГУ как центра социального инновационного и технологического развития региона рассчитана на пять лет и включает кроме направлений деятельности по повышению конкурентоспособности экономики региона, качественного улучшения социальной сферы, обеспечения достойных условий жизни граждан региона, также ориентацию на развитие местных сообществ, городской и региональной среды. Как опорный вуз ПетрГУ начал реализацию проекта «Моногорода: анализ потребностей монопрофильных муниципальных образований региона в диверсификации социально-экономического развития», что представляет безусловную актуальность для Республики Карелия, где 11 монопрофильных муниципальных образований, от состояния которых существенно зависит социально-экономическое положение в регионе. В расширение проекта «Моногорода» в настоящее время осуществляется деятельность междисциплинарного исследовательского коллектива в рамках проекта «Публично-властное взаимодействие как ресурс развития муниципальных сообществ Республики Карелия». В рамках проекта предполагаются: разработка программы и инструментария социологического опроса населения «Общественное участие в монопрофильных муниципальных образованиях Республики Карелия», проведение мониторинга места и роли ценностей культуры участия в системе ценностных ориентаций молодежи Карелии, форм и механизмов общественного участия по результатам региональных социологических исследований (1995-2017 гг.), подготовка информационно-аналитического бюллетеня «Практики общественно-властного диалога в муниципальных образованиях Республики Карелия», формирование банка данных «Лучшие практики общественно-властного взаимодействия в монопрофильных городах Республики Карелия».

Программа опорного вуза предполагает использование информационного пространства университета как интеграционной дискуссионной площадки формирования общественного мнения, организации диалога университета, общественных и публично-

238

Миссия ПетрГУ // Петрозаводский государственный университет [Электронный ресурс]. — [Петрозаводск]. — URL: <https://petrsu.ru/page/razvitie#t20c>

властных институтов. В июне 2017 года Петрозаводский госуниверситет выступил в качестве переговорного пространства для некоммерческих объединений, образовательных организаций, различных органов и структур государственной власти в вопросах выработки эффективных механизмов молодежной политики во время научно-практической конференции «Безопасность и противодействие экстремизму в Евроарктическом регионе».

В рамках стратегического проекта развития «Комфортная и креативная среда» целевой модели опорного университета 21-22 июня 2017 ПетрГУ стал местом проведения общественно-экспертного семинара «Будущее России: формирование комфортной городской среды и развитие потенциала внутреннего туризма» под эгидой Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) и РОП.

Институционализацией закрепления пространства университета как «места для дискуссий» стало создание в июле 2017 г. третьего в России Центра коллективной работы (коворкинг-центр). Площадка «Точка кипения – Петрозаводск» предназначена для совместной работы активных граждан, заинтересованных в развитии своего региона, представителей региональной и муниципальной власти, экспертов. «Точка кипения» – стала результатом совместной деятельности Агентства стратегических инициатив (АСИ), правительства республики и Петрозаводского университета. Сразу после центра создания состоялся деловой форум «Карелия: точки роста».

Таким образом, на примере Петрозаводского государственного университета, можно констатировать, что получение статуса опорного вуза создает новые возможности для участия университета в практиках публичной политики региона.

Ирхин Ю.В. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНЫХ ПОДХОДОВ В МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО

В основе методологии политической науки лежат логика и умение научного использования ее категориально–понятийного аппарата, а также достижений других наук, с целью построения обоснованных и эффективных программ исследовательской деятельности в сфере политики, нацеленных на достижение проектируемых результатов. Теория политики, – как ярко заметила профессор МГИМО Т.А. Алексеева, – «представляет собой одно из наиболее глубоких выражений стремления и желания человека быть действительно рациональным, руководиться, прежде всего, разумом, и лишь затем эмоциями. Политические теоретики отличаются от других граждан отнюдь не только тем, что у них есть определенные политические взгляды. Их обычно отличает качество этих взглядов и обоснованность суждений. Они стремятся сделать свое видение политики целостным, хорошо обоснованным, опирающимся на современное знание о человеке и окружающем его мире, и, наконец, доступным»²³⁹.

В современных условиях можно выделить следующие, наиболее часто и эффективно используемые теоретико–методологические подходы (или их связки) в политической науке, которые позволяют соответствующим образом построить или настроить исследовательскую матрицу и/или программу (план, проект) изучения политики. Для удобства рассмотрения их можно объединить в близкие или сходные группы. Среди них:

1. Классические подходы (сравнительный, аксиологический (ценностный) политико–правовой, политико–экономический, социоцентристский, психологический и др.).
2. Институционализм и неоинституционализм (роль и функционирование политических (социальных) институтов, включая неформальные и сетевые отношения; влияние на политические и управленческие решения).
3. Бихевиорализм и постбихевиорализм (измеримость социально–политических явлений).

²³⁹

Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2014. С. 7.

4. Теория рационального выбора (люди часто действуют рационально и стремятся к максимизации личной выгоды так, как они ее понимают).

5. Системный, структурно–функциональный и сетевой направления анализа (социально–политические действия увязаны в рамках взаимозависимых структур, подсистем и/или сетей, которые можно моделировать).

6. Современный коммуникативный и дискурс–анализ (подходы, исследующие роль коммуникации в политике, в сетевых сообществах; использование методик Big Data и др.).

7. Политико–культурологические и постмодернистские подходы.

8. Геополитические и цивилизационные подходы.

9. Современные антропологические и этнонациональные подходы.

10. Современные политико–управленческие подходы, парадигмы, методики.

Применительно к современным условиям желательно, чтобы в исследовательских подходах, учитывались:

- факторы и тенденции противоречивой, модифицирующейся глобализации;
- причины и следствия мировых валютно–финансовых кризисов, депрессий и рецессий, их влияние на политические процессы;

- характер новой динамической политической и финансово–экономической посткризисной мировой реальности и ее воздействие на национальные процессы и мировую политику,

- необходимость понимания задач «цифровизации» не только экономики и управления, но и всей общественной жизни;

- изменение геополитической картины мира на многополосную, остроконкурентную, сопровождаемую информационными и реальными локальными (в т.ч. и гражданскими) войнами;

- роль ключевых вызовов первой четверти XXI века (безопасность, экология, миграция, усложнение политического развития и управления, противоречивое воздействие НТР на политику, технологические вызовы и др.).

Желательно использовать в качестве современного исследовательского концепта, понятие «новая мировая (посткризисная) политическая и экономическая реальность»²⁴⁰.

Существенное значение приобретает умение учитывать взаимосвязь различных методов изучения политики, использовать их в своеобразном комплексном подходе, рассмотрение политических проблем в дискурсе политико–управленческих наук.²⁴¹

Понятно, что в программе политического исследования (да и в любой, исследовательской задаче) теоретические подходы к изучению политики должны обязательно сопрягаться с многообразными прикладными методиками²⁴².

Комплексное использование различных подходов политической науки, их развитие и появление новых – является методологической основой изучения политики и политического. В силу этого, важно знать и уметь творчески использовать ее разнообразные методы и подходы.

Категория «политическое» в современных условиях стала более объемной, сложной, многовекторной и мультиуровневой, поскольку меняется сам мир политики. Она имманентно трансформируется и отражает (выражает) его соответствующие черты и свойства в новых условиях современной постиндустриальной, постмодернистской, информационно–сетевой, посткризисной, остро–глобально–цивилизационно–противоречивой, многовекторной фазы генезиса человечества.

²⁴⁰ См.: Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. №10. С. 5–29.

²⁴¹ См.: Ирхин Ю.В. Политология в 2-х ч. (книгах). Книга II. Теория политической мысли. - М., 2017.

²⁴² См.: Попова О.В. Политический анализ и прогнозирование. - М., 2016.

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ

Проблему роли и места Октябрьской революции в более широком и глубоком процессе Великой русской революции (ВРР) и вообще в политическом процессе XX-XXI вв. следует решать, исходя из структуры ВРР и российского политического процесса

Великую русскую революцию можно рассматривать по аналогии с другими великими революциями – Нидерландской (1566 – 1609 гг.), Английской (1640 – 1660 гг.), Американской (1776 – 1783 гг.), Французской (1789 – 1789 гг.), оказавшими существенное воздействие на мировой политический процесс.

Великую русскую революцию, по нашему мнению, следует рассматривать как непрерывный процесс появления и развития новых политических институтов, норм, социальных отношений и т.д. Но главным критерием развития и завершения Великой русской революции, по крайней мере, с политической точки зрения, следует считать продвижение России по пути демократии.

В этом отношении Великая русская революция может быть представлена как волновой процесс продвижения и отступления от демократии, как процесс, длившийся от Кровавого воскресенья и издания Манифеста 1905 г. до Демократической революции 1991 г. и принятия Конституции 1993 г.

Великая русская революция, как волновой процесс в структурном отношении состоит, по нашему мнению, из *трех волн*:

Первая революционная волна началась в январе 1905 г. и достигла пика в 1907 г.; затем был спад 1908-1915 гг.;

Вторая волна началась сразу после поражения русской армии в 1915 г. достигла пика в феврале 1917 г. (падение самодержавия и приход к власти Временного правительства), держалась на этом пике (реформы Временного правительства, провозглашение России демократической республикой, подготовка первых демократических выборов в Учредительное собрание). Затем был спад и отступление от демократии (октябрь 1917-1987 гг.);

Третья волна началась с перестройки (январь 1987 г.), достигла пика в 1991 г. (отстранение КПСС от власти и приход к власти демократов) и завершилась принятием демократической Конституции РФ 1993 г.²⁴³

Весь процесс Великой русской революции, занял 88 лет и оказал огромное влияние на Россию и весь мир.

В этом процессе Великой русской революции Октябрьская революция занимает довольно скромное место потому, что она:

- не единственная, а одна из трех революций;
- явилась не развитием, а, скорее отступлением от демократии;
- сопровождалась насилием и террором, запретом всех политических партий, кроме коммунистической;
- стала самой радикальной революцией в истории России;
- вызвала глубокий раскол общества;
- привела к гражданской войне.

Итак, при сравнении по формальному признаку движения России к демократии Октябрьская революция предстает не с самой лучшей стороны.

Но большевики никогда и не утверждали демократию своей главной целью. Демократия для коммунистов – лишь этап в построении коммунистического общества.

²⁴³ Исаев Б.А. Что означает и для чего нужна концепция «Великая русская революция?» / Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Научный журнал. Том 7. № 4 – СПб: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2011. С.232-248.

Если мы проанализируем Октябрьскую революцию по признаку развития России, то можем констатировать, что:

- большевики с помощью плановой экономики способствовали непрерывному экономическому развитию на протяжении нескольких десятилетий;
- были построены тысячи и тысячи самых разных хозяйственных объектов, новые отрасли промышленности, многие города;
- пусть с помощью насилия, но был решен национальный вопрос;
- было установлено социальное равенство и социальная справедливость;
- созданы современные системы образования и социального обеспечения;
- СССР в своем развитии догнала и обогнала многие страны мира;
- СССР смог выстоять и победить в схватке с фашизмом;
- достигнуты впечатляющие успехи в геополитическом развитии (расширение границ СССР и создание социалистического лагеря) и др.

Правда следует отметить, что:

- большевистское правительство использовало мировые тенденции индустриализации, развития массового потребления и социальной сферы вообще, систем образования и воспитания;
- все победы на «стройках коммунизма», особенно при режиме Сталине, были одержаны трудом заключенных;
- СССР из самой революционной и свободной страны превратился в несвободную, закрытую державу, все силы и ресурсы все более уходили на идеологическую борьбу, а не на повышение довольно низкого уровня жизни;
- отставание от передовых стран в темпах развития стало в 1980-х гг. хроническим.

Все эти и другие причины и привели к Демократической революции 1991 г.

Как видим, решение поставленной нами проблемы зависит от критериев оценки той или иной российской революции и политического процесса в целом, от позиции исследователя, его отношения к революциям вообще и коммунистической революции в частности.

Это говорит о том, что множественность и неоднозначность оценок революционного процесса в России еще долго будет иметь место.

В то же время анализ причин, роли и место каждой из революций в Великой русской революции и политическом процессе в России XX-XXI вв. поможет ответить на новые вызовы, стоящие перед страной.

Исаева Е.А., Соколов А.В. (ЯрГУ, Ярославль)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ²⁴⁴

Под коллективными действиями понимается совокупность действий, представляющих собой определенную систему, организованных совокупностью индивидуумов, входящей в определенной степени организованные группы²⁴⁵. Они характеризуются целенаправленностью²⁴⁶. Для достижения своих целей индивидуумы формируют механизмы

²⁴⁴ Выполнено в рамках проекта РФФИ № 17-03-00132 «Коллективные действия граждан по защите и реализации законных прав и интересов в современной России».

²⁴⁵ Medina L.F. A Unified Theory of Collective Action and Social Change, Analytical Perspectives on Politics. - Ann Arbor: University of Michigan Press. 2007.

²⁴⁶ Melucci A. Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. - Cambridge, Ma: Cambridge University Press. 1996.

координации действий, набор инструментов действий, символических практик²⁴⁷. Репертуар действий может включать в себя сидячие забастовки, бойкоты, уличные демонстрации, поджоги, а также рассылки петиций по электронной почте, взлом веб-сайтов, обмен новостями через социальные медиа²⁴⁸. Данные действия направлены на трансформацию социального пространства, с которым не согласны участвующие индивидуумы.

В организованном и структурированном коллективном действии индивидуальная мобилизация выстроена посредством коммуникации (сетевых связей) с ключевыми организационными узлами, которые выступают двигателями мобилизации новых участников движения²⁴⁹. Подобные социальные сети способствуют распространению и внедрению заранее определенных коллективных идентичностей, закрепленных во фреймах данного коллективного действия.

Одной из форм коллективных действия является протестная активность. Современные протестные движения могут иметь различные формы организации и демонстрировать свою эффективность²⁵⁰. Особую эффективность они приобретают, когда межличностные сети подкрепляются технологическими платформами, позволяющими координировать и масштабировать коллективные действия.

Коллективные действия, формирование протестных организаций и движений связаны с совпадением интересов достаточно большого круга протестующих. Из числа протестующих выдвигаются люди, готовые взять на себя руководящие функции, которые и осуществляют руководство протестными акциями. При этом, если решение вопроса будет полностью заблокировано и все возможности будут исчерпаны, то тогда протестное движение может перейти к политическим лозунгам и силовым методам.

3. Тафочи выявляет существенные изменения в организационных структурах коллективных действий. Оно выражается в активном использовании современными движениями Интернет-инструментов, позволяющих более легко вовлечь в коллективные действия значительные массы не знакомых друг с другом людей²⁵¹. Она указывает, что механизмы коммуникации оказывают существенное влияние на организационные структуры, поэтому Интернет-инструменты становятся неотъемлемым элементом организационной структуры современных коллективных действий.

Следует отметить, что современный политический процесс характеризуется чередой крупных и постоянным наличием малых кампаний коллективных действий и протестных волн. Крупный всплеск протестных настроений и действий произошел в 2005 году и был связан с монетизацией льгот. После 2005 года в России появились мощные, активные и долговременные протестные движения: борьба дольщиков в строительстве жилья за свои права, борьба против строительства нефтепровода вдоль Байкала, борьба автомобилистов против запрета праворульных автомобилей, борьба против точечной застройки в разных городах, борьба против необоснованного и быстрого роста тарифов на ЖКХ и другие, часть из которых достигала успехов.

Можно утверждать, что масштабное использование Интернет-инструментов в организации коллективных действий и протеста в России началось с 2011 года (протестной кампании «Против партии жуликов и воров»). Даная кампания также продемонстрировала

²⁴⁷ McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. Comparative Perspectives and Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framing. – N.Y.: Cambridge University Press. 1996.

²⁴⁸ Earl J., Kimport K. Digitally Enabled Social Change, - Cambridge and L.: The MIT Press. 2011.

²⁴⁹ Diani M. Social Movement Networks Virtual and Real // Information, Communication and Society. 2000. №3. С. 386-401.

²⁵⁰ Bennett L., Segerberg A. The logic of connective action. Digital media and the personalization of contentious politics. - Cambridge: Cambridge University Press. 2013.

²⁵¹ Tufekci Z. The Medium and the Movement: Digital Tools, Social Movement Politics, and the End of the Free Rider Problem // Policy & Internet. 2014. Volume 6, Issue 2, pages 202–208.

эффективность использования сетевых технологий (в широком понимании сетей, как организационной структуры).

Кабанов Ю.А. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ: СООТНОШЕНИЕ ФАКТОРОВ *AGENCY И STRUCTURE*

В сравнительных исследованиях электронного правительства и участия до сих пор нет единого мнения относительно факторов их успешного развития. С одной стороны, весомыми представляются доводы о важности качества государственных институтов, технологического и политического развития.²⁵² В то же время, при детальном рассмотрении кейсов зачастую главную роль играют политическое лидерство элит и в целом приверженность руководства страны выбранному курсу.²⁵³ Возникает дискуссия о соотношении институциональных факторов (*structure*) и отдельных акторов (*agency*) в успехе внедрения электронных механизмов.

В результате затруднен анализ развития электронного участия (ЭУ), связанный с его появлением недемократических государствах. Это ярко проявилось в 2012 г., когда ряд таких стран серьезно продвинулся в Индексе ЭУ ООН. Мотивация автократий часто объясняется выбором в пользу ЭУ как инструмента легитимации,²⁵⁴ в то время как структурные факторы (качество институтов) связываются с успешностью его внедрения.²⁵⁵ Однако приверженность элит политическому курсу с трудом поддается операционализации, хотя признается исследователями важным фактором успеха.²⁵⁶ Ее наличием либо отсутствием проще объяснить нестабильность политики автократий по отношению к ЭУ, их резкие взлеты и падения в Индексе ООН. В данном пилотном исследовании предпринимается попытка количественно сопоставить значимость факторов *structure* и *agency* в развитии ЭУ для стран с разным политическим режимом.

Выборка стран распределена по классификации *Freedom House* на «несвободные» автократии, «частично свободные» гибридные режимы и «свободные» демократии. Используя корреляционный анализ, мы сопоставляем: 1) *успешность ЭУ – V1* (средний балл в Индексе ЭУ ООН, 2010 – 2016 гг.); 2) *стабильность внедрения ЭУ – V2* (стандартное отклонение в Индексе ЭУ ООН за 2010 – 2016 гг.); 3) *развитие ЭУ в 2014-2016 гг. – V3* (разница между показателями 2016 и 2014 гг. в Индексе ЭУ ООН); 4) *качество институтов, structure* (средний показатель страны в *Worldwide Governance Indicators*, 2010 – 2015 гг.); 5) *проху- переменная приверженности курсу* (показатель в Индексе сетевой готовности, 2014 – 2015 гг., п. 8.1 «Важность ИКТ для государственного видения будущего»).

Хотя корреляционный анализ имеет ряд ограничений, он демонстрирует ряд интересных моментов. Во-первых, любопытна взаимосвязь успеха и стабильности курса в развитии ЭУ (Таблица 1). Для автократий, и отчасти гибридных стран, успех практически

²⁵² Williams C. B., Gulati G. J. J., Yates D. J. Predictors of on-line services and e-participation: a cross-national comparison //Proceedings of the 14th Annual International Conference on Digital Government Research. ACM, 2013. P. 190-197.

²⁵³ Gil-García J. R., Pardo T. A. E-government success factors: Mapping practical tools to theoretical foundations //Government information quarterly. 2005. Vol. 22. №. 2. P.187-216.

²⁵⁴ Åström J. et al. Understanding the rise of e-participation in non-democracies: Domestic and international factors //Government Information Quarterly. 2012. Vol. 29. №. 2. P. 142-150;

²⁵⁵ Stier S. Political determinants of e-government performance revisited: Comparing democracies and autocracies //Government Information Quarterly. 2015. Vol. 32. №. 3. P. 270-278.

²⁵⁶ Gel'man V., Starodubtsev A. Opportunities and Constraints of Authoritarian Modernisation: Russian Policy Reforms in the 2000s //Europe-Asia Studies. 2016. Vol. 68. №. 1. P. 97-117.

неизбежно связан со скачкообразным развитием политики. Исключением является Сингапур, устойчиво демонстрирующий стабильный рост; остальные страны либо вообще не проявляют к этой проблеме интереса, либо «закладывают виражи» и демонстрируют более высокие средние показатели. В это же время, успех ЭУ в демократиях скорее связан с постоянным поступательным развитием отдельных стран и таким же стабильным отсутствием движения других.

Сложная взаимосвязь наблюдается и между ЭУ, институтами и приверженностью курсу (Таблица 2). Первым бросается в глаза то, что в контексте успеха ЭУ у автократий больше общего с демократиями, чем с гибридными странами, что напоминает концепцию J-кривой в объяснении реформ. И для первых, и для вторых значимы и институты, и внимание политиков к проблеме, хотя, возможно, с разным смыслом: в автократиях – это механизмы форсированной «авторитарной модернизации», в демократиях – возможность «настроить» повестку дня. В гибридных же режимах значимость стратегического видения уступает по важности институтам и не является решающим ингредиентом успеха.

Учитывая, что в автократиях успех политики сильно связан с ее неустойчивостью, неудивительно, что нестабильность курса значимо и положительно коррелирует с качеством институтов и приоритетностью курса, в то время как эта связь незначима в гибридных и отрицательно незначима в демократических странах. Получается, что скачки в развитии ЭУ следует ожидать в автократиях с развитыми институтами, где в какой-то момент развитие ИКТ становится важным направлением повышения конкурентоспособности.

Хотя ни институты, ни приверженность курсу незначимы для третьей переменной, обращают на себя внимание авторитарные страны, где большее падение характерно как раз для тех, для кого данное направление казалось наиболее приоритетным, что говорит о неустойчивости данного фактора по сравнению с качеством институтов.

Исследование показало как сопоставимую значимость структурных условий и роли акторов в успехе ЭУ, так и принципиальную возможность их анализа в количественной парадигме.

Таблица 1. Взаимосвязь успеха электронного участия и стабильности политики

	Все страны N=192	Автократии N=48	Гибридные режимы N=57	Демократии N=87
Стабильность курса	,378**	,706**	,487**	,147
1) Корреляция Пирсона. ** - корреляция значима на уровне 0,01. 2) Чем выше нестабильность курса, тем выше показатель в переменной.				

Таблица 2. Взаимосвязь политики электронного участия с качеством институтов и приоритетностью политического курса

	Все страны N=139			Автократии N=29			Гибридные режимы N=46			Демократии N=64		
	V1	V2	V3	V1	V2	V3	V1	V2	V3	V1	V2	V3
Качество институтов	,657**	,138	,057	,666*	,489**	-	,583**	,252	-,166	,547**	-	,148
Приверженность курсу	,459**	,117	-	,561**	,537**	-	,327*	,170	-,114	,494**	-	,234
Корреляция Пирсона. ** - корреляция значима на уровне 0,01												

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕН: СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ «ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ»

60 летний юбилей Европейский союз встретил далеко не в лучшей форме. Однако прежде чем обратиться к анализу стоящих перед ЕС вызовов, следует напомнить его немалые достижения.

Евросоюз - это уникальный интеграционный проект, в мире нет ничего равного по достигнутому уровню интеграции. Сегодня всем жителям ЕС доступны свобода перемещения через границы и блага единого рынка. На пространстве Евросоюза существуют инклюзивные общества, высокоразвитые экономики и системы социальной защиты, обеспечивающие высокое качество жизни. Евросоюз представляет собой эффективный пример организации региональной подсистемы международных отношений – в «Европе Евросоюза» уже более шестидесяти лет нет места военным конфликтам между государствами-членами.

Перечень стоящих перед ЕС вызовов также велик. Население Европы стареет, а доля ЕС в мировом населении устойчиво сокращается. Также неуклонно сокращается доля ЕС в мировой экономике. Экономический кризис вскрыл недостатки архитектуры зоны евро. Миграционный кризис до предела обострил все конфликты, связанные с мультинациональной и мультиконфессиональной природой европейского общества. Он стал питательной средой для и ранее ошутимых трендов евроскептицизма и правого радикализма. Референдум в Великобритании в очередной раз высветил все системные дефекты устройства ЕС, прежде всего связанные с идеологией интеграции и вопросами идентичности.

Большинство ответственных политиков в ЕС понимают, что сохранение единства Евросоюза отвечает стратегическим интересам всех стран-членов. И даже среди евроскептиков большинство говорят о необходимости реформирования ЕС, не подвергая сомнению полезность объединения. Римская декларация, одобренная 25 марта 2017 г. на саммите 27 лидеров стран ЕС и лидеров институтов ЕС, констатирует: «Действуя по одиночке, мы [государства ЕС – Н.К.] окажемся на обочине глобальных процессов. Действовать сообща – вот лучший способ повлиять на эти процессы и защитить наши общие интересы и ценности»²⁵⁷. Эта мысль не просто лозунг. Она основывается на осознание «малости» стран Европы.

Работа по преодолению кризисов и адаптации ЕС к новым условиям идет постоянно, хотя и не так быстро и эффективно как могла бы. Важным этапом дискуссии о будущем ЕС стала обнародованное 1 марта 2017 г. Белая книга Еврокомиссии²⁵⁸. Детально разбирая успехи и неудачи и ждущие своего решения проблемы, документ предлагает пять вариантов стратегического развития ЕС: 1) продолжать движение, 2) только единый рынок, 3) те кто хотят больше – делают больше, 4) делать меньше, но более эффективно, и 5) всем вместе делать гораздо больше. Впрочем, эти варианты были вполне очевидны еще несколько лет назад. К примеру, годом ранее автор этих строк, анализируя перспективы развития ЕС, сформулировал четыре варианта²⁵⁹.

Предложенные Еврокомиссией варианты развития рисуют возможные траектории движения в таких аспектах деятельности ЕС, как единый рынок, Экономический и валютный союз, Шенген и миграционная политика, Общая внешняя политика и политика безопасности, бюджет ЕС, его наполнение и приоритеты. Они сознательно умалчивают о необходимых

²⁵⁷ The Rome Declaration. Declaration of the leaders of 27 member states and of the European Council, the European Parliament and the European Commission. 25.03.2017.

²⁵⁸ European Commission. White paper on the future of Europe. Reflections and scenarios for the EU27 by 2025. COM(2017)2025 of 1 March 2017.

²⁵⁹ Кавешников Н. Институционально-политическое развитие ЕС: кризис и варианты трансформации. // Мировая экономика и международные отношения, т. 61, № 5, 2017, сс. 14-24.

институциональных реформах, концентрируясь на практических результатах. Документ даже напрямую цитирует основной постулат неофункционализма: «форма следует за функциями».

Однако очевидно, что все большую поддержку получает вариант развития в ЕС процессов гибкой интеграции. Это целый набор механизмов, позволяющих заинтересованным государствам – членам ЕС более тесно сотрудничать между собой в рамках существующих европейских институтов и без помех со стороны прочих партнеров по Союзу. Среди тех, кто в последние годы говорил о перспективах гибкой интеграции – Ангела Меркель, Николя Саркози, Франсуа Олланд и Эммануэль Макрон, Марк Рютте и Энрико Летта.

Римская декларация, одобренная 25 марта 2017 г. на саммите 27 лидеров стран ЕС и лидеров институтов ЕС, констатирует: «Мы будем действовать вместе, при необходимости – с различной скоростью и интенсивностью...»²⁶⁰. Впервые тренд на гибкую интеграцию зафиксирован в документе ЕС, принятом на высшем уровне.

Евросоюз все более трансформируется в систему «ядра и периферии». Основу ядра составит модернизированная еврозона. При этом если раньше в периферию попадали преимущественно те страны ЕС, которые *не хотели* участвовать в новых интеграционных проектах, то сегодня в ЕС довольно много стран, которые *не смогут* стать частью ядра. Такая эволюция ЕС вызывает озабоченность со стороны будущих аутсайдеров. Они не только столкнутся с крайне сложной задачей погони за быстро продвигающимся вперед авангардом, но и окажутся де-факто отстранены от принятия стратегических решений.

Не случайно европейские политики говорят о гибкой интеграции, о многоскоростной интеграции (которая подразумевает, что арьергард рано или поздно догонит ушедших вперед), но избегают терминов «ядро» и «периферия» (которые подразумевают долгосрочное, а фактически постоянное разделение ЕС). Однако поддержать единство ЕС в фактически складывающейся системе «ядра и периферии» будет весьма сложно.

Казаринова Д.Б. (РУДН, Москва)

ПОИСК НОВЫХ ПОДХОДОВ ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

В современном обществоведческом дискурсе общим местом стали рассуждения о конце либерального мирового порядка²⁶¹, «конце знакомого мира»²⁶², окончания периода *interregnum*²⁶³. Большинство ученых называют в качестве границы между «старым» и «новым» миром в сфере экономики глобальный финансовый кризис 2008, а в сфере социально-политической – конец Арабской весны и глобальный реванш популизма. Brexit и победа Д.Трампа на выборах президента США оказались «черными лебедями» и точкой невозврата к либеральному миру доминирующей рациональности, миру, в котором нормативность задавала четкие алгоритмы политики. С ростом популизма стали говорить о конце политики, какой мы ее знали.

Политические силы, игравшие ключевую роль в политике прошлых лет - новые левые, появившиеся в середине XX века и отождествлявшие себя с левой идеей, но противопоставляющие себя традиционным компартиям и социал-демократам («старым левым»), также как и новые правые, - ушли с мировой политической сцены. Глобальный

²⁶⁰ The Rome Declaration. Declaration of the leaders of 27 member states and of the European Council, the European Parliament and the European Commission. 25.03.2017.

²⁶¹ После либерального мирового порядка: что дальше? Круглый стол в НИУ ВШЭ 1.09.2017

²⁶² Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. — М.: Логос, 2003. — 368 с.

²⁶³ Бауман З. Текучая современность и текучий страх: взгляд из 2011 г.

<http://www.gazetaprotestant.ru/2012/01/tekuchaya-modernost-i-tekuchij-strax-vzglyad-iz-2011-goda/>

реванш популистов - «симптом смены парадигмы западной политической жизни, смены, которая только началась. 2016 год со всей очевидностью показал, что политические категории левого и правого, унаследованные от индустриальных времён, плохо подходят для описания тех проблем, с которыми действительно сталкиваются постиндустриальные общества. Сейчас возникающие проблемы рассматриваются в рамках право/левой дихотомии, которая больше не имеет смысла. Левые, к примеру, в основном интернационалисты в социальных вопросах, таких как мультикультурализм и иммиграция, но националисты в экономических вопросах: торговле, аутсорсинге и налоговом регулировании. Противоположное верно для правых». ²⁶⁴ На смену им пришли популисты всех мастей. Популизм стал зонтичной мега- и метаидеологией.

Взаимосвязь популизма и способности общества и элит к политико-философской рефлексии очевидна: «До тех пор, пока Запад не организуется в новых политических категориях — категориях, которые отразят глобализацию как основной фактор политической жизни, подобный индустриализации в прошлом веке — общество будет представлять собой бурлящий котёл левых и правых идей, и партий, не отличающихся ничем, кроме идентичности» ²⁶⁵. Налицо кризис осмысления, отсутствия в политическом языке референций для социально-политических процессов.

Постмодернизм как парадигма осмысления усложняющегося мира исчерпал позитивный потенциал. «Смерть супероснований», отсутствие ориентиров и системы координат, всякого рода стратегий, неопределенность как методологический принцип, парадигмальная установка на восприятие мира как хаоса, размывание ценностной базы, крах метанарративов и «больших проектов» - весь постмодернистский дискурс серьезнейшим образом ударил по идеологии, лидерству, предельно усложнил понимание реалий и ориентиров и привел к обратному результату – от усложнения восприятия к его упрощению. Психологическая усталость от постмодерна в сочетании с негативными эффектами глобализации привели к тому, что даже в самых благополучных регионах мира выросло поколение без будущего, которое стало социальной базой популизма.

Страх, пришедший на место политике, ²⁶⁶ и потребность в ответах, пусть даже и простых, на сложные вопросы спровоцировали взрывной рост поддержки популистов. Призывая к ретронационализму, к хорошо забытому старому, популизм в современном мире ведет к новым реалиям. Он поднимает волну антисистемной политики или анти-политики (Anti-Politics), который претендует на то, чтобы опрокинуть или, по крайней мере, ужать нормативный проект (Normative project) Запада.

В политическом ландшафте начинают появляться силы, которые позиционируют себя как уже не «новые» левые или правые, а «следующие» (Next), ставящие перед собой задачу выработки нового общественного договора. Самый важный вопрос для социал-демократов нового поколения, или прогрессистов, или «следующих левых» - это вопрос о справедливой глобализации. Переосмысление ценностей справедливости и равенства происходит в формате post social democracy ²⁶⁷, но для преодоления популизма и страха как политики нужна, в том числе, новые подходы философской рефлексии, новая политическая онтология.

²⁶⁴ Simpson E. The Two-Hundred-Year Era of 'Left' and 'Right' Is Over <http://foreignpolicy.com/2016/11/14/the-two-hundred-year-era-of-left-and-right-is-over/>

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Подробнее Дуткевич П., Казаринова Д. Страх как политика. // Полис. 2017. № 4. С. 8-21.

²⁶⁷ Саква Р. Выступление на Круглый стол в НИУ ВШЭ «После либерального мирового порядка: что дальше?» 1.09.2017

Калашникова С.К. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Наличие последовательной, логичной и концептуально единообразной региональной политики идентичности – основа для реализации ряда ключевых задач, необходимых для стабильного развития региона. От этого зависит, во-первых, выработка эффективной стратегии взаимодействия как с другими регионами, так и с федеральными структурами власти, во-вторых, консолидация населения, формирование коллективной ответственности и гражданского общества, в-третьих, позиционирование региона на государственном и международном уровнях, в-четвертых, выявление и использование уникальных преимуществ региона и проблемных направлений работы.

Ключевую роль в определении уровня эффективности проводимых мер играет мнение и степень восприятия этих мер основным объектом политики идентичности – в данном случае жителями Санкт-Петербурга.

Таким образом, объектом исследования выступает политика идентичности в Санкт-Петербурге, а предметом – её эффективность. Методы исследования включили в себя качественный контент-анализ нормативных правовых актов с целью изучения институциональных оснований политики идентичности, традиционный анализ СМИ и анализ результатов пилотажного Интернет-опроса с целью выявления тенденций развития направлений политики идентичности и оценки их эффективности. Гипотезу исследования можно сформулировать следующим образом: средний уровень эффективности политики идентичности в Санкт-Петербурге связан с отсутствием комплексного подхода к ее формированию и фрагментарностью реализации при наличии нескольких направлений.

Политика идентичности – это деятельность политических акторов, часть символической политики, которая осуществляется с целью продвижения «определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих»²⁶⁸. Из-за диффузии политики идентичности в политическом пространстве и отсутствия четких институциональных рамок оценка эффективности может производиться через влияние предпринимаемых мер на объект политики идентичности – жителей региона.

Символическая политика Санкт-Петербурга носит фрагментарный характер, что может быть обусловлено наличием разнообразных символических конструктов, смыслы которых могут противоречить друг другу. Местное сообщество включено в процесс формирования политики идентичности города, но все же детерминируется автором как объект данного процесса. Официальный курс политики идентичности сочетает в себе как консервативную, так и инновационную направленность²⁶⁹, что обуславливает ее нестабильность и противоречивость. Политика идентичности носит инклюзивный характер²⁷⁰ и не входит в противоречие с федеральным курсом. В качестве основных направлений политики идентичности в Санкт-Петербурге можно выделить проведение массовых праздников, «управление» топонимикой города и брендинг как компонент символического менеджмента.

²⁶⁸ Малинова, О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере [Текст] / О.Ю. Малинова // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — 2010. — № 1. — С. 9.

²⁶⁹ Назукина, М.В. Новые тенденции в политике идентичности на региональном уровне в России: акторы, специфика, тренды [Текст] / М.В. Назукина // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2014. — № 3. — С. 144.

²⁷⁰ Цумарова, Е.Ю. Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия) [Текст]: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Цумарова Елена Юрьевна. — Санкт-Петербург, 2014. — С. 14.

Проведенное пилотажное исследование на платформе opros.spbu.ru позволило сформулировать ряд гипотез для проведения полноценного, репрезентативного, социологического опроса и их проверки. Кроме того, результаты анализа данных Интернет-опроса доказали возможность оценки эффективности политики идентичности «снизу» через критерии информированности, значимости и включенности. Также пилотажное исследование позволило определить особенности региональной идентичности респондентов, их отношение к различным направлениям политики идентичности и выявить ключевые черты образа Санкт-Петербурга и самих петербуржцев.

Автор предварительно оценивает уровень эффективности политики идентичности в регионе как средний, так как при наличии перспективных и активно поддерживаемых населением направлений (проведение городских праздников), существуют более слабые и фрагментированные компоненты (брендинг территории, формирующийся стихийно). При этом для большинства респондентов региональная идентичность первична или вторична по отношению к другим компонентам, что, однако, может быть связано не с эффективностью проводимых мер, а с влиянием степени укорененности участников опроса.

Капицын В.М. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

КОНТУРЫ НОВОГО МИРОПОРЯДКА: РОЛЬ БАЛАНСОВ СИЛ

Ряд исследователей отмечает, что последние годы предвещают перелом в международных отношениях. Выпуск журнала «Foreign Office.» (2017. № 1) называется «Вышла из строя. Будущее международной системы». В.В. Путин в 2017 г. несколько раз отметил относительно мировых кризисов, что «корень проблемы в глобальных дисбалансах». Без поддержания балансов сил трудно ожидать нормальное функционирование миропорядка. Само понятие системы, как оно разрабатывается, в том числе, в теории и социологии международных отношений, предполагает функционирование балансов сил или влияния, факторов (балансы среды и системы, элементов и структур, стимулов и ответов) по определенным правилам (нормам, обычаям). Стремление к системности необходимо для снижения анархии.

Политологи подчеркивают значение нормативности насилия. Нормативность означает форматирование насилия на основе норм и ожиданий. Балансы сил включают в себя ожидания отсроченного насилия. Политика зиждется на «отсроченном насилии» (В.С. Мартыанов). Такая отсроченность насилия форматируется с помощью нормативных регуляторов (правовых, моральных, технических, институциональных). Но все эти регуляторы приобретают политический характер и отражаются метафорой «общественный договор», которая стала операциональной для изучения институтов государственного насилия.

Форматы (нормы, обычаи) обеспечивают такую совокупность регуляторов («общественный договор»), которая эту отсроченность насилия сохраняет как потенциал, устанавливая, поддерживая или восстанавливая правила осуществления насилия, предупреждая о насилии как последствии изменений (нарушений) порядка. Такое форматирование регуляторов поддерживает преемственность в развитии системы, предотвращая опасность несбалансированного насилия. В международных отношениях, как в любой системе, должен функционировать код (матрица, генотип) сохранения и восстановления преемственности, воспроизводства устойчивости системы. Таким генотипом, означающим преемственность, является «ось», заложенная Вестфалем – договоренности наиболее влиятельных держав. Разрушение этого генотипа ведет к радикальной реформе, революции (контрреволюции) и даже к крупномасштабной войне или серии войн.

На какие же изменения балансов, охраняющих генотип преемственности обратить

внимание в первую очередь? Аналитики отмечают два аспекта. Во-первых, изменение соотношения уровней форматирования насилия, на которых балансы меняются (нарушены, переформатированы): государственного уровня и мирового порядка. Во-вторых, накопление дисбалансов в самом миропорядке.

Резкие изменения балансов сил прерывают преемственность, ведут к разбалансировке сил в миропорядке. Важная задача – сохранить вестфальский генокод преемственности с учетом современности и восстановить баланс сил. В США и Великобритании значительная часть граждан мобилизовалась под популистскими лозунгами. На уровне миропорядка происходило отдаление ЕС от США, усиливалась необходимость переформатирования балансов силы и угроз. Политика США в Тихоокеанском регионе способствовала новому сближению России и КНР, а затем и сдвигам в политике Японии и Южной Кореи относительно России. Быстрое усиление России поддержало восстановление баланса сил на Ближнем Востоке и Черном море. Д. Трамп, по сути, заявил о революции в международной системе, исходя из национальных интересов США. Но он неверно оценил дисбаланс сил политических и экономических элит во внутренней политике США.

Дж. Хайндс отметил, что прогрессистам пора научиться говорить о чести, лояльности и порядке в связи с равенством и правами²⁷¹. Интересно пространственное (географическое) отражение баланса сил в «треугольнике» США – ЕС – Россия: «Это межумочное состояние продлится как минимум до тех пор, пока каждый из углов «треугольника не обретет внутренний баланс; в первую очередь это касается США, но напрямую относится к России и ЕС... В эту комбинацию необходимо теперь уже добавлять обязательного джокера Китай...»²⁷². Такая конфигурация станет благоприятной для восстановления вестфальского генокода преемственности в мировом порядке с учетом современных реалий.

Каплунова Д.А. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва) ГОСУДАРСТВО В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Современный мир политического обладает рядом особых черт, которыми он отличается от политики прежних времен. Одновременно, приглядевшись можно узнать контуры тех же процессов, которые существовали в политике и много веков назад. Нынешний облик политического мира во многом определяется информационными достижениями, а в частности, появлением социальных сетей. Прочитав слова Нельсона Манделы, сообщение Барака Обамы в Twitter стало самым популярным в истории²⁷³. Благодаря социальным сетям, работе СМИ, масштабным возможностям Интернета, формируются новые критерии, по которым измеряется популярность политиков. В информационную эру достаточно процитировать слова выдающейся личности и это событие превращается в новость.

Между тем в политике назревают проблемы, которые требуют принятия серьезных решений и тектонических сдвигов в понимании происходящих процессов на мировой арене и во внутренней жизни государств. Проблемы, с которыми сталкивается современный мир, носят комплексный характер, что требует от политиков высоких профессиональных качеств и навыков управления. В данном случае присутствия и активности в медиа – пространстве становится недостаточным.

Государство, как один из центральных институтов общества и феноменов в политике, также подвергается необходимости переосмысления. Неопределенность во всех сферах

²⁷¹ Colgan J.D., Keohane R. The Liberal Order Is Rigged. Fix It Now or Watch Wither // Foreign Affairs. 2017. No 3. May/June. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2017/04/17>

²⁷² Лукьянов Ф. Атлантический дрейф. Что означает для России отдаление Европы от США? // Московский центр Карнеги. URL: <http://carnegi.com/cjmmmentary/72960>

²⁷³ Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/16/08/2017/5993cd1d9a79474fb3856762>

жизни общества, кризисные явления в миграционной, экономической, социальной политике требуют последовательных шагов по разрешению данных проблем.

Государство обладает широким спектром возможностей для организации жизни общества, является центральным актором на мировой арене и в международных отношениях. И время больших перемен дает ему возможность доказать свою состоятельность как органа, который играет значительную роль в жизни общества. Государство имеет необходимый набор инструментов и ресурсов для того, чтобы структурировать и упорядочивать хаотичные процессы, которые происходят в современном мире. Таким образом, перед государством в сложный исторический отрезок времени предстают различные сценарии развития. При качественном управлении, развитии потенциала регионов и местного самоуправления, осуществлении социальной и экономической политики, направленных на благо человека, на его процветание, государство способно стать фундаментальной опорой в эпоху больших перемен. С другой стороны, не предпринимая серьезных шагов в сторону решения имеющихся и все более усугубляющихся проблем, государство, как институт, способно потерять свою легитимную силу.

Государство – сложный механизм, состоящий из множества элементов, главные из которых гражданское общество и власть в лице политиков. Выбранный курс развития государства характеризует состояние общества и политической системы. Современное состояние неопределенности, неся с собой большое количество сложностей, которые испытывают все без исключения государства и их союзы, вместе с тем открывает возможности для создания новых курсов и стратегий развития. Если государство в лице общества и власти, сможет уловить современные веяния и в то же время сохранить баланс, выбрать путь развития, позволяющий отвечать на вызовы современности, то для него время перемен откроет новые возможности для развития. Но для этого необходимо, помня прежний опыт и достижения, создавать новое. Информационная эпоха, которая открыла широкие возможности для применения новых политических технологий, как демонстрирует действительность, может влиять на процесс создания повестки дня. Но для разрешения серьезных проблем возможностей информационных технологий недостаточно. Для этого по-прежнему требуются политическая воля, политика в области культуры, которая бы состояла не только из распространения Интернета как можно в больших сферах, необходима реализация курса, направленного на развитие благосостояния и раскрытие потенциала и способностей членов общества. В таком случае дискуссии об отмирании государства потеряют под собой основания, и оно способно будет стать институтом, который позволит миру справиться с непростыми временами.

Кардава Н.В. (ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

УСИЛЕНИЕ РОЛИ КИБЕРУГРОЗ И ВНУТРЕННЯЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

В начале XXI в. мир переживает чрезвычайно быстрый рост высоких технологий, причем есть основания говорить о четвертой промышленной революции. В связи с этим с теоретической и практической точки зрения весьма важным представляется анализ влияния киберугроз на геополитику и внутреннюю безопасность государства. При этом следует разделить киберугрозы на несколько типов. Киберпреступность может быть организованной, осуществляться как промышленный или государственный шпионаж или иметь террористическую направленность. Например, доступ к информационным системам государства в ядерной сфере хакеров (кракеров) или террористов может повлечь самые серьезные последствия в политических и дипломатических отношениях между государствами и даже спровоцировать новую войну. Одно дело, если взломом

информационных систем занимаются независимые киберпреступники с целью извлечения прибыли, но другое дело, если они работают на иностранные спецслужбы для того, чтобы подорвать кибербезопасность другой страны с целью кражи информационных данных и разрушения безопасности других государств. В результате кибервойны и информационные войны оказывают существенное влияние не только на информационную и экономическую сферу, но и на политическую, дипломатическую, геополитическую и военную сферы.

Как известно, украинские события 2014 г. и последовавшее за ними обострение международной политической ситуации радикально изменили не только отношения России и Украины, но и отношения России с другими западными странами, в частности с Евросоюзом и США. На фоне введения США и ЕС экономических, торговых, военных и политических санкций в отношении России стала еще более актуальной проблема кибербезопасности РФ. Помимо политических санкций и кибервойны с использованием информационных технологий, которую ведут спецслужбы западных государств, существуют также угрозы, исходящие от других игроков цифрового мира. Среди них следует выделить действия хакеров, взломщиков и кракеров, которые осуществляют свои акции не только внутри страны, но из-за рубежа.

Как известно, после разоблачений Э. Сноудена, работавшего сотрудником Агентства национальной безопасности США (АНБ), был выявлен масштаб слежки и нелегального проникновения в глобальные компьютерные сети. Как выяснилось, за последние годы АНБ раскинуло всемирную шпионскую компьютерную сеть. От «прослушки» были освобождены только страны «Пяти глаз» (Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия), ближайшие союзники США. Все остальные страны, включая партнеров по НАТО, подверглись тотальному наблюдению. В секретном документе 2010 г., обнародованном Сноуденом, перечислены 193 страны, которые могут представлять интерес для американской разведки. Помимо этого, также выяснилось, что агентству было разрешено собирать разведанные о международных организациях, в числе которых Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ), ЕС и МАГАТЭ. Особое внимание АНБ уделяло отслеживанию платежей, осуществляемых с помощью карточек VISA. В документах Э. Сноудена есть описания пунктов доступа в Сеть, через которую американская компания VISA проводит операции клиентов. Основная цель АНБ – отслеживание сделок клиентов VISA в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке.

Можно ли как-то оценить, какой размер ущерба причиняет международная киберпреступность мировой политике и экономике? По некоторым оценкам, каждую секунду в мире жертвами киберпреступников становятся 12 человек, и эта цифра с каждым годом растет. Исследовательское агентство Center for Strategic and International Studies (CSIS) при поддержке антивирусной фирмы McAfee подсчитало размер ущерба, нанесенного мировой экономике киберпреступниками в 2013 г. Киберпреступления причиняют ущерб мировой экономике в размере порядка 445 млрд. долл. Данная сумма составляет около 15-20% от общего вклада Интернета в мировую экономику, который оценивается в 2-3 трлн долл. в год (0,5% от мирового ВВП). Однако еще серьезнее политический и военный ущерб безопасности многих государств, включая сбор компрометирующих данных на политиков, организацию внутренних политических переворотов, подрыв обороноспособности многих стран и т.п. Этот ущерб практически невозможно оценить, но он чрезвычайно велик.

Киберпреступность – растущая индустрия, она наносит огромный вред как безопасности государств, так и торговле, конкурентоспособности и инновациям. По оценке CSIS, доля ущерба от киберпреступности приближается к показателям наркоторговли и распространению контрафакта. Самые большие потери несут крупнейшие экономики мира, среди которых лидируют Соединенные Штаты Америки, Китай, Япония и Германия – на их долю из указанных 445 млрд долл. приходится около 200 млрд.

Чтобы противодействовать киберугрозам в отношении нашей страны, летом 2014 г. Федеральное собрание РФ приняло закон, обязывающий интернет-компании защищать

данные о пользователях из Российской Федерации на территории страны. Такой порядок был введен в действие с 1 сентября 2016 г. Однако это не остановило американские спецслужбы в их стремлении получить сведения об интересующих их лицах, даже если эти сведения хранятся за рубежом. Поэтому необходимы разработка и внедрение дополнительных мер, направленных на противодействие киберугрозам и кибервойне, которую ведут США и другие западные государства против РФ. Среди таких мер могут быть, например, дополнительная и более надежная защита от взломов информационных ресурсов наиболее важных государственных организаций, прежде всего работающих в сфере обороны и безопасности, а также ресурсов стратегически важных для развития экономики российских корпораций и компаний.

Карпухина К. А. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)
ОБРАЗЫ СТРАН СНГ В РОССИИ

На данном этапе развития международных отношений политическое восприятие стран тесно связано с геополитическим контекстом.

Непростая экономическая и политическая ситуация, с которой столкнулась Россия, начиная с 2014 года, в связи с санкциями ряда западных стран, безусловно, сказалась на политических представлениях населения. Образ России, подвергающейся политико-экономическим ограничениям, начиная с событий 2008 г. в Грузии и по настоящее время в Украине, демонизируется в средствах массовой информации. События, определившие изменения восприятия России в мире, касаются, в первую очередь, её отношений со странами СНГ.

Говоря о политических отношениях в целом, нельзя забывать, что восприятие населением стран друг друга носит взаимный характер, поэтому важно изучать и понимать, как наши граждане относятся к представителям стран СНГ в той или иной политической (или социально-бытовой/коммуникативной и так далее) ситуации, как воспринимают изменение отношения к себе с их стороны и как представляют дальнейшее совместное сосуществование.

Восприятие СНГ в России во многом диктуется обществом, политической элитой и внутривосполитическим контекстом. Оно связано с серьезными изменениями, в первую очередь с присоединением Крыма в 2014 году. События в соседней Украине и попытки изоляции России со стороны Западных стран, введенные против неё санкции, привели к невиданной ранее консолидации общества вокруг Президента В.В.Путина, к росту его рейтинга. Более того, возросшее доверие граждан к власти, главным образом опиралось на одобрение именно внешнеполитического курса Президента, который трактовался гражданами как возвращение стране роли великой державы, впервые в постсоветский период играющей эту роль.²⁷⁴

Внешнеполитический контекст российского восприятия СНГ также во многом связан с «цветными революциями», событиями в Грузии и на Украине и введением санкций против России. Введение системы взаимных с европейскими странами санкций фактически означает установление нового железного занавеса. В западном мире деятельность России на постсоветском пространстве оценивается как «возрождение» российской империи.²⁷⁵

Бывшие советские республики не устраивает политика стабилизации и сдерживания, проводимая Россией. Чтобы наладить взаимоотношения в регионе, следует сделать ставку на сближение народов России и стран СНГ. И именно по этой причине важно не только изучать

²⁷⁴ Шестопап Е.Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами// Полис. 2011. №2. С. 7-24.

²⁷⁵ Кризис вызвал у россиян депрессию и ностальгию по СССР//РБК. 04.02.2016. Доступ:<http://www.rbc.ru/politics/04/02/2016/56b241cb9a79470482dfe5bd>

взаимное восприятие граждан СНГ и России друг друга, а еще и конструировать положительные образы друг друга за счет определенных стратегий информирования и проведения соответствующей социальной политики.²⁷⁶

Для понимания ситуации и принятия взвешенных решений по налаживанию отношений, важно использовать как можно более чуткий к социальным изменениям методологический инструмент, чтобы точно и систематически исследовать восприятия странами региона друг друга.

Каряпкина Ю.Д. (Поволжский институт управления
им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС, Саратов)

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗБРАННЫХ ДЕПУТАТОВ САРАТОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ ПЯТОГО СОЗЫВА В СЕНТЯБРЕ 2016 ГОДА (АНАЛИЗ НА УРОВНЕ ВЫБОРОВ – АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЦЕНТР)

Проблема элитологии, в том числе формирование, развитие и функционирование политической элиты – на протяжении многовековой истории вызывает интерес.

Осмысление трансформации политической элиты невозможно без исследования регионального развития и региональных и местных политических элит. Региональные силы – неотъемлемая часть российского политического процесса.

Существование в обществе политических элит является необходимым фактором, так как любая политическая система нуждается в профессиональном и эффективном управлении. Однако, эффективность выполнения функций элитой будет зависеть от того, насколько качественно подобран её внутренний состав участников. Здесь важно принять во внимание субъективный компонент, личностные качества лидера. При выборе того или иного кандидата на должность, электорату важно понять кто будет представлять их интересы. Региональные/местные политики на основе существующих в данном регионе (районе) интересов в сочетании с федеральным развитием могут быть мощной и действенной силой.

В своем исследовании я затрагиваю высший уровень муниципальных выборов – административные центры. На мой взгляд, именно здесь принимаются важные решения по вопросам развития каждого из субъектов Российской Федерации, в связи с чем, становится актуальным вопрос, кто будет избран на должности в данном сегменте элиты и на сколько они оправдают надежды тех, чьи интересы представляют.

В фокусе исследования – **социально-демографические особенности избранных депутатов Саратовской городской Думы пятого созыва в сентябре 2016 года.**

При анализе подлежали выявлению следующие параметры: *гендерный состав, возраст, образование, социальное предпочтение, иные параметры (судимость, место рождения и жительства депутата, опыт работы депутатом).*

Городская Дума принимает важные решения. Так, в соответствии с ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003 г., к некоторым исключительным компетенциям городской Думы относятся: утверждение городского бюджета и отчета о его исполнении; а также принятие планов и программ развития города, утверждение отчетов об их исполнении;

Недавний пример – Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «Город Саратов» до 2030 года, принятая решением Саратовской городской Думы

²⁷⁶ Россияне не считают бывшие республики СССР зарубежьем - их надо силой удерживать под контролем Москвы //News.ru.com. 02.02.2017. Доступ: <http://www.newsru.com/russia/02feb2017/levada.html>

16.02.2017 года²⁷⁷. Так же, можно наблюдать и личные инициативы депутатов: 21.03.2017 года состоялся выездной прием с главным врачом ГУЗ «Областной клинический центр комбустиологии» Николаем Островским, депутатом V созыва Городской Думы, который пообещал помочь саратовцам пройти медицинское обследование²⁷⁸.

Именно от того, кто будет избран на должности руководителей на региональном и местном уровнях, от конкретных людей, зависит качество и содержание принимаемых решений, а также эффективность выполнения функций политической элиты в целом.

В 2015 году автором был проведен опрос среди действующих на тот период времени преподавателей Саратовской Государственной Юридической Академии (с результатами можно ознакомиться на кафедре истории, социологии политики и сервиса), в ходе которого ими было отмечено, что основным критерием выбора политического лидера для них является **политический опыт**. Фактор, который мешает кандидату стать депутатом, по их мнению, **нехватка дополнительных ресурсов**.

Что касается выборов депутатов Саратовской городской Думы пятого созыва, 18.09.2016 года, действующая в настоящий момент, на мой взгляд, люди, которые баллотировались и были избраны депутатами – опытные и «зрелые» для принятия «взвешенных» решений, средний возраст их составляет 50 лет. Следует отметить, что 27 % избранных депутатов уже ранее являлись депутатами и имеют непосредственный опыт в данной сфере. Являются достаточно образованными, влиятельными и узнаваемыми в конкретных, совершенно различных сферах, т.е. определенного рода ресурсами они обладают. 88% всех этих людей является руководителями, должности называются по-разному: директор, зам директор, ректор, проректор, президент, председатель, начальник. Однако все они привыкли принимать важные решения.

Таким образом, **социально-демографический портрет избранных депутатов соответствует ожиданиям респондентов**. Однако, это все же, формальные показатели, необходимы реальные действия и работа от данных депутатов в дальнейшем.

Касымов Р.Ш. (КФУ, Казань)

МЕХАНИЗМ ОТБОРА КАНДИДАТОВ: ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ «ПРАЙМЕРИЗ» В РОССИИ

Политические партии используют множество механизмов и способов для отбора кандидатов для участия в выборах различного уровня. В демократических режимах перед партиями стоит задача выдвижения кандидата, имеющего наибольшие шансы на успех среди избирателей. Некоторые партии используют централизованные методы отбора и выдвижения кандидатов, где решающая роль принадлежит партийному руководству, сосредоточенного в руководящем аппарате партии. Другие партии используют различные варианты предварительных внутрипартийных выборов. Такие выборы в литературе часто называют «праймериз» - данный термин возник в США и прижился в политологическом дискурсе. В данной работе мы будем использовать термин «первичные выборы», который выступает смысловым переводом на русский язык термина «праймериз». В российской политической практике первичные выборы до последнего времени не пользовались популярностью – политические партии предпочитали использовать более централизованные методы отбора кандидатов. Однако в последнее время первичные выборы стали частью политического

²⁷⁷ Официальный сайт Саратовской городской Думы. Заседание 13. Созыв 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.saratovduma.ru/decision/zasedanie-13-sozyv-5.php>

²⁷⁸ Официальный сайт Саратовской городской Думы. Николай Островский поможет саратовцам пройти медицинское обследование. [Электронный ресурс]. URL: http://www.saratovduma.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=4151

дискурса, а «Единая Россия» стала использовать данный механизм как важнейший элемент своей предвыборной компании. Исходя из этого изучения первичных выборов имеет как научное, так и прикладное значение.

Как мы уже отметили выше, политические партии используют разнообразные методы отбора и выдвижения кандидата. Самый простой способ типологизации способов отбора кандидата заключается в использовании критерия инклюзивности селектората. Использование партией первичных выборов представляет собой высокий уровень инклюзивности, выдвижение кандидатов съездом партии – средний уровень, а выдвижение кандидатов с помощью решений центрального партийного бюро или единоличным решением лидера партии – низкий уровень инклюзивности. Отметим, что существуют иные критерии типологизации и соответствующие им типы методов отбора кандидатов, однако для целей исследования и необходимого теоретического абстрагирования мы воспользуемся обозначенной выше простой типологией. Однако и сами первичные выборы, используемые партиями для отбора кандидатов, крайне различаются. В зависимости от того, кто имеет право голосовать на первичных внутрипартийных выборах различают открытые, закрытые и смешанные первичные выборы.

Если центральный лидер партии или центральный партийный аппарат монополизируют право отбора и выдвижения кандидатов, то такой способ нельзя считать противоречащим принципам демократии в том случае если само высшее руководство партии наделено подобными полномочиями с помощью демократических процедур делегирования власти.

Российские политические партии долгое время использовали централизованные методы отбора и выдвижения кандидатов. Обобщая их опыт в деле выдвижения на выборы депутатов Государственной Думы РФ данный процесс можно описать следующим образом. Местные отделения партий на своих конференциях определяли списки кандидатов и отправляли их на согласование в центральный аппарат партии. Если у центрального аппарата не возникало возражений, то список утверждался. При возникновении разногласий преимущество оставалось за центральным аппаратом. Совокупные региональные списки вместе с общефедеральной частью формировали итоговый список партии. Несмотря на то, что избирательная система, используемая на выборах депутатов Государственной Думы в России, изменялась от смешанной к пропорциональной и обратно, общая логика процесса выдвижения и отбора кандидатов российскими партиями не изменялась и носила ярко выраженный централизованный характер.

Кенич Блаженка (РУДН, Москва)

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ В ЭПОХУ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН

В эпоху глобализации и больших геополитических перемен, в силу своей экономической неразвитости и ряда других проблем, страны бывшей Югославии не имеют возможности быть в экономической и другим видам изоляции. Основным направлением процесса интеграции всех южнославянских государствах является ЕС. На пути европейских интеграций Сербии, Боснии и Герцеговины, Черногории и Македонии встречается множество препятствий, особенно учитывая масштабы их внутренних проблем.

После краха социалистического государства, ориентированного на коллективистскую систему ценностей, шесть стран, только получивших свою независимость, начали строительство своего государственного строя, изменив свою геополитическую и идеологическую ориентацию. У этих стран начался сложный путь демократического

транзита и европейских интеграций, а успешнее всех на этом пути показали себя Хорватия и Словения, которые уже являются членами ЕС.

Дейтонские соглашения были подписаны в 1995 году и начался период консолидации многосторонних отношений на Балканах. В этот период создан Процесс сотрудничества юго-восточной Европы (PSJE/SEECP), который представляет собой площадку для сотрудничества в этом регионе. В рамках Процесса сотрудничества юго-восточной Европы ежегодно проводятся встречи министров иностранных дел, с целью улучшения межгосударственного сотрудничества. Членами этой организации являются: Албания, Греция, Сербия, Болгария, Черногория, Румыния, Македония и Турция. Хорватия и Босния и Герцеговина в этот период входили в Процесс сотрудничества юго-восточной Европы как страны наблюдатели.²⁷⁹

Территория бывшей Югославии представляет собой регион, в котором страны, получившие свою независимость, до сих пор ищут свою идеологическую и геополитическую идентичность и свое место в системе международных отношений.²⁸⁰ Процесс их интеграции в ЕС, НАТО и другие альянсы представляет собой вызов не только на политическом, но и на техническом уровне.²⁸¹

Большинство балканских государств уже стали членами НАТО союза. Хорватия и Албания присоединились НАТО в апреле 2009. Македония была принята в Акционный план НАТО (МАРА), представляющий собой увертюру для членства в этой организации в 1999 году, но спор Македонии по поводу названия, который обострился с Грецией, блокировал процесс ее интеграции. Черногория была принята в Акционный план НАТО (МАРА) в декабре 2009 года, а Босния присоединилась МАРА в апреле 2010. Сербия только вступила в Партнерство для мира, представляющее собой военную и политическую программу НАТО, целью которой выступает военное сотрудничество с европейскими странами, еще не вступившими в этот союз.

В декабре 2007 года Народная скупщина Сербии объявила свою нейтральность по отношению ко всем существующим военным альянсам. Провозглашение ее нейтральности связано с событиями на Косово и решением России признать независимость Косово в случае, если Сербия вступит в НАТО.²⁸²

Влияние России на Западных Балканах за последних несколько лет усилилось не только в Сербии и Республике Сербской, но и в других странах бывшей СФРЮ. Геополитические интересы России на Балканах не представляют собой помеху их интеграции в ЕС.

Страны бывшей Югославии имеют множество геополитических вызовов, но интеграция в региональные и глобальные экономические и политические союзы для них представляет собой главный внешнеполитический интерес. Несмотря на такие проблемы, как конфликт между Македонией и Грецией, отношения Приштины и Белграда, внутренняя политическая нестабильность Боснии и Герцеговины и т.д.

²⁷⁹ Knežević Saša, Nikola Zečević “Multilateralne inicijative na Balkanu u razdoblju između 1995. i 2015. godine” *Međunarodne studije*, god. 15, br. 2, 2015, str. 31-43

²⁸⁰ Soeren Keil, Stahl Bernhard “The Foreign Policies of Post-Yugoslav States. From Yugoslavia to Europe” Palgrave Macmillan UK 2014

²⁸¹ Plenta Peter, Preljevic Hamza “Challenges of the Integration Process of Bosnia and Herzegovina towards the NATO Membership” *Second Sarajevo International Conference on Social Sciences Journal* 2016

²⁸² Knežević Saša, Nikola Zečević “Multilateralne inicijative na Balkanu u razdoblju između 1995. i 2015. godine” *Međunarodne studije*, god. 15, br. 2, 2015, str. 31-43

ФЕНОМЕН «THE KOREAN WAVE» КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Изучение «мягкой силы» приобретает всё большее значение как в отечественной, так и мировой науке. Заложённая Дж. Наем концепция и понятийный аппарат прочно вошли в научный лексикон, несмотря на незавершённость формулировок. С другой стороны, данный фактор указывает на актуальность проблематики и процесс развития данного научного направления.

В одном из последних исследований по вопросу «мягкой силы» указывается, что: «Мягкая сила становится сегодня для многих стран ключевым инструментом влияния на политический процесс в странах, представляющих для них интерес...»²⁸³.

В связи с данными условиями (в совокупности с глобальным увеличением роли Азиатско-Тихоокеанского региона) требуется углублённое изучение, а также переосмысления всего Восточного направления отечественной науки. Вопрос безопасности Корейского полуострова является ключевой проблемой Северо-Восточной Азии и одной из важнейших геополитических проблем Азиатско-Тихоокеанского региона в целом (наряду с проблемой статуса Тайваня и Индо-Пакистанским противостоянием).

Прошедшие с распада социалистического блока годы радикально изменили баланс и расстановку сил на Корейском полуострове и вокруг него. Долгие годы проблема находилась в замороженном состоянии, однако на данный момент (со времени вступления в полномочия президента Дональда Трампа) ситуация перешла в нестабильное состояние. В связи с этим, особое внимание стоит обратить на инструментарий «мягкой силы», применяемый основными участниками противостояния (КНДР и РК) и те исследования, которые ей посвящены в отечественной науке. При этом стоит отметить, что в данной работе речь будет идти о феномене «The Korean Wave» – южнокорейском варианте реализации «мягкой силы».

При этом необходимо отметить такой фактор – на момент конца 1980-х годов «образ» Республики Корея был немногим лучше, чем у её северного соседа. Экстраполируя введённое В.Г. Ивановым понятие «потенциальная мягкая сила»²⁸⁴, можно сделать вывод, что образ Республики Кореи – ненамного лучший, чем у КНДР к концу 1980-х гг. начиная с Сеульской олимпиады 1988 года, а также дальнейшим развитием «корейской волны» полностью изменился. И на данный момент, установленным является факт того, что Республика Корея воспринимается в мире однозначно более приятным государством, чем КНДР. Так, мягкая сила в случае Республики Кореи проявляется в двух аспектах: 1) пример успешной модернизации и продолжающееся технологическое развитие; 2) «корейская волна» - тесно связанный с первым аспектом, пример культурной экспансии широкого масштаба.

Корейская волна в корне изменила восприятие и общий национальный образ Южной Кореи. Изначально корейская волна была простым культурным явлением в конкретном регионе, однако рост и влияние значительно превзошли ожидания. Сегодня, Корея имеет, возможно, одну из самых больших историй национального успеха XX в.²⁸⁵

²⁸³ Иванов В. Г. «Рейтинговая сила» («Charts Power») как инструмент политического и экономического влияния: концептуальный анализ, стратегии использования и модели противодействия: дис. д-ра полит. наук. РУДН, Москва, 2016. С. 43.

²⁸⁴ Иванов В. Г. «Потенциальная мягкая сила» как ресурс внешнеполитического влияния // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2016. – № 4.

²⁸⁵ Бураев Д. М., Гармаханов М. Ц. Корейская волна и мягкая сила. Стратегия развития и распространения // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. - № 8 (1).

«ГОНКА ИНТЕГРАЦИЙ» КАК ФОРМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Запуск в начале 2015 года Евразийского экономического союза (ЕАЭС) стал не только важным этапом в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве, но и во многом обнаружил значительный конфликтный потенциал в регионе.

В первую очередь это касается деятельности крупнейших региональных игроков, одним из которых является Европейский Союз (ЕС). Становление и развитие ЕАЭС, ставшего альтернативным центром притяжения, неизбежно привело к усилению конкуренции с ЕС, долгое время являвшегося единственным полноценным интеграционным проектом.

Одним из основных направлений этой конкурентной борьбы стало начало так называемой «гонки интеграции» - соперничества двух интеграционных образований, выразившегося в попытках привлечь на свою сторону бывшие постсоветские государства, используя для этого экономические и «мягкосиловые» ресурсы.

Наиболее ярко она проявила себя в 2013-2014 годы, что было обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, появлением специальных интеграционных механизмов и проектов (*special purpose vehicles*). В качестве примера можно привести запуск программы ЕС «Восточное партнерство» (ЕРА), направленной на интеграцию ряда стран постсоветского пространства.²⁸⁶ Она стартовала еще в 2009 году, однако наиболее заметной динамики достигла в 2013-2014 годах на фоне подписания договоров об ассоциации с Грузией, Молдовой и Украиной.

Во-вторых, активизацией действий по реализации евразийского интеграционного проекта. Во многом это связано не только с образованием экономического союза - ЕАЭС на базе функционировавшего с 2010 года Таможенного Союза (ТС), но и расширением его членской базы за счет включения новых стран-членов (Армения, Кыргызстан).

В-третьих, усилением фактора «третьей силы»: активизацией деятельности крупных глобальных игроков на постсоветском пространстве (в частности, запуск Китаем программы «Один пояс-один путь»).

При этом «гонка интеграций» между ЕС и ЕАЭС продемонстрировала разность подходов к вопросу о механизмах интеграции. Если в случае с ЕАЭС речь шла о прямой инклюзивности - предоставлении статуса стран-членов, то ЕС предпочитал использовать косвенную инклюзивность - создание институциональной базы, направленной на распространение норм и правил ЕС (*acquis communautaire*).

Главным итогом «гонки интеграций» между ЕС и ЕАЭС стало наращивание конфликтного потенциала, что в конечном счете привело к «замораживанию» контактов между двумя интеграционными структурами на фоне разразившегося «украинского конфликта».²⁸⁷

В условиях отсутствия должной институционализации (четко разработанный правил и механизмов взаимодействия) это порождает угрозу возможного возобновления «гонки интеграций», которая может принять несколько иной характер.

Речь в данном случае идет не только о конкуренции за пока еще «не определившиеся» страны постсоветского пространства (в частности, Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан), но и активном использовании политики «интеграционного прозелитизма» -

²⁸⁶ В частности, речь идет о шести постсоветских государствах – Азербайджане, Армении, Беларуси, Грузии, Молдове и Украине.

²⁸⁷ Поводом для последнего стали не только жесткая позиция как ЕС, так и ЕАЭС (в то время ТС) по вопросу об интеграции Украины, но и заметное усиление геополитических рисков, на фоне усиления противостояния России и странами Запада.

«переманивании» в другой «лагерь» тех или иных стран-членов. В настоящее время уже имеются определенные предпосылки этого в отношении ряда стран-членов ЕАЭС.²⁸⁸

При этом в случае возобновления «гонки интеграций» между ЕС и ЕАЭС нельзя исключать, что она будет носить не только экономический и «мягкосиловой» характер, но и в ней будут задействованы более «жесткие» формы. Во многом это обусловлено сохраняющимися высоким конфликтным потенциалом и геополитическими рисками на постсоветском пространстве.

Вероятность реализации сценария возобновления «гонки интеграций» между ЕС и ЕАЭС в настоящее время можно оценивать как умеренную в условиях отсутствия достаточных ресурсов у сторон для ее осуществления в полном объеме. Тем не менее, в случае усиления основных факторов, в числе которых можно отметить действия основных игроков, динамику экономических и политических процессов, действие фактора «третьей силы», а также рост геополитических рисков нельзя исключать того, что сценарий возобновления «гонки интеграций» в конечном счете будет реализован. И это неизбежно повлечет за собой изменение сложившегося status quo на постсоветском пространстве.

Климова Д.Д. (МГИМО МИД России, Москва)

ТЕНДЕНЦИИ РЕКРУТИРОВАНИЯ И РОТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КЛАССА ФРАНЦИИ В ПЕРИОД ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ

В 1958 году произошла смена конституционных основ французского государства. Франция перешла от Четвертой республики к Пятой, которая существует и по сей день. Создатели новой конституции, постаравшись митигировать негативные стороны старой политической системы, в частности постоянную парламентскую борьбу, которая заводила в тупик принятие сущностных решений и в конце концов привела к гражданской войне в Алжире. Новая конституция закрепила президентскую республику, с гибкой системой сдержек и противовесов, которая в специализированной литературе получила название «премьер-президентская республика». Кроме того, была значительно усилена роль исполнительной власти: правительства над парламентом, административного класса над депутатским корпусом.²⁸⁹

Партийная система после трансформации типа республики от парламентской к президентской претерпела значительные изменения.²⁹⁰ От многочисленных и часто нестабильных партий, французская партийная система перешла к состоянию с двумя полюсами: Социалистической партией – слева и партией Республиканцев – справа.

Система политического образования и повышения квалификации в политической сфере концентрируется вокруг Национальной школы Администрации, которая была создана для создания корпуса профессиональных управленцев в различных сферах экономики в послевоенное время.

Сфера политических медиа выступает одновременно как цель и средство для политического процесса Франции. Французские политические медиа помогают нужным образом осветить политическую борьбу и одновременно является ареной для публичной партийной борьбы.

²⁸⁸ В качестве примера можно назвать не только подписание Казахстаном и ЕС соглашения о расширенном сотрудничестве и партнерстве в конце 2015 года, а также завершившиеся в апреле 2017 г. переговоры между Арменией и ЕС о заключении нового партнерского соглашения, но и снятие в начале 2016 г. действовавших с начала 2000-х санкций ЕС в отношении Беларуси.

²⁸⁹ Арзаканян М.Ц.. Политическая история Франции XX века: Учеб. Пособие. – М.: Высш. шк., 2003.

²⁹⁰ Birnbaum, P. Les Sommets de l'État. Essai sur l'élite du pouvoir en France. - Paris : Seuil, 1977.

Институт презентации организованных интересов во Франции не является до конца формализованным. Наиболее притягательной сферой для лоббистов является исполнительная ветвь власти, однако основное регулирование лоббистских практик наблюдается в законодательной.

Институциональная среда политического процесса представлена ядром политической системы – системой органов государственной власти, ее территориальной импликацией – системой административно-территориального деления и ее процедурной составляющей – электоральной системой. Важнейшую роль на ход политического процесса оказывает партийная система, система профессионального образования, политических медиа и института презентации организованного интереса. Французский политик, как правило, утверждает в профессии в одной из этих подсистем и взаимодействует с каждой из них, что определяет его карьерный путь, механизмы рекрутирования и ротации.

Единого механизма рекрутирования и ротации политического класса Франции не существует, однако возможно выделить определённые паттерны входа в политический класс и политической профессионализации:

Система образования является важнейшим механизмом вхождения в политический класс (для первичного рекрутирования в качестве советника/помощника/ассистента; для вторичного рекрутирования – с повышением политической должности), продвижения по карьерной лестнице любой из ветвей власти, а также эффективного продвижения (в случае экономических кругов) партикулярных интересов.

Партийный путь является одним из самых распространенных несмотря на меньшую системную значимость депутатского корпуса по сравнению с административным классом.²⁹¹

Вхождение в политический класс через административную бюрократию представляет еще один паттерн. Он не такой быстрый как партийно-депутатский, однако более стабилен, поскольку зависит скорее от выслуги лет, нежели персональных качеств функционера.

Личное знакомство является паттерном рекрутирования, но как правило накладывается на один из предыдущих факторов: образование, партийную принадлежность или управленческий опыт, – в рамках которого кандидат на замещение места в политическом классе проявил себя с лучшей стороны.

Ковалёв В.А. (СГУ, Сыктывкар)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ПРОИГРЫШ В «ИГРЕ БЕЗ ПРАВИЛ»

Последние годы в РФ отмечены возбуждением уголовных дел и арестами ряда руководителей субъектов федерации: губернаторов и глав республик, которые стали заметно более частым явлением. Наиболее резонансными делами стали дела А.Хорошавина (Сахалинская обл.), В.Гайзера (Коми), Н.Белых (Кировская обл.), Л.Маркелова (Марий Эл), А.Соловьева (Удмуртия) и др.

Вряд ли стоит сводить все к переключению внимания перед выборами и демонстрацию борьбы с коррупцией, то есть рассматривать эти дела лишь в рамках конкретных политических проблем власти. Мы не видим особого смысла рассматривать эти аресты и сопутствующие скандалы только в правовых терминах и в русле кампании «по борьбе с коррупцией» или «принуждения к закону». Кампания по посадке губернаторов действительно есть, коррупция, естественно, тоже, но раньше на нее не правоохранители «закрывали глаза».

С одной стороны, сами по себе аресты вполне лояльных к «вертикали» губернаторов вызывал немалое удивление. В этом то и стояло «нарушение правил» уже сложившихся в рамках криминально-политической игры «элит». Эти элиты делили ренту, которую с

²⁹¹ Лапина Н.Ю. Политические институты России и Франции: традиции и современность: Сб. науч. Трудов. – М.: ИНИОН РАН, 2014.

определенного периода (после спада нефтяных цен, растущих военных расходов, «распилов» на олимпиаде и «зенит-аренах») стало заметно не хватать. В условиях, когда «естественное государство» блокирует источники производительности и новаций (так как это грозит изменениями в распределении сложившегося баланса власти), единственным и самым понятным выходом для элиты было сокращение участников коалиции элит, присваивающих ренту. Выбор пал на губернаторов, как наиболее «слабые звенья» такого коалиционного альянса, невзирая на политическую риторику и формальные электоральные результаты.

Изменение этих «правил» требует также особого подхода (вне риторики «борьбы с коррупцией» и т.п., и, на наш взгляд, может быть адекватно описано в рамках различия «открытого доступа» и так называемого «естественного государства», предложенного Д.Нортом и его коллегами (1). Сам же переход к порядку открытого доступа, который в разной степени совершили развитые страны, по мнению авторов-неоинституционалистов, должен включать в себя три предварительных условия: «Подчинение элиты верховенству закона, или равенство всех перед законом, существование бессрочных (постоянных) организаций, которые не зависят ни от государства, ни от конкретных личностей, и, наконец, консолидированный контроль над вооруженными силами и технологиями разрушения и насилия, что предотвращает саморазрушение и деградацию такого порядка» [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2001, с. 11]. Напротив, модель ограниченного доступа в «естественном государстве» среди прочего характеризуется «политическим устройством, которое не основывается на общем согласии граждан..., господством социальных отношений, организованных при помощи личных связей, включая привилегии, социальные иерархии, законы, которые применяются не ко всем одинаково, незащищенные права собственности и пр. [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2001, с. 54].

В чем же чаще всего обвиняют «криминал-губернаторов» и связанных с ними лиц (а также глав администраций МО, которые в большинстве своем также перестали избираться населением). Как правило, это коррупция, взятки, незаконный «отжим» собственности, накопление незаконно присвоенных ценностей, манипуляции с государственной и муниципальной собственностью, выдача лицензий и разрешений «своим людям» и т.д., и т.п.. То есть, налицо, борьба за ренту в логике естественного государства. Но при этом в законодательстве имитируются многие нормы цивилизованных стран («открытого доступа») с единым правовым стандартом и формально эти законы можно использовать в случае, если против кого-то требуется возбудить громкое уголовное дело в рамках кампании «по борьбе с коррупцией». Имеют место и противоречия между региональными и федеральными группировками, но «региональные элиты» во-многом потеряли субъектность, согласившись (из тактических соображений) на отмену прямых губернаторских выборов и далее лишь теряли свои позиции. Даже для самых влиятельных региональных лидеров это обернулось поражением (вспомнить отставку Ю.Лужкова, произошедшую с потрясающей легкостью, или нынешнее наступление на банковскую систему Татарстана). Так что считать сейчас региональных лидеров важной стороной разворачивающегося конфликта довольно трудно, скорее, «жертвы губернаторов» - это следствие другой игры.

Более вероятно, что идет борьба за оставшиеся куски ренты между силовыми ведомствами. Для «естественных государств» характерно противостояние или коалиция именно «специалистов по насилию». Изначально, в остальном, они определяют контроль за рентой. Или же пресловутые «силовики» возвращают себе этот контроль, в ситуации, когда прежняя коалиция распадается, а условий для свободной конкуренции и эффективного контроля над самими «силовиками» нет. Борьба «специалистов по насилию» за перераспределением ценностей и ренты, а также усилия по поддержанию баланса между «силовиками» и их «вассалами» и составляет основное содержание политического процесса, в том числе, и нашем варианте «естественного государства». Региональная политика и выборы играют при этом вспомогательную роль. При сокращении ренты стимулы, которые раньше сдерживали взаимное насилие, ослабли и это способствовало развязыванию ряда войн между «силовиками», сопровождаемыми эффектной телекартинкой.

Итак, в субъектах РФ возникла уже целая подборка бывших губернаторов, против которых были возбуждены уголовные дела по обвинению в коррупции и тому подобное. Феномен «криминал-губернаторов» мы бы связали связывается с политическими и экономическими особенностями «закрытого доступа», когда в отношении элит и населения не действует единый правовой стандарт. «Борьба против коррупции» в этом случае является средством перераспределения ренты.

Кожевников М.Н. (РГСУ, Москва)

МОЛОДЕЖНЫЕ СПОРТИВНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Многонациональность народов России и периодически возникающие внешние угрозы целостности государства ставят перед руководителями страны многочисленные задачи по поддержанию внутренней консолидированности граждан. Идея патриотизма и патриотически настроенной личности является ключевым фактором в решении этих вопросов, поэтому развивать и воспитывать общество в этом ключе необходимо на всех уровнях жизнедеятельности человека.

Патриотическое воспитание имеет несколько направлений и использует различные методы для формирования таких черт личности, как любовь к Отчизне, служение своему народу и верность семейным ценностям, оно приближает человека к историческим корням и исповедует мысль о равенстве людей по национальному принципу. Одним из направлений патриотического воспитания является спортивно-патриотическое.

Спортивное воспитание является частью общей системы жизнедеятельности и служит укреплению здоровья и морального состояния человека, подготавливая его к решению не только спортивных, но и общественно-значимых задач, направленных на укрепление государства. Поэтому в рамках спортивного воспитания необходимо учитывать так же и патриотический аспект, включать в программу тренировок обязательные просветительские занятия от самых простых в виде беседы, до более сложных - соревнования, коллективные выезды на мероприятия.

В процесс работы по патриотическому воспитанию должны быть включены все уровни образовательной цепочки затрагивающие различные министерства, региональные власти, область подготовки спортивных специалистов, работающих с молодежью, а в последствии и самих воспитанников молодежных спортивных секций.

Не только спорт высших достижений может стать опорой для патриотического воспитания, любой человек, заинтересованный в здоровом образе жизни должен попадать в среду, которая будет способствовать укреплению его социальных связей, закалять дух и воспитывать высокие моральные ценности, сформированные таким образом, что любая его деятельность, направленная на самосовершенствование будет идти на пользу государству в том числе.

Будущее спорта находится в руках молодежи, которая увлекается не только традиционными, но и альтернативными видами спорта и киберспортом, это привлекает дополнительную аудиторию для работы с подрастающим поколением и расширяет возможности для ведения патриотической воспитательной работы среди наиболее активных групп граждан, использующих современные средства коммуникации.

Спорт и спортивные организации на разном уровне способствуют не только физическому и умственному развитию жителей нашей страны, а так же способны сформировать целостную патриотически настроенную личность, используя разные методики не только из арсенала спортивного образования, но и из других направлений патриотического воспитания.

Патриотическое воспитание расширяет каналы взаимодействия со своей аудиторией за счет новых средств коммуникации и новых групп лиц, которые могут быть заинтересованы в успешном будущем нашего государства.

Козлова Н.Н. (ТвГУ, Тверь)

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН В РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛЕГИСЛАТУРАХ РФ: ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В год столетия обретения российскими женщинами избирательных прав актуальным является изучение представительства женщин в представительных органах власти. Сбор и анализ статистических данных о женщинах-депутатах региональных парламентов был осуществлен в январе–августе 2016 г. Для депутатского корпуса региональных парламентов РФ характерен низкий уровень представленности женщин – 588 женщин или 14,3%. Процент представленности женщин-депутатов региональных парламентов РФ существенно варьируется: от 2,2% (Республика Дагестан) до 41,6% (Чукотский автономный округ). Избранные по пропорциональной избирательной системе депутатки (385 женщин или 65,5%) преобладают над теми, кто получил свой мандат от избирателей мажоритарного округа (203 женщины или 34,5%). Партийная принадлежность женщин-депутатов региональных парламентов РФ такова: от Единой России было избрано 445 (75,7%) женщин, от КППРФ – 58 (9,9%), от Справедливой России – 44 (7,5%), от ЛДПР – 23 (3,9%), от движения «За женщин России» – 1 (0,17%), от партии «Зеленые» – 1 (0,17%), от общественной организации «Моя Москва» – 6 (1,02%), от «Патриотов России» – 3 (0,5%), от «Гражданской платформы» – 1 (0,17%), от «Яблока» – 6 (1,02%) женщин. Электоральный успех женщин-кандидатов от партий непосредственно связан с их статусом в данных политических организациях: 147 (25%) женщин занимают руководящие позиции в партиях, однако в региональном депутатском корпусе РФ только 33 (5,6%) женщины являются руководителями партийных фракций.

Распределение мест и должностей в региональных парламентах РФ выглядит следующим образом: 10 (1,7%) женщин – председатели парламентов, 28 (4,7%) женщин – заместители председателей парламента, 139 (23,6%) женщин – председатели профильных комитетов, 137 (23,2%) женщин – заместители председателей комитетов. Женщины-депутаты стремятся получить должность на профессиональной основе: перед избранием в текущий состав парламентов на постоянной основе работало 83 (14,1%) женщины-депутата, а после избрания – 220 (37,4%) женщин-депутатов.

Траектории политических биографий женщин-депутатов региональных парламентов РФ свидетельствуют, что их политический опыт формируется примерно в равной степени из следующих источников: 135 (23%) женщин-депутатов начали свою политическую карьеру с представительных органов местного самоуправления, 101 (17,1%) женщин-депутаток имели опыт государственной и муниципальной службы, 132 (22,4%) женщин-депутатов в качестве политического ресурса использовали общественные организации.

Женщин-депутатов региональных парламентов РФ характеризует высокий образовательный ценз: 576 (98%) имеют высшее образование, 12 (2%) – среднее. В депутатском корпусе региональных legislatures насчитывается 209 (35,5%) женщин с базовым педагогическим образованием, 84 (14,3%) женщин с экономическим и медицинским образованием, 47 (8%) женщин с инженерным и юридическим образованием. Незначительное число женщин-депутатов имеют образование в области искусств – 19 (3,2%); журналистское образование и диплом по «Государственному и муниципальному управлению» получили 12 (2%) женщин. Другие профили образования представлены в своих профессиях единично. Профессиональная принадлежность женщин-депутатов в основном

соответствует их образованию: 113 (19,2%) женщин представляют педагогический корпус, 128 (21,8%) заняты хозяйственной деятельностью, 76 (12,9%) занимают посты на государственной и муниципальной службе, 56 (9,5%) посвятили свою жизнь медицине, 19 (3,2%) работают журналистами. Незначительное число женщин-депутатов выбрали другие поприща.

Женщины включаются в политику в зрелом возрасте: средний возраст женщин-депутатов региональных парламентов на момент избрания составил 50,1 год. В депутатском корпусе РФ преобладают женщины в возрастной категории от 40 до 49 и 50 до 59 лет.

Большинство депутаток замужем и воспитывает детей: в открытых информационных источниках статус «замужем» указали 364 женщины (61,9%), «вдова» – 11 (1,9%), «не замужем» – 15 (2,6%), в «разводе» – 3 (0,5%). Не предоставили никакой информации о своем семейном положении 195 (33,1%) женщин. По данным, представленным в сети Интернет, 380 (64,6%) женщин-депутатов имеют детей, 203 (34,5%) – не информировали электорат по данному вопросу.

Итак, для депутатского корпуса региональных парламентов РФ характерен низкий уровень представленности женщин. Роль депутаток в региональном законодательном процессе незначительная. К женщинам-депутатам региональных legislatures предъявляются высокие требования: депутатка должна быть взрослой замужней женщиной, воспитавшей детей, получившей высшее образование, имеющей опыт успешной профессиональной самореализации в публичной сфере.

Козлова Н.Н., Рассадин С.В. (ТвГТУ, Тверь)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПАЛАТЫ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА: ОПЫТ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ²⁹²

Актуальность исследования общественных палат российских регионов продиктована реформированием гражданского общества в 2000-е гг., появлением институтов публичной политики нового типа, решения которых носят рекомендательный характер, но при этом их финансирование осуществляется за счет государственного/муниципального бюджета. На наш взгляд, инициирование данных институтов (институтов-медиаторов)²⁹³ «сверху» вызвано сокращением количества стейкхолдеров на политическом поле, прежде всего политических партий. Целенаправленный курс на активизацию общественного сектора, некоммерческих организаций привели законодателя к идее создания общественных палат, правовые основы деятельности которых были заложены в Федеральном законе от 04.04.2005 N 32-ФЗ «Об Общественной Палате РФ»²⁹⁴. Первый Закон Тверской области «Об Общественной палате Тверской области» был принят 02.10.2008 (N 96-ЗО) (на данный момент действует закон, принятый 01.10.2014 N 70-ЗО с изменениями от 05.05.2017 (N 33-ЗО)).

Изучая опыт работы Общественной палаты Тверской области (далее – ОПТО), важно отметить, что уже в первом законе региональный законодатель видел в перспективе развитие данного института гражданского общества и наделил ОПТО правом законодательной

²⁹² Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ №17-03-00328 «Институты и практики взаимодействия власти, экспертного сообщества и общественных организаций в российских регионах» (рук. Евстифеев Р.В., ООО «РАПН», <http://www.rfh.ru/downloads/2017/all.pdf>).

²⁹³ Сунгуров А.Ю., Захарова О.С., Петрова Л.А., Распопов Н.П. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт // Полис. 2012. № 1. С. 165–178.

²⁹⁴ Козлова Н.Н., Тарковский И.С. Правовые основы деятельности Общественной палаты РФ: анализ потенциала влияния института на формирование публичной политики // Социально-политические процессы в меняющемся мире: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Н. Козловой. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. Вып. 17. С.60–67.

инициативы. С 2009 по 2017 гг. ОПТО была созвана три раза: первый созыв (2009–2011), второй созыв (2012–2015), третий созыв (2015–2018). За данный период изменились количество членов ОПТО (с 45 до 36), комиссий, партнеров ОПТО, а также направления и формы взаимодействия с органами государственной власти и МСУ, НКО, гражданами.

С самого начала своей деятельности ОПТО позиционировала себя как «рупор общественного мнения», «канал связи между гражданами, их общественными организациями и властью»²⁹⁵. Законодатель определил обширный спектр форм и направлений работы ОПТО. Проведенный нами анализ деятельности ОПТО показывает, что она стремится в равной мере охватить все направления и применять разнообразные формы работы. Масштаб деятельности ОПТО с 2009 г. существенно вырос: помимо стандартных форм деятельности, таких как пленарные заседания и заседания комиссий, ОПТО организует работу «горячих линий», прием граждан, разбирает их письменные обращения, проводит Дни ОПТО в муниципальных образованиях, выездные заседания, добровольческие акции, «круглые столы», форумы, научные исследования и мониторинги социальных проблем, разрабатывает законопроекты, занимается их экспертизой, участвует в работе органов государственной власти региона и МСУ, общественных советов, осуществляет организационную, методическую, образовательную помощь НКО, ведет активную информационную политику и т. д. ОПТО является на данный момент системным игроком на поле региональной публичной политики.

В целом направления в развитии ОПТО и ее деятельности коррелируют с изменениями внутренней и внешней политики РФ. В работе второго и третьего состава ОПТО очевидны ориентиры на развитие волонтерского и добровольческого движения, поддержку социально ориентированных НКО, патриотических, нравственно-ориентированных проектов. ОПТО активно позиционирует себя в политическом поле, выступая с осуждением митингов на Болотной площади²⁹⁶, ювенальной юстиции²⁹⁷, демонстрируя приверженность традиционным ценностям, ориентируясь на «конструктивный диалог» с органами власти²⁹⁸.

Итак, ОПТО является частью широкомасштабного проекта по консолидации гражданского общества «сверху». Данный институт в региональном пространстве способствует вовлечению и активизации тех общественных сил, которые готовы встраиваться в коммуникацию по продвижению социально ориентированных проектов. В научно-практическом плане важно выработать критерии эффективности данного института.

Кольба А. И. (КубГУ, Краснодар)

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДСКИМИ КОНФЛИКТАМИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ²⁹⁹

Городские конфликты рассматриваются нами, как столкновение интересов различных акторов, действующих в рамках городского сообщества по поводу проблем локального уровня, формирующихся в его социальном пространстве. Они представляют собой системное явление как с точки зрения факторов возникновения (наличие в городском сообществе сегментов с разнонаправленными интересами, ограниченность ресурсов развития города,

²⁹⁵ Суслов В.А. У Общественной палаты есть значительный потенциал // Вестник Общественной палаты Тверской области. 2009. №1. С. 1.

²⁹⁶ Выборы 2011// <http://www.optver.ru/news/663-2011-12-09>

²⁹⁷ Итоги работы Общественной палаты за 2009-2011 гг. // <http://www.optver.ru/news/813-2012-02-02>

²⁹⁸ Обращение Председателя Общественной палаты Тверской области // Вестник Общественной палаты Тверской области. 2011. №8. С. 1.

²⁹⁹ Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-03-00402 «Политическое управление городскими конфликтами в РФ: акторы, стратегии, институциональные основания».

проблемы коммуникаций между властью и горожанами и др.), так и с позиций взаимодействия между субъектами, выбирающими стратегию и тактику поведения в зависимости от ожидаемых действий оппонентов.

Мы исходим из того, что «понять конфликты можно, лишь принимая во внимание те оперативно значимые правила, в соответствии с которыми несовместимые притязания или намерения производятся внутри определенной системы действий»³⁰⁰. Конфликт также является проявлением противоречия, механизмом формулирования и артикуляции своих интересов и потребностей, механизмом обратной связи³⁰¹. В рамках проводимых исследований городских конфликтов системность их анализа рассматривается в качестве одного из главных методологических ориентиров наряду с функциональностью конфликтов, их принципиальной неустранимостью из социального пространства города, возможностью управления ими.

Исходя из этих принципов, необходимо выделить следующие исследовательские проблемы, представляющиеся наиболее актуальными:

- определение значимости факторов, влияющих на возникновение городских конфликтов;
- выявление основных субъектов городских конфликтов и механизмов их взаимодействия;
- исследование конструктивных и деструктивных последствий городских конфликтов;
- изучение форм развития городских конфликтов и условий, влияющих на их протекание в той или иной форме;
- выявление механизмов и способов управления городскими конфликтами и зависимость их использования от институциональной среды, а также направленность их использования;
- оценка эффективности внутренних и внешних коммуникаций конфликтующих групп;
- рассмотрение форматов и интенсивности их освещения в информационном пространстве.

Получение эмпирических данных по выделенному спектру проблем и их последующий анализ дают возможность раскрыть как сущность городских конфликтов, так и особенности управленческих взаимодействий между их основными участниками, связанные с институциональными условиями конфликтования и спецификой представлений о конфликтных ситуациях. В сентябре 2017 г. на основании выделенных нами методологических ориентиров рабочей группой проекта «Политическое управление городскими конфликтами в РФ: акторы, стратегии, институциональные основания» проведено эмпирическое исследование, базирующееся на данных экспертного опроса, проведённого в трёх крупных региональных центрах России: Ярославле, Воронеже, Краснодаре. Результаты которого будут представлены в докладах конференции и ряде научных статей.

³⁰⁰ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. - М.: Праксис, 2010. С. 124.

³⁰¹ Соколов А. В. Городские конфликты в российской политической практике // Путь в науку: социально-политические науки. Материалы V Международной молодежной научно-практической конференции. - Ярославль: ООО «ЦМИК», 2016, С. 89.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ: ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Основной социально-политической тенденцией XXI века является урбанизация. Этот процесс, несмотря на присутствие противоположного – субурбанизации, в настоящее время все-таки преимущественно однонаправленный. По экспертным оценкам к 2030 году 60% населения Земли будет жить в городах³⁰². В России за последние 100 лет доля городского населения увеличилась более чем в 4 раза: с 17,5% в 1914 году, до 74,2% в 2014³⁰³. Человеческие, экономические, финансовые ресурсы, коммерческая, культурная и политическая жизнь концентрируются в городах и городских агломерациях.

Центральной вопросом управления на местном уровне становится качество взаимодействия с населением. Власть обирается на рудиментарные остатки социальных институтов еще советской эпохи, либо на имитационные механизмы территориального общественного самоуправления, наполненные имитационным содержанием. Цель нашего исследования – выявить проблемы, мешающие построить конструктивный диалог между обществом и властью на местном уровне.

В городских агломерациях сложно структурированная стратификация и низкая гомогенность населения. Дифференциация локальных сообществ в городе проходит по многочисленным векторам и интересам: экономические, религиозные, этнические. Поэтому единственной повесткой, которая объединяет и интересуется их всех являются городские проблемы, крайней формой проявления которых является городской конфликт.

Город, в отличие от деревни, это персонифицированное пространство политического. Именно пространство объединяет индивидов в некую политическую общность, смысл существования которой не сводится к простой сумме их интересов, но каждый из них транслирует интересы своего «домохозяйства» («ойкоса»). Согласование интересов возможно посредством политических и социальных институтов. Для формирования локального сообщества в рамках города необходимо обязательное сочетание двух факторов: пространства и идеи. Третье необходимое условие возникновения сообщества – это коммуникация. Коммуникация может быть самостоятельным процессом, которая без пространственно-идейной основы не приведет к возникновению локальных (местных) сообществ. Сообщества появляются синергетически. Стимулировать и катализировать данные процессы возможно, но управлять ими проблематично. Вместе с тем, в условиях растущих агломераций локальные сообщества – это основа гражданского общества и основной ресурс для повышения эффективности местного самоуправления.

Сформулируем проблемы формирования городских сообществ

- Проблема «образа города». Кризис представлений о том, что город – это структура отдельных сообществ, между которыми есть социальные контакты.
- Проблема неконтролируемого роста городов. Миграционный приток при формировании агломераций разрушает традиционную, исторически и культурно детерминированную структуру сообществ.
- Проблема аморфности городского большинства: горожане без городской культуры, не проявляющие себя в публичных формах городской жизни и политики (работа-дом-торговый центр).
- Проблема низкой политической и правовой культуры.

³⁰² Как сделать город удобным местом для жизни // Вестник McKinsey. Режим доступа: <http://www.mckinsey.com/russia/our-insights/how-to-make-a-city-great/ru-ru>

³⁰³ Население России на 1 января 2017 г. // Федеральная служба государственной статистики Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/

- Проблема нового информационного пространства как диалогового канала массовой коммуникации.
- Проблема синхронизации времени. Предполагается, что люди живут в едином настоящем (у них совпадают временные ритмы: они просыпаются, идут за водой, собираются гулять, ложатся спать в одно и то же время), прошлом (у них есть общие воспроизводимые представления о прошлом) и будущем (существуют более или менее единые проекты сообщества на будущее). Рассинхронизация временных перспектив может привести к разрушению сообществ.
- Проблема устаревшего инструментария местной власти в построении диалога с городскими сообществами. Власть находится в другой реальности, взаимодействует с сообществами и структурами гражданского общества обеспечивающих ей поддержку на выборах, но не поддерживает реализуемой политики.

Таким образом, для того чтобы локальные сообщества стали субъектами местной политики, эффективно реализовывали свой общественный интерес посредством политических институтов, необходимо разрешение вышеперечисленных проблем. Отсутствие локальных и общегородских сообществ приводит к дискомфортной городской среде, фрагментации и дисфункциональности общественного интереса, отсутствию и деградации публичной политики на местном уровне.

Комбаев А.В. (Бурятский ГУ, Улан-Удэ)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РАБОЧЕГО ЭМИГРАНТА В БУРЯТИИ

Кто едет и зачем...?

По данным УФМС России по Республике Бурятия на территории республики работают более 2 тысяч иностранных граждан. Это и «патенщики», и иностранные граждане, получившие разрешения на работу, а также эмигранты, которые уже имеют определенный статус, позволяющий им работать в любой отрасли без оформления разрешительных документов. Бурятии отдают предпочтение граждане Азербайджана, Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. Они приезжают работать по патентам. Можно отметить такую особенность, что эмигранты к нам приезжают в основном из бывших республик Советского Союза, что говорит об уже сложившейся схеме эмиграционных потоков, а также об общности социального, культурного, экономического и исторического опыта, который был накоплен в прошлом.

В ходе «пилотного» социологического исследования нами было проведено неструктурированное интервьюирование эмигрантов, экспертный опрос специалистов занимающихся вопросами трудовой эмиграции и анкетирование ста двадцати респондентов.

В первую очередь стоит отметить то, что приехавшие к нам эмигранты в основном представители Средней Азии, поэтому русский язык они знают плохо.

В Бурятии эмигранты достаточно закрытая социальная группа, выйти на них и установить контакт оказалось довольно-таки сложной задачей. Эмигранты с большой опаской идут на контакт, и это можно объяснить тем, что они боятся проверок со стороны полиции и миграционной службы.

Рабочий Араис. А зачем мне с Вами разговаривать, Вы кто и зачем спрашиваете, я работаю никого не трогаю и ничего не нарушаю. Это стандартный ответ, который приходится слышать от эмигрантов.

Патриотизм эмигрантов

Но если постараться стена отчуждения и даже языковые барьеры перестают быть преградой к честным ответам и доверительной беседе. Так эмигранты довольно-таки честно,

на наш субъективный взгляд, отвечают на вопросы. Например, на вопрос о том: «Что, по вашему мнению, означает понятие «Патриот России»?» респонденты ответили, что это человек любящий родину. А при ответе на вопрос: «Считают ли они себя патриотами России?», мнения разделились. Только половина опрошенных эмигрантов сказали, что Россия - это второй дом. Другая половина опрошенных не стали врать и честно сказали, что не питают любви к России в целом и в частности к Республике Бурятия, хотя могли бы уклониться от данного вопроса, но честно ответили *«Мы здесь работаем, а любить не обязательно, потом домой поедем»*.

В ходе исследования стало ясно, что эмигранты на территории Бурятии чувствуют себя в безопасности и живут довольно-таки спокойно. На вопрос: «Могут ли в Республике Бурятия возникнуть конфликты на национальной почве?» 50% ответили «нет», 25% ответили «да» и 25 % затруднились ответить.

Политические взгляды и оценки эмигрантов

В ходе интервьюирования мы выяснили, что политические интересы не распространяются дальше вопросов о том «депортируют на родину или нет» и целом все равно, главное, чтоб спокойно было...

По результатам анкетного опроса 75% мигрантов следят за развитием событий, но им это не интересно, а оставшиеся 25% вообще не интересуются политическими событиями. При этом оказалось, что 62,5% мигрантов поддерживают идеи «Единой России», 25% «КПРФ» и 12,5% никого не поддерживают.

Интересным в этом обследовании для нас оказалось то, что все респонденты без исключения знают, что президентом России является Путин Владимир Владимирович, более того на вопрос: «Деятельность какого политика приведет нашу страну к лучшему будущему?» 75% ответили, что это будет Владимир Владимирович. Показательным и удивительным оказалось то, что 62,5% опрошенных посчитали, что президент Российской Федерации должен исповедовать христианство, но при этом 70 % мигрантов отмечают, что президент Российской Федерации по национальности не обязательно должен быть русским. Что касается того, какую религию должен исповедовать глава Республики Бурятия мнения разделились. Так 70% опрошенных сказали, что глава Республики Бурятия должен исповедовать буддизм, а 25%- христианство. Кстати тех, кто знает главу Республики Бурятия оказалось 60%, а тех, кто знает мэра города Улан-Удэ - 6,25%.

На вопрос о том, хотят ли мигранты принимать участия в политических процессах в Республике Бурятия, влиять на принимаемые политические решения практически все опрошенные ответили, что не хотят.

На вопрос: «Какие Вы знаете политические события, произошедшие в Республике Бурятия в 2015 году?» респонденты ответили, что не знают вообще.

Таким образом, эмигранты, приехавшие в Республику Бурятия, следят за политическими событиями, но прямого участия в политической жизни принимать не хотят по разным причинам. Стараются придерживаться мнения большинства жителей республики по поводу того, какую политическую партию им поддерживать. Если сравнивать политические события федерального и регионального значения, то эмигранты знают и следят больше за политическими событиями федерального значения. Обстановку в Республике Бурятия оценивают в большей степени положительно.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ РЕСУРС В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Интернет - сообщества сегодня контролируют почти все сферы общественной и политической жизни, деятельность государственных и политических организаций. Как показали выборы 2016-2017 гг., социальные сети, сервисы общения, блогосфера обретают все большую силу и влияние, в том числе и на региональном уровне.

В условиях политизации общества Интернет становится принципиально новой инфраструктурой для объединения и обучения сторонников. Основной формой политической активности в сети Интернет становится создание политически направленных групп, сообществ, сайтов, блогов, чатов, форумов, интернет-газет и журналов.

Сегодня сеть стала не просто средой, удобной для коммуникации, но и позволила через объединение пользователей в разнообразных социально-политических группах создать самостоятельное пространство публичного взаимодействия с целью формирования протестной активности.

Как свидетельствует российский опыт подготовки и проведения протестных акций в регионах социальные сети не только могут выступать инструментом распространения информации и организации участников массовых выступлений, но и формировать общественное мнение, влиять на других членов сообщества и выступать мобилизующим фактором. Основанием для такого утверждения могут послужить примеры организации протестных акций и координации такой активности в региональных социальных сетях в период выборов в Федеральное собрание РФ 2016 г., региональные законодательные собрания, губернаторов 2017 г. и начавшихся выборов Президента РФ.

Региональный анализ в «Одноклассниках» и «ВКонтакте» как наиболее популярных в России интернет-сообществах дает нам возможность выявить механизмы объединения акторов в сеть. В соответствии с рядом критериев, основанных на отношении к политическим элитами, партиям и государственным институтам, были определены две большие группы пользователей: «провластная» и «протестная».

В состав группы сторонников власти вошли сообщества, положительно оценивающие деятельность Президента и Правительства: «Патриоты России»; «Русский информационный фронт»; «Политическое обозрение — мы за Путина!»; «Клуб друзей Путина. Путин В.В.»; «Владимир Путин — национальный лидер!»; «Мировое политическое шоу — новости каждый день»; «Там, где мы — там Россия!»; «Мы за Путина! Россия великая держава!»; «Влюбленные в Россию»; «Политика»; «Политика без купюр» и др.

Протестная группа объединила радикальных противников современной власти. «Народовластие»; «Народу — время говорить!»; «Города глазами народа!»; «Партия Свобода и Народовластие»; «Открытая Россия»; «Марш несогласных»; «Добрый человек — жми на эту надпись. Вступай!»; «Проект 1917»; «Сделан в СССР»; «Оппозиция Саратова» и др.

Основным фактором объединения различных сетевых групп и сообществ в условиях уже прошедших выборов в Федеральное и региональные собрания, губернаторов и начавшихся выборов Президента Российской Федерации становится общность политических ценностей и предпочтений, которые выражаются в виде противоположных идеологических конструкций.

Анализ содержания новостных и агитационных материалов, размещаемых в группах, а также на личных страничках участников, дал противоречивые результаты. В группе, лояльно относящейся к современным властным структурам, базовые ценностные предпочтения разделялись большинством членов сети. Они проявлялись в первую очередь в поддержке внутренней и внешней политики Президента, идей консерватизма, русского мира, национальной идентичности, вертикали власти, особой роли России в мировом

политическом процессе, отрицании либерально-демократической идеологии и т.н. «болотной угрозы».

«Протестная» группа характеризуется большим разбродом и шатаниями в ценностных ориентациях как самих сообществ, так и их участников. В данном сегменте встречаются материалы довольно широкого идеологического спектра: от коммунистических, либеральных до националистических. Единственной точкой соприкосновения для данных сетевых групп является критическое отношение к политике Президента и Правительства, представителей властных и бизнес-элит. Это в целом дает возможность наблюдать, анализировать и проводить замеры мобилизационного потенциала социальных сетей. В данном случае примером может служить отношение к результатам прошедших выборов в 2016-2017 гг., недавним акциям в защиту Навального и др.

Вместе с тем идеологические основания не играют важной роли в выборе тех, с кем осуществляются сетевые контакты и взаимодействие через оценки и комментарии событий. Становится понятно, почему более активные и радикально настроенные «протестные» сообщества не демонстрируют на фоне сторонников власти значительно более высоких показателей сплоченности и централизации.

Социальная сеть, не признающая легальность власти, больше ориентирована на достижение конкретных целей в политических кампаниях, т.е. на мобилизацию оппозиционных усилий. Несмотря на хаотичность и неорганизованность, в данной электоральной нише просматривается заметное нарастание оппозиционных настроений по отношению к действующей власти.

Анализ контента и страничек участников групп и сообществ, посвященных современной активизации регионального политического процесса, свидетельствует о том, что размещаемые материалы на сайтах интернет-сообществ выполняют не только организационно-мобилизационную функцию, но и нацелены на распространение информации о прошедших и планируемых форумах, конференциях, митингах, интерпретацию событий и дальнейшую коммуникацию. Таким образом, наблюдается непосредственная взаимосвязь мобилизации социального действия и сетевой активностью пользователей. Интересным представляется тот факт, что мобилизационная активность в одной из групп приводит к мобилизации в другой.

Кононов Р.В. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИДНЕСТРОВСКОГО КОНФЛИКТА

Приднестровский конфликт является довольно продолжительным и довольно сложным для урегулирования, о чем свидетельствуют безуспешные попытки в течение 20 лет решить его. Для его понимания нужно разобраться в особенностях данного конфликта, от которых стоит отталкиваться при его решении.

Одной из важных особенностей приднестровского конфликта было отсутствие ярко выраженного этнического компонента, как это было в случае Нагорного Карабаха и проблем Абхазии, Южной Осетии в 90-х гг. XX века. По обе стороны противостояния проживали различные народы. Особенностью этого стала разная внешнеполитическая ориентация левобережной и правобережной Молдовы. В начале 90-х гг. XX в. эта особенность стала большим противоречием, потому как националистами, имеющими большой вес в политической системе Молдавии, ставилась цель присоединения к Румынии. Большую роль в осуществлении такого курса играл сплав интеллигенции и выходцев из советского партийно-номенклатурного аппарата. Такое единение было заложено ещё с 60-х гг. XX в., когда постепенно в Молдавии началась практика «коренизации» титульного населения в органах государственной власти. Она происходила в ущерб другим нациям, что постепенно создавало

сильную диспропорцию в представительстве разных народов.³⁰⁴ Это стало одной из причин, побудивших значительное количество лиц немолдавского происхождения бежать в Приднестровье.

Но в то же время одной из основных глубинных причин конфликта был совершенно иной уклад экономики, будущая ПМР, была промышленной кузницей Молдавской ССР. При формировании Верховного совета ПМР первого созыва около 80 % депутатов стояли на позициях объединённых советов трудовых коллективов.³⁰⁵ Это было следствием того, что после распада СССР основной силой в элите Приднестровья были выходцы из промышленного сектора: директора заводов и работники ключевых предприятий. Президентом ПМР с самого её основания и вплоть до 2011 г. являлся И. Смирнов, работавший в Тираспольском заводе. Если говорить об элите Молдовы, то она больше формировалась из бывших политических деятелей Молдавской ССР, имевших преимущественно молдавское происхождение.

Поэтому можно сказать, что приднестровский конфликт обладал одной очень важной особенностью: он сложился в первую очередь вследствие экономических причин, а не этнических и религиозных противоречий. В Молдавии за исключением отдельных периодов популярность унионизма была не слишком высокой. По мнению молдавского политолога Зураба Тодуа, этой идеи придерживаются около 20 % населения.³⁰⁶ Отсутствие этнополитического характера приднестровского конфликта, во многом способствовали, по мнению политолога Маркедонова, установлению

большого количества площадок для поддержания постоянных контактов между ПМР и Молдавией.³⁰⁷

Основными инструментами ЕС в Приднестровье стали экономические. В первую очередь, это действие системы особых преференций, когда товары Приднестровья имели доступ на общеевропейский рынок. Если посмотреть на основных внешнеторговых партнёров ПМР, то ими являются помимо России Украина, Молдова, Румыния, Германия и Италия. На эти пять стран приходится в первом полугодии 2017 г. 52 % всего внешнеторгового оборота.³⁰⁸ Поэтому в начале 2016 г. Приднестровская республика была вынуждена подписать торговое соглашение о Зоне свободной торговли (ЗСТ) с ЕС, где статус ПМР определён как особая территория в составе Молдовы. Также подписание соглашения о безвизовом режиме Молдавии и ЕС постепенно сближает ПМР с Европой через систему молдавских биометрических паспортов, через которые граждане ПМР перемещаются в страны ЕС.

Можно сделать вывод, что экономические инструменты ЕС являются довольно эффективными, что вынуждает ПМР постепенно смягчать свои позиции по другим вопросам и больше приспосабливаются под те правила игры, которые задаёт ЕС в Молдове. Подтверждением этому служит фраза президента ПМР Красносельского в апреле 2017 г. о том, что нужно разделять экономическую и политическую деятельность.³⁰⁹ По моему мнению, дальнейшая интеграция ЕС с Молдовой и ПМР будет всё больше нивелировать противоречия между разными государствами. Как это постепенно происходит с Кипром, в котором после присоединения к ЕС острота конфликта значительно снизилась.

³⁰⁴ Ожиганов Э. Этнополитический конфликт в Приднестровье: причины и развитие (1989–1992 гг.) // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2006. № 20 (308). С. 29.

³⁰⁵ Бомешко . Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики, 1990– 2010 гг. - Бендеры: Полиграфист, 2010. С. 26.

³⁰⁶ <https://www.svoboda.org/a/28651143.html>

³⁰⁷ http://russiancouncil.ru/upload/Transnistria_policybrief1.pdf

³⁰⁸ <https://regnum.ru/news/2259905.html>

³⁰⁹ <http://tiraspol.ru/confirmed/statistika-vneshney-torgovli-pridnestrovyya-yanvar-mart-201>

ПОСТ-ПРАВДА И ЕЕ ЭФФЕКТЫ ДЛЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИКОВ

Политические реалии демонстрируют широкое инструментальное значение понятия, ставшего словом 2016 года по версии Оксфордского словаря, - так называемой «пост-правды» (post-truth)³¹⁰. Помещение правды в темпоральные да и в целом в какие-либо кондициональные рамки обозначает серьезную основу для переосмысления социумом своей системы координат: за что держаться, когда держаться не за что?

В самой релятивности правды, какого бы то ни было суждения, претендующего на истину, ничего нового нет – в конце концов, познаваемость мира является одной из основных проблем, волнующих мыслителей на протяжении всей истории человечества, и представления о том, что есть истина, периодически меняются. Таково свойство человеческого разума: меняются приоритеты, появляется новая информация, делаются новые открытия, которые переворачивают представления о привычных вещах, и система координат между тем, что в большей степени отражает реальность, и тем, что ее искажает, так или иначе смещается. Известные законы диалектики – единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные и в особенности закон отрицания отрицания – являются логичным обоснованием изменчивости правды со временем: вчерашняя правда отрицается сегодняшней, которая будет поставлена под сомнение завтрашней.

Явление пост-правды (в том виде, в котором мы являемся его свидетелями) вызвано к жизни не столько интересом к познанию, сколько, скорее, наоборот, незаинтересованностью в том, что есть истина (и, по сути, незаинтересованностью в проблеме познания как таковой). Оно представляет собой особую «посмодернистскую модальность»³¹¹ существования социума – это качество новой реальности, в которой люди себя обнаруживают и учатся жить.

Пост-правда характеризуется опорой на некие представления, построенные на чувствах и эмоциях, но отнюдь не на фактах. Это, своего рода, дом без фундамента, который к тому же не стоит на земле, а висит в воздухе. В условиях экспоненциального количественного роста информационных потоков, формирующих новую реальность, способность к восприятию, критическому осмыслению, реакции на стимулы, предлагаемые внешней средой, подвергается качественным изменениям. Имеющиеся ресурсы оказываются недостаточны для воспроизводства прежних моделей получения информации: на смену рациональному цензу приходит усталость, сопровождаемая различными формами бессознательного пассивного потребления.

Пост-правда – это состояние не столько «после правды», сколько «полиправды», когда правда никого не интересует в силу ее плюралистичности, множественности, конкурентности: правды настолько много, что ею все насытились и ожидают чего-то нового. Общество свыкается с вариативностью критерия истинности, его непоследовательностью и объективной относительностью: правы все, и у каждого своя правда.

Состояние пост-правды – закономерная экстерналиа прозрачности и непредсказуемости, которые стали привноситься в политику различными информационными технологиями. Особую роль в этом сыграла и публичная дипломатия, в рамках которой происходит расширение дискурса мировой политики и механизмов влияния на нее. Интерес представляют довольно откровенные высказывания тезисы Брюса Уортона, заместителя госсекретаря США по вопросам публичной дипломатии, изложенные им в одном из своих

³¹⁰ Word of the Year 2016 is... Oxford Dictionaries. Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016>

³¹¹ Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. 2017. № 2. – С. 42.

недавних выступления относительно инструментария, возможного в условиях пост-правды³¹². Однако очевидны эффекты этого явления как некоего набора характеристик состояния и развития современного социума для политики в целом, для новых поведенческих моделей субъектов политических отношений на разных уровнях – как международном, так и внутреннем.

Концептуализация пост-правды, несмотря на универсальный характер перспективного приложения, в большей степени продолжает производиться в рамках мирополитического дискурса – в контексте анализа современных международных отношений, мегаполитики, где нарастает значимость различных форм информационного противостояния и глобальной конкуренции. Однако стремительный рост популизма и антиэстеблишментных настроений не оставляет сомнений в дальнейшем укреплении столь неоднозначного явления современного мира как пост-правда.

Коргунюк Ю.Г. (ИНИОН РАН, Москва)

НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ

Концепция электоральных размежеваний представляет собой надежную методологическую основу для изучения связей между политическими процессами и состоянием общества. Восходя в своих истоках к классовой теории политики, она в дальнейшем вышла далеко за ее пределы. В 1960-х гг. данная концепция нашла воплощение в "формуле Липсета–Роккана"³¹³, с начала 1990-х к изучению размежеваний стали активно привлекаться математические методы³¹⁴. В России в этих целях активно использовался факторный анализ³¹⁵.

При этом методика измерения электоральных размежеваний неизбежно содержала недостатки и лакуны, требующие постоянной корректировки и совершенствования. В частности, выявление иерархии электоральных размежеваний регулярно сталкивалось с той проблемой, что факторный анализ реагирует не столько на ареал распространения ЭР, сколько на дисперсию результатов, полученных различными партиями в отдельных территориальных единицах. В результате если та или иная партия получает в одних регионах непропорционально высокие, а в других – непропорционально низкие результаты, существует вероятность, что именно разброс этих показателей будет определен факторным анализом как наиболее "влиятельное" размежевание. Так, в частности, получилось с выборами 1999 г., когда резкие перепады голосования за КПРФ и блок "Отечество – Вся Россия" в различных субъектах Федерации чисто формально оказались главным фактором размежевания между участниками.

312

Wharton B. Remarks at Workshop on "Public Diplomacy in a Post-Truth Society". Hoover Institution, Stanford University, Stanford, California. March 20, 2017. <https://www.state.gov/r/remarks/2017/268592.htm>

³¹³ Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. – New York; London: The Free Press, Collier-MacMillan limited, 1967. – P. 1–64

³¹⁴ Bartolini S., Mair P. Identity, competition, and electoral availability. The stabilisation of European electorates 1885–1985. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – XIX, 363 p.

³¹⁵ Slider D., Gimpel V. E., Chugrov S. Political Tendencies in Russia Regions — Evidence from the 1993 Parliamentary Elections // Slavic Review. – 1994. – Vol. 53. – N 3. – P. 711–732; Ахременко А. С. Структура электорального пространства. – М.: Социально-политическая мысль, 2007. – 320 с.; Коргунок Ю.Г. Концепция размежеваний и факторный анализ // Политика. – М., 2013. – № 3. – С. 31–51; Korgunyuk Yu. Cleavage Theory and Elections in Post-Soviet Russia // Perspectives on European Politics and Society. – Leiden, 2014. – Vol. 15. – N 4. – P. 401–415.

Избежать таких ситуаций помогают предлагаемые докладчиком инструменты – коэффициент максимального ареала электорального размежевания и коэффициент политизации ЭР. Эти инструменты дают возможность выявить максимальную долю избирателей, внесших свой вклад в формирование конкретного электорального размежевания и определивших его политическое лицо.

Формула максимального ареала электорального размежевания выглядит как $M_c = \sum i |FLi|$, где M_c – коэффициент максимального ареала электорального размежевания, i – доля голосов, полученных каждой партией по пропорциональной системе, $|FLi|$ – факторная нагрузка каждой партии по данному размежеванию.

Формула коэффициента политизации электорального размежевания выглядит как $P_c = M_c / |R|$, где $|R|$ – модуль коэффициента корреляции того или иного электорального размежевания с тем или иным политическим³¹⁶. Рассчитывать коэффициент политизации имеет смысл в случаях, когда $|R|$ не ниже 0,5 (хотя в отдельных случаях – как, например, в 2016 г. – приходится считаться и с более низкими показателями).

Использование коэффициента максимального ареала ЭР по отношению к результатам выборов 1999 г. позволяет выявить, что в реальности первое и второе электоральные размежевания просто поменялись местами. У второго электорального размежевания коэффициент M_c (45,93) оказался выше, чем у первого (41,37), а коэффициент политизации (30,59) – максимальным для т.н. "социально-экономического" размежевания за всю историю выборов в постсоветской России. Можно, таким образом, сделать вывод, что социально-экономическое размежевание (рыночники против социал-патерналистов), доминировавшее в электоральном пространстве РФ в первой половине 1990-х гг., продолжало доминировать по всем показателям и на выборах 1999 г. Вторжение в электоральное поле административного ресурса заслонило собой этот факт, и лишь применение новых инструментов позволило выявить реальное положение дел.

В докладе предполагается также изложить результаты использования указанных инструментов – коэффициента максимального ареала электорального размежевания и коэффициента политизации ЭР – по отношению к итогам думских выборов 2011 и 2016 гг. как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Корнеева Е.М. (НИУ-ВШЭ, Москва)

АБСЕНТЕИЗМ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Абсентеизм в последнее время становится все более распространенным типом электорального поведения в регионах России. А падение явки избирателей с каждым электоральным циклом актуализирует изучение феномена электорального абсентеизма. Последние выборы в Госдуму РФ в 2016 году прошли в условиях самой низкой явки избирателей на протяжении всей современной истории России на парламентских выборах. Если в целом для России характерен волнообразный процесс колебаний явки избирателей, то для электорального цикла 2011-2016 характерен тренд к снижению явки избирателей, который в дальнейшем может стать более серьезной проблемой легитимности избранных органов власти. Поэтому проблема абсентеизма становится фокусом для сравнительных исследований политологов, изучающих электоральное поведение.

³¹⁶ Методика использования факторного анализа для выявления политических размежеваний изложена в Коргунок Ю.Г. Концепция размежеваний и факторный анализ...; Korgunyuuk Yu. Cleavage Theory and Elections in Post-Soviet Russia...; Коргунок Ю.Г. Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения // Политическая наука. – 2017. – № 1. – С. 90–119.

Ряд институциональных изменений, которые произошли в период между двумя парламентскими кампаниями, а именно возвращение прямых выборов губернаторов и смешанной избирательной системы оказали существенное влияние на итоги выборов и явку избирателей, в том числе. В связи с этим гипотезой исследования выступило предположение о том, что уровень абсентеизма в большей степени зависит от институциональных изменений, чем уровня социально-экономического развития регионов.

Временные рамки исследования охватывают парламентские выборы, которые прошли в 2011 и в 2016 гг. Основным методом исследования выступил регрессионный анализ, где зависимой переменной является уровень абсентеизма в регионах России, а выборку исследования составили все 85 регионов России.

Избирательный цикл 2011-2016 гг. характеризуется постепенным снижением электоральной активности, а понижающий общефедеральный тренд оказывает определяющее влияние на явку избирателей в регионах России. По результатам исследования административная мобилизация оказалась одним из самых значимых факторов, влияющих на уровень электорального абсентеизма. Потому что потенциал административной мобилизации обуславливается устойчивым голосованием за «Единую Россию» и является критерием стабильности партийного электората в регионе, с размером которого связан и общий размер абсентеистов в регионе. При этом важной особенностью стоит отметить влияние срока правления губернатора на уровень абсентеизма на выборах в Госдуму в 2016 году, тогда как этот фактор не проявил себя на выборах в 2011 году. Тем самым подтверждается, что профессиональный опыт губернатора на фоне возвращения прямых выборов глав регионов стал играть более важную роль в электоральной мобилизации.

Р.Ф.Туровский отмечает, что введение одномандатных округов могло способствовать росту конкурентности электорального процесса³¹⁷. В целом повышение уровня конкурентности на выборах способствует понижению уровня абсентеизма, потому что конкурентные выборы стимулируют малые и оппозиционные партии к мобилизации своего электората.

По результатам проведенного анализа можно сделать вывод, что избирательная система не оказывает собственного влияния на колебания явки избирателей, а изменения электоральной активности при смене избирательной системы являются побочным эффектом, так как на них оказывают влияние другие причины. Среди социально-экономических факторов значимым является только этнический состав населения в регионе. Причем увеличение доли русского населения в регионе понижает уровень электоральной активности, что подтверждает выводы других исследований. А.Ахременко утверждает, что в данных случаях национальность проявляется в виде этнокультурных традициях организации политической коммуникации, потому что в более замкнутых и более плотных сообществах создаются предпосылки для более активного политического участия³¹⁸.

В результате проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что устойчивые паттерны электорального поведения существующие в регионах России позволяют выделить регионы, для которых характерен высокий уровень электорального абсентеизма и те, для которых характерна высокая явка избирателей. При этом колебания внутри каждой устойчивой группы свидетельствуют об изменившейся институциональной внутрорегиональной конфигурации, что подтверждает исследовательскую гипотезу.

³¹⁷ Туровский Р.Ф. «Возвращение» одномандатных округов: эволюция мажоритарной системы на парламентских выборах в России., ВШЭ, 2017.

³¹⁸ Ахременко А.С. Электоральное участие и абсентеизм в российских регионах: закономерности и тенденции. // Вестник Московского университета, 2005.

Королькова И.Ю. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)
**ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ
КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ**

Эффективное развитие страны в любой сфере требует грамотных и образованных специалистов, профессионалов своего дела. Профессионализм, безусловно, нарабатывается в ходе деятельности, но качественное образование – это фундамент, без которого невозможно думать о будущем страны и граждан.

Качественное образование – это социальный лифт, и возможность получить такое образование – важнейший фактор лояльности граждан; образование, привлекательное для иностранных граждан – способ формирования долгосрочной, лояльной элиты в других странах.

Можно спорить, каким должно быть образование – практико ориентированным или академическим, централизованным или саморегулирующимся, общедоступным или элитарным, но очевидно, что оно должно быть содержательным, т.е. формирующем на выходе квалифицированных специалистов.

Что значит «содержательность» образования и как ее измерить? Термин, понятный на интуитивном уровне, в рамках научного взгляда должен быть раскрыт и формализован, нужны критерии «содержательности» и «квалифицированности». В Федеральном законе «Об образовании» используется следующее определение: «Квалификация - уровень знаний, умений, навыков и компетенции, характеризующий подготовленность к выполнению определенного вида профессиональной деятельности».

Какие меры необходимы, чтобы сделать уровень получаемых в высшей школе знаний, умений и навыков, высоким, и подтвердить освоение компетенций? В аналитическом докладе «Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд» представлены меры, которые мы попытаемся критически рассмотреть:

- Переработать аккредитационные критерии для вузов (например, включить оценку выпускников работодателями).

На наш взгляд, это необходимый пункт. Сейчас в рамках государственной аккредитации оценивается соответствие программ ВУЗа государственному стандарту. В стандарте прописаны формальные, измеримые критерии – осваиваемые компетенции, изучаемые дисциплины, кол-во ППС с научными степенями. Такие важные критерии получения качественного образования, как востребованность на рынке труда, дальнейшая работа по специальности либо в смежных сферах – не формализованы и не оцениваются.

- В законодательные акты государства об образовании ввести положения, касающиеся качества образования.

Качество образование в настоящий момент измеряется. Предполагаем, это пункт должен входить в п.1 – быть частью процесса по переработке критериев аккредитации вузов.

- Изменить систему аттестации выпускников.

Ввести двойную аттестацию – академическую и профессиональную (вуз аттестует по выполнению образовательной программы; профессиональное сообщество аттестует профессиональную компетенцию) – поскольку профессиональное сообщество не структурировано, не объединено в организации, сложно представить себе этот пункт на практике.

Кроме того, характерно, что эти меры являются мерами контролирующими, а не конкретными рекомендациями по улучшению качества образования. Но важно не только контролировать, но и повысить качество, а вслед за этим - привлекательность российского образования на внутреннем и внешнем рынке.

В связи с этим, крайне важным представляется рассмотреть методы и технологии улучшения качества российского образования, внедрение в образовательный процесс новых

технологий и выстраивание единой логичной образовательной системы (от школы к высшей школе и дополнительному образованию) при активном участии государства.

Корюшкин А.И. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ ЕВРОПЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ЕВРОПЕЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ «МЕЧТЫ»

Достаточно общим в различных теориях политической идентичности является представление о том, что в качестве одного из значимых факторов ее формирования выступает несхожесть, инаковость систем ценностей, лежащих в основе действий политических акторов. Именно инаковость американской системы ценностей по отношению к европейской, определяющей международную политическую деятельность Соединенных Штатов Америки в XXI веке и вызвавшей напряженность в отношениях США и Европейским Союзом после вторжения в Ирак и других внешнеполитических авантур, еще очевиднее обнаружила для Европы образ «другого» в виде США, который стал в настоящее время серьезным фактором углубления и укрепления европейской идентичности.³¹⁹ В этом контексте весьма эвристичным для характеристики потенциала развития современной Европы представляется метод сопоставления европейской системы ценностей с американской, воплощенных, соответственно, в возникающем понятии «европейская мечта» и в широко известном понятии «американская мечта».

Действительно, Европа становится сегодня гигантской лабораторией по переосмыслению будущего человечества. Во многих отношениях «европейская мечта» является зеркальным отражением «американской мечты»³²⁰, основанной на негативном определении свободы и безопасности, предполагающем автономию как ее исходную посылку. Быть автономным, согласно «американской мечте», означает быть независимым от других, а чтобы быть автономным, необходимо быть материально состоятельным. Чем больше богатства ты накопишь, тем более независимым ты становишься. С богатством приходит исключительность, а исключительность означает безопасность.

Формирующаяся «европейская мечта» основывается на принципиально отличных представлениях о том, что составляет основу свободы и безопасности. Свобода здесь обнаруживается не в автономии, а в инклюзивности, в вовлеченности: быть свободным значит иметь доступ в мириады взаимозависимых отношений с другими людьми. Чем в большее количество сообществ ты имеешь доступ, тем больше возможностей выбора ты имеешь для полной, осмысленной жизни, а такая инклюзивность означает большую безопасность.

«Американская мечта» акцентируется на экономическом росте, индивидуальном богатстве и независимости. Новая «европейская мечта» преимущественно сфокусирована на устойчивом развитии, качестве жизни и взаимозависимости. В современной внешней политике США с очевидно большей готовностью используется военная сила для защиты того, что, как им представляется, составляет американские жизненные интересы, в то время как европейцы менее склонны к ее применению, делая акцент на политике дипломатии, экономического взаимодействия и помощи для предотвращения конфликтов и предпочитая глобальное сотрудничество одностороннему применению силы. «Американская мечта» глубоко персональна, она не распространяется на все человечество, в то время как

³¹⁹ См.: Green D.M. Are Americans Made in America? Identity, Alterity, and the United States as Europe's 'Other' // Journal of Transatlantic Studies, 2012. Vol.10, No.1, pp.1-25

³²⁰ См.: Rifkin J. The European Dream: How Europe's Vision of the Future is Quietly Eclipsing the American Dream. N.Y.: Penguin, 2004.

«европейская мечта» более глобальна и систематична по самой своей природе, она в большей мере связана с благосостоянием всей планеты.

Большинство приведенных здесь характеристик «европейской мечты» находят то или иное отражение как в политической деятельности Европейского Союза, так и в том, что хорватский политолог Никола Петрович определяет как его формирующуюся идеологию³²¹, которую многие авторы представляют в качестве общей идеологии, слагающейся из антинационализма, социал-демократизма, пацифизма и экологизма, имеющие глубокие корни в европейской истории и являющиеся элементами европейской идентичности, но чрезвычайно слабо представленные в американской истории.³²² Другие авторы характеризуют современную объединенную Европу в качестве глобальной ролевой модели и «преобразующей силы», которая реформирует авторитарные режимы.³²³

Несмотря на многочисленные проблемы современной Европы, приведенный здесь сопоставительный анализ европейской и американской «мечты», свидетельствует, надо полагать, в пользу европейской системы ценностей как богатой основы потенциала развития в глубоко взаимосвязанном мире XXI века не только Европы, но и всего человечества.

Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В.

(ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, Ярославль)

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Спустя столетие после событий 1917 года интерес к русским революциям не ослабевает, а потому неудивительно, что до сих пор отечественная, да и зарубежная наука остаются ареной борьбы разных трактовок событий, происходивших в тот период. Это приводит к разбалансированности исторического сознания подрастающего поколения и к желанию дистанцироваться от личного осмысления истории своей страны. Историческая память подрастающего поколения «ухватывает» эмоционально впечатление от тех или иных исторических событий в период социализации, не вникая в социальную и политическую суть события. При этом, по мнению многих ученых, события в России 1917 г. являются одним из наиболее значимых исторических символов и в большой степени формируют смысловую основу гражданской идентичности россиян.

Хотим обратить внимание на то, что человеческое сознание становится особенно податливым, когда речь заходит о вопросах идентичности. Проведённые нами в течение ряда лет исследования результатов некоторых социальных практик подтверждают: в стабильном обществе доминирует объективная составляющая, а в условиях радикальной трансформации социокультурных ценностей и норм (что и происходит сегодня в мировом сообществе), преобладает субъективная составляющая гражданской идентичности³²⁴. Именно это преобладание определяет особую сложность процесса становления гражданской идентичности современной молодёжи. В настоящее время гражданская идентичность справедливо трактуется в политической науке в первую очередь как фактор консолидации вокруг интересов страны, поэтому степень ее укорененности в сознании и поведении граждан выступает как залог политической и духовной сплоченности, а, значит, - единения общества, что в условиях трансформаций особенно важно.

³²¹ См.: Petrovic N. EU Ideology // Innovation: The European Journal of Social Science Research, 2016. Vol. 29. No.1. Pp. 56-76.

³²² См.: McCormic J. Europeanism. - Oxford: Oxford University Press, 2010.

³²³ См.: Leonard, Mark. Why Europe Will Run the 21st Century. – L., N.Y.: Four Estates, 2005.

³²⁴ Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В. Развитие гражданского самосознания молодежи: от «активности духа» к «активности действий»// Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5. С. 27-32.

Самосознание любого общества начинается с его истории. Ее символически значимые события формируют смысловую основу гражданской идентичности народа в целом и каждого отдельного человека в частности. Неоспорим тот факт, что наше сознание, в том числе и историческое сознание, подвержено воздействию как реалий повседневной жизни, так и образов, транслируемых литературой, искусством и средствами массовой информации. Вслед за И.М. Дзялошинским, М.А. Пильгуном, С.Г. Давыдовым, О.С. Логуновой мы считаем, что циркулирующие в обществе представления о прошлом занимают ключевое место в структуре идентичности. Каждый человек несет в своем сознании память о прошлой эпохе, сохраняемой, благодаря определенным общественным и семейным событиям, передаваемым от поколения к поколению, несет определенные настроения, вызванные воспоминаниями прошлого. Образы прошлого участвуют в конструировании и осмыслении, постоянной интерпретации политики, способствуя ориентации человека в этом мире³²⁵.

В этом плане особый интерес представляет формирование образа 1917 года в историческом сознании молодежи. По мысли Франсуа Фюре, Октябрьская революция и последующие события стали причиной того, что «русские остановились в замешательстве перед своим прошлым», наступил кризис идентификации³²⁶. Современная Россия снова преодолевает эту кризисную черту. Для неё, как и для всего мирового сообщества в постиндустриальном веке, характерен кризис как индивидуальных, так и коллективных идентичностей. Но очевидно, что современный кризис идентичности в России связан с распадом Советского Союза, разрушением советской ценностно-нормативной системы, формированием аномии. Подобный кризис присущ всем послереволюционным периодам истории, так как размывание исторической преемственности порождает психологический дискомфорт в обществе, усиливает, и прежде всего в среде молодежи, абсентеистские, сепаратистские и даже экстремистские тенденции. Несомненно, что в условиях нестабильности и безверия все сложнее соотносить себя не только с определенным социальным слоем или профессиональной группой, но и с такими социальными общностями, как государство и нация.

Итак, по нашему мнению, формирование гражданской идентичности во многом происходит посредством развития исторической памяти. Историческое знание всегда являлось главным фактором, детерминирующим общественное самосознание. Как пишет А.Я. Гуревич, «понять самих себя можно лишь в исторической перспективе; притом достаточно глубокой и широкой, в сопоставлении с другими людьми – с людьми, которые принадлежат к иным цивилизациям, к минувшим эпохам»³²⁷, особенно, добавим от себя, в периоды общественных трансформаций.

Косов Г.В., Станкевич Г.В. (ПГУ, Пятигорск)

**АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ПСЕВДОИСЛАМСКИЙ СЦЕНАРИЙ**

На современном этапе внимание мирового сообщества приковано к процессам, протекающим в странах Ближнего Востока, сопровождающихся ростом экстремистских и террористических проявлений. Значительный интерес к этим процессам вызван видоизменением институциональных основ экстремистских организаций на Ближнем Востоке, которые приобретают некоторые черты традиционных акторов.

³²⁵ Дзялошинский И.М. Пильгун М.А., Давыдов С.Г., Логунова О.С. Россия в 1917 году в восприятии современной российской молодежи: медиадискурс. Монография. – М.: АПК и ППРО, 2015. – 138 с.

³²⁶ Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. - М., 1998.

³²⁷ Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. - М., 1991. С. 501.

Особую актуальность проблеме придает тот факт, что процессы, происходящие на Ближнем Востоке, во внешней политике Российской Федерации занимают одно из первых мест в силу расширения стратегического национального интереса в южном направлении, поэтому анализ возможных сценариев развития этих процессов имеет особое практическое значение.

Глобализация по сути своей есть и взаимодействие государств, народов, этносов, социальных общностей в единой системе отношений на планетарном уровне; и система открытого культурного обмена, заимствования паттернов, адаптация культурных стереотипов; и расширение границ общения во всех сферах человеческой деятельности и возникновение единого экономического, экологического, информационного пространства, вызывающего необходимость выработки согласованных действий народами и государствами. И как процесс, и как условие глобализация сопряжена с ситуацией «открытости судьбы», то есть каждое общество, сообщество, цивилизация стоит перед дилеммой сопротивления или принятия глобализации, действий, обоснованных субъективным видением и объективными тенденциями, несущими как положительное, так и отрицательное начала в политические практики, социальные отношения, культурные традиции³²⁸.

Глобализация как общемировая тенденция имеет несколько сценариев, одни из которых является псевдоисламский сценарий. Имея тенденцию к диверсификации и расширению границ псевдоисламский сценарий затрагивает не только ближневосточный регион, но и территории, являющиеся носителями иного цивилизационного кода и своего сценария глобализации.

Одним из последствий глобализационных процессов и разного уровня экономического развития государств Ближнего Востока является маргинализация большого количества социальных слоёв ближневосточного общества. И как следствие Ближний Восток становится сосредоточением исламских учений радикальной направленности.

В условиях параллельного протекания процессов глобализации и регионализации, проявляющихся в формировании единого информационного поля, коммуникационном сжатии мирового пространства, свободном перемещении людей и капиталов, доступе к получению образования за рубежом, появлении разноуровневых интеграционных объединений, усилении взаимозависимости основных и второстепенных акторов международных отношений наблюдается увеличение деструктивного потенциала экстремистских организаций, что приводит к приобретению ими глобального характера.

В ситуации реализации псевдоисламского сценария глобализации через демократизацию ближневосточных режимов экстремистские организации приобретают новый функционал и становятся одним из акторов вне суверенитета. На фоне разрушения предыдущей региональной системы безопасности на Ближнем Востоке деятельность экстремистских организаций стала одним из основных факторов формирования современной структуры региональной безопасности.

Институциональная структура современных экстремистских организаций на Ближнем Востоке претерпевает диверсификацию, которая проявляется в появлении институтов, ответственных за использование набора инструментов ранее присущих исключительно суверенным акторам («жесткая», «мягкая», экономическая сила). Элементы использования «жесткой», «мягкой» и экономической силы в продвижении своих идей наблюдались в деятельности Аль-Каиды, а в более продвинутой форме реализуются в рамках деятельности ИГИЛ.

328

Косов Г.В., Станкевич Г.В. «Исламский мир» как субъект внутренней и мировой политики: - Ставрополь: Ставропольское издательство «Параграф», 2010. С. 42.

Кочетков А.П. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Развитие ситуации в первые десятилетия XXI века убедительно свидетельствуют о том, что перспективы развития России как суверенного государства во многом зависят от четко выстроенной системы обеспечения национальной безопасности, от способности государственной власти проводить политику, адекватную уровню возникающих внешних и внутренних угроз.

В содержательном плане главные усилия по совершенствованию механизма обеспечения геополитической безопасности России целесообразно сосредоточить на наиболее важных направлениях, каковыми можно считать следующие:

- при принятии фундаментальных решений в области национальной безопасности стремиться к достижению оптимального соотношения между национальными интересами и возможностями по их реализации, концентрации имеющихся ресурсов на приоритетных направлениях реализации геополитических интересов;

- в политической сфере главными задачами должны стать централизация управления, укрепление единого политического и правового пространства, достижение единства взглядов по проблемам геополитической безопасности между ветвями власти, создание действенной системы противодействия угрозам цветных революций;

- в экономической сфере необходимо создавать условия для укрепления позиций отечественных производителей, повышения роли государства в управлении экономикой, особенно стратегическими отраслями, отказ от внешних заимствований и проведения реформ по рецептам Международного валютного фонда, государственное протектирование внешнеэкономическим связям;

- во внешнеполитической сфере главное внимание нужно уделить реинтеграционным процессам на постсоветском пространстве, форсированию создания Союзного государства Беларуси и России, проведению многовекторной внешней политики, участию в региональных структурах и режимах безопасности, содействию усилению роли ООН в международных делах;

- в военной сфере успех в обеспечении геополитической составляющей национальной безопасности связан с завершением успешного реформирования Вооруженных Сил, сохранением и перевооружением стратегических ядерных сил в качестве основного потенциала сдерживания, кардинальным улучшением финансирования военной организации, сохранением лучших традиций отечественного военного образования;

- в информационной сфере важное место должны занимать разработка и реализация принципов государственной информационной политики, укрепление государственных средств массовой информации, развитие информационных технологий, осуществление информационной и культурной экспансии в отношении зарубежных стран;

- в духовной сфере главным условием обеспечения геополитической безопасности должно стать формирование национальной системы ценностей, объединяющей народы России в их усилиях по достижению достойного будущего для себя и своих потомков. Идеологией, консолидирующей российское общество сегодня, могут стать общероссийские ценности, сформулированные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.

В условиях новой геополитической реальности существенно возрастает роль негосударственных структур, как в глобальной политике, так и в обеспечении безопасности отдельных государств. Поэтому в современную систему обеспечения национальной безопасности должны входить:

- органы государственной власти Российской Федерации и субъектов Федерации;
- органы местного самоуправления, общественные и иные организации и объединения, граждане, принимающие участие в обеспечении безопасности в соответствии с законом;
- законодательство, регламентирующее отношения в сфере безопасности.

В целом, первостепенное значение для создания действенной системы национальной безопасности Российской Федерации будет играть разработка и реализация государственной политики, перестройка работы всех органов власти, направленная на ее укрепление. Результатом создания и практической работы этой системы должно стать проведение хорошо продуманной и скоординированной политики по нейтрализации угроз национальной безопасности Российской Федерации всеми органами государственной власти и общественными организациями нашей страны.

Красин Ю.А. (ИС ФНИСЦ РАН, Москва)

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ СОЦИУМЕ

Взаимодействие государства и общества – системообразующая ось политических отношений в социуме. В итоге многовекового опыта человечество поняло необходимость особой, возвышающейся над обществом организации – государства, господствующей в пространстве властных отношений, призванной регулировать частные интересы, сублимировать из них публичный интерес. Между государством и обществом исторически сложилось распределение функций: государство – институт властвования, умеряющий противоречия частных интересов, претендующий на представление публичного интереса; гражданское общество – выражение многообразия частных интересов, источник энергии общественной самодеятельности. В этих рамках и варьировались властные отношения в эпоху становления и развития индустриального общества.

Сегодня цивилизация переживает большой *социетальный переворот*, знаменующий переход к информационному обществу, для которого характерен *инновационный тип развития* (ИТР), базирующийся на креативной энергетике социума, сознательно творящей мир. Переворот меняет алгоритм отношений между обществом и государством и ведет к *сдвигам в конфигурации властного пространства*.³²⁹ Грань между политическим *правлением* обществом (компетенция государства) и *управлением* процессами его жизнедеятельности, утрачивает свою определенность. Властное поле становится чересчур обширным для того, чтобы государство в одиночку справлялось с возросшим объемом потребностей сетевого социума, нуждающихся во властном вмешательстве. ИТР требует соединения государственного правления с общественным самоуправлением и самоорганизацией.

В коммуникационной среде постиндустриального общества дефицит информации, позволявший властным элитам скрывать от подданных «тайнства» политики властвования, сменяется *«коммуникационным изобилием»*, обнажающим пред публикой природу власти, истинный смысл намерений и действий властителей. Обнаруживается доступность выполнения властных функций обычными людьми («не боги горшки лепят»). Несмотря на двойственность «информационного плюрализма», используемую властвующими субъектами для манипулирования сознанием и поведением граждан, возникает *информационная база* для общественной рефлексии, для постижения гражданами принципов устройства и норм жизнедеятельности социума. Подвижки в общественном сознании генерируют имманентную

³²⁹ Подробнее см. Красин Ю. Российская реформация: параметры, противоречия, перспективы. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. с. 289-303.

тягу к участию в публичной жизни. В этом – одна из главных причин возникновения феномена «гражданского активизма», проявляющегося в деятельности социально ориентированных НКО, в размахе волонтерских и гражданских инициатив. Импульсы из глубин общества побуждают к перераспределению функций во властном пространстве.

Новые социальные практики - показатель зарождения политической системы регулирования, которая соединяет государственное управление с сетью гражданского самоуправления и саморегулирования, формирующейся в гуще социума. Складывается новая, преимущественно сетевая система политических взаимодействий.³³⁰ Можно гипотетически предположить, что *возникает какой-то новый тип правления*, отличающийся от привычных представлений о демократии и автократии. Не воссоздается ли пока еще зачаточная форма прямого влияния размышляющего общества на публичную политику? Быть может, перед нами - эмбриональная стадия более высокой формы народовластия - постоянной погруженности общественно-политического правления в среду жизненного мира и публичной рефлексии.

Почему же наметившиеся возможности реализуются так медленно? Причина в том, что государство пока не социализировано в системе сетевых связей и функционирует в прежней логике доминирования над обществом. Сетевые связи еще не оформились в целостную поливалентную систему, способную потеснить иерархию государственной гегемонии во властном поле. Не благоприятствует новым возможностям и состояние гражданского общества, в котором преобладают эгоцентричные, дивергентные и застойные тенденции. Тем не менее, перед лицом рисков и угроз современности накапливается опыт сплочения по формуле – «единство в многообразии».

В России этот процесс наталкивается на трудности, обусловленные историческим наследием конфронтационной культуры социального общения, живучесть которого поддерживается ростом избыточного социального неравенства. Не поэтому ли после распада СССР консолидация российского общества пошла по авторитарному сценарию, заблокировав востребованную временем *«консолидацию в плюрализме»*. Однако в недрах реформирующейся России действуют устойчивые факторы давления в пользу демократической эволюции политической системы. Прежде всего, это *прессинг обстоятельств*. Потребность в инновационном развитии страны все более остро дает о себе знать. Все более очевидна необходимость инновационной модернизации общества, ключевое звено которой - модернизация политической системы, ее превращение в генератор креативной энергетики социума. Возрастает и значимость *прессинга общественной рефлексии*. Возникают «зоны» свободного обсуждения политических проблем. Усилия власти поставить их под контроль не в состоянии остановить развитие публичной сферы и рост ее влияния на принятие решений. Факторы давления влияют на правящую элиту, побуждая к сдвигам в ее позициях.

На этом фоне просматривается перспектива эволюционной адаптации ригидной системы вертикального доминирования государства над обществом к нарождающимся снизу практикам сетевых взаимоотношений гражданских и предпринимательских организаций с органами власти. Из этих практик может вырасти горизонтальная сеть почвенных связей, укрепляющих вертикаль власти и вместе с нею определяющих публичную политику. Это будет *сильное государство*, мощь которого зиждется не на силовых атрибутах, а на разветвленной корневой системе народовластия.

³³⁰ См. Никовская Л. Гражданское сознание и гражданское общество // *Разум на распутье: Общественное сознание между прошлым и будущим*: Сб. науч. ст. / Под ред. Ю. Красина (отв. ред.), А.. Вебера, А.. Галкина. — М.: Аспект Пресс, 2017.

Кротков В.О. (Государственная Дума ФС РФ, Москва)
**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИЗМЕНЕНИЙ**

Рассматривая глобальные социально-политические метаморфозы, необходимо выделить такие основные категории как трансформация, эволюция, революция, переходный период.

Давая общие эссенциальные характеристики данным понятиям и проводя демаркационные линии, можно отметить, что трансформация, главным образом, отличается от эволюции тем, что является ее частью, не может быть противопоставлена революционному процессу и характеризуется перманентными изменениями качественного (эпохального) характера, в ключевых сферах бытия.

Помимо этого, трансформацию нельзя редуционистски отождествлять с переходным периодом, так как последний может выражаться в любые периоды, в любой форме как общее проявление исторической эволюции, и, главное, не может выражать сути трансформационных изменений (хотя существует иная точка зрения, например, В.Д. Лазарева, которая отождествляет переходный период с трансформацией). Если трансформация, прежде всего, в смысле своей динамики – это переходный период, то переходный период может быть трансформацией, а может и не быть ей. В это связи переходный период, как правило, детерминирован такими процессами как смена политической элиты и изменения общественного, политического, экономического и иного характера. Но если эти метаморфозы являются качественно иными, чем были, фундаментальными, меняющими основы сложившейся социальной, экономической, политической структуры и сопровождающиеся пертурбациями, прежде всего, в политической и экономической сферах, то можно говорить о начале абсолютно иного периода - трансформации.

Для проведения определенной демаркационной линии между трансформацией и революцией, то, во-первых, следует отметить, что последнее в научном знании противопоставляется эволюции или реформам, что указывает на иной характер термина. Во-вторых, революция, в общепринятой идентификации, характеризуется, как правило, как насильственный исторический акт, кратковременного свойства, связанный с захватом политической власти снизу. Трансформация же более широкое понятие, которое может в себя включать как революционные процессы и явления, так и реформаторские преобразования. Помимо этого, трансформация в хронологическом плане, как правило, представляет собой значительно более продолжительный период.

Ряд ученых, в основном социологов, при исследовании социально-политических процессов априори исходят из анализа именно трансформационных метаморфоз, не основываясь на таких терминах как переход, повторение прошлого, непрерывность, эволюция и т. д. К их числу можно отнести Т.И. Заславскую³³¹, В.А. Ядова³³², Л.А. Хахулину и др.

В целом можно сформулировать дефиницию социально-политической трансформации – это исторический процесс, в рамках которого происходят качественные изменения социально-экономического и политического пространства и условий (состояние кризиса) его детерминирующих, выражающиеся, как правило, в существенном изменении политических

³³¹ Заславская Т. И. О роли социальной культуры в трансформации российского общества // Куда идет Россия. Власть, общество, личность, под ред. Т.И. Заславской. - М.: Высшая школа социальных и экономических наук, 2000.

³³² Ядов В. А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия. Власть, общество, личность, под ред. Т.И. Заславской. - М.: Высшая школа социальных и экономических наук, 2000.

институтов, экономического уклада, социальной структуры, идеологических установок, роли и характера элит в определенном государственном образовании.

Характеризуя российские социально-политические пертурбации последних тридцати лет, можно заключить, что эти процессы в большей степени были релевантны трансформационным сценариям, нежели революционным преобразованиям, по причине слабой роли социальных институтов и общества в целом.

Крымчанинова М.В. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)
**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВ РОССИИ, США И КИТАЯ
В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА**

Рассматривая процесс формирования общественного мнения и идеологии через особенности функционирования в обществе социальных представлений, С. Московичи «вышел» на понятие менталитета как интегральной характеристики представителей той или иной культурной, социальной, национальной или профессиональной группы, отражающей своеобразие их видения и понимания мира (т.е. образа мира, где понятийный и образный компоненты тесно связаны), а также специфику реагирования на него. Процессы присвоения менталитета зависят от того, в какой степени индивид осознает свою принадлежность к тому или иному сообществу, другими словами, какая у него социальная, политическая, этноконфессиональная идентичность, основанная на собственной системе смыслов и мотивов, образов и языковых конструкций. Кроме того, формируя собственную «Мы-концепцию» («Я-концепцию») человек, группа или сообщество анализируют и окружающие их группы, сообщества, государства, чтобы понять, где границы собственного «Мы», а где уже «не-Мы», и чем мы друг от друга отличаемся. Учитывая, что геополитическая карта мира за последние десятилетия непрерывно трансформируется: обозначаются новые возможности и угрозы, возникают и распадаются государственные и военные союзы и блоки, быстрорастущие экономики ряда стран делают их активными «игроками» на международной арене, требующими своих зон влияния, заставляет и политиков и граждан и членов экспертного сообщества, заново искать ответы на традиционные вопросы: «Кто мы?» и «Кто наши друзья и враги в современном мире?»; соответственно этим ответам, и будет строиться политика, формироваться общественно мнение и осуществляться поведение отдельного гражданина.

С целью попытаться найти ответы на поставленные выше вопросы, с 2007 г. нами проводится лонгэitudное политико-психологического исследования, направленное на изучение политических представлений россиян о роли и месте России в современном глобальном мире. Соответственно, нами были сформулированы и решены следующие исследовательские задачи: выявление и анализ образа России, сформировавшегося у представителей разных социальных, возрастных и политических групп российского общества, а также сопоставление его с образами США и Китая как наиболее крупных геополитических акторов. Сбор данных осуществляется с помощью качественных методов исследования – проективной методики «babbles».

За 10 лет образы России, США и Китая, бытующие в сознании граждан России, существенно трансформировались.

Наибольшие изменения претерпел образ самой России. В начале исследования образы России был скорее феминный, чем маскулинный (соотношении примерно 3:1), причем феминные образы достаточно кардинально отличались от маскулинных: на подавляющем большинстве рисунков респонденты изобразили улыбающуюся классическую «русскую красавицу» в сарафане, говорящую о сотрудничестве и гостеприимстве. Образ России как мужчины - это либо представитель рабочих специальностей либо трудящейся

интеллигенции, одет в красную футболку с надписью «СССР», рабочий комбинезон, русский народный костюм –редко - офисный костюм; в руках часто держит бутылку или доллары. Самые острые заботы персонажа – это «Где бы достать денег?» и застолье – «Всё достало! Пойду выпью!». Т.е. образ России достаточно традиционен по стоящими за ним социокультурным мифам («Я – хороший (умный, добрый), но немножко ленивый и невезучий, т.к. все вокруг мне завидуют и поэтому вредят», «Русские женщины – самые лучшие!»), так и по набору визуальных символов (водка, красный флаг, русская красавица). Только на некоторых рисунках у молодежи намечалось желание вернуть себе достойное положение в мире; а у более взрослых респондентов, скорее, видна нацеленность на приоритетное решение внутренних проблем, начиная с искоренения неконструктивных моделей поведения. В 2016 г. образ России кардинально поменялся. Это мужчина 25-40 лет (силовой компонент), одет чаще в офисный костюм, с айфоном, спортивным инвентарём и флажком России. Внешне он собран и заявляет, что «Все хорошо!», хотя не столь уверен в душе в благополучии экономики; он гордится Россией, интеллигентен и миролюбив, но очень не любит американцев и больше не восхищается Европой. Основная цветовая гамма – красно-синяя, напоминающая цвета российского флага. Т.е. очевидно, что образ Росси стал более сильным и современным, исчезли «негативные народные привычки», появилась «самость».

Образ США тоже трансформировался, хотя и не так радикально. Если в 2007 г. образ США – маскулинный: это или молодой человек 18-25 лет, поклонник MTV и Mc'Donalds, или предприниматель в возрасте 35-50 лет. Отличительной чертой персонажа являлся показной оптимизм и самоуверенность – «Я – самый лучший!», «Америка – лучшая страна в мире!», «Мы – самая свободная и демократичная нация!», «У меня все хорошо, а будет еще лучше!» (показной – потому что «мысли» и «слова» персонажа противоречат друг другу). На всех рисунках американскому персонажу свойственна «голливудская» улыбка, переходящая в оскал и чрезмерная полнота. Часто в руках он держит американский флаг, оружие или бейсбольный мяч. В 2016 г. образ США разделился на феминный (чиновница госдепа, актриса) и маскулинный (хипстер неопределенного возраста, студент, бэтмен, реже - бизнесмен). Изображённый персонаж имеет как белый, так и черный цвет кожи. Образ США стал восприниматься как еще более агрессивный, но более целостный: и слова и мысли перестали противоречить друг другу и теперь этот персонаж открыто заявляет: «Мировое господство! Мы – единственная сверхдержава!», «Все – мое! Несогласных – уничтожить!». Так же респонденты отмечают плохое отношение Америки к России и агрессию: «Как хорошо что я американец! Хочу бургер и что бы русские сдохли!». Между тем, появление феминных образов свидетельствует об ослаблении образа США в сознании граждан России, а риторика стала восприниматься более угрожающей, т.е. образ ведет себя противоречиво и непредсказуемо, можно сказать, «задирается» при ослаблении былых возможностей.

Менее всего изменился образ Китая. Образ КНР и в 2007 и в 2016 гг. только маскулинный; это мужчина 25-45 лет, рабочий или менеджер младшего звена. Несмотря на невысокий социальный статус, одет персонаж чаще всего в современный деловой костюм с белой рубашкой и красным галстуком, имеет очки и портфель; реже – в рабочий комбинезон синего цветов или национальный костюм; в любом случае, у персонажа присутствует какая-то деталь красного цвета. В 2007 г. на всех рисунках персонаж был изображен очень худым, каким-то недокормленным, что особенно бросалось в глаза по сравнению с чрезмерно толстым американцем и умеренно упитанным русским; к 2016 г. образ Китая стал более упитанным (что свидетельствует об изменении восприятия уровня жизни в Китае). Также изменилось восприятие респондентами степени угрозы, исходящей от Китая: так в 2007 г. персонажа «подозревали» в желании захватить весь мир («Всё-таки мир будет нашим!...», «Мы вас всех скоро купим!»), но действует он при этом не напролом, как США, а постепенно («Тише едешь – дальше будешь»); теперь высказывания персонажа более позитивны: «Приезжайте в гости! Мы хотим дружить со всем миром!»). Т.е. образ Китая в восприятии

респондентов стал более сильным экономически и более открытым политически, но по-прежнему недостаточно понятным и поэтому немного угрожающим.

Выводы, сделанные по данному этапу нашего исследования, подтверждают основные наметившиеся геополитические тенденции:

- Очевидную тенденцию к консолидации российского общества, появление новой российской идентичности, осознание зарождающейся силы, хотя много и сложностей, прежде всего, в экономике;
- Прямая угроза со стороны США, характеризующаяся непрекращающейся вербальной и экономической агрессией в сторону России, ее ценностей, устоев и образа жизни;
- России стоит опасаться Китая в перспективе, так как его скрытность, вкупе с многочисленностью и экономической успешностью, могут стать угрозой России как его ближайшему соседу.

Кузина С.И. (ДГТУ, ЮРИУ РАНХиГС, Ростов-на-Дону)
**НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В КОНФЛИКТАХ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

В последнее время политики и общественные деятели стали все чаще обращаться к понятию «народной дипломатии» как механизма предотвращения, разрешения и урегулирования международных и межнациональных противоречий.

Традиционно «понятие народной дипломатии вмещает в себя международные связи и контакты посредством реализации культурных, научных, образовательных программ (обмены делегациями, художественные выставки, музыкальные фестивали, праздники искусств и т.п.) – всю многообразную деятельность по взаимодействию с гражданским обществом и аудиториями зарубежных стран»³³³. Роль народной дипломатии актуализировалась в связи с ростом информационных войн между государствами, усилением кибератак на информационное пространство России, продолжающимися попытками манипуляционного воздействия на общественное сознание народов.

Мудрость культурной элиты народов проявила себя во время кризисных событий развала Советского Союза и в последующих кровопролитных межнациональных конфликтах на постсоветском пространстве. Так, существуют свидетельства попыток предотвратить грузино-абхазскую войну 1992-1993 гг. со стороны как грузинской, так и абхазской интеллигенции путем переговоров, разъяснений, встреч с общественностью, стремлением к грузино-абхазскому сближению. Вот что пишет Г. Ачвабадзе, ученый-историк Института истории и этнографии Академии наук Грузии о своих миротворческих усилиях в 1988 году: «Бывая в Сухуми и встречаясь с представителями абхазской интеллигенции и молодежи, я рассказывал о целях и задачах грузинского движения, которое поначалу действительно не имело антиабхазской направленности. В Тбилиси же я выступал на собраниях участников национального движения и рассказывал, кто такие абхазы, на каком языке они говорят, какую роль они сыграли в истории Грузии...»³³⁴. К сожалению, этот позитивный для отношений между соседними народами процесс был прерван. Дальнейшее развитие событий в 1992-93 годах привело к войне с многочисленными человеческими жертвами с обеих сторон. История грузино-абхазских отношений на протяжении последующих лет характеризовалась сменяющимися друг друга периодами мира и вооруженных столкновений. В миротворческом

³³³ Мухаметшин, Ф. Народная дипломатия: взаимопонимание во имя развития // Литературные известия. 2010. №3. С.1.

³³⁴ Ачвабадзе, Г. Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии (на основании личного опыта) // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. Материалы грузино-абхазской конференции. Март, 1999 г., Сочи: University of California, Irvine, 1999. С. 22.

процессе участвовали и международные организации – ООН, ОБСЕ, Исполком СНГ, государства – Россия, Франция и др.

Отношение к народной дипломатии у профессиональных дипломатов в настоящее время сложилось как к вспомогательному механизму, который может быть включен после того, как на официальном уровне будут достигнуты принципиальные соглашения. Появился даже термин «Second-Track Diplomacy», что можно перевести как «дипломатия второго плана».

Очевидно, что участники официальных переговоров – высшие должностные лица и представители международных организаций, обладают большими возможностями для реализации договоренностей, переговоры освещают крупные средства массовой информации, что делает такие переговоры весомыми в политическом плане. Но минусом таких переговоров является то, что официальные лица не вполне представляют обстановку «на местах», настроения, желания и надежды простых людей. И до сих пор не предпринимается попыток организовать встречи официальных политиков и лидеров среднего и местного уровня – авторитетных старейшин, активистов общественных организаций, ученых, религиозных деятелей, представителей молодежных организаций. Это бы помогло создать более целостную картину видения мира с точек зрения людей разных социальных, политических и религиозных групп и убеждений, но объединенных желанием установления мира.

Основная цель, которой можно добиться с помощью народной дипломатии, – изменение общественного мнения конфликтующих участников переговорного процесса в сторону его дерадикализации. Что создаст условия для заключения мира в политически приемлемой для всех форме. Успех народной дипломатии будет зависеть от вовлечения в мирный процесс как можно большего числа людей, широкой информационной поддержки, от позиции государственных и посреднических международных структур.

Официальные каналы не всегда достаточно эффективны в деле налаживания мира в регионе, поэтому представляется, что ресурсы народной дипломатии далеко еще не исчерпаны. Подтверждением данного тезиса является развитие конфликта на востоке Украины, где военные действия продолжаются, несмотря на все усилия официальной дипломатии по заключению Минских договоренностей.

Кузнецова Е., Ахмадиён Комбиз Сахоби
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ПО РАЗВИТИЮ ЭКСПЕРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Среди зарубежных и российских специалистов и экспертов в сфере образования и образовательной политики сегодня утвердилось мнение, согласно которому качество образовательных инноваций серьезно улучшается, если производители образовательных продуктов способны работать не только внутри страны, но и за ее пределами. Прагматичный вывод из этого сужения сводится к тому, что нужны программы поддержки экспорта образовательных услуг (в т.ч. образовательных высокотехнологических решений)³³⁵. Проследим тезисно реакции на этот счет правительственных и политических структур страны. В какой форме и какие меры приняты по этому направлению в Российской Федерации, с тем, чтобы представить, насколько адекватны отклики на подобного рода предложения в виде конкретных мер и действий, к которым прибегли в рамках обозначенной

³³⁵

См.: Будущее образования: глобальная повестка. // www.edu2035.com

проблемы политические и административно-исполнительные органы, в ведении которых находится образовательная политика.

Высшее руководство страны отдает себе отчет в важности развития экспертного потенциала в стране. Протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 30 мая 2017 г. № 6 был утвержден паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». Идея и замысел по развитию экспертных возможностей в образовании и российского образования, как оказалось, является новым для руководства страны проектом. В такой интерпретации этого проекта есть определенный подтекст, приоткрывающий, с одной стороны, понимание нужности данного направления развития, с другой – запущенность и наличие признаков отсталости и деградации в образовании целого сегмента услуг, которые в прошлом были достоянием и вкладом российской системы образования в мировую копилку образования и науки. Сегодня же многое потеряно, растрачено, упущено или заброшено, и что крайне важно восстановить и обновить.

В современных условиях развития страны в целом и образования в частности проблема развития экспертного потенциала российского образования конечно же является именно проблемой. Вот почему включение приоритетного проекта в портфель Правительства Российской Федерации демонстрирует важность задач по повышению конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг. Срок реализации проекта – с мая 2017 года по ноябрь 2025 года. В свою очередь Министерство науки и образования РФ, видимо, руководствуется такими установками, и исполняя их, приняло за аксиому данные рекомендации, и готово вступить на путь реализации под своим патронажем проекта «Развитие экспертного потенциала российской системы образования».

Определены цель проекта, дано описание его содержания и достигаемых результатов. Имеются данные результатов исполнения проекта, которые пока говорят о серии разъяснительного и объясняющего его значение действиях.

Можно подвергать критике и действия по реализации этого проекта, и сам проект, но ситуация с образованием в части низкого уровня его экспертного потенциала, похоже уже давным-давно требует иного взгляда и подхода. Запаздывание с этим можно оценивать, как серьезный провал политики в сфере образования. Наступило время развития возможностей повышения привлекательности и конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг в целях увеличения доли несырьевого экспорта Российской Федерации.

Куманичкин П.С. (ВГУ, Воронеж)

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ: НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫЕ И АВТОРИТАРНО- ПОПУЛИСТСКИЕ ТРЕНДЫ

В рамках изучения проблематики состоятельности современных государств особый интерес представляет рассмотрение условий и специфических особенностей государственной состоятельности на постсоциалистическом пространстве. При этом исследование факторов и параметров динамики состоятельности в контексте связи с процессами демократического транзита постсоциалистических режимов выступает одним из наиболее актуальных и динамично развивающихся направлений в рамках политической науки. Д. Фортин полагает, что первоначальный уровень состоятельности постсоциалистических государств является самой сильной детерминантой последующей динамики развития

политических режимов.³³⁶ А. Ю. Мельвиль указывает на позитивную корреляцию между характеристиками политического режима и уровнями государственной состоятельности, подчеркивая нелинейный характер данной связи.³³⁷

Вместе с тем, при нелинейности взаимосвязи типа политического режима с характеристиками государственной состоятельности в постсоциалистических странах, можно усмотреть общие черты в векторах развития обоих феноменов. С точки зрения состоятельности – это смещение фокуса большинства стран региона с построения модели *контрактного государства* (по образцу западноевропейских стран) на неопатримониальные эксплуататорские модели государственности. С точки зрения режимных изменений – обратное движение от модели *консолидированной демократии* к популистским автократиям.

Тренд эволюции государственной состоятельности в направлении складывания на постсоциалистическом пространстве *неопатримониальных эксплуататорских государств*, стремящихся к максимизации предпочтений правящей элиты, может быть эмпирически отслежен через динамику индикаторов, связанных с функциональным измерением государственной состоятельности – показателями производства и распределения общественных благ, эффективности государственного управления (показатели WGI Всемирного банка), восприятия коррупции (Transparency International), качества бюрократии (индексы проекта ICRG). Тренд динамики постсоциалистических режимов в сторону *авторитарно-популистских* эмпирически прослеживается через индикаторы, отражающие состояние демократии – индекс трансформации фонда Bertelsmann, индексы состояния прав и свобод организации Freedom House.

Следует отметить, что возникновение неопатримониального эксплуататорского тренда в эволюции государственной состоятельности и авторитарно-популистского тренда в динамике политических режимов явилось результатом слабости структурных и функциональных оснований государственности и общей усталости от демократии, и среди генетических причин, обуславливающих развертывание данных трендов в большинстве постсоциалистических государств Восточной Европы, следует выделить:

1) Размытость ценностных ориентаций в переходных обществах, заметное разочарование в социально-экономических итогах демократизации в виду сохранения качественного разрыва в развитии по сравнению со странами Западной Европы.

2) Непримируемость партийно-политического противостояния, высокая поляризация политических сил в идеологическом спектре по «право-левой» шкале.

4) Неустойчивость социально-стратификационной структуры и режима отношений собственности в транзитивных обществах, олигархизация политической и экономической элиты.

5) Отсутствие сильной бюрократии, создающее благодатную почву для распространения коррупции; управленческая несостоятельность умеренных реформистских политических сил, неспособных адаптивно реагировать на стоящие вызовы и удерживать политические предпочтения электората в условиях кризисных ситуаций.

6) Несовершенство институционального дизайна государственной власти и систем сдержек-противовесов, заложенных в Конституциях большинства стран Восточной Европы, отсутствие предсказуемых устойчивых правовых «правил игры» в поле политики.

Подводя итог, необходимо принять во внимание, что неопатримониальные и авторитарно-популистские тренды представляют собой серьезную угрозу как для национальных демократий в Восточной Европе, так и для функционирования ЕС (членами которого является большинство государств региона), внешний контроль со стороны которого выступает сдерживающим фактором сползания восточноевропейских режимов в

³³⁶ Fortin J. A tool to evaluate state capacity in post-communist countries, 1989–2006 // European journal of political research. – Hoboken, 2010. Vol. 49, N 5. – P. 654–686.

³³⁷ Мельвиль А. Ю., Ефимов Д. Б. «Демократический Левиафан»? Режимные изменения и государственная состоятельность – проблема взаимосвязи // Политическая наука. 2016. № 4. – С. 67.

консолидированный авторитаризм и коллапс формальных государственных институтов при доминировании неформальных практик «недостойного правления».

Куренкова К.И. (НИУ ВШЭ, Москва)

ГРАЖДАНСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ В РОССИЙСКОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

26 марта и 12 июня 2017 года в России произошли два самых крупных анти-коррупционных протеста. Представляется необходимым понять те социально-политические условия, которые сделали эти протесты возможными³³⁸.

Представляется необходимым обратиться к «политическому» и «гражданскому» дискурсам о политическом протесте. Данные виды дискурсов являются абстрактными «пространствами смыслов», не замещающими реальный дискурс, но оказывающими на него давление, т.к. именно эти «пространства» являются ключевыми площадками производства категорий.

«Политический дискурс» характеризуется наличием центра производства дискурса, чья деятельность направлена на формирование смысловой «тотальности» о протесте. Среди таких центров выделяются государство (как производитель проправительственного дискурса) и оппозиция (антиправительственный дискурс).

Проправительственный дискурс (Далее- «про-дискурс») базируется на представлении о двух ключевых субъектах: правящей элите и лидерах оппозиционного движения.

Про-дискурс исключает возможность преследования элитой каких-либо иных интересов, кроме национальных, что позволяет лидеру выступать в качестве отправителя истинного толкования политических протестов. Помимо этого, про-дискурс предполагает самоидентификацию общества через характеристики политического лидера (русский, православный).

Оппозиция же представлена либо в качестве «иностранный агента», что противопоставлено национальному аргументу, либо в качестве политического манипулятора, разоблачение которого производится правящей элитой, имеющей политический опыт.

Среди прочих ключевых характеристик про-дискурса:

- Сращивание политической элиты с самой сферой политического, что означает необходимость поддержания действующего политического порядка, обеспечивающего стабильность;
- Ориентация дискурса на издержки от любого типа изменений и обращение к status quo;
- жесткое разведение гражданского (бытового) и политического;
- Отстройка оппозиционера как политического актора от участвующего в акциях гражданина, отождествляя последнего с объектом внешнего воздействия, а не с самостоятельно принимающим решения субъектом

Антиправительственный дискурс (Далее- «опп-дискурс») также базируется на представлениях об элите и обществе. Опп-дискурс представляет существующий режим причиной экономических проблем государства и положением, не являющимся имманентно присущей России «нормальностью». Появление гражданского общества в качестве субъекта

³³⁸ Методология подобных исследований была предложена М. Фуко. Он пишет: «В конце концов, что бы могли означать, чем бы могли быть революционная идея и революционный проект без обнаружения асимметрий, нарушений равновесия, несправедливости и насилий, которые существуют вопреки законному порядку, в его глубине, с его помощью и благодаря нему?» Foucault, Michel. 2003. Society must be defended. – L.: Penguin. Pp.:78-79

означает столкновение сфер гражданского и политического, результатом чего являются высказывания о гражданских обязанностях.

Также, оппозиционный дискурс атакует и представление о преданности элиты национальным интересам, подчеркивая масштабы коррупции в стране. Представлению об иностранном агенте оппозиционный дискурс противопоставляет мирный способ протеста, исключая «цветную революцию», а образу политического манипулятора – самоустранение фигуры А. Навального³³⁹.

Гражданский дискурс в приведенном исследовании рассматривается как дискурс, формируемый неполитическими объединениями, гражданскими группами. В сущности, этот дискурс весьма близок к оппозиционному дискурсу, однако направлен не на рекрутирование элиты, а на полное противопоставление себя сложившейся системе. Как замечает В. Гавел, оппозиция в пост-тоталитарных сообществах образуется не на идеологических разломах, а на разломах системных, противопоставляя «жизни в режиме» «жизнь в правде»³⁴⁰.

Вероятно, одним из факторов данного положения является вовлеченность «интеллигенции» в протестное движение, которая, как отмечал К. Маннгейм, испытывая давление «сверху» и «снизу», при этом в отсутствии социальной необходимости, ищет умеренный способ сопротивления³⁴¹.

Курков В.Н. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)
**АНТИПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА
КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ
ДЕСТРУКТИВНОЙ АНТИРОССИЙСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

В докладе предлагается охарактеризовать антироссийскую деятельность стран Запада, заключающуюся в организации информационных потоков антипатриотического характера.

Следует отметить, что для антипатриотической пропаганды целью является максимальная концентрация внимания российского гражданина (реципиента) на негативных событиях с последующим их тиражированием и воспроизведением на системной основе для того, чтобы данное негативное событие, явление, факт стали своего рода «нормой» для общественного сознания российских граждан.

Профессором С.П. Расторгуевым в этой связи был сформулирован научный закон, который гласит, что «доказанная взаимосвязь несуществующих событий становится законом, определяющим поведение реальных субъектов»³⁴².

Таким образом, **антипатриотическая пропаганда** может быть определена как целенаправленное коммуникативное воздействие, продуцируемое определенными субъектами (иностранными государствами, организациями, группами людей, отдельными личностями и др.), целью которого является дискредитация ценности патриотизма в сознании российских граждан.

Субъектами антипатриотической пропаганды в данном случае выступают иностранные государства, организации, отдельные личности, сетевые сообщества.

Основные направления информационных атак антипатриотической направленности сводятся к 5 целям: российская история, культура, армия, спорт, позиции России на

³³⁹ А. Навальный нередко употребляет такие публичные конструкции, как «я могу вам не нравится, но не признавать наличие общих проблем вы не можете», «если не хотите, не голосуйте за меня, но приходите на митинг» и т.д.

³⁴⁰ Havel, Václav, and John Keane. 1985. Ibid.

³⁴¹ Mannheim, Karl. 1985. Ideology and utopia: an introduction to the sociology of knowledge. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich

³⁴² Интервью проф. С.П.Расторгуева «Голосу России», Дата: июль 2013, радио программа «Мировая политика» сайт: <http://www.iwars.su/untitled-c8js> Дата обращения: 03.08.17

международной арене, которыми, безусловно, направленность антипатриотической пропаганды не ограничивается.

Один из ведущих социологов современности М. Кастельс отмечает: «Влияние на умы, формирование сознания – более глубокая и устойчивая форма доминирования, нежели власть над телом посредством устрашения или насилия»³⁴³. Стоит отметить, что страны Запада довольно четко придерживаются данного правила в своей внешнеполитической деятельности.

В свое время русский философ И.А. Ильин писал: «Европе не нужна правда о России, ей нужна удобная о ней неправда. Европейцам нужна дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать ее по-своему»; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленивать; реакционная – чтобы оправдать для нее революцию и требовать для нее республики; религиозно разлагающаяся – чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная – чтобы претендовать на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии»³⁴⁴.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что антипатриотическая пропаганда представляет собой не единичные, спонтанно возникающие информационные атаки, а является целостной военно-политической коммуникативной стратегией, которая реализуется множеством субъектов в различные временные промежутки на основе определенного «технического задания» и на осуществление которой выделяется должное финансирование.

Безусловно, нельзя не сказать о том, что существенные основания или своего рода «ресурс», за счёт которого антипатриотическая пропаганда может функционировать, существуют в России (собственно, как и в других странах). К такому роду явлениям относятся системное проявление коррупции, факты социального расслоения населения, чрезмерные зарплаты руководства госкомпаний и др.

В этой связи следует отметить, что от способности государства и общества справляться с внутренними вызовами в современную эпоху будет зависеть их «репутационная неузвимость» по отношению к внешним субъектам.

Курюкин А.С. (ИС ФНИСЦ РАН, Москва)

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Сегодня вопрос о взаимодействия общества и государства, граждан и власти стоит как нельзя остро. На протяжении последних 70-100 лет основной формой его решения выступает формирование и развитие гражданского общества, как совокупности негосударственных, не правительственных институтов и организаций, призванных обеспечить наиболее полную реализацию и содействовать самореализации потребностей, законных интересов и прав граждан. На практике это выливается в широкий спектр типов организаций и проектов, от разного рода общественных советов, вплоть до открытого гражданского лоббизма и коллективных общественных акций различного масштаба.

В свою очередь, правосознание представляет собой ту часть сознания человека, которая концентрированно отражает правовые явления, процессы и институты. Его непосредственное функционирование заключается в приобретении знаний о праве и законе, их идентификации в призма сформированного у личности мировоззрения, включая личностную моральную оценку, возникновения на этой основе мотивации и, в итоге, формирование, сообразно с ней, поведения индивида или группы. По типу правосознание

³⁴³ Кастельс М. Власть коммуникации [Текст]: учеб. пособие / М. Кастельс; пер. с англ. Н.М. Тылевич; пер. с англ. предисл. к изд. 2013 г. А.А. Архиповой; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд., доп. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 9.

³⁴⁴ Башилов Б. История русского масонства. М., 1992. Вып. 1-2. С. 16. Цит. по: В.Н. Ремарчук. Россия в вызовах глобализации // Эволюция форм, методов и инструментов противоборства в современных конфликтах. Под общ. ред. И.В. Бочарникова. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2015. С. 28.

делится на: обыденное, ситуационное и профессиональное, по уровню на малоразвитое, средне развитое и высоко развитое, по виду на легальное (законное) и иллегальное (противозаконное).

Начиная своё формирование ещё в детстве, на основе примитивных бытовых мононорм – «можно-нельзя». По наиболее общим представлениям, зафиксированным в большинстве конституций мира, правосознание считается, в общих чертах, сформированным к возрасту 18 лет, то есть возрасту – когда, в большинстве стран, индивид получает право голосовать, приобретать, хранить и, в оговоренных законом случаях, использовать оружие и управлять автотранспортным средством. Однако, большинство исследователей отмечают, что в таком возрасте весьма не у многих молодых людей можно объективно констатировать наличие действительно развитого правосознания, что приводит нас к утверждению о том, что у многих этот процесс существенно затягивается, а у отдельной когорты граждан он не будет завершен никогда.

Давая характеристику современному отечественному правосознанию, следует отметить, что по данным Левада-Центра, 63-65% респондентов (2013-2016 годы) никогда не читали Конституцию Российской Федерации.³⁴⁵ В свою очередь, оценивая право вообще, граждане России выдвигают на первый план естественные права человека и основные социально-экономические права:

1. Право на жизнь, на достойные условия жизни;
2. Право на бесплатное образование, на доступную медицинскую помощь, на социальное обеспечение по старости, инвалидности, нетрудоспособности;
3. Неприкосновенность личной жизни, жилища.³⁴⁶

Не менее яркую характеристику современному отечественному правосознанию даёт тот факт, что общее количество зарегистрированных правонарушений составляет более 2 млн. противоправных актов ежегодно.³⁴⁷ Также следует констатировать, что в современном отечественном правосознании считается неизбежным, изначально заданным и органическим для отечественной политико-правовой системы положение, где государственная воля возводится в закон и наиболее полно и последовательно реализуется.

Тем не менее, гражданское общество и правосознание обладают теснейшей диалектической взаимосвязью. Именно развитое правосознание помогает сформировать и наладить действительно эффективное функционирование гражданского общества, которое призвано быть сдерживающим фактором для государственной бюрократии, а, в ряде случаев, и инструментом принуждения органов власти и управления, в том числе и отдельных должностных лиц к надлежащему выполнению своих обязанностей. В свою очередь развитое гражданское общество представляет правосознанию институционализированную форму своего проявления вовне в направлении достижения реализации прав и интересов граждан, не смотря на сопротивление бюрократии. Наиболее эффективными средствами этого являются правовые, реализуемые по административной и судебной модели, предполагающие целенаправленное решение проблем граждан в сфере реализации их прав и законных интересов вышестоящим должностным лицом в управленческой иерархии или на основе судебного решения по иску. Основными препятствиями на этом пути выступают имеющее место не совсем верное понимание сути и смысла гражданского общества его активистами, низкий уровень их правовой грамотности и правой грамотности общества в целом, отсутствие действительно независимого суда в РФ.

³⁴⁵ Общественное мнение – 2016. М.: Левада-Центр, 2017, с. 146.

³⁴⁶ Общественное мнение – 2015. М.: Левада-Центр, 2016, с. 164.

³⁴⁷ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации, в том числе в Крымском федеральном округе за 2010-2015 год. Онлайн документ: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/7087734/>

КОНЦЕПЦИЯ ГЕТЕРОТОПИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В ПОРТУГАЛИИ

Партии – политический институт, возникший два века назад и существующий в различных формах в большинстве государств при различных режимах: и в демократических и в не-демократических.

Несмотря на сомнения, порождённые новой фазой эволюции партий в период 1970-х-1980-х гг. в виде падения их общественного влияния и уровня доверия, упадка низовой организации (снижение и старение членского состава), роста абсентеизма и формировании общественно-политических движений, сконцентрированных на поиске альтернативных решений конкретных проблем, партии как показывает сухой остаток многолетней дискуссии об их закате не только не ушли со сцены, но и по-прежнему повсеместно рассматриваются как необходимые механизмы, чья роль состоит в формировании и поддержании в рабочем состоянии всей системы представительной демократии.

Тем не менее, в меняющихся социально-экономических и технических условиях партии постоянно испытывают давление внутреннего и внешнего порядка. Внутренние вызовы, связаны с «изменением властных отношений между акторами внутри партии». Ко второму типу вызовов обычно относят изменения в мировой экономической системе (например, смена экономических валютных систем); «дух времени» (Zeitgeist); отношения партий с зарубежными организациями; политико-стратегические условия и отношения между государствами; международные конфликты, а также взаимоотношения партий с общественными организациями и социальными движениями.

Тесную взаимосвязь политических партий и социальных движений отмечали в своих исследованиях такие ученые как Г. Джордан, Р. Патнэм, А. Пшеворский, Ф. Шмиттер. Так, по мнению Р. Патнэма, фактор гражданской активности в обществе в значительно большей степени влияет на качество управления и формирование современных политических правил и институтов, чем иные факторы общественно-политической жизни. Социальные движения, политизирующиеся в процессе своей деятельности, протестуя против сложившейся практики отношений власти и общества в определенной сфере или в целом, становятся важнейшим субъектом политической системы и политического процесса государства. Для комплексного понимания характеристик современного политического процесса необходимо исследование основных аспектов гражданской активности в связке с политическим обществом.

Для определения института социального движения (экологические, альтернативные, гражданских инициатив, защиты прав и свобод, сексуальных меньшинств), которое становится вызовом для политической партии и её «доминирующего дискурса», предпочтительным представляется термин «гетеротопия». Следом за Х. Линцем и А. Степаном под политическим обществом понимается та сфера, в которой участники политического процесса состязаются между собой в борьбе за законное право осуществления контроля над государственной властью и аппаратом.

Понятие «гетеротопия» было разработано французским философом, теоретиком культуры и истории М. Фуко в лекции, которую он прочитал 4 марта 1967 г. Текст лекции под названием «О других пространствах» («Des espaces autres») был опубликован в последствии с разрешения автора в 1984 г. В дополнение к этому тексту о «гетеротопии» упоминается в предисловии к книге «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» («Les Mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines»). В карьере М.Фуко это был период перехода от этапа археологии знания к этапу генеалогии власти.

М. Фуко определяет «гетеротопию» как перевёрнутое местоположение, являющиеся как бы пространством, находящимся в связи со всеми остальными и, однако же, противоречащим всем остальным местоположениям. Существует множество форм

гетеротопного пространства, и, скорее всего, говорить о какой-то абсолютно универсальной гетеротопии, единой для всех, не представляется возможным.

По мнению Н. Харламова термин гетеротопии оказался для М.Фуко «одной из его интуиций, развивать которую ему показалось то ли неинтересным, то ли непродуктивным... Оказалось, однако, что Фуко не только не дал строгого определения понятия – это ему еще можно было бы простить, – но и не предложил сколь-нибудь систематического способа его употребления». Но именно эта концептуальная незавершенность и широта возможного применения термина в качестве конференционной «шапки», задающей общее направление исследований и рассуждений, не обязывающей к ограничениям в плане объекта и методологии, стала не только привлекательна в среде архитекторов, планировщиков, урбанистов и географов-постструктуралистов, но исследователей-обществоведов.

Как заметил ряд экспертов работа М. Фуко, посвященная гетеротопии стала революционным прорывом в исследовании негосударственной политики и различных социальных движений. Добавим, что сам М. Фуко также был активным членом социального движения «Группа информации о тюрьмах» (Groupe de la Information la Prisons).

Кухарчук Д.В. (ВАВТ МЭР РФ, Москва)

**СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ДОВЕРИЕ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Тема социального капитала в последние годы постоянно находится в поле зрения научного сообщества. Устойчивый интерес исследователей к данному феномену вызван его возрастающим влиянием на все сферы жизни современного социума. Социальный капитал рассматривается как важный фактор общественно-политического развития, экономического роста и благосостояния общества, увеличения его инновационного потенциала. На сегодняшний день не выработано единой, общепризнанной концепции социального капитала. Для политологических исследований наиболее продуктивной представляется модель социального капитала, разработанная в теории американского исследователя Р. Патнэма.

Рассматривая социальный капитал как способность людей к совместным действиям ради достижения общей цели, Р. Патнэм полагал, что этот феномен присущ гражданскому обществу и содержится в таких элементах общественной организации, как социальные сети, социальные нормы и доверие, создающие условия для координации и кооперации с целью получения взаимной выгоды. Структурным условием существования социального капитала является способность граждан к самоорганизации в формах ассоциаций, объединений взаимопомощи для решения значимых для общества вопросов. Сети гражданской активности, основанные на общности взглядов, ценностей и норм, способствуют повышению общего уровня доверия в обществе, что позволяет социальным институтам функционировать более эффективно.

В качестве важного компонента социального капитала выступает политическое доверие, которое отражает отношение людей как к деятельности отдельных политиков, так и функционированию властных структур в целом. Соответственно выделяют два типа доверия - межличностное (горизонтальное) и институциональное (вертикальное), между которыми существует тесная взаимосвязь. При этом особо следует рассматривать доверие к персонализированным институтам, например, к институту президентства, когда оно может проявляться как в личной, так и в институциональной формах³⁴⁸

Среди факторов, оказывающих влияние на политическое доверие, исследователи, прежде всего, выделяют удовлетворенность внутренней политикой, в первую очередь в

³⁴⁸ См.: Массовая политика: институциональные основания / под ред. С.В. Патрушева. - М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 53.

социально-экономической сфере. Удовлетворенность внешней политикой, как считают некоторые политологи, не является столь влиятельным фактором, определяющим политическое доверие в гражданском обществе. Доверие к институтам власти также связано с ценностно-мотивационной сферой избирателей, их социальными установками, политическими позициями и предпочтениями. Так, по данным социологических опросов, что основными факторами доверия избирателей политическим партиям являются:

- представления избирателей о наличии сплоченной и достойной команды (доверие к членам команды);
- представления избирателей о конкретных делах партии;
- представления избирателей о наличии средств и ресурсов для выполнения обещаний и поставленных целей, уверенность в победе партии;
- понимание и принятие избирателями целей и задач, идеологии и программы, наличие у партии масштабной цели.

Исследователи различают два основных типа мотивации политического доверия: рациональный и психологический. В первом случае граждане оценивают то, как правительство или политические лидеры могут отстаивать их интересы (или интересы их социальной группы) и в зависимости от этой оценки занимают определенную позицию, оказывая или не оказывая доверия. Такое доверие может возникать в результате предыдущих действий правительства или, например, принадлежности политика к той же социальной группе, что и его избиратели. Психологический тип мотивации политического доверия предполагает, что граждане оценивают институты власти и политиков, исходя из определенных нравственных принципов и моральных ценностей. Чаще всего граждане сочетают рациональное и психологическое доверие институтам и политикам, пытаясь найти баланс между максимизацией политической выгоды и соответствием правящей элиты этическим и моральным критериям.

Как свидетельствует опыт социально-политической практики многих стран, объем социального капитала и уровень политического доверия в значительной степени зависят от эффективности государственной и правовой системы общества, степени его экономического и политического развития. Распространение социального капитала и доверия на все сферы общества способствует установлению социально-политической стабильности, росту гражданской и политической активности населения, расширению сферы публичной политики. В современных условиях, когда происходят динамичные изменения основ социальной жизни, разрушаются привычные общественные ориентиры и модели поведения, обостряются экономические, политические и межнациональные конфликты, в значительной мере усиливается роль социального капитала и доверия как факторов общественной и политической консолидации. В связи с этим приобретает особую значимость поиск новых путей повышения уровня социального капитала и доверия. В русле таких поисков сложилась концепция, которая связывает социальный капитал с сетевыми формами социальной организации. При этом большие надежды возлагаются на современные информационно-коммуникативные технологии, которые, как предполагается, способны заменить прежние, устаревшие и во многом формальные методы создания социального капитала.

ПОЛИТИКА И ИНГИБИТОРЫ ПОЛИТИКИ: ИНТЕГРАЦИЯ НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА, СЕМИОТИКИ И ДИСКУРС-АНАЛИЗА³⁴⁹

Проблемы исследования т. н. «кликратии»³⁵⁰, при которой доминируют неформализованные ситуативные правила, ее трансформации и формирования политического пространства³⁵¹ требуют, на наш взгляд, новых методологий, для чего мы обращаем внимание на связи неoinституционализма, семиотики и дискурс-анализа.

Исследованиями показано, что в России не формируется *политика как институционализируемая конкуренция ориентированных на всеобщее благо проектов и решений среди неограниченного круга свободных граждан*³⁵². Если интеграция (солидаризация) общества происходит по кликовой модели – в ситуативных неформальных группах, то невозможно соблюдать всеобщие правила, прежде всего, законы. Такое общество трудно прогнозировать, т. к. сложно предугадать процессы, происходящие по неформализованным нормам.

В ситуативных правилах нет постоянности и однозначности, но есть смыслы и значения, зависимые от контекста - времени, места и акторов, что позволяет исследовать эти правила. Любое событие, с точки зрения социальной семиотики, может быть *рассмотрено как знак или система знаков*. Знаки составляют *дискурсы* – определённые порядки взаимодействия, формируемые акторами и оказывающие на них обратное влияние. Эти дискурсы как правила «кликратии», могут изучаться специальными методами.³⁵³ Однако, подобное исследование не позволяет прогнозировать политический процесс с той же точностью, что в случае обществ с преимущественным соблюдением закона, а также изучать конкретные сюжеты (не-, недо-, до-)политического взаимодействия. Можно лишь в общем виде оценивать события и тенденции (не-, недо-, до-)политической жизни, исследовать институты³⁵⁴ как правила и практики (institutes), но не учреждения (institutions).

В зависимости от наблюдаемых знаков-признаков, мы можем обозначить некоторые модели политического взаимодействия. Политика в выше обозначенном понимании существует не в каждое время и не в каждом месте, есть подавляющие её явления, которые можно назвать «*ингибиторы политики*» (И. Л. Недяк).

³⁴⁹ При поддержке гранта РФФИ № 17-03-00446.

³⁵⁰ См.: Патрушев С. В. Кликратический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // Полис. 2011. №6; Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: РОССПЭН, 2013.

³⁵¹ О политическом пространстве см.: Кучинов А. М. Феномен и возникновение политического пространства // Спектр социального – 2016: сборник статей / Под ред. В. А. Зотовой. – М.: РГГУ, 2016. С. 100-106; Кучинов А. М. Явления и вещи политического пространства // Россия в условиях новой политической реальности: стратегия и методы развития. Материалы Всероссийской научной конференции РАПН, Москва, РАНХиГС при Президенте РФ, 25-26 ноября 2016 г. / Под ред. Гаман-Голутвиной О. В., Сморгунова Л. В., Тимофеевой Л. Н. – М.: Проспект, 2016. С. 160-161.

³⁵² Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / Отв. ред. С. В. Патрушев. - М.: РОССПЭН, 2011; Гражданское и политическое...; Массовая политика: Институциональные основания / Под ред. С. В. Патрушева. – М.: РОССПЭН, 2016.

³⁵³ См.: Кучинов А. М. Подходы и методики для исследования текстов и дискурса в политологии: опыт классификации // Полис, 2016. № 5. С. 80-96.

³⁵⁴ Различение «institute» и «institution» см.: Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С. В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006.

Явление	Знаки-признаки		
	Институционализированность (включая постоянство)	Конкуренция проектов и решений среди неограниченного круга свободных граждан	Ориентация на всеобщее благо
<i>Политика, развивающаяся в политическом пространстве (поле политики)</i>			
Политика	Есть	Есть	Есть
<i>Недополитика</i>			
«Мерцающая политика» (О. А. Мирясова ³⁵⁵)	Нет: нет постоянства	Есть	Есть с оговорками: «всеобщность» ограничена одним событием или местом
Протополитика (Т. В. Павлова)	Идёт институционализация	Формируется	Есть
<i>Дополитика (Т. В. Павлова): власть, развивающаяся в «зоне власти». Возможна при сращении политической и экономической сфер жизни.</i>			
Неустойчивый экономпол (С.В. Патрушев)	Нет	Есть среди ограниченного круга лиц («элита», «эксперты» и т.п.)	Нет, ориентация на эгоистические или групповые интересы
Устойчивый экономпол (С.В. Патрушев)	Есть		
<i>Антиполитика, развивающаяся в «зоне террора»</i>			
Избыточное насилие и (или) террор: мерцающее	Нет	Нет	Нет, но возможны фасады всеобщего блага
Избыточное насилие и (или) террор: тотальное	Есть		

Явления, описанные в таблице, составляют континуум от совершенного к несовершенному явлению. Блоки «недополитика» и «дополитика: власть...» различаются тем, что в первом случае политика является формирующимся (протополитика) или несистематическим («мерцающая политика») явлением; а во втором её полностью нет. Мы допускаем вероятность многих промежуточных форм взаимодействия между описанными в таблице явлениями. Дополитика и антиполитика препятствуют политике, поэтому их мы считаем «ингибиторами политики».

Каждое явление наблюдается в определённой институциональной среде, делающей его возможным. Так, политика существует *в политическом пространстве (поле политики)*; дополитика - в «зоне власти» (С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова); антиполитика, скорее всего, в «зоне террора»; недополитика – в формирующемся политическом пространстве.

³⁵⁵ См. пример «мерцающей политики»: Мирясова О. А. Сасовское экологическое движение как пример локальных институциональных изменений / Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/conferencii/2016/1480424930_Miryasova_25_11_RAPN.pdf

**ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ «ИДЕАЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ»
И «ПРИТЯЗАНИЙ НА ЗНАЧИМОСТЬ» Ю. ХАБЕРМАСА
В КРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРС-АНАЛИЗЕ
(ПРИМЕР УДАЧНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ НОРМАТИВНОГО
И ЭМПИРИЧЕСКОГО УРОВНЕЙ ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Проблема соотношения нормативного и эмпирического уровней исследования ещё в первой половине XX в. определялась значимой в политической науке. Она сохраняет актуальность, а учёными сформированы разные способы её решения.

Термин "norma" означает "руководящее начало, правило, образец". Нормативный подход формулирует основные научные категории и понятия, определяет, что представляет собой объект исследования "в идеальном виде", выясняет основные нормативные образцы, научные критерии и ценностные установки для эмпирических исследований. Любое исследование должно исходить из нормативных идеалов, критериев, в сравнении с которыми определяется несоответствие, отклонение или приближенность объектов действительности по отношению к норме. А отказ от изначального нормативного уровня в эмпирических исследованиях приводит к ложным итоговым выводам о самой природе нормативных категорий и критериев, тем самым искажая их.

Так, выделяемые А.И. Соловьёвым эмпирические направления изучения "массовой коммуникации" выполнены в рамках "направления изучения воздействия": изучения техник однонаправленного информационного воздействия субъекта на сознание объекта, манипуляции и формирования "извне" общественного мнения. Через эти задачи определяется сущность политической коммуникации. Напротив, исходные нормативные принципы суверенитета человеческого сознания, значимости общественного мнения требуют создания методов «критического сопротивления... технологиям убеждения»³⁵⁶.

Поэтому, значима критическая теория Ю. Хабермаса, направленная на преодоление разрушающего воздействия политической, экономической подсистем на общество и на развитие в обществе взаимопонимания, коммуникативной рациональности. Хабермас разрабатывает принципы политической коммуникации в модели "идеальной речевой ситуации":

1. Все граждане имеют право открыть дискурс по проблемным общественным вопросам.

2. Они имеют равные возможности представить точки зрения.

3. Они искренни.

4. На дискурс не влияют положение граждан, имеют силу только аргументы.

Чтобы граждане могли прийти к рациональному заключению, были учтены самые веские аргументы, высказывания участников должны удовлетворять «притязаниям на значимость»:

1. Истинность к внешнему миру.

2. Правильность к нормам общества.

3. Правдивость.

4. Грамматическая правильность, ясность.

Теоретический подход Хабермаса получил развитие в прикладных исследованиях критического дискурс-анализа Б. Форхтнера, В. Кукир и её коллег. Так, "притязания на

³⁵⁶

Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. С. 256.

значимость" В. Кукир и коллеги операционализировали, сделав универсально применимыми для критического анализа текстов³⁵⁷:

Притязания на значимость	Итог	Искажение	Измерения "текста"
Фактическая действительность, истинность	Правда	Введение собеседника в заблуждение	Аргументация, проверка логичности, фактов действительности
Искренность	Искренность	Введение в ложную уверенность	Метафоры и "означающие" слова
Понятность, разумность	Ясность	Введение в замешательство	Риторика и семантика
Правильность в свете существующих норм, ценностей	Легитимность	Нелегитимность	Представление в текстах всех затрагиваемых сторон

Методология использовалась в анализе дискурса "кейса". В Канаде в университете Акадия в 1992 г. руководство приняло решение о дорогом техническом переоснащении, совместном с ИВМ. ПК предоставлялись учащимся в аренду за 1200\$ в год.

Исследование единичного случая даёт задел критическому сопротивлению подсистемам власти, бизнеса, технизации сторон человеческой жизни, в т.ч. сферы образования. Проверка 57 публикаций показала "искажения коммуникации". Притязания на истинность обнаружили несоответствие действительности многих провозглашаемых руководством "позитивных" эффектов технизации. Употребление в статьях "технической" лексики без объяснения сделало неясными аргументы для других участников. Проверка на искренность показала выборочность предоставляемой информации. Проверка на легитимность показала: в публикациях почти не приведены точки зрения основных субъектов: студентов университета.

В результате, применение критического дискурс-анализа указало на слияние власти руководства университета и бизнес-интересов компании ИВМ, а своевременное применение исследования могло предотвратить нарушение интересов других затронутых сторон. Исследования показывают воспроизводство подобных дискурсов в университетах Канады, проводивших технизацию образования.

Таким образом, анализ этого исследования подтверждает не только практическую применимость подхода Хабермаса, но и научную продуктивность объединения нормативного и эмпирического уровней в политической коммуникативистике.

Лоскутов В.А. (УИ РАНХиГС, Екатеринбург) **РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЭПОХА: СУЩНОСТЬ И ПРИЗНАКИ**

Всемирно-историческая роль и значение Великой русской революции заключается в том, что она должна была завершить ту историческую эпоху, в которой целостность исторического бытия и субстанциональный характер ее развития может быть впервые за всю историю человечества оказались предметом самодеятельности. Это была эпоха качественного обновления основного противоречия развития целостного исторического мира – противоречия деятельности и самодеятельности. Это было время, когда самодеятельность, попыталась вырваться из пут деятельности, стать ведущей противоположностью и превратить целостную историю в предмет качественного преобразования. Исторические

³⁵⁷ Cukier W., Bauer R., Middleton C. Applying Habermas Validity Claims as a Standard for Critical Discourse Analysis. Information Systems Research. 2014. P. 241.

границы Революционной эпохи образуют три взаимосвязанных процесса. Она *возникает* как эпоха Возрождения. *Становится* в виде эпохи Великих революций. Обретает способность *саморазвития* в эпоху Тоталитаризма.

Для Революционной эпохи, суть которой заключается в том, что в процессе ее развития самодеятельность обретает свободу и превращает целостную историю в предмет сущностного преобразования, характерны некоторые устойчивые признаки. Во-первых, она рождается в процессе освобождения свободы. Во-вторых, она становится по мере того, как в форме революции осуществляется выбор свободы и возникает положительно устойчивый способ разрешения противоречия свободы и власти. В-третьих, Революционная эпоха – это время Великих революций, каждая из которых представляла собой не просто особенный выбор свободы, но способ присвоения самодеятельностью свободы, форму разрешения основного противоречия развития истории. В-четвертых, своеобразным фоном и «исторической почвой» (Сартр) осуществления Великих революций особенно на заключительных этапах развития Революционной эпохи были различные революционные движения: освободительное движение мирового пролетариата, революционное движение в колониальных и зависимых странах, мировое революционное движение против мирового капитализма в целом (борьба социализма и капитализма), коммунистическое движение

Великая русская революция должна была завершить процесс качественного обновления основного противоречия развития истории и положить конец Революционной эпохе. В этом ее историческое предназначение. Однако она его не исполнила, и мы сегодня являемся свидетелями мучительных поисков ею «возможности прямой невозможности своего присутствия» (Хайдеггер). История предложила иные способы «бытия к смерти» (Хайдеггер) Революционной эпохи. Их борьба с Великой Русской революцией за право ее окончательного окончания стала смыслообразующим процессом завершающего этапа самоопределения данной исторической эпохи. И сегодня он еще не закончен – эпоха Тоталитаризма продолжается. Великая русская революция в принципе и по сути проиграла эту судьбоносную битву. Истощив до основания, освободив от свободы самодеятельность, так и не сумела, в отличие от оппонента, предложить истории принципиально новую траекторию развития.

В эпоху Возрождения произошло выделение самодеятельности в самостоятельную историческую силу, что позволило освободить свободу. В эпоху Великих революций самодеятельность пыталась освоить и присвоить освобожденную свободу путем превращения самой себя в особую деятельность – в выбор свободы, в освобождающую свободу. Всякая Великая революция – это процесс выбора свободы. Великая русская революция не исключение. Для того, чтобы обеспечить наибольший эффект (мировую революцию) от выбора и максимальную концентрацию «выбирающих» исторических сил (строительство социализма в отдельно взятой стране), она избрала «темную сторону» свободы – власть. В результате исключения из истории всякого выбора и освобождения ее от свободы, самодеятельность превратилась не в ведущую противоположность основного противоречия развития истории, а полностью подчинив себе деятельность, стала единственным способом ее исторического бытия. Она создала такую систему развития истории как Тоталитаризм, который подменил свободу властью, симулировал ее гиперреальность с помощью различных властных форм и способов «строительства», инициировал «холодную войну» двух систем развития исторической самодеятельности. Антисоциалистическая, антисоветская революция (1991 г.) значительно ускорила процесс умирания Великой русской революции. Грядущая антитоталитарная революция, которая случится не в виде классической, цветной, гибридной революции, а в форме «катастрофы» (Бодрийяр) поставит окончательную точку в этом процессе. В результате грядущей катастрофы Великая русская революция, наконец-то завершит свой судьбоносный путь, освободит историю от тоталитарных форм ее развития и перевернет последнюю, наиболее драматичную страницу истории Революционной эпохи.

ГИБРИДНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ

Понятие «гибридные режимы» получило широкое распространение в политологической литературе как реакция на противоречивый демократизации 80 – 90-х годов и неравномерность ее результатов. В самых общих чертах это режимы, совмещающие в себе черты как авторитаризма, так и многих элементов демократии.

В современной литературе мы сталкиваемся с неоднозначной трактовкой государств с подобными режимами. Так, американский политолог М. Оттауэй обозначает их, как полуавторитаризм³⁵⁸. По ее мнению, полуавторитарные режимы альтернативны как устойчивым авторитарным режимам, так и консолидирующимся демократиям. Если консолидирующиеся демократии находятся на различных стадиях перехода, то полуавторитарные режимы представляют собой устойчивую институциональную систему. Американские политологи С. Левитский и Л. Уэй рассматривают гибридные режимы, как разновидность конкурирующего авторитаризма³⁵⁹. Что касается первого брэнда (полуавторитаризм), то в нем, на мой взгляд, делается упор на количественные характеристики авторитарных, (равно как и демократических) черт, в то время как качественные отличия отодвигаются на задний план. Относительно конкурирующего авторитаризма здесь тоже можно было бы поспорить, учитывая тот факт, что в авторитарных режимах так называемая «конкуренция» носит всегда декоративный характер.

Сложность исследования гибридных режимов обусловлена целым рядом обстоятельств. В первую очередь это вытекает из их многообразия и неоднородности. Однако многообразие характерно и для других политических систем: демократических, тоталитарных и авторитарных. Тем не менее в каждой из этих групп неоднородность определяется различным проявлением **сущностных** черт соответствующих режимов.

Когда речь идет о сходстве (пусть даже и внешнем) между демократически и гибридными режимами, то здесь можно выделить следующие черты:

- демократический институциональный фасад; ряд авторов (например, Н.А. Борисов) характеризуют это, как наличие «институциональных основ демократии».
- выборы в органы власти на общенациональном и местном уровне, регулярно проводимые в соответствии с Основным законом (т.е. конституцией) и другими законодательными актами на многопартийной основе при *формальном* соблюдении правил политической конкуренции;
- наличие политической оппозиции, представленной в парламенте и в органах представительной власти на местах.
- более высокий, по сравнению с авторитарными режимами, уровень свободы прессы, большее количество независимых и оппозиционных изданий.

Что касается общих черт, объединяющих все политические режимы данной группы и сближающие их с авторитаризмом, то здесь можно выделить следующие признаки:

- мнимый конституционализм (Н.А. Медушевский);
- сосредоточение большей части (если не всех) властных ресурсов в руках относительно монолитной правящей элиты, как правило, представленной доминирующей политической партией;
- высокая степень контроля государства над экономикой;
- слабость политической оппозиции, ее разобщенность перед правящей проправительственной партией;

³⁵⁸ Ottawa, Marina. Democracy Challenged: The Rise of Semi-Authoritarianism. – Wash., 2003.

³⁵⁹ См. Levitsky Steven L, Way Lucan A. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War. – Cambridge, 2010.

- слабость и не структурированность гражданского общества, его неспособность оказывать влияние на процесс принятия политических решений или контролировать этот процесс;
- крайне высокая степень бюрократического контроля над обществом при отсутствии рациональной бюрократии (используя веберовскую терминологию);
- низкий удельный вес демократической (или, используя термин Г.Алмонда и С. Вербы, партиципаторной) политической культуры.

Появление гибридных обусловлено глубокими инверсионными процессами, возникающими в ходе политических трансформаций. В подавляющем большинстве случаев гибридные политические режимы возникли в результате демократического транзита в ходе «третьей волны» демократизации (первая половина 70-х – конец 90-х годов). Их возникновение и функционирование в данном случае есть результат не столько отката от демократизации, сколько стремление правящего класса, довольствующегося результатами частичной либерализации и демократизации и не допустить дальнейшего углубления процесса демократической трансформации.

Таким образом, гибридные политические режимы могут возникать как результат:

- затянувшегося процесса консолидации (пример Словакии в период правления В.Мечьяра). В этом случае гибридный режим представляет собой промежуточную ступень в переходе к относительно консолидированной демократии, а его функционирование приходится на сравнительно короткий отрезок времени. кратковременный характер;
- гибридные режимы, сформировавшиеся в результате затянувшегося (Россия 90-х, Сербия второй половины 90-х, Камбоджа, Танзания и т.д) или даже прерванного транзита (Россия начала 2000-х);
- гибридные режимы, возникшие в результате эрозии неустойчивых демократических систем (Венесуэла, Колумбия).

Маклашова Е.Г. (ИГИиПМНС СО РАН, Якутск)

РЕГИОНАЛЬНАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)³⁶⁰

В условиях мирового кризиса, дифференциации социально –экономического положения населения разных государств на фоне открытости стран для движения населения, формирования мирового рынка труда и активной трудовой мобильности миграция становится традиционным направлением политического управления современного государства.

Республика Саха (Якутия) (далее – РС(Я)) является национально-территориальным образованием с особенной этноструктурой, где коренное население региона находится в доминирующем положении, что оказывает существенно влияние на региональную политику. Находясь на периферии и в условиях труднодоступности Якутия фактически остается регионом не затронутым бурными процессами обмена населением, являясь неким анклавом со специфическими социальными и политическими условиями этнокультурного развития народов России, проживающих в республике, и, прежде всего, коренных народов Якутии, формирующих региональное поле национальной политики.

Согласно стратегии социально-экономического развития Республика Саха (Якутия) власти Якутии видят в миграционном притоке большой резерв для увеличения численности населения, что связано, прежде всего, с недостатком квалифицированных кадров и

³⁶⁰ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ. Проект № 16-13-14001 «Принимающее сообщество: проблемы интеграции мигрантов в контексте формирования гражданской нации»

необходимостью реализации инвестиционных проектов. Однако в настоящий момент, согласно статистическим данным, повышения уровня внешнего притока не наблюдается, что представляет региональной власти возможность выработать эффективную систему управления миграцией и интеграцией мигрантов, подготовить местное население к процессу интенсивной интеграции, этнокультурному обмену.

В ходе выполнения гранта РГНФ № 16-13-14001 «Принимающее сообщество: проблемы интеграции мигрантов в контексте формирования гражданской нации» и научного проекта ««Республика Саха (Якутия) в XXI в.: мониторинг и регулирование этносоциальных процессов в современных условиях» определено:

1) в Концепции государственной национальной политики РС(Я) и государственной программе РС(Я) «Гармонизация межэтнических отношений в Республике Саха (Якутия) на 2012-2019 годы» внимание к вопросам адаптации и интеграции мигрантов весьма слабое и размытое в части определения мер и направлений работы;

2) существует неудовлетворенность населения сложившейся социально-экономической структурой общества, которая воспринимается как несправедливая. Острое восприятие неравенства трансформирует социальную напряженность в этническую. Обнаружено наличие отрицательных эмоциональных установок к представителям этнических групп, не являющихся традиционными для Якутии;

3) тема миграции занимает значительную часть регионального информационного поля по вопросам реализации национальной политики. При этом материалы, касающиеся миграции и мигрантов в большей степени носят негативную тональность, что также характерно и для других дальневосточных субъектов России. Отметим также, что Якутия является одним из лидирующих регионов Дальнего Востока по количеству материалов по патриотизму и дружбе народов;

4) отмечается слабая, но позитивная динамика изменения качества мигрантов, на фоне сохранения в принимающем сообществе высокого уровня межэтнической солидарности и толерантности. Местное население обладает слабым, но более высоким уровнем готовности к интеграции, нежели мигранты;

5) высокий уровень значимости этнической идентичности среди населения Якутии, причем как среди коренных, так и «пришлых» народов, говорит о высоком уровне значимости этнокультурных различий в обществе, а также о слабом внимании органов власти к вопросам ассимиляции. Отмечается рост этнической идентичности у внешних мигрантов.

Выявленные особенности этносоциального развития в республике должны быть учтены при разработке миграционной политики и механизмов адаптации и интеграции мигрантов.

Маковский А.А. (СГЮА, Саратов)

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Современные государственно-конфессиональные отношения (далее – ГКО) на субнациональном уровне представляют собой сложившиеся взаимодействия властных и религиозных институтов, закрепленные в юридических нормах и общественно-политических традициях с учетом формальных и неформальных взаимосвязей³⁶¹.

³⁶¹ См.: Маковский А. А. Региональная политика в сфере государственно-конфессиональных отношений: правовой аспект // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 16. С. 24.

Данные практики представляет собой, с одной стороны, финансово-материальную поддержку государством религиозных НКО (налоговые льготы, грантовые выплаты, предоставление государственного имущества религиозным организациям в различные формы собственности, передача в собственность земельных участков и т.д.)³⁶², с другой, – использование религиозного ресурса в социальной политике в процессе образования, развития культуры.

В регионах РФ социальное служение конфессий затрагивает практически все сферы жизнедеятельности граждан: поддержка малообеспеченных, реабилитация безработных, инвалидов и иных лиц. Конфессии оказывают помощь пострадавшим в результате стихийных бедствий, социальных, национальных, религиозных конфликтов, жертвам репрессий, беженцам и вынужденным переселенцам, содействуют укреплению престижа и роли семьи в обществе, охраняют и должным образом содержат здания, объекты, имеющие историческое, культовое, культурное значение. Традиционные религии активно включены в процесс противодействия деятельности деструктивных экстремистских религиозных групп.

Несмотря на все созидательное значение государственно-конфессиональных взаимодействий, данные отношения несут в себе определенную конфликтогенность. Социальное направление, грантовая поддержка способствует конкуренции среди конфессий за государственные блага, религиозная реституция и передача земель религиозным организациям вызывает единичные народные протесты, и негативную реакцию СМИ.

Примеры конфликтных ситуаций единичны, они возникают в зависимости от религиозных особенностей той или иной региональной среды. В качестве иллюстрации общественных противоречий мы можем привести социальные конфликты в Саратовском регионе и городе Санкт-Петербурге. Например, ИГ «Четвертая власть», выступающая за развитие гражданских прав и свобод, в негативном плане освещает деятельность государственных органов, направленную на поддержку традиционных религий. «Министр предлагает оплатить из бюджета реконструкцию хоральной синагоги»³⁶³. В 2007 г. Духовное управление мусульман Саратовской области обвинило РПЦ в клерикализме за то, что она инициирует введение в школах факультативного предмета «Основы православной культуры»³⁶⁴.

Стоит отметить, что в Саратовской области несколько раз возникали народные протесты против строительства религиозных сооружений. В 2004 г. проходил сбор граждан против строительства в г. Саратове культового сооружения мормонов³⁶⁵, в 2015 г. – против продолжения возведения православного храма в Заводском районе г. Саратова³⁶⁶, в 2016 г. – против сноса детской площадки в Ленинском районе г. Саратова и строительства православного храма³⁶⁷. Еще одним ярким примером конфликтогенного потенциала политико-религиозных практик являются демонстрации и попытки организации

³⁶² См.: Слобожникова В. С. Раздел 3. Религиозность современной России в этнополитическом измерении // Современная российская политическая регионалистика и этнополитика сквозь призму понятий / [Е. С. Дорофеева, И. Н. Коновалов, В. С. Слобожникова, В. А. Труханов]; под ред. В. С. Слобожниковой. Саратов, 2013. С. 149.

³⁶³ Министр предлагает оплатить из бюджета реконструкцию хоральной синагоги. // Интернет-газета «Четвертая власть». URL: <http://www.4vsar.ru/news/56713.html> (дата обращения 01.05.2017)

³⁶⁴ Саратовские исламисты выступили против установки поклонных крестов // ИА «Взгляд-инфо» URL: http://www.vzsar.ru/special/2007/09/13/saratovskie_islamisty_vystupili_protiv_ustanovki_poklonnyh_krestov.html (дата обращения 01.05.2017)

³⁶⁵ Христиане и мусульмане Саратова выступили против строительства культового сооружения мормонов // Сайт НТВ. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/50274/>

³⁶⁶ Жители Заводского района потребовали остановить строительство храма и вернуть землю городу // Информационный портал о ЖКХ и строительстве. URL: <http://stroysar.ru/news/main/zhiteli-zavodskogo-rajona-vystupili-protiv-stroitelstva-hrama-v-zavodskom-skvere>

³⁶⁷ Жители Саратова выступают против строительства храма на месте спортивной площадки // ИАА «СОБА». URL: <http://www.sova-center.ru/religion/news/community-media/communities-conflicts/2016/04/d34382>

референдума, связанные с передачей из государственной собственности Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге в 2017 г.

Исключение подобного рода общественной напряженности видится в концептуальном закреплении основ вероисповедной политики, а также в проведении более активной и открытой политической деятельности в медиа-пространстве. Задача органов государственной власти заключается в повышении доли граждан, положительно оценивающих состояние межконфессиональных отношений, уровня толерантного отношения к представителям другой национальности и религии. Через СМИ важно повысить число граждан, знающих о существующих проектах в области гармонизации общественных отношений, деятельности религиозных организаций в социальной, образовательной, культурной среде.

Малинова О.Ю. (НИУ ВШЭ, Москва)

ЕСТЬ ЛИ ШАНС НА «ПРИМИРЕНИЕ И СОГЛАСИЕ»? АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТОЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. В РОССИИ

Столетний юбилей делает события 1917 года предметом активного внимания историков, политиков и широкой общественности. Конечно, споры о Русской Революции не прекращаются со времен перестройки. Но после отмены праздника 7 ноября (в декабре 2004 г.) эта тема отодвинулась на периферию. В 2000-х гг. приоритетом государственной политики памяти стала Великая Отечественная война, и фокус общественных дискуссий об историческом прошлом сместился на середину XX века. Тем не менее столетие события, некогда служившего «мифом основания» Советской России и оказавшего бесспорное влияние на ход мировой истории, побуждает к коллективному «вспоминанию» и (пере)осмыслению.

Этот юбилей очевидно «неудобен» для властвующей элиты. В логике современного официального исторического нарратива, опирающегося на принцип преемственности «тысячелетнего» великого Российского государства³⁶⁸, революция/и 1917 года – скорее досадный срыв, нежели повод для национальной гордости. Для политического режима, который главным своим достижением считает «стабильность», память о революции – символический ресурс, который можно использовать разве что по контрасту. Однако критика едва ли может быть основной идеей юбилейной коммеморации – не только потому, что это противоречит жанру, но и поскольку миф об Октябрьской революции, будучи одной из главных опор советской идентичности, остается значимым для немалой части сограждан³⁶⁹. В результате долгих дискуссий (вопрос о формате официальной коммеморации столетия революции(й) 1917 года был поставлен в повестку дня еще в 2014 году) в качестве основной темы официальной коммеморации было выбрано «примирение и согласие». Именно смысл предстоящих мероприятий был определен в послании президента Федеральному Собранию в декабре 2016 года. Упомянув о необходимости «еще раз обратиться к причинам и самой природе революций в России», Путин подчеркнул, что «уроки истории нужны нам прежде

³⁶⁸ Подробнее см. Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. 2016. № 6. С. 139-158.

³⁶⁹ По данным опроса Левада-Центром 2-6 марта 2017 года, 10% респондентов считают, что Октябрьская революция сыграла очень положительную роль в российской истории, 38% - скорее положительную, 25% - скорее отрицательную, 6% - крайне отрицательную, 21% - затруднились ответить. При этом 25% опрошенных полагают, что революция открыла новую эру в истории народов России, 36% - что она дала толчок их социальному и экономическому развитию, и лишь 6% считают ее катастрофой (Октябрьская революция. 2017. – Сайт «Левада-Центр». Пресс-выпуск 5.04. Доступ: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revoljutsiya-2/> Таким образом, для примерно половины россиян революция остается «великим» событием отечественной истории.

всего для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь (выделено мною – О.М.)»³⁷⁰. Та же смысловая линия прослеживается и в плане основных мероприятий, подготовленном оргкомитетом, созданным РИО: наряду с выставками, конференциями, круглыми столами, издательскими и образовательными проектами он предусматривает установку памятника Примирения в Крыму, где завершалась Гражданская война. Можно предполагать, что его открытие, запланированное на 4 ноября 2017 г.³⁷¹, станет кульминационным моментом «общегосударственной» программы коммеморации.

Есть ли основания полагать, что это пожелание осуществится? Можно ли избежать «нагнетания страстей»? Каковы шансы на «примирение и согласие» относительно событий столетней давности? Это в значительной мере зависит от позиций других участников коммеморации, от соотношения отстаиваемых ими интерпретаций событий 1917 года, их целей, авторитета и коммуникативных возможностей. В предлагаемом докладе я попытаюсь проанализировать позиции и стратегии основных политических сил, включившихся в интерпретацию юбилейных событий в 2017 году. Вслед за М.Бернхардом и Я.Кубиком я буду называть их *мнемоническими акторами*³⁷². На основе материалов, опубликованных на момент проведения исследования (август 2017 г.), я реконструирую стратегии ключевых мнемонических акторов и развиваемые ими смысловые схемы рассказов о революции/ях 1917 г. (нарративы), чтобы оценить, в какой мере их можно «примирить». Объектами изучения служат тексты политиков и публицистов, адресованные широкому читателю. Цель исследования – изучение взаимодействий мнемонических акторов, опосредованных текстами, что предполагает комбинацию анализа дискурсов и социальных практик.

Малышева Е.М. (АГУ, Майкоп)

ВНУТРЕННИЕ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Обеспечение экономической безопасности является одной из важнейших функций государства. Гарантии экономической безопасности являются необходимым условием для обеспечения стабильного развития национальной экономики. Экономическая безопасность является главным компонентом системы национальной государственной безопасности и является производной от задач экономического развития общества.

Закон Российской Федерации «О безопасности» определяет экономическую безопасность России как защиту жизненно важных интересов всех жителей страны, российского общества в целом и государства в экономической сфере от внутренних и внешних угроз. Основные внутренние угрозы национальной экономической безопасности обозначены в Концепции национальной безопасности РФ³⁷³. В соответствии с ней угрозы экономической безопасности делятся на внутренние и внешние. В процессе создания и поддержания экономической безопасности возникают стержневые угрозы. Закон РФ «О безопасности» определяет экономическую безопасность России как защиту жизненно

³⁷⁰ Путин В.В. 2016а. Послание Президента Федеральному Собранию. – *Президент России. Официальный сайт*. 1.12. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/53379> (проверено 21.04.2017).

³⁷¹ План основных мероприятий, связанных со 100-летием революции 1917 года в России. 2017. – *Сайт Российского исторического общества*. 23.01. Доступ: <http://rushiistory.org/images/documents/plan100letrevolution.pdf> (проверено 22.04.2017). С. 13.

³⁷² Под этим термином понимаются «политические силы, заинтересованные в особом понимании прошлого» (Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration / ed. by M. Bernhard, J. Kubik. Oxford: Oxford University Press, 2014. P.4).

³⁷³ Концепция национальной безопасности РФ. http://www.e-reading.club/chapter.php/99883/42/Koshelev_-_Nacional%27naya_ekonomika__konspekt_lekciii.html

важных интересов всех жителей страны, общества и государства в экономической сфере от внутренних и внешних угроз.

В настоящее время правовое регулирование вопросов национальной безопасности по отдельным видам безопасности осуществляется на основании более чем 70 федеральных законов, более 200 указов Президента РФ, около 500 Постановлений Правительства РФ, а также других подзаконных актов³⁷⁴.

К внутренним угрозам экономической безопасности далеко не в последнюю очередь относится крайняя степень дифференциации уровня жизни и доходов населения и вызванное этим фактором углубление социального расслоения в обществе. По данным Минэкономразвития РФ, уровень доходов наиболее обеспеченных россиян в 15 раз превышает доходы наименее обеспеченных граждан. Угрозы экономической безопасности создают опасность национальным ценностям и образу жизни, стимулирует социальную напряженность, неуверенность, психологический дискомфорт, формирование криминальных структур, такие аномалии, как наркомания, алкоголизм, преступность, проституция.

Исторические реалии 100-летней давности свидетельствуют, что в конечном итоге это может привести к серьезным социально-экономическим потрясениям. Не преодолена криминализация экономики и общества, масштабы теневой экономики оцениваются некоторыми экспертами от 20 до 40 процентов. Социальное благополучие граждан России имеет определяющее значение для устойчивого развития и обеспечения национальной государственной безопасности. Национальной экономической безопасности в структуре государственного управления последнего десятилетия уделяется определенное внимание. Тем не менее, именно бедность является одной из главных угроз национальной государственной безопасности. Уровень бедности является одним из важнейших показателей благополучия в стране. Бедность является одной из причин социального напряжения общества, социальные страты малоимущих, испытывающих нужду, бедные становятся одной из движущих сил любого бунта или революции. Выступая перед Советом Федерации, председатель Счетной палаты Татьяна Голикова назвала цифры роста числа бедных в России. Численность граждан, живущих за чертой бедности, выросла в первом квартале 2017 г. на 2 млн. человек и составляет 22 млн. или 15 % населения. Официальный прогноз, заложенный в бюджет, демонстрирует более оптимистичные данные. Доля граждан с доходами ниже прожиточного минимума, должна сократиться на 0,6 % по сравнению с 2016 г. и составить 12,9 %. Вице-премьер по социальным вопросам О.Голодец назвала бедность работающих россиян уникальной. Средняя заработная плата в России в 2016 г. составляла 36,7 тыс. руб., в то же время на уровне МРОТ в отечественной экономике работают 4,9 млн. человек³⁷⁵. Впрочем, как отмечают эксперты Высшей школы экономики, сами россияне оценивают свое финансовое положение еще хуже. 50,3 % граждан считают себя бедными. К этой категории наши соотечественники причисляют себя из-за наличия в семье несовершеннолетних и отсутствия жилья.

Однако при этом не предлагается каких-либо конкретных технологий оценки эффективности защиты национальной безопасности при использовании тех или иных стратегий. Социальное благополучие как антипод бедности стала одной из наиболее актуальных проблем. Среди факторов, влияющих на рост бедности - сокращение занятости, резкое снижение трудовых доходов, безработица, вызванная социально-экономическими реформами, неэффективная система социальной защиты населения, низкие доходы основной части населения. Взаимодействие сокращения бедности и снижения неравенства доходов должно определять тенденцию развития страны в целом. В Конституции РФ зафиксировано, что все ветви власти имеют главную цель - повышение благосостояния населения. Однако сегодня нет четко сформулированного федерального закона, определяющего сущность

³⁷⁴ <http://diplomba.ru/work/106298>

³⁷⁵ Число бедных в России выросло на два миллиона человек. Новости РИА. [Финансы](#). 9 сентября 2017. [Электронный ресурс].- Режим доступа:<http://lenta.ru/news/2017/06/28/poor//> (дата обращения: 07.10.2017).

понятия «благополучие». Разработка этого документа позволит приблизиться к оптимальному решению задачи преодоления дестабилизирующего воздействия военных, экономических, политических, информационных, демографических и психологических факторов на стабильность в обществе. Экономическая безопасность, основанная на независимости, стабильности и росте национальной экономики, является неотъемлемым условием стабильности общества.

Мальцева Д.А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ

Анализ современного состояния условий социально-экономического развития государственных систем с очевидностью демонстрирует вариативность имплементации политэкономических концепций. Однако основываясь на тенденциях развития мировой политики в условиях увеличивающейся неопределенности и усугубления глобальных кризисов, очевидным видится необходимость рассмотрения стратегической парадигмы исследования в качестве приоритетной. Пристальный анализ к методологии стратегического менеджмента преимущественно вызван кризисом предшествующих управленческих парадигм, сконцентрированных на формулировке узкоутилитарной политической повестки, превращающих процесс государственного управления скорее в мобилизационный, нежели сбалансированный посредством расстановки стратегических приоритетов на базе концептуальной проработки альтернатив.

В глобальном фокусе риски представляют собой процессы и обстоятельства, которые в разной степени вероятности способны оказать деструктивное влияние на государственное управление. К наиболее общепринятым видам риска относятся: демографические, социальные, экономические, военные, репутационные, культурные и т.д. (каждый из которых делится на бесчисленное количество составных частей, варьирующихся в зависимости от политического режима, культурных и исторических особенностей, внешних факторов и т.д.). Особое влияние на характер происходящих политических процессов и их последствия оказывают риски социально-экономического развития, риски власти и управления, социокультурной трансформации, повышенная конфликтность общества и вызванное этим расширение пространства социальной напряженности.

При огромном многообразии академических и практических попыток поиска универсальных оснований организации стратегической деятельности в структуре государственного управления современной России, имплементация спектра процедур стратегического толка на текущий момент видится малоэффективной. Методики оценки и управления рисками в структуре государственного управления не являются исключением. Внедрение стратегических сценариев оценки рисков в российском контексте усложняется неразвитостью отечественного административно-управленческого пространства и неготовностью политических элит к реальным институциональным, экономическим, кадровым и иным трансформациям, а также стремительно усугубляющимся глобальным кризисом самой системы стратегического управления, внутри которой назрело огромное количество концептуальных противоречий, навеянных неспособностью бороться с «обстоятельствами непреодолимой силы». Формализация политических и экономических процессов посредством внедрения унифицированных технологий (возведенных в статус «инновационных») существенно увеличивают масштабы и так сложно разрешимой для стратегического дискурса проблемы, а именно- преодоления уровня нестабильности и неопределенности. В данном контексте возникает серьезная проблема методологического характера. Применение процедур стратегического аудита и оценивания, необходимые для риск-менеджмента, неизбежно имеют в своем основании принципы системности и

изоморфизма (всеобщность рассматриваемых явлений с присущими им закономерностями и сходство законов функционирования этих явлений). Однако едва ли это видится возможным в контексте современных политических реалий, где синергетические интенции крайне волнообразны. Несовершенство человеческих ресурсов, недостаточность релевантной информации для принятия управленческих решений, сложность интегрированных коммуникаций (а также партикулярность и приватность последних), темпоральные и ресурсные ограничения затрудняют эффективное применение стратегических методов оценивания и управления рисками, что, как следствие, -приводит к минимизации благоприятных сценариев сетевого взаимодействия акторов политической системы и к ее последующей дестабилизации.

Таким образом, отсутствие глобального вектора стратегического управления рисками и перманентно повышающийся уровень неопределенности ведут к разрыву витальных для государственного развития отношений между гражданским обществом, корпорациями и государственной властью, а значит -кризису лояльности в отношении принимаемых политических решений и краху длительно создаваемых отношений сопричастности. Разнородность указанных противоречий дополняется затяжными общемировыми кризисами, создающими целые когнитивные пространства политических рисков, аккумулируемых не только внутри самих политических систем, но и проступающих извне, что ставит под угрозу развитие современных государств. Очевидным видится тот факт, что описанные выше тенденции отчетливо детерминировали необходимость обращения к методологии стратегического менеджмента в контексте управления рисками в структуре государственного управления.

Мансуров Т.З. (К(П)ФУ, Казань)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В СИРИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЕГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Процесс урегулирования конфликта в Сирии является насущной проблемой при исследовании социально-политических процессов, протекающих в этой арабской республике. Актуальность данной темы подтверждается необходимостью обеспечения безопасности, стабильности и решения целого комплекса проблем, появившихся в регионе Ближнего Востока после возникновения сирийского конфликта. На сегодняшний день сторонам конфликта не удалось значительно продвинуться в формировании переходного процесса. На него влияют сразу несколько факторов. Основной их них – противоречия между основными группами оппозиции, а также между последними и правительством Сирии по вопросу нахождения у власти президента Б. Асада и его участия в будущем политическом процессе. В Сирии есть значительная часть населения, которая как поддерживает, так и не поддерживает действующего президента страны. Вместе с тем, как сказано в ряде документов, принятых на международном уровне, только сам сирийский народ определит будущее Сирии и переходный процесс.

Деятельность посредников и сторон конфликта по его урегулированию осуществляется в рамках трех направлений: обеспечение гуманитарной помощи, обеспечение прекращения боевых действий, продвижение процесса политического перехода. Одну из главных задач посредники также видят в необходимости продолжать процесс разграничения умеренной оппозиции от радикальных группировок.

Условно можно выделить четыре группы оппозиции, участвовавших в урегулировании конфликта: «московско-каирская», «астанинская», «хмеймимская» и «эр-риядская». Наибольшие сложности вызывает последняя группа оппозиции, поддерживаемая

государствами Персидского залива, периодически срывающая переговоры и настаивающая на смене режима Б. Асада.

Положительное влияние на разрешение конфликта оказали межсирийские переговоры, прошедшие в рамках различных политических платформ в Москве, Каире, Эр-Рияде в 2015-2016 гг. и нацеленные на достижение национального примирения. Нельзя так же не отметить эффективность действий России в переговорном процессе, которая в рамках Международной группы поддержки Сирии способствовала формированию целевых групп по обеспечению гуманитарной помощи и контролю за режимом прекращения огня. Это стало качественным изменением в подходах, предполагающих тесное взаимодействие дипломатов, военных, экспертов в различных сферах, направленных на стабилизацию ситуации в стране и урегулирование конфликта.

Несмотря на достигнутые успехи, приостановка двустороннего диалога США и России в октябре 2016 года значительно изменила ситуацию в стране. Это ставит под вопрос перспективы двустороннего взаимодействия и реализацию договоренностей, достигнутых сторонами в рамках Международной группы поддержки Сирии. Новым этапом в протекании сирийского конфликта можно считать формирование формата урегулирования при посредничестве Ирана, России и Турции, изначально показавшего свою эффективность в вопросах разъединения воюющих группировок, установления и обеспечения режима прекращения боевых действий. Несмотря на то, что подобное взаимодействие вызывает раздражение у ряда региональных стран, эти государства смогли преодолеть существующие политические разногласия, основываясь на общих интересах и необходимости урегулирования конфликта.

Безусловно, соблюдение перемирия между сторонами, так же, как и создание зон деэскалации в Сирии, является достаточно хрупким процессом. Вместе с тем, это важный шаг вперед, позволяющий обеспечивать процесс политического диалога на различных международных площадках (Женева, Астана). Позитивной тенденцией можно считать изменения в позициях непосредственных сторон конфликта, которые все реже выдвигают предварительные условия ведения переговоров, в частности касающиеся ухода Б. Асада с поста президента страны, и которые все больше идут на взаимные уступки. Несмотря на сложности формирования единой делегации от оппозиции, ее состав становится более репрезентативным.

Конечно, на сегодняшний день сложно говорить о значимых результатах в процессе собственно политического урегулирования конфликта. Практические шаги в этом направлении (переходное правительство, конституция, выборы) реализуются сложно. Осуществление договоренностей идет на трех уровнях: местный (переговоры между непосредственными сторонами конфликта – сирийскими силами), региональном (между региональными странами) и глобальном (прежде всего США и Россией). На каждом из них имеются существенные проблемы, в том числе касающиеся будущего политического устройства Сирии. Перспективным видится сохранение и расширение формата «тройки» в урегулировании конфликта, более активное подключение к данному процессу других государств, включая США. Однако в Соединенных Штатах чувствуется усталость и нежелание втягиваться в долгоиграющий конфликт. В любом случае разрешение конфликта предполагает взаимные уступки, компромиссы, размены, а также политическую волю и желание его решить.

РОССИЯ И КИТАЙ: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Анализ и оценка современных российско-китайских отношений даны в значительном количестве работ востоковедов, специалистов в области зарубежного регионоведения и международных отношений, посвященных изучению современной внешней политики России и внешнеполитическому процессу на Востоке и российско-китайским отношениям в частности³⁷⁶.

По оценке российских и китайских экспертов, Россия и Китай на сегодняшний день имеют доверительные и равноправные отношения. По их мнению, «никогда раньше в мировой истории отношения Китая и России не имели такого значения для всех прочих стран»³⁷⁷, а развивающаяся модель отношений между Россией и Китаем могут являться примером для других, и стать инструментом достижения глобальной стабильности.

Отличительной чертой отношений двух государств является то, что они не стремятся навязать друг другу свои системы ценностей и взгляды на мир, и имеют различные цивилизационные и культурные традиции.

Эти и некоторые другие характеристики двусторонних отношений позволяют рассматривать их как проявление новой, «постзападной», реальности, нового этапа эволюционных процессов в системе мировой политики.

Политический запрос на развитие новой модели международных отношений явно улавливается в выступлениях лидеров обеих стран³⁷⁸ и подтверждается результатами их встреч, реализацией взаимовыгодных проектов.

Китай выступил с инициативой евразийского мегапроекта «Один пояс - один путь», который является по сути возрождением Великого шелкового пути. Он предполагает вовлечение большинства стран Евразии в единое экономическое пространство.

Современный Шелковый путь объединит в себе наземные транспортные коридоры, железные дороги и морские транспортные пути. Как отмечают российские и западные ученые, в рамках проекта Китай перестраивает мировую торговлю и формирует геополитические связи.

Россия, учитывая ее огромные пространства, запасы природных ресурсов, научный потенциал, должна стремиться играть в этом проекте первые роли.

Однако при всей масштабности планов сотрудничества, Россия и КНР не спешат заявлять о «стратегическом партнерстве», не замалчивают имеющиеся проблемы и стремятся сделать двусторонние отношения взаимно транспарентными.

Причем некоторые российские эксперты предупреждают о том, что «Москве следует проявлять осторожность в торговых отношениях с КНР»³⁷⁹.

³⁷⁶ Внешняя политика России. 1991–2016: / Т.А.Шаклеина, А.Н.Панов, А.С.Булатов и др.; отв. ред. Е.М.Кожокин, А.Л.Чечевишников] ; под общ. ред. и с предисл. акад. А.В.Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации. — М.: МГИМО-Университет, 2017; Внешнеполитический процесс на Востоке. Учеб.пособие. М.: Аспект Пресс, 2017; Воскресенский А. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990-2015). / Сравнительная политика. 2015. Т. 6. № 1; Лукин, А. et al. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. – М.: Весь мир, 2013 и др.

³⁷⁷ Косырев, Д. Путин, Си Цзиньпин и неуправляемая Америка. Информация получена 05.07.2017 с РИА Новости <https://ria.ru/analytics/20170704/1497808145.html>

³⁷⁸ Панюшкин, К. 28 глав государств и правительств прибыли в Пекин на форум международного сотрудничества «Один пояс - один путь». Информация получена 14.05.2017 с 1 Канал. Новости. https://www.1tv.ru/news/2017-05-14/32524128_glav_gosudarstv_i_pravitelstv_pribyli_v_pekina_na_forum_mezhdunarodnogo

³⁷⁹ Алексеева, Н., Хлусова, К. Шёлковая сила: какие темы станут главными на форуме «Один пояс — один путь» в Пекине. Информация получена 13 мая 2017 с RT на русском.

Китай стремится стать лидером новой волны глобализации, формируемой по китайскому образцу с упором на экономическую эффективность и государственное вмешательство.

По оценке экспертов, Си Цзиньпин «намерен использовать богатство и промышленные технологии Китая для создания нового вида глобализации, который не будет подчиняться правилам устаревающих западных институтов. Цель - перестроить мировой экономический порядок и втянуть другие страны и компании в китайскую сферу влияния»³⁸⁰.

США и многие их крупные союзники из Азии и Европы настороженно отнеслись к проекту, опасаясь играть на руку Китаю в достижении его стратегических целей.

Со своей стороны, декларируя готовность «поймать китайский ветер в российские паруса», Россия не может позволить втянуть себя в потенциальное глобальное противоборство КНР и США.

Марудина Ю.А. (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва)
**ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ:
ИДЕИ, НАПРАВЛЕНИЯ, МОДЕЛИ И МЕТОДЫ**

До настоящего времени Великобритания была и остается одним из самых влиятельных и непримиримых оппонентов нашей страны. Русско-английское, российско-британское взаимодействие с учетом реального веса двух сторон в геополитике всегда было и в настоящее время остается важнейшим в пространстве международных отношений³⁸¹. Представители правящих элит сыграли выдающуюся роль в становлении и развитии уникальной британской цивилизации, единственной в своем роде политической системы, поэтому представляется весьма актуальным политико-психологическое изучение их личностных особенностей.

С появлением в Великобритании в XVIII веке правительства особая роль принадлежит премьер-министру. Должность *премьер-министра* в течение длительного времени является своего рода *субъектной операционной системой* политического взаимодействия страны со всем миром и лидерами других стран.

При всей значимости политической роли премьера и других высших должностных лиц государства, в британской политической науке еще не сложилось отдельное научное направление, которое можно было бы назвать британской *персоналогией лидерства*³⁸², при том, что в европейских странах, таких как Германия, Нидерланды, Франция, Турция и др. оно уже сформировалось. Существует политическая персоналогия и в США.

Эпизодичность и фрагментарность изучения личностей британских политиков в определенной мере обусловлена тем, что до 1980-х гг. так называемое сильное политическое лидерство в Великобритании проявлялось только в условиях мировых войн XX века³⁸³. Отношение британских исследователей к проблеме политического лидерства стало меняться с началом премьерства М. Тэтчер³⁸⁴.

<https://russian.rt.com/world/article/389299-forum-pekín-shyolkovyi-put-glavnye-temy>

³⁸⁰ Перлез, Дж., Гаевский, Ю. План Си. Китай собирается перевернуть мировой экономический порядок. Информация получена 04.08.2017 с ARD. <http://asiarussia.ru/articles/17207/>

³⁸¹ Костриков М.С. Русско-английские отношения во второй половине XVI – XVII вв.: автореф. дисс. ... канд. историч. наук: 07.00.02 / Костриков Михаил Сергеевич Анатольевна — М., 2009.

³⁸² Стрелец И.Э. Современные концепции политико-психологического исследования президентства с точки зрения персоналогии президентского лидерства // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ), 2014. — Т. 11. № 4. С. 158—162.

³⁸³ Brown A. The Myth of the strong leader. Political leadership in the modern age. Great Britain: Basic Books, 2014.

³⁸⁴ Jones G. Mrs Thatcher and the Power of the Prime Minister // Contemporary Record. Vol.3, № 4, 1990.

Представляется возможным выделить в британских персонологических исследованиях два аспекта в изучении национальных политических лидеров — *исторический и современный*, а также ряд заметных тенденций: *историкографическое, биографическое, лингвокультурное и литературно-художественное направления*. Общим методологическим принципом исследований является традиционный *британский эмпиризм*³⁸⁵.

Для изучения английских премьер-министров неоднократно применялись конкретные *идеи и модели* из сферы американских президентских исследований (П. Нортон использовал анализ Дж. Д. Барбера, К. Эллис применял концепт «президентской власти» Р. Нойштадта, К. Трикстон — концепт «навык-в-контексте» Э. Харгроу). Подход американского специалиста по политической теории Ф. Гринштейна при анализе личностей британских премьеров применяется довольно часто.

В последние годы наметилась тенденция изучения британских политических деятелей вне научного сообщества. Зачастую авторами типологий «политических личностей» и психологических портретов политических лидеров выступают британские политические журналисты ведущих изданий страны (А. Бленд, Г. Стэмп, В. Хилер, А. Норс).

Мелконян Л.А. (РУДН, Москва)

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННЫХ АЗИАТСКИХ ДЕМОКРАТИЙ НА ПРИМЕРЕ ЯПОНИИ

Специфические черты, особенности и противоречия политического строя в Японии как одной из наиболее ярких представителей азиатского типа демократии и его отличий от демократий Запада в условиях модернизирующегося мира привлекает все большее исследовательское внимание.

Исходя из эффективности японской модели демократии, продемонстрированной на протяжении десятилетий, можно смело подчеркнуть, что демократия японского типа в некоторых смыслах и аспектах своего проявления значительно превосходит западную модель.

О японской демократии формально принято говорить, начиная с послевоенного периода восстановления и подъёма страны как одной из индустриально развитых и ведущих демократий мира. Демократия в Японии не имеет общепринятого смысла этого понятия: с политической точки зрения, государственный строй Японии известен не только эффективностью, но и уникальным национальным колоритом.

Японской демократии присущи множество характерных черт, рассмотрим, например, одно из отличий японского и западного демократических культур: интенсивность и специфику проявления таких понятий, как индивидуализм и коллективизм. Принято считать, что восточной культуре, в том числе и общественно-политическим системам стран Востока характерен коллективизм, а западному обществу, наоборот, индивидуализм. Однако следует подчеркнуть, что в системе ценностей демократии понятия коллективизм и индивидуализм изначально не противопоставлены друг другу. Тем самым же образом не противоречат рыночное начало и государственное вмешательство, отличаются лишь интенсивность их проявления в той или иной политической культуре.

Следует обратить внимание на тот факт, что в целях развития государства и укрепления позиций правящих классов Япония на протяжении всей ее истории с готовностью принимала иностранные новшества, заимствовала западные элементы политической культуры, гармонично интегрируя их в систему японского образа мышления, но также сохраняя собственную самобытность. Осознание национальной идентичности,

385

Громыко А. Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки. — М., 2008. С. 8.

соблюдение традиций и глубокий консерватизм были исторически присущи в политике Японии в выстраивании отношений с другими государствами.

С этим можно связать тот факт, что во имя сохранения власти в руках собственной политической элиты японцы не отказались даже от идеи демократизации и ее воплощения в жизнь, одновременно на пути своего становления как развитой демократии придерживаясь политического реализма и прагматизма.

Другим компонентом или институтом, который иногда считается противоречащим понятию и явлению демократии, однако на самом деле формирующим японскую национальную идею и политику в целом, является почитание императора.

На первый взгляд понятия «демократическое государство» и «почитание императора» не просто не соответствуют, но и по сути противоречат друг другу. Однако в понимании японцев император идентифицируется с небом, а согласно философу XX века Вацуджи Тецуо, «...Император не является Сыном Неба, который получает Мандат Неба... он - само Небо, которое дает этот мандат»³⁸⁶. Исключительность и избранность Японии, ее положения и места в мире до сих пор считается значимым компонентом японской идеи. Мотоори Норианага, один из основоположников японской национальной идеи, в своем трактате подчеркивает: «Только в божественной стране, где правит император, суть истинного пути передается должным образом из поколения в поколение... все другие страны должны почитать божественную страну и подчиняться ей, следовать ее Истинному пути»³⁸⁷. Обобщая вышеупомянутое, можно подвести итоги данного исследования:

История развития западных демократий не следует принимать как критерием для оценки более поздних моделей демократий в восточноазиатском регионе.

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона успешно и эффективно синтезируют традиции и современные элементы политической системы. Исторически многие азиатские государства, в частности Япония, успешно перешли к демократии именно авторитарным путем, и это является противоречивым явлением и понятием лишь в понимании Западной цивилизации.

Мелкумян К.С. (МГИМО(У) МИД РФ, Москва)
**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА
КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ
В УСЛОВИЯХ «ИДЕАЛЬНОГО ШТОРМА»**

XXI в. является свидетелем трансформации политической организации мира на 3-х взаимосвязанных уровнях: 1) Вестфальская система; 2) биполярная система; 3) политические системы государств. В результате, мы наблюдаем ситуацию «идеального шторма», который наиболее остро проявляется в «слабых звеньях», в частности, на Ближнем Востоке³⁸⁸. Именно здесь появился альтернативный проект политического устройства мира в виде всемирного халифата, который на фоне неразрешенного сирийского кризиса, политической нестабильности в регионе, а также широких финансовых возможностей ИГИЛ приобретает видимые очертания. В отличие от государств, которые в условиях «идеального шторма» несут издержки в виде размытия государственных границ и потери части суверенитета, терроризм расцветает.

Опасения вызывают действия ИГИЛ с целью сформировать де-факто «исламское государство», о чем свидетельствует их намерение ввести в создаваемом государстве собственную валюту (золотой динар и серебряный дирхам). Уже сейчас ИГИЛ ведет скупку

³⁸⁶ Вацуджи Тецуо, «Философия почитания императора и ее традиции», Токио, 1943г., С. 217-218.

³⁸⁷ Норианага Мотоори, «Драгоценная шкатулка для гребней», Т. 2, СПб., 2002.

³⁸⁸ Лебедева М.М. Указ. соч. С. 126.

золота, серебра и меди на рынках северной и западной частей Ирака, а также побуждает население сдавать золото и серебро для чеканки новой валюты³⁸⁹. Широкие финансовые возможности позволяют ИГИЛ обеспечивать свою деятельность и контролировать захваченные территории, что обуславливает актуальность противодействия финансированию терроризма.

Наиболее конструктивный подход к решению вопросов финансирования терроризма предлагает ФАТФ, т.к. в силу неформального статуса организации, отсутствия процедур ратификации она способна быстро реагировать на меняющуюся среду не только угроз финансирования терроризма³⁹⁰, но и политической организации мира. Так, в условиях трансформации Вестфальской системы, когда с середины 1990-х гг. среда борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма начала меняться³⁹¹, ФАТФ сумела преодолеть тупик принятия решения, допустив иные заинтересованные стороны к своей деятельности. При этом, ФАТФ взяла на себя роль координатора, не только аккумулируя все усилия в предметной области, но и придавая им прочный фундамент в виде выработанных Рекомендаций³⁹². Более того, ФАТФ удалось вовлечь финансовые и нефинансовые институты в механизм принудительного исполнения Рекомендаций ФАТФ, сформировав механизм «стороннего принуждения»³⁹³. Главным достоинством данного механизма является включение силы в глобальное регулирование системы финансирования терроризма посредством институционализации власти без непосредственного источника силы в виде самой ФАТФ, которая остается лишь регулирующим органом. Использование силы было бы прямым противоречием технократической легитимности, которую стремится достичь ФАТФ. Благодаря добровольному характеру стандартов, ФАТФ удастся исключить принятие решений или структурировать участие таким образом, чтобы избежать взаимоблокировок при принятии решений.

Несмотря на успешную адаптацию к трансформации Вестфальской системы, ФАТФ в силу институциональных ограничений не может преодолеть преграды, возникшие на фоне трансформаций иных 2-х уровней. Отсутствие общего знаменателя системы международных отношений и трансформации на уровне политических систем, особенно, на Ближнем Востоке, привели к возникновению новых угроз финансирования терроризма, которые невозможно решить чисто законодательными и финансовыми инструментами. В частности, сегодня террористические группировки, в том числе ИГИЛ, пользуются политической нестабильностью в регионе и осваивают значительные природные ресурсы подконтрольных территорий³⁹⁴, которые способны обеспечить надежный и стабильный источник прибыли (72% общего бюджета)³⁹⁵ при перекрытии всех иных каналов.

В подобных условиях успешное противодействие финансированию терроризма не может быть решено исключительно реактивными мерами, а должно быть дополнено мерами политическими. В частности, ключевым игрокам нового миропорядка необходимо отказаться от увязки вопросов пост-кризисного управления в регионе с совместной борьбой против терроризма и использовать весь имеющийся арсенал инструментов влияния, в том числе

³⁸⁹ ИГИЛ как угроза...С. 77-78.

³⁹⁰ Мелкумян К.С. Указ. соч. С. 91.

³⁹¹ Hülse R., Kerwer D. Op. cit. P. 629.

³⁹² International standards on combating money laundering and the financing of terrorism & proliferation. The FATF Recommendations [Электронный ресурс] / FATF. February, 2012. URL: http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/pdfs/FATF_Recommendations.pdf (дата обращения 07.09.2017).

³⁹³ Brunsson N., Jacobsson B. Op. cit. P. 134-137.

³⁹⁴ Levitt M. Terrorist Financing and the Islamic State [Электронный ресурс]/ Testimony submitted to the House Committee on Financial Services. Washington, D.C., The Washington Institute for Near East Policy, November 13, 2014. P. 3. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/uploads/Documents/testimony/LevittTestimony20141113.pdf> (дата обращения 07.09.2017).

³⁹⁵ ИГИЛ как угроза...С. 57.

Совет Безопасности ООН, для достижения политической стабильности в регионе как важной основы борьбы с финансированием терроризма.

Мизулин М.Ю. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)
ГОСПОДСТВО НЕНОРМАТИВИЗМА: ЧТО ДЕЛАТЬ?

- Значимость нормативизма очевидна. Там где есть норма, там есть деятельность. Таковая аксиома социологии последнего столетия. Где нет признанной (стандартизированной) нормы, там нет деятельности. Ключевой формой становления и поддержки нормативизма является право.
- Там где есть деятельность существует продукт. Продукт – важнейший элемент мир-капитализма (термин И.Валлерстайна). Итог – общественный порядок, понятность расположения вещей и, как следствие, понятная обществу морально-нравственная рамка отношений. Порядок приобретает очертания системы, система впитывает нужное и выталкивает ненужное.
- На этом благоприятном фоне общественного порядка возникает ненормативизм, как форма отклонения от нормы и стандартов общественного поведения. Он же вырабатывает свои нормы-стандарты и вступает в жесточайший конфликт с признанным и эффективно действующим нормативизмом. Появляются теоретики ненормативизма, обосновывающие свои взгляды новыми формами человеческого развития.
- В чем проявляется ненормативизм и каковы его формы?
- Первое – международные торговые и финансовые санкции отменяющие нормы Всемирной торговой организации. 200 лет, начиная с Адама Смита, торговые отношения приобретали черты и устремлялись к единым правилам мировой торговли. В наше время торговый протекционизм рушит этот экономический тренд.
- Второе – публичная политика и ее демократические процедуры как факторы свободы и аккумуляторы энергии и талантов превращаются в «дымовую завесу» по обслуживанию торгового протекционизма как фактора отмены норм международной торговли.
- Третье - общественная правда, справедливость и служение заменяются такой формой лжи как полуправда, хитрость и услуги. Эти процессы размывают нормы общественной морали, образования, здравоохранения, социальности и современных форм визуализации (кино, живопись, интернет).
- Четвертое – элитные ненормативисты финансируют в огромных масштабах рок-музыкантов и журналистов, продюсеров и знаменитостей, творящих ненормативное поведение и ненормативную лексику. Мат как сквернословие становится публичным и как бы элитарным элементом общественной жизни.
- Что с этим делать? Логично предположить традиционный мыслительный ход – проблематизировать, потом категоризировать ситуацию, а потом перевести ее в организационно-деятельностный план. Но вряд ли это получится, потому что не ясно каков будет новый уклад общественной жизни в ближайшее время.
- Но это означает, что тренд общественного ненормативизма необходимо максимально часто и в большом масштабе делать предметом и объектом политологического дискурса.
- Ключевым моментом этого дискурса является определение места и роли права в условиях нарастающего и масштабно финансируемого ненормативизма.

ЭТНИЧЕСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ АВТОНОМИИ: ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП И ПРОБЛЕМА СЕГМЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА³⁹⁶

Политическое пространство современных государств всегда неоднородно и имеет свои региональные и локальные особенности, однако нередко оно оказывается сегментированным. Эмпирически это проявляется, например, в отличном от общенационального порядка распределения властных позиций (power-sharing), особом типе политического голосования, специфических языковой, религиозной политиках, политике идентичности. Однако в данном исследовании сегментация политического пространства верифицируется через слабость национализации партийной системы страны, возникновение и функционирование этно-региональных партий (ЭРП).

Природа сегментации политического пространства может быть разной, при этом наиболее явно сегментарные различия связаны с этническими различиями и политизацией этнической идентичности. Особым потенциалом для сегментации политического пространства обладает создание этнических региональных автономий (ЭРА). ЭРА представляет собой институт вертикального разделения властей, смысл которого заключается в осуществлении некоторой сконцентрированной («титულიной») этнической группой территориального политического самоуправления. В отличие от культурной автономии, в ЭРА нередко значительную долю населения составляют представители других («нетитულიных») этнических групп. Поэтому важным оказывается степень конгруэнтности этнических и политико-административных границ: 1) то, как локализованы этнические группы относительно друг друга (совместный vs. сегрегированный форматы локализации), 2) то, как границы проживания этнических групп соотносятся с границами автономного региона.

Для измерения степени конгруэнтности этнических и политико-административных границ на основании баз данных Ethnic Regional Autonomies Database (ERAD)³⁹⁷, Geo-referencing Ethnic Power Relations (GeoEPR)³⁹⁸ и Global Administrative Areas (GADM)³⁹⁹ в ходе исследования был разработан концептуальный и измерительный инструментарий, где в качестве операциональных показателей были рассчитаны индексы сегрегации и концентрации «титულიных» для ЭРА этнических групп. Данные показатели легли в основу формирования четырех моделей конгруэнтности этнических и политико-административных границ, по которым были распределены более 80 существующих в настоящее время ЭРА первого субнационального уровня.

В качестве стратегии эмпирического исследования для определения влияния пространственной локализации этнических групп на сегментацию политического пространства национального государства было выбрано качественное кроссрегиональное small-N сравнение в рамках одной страны.

Распределение ЭРА по соответствующим моделям конгруэнтности границ позволило определить случаи для реализации выбранной стратегии исследования. Этими случаями оказались четыре пакистанские провинции – Пенджаб, Синд, Белуджистан и Хайбер-Пахтунхва. Выбор кейсов объясняется тем, что из всех стран с существенным количеством ЭРА именно провинции Пакистана демонстрируют наибольшую вариативность в одном общенациональном контексте, с одной стороны, моделей конгруэнтности этнических и

³⁹⁶ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект №15-18-00034).

³⁹⁷ Ethnic Regional Autonomies Database. URL: <http://identityworld.ru/index/database/0-21>

³⁹⁸ GeoEPR - Geo-referencing Ethnic Power Relations. URL: <https://icr.ethz.ch/data/epr/geoep/>

³⁹⁹ GADM database of Global Administrative Areas. URL: <http://www.gadm.org/>

политико-административных границ, с другой – особенностей региональных партийных систем.

В результате, на эмпирическом материале четырех ЭРА в Пакистане была протестирована гипотеза, согласно которой в условиях высокой сегрегации этнических групп с увеличением конгруэнтности границ проживания титульной этнической группы и границ автономного региона сегментация политического пространства государства оказывается более ярко выраженной, (что проявляется, в частности, в регионализации партийной системы, возникновении и функционировании ЭРП). Данная гипотеза, в целом, подтвердилась, однако анализ показал необходимость учитывать такие факторы, как отсутствие четко выраженного доминирующего этнического сообщества в стране, сложная этническая структура населения государства, на которую накладываются линии социально-экономических размежеваний, асимметричный характер федеративных отношений, наличие/отсутствие исторического опыта самостоятельного регионалистского движения, поддержка ЭРП внешнеполитическими акторами, выбор ЭРП методов внепарламентской борьбы и др.

Таким образом, разработанный инструментарий измерения пространственной локализации этнических групп относительно друг друга и политико-административных границ позволяет расширять рамки исследования как по методологическому вектору в сторону количественного large-N анализа, так и в содержательном плане с точки зрения выбора эмпирических референтов сегментации политического пространства nation-state. или других, например, региональных политий.

Мирошниченко И.В. (КубГУ, Краснодар)

СЕТЕВЫЕ ИННОВАЦИИ В МНОГОУРОВНЕВОМ ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ⁴⁰⁰

Развитие многоуровневого публичного управления в политических системах национальных государств обусловлено, по мнению автора, «продуцированием» и распространением сетевых управленческих инноваций. Система многоуровневого публичного управления представляет собой модель, где органы государственной власти/управления, местного самоуправления «пронизывают» сети горизонтальных взаимодействий различных акторов – политические элиты/лидеры, бизнес-структуры, институты гражданского общества, самоорганизующиеся сообщества гражданских инициатив и т.д.

Сетевые инновации в многоуровневом публичном управлении – это механизмы и результаты публичной деятельности разнообразных сетевых структур, обеспечивающих внедрение новых практик выработки и реализации решений публичных проблем общества и соответствие государственной/региональной/локальной политики общественным потребностям. Институционализация сетевых политико-управленческих практик возможна только в условиях формирования новой политической реальности - сетевой публичной политики. Сетевая публичная политика разворачивается в интегрированном с Интернет-средой публичном пространстве и представляет собой одновременно процесс и результат взаимодействия широкого круга разнообразных социально-политических акторов, использующих сетевые ресурсы и технологии для выработки способов решения проблем общественной значимости и их интеграции в управленческую практику.

Теоретическая модель сетевых политико-управленческих практик включает комплекс структурных, процессуальных, технологических и аксиологических компонентов, в основании которого находится сетевая коммуникация разнообразных акторов в

⁴⁰⁰ Исследование выполнено в рамках Гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук МД-5993.2016.6 «Инновационные практики в многоуровневой системе публичного управления современной России» (2016-2017)

интегрированном с Интернет-средой публичном пространстве. К структурным компонентам сетевых политико-управленческих практик относятся разнообразные по своему содержанию и темпоральному происхождению сетевые структуры, инкорпорированные в многоуровневую систему публичного управления. Среди типичных сетевых структур, продуцирующих инновационные управленческие практики, можно выделить следующие: сетевые сообщества, инкорпорированные в реальные властные политико-административные структуры (экспертные сети, сети гражданского участия, сети межсекторного взаимодействия, проблемные сети и т.д.) и сетевые структуры, инкорпорированные в систему публичного управления посредством интерактивных механизмов (электронного правления, электронной демократии, краудсорсинга, гражданских приложений).

Процессуальные характеристики развития сетевых политико-управленческих практик обусловлены нелинейным характером их динамики, что проявляется в трансформации сетевых структур под влиянием факторов внешней среды в определенных контекстуальных условиях. Необходимо подчеркнуть, что при разрастании/увеличении сетевых структур главной проблемой становится их координация, рассматриваемая как основной управленческий механизм.

Технологические компоненты сетевых политико-управленческих практик, выстраиваясь на принципах сетевой коммуникации, существование которых невозможно вне технологической платформы сетей передачи данных (мгновенной и непрерывной передачи большого объема данных), нацелены на поиск инноваций в сфере публичной политики и управления (инновационного контента, инновационных форм взаимодействия, инновационных ресурсов и решений общественно значимых проблем).

Воспроизводство, развитие и распространение сетевых политико-управленческих практик происходит на основе культуры консенсуса (аксиологического комплекса), т.е. общих норм и ценностей, согласованных правил, возникающих в процессе сетевых коммуникаций. Аксиологический комплекс сетевых управленческих практик позволяет формировать институциональную среду открытого пространства гражданских коммуникаций, где инкорпорирование новых участников в процесс выработки инновационных способов решения общественно значимых проблем происходит на основе идеи сопричастности.

Важно, что сетевые политико-управленческие практики возникают в сетевом окружении системы публичного управления – совокупность сетевых практик в институциональной среде сетевых коммуникаций разнообразных акторов, способных ориентироваться в растущих объемах публичной информации, адаптироваться под собственные потребности и потребности общественного развития и создавать новые технологии. Сетевое окружение представляет собой сетевой ресурс (сетевые сообщества и структуры, механизмы и технологии), с помощью которого производятся инновационные политико-управленческие практики, а их внедрение определяет трансформацию публичного управления в многоуровневую систему.

Мирясова О.А. (ИС ФНИСЦ РАН, Москва)

ОБРЕТЕНИЕ ГРАЖДАНИНОМ СУБЪЕКТНОСТИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ*

Под политическим полем мы будем понимать публичное пространство диалога и институционализированного конфликта по значимым проблемам в рамках наличного и альтернативных проектов общих целей и стратегических решений для общества. Одной из гипотез нашего исследования является существование в России прото-политического поля,

* При поддержке гранта РФФИ 17-03-00446а.

возможности развития которого в полноценное поле ограничены зоной власти. Несмотря на доминирование зоны власти в силу наличия у ее функционеров значительных ресурсов (включая финансовые, административные и монополию на насилие), прото-политическое поле постоянно ослабляет зону власти, «пробивает бреши» в ее монополии на принятие решений, ставя под сомнение легитимность существующего порядка.

Любой гражданин формально наделен гражданскими правами, которые потенциально создают условия для обретения им субъектности. В зоне власти гражданин обрести субъектность в принципе не может, так как: 1) рассматривается только как объект манипуляций и 2) признает принципиальную невозможность политической субъектности индивида или группы индивидов. Для обретения субъектности имеют значение: 1) обретение уверенности в наличии прав и внутренней силы (эмпайрмент), 2) компетентность в сфере публичной политики, 3) ресурсы, которые находятся в распоряжении индивида. Граждане в момент обретения субъектности «перемещаются» из зоны власти в прото-политическое поле, которое не может быть названо в полной мере политическим в силу локального характера возникающих политических явлений.

Кроме акторов-граждан и их объединений, включение которых в прото-политическое поле обычно носит временный характер, в этом поле действуют постоянные акторы, целью которых является продвижение альтернативного политического проекта. Акторы в прото-политическом поле могут стремиться как к трансформации политического порядка, так и к приобретению значимых позиций в зоне власти, а также менять свои цели в процессе борьбы за власть и оспаривания сложившегося статус-кво.

Граждане могут обретать субъектность в результате: 1) мобилизации со стороны постоянных акторов прото-политического поля, 2) ущемления значимых социальных или гражданских прав, 3) мобилизации со стороны функционеров «зоны власти», 4) влияния других граждан-акторов из ближайшего окружения. Этот список не является исчерпывающим, но описывает наиболее распространенные пути обретения субъектности.

Отдельный интерес представляют способы легитимации существующего порядка, используемые функционерами из «зоны власти» для сохранения ее доминирования, а также способы делегитимации, к которым прибегают предприниматели из среды оппозиции. В «зоне власти» по определению невозможна реальная конкуренция политических проектов. Более того, сложившийся политический порядок воспринимает крайне враждебно локальные политические инициативы, но прекратить дискуссии в прото-политическом поле он не может.

Общими требованиями акторов прото-политического поля являются универсализация действующих норм и создание условий для участия граждан и их объединений в принятии решений, то есть, деконструкция «зоны власти». В тоже время за многими локальными инициативами (акторами) в прото-политическом поле стоят определенные представления об общем благе, что создает предпосылки для реальной политической борьбы. В связи с этим особой проблемой является отсутствие у российских граждан навыков согласования интересов и преобладание авторитарных подходов в представлениях о политике.

Митрохина Т.Н. (Саратов, ССЭИ (филиал) РЭУ им. Г.В.Плеханова) ДУАЛИЗМ ТЕНДЕНЦИЙ В ПОЛИТИКЕ

Интерес исследователей к проблемам концептуализации политической динамики является не только традиционно устойчивым, но и постоянно возрастающим. Политической наукой накоплено множество моделей, механизмов, теорий и закономерностей политических изменений⁴⁰¹.

⁴⁰¹ Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения / Под ред. М.Ф. Черныш. – М.: Аспект Пресс, 1998.

Основу практически любого вида политической динамики составляет такой феномен как дуализм тенденций, укорененный в самой природе политического, приводящий в движение политическую систему и определяющий характер и направленность политической динамики.

«Для понятия политического конститутивны противоположность и антагонизм [...]. Отсылка к конкретной противоположности содержит в себе существо политических отношений»⁴⁰². В этой связи, в политике все значимые противостояния являются проявлением такой закономерности как дуализм тенденций.

Тезис «политика – это действие, а действие – это всегда выбор», принадлежащий французскому социологу М. Дюверже, подтверждает мысль о том, что политические решения практически всегда предстают в дуалистической форме. Политике внутренне свойственен выбор между двумя типами решений и двумя противоречивыми устремлениями⁴⁰³.

В то же время человек по природе своей есть существо политическое, а значит, дуализм тенденций в политике является следствием раздвоенности как индивидуального, так и общественного сознания.

Общество в своей обыденной жизни и каждодневных практиках, представляющих тесное переплетение различных поведенческих традиций, стереотипов, форм общения, интересов вырастает в политику и определяет ее содержание. Как следствие, общественное мнение кристаллизуется по любому вопросу вокруг двух полюсов.

В каждый определенный период развития общество чуть больше тяготеет к тому или иному типу сознания и политических процессов, которые затем сменяются на противоположные, а далее – снова осуществляется переход к предыдущему состоянию.

Дуализм тенденций в общественном сознании объясним в рамках социологических подходов. Практически в любом обществе одновременно одной частью граждан формируется запрос на перемены и инновации, в другой – остается стремление сохранить привычные жизненные стандарты и формы⁴⁰⁴.

Дуализм тенденций на уровне сознания отдельного индивида объясним в рамках психологических теорий влияния на периодичность изменений типов сознания, связанных с различием в функциях левого и правого полушарий человеческого мозга. Левополушарные процессы ответственны за аналитическую, а правополушарные за синтетическую деятельность.

На этом основании выделяют левополушарные и правополушарные поведенческие стратегии в политике. Первые выстраиваются путем анализа, на основе разума, они отличаются точностью, конструктивностью, объективностью, рациональностью и догматичностью в осмыслении действительности. Вторые стратегии выстраиваются на основе синтеза, субъективных чувств, архаических процессов, не всегда контролируемых разумом⁴⁰⁵. Даже на уровне отдельного человеческого сознания лево и правополушарные процессы конкурируют между собой.

В обществе также оба типа сознания сосуществуют одновременно, но с преобладанием какого-либо из них в определенный момент времени. Открытость общества для внешних взаимодействий, преобладание добровольно-договорных оснований общества характерны для доминирования аналитического начала. Напротив, замкнутость, сепаратизм, авторитарный стиль управления типичны для синтетического начала.

⁴⁰² Шмитт К. Понятие политического // Политология: Хрестоматия / Сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин. – М.: Гардарики, 1999. – С.28.

⁴⁰³ Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический Проект, 2000. – С.276.

⁴⁰⁴ Кувалдин В.Б. Структурный кризис и поляризация в мире капитала // Российская политическая наука: в 5 т. / Под ред. А.И. Соловьева. – М.: РОССПЭН, 2008. Т.3: 1960-1985-е годы. – С.169.

⁴⁰⁵ Ротенберг В.С. Две стороны одного мозга и творчество // Интуиция, логика, творчество / Под ред. М.И. Панова. – М.: Наука, 1987. – С.42.

Для развития общества наиболее благоприятен режим попеременной смены различных типов сознания и поведенческих стратегий. Так как в обществе присутствуют люди и с тем и с другим типом сознания, ни один из них не должен абсолютно доминировать длительное время.

Дуализм тенденций обеспечивает преимущество то одного типа сознания, то другого, поочередную смену аналитических и синтетических процессов. Постоянные изменения, в конечном счете, способствуют сохранению стабильности в обществе и оберегают его от революционных потрясений.

Дуализм тенденций обеспечивает функционирование политики в двухфазовом режиме, отвечая на запросы, исходящие то от одной части общества, то от другой, создает возможность регулярной смены лидеров и изменения содержания публичной политики с учетом настроений и потребностей граждан.

Очевидно, дуализм тенденций в политической практике проявляется очень разнообразно, составляет основу волновой, маятниковой, циклической и любой другой динамики, находит объяснение с точки зрения природы политического, а также в рамках социологических и психологических подходов.

Дуализм тенденций, укорененный на уровне индивидуального и группового сознания человека, вырастает в политику и, пронизывая ее в каждой точке, способствует политической динамике.

Незнание этой закономерности, нарушение внутренней логики и диалектики развития, сознательное игнорирование и блокирование механизма не может благоприятно сказаться на социально-политической динамике в целом.

Михайленко В.И. (УрФУ, Екатеринбург)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ СУБРЕГИОНАЛЬНЫХ БЛОКОВ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬШИ)

Современная Польша играет важную роль в переформатировании геополитического пространства Центрально-Восточной Европы, которое после роспуска Варшавского пакта, распада СССР и вывода советских (российских) войск из Восточной Европы превратилось, используя терминологию Г. Киссинджера, в «серую зону» безопасности⁴⁰⁶.

Польский национальный интерес формируется в польских *think tanks* и воспроизводится правящим классом как ведущей региональной державы в Центрально-Восточной Европе. Россия при этом, рассматривается как конкурент Запада⁴⁰⁷. По мнению Т. Степневски центр тяжести европейской стабильности сместился на восток: межэтнические конфликты, непризнанные государства, экономическая и политическая нестабильность ряда новых независимых государств, усиление террористической угрозы из кавказского региона⁴⁰⁸. Наряду с этим в Польше вызывает озабоченность чрезмерное усиление Германии. Эксперты подчеркивают, что отцы-основатели европейской интеграции не предполагали возвращения германской гегемонии⁴⁰⁹. Наконец, предлогом для активизации темы «нового восточного

⁴⁰⁶ Kissinger H. Military Policy and Defense of the "Grey Areas"// Foreign Affairs, 1955, April.

⁴⁰⁷ Ras M. Rosja jako konkurent Zachodu w regionie czarnomorskim. Rocznika Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej.Rok 7 (2009) Część 1. Region czarnomorski.Lublin 2009, P. 27-45
http://www.iesw.lublin.pl/rocznik/pliki/Rocznik_2009-136.pdf (дата обращения 30.05.2017).

⁴⁰⁸ Tomasz Stępniewski. NATO, ukraiński kryzys i szara strefa bezpieczeństwa Europy Wschodniej//
http://www.kas.de/wf/doc/kas_47325-1522-8-30.pdf?161206201525

⁴⁰⁹ Lemmen D. Up-coming breaking points in Polish-German Relations// Yearbook of East-Central Europe. V. 14, N 2, p. 95-112

блока» стал миграционный кризис, в котором страны Вишеградской четверки (Польша, Чехия, Словакия и Венгрия) занимают схожую позицию против политики Брюсселя.

Универсальным подходом для реформирования постсоветской Центрально-Восточной Европы стала реализация идеи конструирования идентичности региона как культурно и политически независимого от России. В 1990-х гг. профессор И. Клочовский начал вводить в научный оборот геополитические идеи О. Халецкого (1891–1973), выделявшего регион «Центрально-Восточной Европы», что автоматически превращало Польшу в связующее звено между Германией и Восточной Европой. М. Филипович полагает, что инициированное Польшей Восточное партнерство создает предпосылки движения в этом направлении⁴¹⁰.

Клочовский установил контакты с исследователями из Беларуси, Украины, Литвы, Чехии и Венгрии, создав тем самым сообщество (ассоциацию) интеллектуалов Центрально-Восточной Европы с центром в Университете Люблина. В 2002 г. польский МИД придал юридический статус ассоциации, создав на ее основе Институт изучения Центрально-Восточной Европы. Для обоснования восточной политики польская политическая элита использует геополитическую концепцию Ежи Гейдройца⁴¹¹. Политическим центром реализации новой восточной политики Польши была канцелярия президента Качиньского.

Польская научная общественность и правящая элита продвигают в Центрально-Восточной Европе два проекта «Междуморье» (Intermarium) и «Троеморье» (Triemory)⁴¹². Восточно-европейские аналитики допускают, что основанный на развитой энергетической инфраструктуре отношений проект Троеморья с участием в нем Украины, Молдавии, Румынии, Болгарии, Балканских стран со временем может стать мощным геополитическим фактором в Европе. Интересы США в регионе трех морей связаны с созданием противовеса российско-германским энергетическим проектам⁴¹³. Лоббированием проекта Троеморья занимается профессор Ягеллонского университета К. Щерский, занимающий в настоящее время должность Государственного секретаря, руководителя кабинета Президента Польши.

В докладе рассматриваются оценки в польском научном сообществе перспектив субрегиональной блоковой политики Польши.

Михайленок О.М. (ИС ФНИСЦ РАН, Москва)

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО–ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

В контексте российской действительности очевидно, что глобальные тенденции общественного развития в значительной степени относятся и к сфере социально-политических отношений и процессов, среди которых можно выделить собственно политические отношения, т.е., как их часто характеризуют, отношения распределения и использования государственной власти на основе политических интересов, а также целей, установок, ценностных ориентаций политических акторов.

⁴¹⁰ Filipowicz F. The idea of East-Central Europe and its role in shaping the logic behind Eastern Partnership// Roczник Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej, 2016, N 14 (6).

⁴¹¹ Doktryna Giedroycia [Electronic resource]. URL: <http://oczamiduszy.pl/doktryna-giedroycia/> (accessed: 25.06.2017).

⁴¹² The Three Seas Initiative: Central and Eastern Europe takes charge of its own destiny// <https://visegradpost.com/en/2016/08/28/the-three-seas-initiative-central-and-eastern-europe-takes-charge-of-its-own-destiny/> [26.08.2017]

⁴¹³ Jonathan Hibberd. Warsaw debates Intermarium// <http://www.neweasterneurope.eu/articles-and-commentary/1018-intermarium/2424-warsaw-debates-intermarium> [19.08.2017]

В глобальном обществе риска социально-политические отношения демонстрируют амбивалентную динамику. Это касается различных аспектов и составляющих этих отношений.

Один из актуальных аспектов связан с тенденцией развития сетевой структуры социума и соответственного изменения характера социально-политических отношений в нем.

Не вызывает сомнения тот факт, что такие характеристики современного общества, как «глобальное», «информационное» и «сетевое» связаны между собой не случайно, а по существу.

Так или иначе, понятие сети в настоящее время все более претендует на роль универсальной метафоры: сетевая экономика, сетевая логика, сетевые структуры, сетевой интеллект, сетевой график и т.д.

Понятие сетевого общества имеет приоритетное значение для характеристики новой социальной реальности.

В целом, по мнению экспертов, сетевые структуры характеризуют особенности постиндустриальной стадии цивилизационного развития; они приходят на смену сакральных общественных иерархий традиционного общества и рационализированных образований в обществе модерна (государств, правительств, политических институтов, производственных структур).

Можно согласиться с тем, что на протяжении веков коммуникация и информация были фундаментальными источниками власти и оппозиции власти, господства и подчинения, стабильности и социальных изменений. С понятиями властных отношений тесно коррелирует понятие политических отношений как взаимодействия социальных групп, личностей, социальных институтов по поводу устройства и управления обществом.

Современные политические процессы характеризуются борьбой властных и оппозиционных сил за доминирование в коммуникативных сферах на фоне уменьшения роли существующих социально-политических институтов.

Сегодня можно с большой долей уверенности утверждать, что политика, как вид деятельности, под воздействием процессов ее сетевизации на наших глазах становится существенно иной.

Поэтому политические лидеры, политические партии и группы интересов начинают формировать и реализовывать собственную политическую стратегию сетевой политики.

Вместе с тем, нельзя не видеть, что новая, сетевая реальность, обладая значительным позитивным потенциалом, порождает и целый ряд проблем.

Поэтому, по нашему мнению, весьма актуальными в ближайшее время станут проблемы, связанные с рисками безопасности общества (в частности, России) в сетевом социальном пространстве.

Риски и угрозы в социальной сфере имеют многовариантное проявление, часто гибридный характер (сочетают различные способы реализации), внешние угрозы проецируются на внутриэкономическую и политическую ситуацию, и наоборот. Так же следует учитывать как традиционные угрозы, так и угрозы «нового поколения», связанные с развитием информационных и коммуникационных технологий.

В аспекте возможностей нейтрализации рискогенных процессов общественного развития следует отметить, что в этом плане для России остается актуальной задача, которую ставит развитие процессов глобализации и возникновение проблем, угроз и рисков, нуждающихся для своего купирования в согласованных действиях как субъектов международной жизни, так и политических акторов в отдельных государствах, включая Россию. Это задача достижения политического согласия.

В широком смысле слова политическое согласие есть форма взаимодействия и результат коммуникации между субъектами политики, предполагающая сближение по поводу общих политических базовых ценностей и подходов к решению политических проблем и

преодоления конфликтов. Политическое согласие является фактором, который обеспечивает стабильность общества, способствуя смягчению социальных противоречий и конфликтов.

Напротив, отсутствие политического согласия следует рассматривать в качестве серьезного препятствия в процессе нейтрализации рисков и разрешения конфликтов, сохранения стабильности социума, развертывания процесса модернизации и формирования гражданского общества. Достижение общественного согласия необходимо для выхода на орбиту устойчивого развития. Многонациональная и многоконфессиональная Россия может достичь этой цели, только обретя гражданский мир и демократический консенсус.

В заключение отметим важность такой исследовательской задачи, как рассмотрение взаимосвязи социальных и политических процессов, которое предполагает также возможность политической интерпретации социальных процессов.

В данной связи мы еще раз подчеркнем актуальность политического измерения социальных процессов. На наш взгляд, само политическое следует рассматривать как «размерность» пространства социальных процессов.

Михеев В.А. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)
**ИНКЛЮЗИВНАЯ ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА**

Инклюзивная политика развития человеческого капитала связана с формированием постиндустриального информационного общества, предполагающего не только переход на новые виды деятельности, но и утверждение нового в отношении ко всему окружающему, в том числе к государству, и что особенно важно, к самому человеку.

Инклюзия⁴¹⁴ – это социальная ценность, выражающая в данном контексте уровень включения её социальными практиками, технологиями в государственную политику. Инклюзивная политика развития человеческого капитала (ЧК) имеет многоаспектные и противоречивые трактовки.

Проблемам развития ЧК посвящены труды отечественных и зарубежных ученых, политиков. ЧК представлен в ряде официальных государственных и международных документов, в том числе ООН, в «Стратегии 2020» социально-экономического развития России.

Однако в методологическом и нормативном аспектах четкого определения сущности инклюзивной политики развития ЧК пока не сформулировано.

Авторское понимание инклюзивной политики развития человеческого капитала характеризуется как процесс обеспечения равного доступа человека к развитию своих способностей, формирования общественной среды с учетом инклюзии, основанной на представлениях, позициях, интересах, потребностях различных социальных групп, слоев, отдельных граждан, органов власти, бизнес-структур, гражданских институтов, государства и общества в целом.

Инклюзивная политика вырабатывается путем включения в политический процесс всех граждан, а не только особо нуждающихся, или имеющих своеобразные, специальные потребности.

⁴¹⁴ Инклюзия (от лат. – включение, заключение) – процесс разработки и принятия конкретных решений, позволяющих каждому человеку равноправно участвовать в общественной жизни/ru.m.wiktionary.org

Инклюзивный [фр. Inclusive включающий в себя] –распространяющийся на более широкий круг предметов. Не следует подменять понятием эксклюзивный (от лат. exclusivus – исключительный) – составляющий исключительную принадлежность кого-чего-либо. // Словарь современных понятий и терминов. 4-ое изд. / Авт.: Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова и др. Сост. общая ред., В.А. Макаренко. - М., 2002. С. 160, 504.

См. так же: Ярская Н.Н., Бабаян И.В. Инклюзивная молодежная политика нового поколения // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014.

По развитию человеческого капитала в 1992 году Россия занимала 32 место, в 2013-2014 годы – 66 место,⁴¹⁵ в 2016 году – поднялась на 49 место.⁴¹⁶ Но при сопоставлении мест в мире по ВВП и развитию ЧП (человеческого потенциала) Россия имеет более худшие показатели.

В условиях, когда России необходим инновационный рост, ценностный сдвиг основным фактором их обеспечения может стать инклюзивная политика развития ЧК. Соцопросы показывают, что россияне настороженно относятся к реформам, но полагают, что постепенные, без шоковой терапии изменения в ближайшие 10-15 лет необходимы.⁴¹⁷

Проведение структурных реформ на основе перераспределения бюджетных расходов с расчетом увеличений их на общественные услуги и госинвестиции с 2019 года на уровне 34% ВВП предлагает Центр стратегических разработок.⁴¹⁸

Разработка и реализация инклюзивной политики развития ЧК сопряжены с обстоятельным масштабным определением качества жизни различных категорий населения, отдельных граждан, их потребностей, позиций, профессионализма, возможностей, трудностей, а также уровня мотивации саморазвития, самосовершенствования. В российском обществе, по мнению ученых, велика доля так называемых «неуспешных» людей, которые составляют 25-28 %, в Европе – 6-10%.⁴¹⁹ Содержание инклюзивной политики развития ЧК, представляет собой определение путей сокращения неравенства, создания условий, возможностей, способствующих повышению активности граждан, их ответственности в противовес иждивенческой ориентации.

Базисом инклюзивной политики является образование и воплощение принципа социальной справедливости. Разработка принципа социальной справедливости может связать в перспективе перевод российской правящей элиты на новый режим существования, отказ её от утвердившегося в этой среде принципа «своим – всё, чужим – закон».

Именно человеческий капитал пронизывает и питает современное общество, будущую цифровую экономику, информационные связи производства и распределения. От ресурсов человеческого капитала зависит понимание движущих сил современного общества, использование их для создания открытых, более сплоченных и толерантных сообществ, в которых мы все нуждаемся.

Морозова Е.В. (КубГУ, Краснодар)

ОБРАЗ ДРУГОГО В КОНСТРУИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ СТРАН ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ)⁴²⁰

Исследование образа «другого» во внутривнутриполитическом дискурсе приобретает особую актуальность в контексте развития так называемого «нового национализма» и роста сепаратистских настроений в современной Европе. Ведущими причинами популярности сепаратизма чаще всего называют незавершенное нациестроительство; слабость национальной идентичности в сравнении с региональными и этническими; восприятие

⁴¹⁵ Смолин О. О реформе образования//Знаем как.МОСКOW ECONOMIC FORUM:www.me-forum.ru.; Приложение к Российской газете//Российская газета. 2014. 29 марта

⁴¹⁶ Ru.m. Wikipedia.org. Доступ 13.09.2017.

⁴¹⁷ Рувинский В. Реформа ценностей// Ведомости. 2017. 7 сентября.

⁴¹⁸ Ломская Т. Кудрин предложил Путину//Ведомостм. 2017. 6 сентября.

⁴¹⁹ Кузьминов Я. Четверть россиян «неуспешны», общество на них тратит больше, чем получает//Новая газета. 2017. 9 сентября.

⁴²⁰ Выполнено в рамках проекта РГНФ (РФФИ) «Чужой/Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации», грант № 15-03-00402.

территориальных конфликтов в категориях политической культуры⁴²¹. Особая роль среди причин принадлежит выраженности региональной идентичности и проводимой в регионах политике идентичности. Л.В. Смирнягин отмечал мощный потенциал региональной идентичности для сплачивания людей в устойчивые группы, объединенные общими системами ценностей, сходной реакцией на социальные процессы и единой волей к социальному действию, о её способности «объединять людей разных рас, профессий, состояний, уровней образования, ломать или снижать барьеры между этими группами»⁴²².

По данным Евробарометра удельный вес респондентов, которые считают региональную идентичность приоритетной для себя, колеблется в различных европейских регионах от 4 до более чем 50 процентов⁴²³. Р. Фитъяр, предложивший весьма интересную модель региональной идентичности, выделил такие усиливающие её факторы, как региональный язык, факт собственной государственности в прошлом, характер центр-региональных отношений, включенность в процессы евроинтеграции, уровень экономического развития, наличие регионалистских партий и др. Именно эти факторы стали определяющими при отборе кейсов для данного исследования (французские регионы Юг-Пиренеи и Аквитания, Страна Басков и Каталония в Испании, регион Венето в Италии, регион Коимбра в Португалии).

Материалом для эмпирического анализа послужили разнообразные агитационные и рекламные материалы, распространявшиеся сепаратистскими общественно-политическими движениями и региональными партиями, в основном они датируются 2012-2017 годами. Каналы коммуникации, которые использовались для распространения материалов – печатные и электронные СМИ, наружная реклама, интернет-ресурсы, социальные медиа. Важный материал содержится в экспертных интервью, проведенных автором в 2014-2017 годах в указанных выше регионах.

Автором предложена шкала образов Другого, в которой на полюсе минимума находится образ «Свой Другой» (представлен регионом Коимбра), на полюсе максимума «Другой-почти Чужой» (представлен Страной Басков). Исследование показало, что образ Другого может быть диверсифицирован. Так, в Венеции Другой – это вся Италия (за исключением Венето), Юг Италии и правительство страны.

Политика идентичности в исследуемых регионах и использование в ней образа Другого используется различными политическими движениями, в том числе сепаратистскими, для легитимации своей деятельности, политической мобилизации, ценностной ориентации и политической социализации. Как полагает О.Ю. Малинова, «разделяемые представления о внешних Других являются не только неотъемлемым элементом механизма конструирования макрополитических идентичностей, но и инструментом символической политики...»⁴²⁴. Рост настроений сепаратизма в начале текущего тысячелетия стал симптомом того, что региональная неоднородность уже не сводится к традиционным социокультурным и политическим размежеваниям, она становится более сложной и многозначной, что создаёт новые вызовы внутреннему единству стран. Политические субъекты, выступающие за целостность государств, апеллируют в большинстве случаев к аргументам конституционно-правового характера. В дополнение к ним совершенно необходимы действия символического порядка, продвижение идеи

⁴²¹ См.: Баранов А.В. Сепаратизм в современной Италии: факторы развития, институционализация, политические стратегии // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Том 16. №1. С.78-90.

⁴²² Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Демоскоп. 5-18 мая 2014. № 597-598. - Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/analit05>

⁴²³ Fitjar R. D. Explaining variation in sub-state regional identities in Western Europe - European Journal of Political Research 49: 522–544, 2010 doi: 10.1111/j.1475-6765.2009.01907.x

⁴²⁴ Малинова О.Ю. Риторика политического лидера как индикатор значимости «другого». США и КНР в выступлениях президентов РФ (2000-2015 гг.) // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 21. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.02.03>

целостности с использованием методов современной визуализации, сетевых технологий, социальных медиа.

Морозова О.С. (РГУ имени С.А. Есенина, Рязань)
**НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ
И ПОСЛЕДСТВИЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ** ⁴²⁵

Изучение избирательных систем в настоящее время является одним из востребованных направлений в сфере политических наук.⁴²⁶ На сегодняшний день подавляющее большинство работ посвящено исследованию особенностей избирательных систем. Меньше внимания уделено анализу электорального реформирования.⁴²⁷

Два крупнейших направления исследований в рамках изучения избирательных институтов сосредоточены на механике избирательных систем и ее влиянии на агрегацию электоральных предпочтений. Первое направление - школа общественного выбора, находится на пересечении технического и теоретического аспектов систем голосования. Истоки теории общественного выбора можно проследить благодаря работам ранних современных ученых, особое место среди которых занимает К. Эрроу и его новаторская теорема невозможности.⁴²⁸

С другой стороны – исследования механики избирательных систем и теоретических парадоксов, связанных с попыткой агрегировать сложные общественные предпочтения, а также последствия голосования для коллективных действий⁴²⁹, экономики благосостояния, политических институтов и выработки политических решений⁴³⁰. Второе направление изучает политическое, экономическое и иное влияние избирательных систем в сравнительном контексте. Начиная с новаторской работы Д. Рае «Политические последствия избирательного законодательства» это направление характеризуется большим количеством компаративных исследований, которые стремятся продемонстрировать связь между наблюдаемыми результатами, такими как стабильность правительства, государственная политика благосостояния, формирование экономических институтов и пр. с особенностями систем голосования, например, избирательной формулой, величиной округов и т.д.

Обзор этих двух направлений указывает на то, что существует представление о влиянии избирательных систем на функционирование политической системы общества, т.е. избирательные системы наиболее часто исследуются как независимые, а не зависимые переменные.

В литературе, как правило, определено, что основные реформы избирательной системы – это значительные изменения в способе, при котором происходит подсчет голосов, переход от одной избирательной системы к другой, как правило, из другой «семьи» систем.⁴³¹

⁴²⁵ Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-03-00153 «Государственная политика и управление в сфере избирательного процесса: концептуализация научного направления».

⁴²⁶ Гришин Н.В. Институционализация государственной электоральной политики// Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2015. – Т.11. - №1. – С.89-107.

⁴²⁷ Морозова О.С. Проектирование избирательных систем: возможности избирательной инженерии. Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2015. – 152 с.

⁴²⁸ Arrow K. Social Choice and Individual Values. New York: John Wiley and Sons. 1951. – Режим доступа: <http://cowles.yale.edu/sites/default/files/files/pub/mon/ml2-all.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз.англ.

⁴²⁹ Felsenthal D. S. etc. Electoral Systems: Paradoxes, Assumptions, and Procedures. Berlin: Springer. 2012 – Режим доступа: <http://trove.nla.gov.au/work/163227689>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз.англ.

⁴³⁰ Mueller D. C. Public Choice III. Cambridge: Cambridge University Press. 2003 - Режим доступа: <http://catdir.loc.gov/catdir/samples/cam031/2002022287.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз.англ.

⁴³¹ Katz R. S. «Why are there So Many (or So Few) Electoral Reforms?» in Michael Gallagher and Paul Mitchell, editors, The Politics of Electoral Systems. – N.Y: Oxford University Press, 2008. Pp. 57-80.

Подавляющее большинство исследований опирается на данные об избирательном праве и особенностях голосования второй половины XX в. Во многих отношениях послевоенная эпоха представляет собой естественный временной интервал для такого рода анализа. В этот период массовые глобальные сдвиги в политической культуре, технологических инновациях, экономической интеграции, а также повышение ответственности социального государства позволяют четко отличить его от предыдущих эпох. Но многие современные политические институты, включая избирательные системы, возникли в XIX веке и не испытывали радикальных изменений с того времени. В этой связи возникает закономерный вопрос о важности исследования, в том числе и таких давно сложившихся систем голосования. Еще одно важное направление для отечественной политической науки – поиск оптимальной модели функционирования избирательных институтов в условиях глобализирующегося мира.⁴³²

Мун Д.В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

РОССИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА

Сегодня мы понимаем, что расстановка сил в мировом политическом пространстве кардинально меняется. На мировой арене при постепенном падении авторитета и силы США появляются новые сверхмощные игроки, например, Китай, с каждым годом набирающий обороты. При таком балансе сил мы также понимаем, что проблемы, существующие сегодня, не решаются. По-прежнему идет борьба за распределение ресурсов, за повышение авторитета страны в целом и т.д.

Россия в системе международных отношений занимает весомое место, имея свою позицию, свое мнение. Однако достаточно очевидно, что Россия обходит так называемый Запад, держа курс на Восток. Руководитель Института США и Канады Сергей Рогов выдвинул следующую гипотезу: Трамп во время предвыборной кампании ни разу не оскорбил Россию, российскую внешнюю политику, и этот достаточно странный для представителя антироссийского государства жест был совершен с целью «оторвать Россию от Китая».

Достаточно неоднозначной выглядит политика Дональда Трампа по отношению к КНР. На протяжении всей избирательной кампании будущий президент Америки подверг жесткой критике одного из ведущих лидеров мировой политики, обвиняя Китай во многих экономических проблемах: «Наши прежние недалекие лидеры позволили им (т.е. Китаю) зарабатывать сотни миллиардов долларов на торговле с нами». Выдвигая протекционистские лозунги, Трамп выступает против Трансатлантического сотрудничества. Не устраивает США и политика Китая по отношению к КНДР. Америка считает, что меры по предотвращению ядерной программы Северной Кореи со стороны КНР слишком смягчены. Еще до начала предвыборной гонки Дональд Трамп ставил перед собой цель: сделать Америку вновь великой, и для достижения этой цели необходимо победить Китай, ограничить все торгово-политические отношения между двумя странами.

Однако сейчас мы можем наблюдать иную картину. После официального вступления Трампа в должность президента США его политика и мнение в отношении некогда «соперника» меняет направление, Китай уже воспринимается союзником. В чем причина? Действительно, как было указано выше, Китай догоняет США по всем показателям, в первую

⁴³² Понделков А.В., Усманов Р.Х., Гришин Н.В., Баранов А.В., Шашкова Я.Ю., Мирошниченко И.В. Россия в глобальном мире: институты и стратегии взаимодействия// Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. №1 (33). С. 327-340

очередь, экономическим. В ближайшие 10 лет КНР имеет шанс обогнать США, став мировым лидером и тем самым подтвердить главный лозунг этого государства: «Великая китайская нация». Исходя из этого, мы понимаем, что потенциально Китай и Россия – достаточно сильный и влиятельный блок.

В отношении Тихоокеанского региона, где и происходит столкновение основных интересов двух держав, КНР ведет достаточно аккуратную политику. Понимая, что под эгидой ШОС объединены достаточно сильные союзники (Россия, с 2017 года Индия и Пакистан, Иран), Китай реализует несколько крупных проектов⁴³³, способных перевесить мировой баланс сил в свою сторону:

- экономическое сотрудничество с лидерами региона (Россия, Иран и другие);
- сотрудничество по вопросам безопасности (в частности решение вопроса в отношении КНДР).

Вашингтон в данной ситуации понимает, что для достижения весомого влияния в Тихом океане сотрудничество с Китаем необходимо, что вполне может объяснить резкое потепление по отношению к КНР со стороны США. Признавая то, что сегодня стратегическую ось международной системы⁴³⁴ представляют США и Китай, России выгодно восточное направление развития и сотрудничества. Почему?

Первым аспектом проблемы является военная безопасность. Сегодня важно обратить внимание на то, что ядерный потенциал России практически равен запасам США, что уже само по себе является сдерживающим фактором. Однако союз с КНР дает больше гарантий сдерживания ядерного конфликта. США продолжает размещать свои военные базы в таких странах, как Филиппины, Япония, что не может не волновать Китай как лидера организации, борющейся за международную безопасность в регионе, и Россию как потенциального соперника.

Кроме того, в связи с ухудшением отношений между Россией и Западом, в том числе в экономической и финансовой сферах, для нашей страны жизненно важным становится перенос связей в этих областях с запада на восток. Уже сегодня кредитование наших банков и крупных компаний частично производится китайскими банками, и этот процесс только нарастает. Неменьшая потребность у России существует и в отношении совершенно различных потребительских товаров и производственного оборудования. Учитывая состояние нашей экономики и объективную нецелесообразность восстановления всех видов производств внутри страны, фактор прочных внешнеторговых связей с Китаем является для России значимым и перспективным.

Мустафа Д.А. (РУДН, Москва)

КУРДСКИЙ ВОПРОС: БУДЕТ ЛИ УТВЕРДИТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ?

В настоящее время курдский вопрос является острейшим на Ближнем Востоке. Курдский народ на протяжении многих десятков лет борется за свою независимость, пытаясь создать свое государство. Решить эту проблему путем образования нового национального государств или проведения территориального размежевания по национальному признаку в современных условиях крайне затруднительно⁴³⁵.

⁴³³ Колдунова Е., Ниведита Дас Кунду. Роль России в ШОС и Центральной Азии: вызовы и возможности. Доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай». – Москва, декабрь 2014. – С. 21 – [Электронный ресурс]. (дата обращения 12.09.17).

⁴³⁴ Барановский В. Изменения в глобальном политическом ландшафте // Журнал «Пути к миру безопасности». 2017. с.55-63 DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-55-63/435

Курдского государства на сегодняшний день на политическом карте мира не существует, хотя курдская проблема была (и является таковой и сейчас) миной заложенной под стабильность огромного Ближневосточного региона. Как известно заложили ее Великобритания и Франция во время Первой мировой войны. Они разделили Ближний Восток по собственному желанию и интересам.

Прошли годы, и вот после 2003 года в истории Ирака начался новый виток политического развития. Но оно почти не касалось Курдистанского региона, так как по сравнению с другими частями Ирака, он был наиболее стабилен. Процветание и формирование данного региона привели к тому, что политическая система Курдистана была более константной и эффективной, чем политическая система Ирака в целом. Кроме того, у правительства Курдистана был успешный опыт решения проблем во взаимоотношениях этнических групп. Благодаря такой политике, на его территории на протяжении многих лет успешно проживают представители различных народов. И это, несомненно, способствует успешному развитию региона.

Курдистанский регион является административной структурой, такой же, как и любое обычное государство: есть президент, парламент, правительство, собственные вооруженные силы (Пешмарга), служба безопасности, а значит, в состоянии противостоять любой внешней угрозе, как это доказала война против международных террористов (Исламское государство).

В основе своего существования лежит экономическая способность Курдистана жить независимо. Это обеспечивается наличием сырьевых ресурсов: нефти, газа, воды и сильные торговые связи с Ираном и Турцией, а также с другими странами мира. Чтобы продемонстрировать мощь сырьевой базы достаточно сказать, что на сегодняшний день нефтяные запасы Иракского Курдистана по объёмам занимают 6 место в мире. Они насчитывают около 45 миллиардов баррелей. Курдистанская нефть составляет 60% добываемой в Ираке нефти в целом. Экспорт нефти через территорию Турции, предположительно, будем возрастать.

Значительным событием, позитивно сказавшимся на развитии международных связей, стал аэропорт под Эрбилем построенный в 2005 году. Он обеспечил автономии воздушную связь с внешним миром (второй аэропорт существует в Сулеймании).

Сегодня на территории Курдистана находится около 40 консульств и торговых представительств, в том числе российское консульство. В разных странах мира имеются 14 представительств регионального правительства Курдистана.

В настоящее время курдам не только в Иракском Курдистане, но и в Сирийском Курдистане удалось оправиться от ударов Исламского государства и начать контрнаступление благодаря эффективным ударам российских Военно-космических сил. Курды смогли успешно защитить родину и население, тем самым удерживая определенную территорию (признак государства) за собой. Практически вся спорные территории под контролем курдов. Также на сегодняшний день в Курдистане находится около 1800000 беженцев из Сирии и других частей Ирака.

Таким образом, основываясь на праве наций на самоопределение, народы имеют право на создание собственного государства, а также пользоваться всеми своими богатствами, своей культурой и языком, потому что это их естественное право, никто не может забрать его. По мнению многих курдских и международных экспертов, пришло время для использования этого законного права и инструмента. Планируется 25 сентября 2017 года провести референдум о независимости, результат которого предрешен и уже сейчас не вызывает сомнений. С другой стороны, это может привести к появлению нового конфликта на Ближнем Востоке. Очевидно, что Иран и Ирак просто так не примут результат референдума мирно.

Тем более, что Курдистан намерен провести референдум не только в городах существующего на данный момент официально признанного Курдистанского региона, но и в так называемых спорных территориях, которыми сейчас Курдистан управляет. На современном историческом этапе сложилась ситуация при которой может появиться новое независимое государство.

Мчедлова М.М. (РУДН/ФНИСЦ РАН, Москва)

РЕЛИГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕТАНАРРАТИВА⁴³⁶

Одной из сторон больших перемен современности является постоянное присутствие религиозных смыслов как аттракторов политической риторики и социальных практик, а также повышение социальной значимости религии в публичном пространстве. Многогранное внедрение религиозных контекстов в публичное пространство, Резонансные внутривнутриполитические и внешнеполитические события: террористические атаки исламистских политических субъектов, «дискуссия о поправках Яровой», запрет на буркинни в курортных городах Франции, запрет на ношение бурок в Австрии, общественное напряжение вокруг фильма «Матильда» и многие другие прецеденты, актуализировали пересмотр политико-правового принципа светскости и поставили вопрос и судьбе секулярного проекта социально-политических трансформаций мирового развития. Многие прецеденты стали катализатором напряженного обсуждения пределов демократических ценностных рамок политического развития и переосмысления ценностных контекстов индивидуального и коллективного бытия в политических параметрах.

Видоизменение параметров современности имплицитно в качестве одного из основных теоретических векторов исследования взаимоотношений религии и политики судьбу традиционных теорий секуляризации: сложившаяся модернизационная парадигма исследования воздействия религиозного фактора на общество и политику, настаивавшая на том, что постепенно религиозное мышление, практика и религиозные институты утрачивают свое значение, вытесняется практически полностью из публичного пространства, перестает удовлетворять эпистемологическим запросам современности и параметрам реальной жизни, отражающим противоречия между политическим метанарративом Модерна и плюрализмом современности. Одним из фундаментальных вопросов методологического порядка является проблема сопряжения изменений как ключевого принципа современности, возникновения нового качества социальности, инициированного глобальными и универсальными тенденциями, и основаниями плюрализации социально-политического пространства. Разнонаправленные процессы, связанные с одной стороны с крайними формами секуляризации, с другой – с различными путями эволюции «религиозного», тенденциями требования учета религиозных отличий в публичной, гражданской и правовой сферах ставят в центр современных тревожных дискуссий принцип светскости и формы взаимоотношений государства и религиозных институтов.

Одним из значимых концептуальных поисков объяснения новых форм взаимоотношений религии и политики, становится плюралистическая парадигма как одновременная возможность существования множественных секуляризаций и десекуляризаций, зависящих от таких переменных, как: масштаб трансформации (от нескольких институтов до всего общества); институциональный механизм распределения власти между религиозным и светским акторами; способ приведения этих механизмов в действие; идеологии, легитимирующие эти механизмы.

⁴³⁶ Подготовлено в рамках проекта РУДН «Религия и образование: социально политический контекст» № 101206-0-000.

Отмеченная ключевая проблема и точка пересечения основных теоретических и мировоззренческих дискуссий, а именно принцип светскости, заложенный в политический метанарратив современности, структурирующий государственно-конфессиональные отношения и выстраивающий во многом саму сущность взаимоотношений между церковью, обществом и государством актуализирует в гуманитарном и политическом знании вопрос о пересмотре границ принципа светскости. Это проявляется и в новых политических практиках, демонстрирующих противоречивость и актуальность в оценках манифестации религиозной ориентации или наоборот, ее противоположности.

Глубинная проблема современности - новые конфигурации взаимоотношений религиозного и светского, государственных и религиозных институтов преломляются при обсуждении и решении конкретных вопросов, которые выходят на общественно-политическую повестку дня. Одним из ключевых вопросов взаимоотношения светского и религиозного является отношение к сфере образования., конкретизирующийся в переопределении сегментов данной сферы между государственными и религиозными акторами. Можно вычленить ряд моментов: в какой мере присутствует религиозное образование в светской школе (проникновение религиозных смыслов в светскую школу), существование высших учебных заведений и специальностей подготовки по религиозным предметам: прежде всего богословию и теологии и насколько они являются признаваемыми и равноположенными иным специальностям в светской структуре научных специальностей, областей знания и градации степеней. Одновременно, обозначен широкий эпистемологический вопрос о господствующей в обществе парадигме картины мира, фундаментальных принципов теории познания и господствующих мировоззренческих взглядов, определяющих критерии истинности, предопределяет политические импликации, прежде всего в модели и распределении ролей в государственно-конфессиональных отношениях.

Мышьякова Д.В. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)
**РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ОБНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Проблема формирования и обновления политической культуры – одна из давних и в то же время современных и актуальных проблем политологии и, в целом, общественно-политического знания⁴³⁷. Соотношение политики и культуры рождает многие сущностно-содержательные и вместе с тем понятийно-терминологические сочетания. Это: политика культуры и культура политики, а также культурная политика (как политика в области культуры) и политическая культура (как культура политических процессов, политических отношений, политических институтов)⁴³⁸.

В отличие от прежних этапов российского политического процесса, когда субъектами политики были, прежде всего, государство, политические партии политические лидеры, сегодня происходит обновление политической культуры. Это осуществляется за счет политизации деятельности традиционных институтов гражданского общества – самоуправляющихся, некоммерческих общественных организаций. Они формируются гражданами на добровольных началах для самопомощи и решения жизненно важных проблем⁴³⁹. Такие общественные организации в чистом виде не являются субъектами

⁴³⁷ Политическая культура, психология и коммуникация. РАПН - М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 320 с.

⁴³⁸ Тульчинский Г. Российская политическая культура. Особенности и перспективы. – СПб.: Алетейя, 2015. 176 с.

⁴³⁹ Горшков М. Формирование гражданского общества в гражданской нации в пореформенной России (к социологическому осмыслению проблемы) // Вестник Российской нации. 2012. №1. С.135-160.

политики, так как их программатика не предусматривает политических целей (прежде всего, борьбы за власть и за удержание власти). Однако для агрегации интересов своей целевой группы и для их достижения данные общественные организации все чаще прибегают к политическим техникам и технологиям. Собственно, обновление современной российской политической культуры во многом происходит за счет новой роли институтов гражданского общества.

Так, осуществляются: во-первых, расширение номенклатуры субъектов политики за счет вовлечения в политический и политико-управленческий (политико-самоуправленческий) процесс новых субъектов – общественных объединений; во-вторых, политизация форм и методов действий общественных объединений, которые от форм общественной (народной) самоорганизации переходят к формам политического действия.

Здесь стоит отметить, что не все общественные организации повсеместно политизируются и усиливают свою политико-культурную институционализацию. Это свойственно, прежде всего, тем организациям, программные цели которых касаются таких сфер, как: миротворчество и миростроительство, защита прав человека и гражданина, профилактика социальных конфликтов, защита прав отдельных народов и этнических групп; реабилитация пострадавших в конфликтах и постконфликтная реконструкция, борьба с коррупцией и бюрократией⁴⁴⁰.

Все эти сферы прямо и косвенно соотносятся с политикой и предполагают необходимость для общественных активистов обладать высоким уровнем политической культуры, причем не пассивной, а активной. Поэтому в рамках обновления современной российской политической культуры на повестку политологических исследований выходят такие проблемы, как: сочетание гражданских политических интересов в деятельности общественных организаций. Также это - использование общественными организациями политических техник и технологий; повышение уровня политической культуры общественных активистов. Также это - включение (ротация) руководителей общественных организаций в ряды политической элиты; использование общественного и гражданского активизма как ресурса политической деятельности.

Эти процессы очевидны в деятельности таких институтов гражданского общества, прежде всего, как Общероссийский народный фронт, Общественная палата РФ, Открытое («большое») Правительство, Уполномоченный по правам человека в РФ, роль которых в обновлении политической культуры россиян очевидна. Данные организации играют решающую роль в формировании не патриархального и не подданнического, а именно активистского типа политической культуры в таких современных формах, как публичная политика, «фабрики мысли», политические сети и др⁴⁴¹. Это отражает многоуровневость и многосубъектность современной политической культуры российского общества, как равно сложность и многоаспектность новых ролей институтов гражданского общества в ней.

Напара А.С. (РУДН, Москва)

ПРОБЛЕМЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ЕС: МЕЖДУ ЭКОНОМИКОЙ И ПОЛИТИКОЙ

В настоящее время энергетическое сотрудничество России и ЕС переживает кризисный период. Политизированность отношений и экономические санкции Запада против

⁴⁴⁰ Нужнова С.Л. Развитие гражданского общества посредством становления и функционирования института общественных советов при государственных органах // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. - Ростов/нД: ЮРИУ РАНХ и ГС. 2015. 3 1. С. 115-120.

⁴⁴¹ Публичная политика – 2007. Сб. статей / Под ред. М.Б. Горного и А.Ю. Сунгурова. - СПб: Норма. 2007. 220 с.

Москвы, привели к большому количеству проблем для обеих сторон. Страны Евросоюза стремятся к полной энергетической независимости от России, а Кремль, в свою очередь, ищет альтернативные каналы поставок отечественного сырья на Восток.

На сегодняшний день импорт российских энергоносителей в страны Европы сильно превышает «порог безопасности» в 25% из одного источника, определенный разработчиками европейской энергетической политики еще в 1970-х [4. С. 12]. По оценкам Евросоюза, доля импорта из России составляет почти 35% по нефти и свыше 45% по газу.⁴⁴² Для России Европейский союз, в свою очередь, является крупнейшим рынком сбыта природного газа и нефти, почти 70% всего экспорта.⁴⁴³

Под давлением Еврокомиссии (ЕК) был свернут проект «Южный поток», а страны Прибалтики и Польша развернули компанию против строительства «Северного потока-2». Взамен данных вариантов, Запад и США начали активную поддержку конкурирующих проектов. Так, например, в 2016 году Брюссель одобрил строительство Трансадриатического газопровода из Прикаспия и Ближнего Востока в Западную Европу,⁴⁴⁴ а в настоящее время ведется поиск источников финансирования Транскаспийского газопровода для поставок «голубого топлива» из Туркменистана в обход России.

Важнейшим препятствием является и излишняя секьютиризация энергетической сферы Евросоюзом. Брюссель необоснованно политизирует вопрос энергозависимости и усматривает в стремлении российских энергетических компаний укреплять сотрудничество не только коммерческий, но и геополитический аспект. Это ведет за собой различные законодательные ограничения.

Однако, осуществление планов ЕС по полной замене российского газа альтернативным в ближайшей перспективе маловероятно. Российские газовые потоки в ЕС невозможно заменить без развития инфраструктуры и транспортных систем Европы, а это долго и дорого. Поэтому газовый диалог с Россией необходим, тем более к 2019 году Москва планирует прекратить транзит «голубого топлива» через территорию Украины, а это свыше 70% всего экспорта российского газа в ЕС.⁴⁴⁵ Сокращение, а тем более прекращение поставок газа представляет серьезную угрозу энергетической безопасности Евросоюза.

Также избавиться от российской энергетической зависимости Евросоюз не может по причине договорных обязательств с газовыми компаниями РФ. Около 120 млрд. куб. м. газа поставляется по долгосрочным контрактам, разрыв которых приведет к штрафным санкциям и большим выплатам.⁴⁴⁶ Многие контракты на условиях «бери или плати» действуют до 2020 года, а с Италией и Германией – до 2035 года.⁴⁴⁷ Таким образом, у руководства отечественных энергетических компаний остается достаточно времени для того, чтобы выработать стратегии дальнейшего двустороннего сотрудничества.

Однако если Запад продолжит осуществлять антироссийскую политику, масштаб энергетического сотрудничества ЕС и РФ будет постепенно сокращаться. Можно ожидать уменьшение экспорта нефти и, скорее всего, экспорта газа. В течение 10-15 лет с ростом сотрудничества Европы и Ближнего Востока, а также с развитием альтернативных источников энергии Брюссель станет намного менее зависим от России в области энергетической

⁴⁴² Стратегия энергетической безопасности. // Европейская Комиссия. [Электронный ресурс] – <http://ec.europa.eu/energy/en/statistics>

⁴⁴³ Эксперт: позиции «Газпрома» в Европе стабильны минимум до 2030 г. [Электронный ресурс] – http://www.rubaltic.ru/article/energetika-i-transport/ekspert-pozitsii-gazproma-v-evrope-stabilny-minimum-do-2030-g08052014/?sphrase_id=5288

⁴⁴⁴ Макаренко Г. Немецкие эксперты оценили готовность Европы к новой «газовой войне». [Электронный ресурс] – <http://www.rbc.ru/economics/19/03/2015/550acf609a79477313a95470>

⁴⁴⁵ Фролов А. Репетиция ценовой войны. // Корпоративный журнал ПАО «Газпром». №1-2. 2017. С. 7

⁴⁴⁶ Искандеров П.А. Еврокомиссия создает угрозу энергобезопасности Европы. // Фонд стратегической культуры. 2016. С. 31

⁴⁴⁷ Конопляник А.А. Материалы круглого стола «Рынок газа Юго-Восточной и Центральной Европы в условиях формирующегося Южного газового коридора». // ИМЭМО РАН. 2015. С. 25

безопасности, а Россия получит независимость от Европы как в финансовых, так и в промышленных и инфраструктурных сферах.⁴⁴⁸

Недяк И.Л. (ИС ФНИСЦ РАН, Москва)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ В ОБЩЕСТВЕ РЫНКА: НОВЫЕ И/VS СТАРЫЕ СМЫСЛЫ ГРАЖДАНСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ⁴⁴⁹

Цель данного доклада – проанализировать опыты ревизии политического, которые стимулирует неолиберальная политика маркетизации общества. Она внесла новые напряженности между форумом и рынком как доменами производства гражданских добродетелей, идентичностей, форм самоорганизации, политического участия, гражданского контроля и действия.

Корни концептуальных построений рыночного общества и/vs общества политики, жаркие дебаты об их (рас)согласованности, о (не)устранимости политики уходят как минимум к временам Адама Смита. Конstellацию новых аспектов этой дискуссии добавили мощные конфигураторы текущего кризиса современного миропорядка: триумф и закат империализма неолиберальной экономической глобализации, (декларируемое) завершение гегемонии политического либерализма как глобальной идеологии, «перегибы» в неолиберальных концепциях фреймирования общества как рыночного взаимодействия и в программах маркетизации в целом. Последнюю мы трактуем как институционально «фундированный» феномен, политику активного внедрения правящими элитами ценовой конкуренции в нерыночные сферы жизнедеятельности общества и «установление в них рыночно-ориентированных правовых норм, социального порядка и культурных ценностей».⁴⁵⁰

В течение почти сорокалетнего периода реванша рыночного фундаментализма понимание политики и политического *per se* целенаправленно переформатировалось: успешно проведена рекуперация концептов гражданства и гражданского общества; реализованы рыночные стратегии легитимации социального порядка; внедрены контрактные формы взаимоотношений, которые надломили идею общественного договора, а спаянные с ним политические институты «потеряли в цене».

В дискурсе маркетизации политического все дебаты о ревизии концептов гражданства так или иначе возвращаются к вопросу вопросов. Продолжает ли оставаться адекватной реалиям тотально «орыноченного» общества дуалистическая теория гражданства, корни которой восходят к «великой дихотомии» (термин Н. Боббио) политического либерализма: «частное vs публичное», «государство vs рынок»? Две изложенные ниже позиции – «традиционалистов» и «ревизионистов» – доминируют в дискуссиях.

По (разделяемому нами) мнению «традиционалистов», необходимым оселком при анализе эрозии (переопределения?) политического под воздействием политики маркетизации (которая в нашей стране проводится более пятнадцати лет в рамках административно-государственной реформы) являются идеалы *ауора*, гражданства и участия, заложенные в республиканской традиции.

Идеально-типические конструкторы республиканского гражданства должны оставаться *мерилом степени политического*. Политическое в своем пределе «случается» при

⁴⁴⁸ Гудков И.В. Газовый диалог России и ЕС: взаимодействие и конфликт международного и европейского права. // Научный журнал Российского газового общества. № 1. 2015. С. 17

⁴⁴⁹ При поддержке гранта РФФИ 17-03-00446а "Конституирование поля политики в России: институциональный анализ".

⁴⁵⁰ Ebner A. Marketization: Theoretical Reflections Building on the Perspectives of Polanyi and Habermas - URL http://www.mpifg.de/projects/marketization/paper_library_en.asp (26.08.2017)

определенных обстоятельствах как *событие*, но не является перманентным феноменом и/или общепринятыми этосом и практиками политической активности. Гражданство в строгом республиканском прочтении измеряет движение на континууме: от полисного понимания политического и инклюзивных режимов гражданства к упадку политического и формированию различных видов эксклюзивных режимов гражданства.

Убедительны ключевые доводы считающих, что политика маркетинга направляет движение к указанному последним полюсу континуума. Применение рыночных принципов в регулировании некоммерческих сфер, формирование ориентированного на потребителя социального порядка меняют характер социальной связи между людьми. *Теряет статус общего блага право иметь права*, которые Х.Арендт определила как фундаментальные права на инклюзию, членство в сообществе и признание им. *Социальная инклюзия более не является атрибутом статуса гражданства*; она превращается в весьма недешевый рыночный продукт. Рынок легитимируется как место производства альтернативных полисным гражданских добродетелей, за скобки вынесены право и обязанность гражданина активно участвовать в жизни политики.

Доводы «ревизионистов» побуждают к выявлению/измерению политического вне жесткой привязки к континууму «традиционалистов». Основная посылка - гражданство становится контекстуально обусловленным. В рамках контрактных отношений создаются новые правила включения и механизмы исключения; в силу своей рыночной природы они имеют выраженный ситуационный и неустойчивый характер. Ставится под сомнение адекватность концепта единой публичной сферы в условиях умножения форм социализаций, фрагментации политического сообщества, мультипликации публичных площадок делиберации одной темы, которые объединяют различные коалиции акторов с различными индивидуальными и групповыми идентичностями.

Нестерова С.В. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) **ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗОВ РОССИИ В СОЗНАНИИ ГРАЖДАН**

Тема образов будущего представляет в настоящее время особый интерес: в стране идет широкая дискуссия о путях дальнейшего политического и экономического развития страны. Объектом нашего исследования⁴⁵¹ является образ России в сознании граждан.

Нас интересовал вопрос, существует ли разница в вербальных и визуальных образах России. Для решения данной задачи, с одной стороны, анализировалась информация о вербальных образах власти, полученная с помощью опроса. С другой стороны, использовался проективный рисуночный тест, выявляющий визуальные характеристики образов России.

Хотелось бы привести некоторые предварительные выводы:

Привлекательность образа

Большая часть респондентов воспринимает Россию двойственно, находят в ней, как достоинства, так и недостатки. Число и тех и других примерно одинаково: «не горжусь» - 6,3%, «мне не стыдно» - 9,1%.

Когнитивная простота/сложность

Большинство (76,7%) полученных образов достаточно просты, более сложные образы встречаются лишь у 19% опрошенных.

Наличие или отсутствие субъекта. У подавляющего большинства (75,7%) респондентов образы России не имеют субъекта, они достаточно абстрактны и неконкретны,

⁴⁵¹ Данное исследование «Взаимное восприятие странами друг друга» проводится кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ. Оно носит качественно-количественный характер. В данной статье обсуждается лишь та часть исследования, которое касается только образа России в сознании граждан самой России

чаще всего, встречаются ассоциации с *«родиной», «местом проживания», значительно реже с «домом».*

Безусловно, существенным достоинством России являются **большая территория и природные ресурсы** (*«имеет самую большую территорию», она большая, самая большая в мире, что делает ее уникальной»*).

Еще одна черта образа России – сила и независимость от других стран, что во многом связано с увеличением роли России на международной арене.

Также среди плюсов называли, способность справиться с трудностями и лишениями: *«ей выпало много испытаний за последние 100 лет, она победила в ВОВ, помогала другим странам», «она может справиться с трудностями и препятствиями».*

Еще одной сильной стороной образа страны является прошлое страны, а особенно ее история и культура: *«она имеет вклад в мировую историю», «империя с великой историей».* Большинство респондентов положительно оценивают прошлые победы страны, воинские победы, особенно ВОВ. Советские достижения (космос, балет) также вызывают чувство гордости.

В свою очередь, негативные оценки связаны с оценкой настоящего положения страны. Несмотря на то, что респонденты позитивно оценивают увеличение роли России в мире, оценка социально-экономической ситуации в стране вызывает нарекания. По мнению каждого пятого опрошенного чувство горечи вызывает низкий уровень промышленного развития страны (при ее высоком потенциале, как ресурсном, так и людском): *«потому что мы являемся бедными, с такими ресурсами мало людей живет достойно».* Чувства стыда вызваны за то, какой страна стала социально незащищенной и бедной: *«нищета населения», «пенсионеры получают нищенские пенсии», «подавляющее большинство людей живет недостойно».*

Образ власти

Еще одним важным компонентом образа России являются **представления о российской власти.** Респонденты говорят о социальном неравенстве, о сосредоточении власти в одних руках, о коррупции и воровстве. А также об отсутствии правовой защищенности простых людей. Именно власть, по мнению респондентов, виновата в недостаточном экономическом развитии страны: *«государство не думает о нашем будущем»,* а также в не решении социальных проблем, в бедности и нищете населения: *«социальное расслоение, деградации во всех сферах», «пенсионеры получают нищенские пенсии», многие семьи живут на грани выживания», «подавляющее большинство живет недостойно», «толстосумы раздирают страну».*

Образ народа.

В свою очередь, человеческий потенциал страны воспринимается двойственно, так 17% отмечает щедрость, талантливость, изобретательность народу, 14,5 – говорят о пассивности, лени и апатии народа: *«мы себя не любим и ругаем», «у нас наивные и бездейственные люди»*

Потенциал страны

При этом будущее страны оценивается достаточно позитивно, респонденты видят ресурсы для развития.

«она может стать страной с высочайшим уровнем жизни и образования»

«заходя в тупик, она возрождается как жар-птица»

Как и в прошлых исследованиях, в представлениях граждан о России заложено два структурных компонента: политический и неполитический. Политический связан с оценкой политической власти и лидеров, отношение к ним скорее негативное, именно власти обвиняют в ухудшении ситуации в стране. Неполитический, культурно-коммуникативный образ (связанной с культурой) носят в свою очередь позитивную оценку. При этом в ходе исследования выявилась разница в восприятии времени по отношению к образу страны. Так респонденты довольно позитивно оценивают прошлое страны, упоминая о великих победах, развитии науки и культуры, настоящее же вызывает скорее негативные оценки (что во многом

связано с ухудшением социально-экономической ситуации), при этом в будущее они смотрят достаточно оптимистично, ожидая, что страна в будущем будет активно развиваться.

Нечаев Д.Н. (Воронежский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, Воронеж)
**«НОВАЯ» ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАК ТРЕНД ПРОМЫШЛЕННОЙ
ПОЛИТИКИ СУБЪЕКТОВ РФ: ОСОБЕННОСТИ
РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ОБЛАСТЕЙ ЦФО)**

В научном и практическом дискурсе последних лет неизменно присутствует проблематика регионального неравенства в России, рассматриваемая как с точки зрения пространственного развития территории субъектов РФ, так и в дихотомии «центр-периферия». Как отмечает отечественный исследователь А.В. Дахин, сложившаяся в России «сложная многоуровневая система региональной стратификации существует более 500 лет»⁴⁵². Постоянные колебания от автономизации к централизации происходят на фоне усиления вектора в направлении централизации. В этих условиях прослеживается серьезная экономическая зависимость субъектов РФ от федерального центра.

При этом за субъектами РФ остается достаточная автономия для определения характера, направленности и интенсивности развития отраслевых региональных политик. Наиболее отчетливо это прослеживается на примере выработки и реализации промышленной политики субъектов РФ ввиду того, что индустриально-технологическое развитие территории задает общий темп социально-экономическому и пространственному развитию региона.

На примере субъектов Центрального федерального округа можно отметить наличие тенденций реиндустриализации территорий в формате «проектирования и развертывания внутренних индустриально-технологических цепей, создающих потребительные стоимости как сугубо промышленного, так и потребительского назначения»⁴⁵³. Разумеется, интенсивность и направленность этих процессов не отличаются равномерностью и сбалансированностью в виду объективных и субъективных причин. Очевидно, что регионы Центральной России, как и территории других субъектов РФ, имеют разную ресурсную обеспеченность, разное экономическое наследие и промышленную инфраструктуру, что априори создает неравные условия для масштабного проведения «новой» индустриализации регионального экономического пространства. Однако нельзя не замечать и имеющиеся просчеты региональных политических акторов, допускающих технологическую примитивизацию производств в регионе в то время, когда реализация стратегии новой индустриализации потребует автоматизации и роботизации рабочих мест и использования потенциала искусственного интеллекта и геной инженерии⁴⁵⁴.

Анализируя региональную промышленную политику субъектов ЦФО, имеет смысл предложить авторскую эмпирическую типологию субъектов РФ по интенсивности проведения новой индустриализации. В соответствии с данной типологией были выделены четыре группы.

К первой, лидерской группе отнесены субъекты ЦФО, завершающие процесс оформления статуса индустриально-инновационного региона. Эти регионы имеют

⁴⁵² Дахин А.В. Региональная стратификация общества: глобальное и локальное в культуре, экономике, политике. Часть 2 // Власть. 2015. №11. – С. 46-47.

⁴⁵³ Сухарев О.С. Региональная экономическая политика: Институты, структурно-организационные изменения, реиндустриализация. – М.: ЛЕНАНД. – 2014. – 144 с. – С. 8.

⁴⁵⁴ Сергеев Е. Стратегия новой индустриализации России: автоматизация, роботизация, нанотехнологии / Е. Сергеев. – [б. м.] : Издательские решения, 2016. – 178 с.

разветвленную сеть институтов развития, официальные документы по реализации региональной государственной промышленной политики в регионе, активно участвуют в федеральных целевых программах и используют возможность получения финансовых ресурсов федерального Фонда развития промышленности. К этим регионам относятся Белгородская, Липецкая и Калужская области.

Вторая группа – субъекты ЦФО, сохранившие промышленный комплекс региона и осуществляющие активный процесс его модернизации. К ним относятся Тульская, Тамбовская, Московская и Курская области.

Третья группа объединяет субъекты ЦФО, потерявшие значительную часть промпроизводств и находящихся в начале пути процесса реиндустриализации. В соответствии с предложенной типологией к ним относятся Ярославская, Рязанская, Владимирская и Тверская области.

Четвертая группа – субъекты ЦФО, в которых произошел процесс деиндустриализации и которым необходима господдержка в новой индустриализации. Эта группа пока еще весьма многочисленна. Она объединяет Брянскую, Смоленскую, Костромскую, Орловскую, Воронежскую и Ивановскую области.

Нечеталюк Д.В. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)
**РЕВОЛЮЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС
И ТЕКУЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ**

Социально-экономические и политические кризисы проявляются все чаще и становятся заметнее для широких слоев населения, как России, так и стран всего мира. В условиях усиления конфронтации интересов отдельных групп растет и нестабильность внутри государств. Мир столкнулся с новой волной проблем, для решения которых требуется консолидация воли противоборствующих сил. В противном случае это может привести к дестабилизации обстановки в России и возможной революции.

Чтобы избежать подобных случаев, следует углубиться в сущность понятия революции, при этом четко разграничивая политические процессы в государстве на конвенциональные (голосование, обсуждение политических событий, обращение во властные структуры, участие в митингах и демонстрациях, абсентеизм) и неконвенциональные формы (участие в неразрешенных демонстрациях и стихийных забастовках, бойкотирование, отказ от уплаты налогов). Революция как процесс представляет собой коренной и быстрый переворот в государственном и общественном строе страны, обыкновенно сопровождаемый вооруженной борьбой; последняя не признается безусловно необходимой. В специальном смысле революция предполагает, во-первых, участие в перевороте широких масс народа (социальный аспект); во-вторых, задачей революции является переустройство государственного управления (политический аспект)⁴⁵⁵. То есть, следует четко разделять между собой два понятия: политической и социальной революции. Концепция революции в ее современном смысле относительно молода. Сам термин появился еще в XIV в., но в то время он означал всего лишь вращательное движение, хождение по кругу и лишь после Великой французской революции складывается ее современная концепция.

В теории революции выделяют четыре главные «школы»: бихевиористская (поведенческая), психологическая, структурная и политическая. Идеи бихевиористской школы были сформированы Питиримом Сорокиным, который объяснял причины революции в области базовых потребностей человека. Психологические теории концентрировались

⁴⁵⁵

БрокгаузФ.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Современная версия. М.: Эксмо, 2006. С – 483.

больше на проблеме комплексных мотивационных ориентаций, основоположниками которых стали Джеймс Дэвис и Тед Гарр с теорией «относительной депривации». Ведущим сторонником структурной теории стала Теда Скочпол, которая выдвинула на первый план классовые и групповые отношения в обществе, отрицая психологические аспекты. При этом напряжение в обществе может возникать как из внутренних противоречий, так и благодаря внешнему, международному давлению. Политические теории ещё более сужают область причин революции, сводя их исключительно к борьбе за политическую власть внутри государства. Идеологом этой теории стал Чарльз Тилли.

Петр Штомпка выделял 3 причины возникновения революционной ситуации:⁴⁵⁶ 1) когда появляются достаточно заметные противники, оппоненты (политическая оппозиция, диссиденты), выступающие с притязаниями на контроль над правительством; 2) когда противники приобретают поддержку и в результате мобилизуют массы людей. Это ситуация чаще всего возможна при наличии слабого Правительства, которое не способно выполнять требования населения; 3) Правительство не может или не хочет подавить выступления противника (типичный случай - вовлечение Украины во внутреннюю борьбу, международное давление со стороны США, принуждающее избегать крайних форм насилия по отношению к оппонентам в лице нынешнего Президента Порошенко).

Современная наука и общество настойчиво стремятся найти ответы на вопросы: почему оказалась возможной российская революция 1917г., являлась ли она следствием применения новых на тот период технологий или была следствием объективных тенденций внутреннего и мирового социально-политического развития. Решение этих вопросов создаст предпосылки для использования результатов исследования при анализе массового протестного сознания и поведения в России сегодня. Революции, особенно успешные, создают героические мифы; их достижения преувеличиваются, а потери игнорируются. Крах коммунизма в конце XX в. доказал, что цель, которую преследовала революция 1917г., не была достигнута. Однако она решила целый ряд важных социальных проблем в стране и повлияла на облик капитализма во всем мире – он стал альтеркапитализмом или социальным капитализмом. Принимая во внимание эти факты, следует задуматься об эйфории некоторых граждан, не принимающих в расчет очевидные негативные последствия и жертвы революций, но одновременно и о тех достижениях, которые она принесла и об их сохранении.

Никипорец-Такигава Г.Ю. (Cambridge, United Kingdom, University of Cambridge; Москва, РГСУ)

К ВОПРОСУ О BIG DATA В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЯХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЯХ ПОЛИТОЛОГА В ЭПОХУ КИБЕРИНФОРМАЦИИ И КИБЕКОММУНИКАЦИИ

Социальные сети – самый востребованный молодежью сегмент виртуального пространства (Никипорец-Такигава, 2017), в котором деструктивное воздействие на пользователей ведется индивидуально, анонимно, вне этических и эстетических рамок и норм, и потому наиболее продуктивно. К деструкциям относят политический экстремизм (квази партии, НКО, ассоциации и объединения), религиозный экстремизм (секты и культы), ментальный экстремизм (группы смерти), социальный экстремизм (фанаты спорта и масс-кумиров).

Однако виртуальное пространство, в котором проходит склонение к асоциальному поведению, может быть освоено и поставлено под контроль не только с помощью правового регулирования, но и в результате грамотного применения педагогических, социально-

⁴⁵⁶

Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: 1996. С – 385.

психологических и политических технологий. Более того, позитивный потенциал социальных сетей может использоваться для формирования у молодежи гражданской ответственности, навыков соблюдения личной безопасности и устойчивости к экстремистским воздействиям различного толка.

Big Data также являются источником сведений о сфере интересов, групп интересов, сообществах, субкультурах, которые пользуются приоритетным спросом среди молодежи (Никипорец-Такигава, Колпакова, 2015). Они позволяют выявлять случаи манипуляции сознанием молодежи в корыстных интересах, отслеживая такие намерения и своевременно предпринимая разъяснительную работу с молодежью в форматах, удобных молодежи (то есть через соцсети); своевременно фиксировать появление новых группировок и субкультур, определяя степень их маргинальности и возможной радикализации.

Такие данные позволяют делать выводы об архетипах молодежи, о сфере их интересов, о платформах, при помощи которых молодежь самоорганизуется, о движениях, для которых молодежь охотнее всего организуется, о лидерах молодежных движений (Nikiporets-Takigawa, 2017), о субкультурах, которые наиболее популярны среди молодежи; а также готовить прогнозный анализ и рекомендации.

Мониторинг и профилактика антисоциального поведения молодежи на основе Big Data и коммуникации в социальных сетях является лишь одним из частных примеров применения Big Data в политическом анализе, прогнозировании и в политических технологиях. Для использования Big Data во всех этих целях необходимо овладеть совокупностью навыков и компетенций. Ведущие вузы взяли за программы обучения студентов разных специальностей большим данным. В Кембриджском и в Оксфордском университетах в 2012 году появились программы, предлагающие студентам и профессорско-преподавательскому составу обучение азам программирования, обработки данных, использованию больших данных для научных и методических целей, Высшая школа экономики ставит перед собой ту же амбициозную задачу массового обучения с 2017 года. Прошел пик завышенных ожиданий от больших данных на западе (Уилкокс), но в России он только начинается. Сейчас среди заказчиков политического и социологического анализа наблюдается настоящий ажиотажный спрос на большие данные. При этом Big Data освоены в банковской сфере, рекламе и маркетинге, но пока не являются стандартным инструментом, методом и материалом политолога, и отнюдь не повсеместно внедрены в линейку дисциплин, необходимых для политологического образования.

Представляется, что большие данные должны стать ОПК наряду с теми, которые представлены в новом ФГОС по «Политологии». В рамках курса по анализу и прогнозированию политических и социальных процессов посредством Big Data, студенты могут изучать возможности и ограничения Big Data; понимать, какие типы задач решаются при помощи Big Data; учиться формировать ТЗ для Big Data на основе реальных проектов; знать принципы формирования команды для Big Data (численный состав, компетенции исполнителей); изучать типы визуализации Big Data и виды аналитических отчетов; а также получать навыки по организации профилактики политических конфликтов на основе Big Data и при помощи коммуникации в соцсетях. На выходе мы получим специалистов, готовых к решению самого широкого спектра задач мониторинга, анализа и прогноза социальных и политических процессов.

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ: РАСТУЩИЙ ЗАПРОС НА УСИЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОСТИ ИНСТИТУТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ДИАЛОГА С ГОСУДАРСТВОМ

Гражданское участие часто рассматривают как «вертикальное» участие (участие в партнерстве и со-управлении), как форму коллективного управления⁴⁵⁷. Его можно определить как процессы, посредством которых граждане непосредственно или опосредованно влияют на принятие социально-значимых решений, затрагивающих общественные интересы.

Результаты последних эмпирических исследований показали⁴⁵⁸, что для современного общественного и гражданского участия характерны более высокие значения участия населения в «коротких» и акционных практиках и низкие значения практик, требующих длительной деятельности, формализованного и неформализованного типа, а также массовых практик политического и гражданского риска, что соответствует современным мировым характеристикам постмодернистского проекта.

Важной особенностью гражданского участия можно считать сокращение доли его политически ориентированной составляющей (ограниченное пространство для участия) и перенесение основной силы тяжести на социальную кооперацию и взаимопомощь (открытое пространство для участия). В него вовлечено более 60% респондентов. Это подтверждается результатами исследований ИС РАН: нарастает модальность более активного отношения к социальным основам своей жизни у молодого и более образованного, обеспеченного сегмента российского общества, у жителей крупных мегаполисов и областных городов.⁴⁵⁹ Перспективными направлениями гражданского участия в глазах населения сегодня являются здравоохранение, образование, активная старость, адаптация социально уязвимых групп населения и др., то есть практически вся социальная сфера жизни общества. Причем формируется такой вид гражданского участия, который можно смело охарактеризовать как *социально-гражданский*: ключевым аспектом современной демократической «повестки дня» для активистов становится проблема структурирования гражданского общества таким образом, чтобы оно могло влиять на государство, на равных взаимодействовать с ним.

Еще одна важная особенность структуры современного гражданского участия – его проектно-сетевой характер. В этом отношении оно стремительно осваивает новые пространства за счет подключения сетевых сообществ и новых коммуникативных технологий.

Четко верифицируемые проблемные узлы в развитии гражданского участия в современной России можно обозначить следующим образом: несовершенство институциональных условий и слабое развитие диалоговых механизмов и практик взаимодействия с государством. Последнее, официально признавая необходимость развития общественного диалога и укрепления институтов гражданского общества, часто реально использует коммуникации, основанные на традиции монолога, пропаганды, манипуляции

⁴⁵⁷ Brodie E., Cowling E., Nissen N., with Paine A.E., Jochum V., Warburton D. 2009. Understanding participation. - *A literature Review*. [December] Available at: <http://pathwaysthroughparticipation.org.uk/2010/01/understanding-participation-a-literature-review/>

⁴⁵⁸ Исследование «Оценка эффективности органов исполнительной власти Красноярского края» (2014 г.) включало анализ диапазона и частоты использования населением форм общественного участия. Объем выборки - 1800 чел.

⁴⁵⁹ Петухов, В.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия. // *Власть*. 2014. № 9. С. 11 – 19.

общественным мнением.⁴⁶⁰ Среди несостоятельных оказался и диалоговый механизм защиты, отстаивания и продвижения общественных (публичных) интересов, что крайне важно для успеха развития гражданского участия.⁴⁶¹ Также остро стоит вопрос повышения уровня ответственности и гражданской компетентности самих активистов, чтобы представлять независимую экспертную оценку и контроль деятельности органов власти. Традиционное чиновничество не готово к постоянному и равноправному диалогу с партнерами, которые пытаются войти в круг общественных консультаций. Формирование государственной и региональной политики оно по-прежнему рассматривает как составную часть своих прерогатив. Проблему представляет также и слабость позитивного восприятия деятельности НКО-сектора и гражданских инициатив в органах власти и в самом обществе, слабая рационализация использования ими имеющихся ресурсов в целях эффективной реализации

Николаев И.В. (ЮФН, Ростов-на-Дону)

ВРЕМЕННО-ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИДЕОЛОГИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

Конституцией Российская Федерация объявляется государством, не имеющим официальной идеологии, однако окончательного слома советской системы взаимодействия сферы идеологии и сферы администрирования до сих пор не произошло. Формулируя стратегические планы, принимая громкие резонансные законы и национальные концепции развития, официальная власть создает и собственные идеологические конструкты. Подобные ситуативно изменчивые политические позиции можно считать «временно-официальными» идеологиями⁴⁶², отличительными чертами которых являются:

- краткосрочный период использования основных элементов. Основная задача подобных идеологических конструктов – мобилизация или демобилизация общественного мнения в отдельной ситуации, после выполнения задачи символы и идеи, вокруг которых формировалась временная идеология, уходят на периферию политической коммуникации.

- выпуклость форм. Вводя в политический дискурс идеи и символы, власть чрезмерно акцентирует на них внимание, значительно увеличивая частоту их употребления.

- эклектичность и отсутствие видимых границ. В официальный дискурс могут привлекаться элементы идеологий отдельных политических сил, имеющие социальную поддержку.

- инструментальность. Стратегическая линия власти не значительно меняется под влиянием временных идеологических конструктов.

Нами была предпринята попытка, выявления трендов временно-официальных идеологий в дискурсе власти на материале посланий Президента Федеральному Собранию с 1994 по 2016 годы. Ключевые вербальные символы, представленные в контексте взаимосвязей с концептуальным содержанием текстов, являются маркерами официальной позиции. Под ключевым вербальным символом в языке политики мы, вслед за Н.М.

⁴⁶⁰ Зайцев А.В. 2014. Диалог в институциональном дизайне публичной политики современной России: сравнительный подход. // Взаимодействие власти и гражданского общества в контексте трансформации российского общества: от конфронтации к партнерству: монография / ред. колл.: Л.И. Никовская (отв. ред.), М.А. Молокова, В.Н. Якимец. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2014. – С. 145-166

⁴⁶¹ Никовская Л.И., Якимец В.Н. Институциональное развитие межсекторного партнерства в России. // Полис, 2016. № 5. С.37-49.

⁴⁶² Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство: часть 1. – Ростов-на-Дону: Изд-во Март, 2013. – С. 154.

Мухарьямовым, понимаем слова, имеющие «внешне нейтральное наполнение, с одной стороны, и аксиологически мотивированное содержание – с другой»⁴⁶³.

Результатом качественного контент-анализа посланий Президента стала идентификация идеологического содержания текстов обращений главы государства, а также предположение о последовательно сменяющихся друг друга трендах временных идеологических конструкций:

- Этатистский либерализм 1994-1995 гг. В текстах на фоне незначительного преобладания экономических вербальных символов безусловно доминируют символы государственного субъекта. Экономика представляется основной сферой деятельности правительства, сохраняется патерналистские символы действия («поддержка», «укрепление» и т.п.).

- Экономоцентризм 1996-1999 гг. Послания этих лет демонстрируют активизацию вербальных символов, пришедших из экономики, за счет минимизации символов других сфер общественной жизни. Доминирование государственного субъекта остается неоспоримым.

- Автократизм 2000-2003 гг. Частота использования символов государственного субъекта достигает в этих посланиях максимума. На фоне кризиса и дестабилизации времен позднего Ельцина, речи Путина становятся декларативными, краткими и жесткими, это проявляется и в символической структуре текстов.

- Социальная ориентация 2004-2007 гг. Проявившиеся административные проблемы периода стабилизации привели официальный дискурс к смене тактики: на первый план стали выходить отраслевые социальные проблемы, такие как медицина, образование, армия и др.

- Либерализм 2008 г. Текст первого послания Д.А. Медведева демонстрирует попытку нового президента привнести собственный идеологический дискурс. Обилие символов демократии и гражданского общества подкреплялось доминированием группы государственного субъекта и политического действия.

- Социал-демократизм 2009-2011 гг. Неудавшаяся попытка сформировать официальный дискурс в либеральном ключе сменяется предшествующим трендом – ориентацией на конкретные социальные проблемы и способы их решения. Однако сохраняется существенное значение символов гражданского общества и демократизации.

- Идеологическая комбинаторика 2012-2016 гг. На место относительно определяемых временно-официальных идеологий пришла комбинированная позиция, использующая идеи разных идеологий для легитимации официальной точки зрения по отдельным вопросам.

Использование концепта «временно-официальная идеология» позволяет раскрыть сущностные характеристики краткосрочных и среднесрочных идеологических трендов в дискурсе власти, что необходимо для целостного анализа поведения политических элит. Следует отметить, что, используя базу президентских посланий в качестве эмпирического материала, мы можем проследить только относительно длительные тренды. Смена временно-официальных идеологий может проходить динамичнее на фоне ускоряющегося темпа политического процесса.

⁴⁶³ Мухарьямов Н.М. О символических началах в языке политики (прагматический аспект) // Символическая политика: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Малинова О.Ю. – Вып. 1. – М., 2012. – С. 67.

БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ КАК ОГРАНИЧЕНИЕ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВПП «ЕДИНОЙ РОССИИ»)

Модернизацию общества сложно представить без бюрократии и ее активного влияния на процессы самой модернизации. Модернизация это не только экономический, но и политический процесс. Бюрократия становится одним из участников политического процесса, поскольку логика модернизации подразумевает усиление контроля государства над различными социально-экономическими процессами и в итоге должна привести к тому, что контроль распространяется и на сферу политического. Одним из следствий участия бюрократии в политическом процессе может стать обретение ею самостоятельных интересов. Бюрократия может использовать модернизацию не только в интересах развития общества, но может стремиться к реализации собственных интересов.

Приход В. Путина сопровождался консолидацией региональной и федеральной бюрократии, что нашло свое выражение в объединение движений «Единство» и «Вся Россия» в новую политическую партию «Единая Россия». Пока «ЕР» оставалась крупнейшей, но не доминирующей партией, это позволяло сохранять некоторую конкуренцию между парламентскими партиями. Сохранение конкуренции позволяло ряду общественных движений и организаций сохранять определенную степень автономии от политической бюрократии, представленной «ЕР». Дальнейшая логика усиления государственного аппарата на федеральном и региональном уровнях все более усиливала бюрократический контроль. В конечном итоге, бюрократизация большинства сфер общества, в том числе и политической, стала фактором, препятствующим дальнейшему развитию.

В качестве прикладного исследования, был проведен анализ стажа государственной и муниципальной службы членов регионального политического совета партии «ЕР» Ульяновской области как проявление тенденции бюрократизации партии.

Автором также было проведено интервью. Экспертом выступил чиновник, который занимал высокопоставленные должности в органах исполнительной власти УО. Из информации, которую получил автор, можно резюмировать следующее:

«ЕР» в УО создавалась из «Единства», в УО она создавалась по сети МЧС, первыми руководителями были бывшие или действующие сотрудники МЧС. Процентное соотношение их представителей на руководящих должностях на первом этапе (1999 – 2000) составляло 80 %, после снизилось до 0,1%. В 2006-м началась борьба на местах (за «ЕР»), во всех субъектах уже все решали губернаторы. Каждый новый губернатор использует «ЕР» в своих целях. По мнению эксперта, региональная бюрократия стала политическим актором с 2000 года. Считает, что «ЕР» - партия чиновников и приближенных бизнесменов. Региональная бюрократия «топит» «ЕР» и не умеет ею пользоваться. На вопрос, «какие цели бюрократия выполняет за счет «ЕР» в данное время?» эксперт ответил следующим образом: «в данное время формальная фигура для формальностей политических и имитации демократических процессов». Бюрократия не имеет права выходить в политическое поле. Также эксперт считает, что политическая коррупция, бизнес-структуры и криминал активно пользуются и ЕР и властями.

Анализ состава регионального политического совета и Президиума Регионального Политического совета партии «ЕР» УО и их управленческого опыта ярко продемонстрировал тенденции бюрократизации партии.

В региональном политическом совете партии «ЕР» состоят 73 человека, из 73 человек – 32 (44%) чиновника, пришедшие во власть через государственную службу. 29 (40%) членов пришли во власть через партию (т.е. «ЕР»), 10 (13%) членов через бизнес-структуры, которые можно отнести к гражданскому обществу, 2 (3%) человека через социальную деятельность -

из структур гражданского общества. В Президиум Регионального Политического совета – 21 человек, из них - 14 (65%) человек чиновники, пришедшие во власть через государственную службу, 4 (20%) человека, пришедшие через партию, 3 (15%) – представители бизнес-структур.

Овчарова О.Г. (РГСАИ, РГГУ, Москва)

ГЛОБАЛЬНЫЕ РЕЙТИНГИ И ГЕНДЕРНЫЙ СТАТУС ГОСУДАРСТВА

Определение позиции государства в мировых рейтингах – серьезная и важная политическая задача. Рейтинг страны по тому или иному показателю влияет на ее репутацию, обеспечивает представление о потенциале развития страны в целом и определенной проблеме в этой стране, способствует самоидентификации⁴⁶⁴.

В настоящей работе будут проанализированы данные рейтингов международных организаций, составленных на основе фиксации количественных страновых показателей гендерных различий в разных сферах общества, в том числе, и в политике. Цифры этих «табелей о рангах» ранжируют государства с позиции наличия/отсутствия гендерного равенства. А в современном мире соблюдение государством принципов гендерного равенства выступает свидетельством равноправия мужчин и женщин и, следовательно, указывает на уровень цивилизованности и демократизации страны. Иными словами, рейтинги демонстрируют гендерный статус государства – социальное положение женщин как социальной группы в зависимости от системы властных, культурных, экономических отношений, существующих в государстве.

Поскольку наиболее значимы рейтинги, составленные организациями, имеющими всемирное признание объективности предоставленных данных, в работе исследуются рейтинги, ранжирование в которых осуществляется на основе сухих статистических данных. Поэтому еще одной задачей работы будет изучение природы цифр, представленных в рейтингах.

Итак, в работе проанализированы: рейтинг представленности женщин в парламентах мира Межпарламентского союза (IPU); индекс глобального гендерного разрыва (GGG) Всемирного экономического форума; индекс гендерного неравенства (Gender Inequality Index – GIИ), публикуемый Программой развития ООН; рейтинг самых влиятельных женщин мира по версии Forbes. Временной период составления всех указанных рейтингов – 2016-2017 гг. Также представлены данные некоторых рейтингов демократии, поскольку все они включают в себя такой индекс институциональных основ демократии, как «доля женщин в нижней палате парламента страны».

Анализ показывает, что вероятность объективного определения гендерного статуса государства возможна на основе системного изучения данных всех индексов. В случае обращения к результатам лишь одного из них «гендерная картина мира» будет неполной. К примеру, сведения только лишь по политической представленности женщин (в настоящее время лидером по этому показателю выступает Руанда и иные страны Африки, а также Латинской Америки, отодвигая на низкие позиции западные страны-традиционных победителей в реализации концепции социального равенства) вряд ли охарактеризуют государства Африки как гендерно ориентированные и демократические, а западноевропейские как гендерно нейтральные и теряющие статус «первых политических лабораторий демократии» (по Р. Саква). Обращение же к разным категориям ранжирования: экономическому участию, образованию, здоровью и т.д. позволяет панорамно увидеть социально-политическую работу государства по исполнению принципов гендерного

⁴⁶⁴ См.: Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 ведущих стран мира. Доклад–2008 к обсуждению. 2-е издание, дополн. - М.: Международная Академия исследований будущего, 2008. С. 4–5.

равенства и избавиться от возможных политических манипуляций неотрефлексированными количественными данными.

Оганесян А.Л. (РУДН, Москва)

СОВРЕМЕННАЯ КИТАЙСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ТЕОРИЯ «МОРАЛЬНОГО РЕАЛИЗМА» ЯНЬ СЮЭТУНА

В современной китайской науке о международных отношениях ученые ведут дебаты, разделившись на несколько теоретических лагерей, которые образовались вокруг ведущих ВУЗов страны. Один из таких теоретических «лагерей» возглавляет глава Института международных исследований одного из наиболее престижных учебных заведений Китая, университета Цинхуа, Янь Сюэтуна. Профессор Янь является приверженцем политического реализма, на основе которого предлагает свою теорию «морального реализма».

Янь Сюэтуна интересует такими вопросами, как понимание древними китайскими мыслителями природы власти, роль морали в политике, использование стратегий, альянсов и морали для завоевания лидерства в международной системе. Центральная проблема его «теории морального реализма» заключается в «смещение центра мировой силы». В центре теории стоит вопрос: сможет ли Китай, как «поднимающаяся держава», заменить США - «нынешнего мирового лидера»⁴⁶⁵. Янь Сюэтуна видит два основных вызова своей теории: во-первых, может ли теория морали являться частью теории реализма; и во-вторых, можно ли создать научную теорию, используя политическое лидерство в качестве независимой переменной.

Янь Сюэтуна начал изучать китайскую философскую мысль в 2005 году. Тогда в Китае шли дебаты о том, нужно ли создать китайскую теорию международных отношений, которые ведутся по сей день. Янь Сюэтуна считает, что невозможно создать единую для всего Китая теорию международных отношений, так как Китай «богат как разнообразностью населения, так и философской мысли»⁴⁶⁶. Янь Сюэтуна хочет создать нечто, что было бы применимо не только к Китаю, но и ко всему миру.

Основу теории морального реализма составляют «четыре вывода», к которым пришел Янь Сюэтуна в ходе своих исследований. Эти выводы вытекают из таких переменных, как мораль, интересы, сила, мощь и власть, и реалистических допущений:

- Преследование интересов является основным двигателем действий государств, а также эволюции международных норм.
- Природа власти как игры с нулевой суммой приводит к структурным конфликтам между возвышающимся государством и доминирующим государством.
- Повышение и спад политического руководства государств приводят к изменениям в комплексной национальной силе между государствами.
- В условиях анархической международной системы все государства помогают сами себе ради своей собственной безопасности, но принимают различные стратегии для обеспечения безопасности⁴⁶⁷.

Янь Сюэтуна, будучи реалистом, критикует политику китайского правительства, которое нацелено лишь на экономическое развитие. Экономика стоит в центре теории либерализма. Для реализма же важнее национальная безопасность. Мораль в этом плане

⁴⁶⁵ Грачиков Е. Н. Китайская теория международных отношений: становление национальной школы // Международные процессы. — 2016. — Т. 14, № 3. — С. 73.

⁴⁶⁶ Theory Talk #51: Yan Xuetong on Chinese Realism // Theory Talks - November 28, 2012 – Access regime: URL: <http://www.theory-talks.org/2012/11/theory-talk-51.html>

⁴⁶⁷ Yan Xuetong. Political Leadership and Power Redistribution // the Chinese Journal of International Politics, 2016, Vol. 9, No.1. Page 4.

помогает направлять национальные принципы и дает понятие о том, как и какая политика национальной безопасности должно вести государство⁴⁶⁸.

Окара А.Н. (Центр восточноевропейских исследований, Москва)
**КОНЦЕПТЫ РЕВОЛЮЦИИ И «РУССКОГО БУНТА»
В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Концепты «революции», «бунта» и «государственного переворота» в последние годы оказались доминирующими в актуальном публичном политическом дискурсе. С некоторой натяжкой можно даже сказать, что они стали основоположными концептами (и одновременно образами-мифологемами) в конструировании российской государственной идеологии и идеологии властных акторов после 2014 года и в создании феномена, названного в политической публицистике «посткрымским авторитарным консенсусом».

Следует заметить, что в современном научном контексте и в контексте политической философии концепты «революции» и «бунта» не являются синонимами, но обозначают во многом противоположные явления. Так, «революция» — понятие модерного политического дискурса, предполагающее качественную социально-политическую трансформацию в развитии современного общества, а также соответствующее целеполагание и рефлексию. Тогда как «бунт» рассматривается, как правило, как явление домодерного или контрмодерного характера, описывающее стихийные политические протесты и борьбу за власть, не сопровождающуюся отрефлексированным стремлением к социальному прогрессу и развитию. (Определенную роль в подобной интерпретации сыграло определение «русского бунта» А.С. Пушкиным).

В современной России властные и провластные акторы пытаются интерпретировать «революцию» как таковую (и как теоретический концепт, и как политический концепт, и как конкретные исторические события, начиная с французской революции 1789 года и заканчивая «арабской весной», «бархатными» революциями и киевским Майданом 2013 года) не как закономерность социального, политического и экономического развития, а исключительно в «конспирологическом» ключе — как удавшийся заговор политических конкурентов и недоброжелателей тех или иных политий и политических режимов.

В современном публичном массовом дискурсе «революция» интерпретируется как домодерный «бунт» потому, что провластные акторы отвергают возможность существования «революции» именно как модерного феномена. И именно на противопоставлении «революции-бунту» выстраивается современная идеология «антимодерного» охранительного консерватизма — крайне эффективная с точки зрения решения краткосрочных проблем политической элиты (сохранение власти, максимализация политической и прочей ренты, подавление оппозиционных политических акторов и контрэлит, монопольный статус), но сомнительная с точки зрения среднесрочных и долгосрочных трендов.

Деконструируя концепт «революции», провластные акторы автоматически деконструируют и концепт «инновационных реформ», который традиционно конвергировался с «революцией» еще с XIX века.

Примечательно также, что в год 100-летия Февральской и Октябрьской революций 1917 года провластные акторы оказались в сложной концептуальной ловушке: с одной стороны, советская революционная мифология (и «Февраль», и «Октябрь») хорошо вписывается в современный идеологический тренд «мягкой сталинизации» общественно-политического пространства. Но, с другой стороны, напрямую противоречит мифологизации дореволюционной «православной империи», изображаемой в качестве «земного рая» и

⁴⁶⁸ Theory Talk #51: Yan Xuetong on Chinese Realism // Theory Talks - November 28, 2012 – Access regime: URL: <http://www.theory-talks.org/2012/11/theory-talk-51.html>

абсолютного воплощения современных представлений провластных акторов о «должной» и «идеальной» России.

Делается вывод о необходимости восстановления дихотомии «революции» и «бунта» как модерного и домодерного феноменов как в современном российском научном дискурсе, там и в массовом публичном политическом дискурсе.

Онопко О.В. (Донбасская юридическая академия, Донецк, Украина)
ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНФЛИКТА НА ДОНБАССЕ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ ДЛНР И УКРАИНЫ

Одной из ключевых причин несостоятельности Минского процесса являются фундаментальные расхождения между сторонами Донбасской конфликта в трактовках существующей политической действительности. Украина и Донецкая и Луганская народные республики по-разному видят сущность и характер происходящего, свой статус и цели в нём.

Данная проблема может быть объяснена с помощью теории политического текста, которая применительно к украинской политической практике уже зарекомендовала себя в качестве эффективного аналитического инструмента. Концептуально данный теоретико-методологический подход можно свести к следующему: 1) любая политическая действительность состоит из знаков; 2) каждый знак имеет множество коннотативных (зависящих от восприятия и существующих условий) и одну денотативную интерпретацию (его непосредственное значение); 3) соответственно, всегда есть денотативная действительность (непреложные факты) и множество коннотативных реальностей⁴⁶⁹. Украина и ДЛНР существуют в собственных политических реальностях, в каждой из которых есть свои интерпретации происходящего в диапазоне от транслируемых на уровне государственной политики до маргинальных и неприемлемых для правящих режимов:

«Гражданская война» – официальная интерпретация, которой придерживаются органы государственной власти и государственные деятели в республиках Донбасса. Как отметил глава ДНР А. Захарченко в ходе Прямой линии в июне 2017 г., «то, что происходит сегодня в Донбассе – это действительно война, и в том, что она гражданская нет никаких сомнений. Одна часть народа борется, другая, в виду определенных обстоятельств, не может этого делать так, как делаем мы»⁴⁷⁰. Согласно данной трактовке, конфликт представляет собой вооруженную борьбу «многонационально народа Донбасса» с «украинскими националистами, захватившими власть в Киеве». Подобная интерпретация делает акцент на необходимости смены режима на Украине, а потому её использование не только является полностью неприемлемым для украинской стороны, о чем неоднократно заявлял президент П. Порошенко, но и служит основанием для идентификации и преследований нелояльных граждан государственной системой политического сыска.

«Антитеррористическая операция (АТО)» – первая официальная интерпретация происходящего на Донбассе, данная украинскими властями и впоследствии закреплённая законодательно. Впервые формулировка была введена в политический текст Украины 13 апреля 2014 г. в связи с подписанием и. о. президента А. Турчиновым соответствующего указа. В настоящее время «АТО» представляет собой скорее эвфемизм, обозначающий конкретную деятельность украинских силовых структур на Донбассе, чем конкретную

⁴⁶⁹ Демішева І. О. Конструювання дійсності українців політиками: специфіка українського політичного тексту (2005 – 2010 рр.): автореф. дис. ... канд. політ. наук: 23.00.03 / І. О. Демішева; Нац. пед. ун-т ім. М.П. Драгоманова. – К., 2011. – 20 с

⁴⁷⁰ Прямая линия Главы ДНР Александра Захарченко с жителями Донбасса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://av-zakharchenko.su/inner-article/Stati/Pryamaya-liniya-Glavy-DNR-Aleksandra-Zaharchenko-s4/>

интерпретацию политической действительности, т.к. не может в полной мере отразить сущность конфликта, обозначить чёткий образ врага.

«Российская агрессия, гибридная война с Россией» – официальная интерпретация, принятая и транслируемая действующими украинскими властями и их сторонниками. На её основании правящему режиму удалось в чрезвычайно короткие сроки выстроить полноценную политическую мифологию конфликта, которая «объясняет» происходящее не только населению Украины, но и мировому сообществу, концептуализируя образ и миссию украинского государства как «защитника Европы от России»⁴⁷¹. Подобное позиционирование систематически осуществляется в персональных политических дискурсах украинских политиков, ученых, экспертов, общественных деятелей и служит маркером лояльности режиму.

«Русско-украинская война» – интерпретация конфликта как межэтнического противостояния. Во многом отражая изначальные причины конфликта, связанные с государственной национальной политикой Украины, данная трактовка транслируется преимущественно русскими и украинскими националистами. Однако в конце 2014 – 2015 гг., носители правых и праворадикальных идей по обе стороны фронта были отстранены от реального участия и влияния на процесс принятия политических решений. Формируемые ими концепты перестали являться частями официальных дискурсов враждующих сторон, тем не менее, сохранившись и укрепившись в дискурсах несистемной оппозиции.

В настоящее время нет оснований полагать, что Украина и ДЛНР откажутся от использования взаимонеприемлемых интерпретаций конфликта. Вместе с тем на уровне контрэлит прослеживается общее – националистическое – видение ситуации, которое могло бы способствовать более эффективной, реалистской и транспарентной коммуникации между сторонами.

Осипова А.В. (Московский финансово-юридический университет, Москва) **КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ЛИЧНЫХ ПОМОЩНИКОВ ПОЛИТИКА**

В науке существует множество исследований, посвященных типам личности лидеров (руководителей), характера их деятельности, влияния на свое окружение. Однако обратная ситуация – воздействие подчиненных на лидера – не всегда может быть явно определено. Однако если отметить ключевые критерии классификации личных помощников политика, можно понять цели и особенности работы руководителя, а также понять, какие виды помощников оказывают наибольшее влияние на своего начальника.

Одними из самых ярких представителей публичных политиков являются депутаты Государственной Думы, на примере их помощников, которые подчиняются непосредственно депутату, постараемся представить их основные виды и описать их особенности на основании данных, полученных методом включенного наблюдения.

Мной предложена авторская классификация видов помощников депутата по работе в Государственной Думе. Их можно делить по следующим критериям: возрасту, функционалу, неформальному статусу помощника, сложности работы, нацеленности на результат и степени влияния на руководителя.

1) Секретарь. Чаще всего ими становятся молодые девушки 18-22 лет, работа их сугубо хозяйственна и рутинна. Из-за скромного функционала и низкой степени ответственности в работе его неформальный статус низкий, как и влияние на руководителя.

⁴⁷¹ Порошенко П. Звернення Президента Петра Порошенка з нагоди святкування Дня Європи в Україні // Президент України. Офіційне інтернет-представництво. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/news/zvernennya-prezidenta-petra-poroshenka-z-nagodi-svyatkuvanny-37145>

2) Основной помощник. Пол и возраст не важен, все зависит от личных качеств человека. На него возложена основная ответственность и максимальный функционал, соответственно, и неформальный статус у него высокий, в его работе есть лишь небольшое количество работы на результат, остальное направлено на процесс обеспечения деятельности депутату, исходя из этого, он напрямую влияет на своего руководителя.

3) Советник. Чаще всего мужчина, классический GR. Обязательно присутствует у депутатов, которые ведут переговоры с бизнесом. Чаще всего, думские дела его не касаются, а свою часть работы он выполняет исходя из целей руководителя, т.е. нацелен на результат, а также имеет косвенное влияние на депутата.

4) Возрастной помощник. Женщины или мужчины зрелого возраста, от 35 и до глубокой старости, проработавшие здесь не один созыв, превратившиеся в одного из «шестеренок» рутинной работы. Он выполняет обязанности всех трех вышеуказанных помощников понемногу, но он не так активен и мобилен в движении, к тому же, навык работы с компьютером оставляют желать лучшего. С точки зрения коммуникации, этот тип также является тяжелым для взаимодействия с другими сотрудниками Госдумы, так как их личное понимание своего статуса зачастую оказывается выше реальной ситуации. В то же время, руководитель может попадать под влияние такого помощника, т.к. его опыт работы с депутатами позволяет ему использовать психологические методы манипулирования руководителем.

5) Пресс-секретарь. Его функционал понятен из названия этой категории, возраст чаще всего до 35 лет, пол не важен. Его основная задача - поддерживать рейтинг депутата на задаваемом уровне, что можно считать как работой на процесс, так и на результат, если речь идет о целях PR в какой-то конкретной сфере. Его неформальный статус может быть нулевым для других помощников, так как он не ведет с ними прямого взаимодействия.

6) Удаленный помощник. Человек занимается заранее оговоренными с депутатом делами, не требующее личного присутствия, одним словом, помощник-фрилансер. Возраст и функционал зависят исключительно от личностных качеств самого помощника и работы, которую он проводит для депутата Государственной Думы.

В завершении статьи о помощниках депутатов Госдумы представляю Вашему вниманию таблицу критериев помощников. Заранее изучив ее и отметив те критерии, которые важны для работы, депутат может подбирать себе помощников чтобы заключить договор о работе только с теми, кто по-настоящему нужен ему подходит. Стоит отметить, что влияние помощников на своего руководителя напрямую зависит от функционала помощника, от количества дел депутата, которые он распределяет подчиненному и от степени доверия, возникшего в работе. Основной помощник, советник и возрастной помощник доказывают эту теорию.

	Секретарь	Основной помощник	Советник	Возрастной помощник	Пресс-секретарь	Удаленный помощник
Возраст	До 25	Не имеет значения	Не имеет значения	От 45 и больше	Не имеет значения	Не имеет значения
Функционал	Узкий	Крайне обширный	Узкий	Ограничен имеющимися навыками	Ограничен одной сферой	Ограничен
Статус	Низкий, формальный	Высокий, формальный	Высокий, неформальный	Высокий, формальный	Средний, неформальный	Низкий, неформальный
Сложность работы	Низкая	Высокая	Средняя	Средняя	Средняя	Зависит от функционала
Результат/ процесс	Процесс	Результат и процесс	Результат	Процесс	Процесс и результат	Результат и процесс

Павлова Т.В. (ИС ФНИСЦ РАН),
Патрушев С.В. (ИС ФНИСЦ РАН / ВАВТ),
Филиппова Л.Е. (ИС ФНИСЦ РАН, Москва)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ⁴⁷²

Доклад представляет очередной этап продолжающегося исследования, цель которого – развить институциональный подход для анализа перспектив формирования политического поля в современной России.

Под политическим полем мы понимаем публичное пространство диалога и институционализированного конфликта по значимым проблемам в рамках наличного и альтернативных проектов общих целей и стратегических решений для общества. Как идеал-типический конструкт политическое поле обладает следующими характеристиками: 1) представляет собой пространство отношений политических акторов, идентифицирующих себя по принципу «свой – чужой»; 2) является сферой производства конвенций и «правил игры», т.е. институций; 3) производит общие цели и ценности, которые становятся основой для социетальной интеграции и легитимации социального порядка, обеспечивает универсализацию норм (в форме законов); 4) является условием конституирования и функционирования политического государства.

Необходимой предпосылкой институционализации политического поля является формирование (прото-)политического сообщества, образованного индивидуальными и коллективными акторами, структурированного по горизонтали (идентификация акторов с конкретными проектами развития и нормативно-ценностными конфигурациями) и по вертикали (возможности акторов влиять на изменения и результаты политики). Формирование политических идентичностей (расколов), расширение участия, институционализация конфликтов, универсализация норм и правил взаимодействия внутри политического сообщества могут рассматриваться как признаки формирования политического поля. Осуществление этого процесса требует соблюдения некоторых условий, которые и являются предметом нашего исследования.

В России формированию политики современного типа препятствует выявленная рядом исследований совокупность институциональных проблем: недостаточное оформление политических позиций и политических структур; фрагментированный политический порядок, не сопряженный с правопорядком; постоянная деформализация норм и правил; воспроизводство персональных отношений в публичной сфере; незавершенность политических институтов и институционального дизайна; воспроизводство институциональных «ловушек». Эти проблемы формируют современную российскую «тропу зависимости».

Корни этих проблем обнаруживаются в дуализме российского политического сознания и политической культуры, в противоречии между поверхностной современностью и глубоким архаизмом. Этот дуализм лежит в основе российских социальных практик и влияет на выработку позиций по отношению к власти и актуальной политике. Социальные и политические инновации оцениваются по архаичной системе критериев. Политическая активность как атрибут современной политики относится к «внешнему» слою нормативно-ценностного комплекса, конфликтующему с традиционалистским «ядром» российской культуры.

В результате в современной России не может сформироваться институционализированное политическое поле, а вместо него сложилась деформализованная неполитическая зона власти, т.е. российская политика представляет собой, по сути, квазиполитику. Основным структурным элементом зоны власти являются клики, которые

⁴⁷²

При поддержке гранта РФФИ 17-03-00446а.

складываются на социальном уровне и переносят персонализированные отношения и неформальные нормы на квазиполитический уровень, препятствуя тем самым социетальной (политической) интеграции. Действующие в зоне власти акторы не являются политическими, поскольку идеологические различия в ней замещаются лояльностью/нелояльностью к действующим властям. Лояльность и личные связи определяют доступ в зону власти, т.е. она принципиально ограничена, блокирует массовое вовлечение граждан в политическую активность, вытесняя институты политического представительства механизмами исключения. Универсальные нормы (правопорядок) подменяются ситуативными договоренностями, а принятие политических решений – администрированием.

Таким образом, российский социокультурный дуализм обуславливает воспроизводство властных отношений и препятствует формированию универсального политического порядка. Его перспективы просматриваются с трудом. В данный момент можно оценивать лишь условия продвижения в направлении создания гражданского общества на основе солидарности граждан и политического института государства. Наиболее существенными условиями являются: обновление морального порядка – сдвиг в публичном дискурсе от ценностей выгоды, личного успеха, собственности, силы к ценностям доверия, равенства, справедливости, свободы, солидарности; эмпауэрмент – становление гражданина, обладающего навыками реализации прав и свобод; вовлечение индивидов во все виды публичных практик; приобретение навыков политических действий, направленных на трансформацию институтов; универсализация действующих норм на основе верховенства права. В совокупности речь идет об обновленной интеграции на социетальном уровне. Оценка степени и масштаба реализации этих условий станет предметом дальнейших исследований.

Палитай И.С. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

**КОММУНИКАТИВНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ**

В условиях современных тенденций информатизации и глобализации мирового геополитического пространства при формировании внутри- и внешнеполитической стратегии взаимодействия, власти необходимо учитывать коммуникативные и психологические аспекты этого процесса⁴⁷³. В частности, речь идет о формировании политических образов.

На сегодняшний день все процессы управления и связи в мировом сообществе, как утверждает А.Криглер, в первую очередь зависят от процесса передачи, хранения и переработки информации, а важность любого события, в том числе и социально-политического, определяется тем, какую значимость ему придают СМИ⁴⁷⁴. Именно поэтому практически не оспоримым является тот факт, что именно средства массовой информации и коммуникации (СМИ и СМК) играют ключевую роль в формировании образов⁴⁷⁵. Их исследование может позволить выявить факторы и психологические механизмы формирования образов у целевой аудитории.

Исследователи в качестве отличительных характеристик данного процесса выделяют высокую степень субъективации и опосредованность⁴⁷⁶. Связано это с тем, что

⁴⁷³ Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе // Актуальные проблемы теории коммуникации. Сборник научных трудов. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 98-107.

⁴⁷⁴ Crigler A.N. The Psychology of Political Communication. – Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press. – 1996. – 262 p.

⁴⁷⁵ Палитай И.С. Методология политико-психологического исследования массового политического сознания в трансформирующихся обществах // Политическая наука. – М., 2016. – Спецвыпуск. – С. 193-203.

⁴⁷⁶ Зверев А.Л., Палитай И.С., Рогозарь А.И., Смутькина Н.В. Особенности политического восприятия в современных российских условиях // Полис. Политические исследования. – М., 2006. – № 3. – С. 40-54.

политическое восприятие в основном направлено на смысловые и оценочные интерпретации политических объектов, нежели на отражение объективной действительности. Как следствие этого, описываемый нами процесс характеризуется большей слитностью когнитивных и эмоциональных компонентов перцепции, а также существенным влиянием социальных стереотипов, ценностей и установок. Помимо этого, в отличие от восприятия как такового, политическое восприятие обусловлено существующим политическим и историческим контекстом, социокультурными особенностями исторического процесса⁴⁷⁷, а также опосредовано каналами получения информации и коммуникации⁴⁷⁸. Именно поэтому традиционные и, во все большей степени, нетрадиционные Медиа⁴⁷⁹ во многом определяют коммуникативный образ того или иного объекта, а, следовательно, и тот образ, который затем формируется в массовом сознании.

В результате рассмотрения и анализа большинства существующих коммуникативных теорий можно сказать, что информационная, образовательная, пропагандистская функции СМК, а также функция формирования общественного мнения способны существенным образом воздействовать на процесс политического восприятия за счёт популяризации определённых знаний и фактов об объекте восприятия, а также формирования стереотипов, социальных установок, ценностей, и потребностей.

Данные свойства СМК обусловлены тем, что они могут являться одновременно коммуникаторами и каналами передачи информации, агентами и институтами образования и социализации, а также создателями определённого рода стереотипов и лидеров общественного мнения, поддерживающих эти самые стереотипы.

Другими словами, медиа формируют контекст восприятия за счёт создания и популяризации информационных поводов и формирования повестки дня, а также влияют на объектные и субъектные факторы политического восприятия. Более того, их роль усиливается тем фактом, что сам процесс политического восприятия происходит в реалиях сложной информационно-коммуникативной сети взаимодействий, называемой глобальным информационным пространством.

Панкратов С.А., Абохатем А.С.А (ВолГУ, Волгоград)

УСЛОВИЯ И ТЕНДЕНЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ЙЕМЕН

Актуальность исследования специфики и характерных черт институционализации политических партий Йемена определяется целым рядом факторов. Доминирующим в настоящее время, следует признать осознание как действующими политиками, так и международным сообществом в целом того факта, что для нормализация социально-политической, экономической, социокультурной обстановки в стране необходим политический диалог между различными внутренними и внешними акторами йеменского кризиса, проявляющегося в гражданской войне, иностранной военной интервенции, масштабной гуманитарной катастрофе, деградации государственных и гражданских институтов Йемена. «По сути, в Йемене возник очаг очередной гибридной войны, ломающей

⁴⁷⁷ Greenstein F.J. Can Personality and Politics Be Studied Systematically // Political Psychology: Key Readings / ed. By John T. Jost and James Sidanius. N.Y.: Taylor & Francis Books, 2004. – p.108-123.

⁴⁷⁸ Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Шестопаля Е.Б. М.: Российская политическая энциклопедия РОССПЭН, 2012. – 423 с.

⁴⁷⁹ В рамках современных типологизаций исследователи всё чаще и чаще рассуждают о традиционных и нетрадиционных СМИ и СМК. К традиционным СМИ относят печатные СМИ, радио и телевидение, а к нетрадиционным (новым) Медиа относят блоги, социальные сети, информационные сайты и другие формы СМК в пространстве Интернета

судьбы миллионов людей и не приносящей ничего, кроме всплеска экстремизма и ломки государственных границ и институтов по всему Ближнему Востоку»⁴⁸⁰.

Обострение этнокультурных противоречий, имеющих глубинные социально-исторические основы и причины, привело к усилению фрагментации йеменского общества, отягченного кризисом идентичности на личностном и коллективном уровне. И если тенденция нынешнего государственно-политического раскола Йемена по границе Север – Юг, определилась в первом десятилетии XXI века, то после событий «молодежной революции» 2011 года, начала военных действий (интервенции со стороны Королевства Саудовская Аравия) в 2015 году на Юге страны увеличилось влияние террористических организаций, включая «Аль – Каиды на Аравийском полуострове» и ИГИЛ.

Процесс возникновения, институционализации многопартийности в Йемене, закрепление функциональной специфики партийных организаций имеет несколько этапов, связанных с модернизацией государственности и политической системы. Во-первых, начиная с 1970-х гг., когда были провозглашены Йеменская Арабская Республика на Севере и несколько позднее Народная Демократическая Республика Йемен на Юге, произошло «искусственное навязывание» многопартийности, в конечном итоге объективно завершившееся монополизацией власти на Севере Всеобщим Народным Конгрессом и на Юге – Йеменской социалистической партией. Во-вторых, легализация и оживление деятельности партийных организаций сразу после объединения страны в 1990 году, но приведшее к дифференцированному закреплению трех ведущих партий (ВНК, ЙСП, исламская партия аль - Ислах) и отошедших на второй план остальных. В-третьих, война 1994 года, характеризующаяся противостоянием государственных, общественно-политических институтов, ассоциируемых с различными частями страны. В – четвертых, связанный с революционными событиями 2011 года, и закрепивший в настоящее время сочетание принципов традиционализма с институтами парламентской демократии⁴⁸¹.

Специфику функционирования политических партий в современном Йемене во многом определяют вожди и представители различных племен, находящихся в составе Йемена. При этом возглавляют племена выборные шейхи, которые занимают ведущие позиции, как в местных, так и в центральных органах власти. «Исторически сложилось, что племенная структура Йемена играла существенную роль в политической и общественной жизни страны, в частности на Севере. Стоит отметить, что оказываемая поддержка влиятельных племенных конфедераций определила ход многих важных событий и процессов, происходивших в стране на протяжении долгих лет»⁴⁸².

Племенная структура общества и государства делают затруднительным переход к современной институциональной гражданской и партийной системе. Для сравнения следует отметить, что представленность племенных шейхов в парламентах в 1993 г. составила 29 %, а в 2003 г. достигла около 48%⁴⁸³. Последние парламентские выборы в стране состоялись в 2003 г. Следующие выборы должны были состояться в 2009 г., но были отложены до 2011 г. Однако, выборы также не состоялись из-за революционных событий в феврале 2011 года.

Таким образом, институционализация политических партий в Йемене определяется значительным уровнем конфликтогенности общества и государства, воспроизводимым, в том числе, международными акторами политического процесса.

480 Серебров С. Йеменский кризис: «тикающая бомба»? // Международная жизнь, 2017. № 2.- С. 129.

481 См.: Ба Алави М.М. Институциональные и социокультурные факторы трансформации политических режимов в арабских странах в начале XXI века (на примере Республики Йемен): дис. канд. полит. наук. М., 2017.- 233с.

482 Там же. С. 179.

483 См.: Ба Алави М.М. Роль йеменских племен в революции 2011 г. // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014.-№ 5 (35).- С. 130-133.

ЛОГИКИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОЛЯ: ПРАГМАТИКА И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ⁴⁸⁴

Сегодня «институциональная логика» является широко распространенным концептом и востребованным направлением институциональных исследований. Google scholars по запросу “institutional logics” выдает 22 тысячи результатов. Подход получил широкое распространение в западной социологии и организационных дисциплинах, однако его методология до сих пор недостаточно осмыслена и проработана.

Институциональные логики – «это системы культурных элементов, которые позволяют индивидам формировать смыслы и оценивать свою повседневную деятельность, а также организовывать ее во времени и пространстве»⁴⁸⁵. Концепт призван обозначить категории, представления и принципы, которые позволяют индивидам делать социальную реальность осмысленной, предоставляют рациональность для оценки приемлемости тех или иных решений, а также лежат в основании общественных институтов. Логика пронизывает институциональное поле, и все правила и практики формируются в соответствии с этой системой категорий и представлений. Р. Фридланд и Р. Алфорд продемонстрировали, как в результате разного понимания категорий «власти» и «свободы» государственные органы получают больший или меньший объем полномочий⁴⁸⁶.

Институциональная логика как исследовательское направление стало востребованным по нескольким причинам. Во-первых, исследования наглядно демонстрируют историческую контингентность институтов, или возможность организации одной и той же сферы жизни несколькими различными способами. Во-вторых, они демонстрируют, какое место в контингентности занимают представления и мышление – за каждым альтернативным порядком стоит свое понимание отдельного фрагмента социальной реальности. И, в-третьих, что альтернативные системы представлений и производной от них рациональности способны одновременной сосуществовать в одном институциональном поле, а сосуществование «различных» представлений становится линией раскола и условием для институциональных изменений. Направление дало импульс для появления множества эмпирических исследований, наполненных интересной фактурой и теоретическими построениями среднего уровня.

Слабым местом подхода является отсутствие строгих методологических рамок и моделей для реконструкции или выявления институциональной логики. Многие исследователи используют подход Р. Алфорда и Р. Фридланда, стремятся обнаружить противоречия в институциональных полях и организациях в рамках тех типов логики, которые выделяли основатели подхода и их последователи. Такой тип исследований сводится либо к дедуктивному построению логики института: от общего к частному⁴⁸⁷. Либо появляются альтернативы дедуктивному подходу, когда авторы обрабатывают большие объемы данных и, используя компьютерные инструменты, выделяют наиболее важные концепты и связи между ними⁴⁸⁸.

⁴⁸⁴ Выполнено при поддержке гранта РГНФ/РФФИ № 17-03- 00446).

⁴⁸⁵ Haveman H. A., Gualtieri G. (2016). Institutional logics. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/307884455_Institutional_Logics

⁴⁸⁶ Friedland R., Alford R.R. (1991). Bringing society back in: Symbols, practices and institutional contradictions.

Режим доступа:

https://www.researchgate.net/publication/238198697_Bringing_Society_Back_In_Symbols_Practices_and_Institutional_Contradictions

⁴⁸⁷ Reay T., Jones C. (2016). Qualitatively capturing institutional logics. // Strategic Organization, 14(4), 441-454.

⁴⁸⁸ Weber K., Patel H., Heinze K.L. (2013). From cultural repertoires to institutional logics: A content-analytic method. / Institutional Logics in Action, Part B (pp. 351-382). Emerald Group Publishing Limited.

В отсутствии «метакатегорий», которые бы универсальным образом позволяли выявлять доминирующие и второстепенные типы логики (рациональности), находки каждого исследования будут представлять собой ограниченно схваченные фрагменты системы представлений, которую разделяют участники поля, и которая формирует практики поля. Особенные затруднения будут представлять собой исследование таких сложноорганизованных полей, как поля политики. При этом необходимость развития такого подхода обусловлена необходимостью более тесного исследования взаимосвязей между различными институциональными компонентами, включая представления индивидов.

Панов П.В. (ПГНИУ, Пермь)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ POWER-SHARING КАК МЕХАНИЗМ ПОДДЕРЖАНИЯ БАЛАНСА В ЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЯХ[□]

Предоставление этнической группе (группам) территориального самоуправления – один из наиболее распространенных в современном мире способов предотвращения, регулирования и преодоления конфликтов в сфере национальных отношений. В данной работе «этническая региональная автономия» (далее ЭРА) – это такая административно-территориальная единица первого субнационального (регионального) уровня, которая конституируется на этнической основе и в рамках национального государства обладает достаточно высокой степенью политического самоуправления. Поскольку ЭРА конституируется на этнической основе, важное значение для ее характеристики имеет такое понятие как «титупная этническая группа» – именно та (или те), которая и является «конституирующим основанием» для обретения регионом автономного статуса.

Как политический институт этническая региональная автономия представляет собой инструмент поддержания баланса в межнациональных отношениях, однако мировой опыт показывает, что эффективно управлять этим инструментом удастся далеко не всегда. Одна из ключевых проблем в функционировании ЭРА кроется в том, что в рамках территории этнической региональной автономии проживают не только представители «титупной» этнической группы, но и другие этнические группы, которые в условиях, когда «титупная» группа обладает определенными преференциями, могут чувствовать себя ущемленными.

Данная проблема была одним из сюжетов исследовательского проекта, посвященного сравнительному изучению этнических региональных автономий в современном мире. На основе рабочего определения составлен список ЭРА – генеральная совокупность (140 случаев). Исследование выявило широкий спектр институциональных и политико-управленческих механизмов, обеспечивающих поддержание баланса в ЭРА. Один из них – специфическая модель организации власти power-sharing, которая предусматривает «гарантированное участие представителей всех значимых этнополитических сегментов в принятии политических решений»⁴⁸⁹. Следует заметить, что о power-sharing чаще всего говорят применительно к организации центральной власти, и это имеет значение в том числе и для ЭРА, поскольку связано с таким измерением баланса в ЭРА, как отношения между автономией (титупной этнической группой) и национальным государством. Однако модель power-sharing значима и для другого измерения – баланса в межэтнических отношениях «внутри» ЭРА⁴⁹⁰. Под углом зрения организации регионального уровня власти в ЭРА были

[□] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №15-18-00034).

⁴⁸⁹ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. - М., 1997.

⁴⁹⁰ Wolff S. Complex Power-sharing and the Centrality of Territorial Self-governance in Contemporary Conflict Settlements // Ethnopolitics. 2009. Vol. 8. № 1. P. 27–454; Weller M. at al. (eds.) Settling Self-Determination Disputes: Complex Power-sharing in Theory and Practice. - BRILL, 2008.

проанализированы все 140 этнических региональных автономий, что позволило выявить и систематизировать все случаи power-sharing на региональном уровне.

Наиболее развитая и эффективная для поддержания баланса в межэтнических отношениях модель power-sharing институционализировалась в Южном Тироле (Италия), где региональное правительство строится на основе пропорционального представительства немецко- и италоговорящих групп населения и этнического меньшинства ладинцев.⁴⁹¹ Другой классический случай - Северная Ирландия (Соглашение Страстной Пятницы 1998 г.)⁴⁹². В Боснии и Герцеговине power-sharing стала следствием Дейтонских соглашений, которые положили конец войне между тремя этническими сегментами (хорваты, сербы, босняки)⁴⁹³. Впрочем, подобный формат power-sharing не всегда оказывается эффективным. В Судане power-sharing оказалась неспособна сдержать сепаратистские устремления Юга, а на Занзибаре взаимное недоверие участников power-sharing привело к распаду коалиции.

Иной тип power-sharing утвердился в Малайзии. Здесь эта модель реализуется (одновременно и на национальном, и на региональном уровнях) в рамках доминирующей партии - коалиции этнорегиональных и этнических общенациональных партий⁴⁹⁴. Далее, исследование показало, что имеется значительно большее количество случаев создания постэлекторальных коалиций этнорегиональных партий (многие штаты Индии, Мьянмы, часть регионов Италии, Испании и т.д.). Однако, как представляется, такой вариант не вполне соответствует понятию power-sharing. Наконец, следует иметь в виду, что механизмы power-sharing могут работать без формальных договоренностей между этническими партиями. В некоторых штатах Нигерии, а также республиках РФ произошла институционализация практик распределения ключевых властных позиций между представителями этнических сегментов на конвенциональной основе, что, в принципе, не противоречит существу модели power-sharing, и это позволяет поддерживать баланс в межэтнических отношениях.

В докладе будут изложены результаты исследования, нацеленного на выявление условий, способствующих институционализации той или иной модели power-sharing.

Пахрутдинов Ш.И. (Центральный институт
повышения квалификации работников народного
образования им. А. Авлоний, Ташкент, Узбекистан)

ОПЫТ УЗБЕКИСТАНА ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ УГРОЗ: ФАКТОРЫ И КРИТЕРИИ СОЗДАНИЯ УГРОЗО-УСТОЙЧИВОГО ОБЩЕСТВА

Угроза имеет не меньшее значение в теории национальной безопасности любого государства, чем категория «жизненно важные интересы». Своевременное обнаружение угроз и реагирование на них со стороны системы обеспечения национальной безопасности имеют первостепенную важность в практической деятельности по защите жизненно важных интересов личности, общества и государства. Характер и уровень угроз определяют основные направления деятельности по их предупреждению и локализации, формы, способы, средства и методы решения задач обеспечения национальной безопасности при рациональном использовании имеющихся ограниченных ресурсов.

⁴⁹¹ Wolff S. The Institutional Structure of Regional Consociations in Brussels, Northern Ireland, and South Tyrol // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. № 3.

⁴⁹² McGarry J., O'Leary B. Power-Sharing Executives: Consociational and Centripetal Formulae and the Case of Northern Ireland // *Ethnopolitics*. 2016. № 5.

⁴⁹³ Hulsey J. Electoral Accountability in Bosnia and Herzegovina under the Dayton Framework Agreement // *International Peacekeeping*. 2015. № 5.

⁴⁹⁴ Brown G. Playing the (non)ethnic card: The electoral system and ethnic voting patterns in Malaysia // *Ethnopolitics*. 2005. № 4.

В XXI веке человечество сталкивается с двумя категориями угроз - традиционными проблемами прошлого века и угрозами, возникающими абсолютно на новой основе. Как отмечал Первый Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов, «к сожалению, нам не всегда удается заранее предвидеть эти **угрозы**, в большинстве случаев они возникает внезапно»⁴⁹⁵. И. Каримов впервые ввел понятие «угроза» в национальный политический лексикон в 1994 году, выступая на сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан, в своих произведениях проанализировал основные **угроз** для страны и источники их появления, обосновал научно-практические пути их предотвращения.

Во многих случаях, **угроза возникает**, когда из-за интересов социально-политических групп без внимания и решения остаются возникающие конфликты.

По содержанию, цели и свойствам фактор угрозы проявляется в таких формах, как: территориальный экспансионизм, идеологический экспансионизм, информационный экспансионизм, религиозный экстремизм и фундаментализм, сепаратизм, политический терроризм, региональные конфликты, ядерная, бактериологическая, химическая, экологическая, антропогенная и т.д.

Для предотвращения угроз, ведущих к нестабильности, необходимо разрабатывать *эффективные меры противодействия*. К ним относятся: фактор общенациональной политической лидера; принятие политических решений; решения по обеспечению национальной безопасности; предупреждение мирового сообщества о мерах и путях противодействия угрозе; объединение деятельности государственных органов и власти; общенациональная мобилизация\ против угроз; проведение агитационно-пропагандистской работы и доведение достоверной информации через СМИ; опора на политическое мышление народа; повышение общенациональное и общегосударственное единство; устранение угрозы и ситуации угрозы. Непосредственно ответом угрозе служат фактор общенационального, политического лидерства и принятие конкретных политических решений. К сожалению, мировой опыт по предотвращению угрозы, нельзя считать продуктивным и эффективным.

В чем причина неэффективности предотвращения угроз в мировом масштабе? Это, во-первых, отсутствием единой концепции и общих подходов к предотвращению угрозы; во-вторых, недостаток внимания к месту и роли социально-политических и идеологических факторов; в-третьих, односторонние оценки многими государствами своей силы и мощи; в-четвертых, безответственное отношение к конструктивным предложениям со стороны молодых независимых государств.

Один из главных факторов возникновения угрожающих ситуаций для существования и стабильности общества связан с духовной нищетой народа, безответственностью, невниманием к опасности радикальных, националистических, фашистских идеологий.

Особое значение, как показывает мировой опыт, имеет пауза между угрозой и ответом: чем она короче, тем эффективнее предотвращение опасности.

На мировых аренах и в политических отношениях не военная сила государств, а интеллектуальный потенциал, ум и разум, наука, развитие технологии, совершенствуют систему *устойчивости угрозам*.

Узбекский опыт отмечен следующими стратегическими факторами: А) духовное развитие общества; Б) укрепление военной сфере; В) обеспечение экономического развития; Г) достижение финансовой стабильности;

⁴⁹⁵ Каримов И.А. Тинчлик ва хавфсизлигимиз ўз куч кудратимизга, хамжихатлигимиз ва қатъий иродаимизга боғлиқ.-Т., “Ўзбекистон”. 12 жилд, 2004., 267- бет

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Социально-политические трансформации последних двух с половиной десятилетий в России по масштабу сопоставимы с революционными событиями начала XX века. Преобразования власти, политической системы, экономики и частной жизни дали сто лет назад старт процессу перманентного переустройства государства и общества. А суть преобразований состоит в выработке и утверждении ценностного модуля, способного определить смыслы, образцы политического поведения, модели политического действия. В 1991-1993 годах, как и в 1917, страна оказалась перед выбором своего пути в русле цивилизации.

И здесь важно понять не только саму ценностную систему, ее иерархию, но и факторы, влияющие на ее выработку и утверждение в социуме и государстве. Ценность проявляется в конкретных исторических условиях, раскрывается, «обретая весомость», в реальном осознании и в реальных взаимоотношениях субъектов.

В основе любой идеологии лежит ценностная система. При этом не имеет значения, идёт ли речь о «Законах Ликурга» или об «Общественном договоре», об утопиях социалистов или о фашистской идеологии. Несмотря на разницу эпох, политических систем и политических акторов, механизм вполне очевиден: некая социальная группа ведёт селекцию аксиологических доминант, формирует ценностную матрицу, используя пропагандистские технологии, внедряет её в общество и артикулирует идеологический модуль. Идеология, выстроенная на ценностном основании, привносится в общество активной социальной группой. Манипулятивный характер процесса выработки и внедрения ценностей влечет вербовку сторонников, поиск «врагов ценностей», ведет к конфликтам в общественных отношениях.

Традиции, обычаи, морально-нравственные нормы, культура (в широком смысле), общественное мнение и общественные настроения оказывают влияние на селекцию всего того, что признаётся обществом или социальной группой ценным.

Сфера политики, впитывая практики из других сред, восприимчива к наиболее эффективным технологиям воздействия. К примеру, PR и реклама, поначалу бывшие инструментом продвижения товаров и услуг, адаптированы к политическим процессам, стали их частью. Без политического PR, политического консалтинга, политического маркетинга, политических технологий мир политики уже не существует. Эта квадрига стала двигателем политики, инструментом превращения заурядных явлений, решений, фигур в политические ценности и/или их симулякры. Политический PR по мере развития информационных технологий стал «теплицей аксиологической рассады». Сутью политического PR является не только формирование благоприятного имиджа политика или политической структуры, но и продвижение ценностей, на которых основаны модели политических действий.

Развитие политического процесса, формирование политической культуры, выработка новой системы ценностей идёт в России при участии государственных институтов. Приоритет государства в отечественной политической жизни - устоявшаяся традиция. Но в последние годы социальное развитие уже не может рассматриваться только как «огосударствленный» процесс. В нём значимое место принадлежит институтам гражданского общества, сети ассоциаций и объединений, как связующего звена между индивидуумом и государством.

Партии являются фактором воздействия на политический процесс, осуществляемое через воздействие на политическую культуру и систему ценностей, оказывают влияние на формирование властных институтов, на всё общество и государство. Формирование партийно-политических структур в России - процесс противоречивый. Электоральный цикл

2014-2017 гг. показал организационную, лидерскую, идеологическую несостоятельность новоявленных партий.

Продолжая тему ценностных ориентаций в политике, можно утверждать, что мы живём в системе аксиологической многоукладности. При этом нет открытой и конструктивной общественной дискуссии аксиологического толка. Зачастую политические элиты не утруждают себя поисками аргументов для убеждения оппонентов в правоте своих идей, в истинности ценностей. Анализ хода российских реформ убеждает в том, что влияние социокультурных факторов на политику может происходить как непосредственно, так и опосредованно. Реальные изменения в политической практике зачастую проявляются со временем, когда качественные и количественные перемены набирают необходимую критическую массу. Это объяснимо сложной структурой системы ценностей, несинхронным развитием и трансформацией элементов. Система ценностей в современной России эклектична, противоречива, имеет разнонаправленные векторы развития.

Доминирование в России транзитного типа политической культуры провоцирует ожидание очередной волны перемен, затянувшаяся социально-политическая стабилизация, а также внешнеполитический кризис 2014-2017 гг. порождают различные субкультуры, негативно влияющие на ситуацию. При этом гражданскому обществу власть отводит роль публичного инструмента дополнительной легитимации политико-властных установок, что не несёт в себе конструктивного начала и снижает эффективность социальных институтов.

Пинюгина Е.В. (ИНИОН РАН, Москва)

ПАРТНЕРСТВО КНР И ФРГ: НОВАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ОСЬ ЕВРАЗИИ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ⁴⁹⁶

За три года, истекшие с присоединения Крыма и вынужденного поворота на Восток, превращения энергетического партнерства России с КНР в геополитический альянс не произошло, несмотря на договоренности лидеров двух стран о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. Более интенсивно у Китая в европейской части континента развивается партнерство с ФРГ. Значимость немецко-китайского партнерства выросла в 2011 г., после учреждения нового формата взаимоотношений – правительственных консультаций. В сообщениях о двусторонних переговорах на протяжении 2013 г. стал появляться термин «инновационное партнерство».

В ходе европейского турне главы Госсовета КНР Ли Кэцзяна в октябре 2014 г., сразу после посещения им России, китайско-германские отношения, судя по оценкам официальных китайских СМИ, достигли небывало высокого уровня. Подчеркивалось, что отношения носят не торгово-сырьевой, а продвинутый характер.⁴⁹⁷ Тогда же сформулирована внешнеполитическая концепция двусторонних отношений – «Инновационное партнерство», и подписан рамочный план действий на 10 лет «Продвигать инновации – совместно!», затрагивающий 110 соглашений.

Официальные СМИ КНР разъясняли населению, что эти соглашения нужны двум развитым странам, столкнувшимся с препятствиями роста национальных экономик, поскольку прогнозировалось снижение роста экономики ФРГ за 2014 год до 1,3 процента, а китайской экономики до 7,3 процентов; что в результате партнерства Германия сможет

⁴⁹⁶ Подготовлено в рамках гранта № 16-27-21001 РГНФ Формирование общего экономического пространства в Евразии: Исследование вопросов сопряжения строительства Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза (Международный конкурс РГНФ – Китайская академия общественных наук (КАОН) 2016 года)

⁴⁹⁷ 13.10.2014 - Визит Ли Кэцзяна в Германию вывел китайско-немецкие отношения на новый уровень. По материалам Синьхуа // Asia-Business.ru. – http://www.asia-business.ru/lenta/china/2014/10/13/news_1778.html

эффективно воспользоваться огромным рынком Китая для поддержания умеренно растущей национальной экономики, а Китай получит возможность для накопления опыта и знаний для повышения уровня своей экономики. Подводя итоги, Ли Кэцян специально подчеркнул, что отношения между Китаем и Германией не сводятся к "простым отношениям купли - продажи", а движутся к "инновационному партнерству", что предполагает сотрудничество в сферах промышленности, науки и технологий. Отмечалось, что совпадают национальные приоритеты развития: в КНР с целью модернизации промышленного производства начата государственная программа «Made in China 2025», в ФРГ с целью сохранения лидерства в ряде отраслей промышленности – программа цифровизации ряда отраслей «Industrie 4.0».

Инновационное партнерство - парадигма, определяющая, в том числе, и согласованный китайско-немецкий подход к чувствительным для России областям, где экономика тесно связана с политикой - в первую очередь, к энергетике. Здесь партнерство с ФРГ послужило артикуляции начала определяющего для всей Евразии сотрудничества Китая с ЕС в области энергетической политики. Оно сосредоточено не только на высокотехнологичной проблематике, но и на согласовании общих интересах импортеров углеводородов в Евразии. Еще в 2012 г. на переговорах с ЕС Ли Кэцян отмечал, что КНР заинтересована в иницируемом ЕС всестороннем (в том числе – нормативном!) развитии новых видов энергии, возобновляемых энергоисточников и низкоуглеродных технологий, в решении проблем урбанизации и энергоэффективности. Неоднозначными для России, бюджет которой зависит от экспорта углеводородов в ЕС, а в перспективе – и в КНР, является и такое объяснение геополитического альянса китайским лидером: «Китай и Европа выступают в качестве ведущих экономических международных субъектов и несут ответственность за обеспечение энергетической безопасности, защиту стабильности на мировом энергетическом рынке, что при осуществлении энергетической стратегии стороны должны стремиться к активизации процесса обмена опытом, совместными усилиями способствуя установлению безопасной, стабильной, экономичной, чистой и многообразной системы энергоснабжения»⁴⁹⁸.

В 2016 г. на 4-м раунде правительственных консультаций А.Меркель и Ли Кэцян снова ключевой темой назвали энергетическое сотрудничество – совместное развитие и использование энергосберегающих, а также экологических технологий.

В повестке китайско-российских встреч отсутствуют аналогичные тезисы о международной экономической роли РФ, о совместном с Россией стремлении к экономической и чистой системе энергоснабжения в Евразии, о совместной ответственности за энергетическую безопасность. Тревожным сигналом для России является и заявление китайского руководителя о том, что участие Китая и Европы в глобальном энергетическом управлении является настолько важным, что необходимо усилить координацию политики, оказать содействие созданию открытого, высокоэффективного энергетического рынка. Россия, предлагающая свои углеводородные ресурсы КНР и странам ЕС по долгосрочным контрактам, требующим от России больших затрат и капиталовложений в создание трубопроводной инфраструктуры, полагается на добрую волю двух индустриальных стран, лидеров энергопотребления, ключевой интерес которых – в настоящем навязать свою схему ценообразования поставщикам традиционных энергоносителей, а в будущем скорейший переход к высокотехнологичной неуглеводородной энергетике.

Статус лидирующей экономики Еврозоны и наличие мощного технологического и индустриального кластера подразумевает такие преимущества, ради которых можно пренебречь тем, что лидеры этой страны упрекают китайцев - представителей иной политической культуры в недостаточной рецепции своих ценностей; критически подходят к ряду аспектов китайской инициативы «Один пояс, один путь»; обсуждают введение

⁴⁹⁸ Заместитель премьера Госсовета КНР Ли Кэцян сообщил о намерении китайской стороны развивать китайско-европейское сотрудничество в области энергетики / CNTV. – 5.05.2012. - <http://www.cntv.ru/2012/05/05/ART11336186920548351.shtml>

ограничений на китайские прямые инвестиции в немецкий бизнес (электронику, IT и автомобильный сектор). В свою очередь уверенная позиция китайской стороны по поводу неуместности переноса всех западных демократических принципов на свою почву, не мешает встречному стремлению Германии к партнерству, если оно обещает быть взаимовыгодным.

Плащинский А.А. (Международный университет «МИТСО»,
Минск, Беларусь)

ПАРАДИГМА НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ

Парадигма нового мирового порядка оказывает значительное влияние на внешнеполитическую стратегию США, обуславливает ее экспансионистский характер и является одним из основных источников международной конфликтности. Философский подход к трактовке парадигмы как идеи и прообраза вещей, разработанный еще Платоном, позволяет рассмотреть парадигму нового мирового порядка как прообраз будущего. Ее *формирование* раскрывает эволюцию США от изолированного в Западном полушарии государства в конце 18 века до сверхдержавы в конце 20 века. *Развитие* либеральной парадигмы миропорядка отражает процесс исторической трансформации – преобразования – системы международных отношений от традиционных государств-наций до возможных сценариев будущего мироустройства, одним из которых является создание всемирного государства или иных наднациональных институтов глобального управления.

Парадигма нового мирового порядка как *прообраз будущего* мироустройства проявляется в рамках трансформации системы международных отношений по либеральному образцу. Модель либеральной демократии инкорпорирована в политическую систему США. Эта модель проецируется в мировом масштабе посредством информационной, экономической и военно-политической экспансии США с целью установления глобальной (наднациональной) системы управления.

С момента провозглашения независимости Соединенные Штаты Америки выступают *носителем парадигмы* нового мирового порядка. Концепция «мира по-американски» лежит в основе внешнеполитической деятельности этой страны. Ее сущностью является борьба за преобладающее влияние в мире. Реализация американоцентричной системы мироустройства силовыми методами имеет высокий конфликтный потенциал и несет угрозу мирному развитию человечества.

Цель и движущие силы процесса установления нового мирового порядка остаются неизменными на протяжении веков. Этот процесс, как уже отмечалось, представляет собой трансформацию системы мироустройства, в том числе ценностно-мировоззренческую, с использованием концепций «мягкой» и «жесткой» силы. В результате такого переформатирования мир планомерно и целенаправленно погружается в хаос – под лозунгом расширения «свободы» и «демократии».

Основным геополитическим препятствием для достижения мировой гегемонии является территория срединной Евразии, исторически обозначенная границами России. Вот почему в 1812 г., 1914-1918 гг., 1941-45 гг., 1945-1991 гг. Российская империя, а, затем, СССР и Российская Федерация представляли собой центр силы, препятствующий процессу установления нового мирового порядка. Этот центр силы вызвал на себя основной удар внешней военной агрессии. «Интеграция» российского центра силы в систему глобального управления осуществляется в соответствии с принципом «разделяй и властвуй», в том числе, посредством международных конфликтов и создания «горячих точек» по периметру российских границ.

Так, Первая мировая война привела к распаду Российской империи и других европейских империй. В результате войны была создана Версальско-Вашингтонская система. Лига Наций выступила прообразом системы глобального управления. Вторая мировая война вновь радикально трансформировала миропорядок и закрепила Ялтинско-Потсдамскую систему. ООН закрепила принцип наднационального управления. Окончание холодной войны и распад СССР обусловили феномен постбиполярного мира с доминированием секулярно-либеральной идеологии, позиционируемой как окончательная победа Запада и «конец истории». Однако процесс установления нового мирового порядка на этом не закончился. *Он принял форму «войны с терроризмом», а, затем, современной «гибридной войны».*

Квинтэссенцией проблемы нового мирового порядка представляется вопрос о мировом правительстве. В настоящее время аргументы в пользу мирового правительства выдвигаются в контексте решения глобальных проблем современности. Под предлогом решения общемировых проблем, в том числе проблемы войны и мира, изменения климата, борьбы с терроризмом, транснациональной преступностью и т.п. продвигается тезис о необходимости реформирования ООН и создания новой платформы глобального управления – прообраза «всемирного государства».

Взаимосвязь между феноменом нового мирового порядка и проблемой войны и мира остается неисследованной в полной мере, что затрудняет формирование объективной картины мира. Результаты нашего исследования свидетельствуют о взаимообусловленности проблемы войны и мира, с одной стороны, и феномена нового мирового порядка, с другой стороны. Обратной стороной проблемы нового мирового порядка является проблема войны и мира. Данный факт позволяет не только по-новому взглянуть на логику исторического процесса, но и осуществить поиск возможных путей мирного развития человечества.

Подшибякина Т.А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: СТРАТЕГИИ КОММЕМОРАЦИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вопрос о том, годовщину какой революции собирается отмечать российское общество в 2017 году: Февральской и Октябрьской или Русской революции 1917 года в определенной степени остается открытым. В исторической памяти людей хранятся воспоминания об эпохе великих потрясений во всей их многозначности, в научном и общественном дискурсе в равной степени отражается интерес к осмыслению причин, содержания и исторического опыта и буржуазной, и социалистической революции.

Однако в политическом дискурсе акценты расставлены иным образом: предлагается считать, что революция в 2017 году была одна, иногда складывается ощущение, что власть, соблюдая внешние приличия, совсем не заинтересована в актуализации революционной тематики даже в столетнюю годовщину событий. Следует исходить из того, что историческая политика проводится любым государством с целью воздействия на историческое сознание граждан и социальных групп, прежде всего, для легитимации собственной власти и укрепления позиций правящего режима. Революционные события сложно использовать для подкрепления консервативной идеологии, культивируемой в российском общественном сознании. С некоторой натяжкой для этой цели подходит Февральская революция, позволяющая провести аналогию с либеральным реформаторским переворотом 90-х годов XX века, положившим начало нынешнему политическому режиму, который затем медленно стал приобретать идеологический характер охранительного и консервативного.

Опасный для власти сигнал содержится в данных социологических опросов, в том каким образом граждане отвечают на вопрос «Как вы считаете, могут ли в России повториться события, подобные тем, которые произошли в 2017 году?», почти треть

респондентов согласилась с существованием такой возможности⁴⁹⁹. Не подходит эта тема для легитимации власти, так как в 2017 году только 13% опрошенных из 100 продекларировали свой интерес к «Революции 1917 г., становлению советского государства»⁵⁰⁰.

Какова же стратегия коммеморации, т.е. способа сохранения в исторической памяти граждан России этого исторического события, предлагаемая государством? В Распоряжении Президента Российской Федерации содержатся рекомендации «О подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России»⁵⁰¹, позволяющие выявить стратегическую линию власти по этому вопросу. Если рассмотреть коммеморацию в этимологическом значении этого понятия, введенного в научный оборот французским ученым П. Нора, в значении материального компонента исторической памяти и проанализировать события, связанные с памятными местами, то можно утверждать, что этот компонент ничтожно мал. В плане основных мероприятий, связанных со 100-летием революции 2017 года в России⁵⁰², подготовленном по поручению Президента РФ организационным комитетом Ассоциации «Российское историческое общество» в разделе «Мемориальные мероприятия» значится: мероприятие «Памяти погибших. Февраль. Трагедия. 1917 год», организуемое Фондом Нобеля и Императорским Православным Палестинским Обществом; установка и открытие памятника Примирения в Керчи, подготавливаемое Российским военно-историческим обществом, а также издание серии художественных почтовых марок. Из 118 мероприятий, включающих выставки, музейные экспозиции, конференции, круглые столы, научные и исследовательские проекты проведение 3 мемориальных мероприятий - это очень слабое представительство.

Общий лейтмотив мемориальных мероприятий – примирение, дань памяти всем погибшим в общенациональной трагедии революции и гражданской войны. Политическая установка на такую трактовку событий была дана Владимиром Путиным в президентском Послании 2016 года, где он заявил: «Уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, укрепления общественного, политического гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь. Недопустимо тащить раскол и злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь»⁵⁰³.

Накануне президентских выборов, когда предвыборная кампания представителями оппозиции уже начата, создавать информационный повод для актуализации революционных событий даже в либерально-охранительном контексте чревато для власти созданием условий для так называемых, «электоральных», или бархатных революций.

Помигуев И.А. (ФУ при Правительстве РФ, ИНИОН РАН, Москва)
**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ГОСДУМЫ СЕДЬМОГО СОЗЫВА
ПЕРЕД ПРЕЗИДЕНТСКИМИ ВЫБОРАМИ: ОГРАНИЧЕНИЯ
И ВОЗМОЖНОСТИ РОСТА**

Перед президентскими выборами 2018 года вопрос распределения влияния между различными политическими институтами выходит на первый план. Всевозможные акторы,

⁴⁹⁹ Октябрьская революция. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revolyuutsiya-2/> (дата обращения 3.09.17).

⁵⁰⁰ История. URL: <https://www.levada.ru/2017/03/22/istoriya-rossii/> (дата обращения 3.09.17).

⁵⁰¹ Распоряжение Президента Российской Федерации содержатся рекомендации «О подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России». <http://rushistory.org/images/documents/0001201612200017.pdf> (дата обращения 3.09.17)

⁵⁰² План основных мероприятий, связанных со 100-летием революции 2017 года в России. URL: <http://rushistory.org/images/documents/plan100letrevolution.pdf>

⁵⁰³ Послание Президента Федеральному Собранию. 1.12.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>

как формальные, так и неформальные, используют имеющиеся ресурсы для увеличения политического капитала. Фактически мы наблюдаем игру, где на кону стоит близость к президенту - наиболее сильному вето-игроку, одобрение которого необходимо для принятия любых законодательных решений на федеральном уровне.

В свою очередь Госдума - важнейший актер в федеральном законодательном процессе, именно у нее есть максимальные возможности процедурно влиять на прохождение законопроектов, а также безвозвратно отклонять внесенные инициативы на начальных стадиях. Это площадка для политических торгов по процедурным правилам, которые во многом устанавливаются, а главное – контролируются, самой Думой. Соответственно, палата парламента – это важный инструмент принятия и легитимации решений для политического игрока, контролирующего деятельность палаты. Однако таких игроков мало - это исполнительная власть в лице президента и/или правительства. Так, держать под контролем Госдуму для главы государства не очень сложно даже за счет своих формальных полномочий: он может наложить практически непреодолимое вето на любой принятый парламентом закон.

Именно в отношениях с президентом нижняя палата имеет наибольшие институциональные ограничения, которые в современных условиях не используются, поскольку Дума контролируется с помощью другого политического инструмента - партийного вето-игрока – фракции, которая имеет конституционное большинство. При этом формальным лидером является премьер-министр, а неформальным – президент.

Конституционные нормы и реальная расстановка сил среди наиболее значимых институциональных акторов федерального масштаба не позволяют им встать на один уровень с президентом. Таким образом политическая субъектность Думы ограничивается взаимодействиями с верхней палатой, судами, региональными парламентами, максимум – правительством и министерствами.

Кроме того, если принимать во внимание, что партийный вето-игрок полностью лоялен президенту, то важнейшим источником усиления политических позиций в той самой игре являются ресурсы главы государства. При этом конкурентным преимуществом парламента является законодательная деятельность: процедурное оформление и легитимизация принимаемых законодательных решений.

Каковы возможности усиления политического влияния Думы в условиях таких формальных, функциональных и контекстуальных ограничений? Несмотря на них, возможностей роста политического влияния у Думы достаточно много. Условно их можно разделить на два основных вида: *внутренние и внешние*.

Развитие внутреннего потенциала подразумевает работу над тем, чем Дума уже обладает:

- кадровый состав депутатов, каждый из которых имеет свой уровень влияния на региональном и федеральном уровнях;
- аппаратный состав – база, на которой построена работа Думы, механизм, реализующий политическую волю своих руководителей;
- экспертный состав, обеспечивающий выработку интеллектуального продукта, в конечном счете являющегося важным ресурсом и конкурентным преимуществом в отношениях с другими органами власти;
- «правила игры» в законодательном процессе, которые могут позволить Думе сильнее влиять на процедурные моменты прохождения инициатив.

Внешние возможности лежат в сфере взаимоотношений Думы с другими политическими актерами. Основными направлениями развития своего потенциала могут быть:

- усиление позиций в регионах, активизация сотрудничества с региональными парламентами, благодаря которому Дума может стать влиятельным игроком в субъектах во время президентской кампании;
- выстраивание конструктивных отношений с бизнес-структурами;

- развитие международного сотрудничества.

Данные направления наиболее перспективны, особенно в свете предстоящих в 2018 году выборов президента. С другой стороны, политическое влияние Думы будет зависеть от развития связей с равными ей институциональными акторами. Здесь может быть достаточно много стратегий, но все они четко ограничиваются одним важным условием – проявлением максимального уровня публичной лояльности главе государства с одновременным ростом внутреннего и внешнего потенциала.

Попова О.В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

МАТРИЦА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ

Модный ныне в научной среде термин «постправда» отражает резкое увеличение использования социальными и политическими акторами в публичной сфере связанных с психологическим давлением на сознание индивида манипулятивных средств, воздействующих, прежде всего, на эмоциональную сферу человека и не позволяющих ему рационально и объективно оценивать предлагаемую информацию. С нашей точки зрения, феномен «постправды» не является чем-то совершенно новым, хотя современные информационные технологии, массовое погружение населения в онлайн-реальность, активизация информационной войны «всех против всех» обеспечивают исключительное по массовости и скорости распространение подчас абсолютно ложных сведений среди различных социальных групп. Пока сложно говорить о принципиальном отличии современных технологий и эффектов воздействия на формирование общественного мнения по значимым политическим вопросам в сравнении с концом XX в., однако по ряду существенных для политической сферы проблем перемены становятся уже очевидными. Это касается, например, политики государственной идентичности и, прежде всего, предлагаемой обслуживающими сферу публичной политики акторами матрицы государственной идентичности.

Символический характер достаточно устойчивой, хотя и трансформируемой со временем базовой матрицы государственной (национально-государственной) идентичности сочетается с наличием в ней компонентов, обеспечивающих эмоциональное восприятие информации⁵⁰⁴ (чувств сопереживания, общности, ненависти, потребности дистанцирования и т.д.) в отношении образов «мы» и «они». Полная матрица политики государственной идентичности имеет два измерения: вертикальное (динамическое, временное; «прошлое – настоящее – будущее») и горизонтальное (пространственное, территориальное). Базовая матрица государственной идентичности⁵⁰⁵ включают в себя следующие три компонента: 1. Образ «нашей» власти и «нашего» государства с фиксацией «правильных»: границ территории страны (помимо пределов/границ государства фиксируется восприятие его отдельных территорий); времени создания государственности; символики; сонма исторических героев; поддерживаемого значительным большинством граждан современного национального героя-лидера, чей образ должен ассоциироваться в сознании населения с образом всей политической элиты. 2. Образ «мы» с однозначно трактуемым способом обозначения населения государства, декларацией принадлежности страны к определенному типу цивилизации и самоопределением элиты относительно значимых для нее групп. 3.

⁵⁰⁴ Титов В.В. Национально-государственная идентичность как пространство политических смыслов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 45.

⁵⁰⁵ Попова О.В. Базовая матрица государственной политики идентичности в современной России // Политическое пространство и социальное время / Под ред. Т.А. Сеньюшкиной, А.В. Баранова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 160–165.

Образ «Они» с внешним и внутренним измерением, а также с выделением «своих», «иных», «чужих» и «врагов»; эти образы могут быть как обобщенными, абстрактными, так и персонифицироваться (Попова, 2016).

Базовая матрица государственной идентичности — сознательно создаваемый конструкт (проект), продукт политики идентичности обладающих реальной властью политических акторов; она четко структурирована и достаточно устойчива, однако вследствие запросов политических реалий отдельные структурные компоненты могут выпадать или, наоборот, актуализироваться, менять содержание и т.д. Матрица государственной идентичности соотносится с направлением идеологии, поддерживаемым находящейся у власти наиболее влиятельной политической группировкой. Все более мощное внедрение «постправды» в публичную политическую и частную жизнь людей неизбежно влечет за собой ряд изменений. Так, например, акцентируется цементирующий единство населения государства позитивный яркий, положительный образ его (народа и страны) общего будущего; особо эффективным приемом является подчеркивание контраста между тяжелым прошлым и светлым будущим. Важные моменты для образа «мы» — обеспечение ощущения сопричастности к успехам и победам в прошлом, настоящем и будущем, в декларации символической преемственности государственных образований. Визуальные образы связываются не только с государственной символикой настоящего, но активно используются и атрибуты прошлого; актуализируется перенос времени формирования государства вглубь веков. В случае неспособности элиты предложить осмысленный, привлекательный, конструктивный образ коллективного будущего для всех граждан страны акценты также смещаются в прошлое государства. Доминирует конфронтационная модель «Других» как чужих, врагов. Позитивный образ «Других» трансформируется в образ мощных вечных союзников или покровителей. В условиях «постправды» компоненты государственной матрицы идентичности все более мифологизируются, а ее создатели все менее заботятся о логической стройности конструкта.

Поцелуев С.П. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

ИСТОРИЧЕСКАЯ АМНЕЗИЯ КАК ФЕНОМЕН «ПОЛИТИКИ ПОСТ-ПРАВДЫ»

Выражения «политика пост-правды» или «политика пост-фактов» (post-fact politics, post-truth politics) стали входить в современный политический лексикон уже с начала 2010-х годов, но большую популярность обрели в 2016 году, в связи с Brexit и президентскими выборами в США. Это понятие означает качественные сдвиги в современной общественной коммуникации, опосредованные сетевыми структурами новых и новейших медиа. Суть этих изменений состоит в материализации изображенного Дж. Оруэллом еще в 40-х годах прошлого века концепта «двоемыслия»: «говорить заведомую ложь и одновременно в нее верить, забыть любой факт, ставший неудобным, и извлечь его из забвения, едва он опять понадобился, отрицать существование объективной действительности и учитывать действительность, которую отрицаешь»⁵⁰⁶.

Другими словами, главной чертой «режима пост-правды» является прагматическое устаревание понятия истины, коммуникативная бесполезность отличия правды от лжи. Это отнюдь не значит, что истина и факт исчезли для сознания общающихся людей (они ведь не безумцы); просто эти концепты потеряли смысл в языковой игре под названием «честная ложь». Теперь разрешается лгать и не нести за это именно коммуникативную, а не просто этическую, правовую или политическую ответственность.

⁵⁰⁶

Здесь и далее цит. по изд.: Дж. Оруэлл. 1984 / Пер. В.П.Голышева. – М.: Прогресс, 1989.

В отличие от комплексной характеристики «режима пост-правды» в духе оруэлловского «двоемыслия», упомянутый режим нередко понимают в усеченном виде, только применительно к оппонентам, как «привычку бесстыдно утверждать, что чёрное — это белое, вопреки очевидным фактам». Но при этом упускается один важный момент, касающийся памяти. Между тем в краткой версии оруэлловской характеристики двоемыслия («Прошлое подчищено, подчистка забыта, ложь стала правдой») отношение к прошлому играет ключевую роль.

В этой связи следует проводить принципиальное различие между *забыванием* как целенаправленным процессом, выступающим неотъемлемым элементом диалектической пары «вспоминание – забывание» и исторической *амнезией* как утратой самой способности помнить об опыте прошлых поколений. Суть исторической амнезии состоит в ослаблении либо утрате символических фигур воспоминания как «устойчивых объективаций языкового и внеязыкового плана»⁵⁰⁷ (знаковых лиц, событий, мифов, ритуалов, памятников и т.п.), образующих системообразующие рамки, без которых невозможно что-то помнить или забывать из опыта прошлых поколений.

Существует ряд факторов, которые способствуют прогрессу исторической амнезии в условиях «режима пост-правды»:

Таблоидизация подачи публичной информации, когда короткие развлекательные истории, близкие по содержанию и стилистике слухам и сплетням о «звездах», отвлекают внимание граждан от важных национальных и международных тем, требующих исторической рефлексии. Пропагандистская ценность таблоидных ‘новостей’ заключается в их способности деполитизировать массовую общественность⁵⁰⁸.

Формирование параллельных медийных экосистем. Интернетовские поисковые сети вроде Google, а также социальные сети Facebook, Twitter и WhatsApp и т.п., ведут к образованию таких феноменов, как «эхокамеры» и «пузыри фильтров», которые формируют взаимно непересекающиеся «медийные экосистемы» на основе механизма «гомофильной сортировки» информации. Этот процесс усиливается экономическим и политическим рынком, использующим микротаргетинг.

Дефицит общих авторитетных источников информации, помогающих отличить правду от лжи. Культура электронных медиа позволяет каждому человеку, имеющему доступ в Интернет, публиковать и легитимировать (посредством эхокамер) свои мнения и оценки. В тенденции это снижает уважение граждан к профессионалам, задействованным в центральных (официальных) источниках информации. Вдобавок, сами эти источники (а в особенности социальные медиаплатформы), культивируют – ради ловли «кликов» – огромную массу фейковых сообщений, которые дискредитируют серьезный контент и ведут к утрате доверия к медиа как социальному институту.

В итоге действия этих и прочих факторов правда превращается в публичном политическом дискурсе в пост-правду, а факт – в пост-факт или «фактоид», т.е. в нечто, что *лишь принимает вид* факта и правды, но что невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Одной из генетических характеристик данных феноменов выступает их опосредованность исторической амнезией.

⁵⁰⁷ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 54.

⁵⁰⁸ DiMaggio A. Post-Fact Politics: Reviewing the History of Fake News and Propaganda // CounterPunch. – 2016. – 6 December. – Mode of access: <https://www.counterpunch.org/2016/12/06/post-fact-politics-reviewing-the-history-of-fake-news-and-propaganda/> (Дата посещения: 12.08.2017.)

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В ДИПЛОМАТИИ АФРИКАНСКИХ СТРАН

Международные интересы России и стран Африки совпадают по многим направлениям. В последние годы лидерами наших стран немало сделано в деле формирования механизма коллективного воздействия на процессы глобализации, борьбы за предупреждение и разрешение межгосударственных, региональных и локальных конфликтов, противодействия международному терроризму. Важной вехой стало партнерство России и Южно-Африканской Республики (ЮАР) в рамках БРИКС. Актуальным остается более полное представление о лидерах африканских партнеров России, которые играют важную роль как в развитии российско-африканских отношений на уровне двусторонних связей, так и в сотрудничестве на площадке ООН. Для поступательного развития отношений между РФ и странами континента важным является сохранение преемственности их внешнеполитического курса при смене лидера, так как негативные примеры в этом плане уже имели место (например, с Замбией в 1990-е годы).

Значительные успехи ряда государств Африки (прежде всего южноафриканского региона) в установлении гендерного равенства в политике положительно повлияли на гендерные изменения в кадровом составе их внешнеполитических ведомств. Сегодня присутствие африканок в дипломатии является отражением общего положения женщин в этих странах. Это свидетельствует о расширении в ряде стран континента участия женщин в принятии важных государственных решений и разработке мер по недопущению изоляции женщин от политической жизни.

Об успехах деятельности некоторых женщин-дипломатов, активно проявивших себя в вопросах мира и безопасности (а они по-прежнему остаются актуальными для Африканского континента), свидетельствуют их международное признание и награды. В 2012–2016 гг. Н.Дламини-Зума (ЮАР) занимала пост председателя Комиссии Африканского союза (АС). Она – первая женщина, возглавившая административно-исполнительный орган АС, в состав которого входят 54 страны континента. Многие женщины-послы за заслуги в деле предотвращения конфликтов, борьбы с голодом и СПИДом, информирования общественности и пр. были удостоены различных наград и премий. Н.Дламини-Зума отмечена премией Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). В 2009 г. И.Мбикусита-Леваника (Замбия) была удостоена награды университета Нью-Йорка за постоянные усилия по информированию по вопросам развития Замбии и Африки. Ш.Сисулу (ЮАР) награждена премией «Женщина 90-х годов».

Изменения гендерного баланса в дипломатических кадрах ряда государств Африканского континента свидетельствует о том, что мужская часть политического руководства оказалась способной пересилить страх потерять свое место в правящей элите. И от этого выигрывает все общество. В то же время значительное представительство женщин в дипломатическом корпусе объясняется не только успехами в установлении гендерной симметрии в политике. Играет роль также имиджевый фактор: руководство ряда стран, понимает, что, назначая женщин на должности послов, оно выглядит более прогрессивно в глазах международного сообщества и финансовых доноров.

**РЕВОЛЮЦИИ В ТИСКАХ ГОРОДСКОГО ЛАНДШАФТА:
ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МАКРОИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА
ДЛЯ АНАЛИЗА СОБЫТИЙ В ПЕТРОГРАДЕ В ФЕВРАЛЕ 1917 Г. ⁵⁰⁹**

Революция, как «насильственное свержение власти, осуществляемое создания новых политических институтов» (Голдстоун, 2015), требует эмоционального воодушевления и координации усилий больших масс людей, готовых рискнуть своим статусом, положением и, возможно, жизнью для переустройства государства и изменения общественных норм. При рассмотрении событий Февраля 1917 г. в рамках макроисторического подхода, при котором действия ключевых субъектов рассматриваются в сопоставлении с аналогичными, но происходящими в другое время и в других странах, можно, с одной стороны, сделать вывод об неизбежности произошедшего, с другой, выявить комплекс ситуативных, случайных причин, которые перевели социальный кризис в кризис политический, закончившийся радикальной сменой государственных институтов и появлением новых политических акторов.

Если сравнить в рамках общей методологии исследования Февральскую революцию с революцией в Пруссии (волна «Весна народов») и Сирии (волна «Арабской весны»), то можно выделить, как минимум, девять общих факторов, которые могут быть рассмотрены в качестве причинных: ухудшение экономической жизни населения, скопление в городах масс недовольных, падение международного престижа государства, наличие альтернативной идеологии, раскол элит, союз части элиты с неэлитарными группами, разочарование в проводимой политике, импорт идей и организаций, нелояльность силовых структур. На фоне кризиса, которому предшествует экономический рост, и последующее ухудшение экономической ситуации, падает уровень жизни населения, что служит причиной социального недовольства и появления разнообразных требований к действующей власти. В рассмотренных случаях основное значение имело не столько наличие программы преобразований и альтернативной идеологии, сколько появление дискриминированных сплоченных разностатусных групп, готовых к применению насилия, имеющих опыт самоорганизации, взаимодействия и обмена ресурсами. Во всех приведенных случаях отметим отказ от принятия политических решений и неэффективность полицейских мер.

Последнее как раз и объясняется особенностями городского ландшафта, понимаемых как однородный комплекс сложившихся историческим путем территориальных, социальных и политических компонентов. Петроград в урбанистическом плане – это тесное (в физическом, территориальном смысле) соседство города, продукта «управляемого модернизма» (П. Брук, 2017), города для богатых, города космополитической авангардной культуры и города заводов и трущоб, непреодолимых классовых, культурных и сословных (хотя и формально отмененных) барьеров при которых люди, находящиеся близко, не воспринимают друг друга членами единого сообщества. Административная столица, в центре которой были расквартированы воинские соединения, состоявшие к тому времени из вооруженных вчерашних крестьян, оказалась рядом с диккинсовским индустриальным городом, который благодаря образовательным школам уже был грамотным, и вследствие избирательного ценза не был представлен в нужном объеме политически. Хватило небольшого локального недовольства, и «модерновые» прямые широкие улицы и площади дали возможность сбора и передвижения больших масс людей, находящихся в непосредственной близости от правительственных зданий, люди с «окраин» в центре города смешались с респектабельной публикой, что сделало невозможным на первых порах активное применение насилия и, в конечном итоге, обеспечило успех в свержении монархии, но не устранения тех социально-психологических причин, которые лежали в основе кризиса.

⁵⁰⁹ При поддержке РГНФ, проект № 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX-XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ».

Петроградские рабочие не ориентировались на ценностные стандарты и нормы жизни «буржуазной» и «трудовой» интеллигенции, не рассматривали большинство их представителей в качестве выразителей своих интересов. Хотя, зачастую, они и жили в одних и тех же зданиях, но практически не взаимодействовали и не имели опыта совместного решения проблем. Когда эйфория победы схлынула, организовались два центра власти с последующим переворотом, гражданской войной и переносом столицы в более консервативную и эффективную в отношении обороны власти Москву.

Понятно, что современный город – это не город brutальных пролетариев, тем не менее, отметим, что территориальная сегрегация, наличие «богатых» и «бедных» районов может быть в краткосрочной перспективе и гарантирует некоторую безопасность и комфорт для одних групп и чувство эмоциональной близости и взаимовыручки для других, но, скорее всего, в случае кризиса не способствует установлению отношений доверия между разностатусными социальными группами. Социально интегрированные кварталы, адресная поддержка, реальное местное самоуправление, широкий доступ к культурному и социальному капиталу даст больше гарантий от потрясений, чем полицейские меры.

Радиков И.В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

АГРЕССИВНАЯ РУСОФОБИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ДАВЛЕНИЯ ЗАПАДА НА РОССИЮ КАК ФАКТОР МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

В арсенале средств внешнего давления Запада на Россию с целью принуждения ее к изменению политики главное место принадлежит санкциям. Идея проста: нанесение стране такого существенного или даже неприемлемого финансового, экономического, дипломатического, политического, гуманитарного и репутационного ущерба, который непременно вызовет внутреннее недовольство населения, политическую нестабильность и приведет к смене политического режима. Особая роль в этой политике давления отводится русофобии. Развернутая Западом русофобская кампания может быть охарактеризована как целый комплекс реализуемых на практике идей и концепций. Агрессивно настроенные политические круги Запада пытаются сделать русофобию основной повесткой мировой политики. Она распространяется на нескольких уровнях: официальном и неофициальном; носит массовый и элитный, культурно-бытовой или обывательский, интеллектуальный и политический характер. Содержание этих идей многообразно: это ложные, предвзятые, заранее сформированные отрицательные мнения о российской политике, маскируемые как логические; искаженные, фальсифицированные представления о русском народе и истории России; наконец, это всевозможные политические акции, осуществляемые государствами и политиками. Среди форм ее выражения выделяют: распространение банальных сплетней, заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство других лиц, клевету; антипатию, открытую враждебность как следствие предубеждений, ограничение возможностей участия в политической жизни, в деятельности международных организаций; оскорбление традиций народа, православных святынь, проявление религиозной ненависти. Носителями и распространителями русофобии являются в первую очередь СМИ. Многократный перевес в них негативных публикаций над нейтральными или позитивными свидетельствует о высоком индексе агрессивности СМИ в отношении России и является статическим признаком русофобии. Организованное дирижером русофобии США «единство» западных государств в борьбе с самостоятельностью и геополитической значимостью и влиятельностью России отражает их зависимость. Патологическая ненависть наиболее характерна государствам, история взаимоотношений которых с Россией омрачена негативными историческими воспоминаниями и конфликтами. Русофобией больны сегодня многие государства - члены

НАТО, союзники США. Расширение НАТО мотивировалось страхом-мифом перед прошлым, однако выяснилось, что членство в этой организации еще более стимулирует у государств – членов этой организации согласованные антироссийские фобии. Наиболее известны своей русофобией прибалтийские республики, Польша, Украина. Антирусская истерия, основанная на исторической лжи, и выступающая как заокеанский политический заказ, как единственно возможная плата за американское покровительство, характеризует украинское враждебное отношение к России, к русским. Агрессивная русофобия США и западных государств - это не только риторика. Она подкреплена практическими шагами по созданию пояса военного присутствия непосредственно у границ России. Понятно, что наращивание военной активности в регионах, затрагивающих российские национальные интересы, не будет способствовать международной стабильности. Русофобские кампании представляют угрозу национальной безопасности нашей страны. На практике внедрение русофобии как мировоззрения внутри российской среды может привести к отчуждению россиян от собственной государственности. Опасность русофобии состоит и в том, что ее акторы своей главной задачей считают недопущение прочных отношений российского государства с любым государством, нацелены на разрыв уже установленных экономических связей. Русофобия становится составной частью воспитания молодежи. Антироссийские стереотипы, которые сформированы на Западе, в глазах большинства, к сожалению, становятся «истиной», не подлежащей сомнению. Русофобия выгодна западному политику, поскольку все ошибки и просчеты, допускаемые властью, могут быть «объяснены» российскими происками (хакерскими атаками, российскими агентами).

В качестве вывода отметим, что, во-первых, русофобия отражает иррациональность общественного сознания и одновременно являет собой жесткую пиар-схему, способом отвлечения западного мира от собственных проблем, переадресации негатива на внешний. Во-вторых, политическая русофобия, во многом – это коммерческий проект. Ставшая частью западного менталитета, особенно постсоветских, восточноевропейских государств, ненависть к русским в значительной степени обусловлена так называемым «союзническим сознанием»: обменом русофобского курса на экономическую и финансовую поддержку. В-третьих, преодоление русофобского курса возможно лишь тогда, когда будет создан новый мировой порядок, основанный не на декларативных, а реально справедливых и равноправных отношениях между государствами, путем расширения межкультурных связей, в том числе межгосударственных, ведением просветительской деятельности.

Ракитянский Н.М. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)
**МЕНТАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФЕРЕНЦИИ
БРИТАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Английский политический менталитет формировался в течение столетий на основе *природно-генетических* ресурсов и *культурно-исторического* потенциала. Он *априорно-догматически* укоренялся и утверждался посредством самобытного системного основания — *островного протестантизма — англиканства*, которое содержит в себе специфические смыслы христианского исповедания веры⁵¹⁰.

Ни одно государство мира не определило облик Нового времени больше, чем Великобритания — целеустремленность, системность, упорство, пассионарная энергия

510 Ракитянский Н.М. Ментальные исследования политических миров. — Verlag: LAP LAMBERT Academic Publishing. Saarbrücken, 2016.

искусного геополитического игрока, самодисциплина и дипломатическая изощренность элит превратили небольшое островное государство в XVII–XIX веках в великую империю⁵¹¹.

Одним из первых европейских национализмов Нового времени был *английский национализм*, который «заговорил» на *религиозно-политическом языке*⁵¹², провозглашая свою *избранность* и свое *особое место* в мире. Церковно-административный раскол с Римом в 1534 г.⁵¹³ стал импульсом к развитию у британцев *чувства уникальности*. Англия, первенствуя в Западной Европе в разрыве отношений с католицизмом, создала единственную в своем роде *политическую систему*⁵¹⁴.

Последовавшее затем кардинальное размежевание островной Англии с континентальной Европой, — по мнению исследователя из Гарварда Дж. Гарске, было обусловлено не столько географическими, политическими и иными причинами, сколько различием *правовых систем*⁵¹⁵.

Непреклонная *догматичность* британского менталитета *мессиански, унифицированно, тотально и действенно* до сих пор реализуется в глобальной политике и в стремлении по *либеральному* переустройству миропорядка.

Эффективность политико-цивилизационного влияния Британии является свидетельством того, с каким упорством и гибкой последовательностью, прагматической этикой⁵¹⁶ и жестокостью⁵¹⁷ действует английское правительство, независимо от смены стоящих во главе его лиц.

Британия осуществляет свое долгосрочное политическое могущество благодаря преемственному развитию элит, системе протестантских ценностей, проектному мышлению, рефлексивному управлению, прагматичной гибкости, особой системе права, финансовым стратегиям, разведке, глобализации английского языка и гуманитарным технологиям. Политика достижений планетарного масштаба — это предельное выражение национальной *субъектности* англичан, которая проявляется в англосаксонском *рационализме, неокOLONIALном паразитизме*⁵¹⁸, *индивидуализме, либерализме, прагматизме и волюнтаризме*⁵¹⁹.

Соединенное Королевство имеет уникальный опыт стратегического и оперативно-тактического *проектирования* утилитарных моделей доминантного политического взаимодействия с партнерами и оппонентами и умеет с выгодой для себя *программировать* политическое поведение формально независимых политических субъектов.

Единственный в своем роде многовековой *политический режим* Великобритании был создан и поддерживается исключительными качествами британских политических элит. В числе этих референций представляется возможным выделить догматически непререкаемую систему *протестантских ценностей*, носителями которых эти элиты являются. Здесь необходимо также учитывать их проектное мышление, прагматичную гибкость,

511 Brexit как предвестник скорой смены миропорядка. URL: // http://ipolk.ru/blog/infovoina_biblioteka_svedeniy/25020.html

512 Hastings A. The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge, 1997.

513 Ерохин В.Н. Формирование английского национализма и его репрезентация в религиозно-политической борьбе в Англии в первые десятилетия XVII века // Вестник Кемеровского государственного университета, 2015. № 3 (63). Т. 2.

514 Маркова С.П. Английская реформация. URL: // <http://s-history.adygnet.ru/public/dial2-3.pdf>

515 Гарске Дж. Англосаксонская правовая культура в условиях глобализации: государство, корпорации, технологии // Век глобализации. 2017. № 1. — С. 4, 12.

516 Новолодская Т.А. Этика утилитаризма и ее проявления в современном мире. URL: // <http://tm.ifmo.ru/tm2014/src/067k.pdf>

517 Ирвинг Д. Разрушение Дрездена. Самая крупномасштабная бомбардировка Второй мировой войны. 1944-1945 — М.: Центрполиграф, 2005.

518 Колонисты и колонизаторы. URL: <http://ss69100.livejournal.com/2095899.html>

519 Ракитянский Н.М. Фундаментальные основания англо-американского политического менталитета // Поиск. Альтернативы. Выбор. Новая политика XXI век. 2017. № 1(5). — С. 112-135.

квалифицированное пользование особой системой права, возможностями дипломатии и разведки, финансовыми стратегиями, глобальной ролью английского языка и технологиями «мягкой силы».

Долговременное и преемственное развитие британских элит в контексте своей непрерывной национальной истории в ряду других причин и условий позволило Великобритании стать *системным политико-цивилизационным суперсубъектом*.

Расулзаде З.Л. (Азербайджан, Баку)

КОНФЛИКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

В современных международных отношениях политические конфликты играют особую роль, выступая, одновременно, как специальная форма политического взаимодействия акторов международных отношений и мировой политики, как способ разрешения противоречий и как система, защищающая международные отношения от перегрева, клапан «выпуска пара», направленный на сохранение существующей системы международных отношений (МО).

Уже одно перечисление указанных функций позволяет сделать вывод о том, что современные конфликты встроены в систему МО, несут в ней значительную функциональную нагрузку и создают условия не только для разрушения, но и для развития системы МО, в том числе по пути модернизации и прогресса.

В теории международных отношений политический конфликт определяется как столкновение двух или более разнонаправленных политических сил по поводу власти и осуществления политического управления, обусловленное существованием объективных противоречий в развитии системы МО и вызванное наличием у конфликтующих сторон неурегулированных претензий, взаимоисключающих политических интересов и целей, направленных на сферу международных отношений. Такие конфликты принято называть международными и отделять от немеждународных (внутриполитических) конфликтов, цели, объекты и субъекты которых полностью ограничены рамками политической системы одного, отдельно взятого, государства.

Политические конфликты, затрагивающие основу мировой политической системы, - национальные государства, - носят название политических кризисов. Внешнеполитические кризисы обусловлены международными противоречиями и конфликтами и затрагивают сразу несколько государств, остающихся в современном мире главными участниками международных отношений и мировой политики.

Регнацкий В.В. (МПГУ, Москва)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОСКОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Проблема формирования российской нации является сегодня крайне актуальной. В современных условиях необходимо учитывать социально-экономическую, этнокультурную, политическую специфику страны в целом и каждого региона в отдельности. Одним из сложных в этом отношении является Московский столичный регион, который обладает определенной спецификой идентификационных процессов в среде молодежи, понимание которой необходимо в первую очередь для их оптимизации в рамках региона.

Регион как социально-экономическое и политико-культурное пространство занимает особое место в системе факторов формирования гражданской идентичности. Исследователи

подчеркивают, что региональный тип идентичности актуализировался социокультурным кризисом в нашей стране в начале постсоветского периода: происходило развитие регионального самосознания, формировался региональный социально-политический миф⁵²⁰. В настоящее время региональная составляющая идентичности является менее выраженной, чем в 1990-е гг., хотя в определенной конфигурации продолжает существовать. В частности, выделяются две группы современной молодежи, обладающие выраженной региональной идентичностью разного характера: люди с комплиментарной региональной идентичностью, сочетающей региональные и общегосударственные элементы, и граждане, воспроизводящие конфликтогенные модели взаимодействия этнорегиональной и национально-государственной идентичностей⁵²¹.

Результаты проведенного эмпирического анализа позволяют заключить следующее.

Во-первых, в результате исследования в представлениях московской молодежи не было выявлено каких-либо существенных отличий, которые могли бы противопоставить ее всей молодежи страны. В этом смысле молодые москвичи могут быть условно отнесены к группе носителей комплиментарной идентичности (в соответствии с типологией В.В. Титова).

Во-вторых, определенная специфика идентификации московской молодежи обусловлена социально-экономическими и политико-культурными особенностями Московского столичного региона: положением Москвы как столицы и финансового центра, бурным демографическим развитием, миграционными потоками, особенностями информационного, образовательного и культурного пространства. Особенно значимым в этом ряду является разнообразный этнокультурный состав жителей мегаполиса: сегодня в Москве проживают представители всех возможных этнокультурных групп (как граждан России, так и мигрантов из государств бывшего СССР). В отличие от национальных республик, в которых полиэтничность является привычным явлением, в Москве появление разнообразных этносов имело лавинообразный характер, не давая возможно ни приезжим приспособиться к обычаям и нормам поведения, привычным для «старых» москвичей, но и этим москвичам признать в качестве имеющих право на существование обычаи и нормы поведения приезжих.

В-третьих, в общем и целом, можно говорить о том, что формирование гражданской идентичности молодежи МСК находится сегодня на промежуточном этапе. С одной стороны, результаты наших исследований позволяют говорить о несформированности в сознании московской молодежи представлений и ценностей, которые являются основой конструирования идентичности национально-государственного типа. С другой стороны, мы не выявили серьезных оснований существования в Москве идентичности регионального типа. Это позволяет нам надеяться, что идентификационные представления регионального характера будут со временем оптимально интегрированы в образно-символическое пространство идентичности национально-государственного типа.

Репьёва Я.И. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

**ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ОТРАСЛЕВЫХ ВУЗОВ НА ПРИМЕРЕ
РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФС РФ**

На примере работы Государственной Думы ФС РФ тезисно покажем конкретные действия законодателей, реализацию ими законотворческой и представительской функций, относительного понимания ими проблем развития и реализации государственной политики

⁵²⁰ См., например: *Нечаев В.Д.* Региональный миф в политической культуре современной России. - М.: Изд-во Института Африки РАН, 1999; *Зверев А.Л.* Региональная идентичность личности в условиях социокультурного кризиса // Ценности и смыслы. 2012. №5.

⁵²¹ *Титов В.В.* Формирование национально-государственной идентичности молодежи в России. М.: МАКС Пресс. – 2014. С. 68-69.

по отношению к отраслевым вузам страны. И того, насколько, эффективными и стратегически перспективными могут быть их предложения и рекомендации.

Политика в отношении образования сегодня резко дифференцируется. Суть и содержание дифференциации в конфликте между старыми и новыми формами и системами образования, и представлениями об этом процессе, его настоящем и будущем.

17 февраля 2017 года Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации обнародовала два документа (Постановление и Обращение к председателю Правительства РФ)⁵²². В документах речь шла о вопросах образовательной деятельности отраслевых вузов, находящихся в ведении федеральных органов исполнительной власти. Из документов видно, депутаты Госдумы РФ обеспокоены тем, что в системе российского образования усиливается дифференциация финансирования образовательной деятельности образовательных организаций высшего образования, находящихся в ведении разных федеральных органов исполнительной власти (отраслевые вузы, отраслевые министерства), и где ведется подготовка по отдельным специальностям, направлениям подготовки, не совпадающим с их основным образовательным профилем.

Так, по вузам Министерства сельского хозяйства в 2017 г по сравнению с 2016 году уменьшение финансирования составит 1,23 млрд. рублей, а общий ежегодный дефицит финансирования приблизится к 3,7 млрд. рублей. По образовательным организациям Министерства культуры РФ в 2017 году предусмотрено на 1,1 млрд. рублей меньше, чем в 2016 году. Аналогичные проблемы, как оказалось, и у вузов, подведомственных Министерству транспорта, Министерству здравоохранения, Министерству спорта.

Очевидны риски срыва выполнения государственных заданий, проведения капитального ремонта, оплаты коммунальных услуг. Более того, информационно заявлено, что в два и более раза различаются нормативы финансирования подготовки в отраслевых вузах по отдельным специальностям за счет средств бюджетов. Причины – в упущениях и недоработке методики расчета норматива затрат для творческих и капиталоемких специальностей. Предложения депутатов на этот счет – а) проблема «заслуживает самого пристального внимания», б) вопрос должен решаться совместно отраслевыми министерствами с Министерством финансов, Минобрнауки, Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки; в) внести изменения в методику расчета нормативов финансирования образовательной деятельности; г) провести дополнительный анализ распределения специальностей, направлений подготовки по установленным стоимостным группам, размеров, применяемых по ним корректирующих коэффициентов.

Не удержались депутаты и от того, чтобы не предложить меры по усилению за качеством образовательной деятельности вузов в части проведения аккредитации с привлечением и более активного включения в этот процесс отраслевых экспертов, экспертных структур, и включением их в работу Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки. Вершиной их предложений стало – «считать необходимым пересмотреть подходы к обеспечению качества образовательной деятельности образовательных организаций..., более активно применять имеющиеся у уполномоченных федеральных органов исполнительной власти инструменты развития отраслевых вузов».

Накануне описываемого процесса голосование в Госдуме по этому же вопросу, только в отношении и вузов Минсельхоза, дало следующие результаты: за – 92,4%, против – 0%, воздержались – 0% и 7,6% не голосовали⁵²³. В проекте обращения, подготовленного аграрным комитетом Госдумы, речь шла не только о необходимости учитывать аграрную специфику, но и о необходимости подготовки аграрными вузами профильных юристов и экономистов. Председатель аграрного комитета Госдумы РФ В.И. Кашин за подготовку юристов и экономистов в

⁵²² Обращение Государственной Думы к председателю Правительства РФ Д.А. Медведеву... 17 февраля 2017 года. // <http://docs.cntd.ru/document/456045194> (дата обращения: 07.09.2017)

⁵²³ Система анализа результатов голосования на заседаниях Государственной Думы <http://vote.duma.gov.ru/vote/97468> (дата обращения: 07.09.2017)

аграрных вузах. Насколько последнее оправдано? Полагаем, это требует серьезного обсуждения и профессиональной дискуссии.

Таким образом, институт законодательной и представительной власти, депутаты соглашаются с наличием такого рода противоречий и поддерживают ими же предложенные способы их решения. Но, с точки зрения качества государственной политики, ее перспективности, вряд ли можно без критических замечаний признать эффективными и предлагаемые способы, и механизмы устранения таких проблем. Что и должно бы обсудить.

Реут О.С. (ПГУ, Петрозаводск)

РЕГУЛИРОВАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЦЕНЗА КАК ФУНКЦИЯ МЕДИА-РЕПУТАЦИИ

Избирательные цензы представляют собой систему ограничений и условий, установленных для осуществления активного и пассивного избирательного права. Исходной точкой исследования является признание того, что по мере демократизации общества происходит отказ от тех или иных цензов. Это определяется исходя из положения, в соответствии с которым выборы и референдумы, обеспечивающие одно из направлений непосредственного участия граждан в управлении делами государства, являются институтом демократии как политической формы организации политической власти. Положениями основных законов демократических обществ устанавливается политическое субъективное право граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления.

Любая избирательная система, действующая в условиях правового государства и обоснованно претендующая считаться демократической, крайне заинтересована в вовлечении в электоральные процессы как можно большего числа граждан. При этом конкретизация вопросов, связанных с избирательными цензами, их природой, контекстуальностью и правоприменением, приобретает всё большее значение и актуальность. В первую очередь, это связано с изменением социальной структуры общества, трансформацией партийных систем, эволюцией электорального поведения и медиатизацией практик политических коммуникаций. Не менее важно и то, что протекающие перемены затрагивают основы социально-политического устройства: формы организации основных действующих в нём субъектов, их состав, а также характер отношений между ними, правила и механизмы их взаимодействия. Меняется сложившийся порядок вещей; приобретая новое качество, деформируется структурный каркас национальных избирательных систем. Возрастает важность системного понимания того, по какой причине тот или иной перечень лиц ограничивается или может быть ограничен в избирательных правах.

Рассмотрение ограничения избирательных прав граждан как сложного политико-правового феномена неотрывно от исторически обусловленных и медийно инкорпорированных схем оценивания и восприятия социальной действительности, которые в настоящее время организуются и оформляются под непосредственным влиянием продуктов медиа-конвергенции. Частным проявлением последних является производство стандартизированных ранжиров медиа-репутаций, которые призваны не только «помогать» аудитории ориентироваться в предлагаемом электоральном разнообразии и удовлетворять свои текущие потребности, но и «контролировать» полисемичный потенциал медиа-сообщений.

Ключевым вопросом здесь становится вопрос выявления нормативных моделей и образцов, которые не только транслируются в мейнстримном медиа-дискурсе, но и активно переосмысливаются в исследовательском поле. Какова природа, например, пассивного избирательного права? Как от понимания этого права как права выдвижения своей

кандидатуры или как права быть избранным зависит степень реализации конституционного принципа равенства в пассивном избирательном праве – возможность гражданина иметь равные права не только на выдвижение, но и защиту данного принципа на всех стадиях избирательного процесса?

Принципиально важным моментом выступают коллективно вырабатываемые стратегии нормализации, которые находят своё выражение в организации социальных групп, чья основная цель – выработка, поддержание и воспроизводство разделяемых (нормативных) смыслов и поведенческих практик, что объясняется процессами разрушения модернистского социального порядка, неравномерностью процессов медиатизации и культурного сопротивления. Данная нормализация предполагает перманентную ориентацию на социализацию и повышение ранжиров медиа-репутации, которая в непрерывном режиме формируется «при выставлении оценок за любые поступки».

Рассматриваемая проблематика регулирования избирательного ценза как функции медиа-репутации служит поводом для широкой теоретической дискуссии, прикладное значение которой определяется необходимостью постоянного совершенствования правового обеспечения общественных отношений, возникающих в процессе реализации избирательных цензов. Очевидно, что изъятие из принципа всеобщности избирательного права, связанное с ограничением избирательного права граждан вне зависимости от его природы, является избирательным цензом. При этом, с одной стороны, более высокая степень определенности государства по данному вопросу, выражающаяся в изменении действующего законодательства, придаёт данному цензу более высокую степень обоснованности. Однако, с другой – более высокая степень зависимости ценза от ранжира медиа-репутации формирует последовательность стимулов, направленных на социализацию (в том числе и политическую) индивида, его адаптацию в системе морально-этических координат и принципов, преодоление социальной атомизации, выработку коммуникативных навыков, восполнение дефицита нормативной вежливости, развитие межличностного доверия и паттернов взаимодействия, формирование «публичного языка» и преодоление так называемой «публичной немоты».

Однако абсолютизация системы стимулов, направленных на социализацию (в том числе и политическую) индивида и ориентацию на использование им навыков неантагонистического взаимодействия, особенно в обстоятельствах установления ограничений для осуществления активного и пассивного избирательного права в зависимости от медиа-репутации, оформляет общественно-политическую действительность на внешне справедливых, но по сути – протототалитарных основаниях. Развиваемая коммуникативная компетентность оборачивается бесконечным созданием и разрушением «нечто общего», непрерывной коммуникацией между людьми ради собственно самой коммуникации и, следовательно, окончательным оформлением медиакратии.

Римский В.Л. (Фонд ИНДЕМ, Москва)

ЦЕННОСТЬ СТАБИЛЬНОСТИ И СОСЛОВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК ПРЕПЯТСТВИЯ РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИИ И РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современной России демократия как политический режим реализована с существенными ограничениями её общепринятых в политической науке принципов. В частности, коллективное принятие решений в политике, государственном и муниципальном управлении реализуется в нашей стране при существенном доминировании органов власти над объединениями граждан и частными бизнесами.

Ограничения в развитии демократии в нашей стране оказались связанными с ограничениями в развитии рыночной экономики. В ней свободная торговля более распространена, чем обмен продуктами производства и предоставление услуг, контролируемых органами власти. В рыночной экономике конкуренция частных бизнесов осуществляется за удовлетворение интересов потребителей и покупателей, как наиболее значимых инвесторов в эти бизнесы. Важнейшим условием функционирования рыночной экономики является обеспечение прав собственности, включающие регулировку и защиту принадлежности тех или иных материальных благ конкретному юридическому или физическому лицу либо же группе лиц.

В современной России торговля является скорее не свободной, а осуществляемой в интересах государства и местных властей, представляемых ими как интересы общества. Обеспечение прав собственности также обеспечивается с приоритетами государственных интересов, а не граждан и частных бизнесов. В результате конкуренция за поддержку и инвестиции от потребителей для современных российских частных бизнесов малозначима в сравнении с поддержкой их деятельности органами власти.

В соответствии с концепцией социокода М.К. Петрова принципиально различными являются и организации общества, и устройство государства, и тип экономики для обществ, имеющих разные социокоды, гармонично соединяющие религиозные и идеологические представления, правосознание, отношения родства и технологические навыки, а также большие объёмы социальной информации и знаний, необходимых для жизни и деятельности членов общества [2, 3]. Социокод, все его компоненты, передаются от поколения к поколению, как правило, обеспечивая стабильность обществ. Но в некоторые кризисные периоды социокоды могут существенно меняться, нарушая преемственность, обеспечивая стабильность общества на иных основаниях, чем для предыдущих поколений [1: 23-29].

М.К. Петров описал три основных типа социокодов в истории человечества. Один из них – лично-именной – присущ первобытному обществу, второй – профессионально-именной – появился в глубокой древности, когда возникли города, стали развиваться ремесла, возникла и стала влиятельной в обществе государственная власть. Именно этот социокод, для которого характерна сословная организация общества, определял и до настоящего периода продолжает определять жизнь и функционирование всех цивилизованных обществ, за исключением европейских и тех, которые приняли европейские принципы организации жизни, например, США, Канады, Австралии и некоторых других государств [1: 23-29].

Жизнь и функционирование этих, можно сказать европейских обществ и государств, определяет третий социокод, который впервые сформировался в античной Греции, – универсально-понятийный. Этот социокод обеспечивает функционирование рыночной экономики и демократии, он наиболее существенно в истории человечества способствовал и способствует техническому прогрессу, росту экономики, повышающему уровни благосостояния граждан этих государств, обеспечению реализации в них прав и свобод человека и гражданина. И демократические институты, и рыночная экономика, в соответствии с концепцией М.К. Петрова, не могут успешно развиваться в условиях отсутствия или существенных ограничений универсально-понятийного социокода [1: 23-29].

Социокод современной России, как и ранее, остаётся профессионально-именным с ценностями сословности, стабильности, служения государству, обеспечения управляемости общества через его контроль органами власти. Консенсус в российском обществе в поддержании профессионально-именного социокода определяет низкий интерес большинства граждан и частных бизнесов к внедрению и использованию современных информационных и высоких технологий, приверженность к аграрно-сырьевой экономике и соответствующим ей принципам и методам управления обществом, экономикой, местными сообществами и государством. И вследствие этого в России приоритетной является стабильность власти как интерес государства, но не модернизация страны, укрепление

демократических институтов, развитие рыночной экономики и внедрение в системах производства и управления современных информационных и высоких технологий.

Рогожина К.А. (АНО «Институт логики», Москва)
**КЛИЕНТЕЛИСТСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ⁵²⁴**

Доминирующим механизмом рекрутирования политических элит в странах Центральной Азии и в не меньшей степени в России на федеральном и региональном уровнях является клиентелизм, который доминирует по отношению к меритократическому принципу формирования политических элит. Это способствует формированию межличностных отношений среди членов политической элиты на основе клановости. Результатом этих процессов является доминирование партикуляристских и клановых интересов по отношению к общенациональным.

В постсоветский период в РФ и государствах Центральной Азии клиентарные связи приобретают де факто институционализированную форму, а основанные на них механизмы непубличной политики подменяют собой формальные механизмы, институты государства и нормы права. Произошла частичная «приватизация» институтов государства политико-экономическими кланами, представители которых стремятся к извлечению политической ренты и укреплению собственных политических позиций. Клиентарное использование власти превращает коррупцию, протекционизм, фаворитизм, непотизм в нормы общественной жизни.

Несмотря на достигнутый в России более высокий уровень общественного развития по сравнению со странами Центральной Азии российскому обществу не удалось избежать распространения клиентарных связей. Клиентелистские отношения имеют двойственную природу. С одной стороны, политико-экономические кланы основаны на признании за патроном права монополии на политический и обусловленной им экономической патронаж, что является условием получения клиентами собственности и экономических ресурсов. С другой стороны, на базовом уровне дезинтеграция элит может отражать традиционные субнациональные размежевания по этническому, региональному, трайбалистскому и др. признакам. Эти принципы нашли свое отражение в формировании центральноазиатских элит, а также в политических элит в национальных республиках РФ. Межэтническое противостояние в Кыргызстане привело к кровопролитным столкновениям между узбеками и кыргызами на юге республики в 2010г. Межрегиональные конфликты стали причиной жестокой гражданской войны в Таджикистане, отголоски которой не стихают и по настоящее время.

Критерии рекрутирования персонального состава политико-экономических кланов имеют свои особенности. В этом качестве могут служить кровно-родственные связи, опыт совместной учебы, работы, происхождение из одного региона, личная дружба, протекционизм, фаворитизм, непотизм.

В России конкретные основания клиентелизма дифференцируются в зависимости от специфики уровней управления (федеральный – региональный) и особенностей политико-культурных факторов на региональном уровне. На федеральном уровне в 1990-е годы основой доступа к центрам политической власти было владение крупной собственностью. В 2000-е и 2010-е гг. соотношение власти и собственности изменилось. Обладание властью открывает возможности патронажа для политического класса; отказ клиентелы от

⁵²⁴ Подготовлено в рамках проекта РФФИ № 17-03-00746

политического представительства становится условием получения ею собственности и иных ресурсов. Несмотря на изменение условий внутриклановой консолидации в первые десятилетия текущего века, клиентелистский паттерн элитообразования сохраняет и усиливает влияние. Экономические интересы выступают основой формирования региональных кланов в большинстве субъектов РФ.

При сохранении доминирующих механизмов элитообразования в условиях лишения иных, кроме правящей элиты, субъектов публичной политики права на политическое представительство в краткосрочной перспективе возникает угроза вероятного внутриэлитный конфликт между враждебными друг другу группами интересов с трудно прогнозируемым исходом, в том числе с применением насилия. Внутриэлитные конфликты между враждебными друг другу властными группами в странах центральноазиатского региона, усиливающиеся по мере обострения вопроса о передаче власти главами государств, могут оказаться опасны для существования политических режимов в условиях ограниченных административно – структурных ресурсов. Это может привести к глубокому кризису в центральноазиатских республиках, который может иметь тяжелые последствия для самого региона и соседних государств, прежде всего, России.

Отказ от меритократических принципов формирования элит ведет к развитию nepотизма, коррупции, ориентации на получение административной ренты, ослаблению институтов государства и падению доверия к ним граждан. Эти явления сопровождают процессы частичной ретрадиционализации общественно-политических отношений в государствах Центральной Азии и России. Опыт центральноазиатских стран, где происходит распространение явлений социальной архаики, свидетельствует, что это является препятствием для осуществления модернизационных изменений в России.

Существенное повышение эффективности государственного управления является одной из задач национального развития. Это требует ориентации государства в лице политической и бюрократической элиты на достижение общего блага и отказ от рендоориентированного поведения. Условием подобного реформирования выступает вытеснение клиентелизма в рекрутировании политических элит меритократическим принципом и формирование открытой системы рекрутирования элит. Путем к достижению этого результата является расширение политического участия и конкуренции с целью лишения рентных доходов. Социальная деградация и ретрадиционализация общественно-политических отношений, имеющие место в странах Центральной Азии, убедительно свидетельствуют: ценой клиентелизма и клановости являются неэффективное развитие экономики, падение уровня жизни населения, коллапс правовой системы, рост конфликтности в обществе, формирование внесистемной оппозиции, угроза насильственной смены политического режима.

Рожкова З.И. (Институт философии РАН, Москва)

ДЕМОКРАТИЯ В ИСЛАМСКИХ СТРАНАХ. ОПЫТ ИНДОНЕЗИИ

Сегодня демократический проект «захватил» весь мир, преодолевая противоречия и вызывая озабоченность у многих ученых и политических деятелей современности. Стремясь в короткие сроки пройти по пути Запада, неевропейские страны сталкиваются с различными проблемами становления демократии. Еще отцы гражданской культуры Г. Алмонд и С. Верба пришли к выводу о том, что планомерный рост гражданской культуры происходит при слиянии культур и если из их исследований «что-то и следует, то это то, что нет простой формулы развития политической культуры»⁵²⁵.

⁵²⁵ Almond G. A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. NewburyPark, L., NewDelhi: Sage. 1989. P. 369–370.

Интерес к демократии в мусульманских странах возник еще в XIX в. при движении за Возрождение. В научной литературе в настоящее время распространены два основных подхода к изучению проблемы демократии в исламских странах. В рамках первого утверждается, что исламская демократия уже существует, но отличается от западной, так, например, Ф. Закирия называет ее нелиберальной демократией⁵²⁶. Ряд исламских исследователей придерживается мнения, что процессы модернизации повлияли на обновление ислама в социально-политических аспектах (А. Филали-Ансари, Р. Ганнуши и др.). Сторонники другого подхода проводят идею несовместимости демократического режима и ислама. Подобного подхода придерживаются в основном западные исследователи, такие как Э. Геллнер, Ф. Кедури, но и некоторые философы стран Востока, например, С. Наср.

Показательным в этом смысле и одним из наиболее интересных является опыт демократизации Индонезии. Эта страна по праву признана крупнейшим мусульманским государством мира с демократическим режимом^{527 528}, третьей крупнейшей по количеству населения демократией в мире после США и Индии⁵²⁹.

Проблема совместимости демократии и ислама стала активно обсуждаться в Индонезии после 2004 года, что связано с мировыми тенденциями демократизации и глобализации, а также с внутривнутриполитической ситуацией в стране. Всеобщие выборы 2004 года показали, что индонезийские мусульмане привержены демократическим ценностям. Иностранные наблюдатели отметили ясные перспективы развития демократических процессов в Индонезии. Так, экс-президент США Дж. Картер сказал, что «Индонезия опровергает утверждения о неприменимости демократической модели для государств, где проживают приверженцы ислама. Все это дает основание говорить о гармоническом сочетании ислама и демократии в Индонезии»⁵³⁰. Но так ли это на самом деле?

Дискуссия породила несколько устоявшихся мнений по данному вопросу: радикальные идеи исламских фундаменталистов (например, деятельность Абу Бакар Баашира, Маджелис Муджахедина и Джамаах Исламияха) и умеренные идеи деятелей развития Индонезии (например, деятельность таких организаций, как Мухаммадия (ок. 30 млн чел.) и Нахдлатул Улама (35-40 млн чел.)). Кроме вышеперечисленных идей, демократию в Индонезии предлагают улучшить путем построения своего образца демократии и путем внедрения в нее исламских принципов этики и морали.

Опыт развития демократии в Индонезии является ярким примером взаимодействия между демократией и исламом. Специфика этих взаимоотношений заключается в том, что страна имеет самую большую в мире мусульманскую общину, однако ярые приверженцы ислама составляют лишь ее треть. Именно этот опыт и специфика позволяют развиваться в государстве демократическим принципам. Тем не менее, тема демократии в исламском мире продолжает волновать исследователей, о чем заявляют многочисленные симпозиумы, книги, статьи в научных изданиях и СМИ. Подобная волна интереса возрождает старые идеи и дает толчок к развитию новых.

⁵²⁶ Закирия Ф. Нелиберальная демократия пять лет спустя: судьба демократии в двадцать первом веке / Пер. с англ. А. Смирнов // Логос 2 (42). 2004 г. С.71-87.

⁵²⁷ По данным ЦРУ, более 88 % исповедуют ислам, который распространился на территории страны здесь еще в XIII—XVI веках, что делает Индонезию крупнейшим мусульманским государством мира.

⁵²⁸ The Central Intelligence Agency [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/index.html>

⁵²⁹ Giora Eliaz. Islam and Polity in Indonesia: An Intriguing Case Study, Hudson Institute, Center on Islam, Democracy, and the Future of the Muslim World. Research Monographs on the Muslim World, Series No 1, Paper No 5, February 2007 p.10

⁵³⁰ Ефимова Л.М. Демократия и ислам в общественной мысли сов смирной Индонезии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М., № 10, 2007. С. 221

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ НА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ КАК ФАКТОР ВЫЖИВАЕМОСТИ МОНОГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

Постановлением Правительства РФ № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения» от 29 июля 2014 г. в нашей стране актуализировалась проблематика моногородов. Причем исследование вопросов выживаемости монопрофильных муниципальных образований в современных условиях стало объектом изучения не только экономистов, но и культурологов, психологов, социологов, политологов и др.

Согласно Распоряжению Правительства РФ № 1398-р⁵³¹, в нашей стране к моногородам 1, 2 и 3 категорий отнесены 319 муниципальных образований. На территории Республики Карелия находятся шесть моногородов 1 категории (г. Суоярви, г. Кондопога, г. Питкяранта, г. Пудож, пгт. Муезерский, пгт. Надвоицы) и пять муниципальных образований 2 категории (г. Костомукша, г. Лахденпохья, г. Сегежа, пгт. Пиндуши, пгт. Вярсиля). Исследовательский интерес к Карелии обусловлен тем, что на ее территории располагаются монопрофильные муниципальные образования с наиболее сложным социально-экономическим положением и с повышенным риском его ухудшения. Богатая ресурсная база республики и ее непосредственная близость к странам Западной Европы и к крупнейшим транспортным центрам страны свидетельствуют о стратегическом характере региона. Его нормальное развитие и функционирование является необходимыми для государства в контексте реализации федеральной программы социально-экономического развития Арктической зоны России.

Целью данного исследования было выявить причины низкой электоральной явки на выборах в местные парламенты моногородов Карелии с 2006 по 2017 гг. Постановка цели обусловлена тем, что ухудшение политической ситуации является одним из показателей риска выживаемости монопрофильного муниципального образования. Факт, что люди не участвуют в местных выборах, говорит о непонимании той роли, которую играет парламент в развитии муниципалитета, принимая конкретные законодательные решения. В этом случае проявляется концепция первостепенных и второстепенных выборов, разработанная К. Рейфом и Г. Шмиттом⁵³². Местные выборы расцениваются гражданами как менее значимые в сравнении с федеральными или региональными.

Для реализации цели исследования был проведен мониторинг электоральной активности жителей моногородов на местных парламентских выборах. За исключением г. Костомукша (где выборы проходили 08.10.2006, 04.12.2011, 18.09.2016, и в последних двух случаях были совмещены с выборами депутатов Государственной Думы РФ), в остальных моногородах республики граждане избирали кандидатов в местные депутатские советы 11.10.2009 и 08.09.2013. 10 сентября 2017 г., наряду с избранием Главы Республики Карелия, только в трех монопрофильных муниципальных образованиях состоялись парламентские выборы: г. Суоярви (1 категория), пгт. Муезерский (1 категория) и пгт. Пиндуши (2 категория).

⁵³¹ Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р «О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) (с изменениями и дополнениями). // ГарантРу [Электронный ресурс] : информационно-правовой портал. – Электрон. дан. – URL: <http://base.garant.ru/70707138/>. – (13.06.2017).

⁵³² Reif K. Nine second-order national elections: A conceptual framework for the analysis of European election results / K. Reif, H. Schmitt // European journal of political research. - Amsterdam, 1980. – Vol. 8. – P. 3 – 44.

Результаты самой низкой электоральной явки были получены в 2013 г. С нашей точки зрения, одной из причин этому послужило то, что дата выборов была перенесена на ранний осенний период, когда часть населения, обладающего активным избирательным правом, находилась за пределами муниципалитета. К данной категории относились студенты, которые осенью уезжают к местам учебы, и люди, имеющие дачи и занимающиеся сбором урожая в эти сроки.

Немаловажным был и тот факт, проходили ли только местные выборы или же они были совмещены с региональными или федеральными. Так, в целом, в г. Костомукша показатели явки были выше, поскольку Совет депутатов Костомукшского городского округа избирался в период думских федеральных кампаний в 2011 и 2016 гг. В то же время проведение местных выборов в единый день голосования в трех моногородах, когда Карелия избирала осенью 2017 г. Главу Республики, на динамику электоральной активности практически не повлияло. Явка осталась почти такой же, как и в 2013 г.

В итоге, говорить о высокой явке избирателей в течение анализируемого периода не приходится. Думается, это связано с низким уровнем политической культуры жителей моногородов, в которой преобладают патриархальные и подданнические элементы (по Г. Алмонду и С. Вербе⁵³³). С одной стороны, люди не интересуются тем, какие решения принимает местный парламент, а с другой, очень сильны тенденции местничества, когда кандидатов на выборные должности люди знают в лицо. В некоторых муниципалитетах (например, в поселках городского типа Муезерский и Вяртсиля) люди отдавали свои голоса только за одного кандидата на избирательных участках. Исходя из этого, предсказуемость выборов в небольших по численности муниципальных образованиях также влияет на низкую явку электората.

Розов Н.С. (ИФПР СО РАН, Новосибирск)

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЛНЫ — СЛЕДСТВИЯ И ПРИЧИНЫ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН ⁵³⁴

Революционные волны как серии близких во времени революционных событий, которые происходят в различных (нередко соседних) обществах, с одной стороны, всегда вызваны долговременным назреванием напряжений и дисбалансов в этих обществах, с другой стороны, сами волны приводят к фундаментальным сдвигам в мировой политике и международных отношениях.

Основанием для типологии волн служит связь между революциями в разных обществах. Обозначим революцию, послужившую причиной волны, как «исходную». Далее идут «последующие» революции или революционные события, глубокие социально-политические кризисы с реальной опасностью свержения власти и, наконец, «замыкающее» революционное событие, после которого волна прекращается.

На основе первичного обобщения волн революций XVI-XXI вв. выделено пять типов связи: прямая эмоциональная («домино»), трансферная (перенос способов политического действия через общение), идейная (преемственность целей, лозунгов, организационных образцов), военная (включение в общую войну) и структурная (общность базовых, прежде всего, социально-экономических и демографических, причин). В этом перечне нет полноты и единого основания. Поэтому могут быть выделены новые типы связи, либо обнаружится, что

⁵³³ См. Алмонд, Г. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд, С. Верба. – М.: Мысль, 2014. – 500 с.

⁵³⁴ При поддержке РФФИ, проект № 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX-XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ».

какие-то из указанных типов следует разделить. Пока же представим типологию революционных волн на основе данного ряда связей.

Домино-волны происходят, когда революция в одном обществе (доноре) прямо и непосредственно, через сильный эмоциональный эффект приводит к революции в другом обществе (реципиенте). «Весна народов» 1848-1849 гг. и «Арабская весна» (2011-2012 гг.) служат яркими примерами домино-волн. В таких волнах нет чьей-то целенаправленной деятельности по экспорту или импорту революций, они возникают в силу достаточной степени «созревания» обществ и толчка впечатляющих (особенно успешных) революций в соседних и/или политически, культурно референтных обществах.

Наведенные (индуцированные) волны происходят, когда имеет место перенос образцов организации и ведения протестных политических действий (насильственных и/или мирных): либо эмиссары из общества-донора, из державы, спонсирующей революцию, привозят литературу, обучают местных лидеров, активистов, сами могут участвовать в протестах, революционных действиях (экспорт революции), либо стремящиеся к революции «паломники» приезжают в общество-донор с победившей революцией, в державу-спонсор за опытом и инструкциями (импорт революции). Примерами служат революции, инспирированные, поддержанные Коминтерном, СССР (от Испании 1936 г., помощи маоистам в Китае в 1940-х гг. до афганских событий конца 1970-х гг.), роль Кубы в революциях в странах Латинской Америки и Африки; роль различных организаций, фондов США и ЕС в «бархатных» и «цветных» революциях, роль Саудовской Аравии, Катара, Ирана в революциях арабских стран 2011-2012 гг.

Полемогенные волны (от греческого πόλεμος - война) происходят в обществах, вовлеченных в общую войну или серию связанных войн; как правило, в проигрывающих державах (таковы Кемалистская революция в Турции 1918-1923 гг., Ноябрьская революция в Германии 1918 г.), но также вследствие военного напряжения, ослабления имперского принуждения (Революция в Российской империи 1917-1918 гг., Ирландское восстание 1916 г. и война за независимость против Великобритании 1919-1921 гг.).

Идейные волны происходят при наличии явной преемственности лозунгов, религиозных идей, идеологических ценностей, социальных и политических идеалов. Сюда относится также заимствование организационных, институциональных образцов прошлых революций, но образцы эти почерпнуты из книг, а не обязательно из личного общения и взаимодействия (как в наведенных волнах). Реформация в Северной Европе XVI в., буржуазные революции в Нидерландах, Англии, Франции, революции в России 1905 г. и феврале 1917 г., в Османской империи 1908 г., в Мексике 1910 г. и Китае 1911 г., связанные с общими идеями перехода к современному типу государства (с конституцией и парламентом), марксистские и советские революции 1910-1930-х гг., национально-освободительные революции 1950-1960-х гг., антикоммунистические революции 1980-1990-х гг. — все представляют собой, прежде всего, идейные волны.

Структурные волны, происходят в разных обществах, но вследствие общих базовых — социально-экономических, геополитических, геоэкономических, технологических, экологических, демографических, культурных — причин. Таковыми причинами могут быть процессы колонизации, быстрого прогресса в военных технологиях (военной революции), коммерциализации, модернизации, индустриализации, урбанизации, роботизации, глобализации, геокультурной экспансии и т. д. Крестьянские и рабочие восстания, антифеодальные буржуазные революции, национально-освободительные движения, как правило, имеют общие структурные причины, и некоторые из них входят в структурные волны.

МОДАЛЬНОСТЬ ОТНОШЕНИЯ РОССИЯН К И.В. СТАЛИНУ В КОНТЕКСТЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА 2016-2018 ГГ.

Фигура И.В. Сталина на протяжении многих лет остается одной из самых противоречивых для российского массового сознания. Исследования многих отечественных ученых (таких, как Б.В. Дубин⁵³⁵, Е.А. Нахимова⁵³⁶, В.Л. Римский⁵³⁷, А.В. Святославский⁵³⁸ и др.) свидетельствуют о том, что его образ в глазах россиян одновременно и крайне мифологизирован, и эмоционально окрашен, вследствие чего баланс позитивных и негативных оценок данной персоны очень зыбок. Учитывая такую неоднозначность фигуры И.В. Сталина для современных россиян, закономерно, что его образ уже не раз активно использовался в ходе политических дискуссий и предвыборных кампаний. И электоральный цикл 2016-2018 гг. создает благодатную почву для новых спекуляций на фигуре И.В. Сталина. С одной стороны, условия для этого подготовил общий контекст развития ситуации в стране: продолжающееся ухудшение социально-экономической ситуации и обострение международной обстановки могут повышать запрос на жесткую решительную политику власти, с которой традиционно и ассоциируются действия И.В. Сталина. С другой стороны, текущий электоральный цикл проходит в момент фактического столетия революций 1917 г., и периодически вспыхивающие общественные дискуссии вокруг тех событий говорят о том, что символически этот факт имеет значим для многих россиян. Актуализация просоветской риторики и апелляций к фигуре И.В. Сталина становятся очень вероятны.

Для того, чтобы оценить, насколько реальна в современном контексте интенсификация спекуляций на фигуре И.В. Сталина, в 2015-2016 гг. мы реализовали собственное социологическое исследование, эмпирическим материалом которого стало население Свердловской области. Полевые и аналитические работы в рамках исследования были выполнены в период с октября 2015 г. по январь 2016 г. Общий замысел исследования был связан анализом проблемного фона, политических настроений и мировоззренческих дилемм, волнующих жителей региона. Методом исследования был выбран опрос, базирующийся на раздаточном анкетировании. Отбор респондентов осуществлялся на основе квотной выборки, сегментированной по полу, возрасту и типам населенных пунктов. Всего в опросе приняли участие 1036 человек, проживающих в 17 населенных пунктах области. В первую очередь нам было важно понять, какое место в общественном сознании И.В. Сталин занимает в сравнении с иными лидерами советского периода. Кроме того, было важно установить, какие содержательные ассоциации с персоной И.В. Сталина разделяет массовое сознание. Поэтому опрошенным в данном случае было задано два вопроса: «Какой лидер ассоциируется у Вас с советским временем» и «Что лично Вы думаете о персоне И.В. Сталина?». Результаты исследования помогли прийти к нескольким принципиальным выводам.

⁵³⁵ См.: Дубин Б.В. Сталин и другие. Фигуры высшей власти в общественном мнении современной России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 2. С 26-40.

⁵³⁶ См.: Нахимова Е.А. Идеологема Сталин в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 152-156

⁵³⁷ См.: Римский В.Л. Мифы о Сталине и культе личности в сознании российских граждан и элиты // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 97-105.

⁵³⁸ См.: Святославский А.В. К проблеме формирования образа И.В. Сталина в отечественной коллективной памяти с 1930-х гг. до современности // Диалог со временем. 2011. № 35. СС. 95-118.

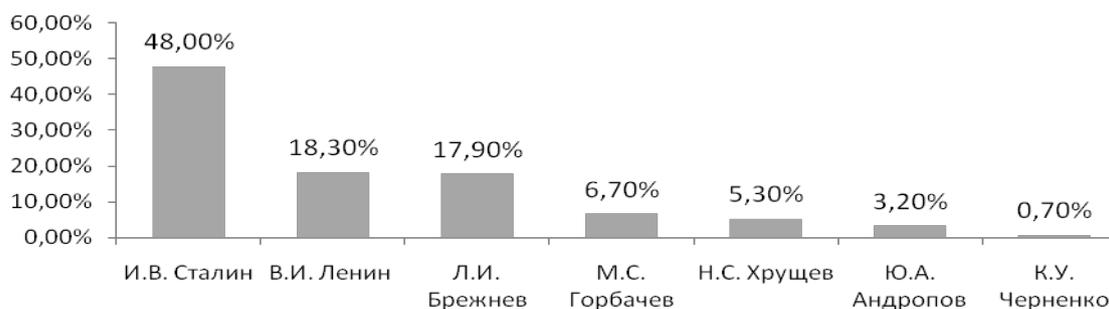

Рис. 1. Лидеры, которые ассоциируются у опрошенных с советским временем (закрытый вопрос, 1 вариант ответа)

Первый вывод. Ассоциативно И.В. Сталин представляет собой один из ключевых символов той политической реальности, которую опрошенные ассоциируют с советским периодом (См. Рис. 1). Принципиально важно, что И.В. Сталина с равной частотой упоминают в качестве символа советской эпохи представители всех возрастов.

Рис. 2. Суждения про И.В. Сталина, с которыми согласны опрошенные (закрытый вопрос, любое число ответов)

Второй вывод. Заведомо негативное отношение к фигуре И.В. Сталина артикулировано слабо. Доминанты отношения к нему – или нейтральные («Мы еще не знаем всей правды о Сталине»), или и вовсе умеренно позитивные («Главное, что под руководством Сталина страна победила в ВОВ»). Жестоким тираном И.В. Сталина готовы назвать лишь менее четверти опрошенных (См. Рис 2).

Третий вывод. Позитивные ассоциации с личностью И.В. Сталина также выражены относительно слабо – по сути, артикулирована только одна из них – победа в Великой отечественной войне (См. Рис 2).

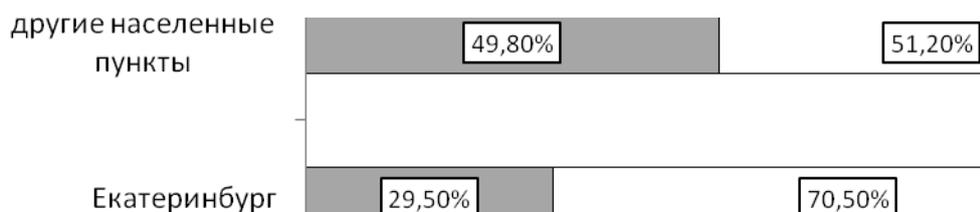

Рис. 3. Модальность отношения к И.В. Сталину в Екатеринбурге и других муниципалитетах региона (показатель получен с помощью суммирования названных позитивных и негативных суждений)

Четвертый вывод. Восприятие И.В. Сталина крайне дифференцировано по типам населенных пунктов. В Екатеринбурге, областном центре, сильнее артикулированы негативные ассоциации с И.В. Сталиным. Однако в других областных территориях такой негатив прослеживается слабее (См. Рис. 3).

В совокупности сделанные наблюдения позволяют говорить о высокой вероятности спекуляций на фигуре И.В. Сталина в ходе текущего электорального цикла. С одной стороны, И.В. Сталин считается массовым сознанием как явный политический символ советской эпохи. С другой стороны, ассоциативное наполнение этого символа для большинства людей размыто: хотя большая часть и затрудняется назвать какие-то реальные заслуги И.В. Сталина, кроме победы в ВОВ, негативные установки в отношении него тоже имеют относительно слабое распространение. В совокупности эти тенденции делают И.В. Сталина удобной мифологемой для работы с коммунистическим или просто с протестным электоратом. Причем наибольший отклик подобные спекуляции могут иметь в малых и средних населенных пунктах.

Рудницкая А.П. (Москва, РГСУ)

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В РАКУРСЕ ПАНТЮРКИЗМА: ГЕОСТРАТЕГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ

При рассмотрении многогранных российско-турецких отношений стоит обратить внимание на истоки такого политического течения как пантюркизм, при этом в современном аспекте именно сквозь призму так называемого «Крымского вопроса» (Российская Империя и Российская Федерация, пророссийский и протурецкий пантюркизм).

История развития политического течения пантюркизма, в основе которого лежат идеи о необходимости их политической консолидации на основе этнической, культурной и языковой общности, началась еще в XIX веке, вернее в его второй половине. Движение получило поддержку среди тюрков в Крыму и на Волге, изначально стремившихся объединиться с тюрками Великой Османской империи⁵³⁹.

Идеология пантюркизма имеет полуторавековую историю и тесно связана с понятием «Туран», которое возникло как антипод «Ирана» - страны, где господствует персидская культура. Идеи пантюркизма были отражены в публикациях газеты «Переводчикъ-Терджиманъ», которую в 1883 году в Бахчисарае (Крым) начал издавать общетюркский российский общественный деятель, просветитель и публицист Измаил бек Гаспринский (Исмаил Гаспралы).

⁵³⁹ Ахматнуров С.С. Распад тюркского каганата. VI – VIII вв. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015; Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: идеология, история, политика. Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. - М.: Русская панорама, 2017.

Пантюркисты считали: все, кто говорит на тюркских языках, включая якутов и узбеков, - одна нация - и тюрки все должны быть вместе (при лидирующей роли Турции). Но социально-политическая история начала XX века, а также младотурецкая революция и Первая русская революция, внесли свои существенные коррективы в процесс распространения идей пантюркизма.

Все изменилось, когда 25 лет назад распался Советский Союз и появилось новое геополитическое образование – постсоветское пространство. Турция через активизацию религиозных организаций получила возможность прямого воздействия и распространения религиозного и культурного влияния на вновь образованные республики Средней Азии⁵⁴⁰.

Россия на сегодняшний день не проводит активной внутренней политики, нацеленной на решение вопросов тюркских народов, фактически отдавая пальму первенства в этом направлении Турции и Венгрии.

Тюркские народы на территории современной России («горячий» Кавказ и 10% населения страны – в чем их сила?)⁵⁴¹.

От Крыма и республик Северного Кавказа, до Республики Саха-Якутия распространены представители тюркских народов. Но они не идентичны друг другу, и сопоставлять или противопоставлять их друг другу исторически и ментально не верно. Есть риск развития регионализма и повышения уровня социальной напряженности в отдельных регионах страны.

Исторический геноцид и коммунальное расселение по субъектам Российской Федерации (каково это быть народом и не иметь возможности жить на исконной исторической земле своих предков – чем это грозит России?)⁵⁴².

Осмысление истории народа ногайцев заставляет по-другому взглянуть на специфику их проживания на территории республик в составе современной России. Особо стоит уделить внимание проблемам двух «коммунальных» республик – Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии.

Крымские татары – это не те же татары Республики Татарстан (ошибки политической тактики российской властной элиты весной 2014 года негативно отразились на процессе «возврата» Крыма).

Турецкий гамбит и сбитый истребитель (усвоение уроков истории во взаимоотношениях России и Турции тогда и сейчас: исторические параллели)⁵⁴³.

Наступившее после атаки на российский военный самолет в небе Сирии и последующего убийства российского летчика резкое ухудшение отношений между Россией и Турцией на самом деле исторически закономерно. Удивительно, что наша страна столь длительное время терпела многочисленные не столь демонстративные, но не менее болезненные «удары в спину» от своих турецких «партнеров». Особенно стоит отметить роль неоднократных вмешательств Англии в отношения между двумя государствами.

⁵⁴⁰ Турция и пантюркизм на постсоветском пространстве. – URL: <https://topwar.ru/87172-turciya-i-panyurkizm-na-postsovetskom-prostranstve.html> (дата обращения 20.08.2017 г.); Шмулевич Авраам. Тюркский фактор в мировой и российской политике. – URL: <http://ikunak.ru/news/2016/6/14/163404> (дата обращения 23.08.2017 г.).

⁵⁴¹ Арцахская проблема и идеология пантюркизма. – URL: <http://bs-kavkaz.org/2011/12/arcakskaia-problema-i-ideologia-panyurkizma-i/> (дата обращения 14.04.2017 г.).

⁵⁴² Обухов И. Пантюркизм: что это и чем грозит России. – URL: <http://sputnikpogrom.com/politics/18284/pan-turkizm/#.WBz3JNWLS1s> (дата обращения 22.08.2017 г.); Рудницкая А.П., Дуденкова Ю.Е. Доктрина ислама как основа развития мусульманских государств в современных условиях глобального мира. - В сборнике: Проблемы и перспективы социально-экономического реформирования современного государства и общества Материалы XVII международной научно-практической конференции. Научно-информационный издательский центр "Институт стратегических исследований". 2014. С. 206-212.

⁵⁴³ Стародубцев И.И. Российско-турецкое сотрудничество: современное состояние и перспективы // Вестник МГИМО Университета. Экономика. - № 1. – 2012. – С. 190-195.

Всемирная ассамблея тюркских народов и организация «Нурджулар» - угроза экстремизма или активизация национального движения тюркских народов от Тихого океана до Балкан.

Заключение. Турция и Россия – друзья, соперники или враги?! (в чем выражаются тонкости современной политики взаимных уступок и жесткой критики двух государств в адрес друг друга и почему Турция не в ЕС, но в НАТО и наш прямой конкурент на юго-восточном направлении внешней политики России в Евразии).

Русакова О.Ф. (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург)
**КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА:
ПЕРЕХОД К ПАРАДИГМЕ МОБИЛЬНОСТИ**

Накануне 100-летней годовщины Октябрьской революции в России и за рубежом заметно активизировалась научно-исследовательская деятельность в области концептуального осмысления большевизма. Новым методологическим шагом в сторону дальнейшего исследовательского моделирования сущностных черт большевизма может стать переход к парадигме мобильности, которая, как нам представляется, позволяет объяснить управленческие инновации и достижения большевистской партии в разные периоды советской истории⁵⁴⁴. Парадигма мобильности рассматривается нами в тесной связи с концептом «мобилизационный тип развития» (МТР), который используется современными исследователями при анализе особенностей российской цивилизационной динамики, включая динамику развития общества в советский период⁵⁴⁵. МТР, согласно данной концепции, был основным способом решения проблем модернизации российского социума, а в советскую эпоху многоканальная социальная мобилизация стала главным инструментом большевистской партии в деле политического управления ускоренной индустриализации, коллективизации и культурной революции. В результате реализации мобилизационной стратегии в стране происходило формирование разнообразных мобильных потоков (кадровых, ресурсных, транспортных, финансовых и др.). В процессе развития мобилизационных социальных практик большевикам удалось сформировать уникальную систему мобильных коммуникаций, которая позволила осуществить в крайне сжатые сроки модернизацию советского общества.

Большевизм как ключевой политический актер советского времени взял на себя функцию главного драйвера амбициозного Проекта социалистической модернизации, реализация которого потребовала крайней степени напряжения и высокой мобильности человеческих и материальных ресурсов. Великие стройки первых пятилеток – это, по сути, мобильные «хабы» индустриализации. Они концентрировали, перерабатывали и перераспределяли с огромной скоростью потоки рабочей силы, трудовых резервов, «спецов», управленческих кадров, потоки сырья, строительных материалов и технического оборудования. В период великих строек первых советских пятилеток именно мобильность как воплощение скоростного продвижения к высоким целям, как выражение чрезвычайной подвижности подлинным символом времени.

С позиции парадигмы мобильности большевизм трактуется нами как политическая сила, «подключающая» к своим преобразовательным и мобильно-реализуемым проектам большие массы людей. Массовый энтузиазм как ощущение причастности к скоростному

⁵⁴⁴ Русакова О.Ф., Русаков В.М. Парадигма мобильности в современном политическом медиадискурсе // Вопросы политологии. 2016. № 4 (24). С. 79-87.

⁵⁴⁵ Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): Коллективная монография / Н.Б. Арнаутов, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов, Д.Д. Миненков, Л.И. Пыстина, Л.И. Сосковец, А.Г. Тепляков, Н.Д. Троценко, С.Н. Ушакова, О.В. Шер; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2013. – 419 с.

тренду времени умело использовался большевиками в своих политических целях. В этом плане можно говорить о соединении в большевизме таких существенных черт как мобильность и утилитаризм⁵⁴⁶.

На период существования СССР пришлось четыре волны социальной мобильности. Первая имела место в период бурного развития индустриализации («эпоха сталинизма»). Вторая волна пришлась на период власти Н.С. Хрущева (освоение целинных земель, реформы в системе управления). В брежневский период разворачивалась третья волна мобильности (косыгинские экономические реформы, строительство БАМа). Однако в это время наблюдается заметное замедление темпов вертикальной мобильности, связанное с блокировкой карьерных каналов старыми кадрами, и как следствие - спад мобильного энтузиазма «снизу». В период горбачевской перестройки была предпринята попытка реанимации большевистской стратегии мобильности (курс на ускорение, политика гласности). Гласность открыла шлюзы для расширения каналов интеллектуальной и политической мобильности, что было эффективно использовано представителями новых неформальных объединений. Расширение каналов мобильности сопровождалось стремительной утратой рычагов контроля над ее новыми проявлениями со стороны правящей партии, в итоге мобильность приобрела неуправляемый характер. Неудачная попытка вернуть контроль КПСС над мобильными потоками в августе 1991 года привела к еще большему расшатыванию контрольных механизмов и к открытию широкого простора для реализации нового мобилизационного проекта – неолиберального по своей сути. Большевистский проект социалистической мобилизации, таким образом, завершил свое существование, разрушив изнутри самого себя в силу неспособности регулировать вырвавшиеся на свободу новые мобильные потоки. Принцип мобильности, позволявший большевикам долгие годы реализовывать свои стратегические планы, в итоге обернулся против них самих, когда перешел за условную грань необходимого контроля.

Рыхтик М.И. (НИНГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород)
**БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

В настоящее время отмечается возросший интерес исследователей к изучению политических и социально-культурных аспектов развития технологий⁵⁴⁷. Одними из первых, кто обратил внимание на социальные аспекты достижений в области естественных наук и развитие инновационных технологий были Е. Мендельсон и П. Вейнгард в 1978 г.

Изучаемая нами тема находится на пересечении трех направлений научного поиска: вопросы технологического и инновационного развития; роль в этом процессе политических институтов (государства, международных организаций, бизнеса, гражданского общества); механизмы обеспечения эффективного взаимодействия субъектов политического процесса. Традиционно, вопросы технологического развития и изменения в международной политике рассматривались и анализировались отдельно, поскольку изучением технологий занимались представители естественных наук. Однако сторонники миросистемного подхода, предложенного французским историком Фернаном Броделем и американским политологом Эммануэлем Валлерстайном, используя методологические подходы, основанные на

⁵⁴⁶ Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 175-209.

⁵⁴⁷ О социальных аспектах развития науки и технологий см.: Chubin, D.E. and E.W. Chu, eds. *Science off the Pedestal: Social Perspectives on Science and Technology*. Belmont, Calif.: Wadsworth Publishing. 1989; Teich, A.H. *Technology and Man's future*. N.Y.: St. Martin's Press. 1981; Pirages, D. *Global Technopolitics: The International Politics of Technology and Resources*. Pacific Grove, Calif.:Brooks/Cole Publishing. 1989.

известных «волнах/ циклах Кондратьева» установили зависимость между технологическими инновациями, изменениями в экономике и трансформацией мировой политики.⁵⁴⁸ Исследование Модельски и Томсона показали, что изменения в технологическом развитии ведут к изменениям в мировом политическом лидерстве.⁵⁴⁹

Вопросы, связанные с инновационным развитием, находят отражение в трудах отечественных исследователей на протяжении последних двадцати лет. Однако до середины 2000-х годов данный интерес был скорее фрагментарным. Лишь в последние десять лет данная сфера начинает выделяться в самостоятельный раздел политологических исследований. В российской и зарубежной научной литературе существует целый ряд ценных работ, посвященных как теоретическим, так и практическим аспектам технологического развития. При этом весьма важное значение для развития этой отрасли научного знания имели не только собственно политологические работы, но и исследования экономистов, юристов, специалистов в области государственного управления.

К. Перез пришла к выводу, что глубокий экономический кризис стимулирует фундаментальные технологические инновации и появление новых технологий.⁵⁵⁰ Исследователи обратили внимание, что многие важные технологические инновации появляются в период спада Кондратьевского цикла, а на пик цикла приходится появление новых отраслей экономики, основанных на этих инновациях⁵⁵¹. Таким образом, исследователи полагают, что новые технологии должны привести к кризису, который позволит снести старый уклад и институты, его обслуживающие. Технологический прогресс через кризис ведет к трансформации политических институтов и режимов. Политические институты выполняют функции целеполагания, распределения ресурсов, контроля и координации, административно-правового регулирования, обеспечивая целостность системы. Таким образом, политические институты играют ведущую роль в определении стратегии развития мировой политики. В связи с этим возникает необходимость разработки основ научного анализа средств и методов политического влияния на процесс технологического развития. Стоит отметить, что данное направление политической науки в настоящее время находится в начальной стадии развития.

Устанавливая корреляцию между изменениями в технологиях и историческими событиями, исследователи выводят следующую закономерность. На первом этапе, в период кризиса начинает разрушаться старый порядок. Но процесс этот медленный, так как существующие технологии цементируют старые институты и механизмы. Они поддерживают созданные режимы и правила. Но кризис рано или поздно сметет их. На втором этапе, начнут появляться новые институты и режимы, построенные на базе новых технологий. В данной статье, мы делаем акцент на развитии биотехнологии, которые, по нашему мнению, выступают драйверами трансформации существующей сегодня системы международных отношений. При этом мы появляются новые вызовы, инициированные развитием биотехнологий как на государственном, так и на региональном или глобальном уровнях⁵⁵².

В среднесрочной перспективе государству придется вносить изменения в политику в области образования, здравоохранения и социального обеспечения. Изменения затронут гражданско-военные отношения. Старение населения (США, Европа, Россия, Япония) приведет к сокращению количества мужчин и женщин способных служить в армии, вероятно

⁵⁴⁸ Akaev Askar, Pantin Vladimir "Technological Innovations and Future Shifts in International Politics" // *International Studies Quarterly*. (58), 2014. 867-872.

⁵⁴⁹ Modelski, George, and William R. Thompson. *Leading Sectors and World Power: The Coevolution of Global Economics and Politics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press. 1996.

⁵⁵⁰ Perez, Carlotta. *Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Age*, Cheltenham, UK: Edward Elgar. 2002.

⁵⁵¹ Akaev A., Pantin V., Op. cit. P. 867.

⁵⁵² Супотницкий М.В. Биологическая война. Введение в эпидемиологию искусственных эпидемических процессов и биологических поражений: монография / Супотницкий М.В. – М.: «Кафедра», «Русская панорама», 2013. – 1136 с.

перспектива «возвращения» наемнических армий, деятельность которых государству и международным институтам контролировать сложнее.

Как заметили Карлота Перез и Роберт Аткинсон, в волнообразном цикле развития инновационных технологий (40-50 лет), мы переживаем период (продлится 15 лет), когда необходимо сконцентрироваться на технологиях внедрения и применения *уже сделанных «прорывных»* открытий. На этой стадии важно взаимодействие ученых гуманитариев и естественников, которые могут предупредить нежелательные последствия использования совершенных открытий.

Рябов О.В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПОГРАНИЧНИКИ: СЛУЧАЙ «РОДИНЫ-МАТЕРИ»⁵⁵³

В докладе обосновывается положение о том, что ключевым элементом политики идентичности, рассматриваемой в качестве вида символической политики, является создание, поддержание и корректировка символических границ между «своими» и «чужими». Политика идентичности включает в себя как укрепление внешних символических границ сообщества, так и ослабление внутренних и достижение необходимого уровня солидарности. И внешние, и внутренние границы являются предметом политической борьбы, поскольку их проведение связано с вопросами собственности, безопасности, неравенства, идентичности, власти. Политические акторы конкурируют за продвижение собственного варианта проведения символических границ, прибегая к различным практикам легитимации и делегитимации. Для обоснования правильности собственного варианта проведения границы (и делегитимации альтернативного) нередко прибегают к использованию тех маркеров, которые ассоциируются с природными, натуральными характеристиками человека: такими, как раса или этничность. Кроме того, укрепление символических границ предполагает обращение к таким эссенциализирующим факторам, как постулирование природного или божественного происхождения границы.

Символическая граница создается при помощи символических пограничников; к ним можно отнести любые семиотические средства, с помощью которых проводится такая граница. Границы, отражая объективную дискретность социального бытия, в то же время выступают социальным конструктом: в процессе проведения границ объективные различия преувеличиваются или, напротив, сглаживаются.

Политика формирования российской гражданской идентичности осуществляется при помощи различных символических пограничников, особое место среди которых занимает «Родина-мать». В докладе рассматриваются несколько направлений политики идентичности, использующих данный символ.

Прежде всего, создается привлекательный образ России, ее культуры, истории, природы, а также чувства принадлежности к ней у представителей различных этнических, конфессиональных, территориальных групп. Символ Родины-матери используется для подчеркивания того, что связь гражданина России и его страны носит естественный, легитимный и неразрывный характер.

Второе направление связано с ослаблением внутренних символических границ. В данной ситуации дискурс российскости вступает в конкуренцию, прежде всего, с дискурсом этнических национализмов, особенно с дискурсом русскости. Русскость и российскость можно определять и как объективные характеристики культурной гомогенности, и как дискурсы, которые – подобно всякому дискурсу – предлагают особые способы проведения

⁵⁵³ Публикация выполнена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-03-00010 «Символ ‘Родины-матери’ в символической политике современной России».

символических границ между «своими» и «чужими». Если дискурс русскости в качестве приоритетных рассматривает границы этнические, то концепция российскости исходит из того, что деление на россиян и не-россиян является приоритетным перед всеми другими делениями: социальными, этническими, конфессиональными, региональными. Здесь символ Родины также выступает в виде семиотического средства для легитимации государственного устройства – Россия всем приходится матерью, вне зависимости от этнической принадлежности, и все ее «дети» перед ней равны.

Третье направление – укрепление внешних символических границ и создание образов «чужих». В частности, исследуемый символ используется в репрезентациях Америки как наиболее значимого Другого современной российской идентичности. Противопоставление американцам осуществляется не только за счет метафоры родства – их отличия от «своих» связаны также с тем, что, будучи нацией эмигрантов, они не могут относиться к Америке как к родине-матери, а потому не способны понять важнейшую характеристику, фундаментальную черту граждан России.

Рябова Т.Б. (РГПУ им Герцена, Санкт-Петербург)

**АМЕРИКАНСКАЯ МАСКУЛИННОСТЬ В ПОЛИТИКЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ) ⁵⁵⁴**

Поддержание позитивной коллективной идентичности предполагает проведение символических границ между «своими» и «чужими» и обоснование преимущества первых над вторыми. Важнейшим «чужим» в современной российской идентичности являются США, о чем свидетельствуют данные социологических служб⁵⁵⁵. Представления граждан РФ об американском политическом и социальном порядке, нормах и ценностях, образе жизни корректируют содержание русскости и обеспечивают консолидацию граждан.

Целью исследования является анализ образа американской мужественности в современной России, его содержания и роли в поддержании российских гендерных моделей. Материалами служат карикатуры и демотиваторы, опубликованные в РУНЕТе преимущественно в 2015-2017 гг., в условиях противостояния России и Запада. Смысл демотиваторов, часто имеющих сатирическое звучание, лежит в диссонансе значений между визуальным образом и текстом, его сопровождающем.⁵⁵⁶

Противостояние Запада (прежде всего, США) и не-Запада (прежде всего, России) осмысливается авторами карикатур и демотиваторов, в том числе, как противостояние различных типов маскулинности⁵⁵⁷; российская / русская маскулинность репрезентируется как норма, а американская – как девиация.

Девиантность американской маскулинности принимает различные формы. Ведущей тенденцией является демаскулинизация американских мужчин; им отказывают в обладании силой, решительностью, отвагой, способностью к подвигу, самообладанием и др. Так, в российском интернет-пространстве широко обсуждалось (и изображалось) поведение

⁵⁵⁴ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 16-03-00527 «Гендерное измерение современного российского антиамериканизма: Политологический анализ».

⁵⁵⁵ См. подробнее: Рябова, Т. Б., Романова, А. А. «Родина-мать» как культурно-семиотический ресурс современного российского антиамериканизма // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2015. № 4. С. 136-149.

⁵⁵⁶ Lastouski A. Rust on the Monument: Challenging the Myth of Victory in Belarus // *Memory, Conflict and New Media: Web Wars in Post-Socialist States* / ed by E. Rutten, J.Fedor and V. Zvereva. Abingdon: Routledge, 2013. P. 166.

⁵⁵⁷ Riabov, O., Riabova, T. Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin // *Problems of Post-Communism*. 2014. Vol. 61. No. 2. P. 23-35

американских моряков, захваченных в плен иранскими властями; их обвиняли в трусости, нестойкости перед лицом опасности, слабости, отсутствии самообладания. На этом фоне российские мужчины, в частности, солдаты, сражающиеся в Сирии, репрезентируются как эталон подлинной мужественности. Идея о девиантности американской маскулинности связана и с представлениями о кризисе западной семьи, распространении однополых браков, влиятельности феминизма в обществе. Другую форму девиантности американской маскулинности видят в агрессивности, жестокости, эгоизме и черствости американских мужчин. Это становится возможным по причине амбивалентности стереотипа, позволяющей оценивать явление с разными знаками. Подобной мужественности противостоит «подлинная мужественность» русских мужчин», сочетающая инструментальные качества (сила, рациональность и т.д.) и качества экспрессивные, традиционно приписываемые русским (в том числе, доброта и сострадательность).

Тема девиантности мужественности американцев (как правило, в контексте сравнения с русскими) поднимается авторами демотиваторов в различных сюжетах: репрезентации американской и российской армии, специфики гендерных отношений в США и России, сюжете о «порче» русской мужественности в результате влияния западных гендерных норм и др.

Особое место эта тема занимает в репрезентациях национальных лидеров - Б.Обамы, В.Путина⁵⁵⁸, а в последний год и Д.Трампа, которые выступают в роли своеобразных икон, олицетворяющих тот или иной тип маскулинности. Оценка маскулинности главы государства влияет и на оценку состоятельности, самого государства. Обоснование превосходства мужественности Путина (сильный, рациональный, хладнокровный, принимающий ответственность на себя), над мужественностью Обамы (слабый, эмоциональный, нерешительный, избегающий ответственности) трактовалась как показатель превосходства России над Америкой. Репрезентации Трампа в РУНЕТе в первое полугодие после избрания демонстрируют ожидания российских пользователей; в целом это может быть охарактеризовано, как надежда на возрождение традиционной – и с этой точки зрения близкой России – мужественности в американском обществе.

Рябцовский Г.В., Болховитина Т.С. (Брянский филиал РАНХиГС, Брянск) **ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНСОЦИОНАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ VS РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ?**

Классическая теория федерализма выделяет специфический признак федеративных отношений в делимости суверенных и политических прав, предоставляемых центральной федеральной властью её субъектам. В этом проявляется уже подзабытая теория «участия», рассматривающая своеобразный характер федерализации в том, что субъекты федерализации, как независимые и суверенные, принимают прямое участие в образовании «общегосударственной» суверенной власти, меняя специфическую юридическую природу федерализма на максимальное обеспечение своего представительства. Благодаря этому объединению был достигнут исторический компромисс между федералистами, требовавших создания Соединённых Штатов Европы и последовательными функционалистами, настаивавших на изначальном международно-правовом характере интеграции. В то же время мутация была настолько велика, что исчезло сохранявшееся, хотя и принимавшее различные формы, ощущение личности некой культуры государственности.

Мы видим достаточно примеров того, как демократия, формально сохраняясь в

⁵⁵⁸ Рябова, Т.Б. «Путин vs Обама»: Противопоставление национальных маскулинностей как фактор современного российского антиамериканизма // Женщина в российском обществе. 2014. № 4. С. 63-71.

качестве определённой системы институтов и совокупности политических процедур, стала камнем преткновения европейской интеграции, а под формальным лозунгом: «в борьбе за демократию все средства хороши...» превращена в форму для достижения целей, а не целью - «правление большинства».

В условиях, когда победившая «демократия» получает «все» (исполнительную власть, контроль над законодательной, а иногда косвенный контроль над некоторыми звеньями судебной власти), когда на смену институциональному подходу приходит функционально-прагматический, институт разделение властей, в классическом его смысле, выглядит довольно проблематичным.

Из этого становится очевидным, что проблема гарантированности демократии вообще не сводится только к существованию власти как таковой в Европейском Союзе. Разумеется, можно спорить об объективных пределах европейской интеграции, в том числе о перспективах перехода к общеевропейским президентским выборам, создание общеевропейских политических партий или утверждение единой совместной внешней политики.

Присмотревшись к тому, как данная система работает на практике, прежде всего, обратим внимание на Федеральное Собрание Российской Федерации, поскольку именно недавнее реформирование поставило точку в масштабной реконфигурации российского парламентаризма, осуществлённой под руководством Президента В.Путина, превратив каждую палату в институциональную арену.

Для поддержания стабильности федерации немаловажную роль играет вопрос формирования палат. Упадок регионального представительства в Государственной Думе был компенсирован формулой (50/50) на выборах 2016 года, но остаётся открытой проблема прямого избрания членов Совета Федерации по мажоритарной системе.

В данной ситуации, даже являясь преданными и последовательными приверженцами интересов «своих» территорий сенаторы бессильны перед «политизированным» парламентом, а это означает, что в будущем, президент, имеющий «своё большинство» в Государственной Думе, может не считаться с мнением субъектов Федерации, отдавая предпочтение горизонтальной федерализации.

Этот замкнутый круг фактически является предметом раскола в дискурсе о демократии в Российской Федерации. Понятно, если принять утверждение П.Кинга о структурной предрасположенности федераций либо к распаду, либо к полной интеграции в унитарное государство, то Россия в этом противостоянии должна опираться на демократическую политическую культуру, диктатуру закона и поддержку демократических элит в регионах. Однако сложившийся в России «сходящийся» федерализм (яркий пример – бюджетный федерализм) в своём стремлении приобрести голоса субъектов, благоприятствует росту авторитаризма на местах и коррупции.

Таким образом, в наступившем XXI веке все более остро ощущается дефицит демократии, ставший явным признаком максимально предельного упрощения политической системы, как в Российской Федерации, так и в Европейском Союзе. Её вырождение, превращает федералистские подходы в большей части в политическую риторику, направленную на поддержание непрерывности процесса интеграции.

Европейская консоциальная теория демократии, представляющая собой универсальный механизм компромисса и снижения уровня конфликта культур, тем не менее, оказалась не способной противостоять экстерриториальным формам культурной экспансии (миграционный кризис) и сепаратизму (каталонский референдум о независимости). Политика А.Меркель, направленная на поддержку мигрантов, спровоцировала рост сепаратистских настроений не только в Германии, но и в классических моделях консоциальной демократии (Австрия, Швейцарии, Бельгии, Дании, Финляндии) – в странах, на примере которых А.Лейпхарт доказывает феномен политической стабильности в поликультурных обществах.

С другой стороны, политика доказывания преимущества наднационального управления строится по принципу «ступеней интеграции» (формируются институты, группы экспертов и евробюрократов, желающих расширить сферу собственного влияния, новые должности и т.д.) вынуждая национальные правительства быть заложниками всё расширяющихся областей интеграции. Ожидается, что как только наднациональные органы получат значимые полномочия, процесс интеграции выйдет из-под контроля государств-участниц ЕС, вопреки желаниям национальных парламентов и именно этот момент возможной неизбежности явится главным препятствием для европейской демократии, что, собственно, мы наблюдаем в современной Европе.

Рябченко Н.А. (КубГУ, Краснодар)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В ЭПОХУ «ПОСТПРАВДЫ»⁵⁵⁹

События, произошедшие в последнее десятилетие в социально-политической сфере разных стран с разным государственным строем и уровнем развития демократических институтов, показали нам необходимость нового осмысления влияния информационно-коммуникационных технологий на развитие как публичной сферы, так и мира в целом. Необходимы не только новые подходы к оценке тех или иных социально-политических трансформаций, но и развитие исследований, находящихся на стыке различных областей наук, позволяющих проводить прогнозируемую аналитику для того, чтобы управлять сложными, гибридными системами, складывающимися в современном обществе.

Новые тенденции в социально-политической сфере, порождённые, в том числе, развитием интернета и популяризацией социальных медиа, такие как «фейковые новости» или «пузырь фильтров» требуют разработки инструментария их анализа и гибридизации методов исследования. В нашем исследовании представлен анализ избирательной кампании кандидата в президенты США Д. Трамп – анализ, проведенный посредством симбиоза подходов, включающих сетевые и лингвистические методы исследований. Данный гибридный аналитический подход позволяет нам, с одной стороны, рассмотреть предвыборную кампанию с точки зрения построения социального графа (определить ключевых игроков и описать новые коммуникационные процессы и стратегии), а с другой стороны – провести лингвистический анализ контента предвыборной кампании для того, чтобы сформировать рекомендации по изменению классических методов ведения предвыборных кампаний. В том числе, например, показать, что политическая реклама, составленная из определенного контента в online-пространстве, должна носить не только таргетированный характер, но и учитывать социально-психологический портрет потребителя (потенциального избирателя) и его роль как участника сетевого процесса.

Команда Д. Трампа применила в качестве основы для своей предвыборной кампании стратегию digital-маркетинга - общий термин маркетинга продуктов и услуг с использованием цифровых технологий, применяемый для привлечения постоянных потребителей⁵⁶⁰. Технологии digital-маркетинга, описаны и рассмотрены как в прикладном, так и в теоретическом аспектах и полностью доступны для использования. Почему же кампания, например, Х. Клинтон не воспользовалась этими технологиями, как и почему Д. Трамп доверил работу в представительствах социальных медиа никому ранее не известному Б. Парскалю, который до президентской кампании не имел никакого опыта не только участия в предвыборных кампаниях, но и вообще не имел опыта реализации политических акций. Б.

⁵⁵⁹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 15-03-00339 «Фронтинг сетевого общества как пространство политического взаимодействия», 2015-2017 гг.

⁵⁶⁰ Definition of digital marketing. URL: <http://lexicon.ft.com/Term?term=digital-marketing>

Парскаль и его «Проект Аламо» представляли Д. Трампа как товар или услугу готовые к потреблению, оставалось лишь убедить потребителей в необходимости выбора именно этого товара и того, что этот товар выбирает большинство. Учитывая какой ажиотаж вызвала выставка «Президентская Twitter-библиотека имени Дональда Трампа» (Donald J. Trump Presidential Twitter Library), организованная в июне 2017 г., популярным в США сатирическим телешоу The Daily Show, команде Д. Трампа удалось наиболее эффективно реализовать стратегии продвижения товара «президент Д. Трамп»: миллионы пользователей социальных сетей обсуждали как содержание выставки (контент твиттер-аккаунтов Д. Трампа), так и то, что для того, чтобы попасть на выставку, людям приходилось выстаивать в очереди не менее часа⁵⁶¹.

Безусловно, реализация подобной предвыборной кампании была бы невозможна без online-аналитики, которая формировалась/проводилась и давала совершенно иные результаты нежели классические социологические опросы. В связи с этим наши дальнейшие исследования будут направлены на анализ и описание методов online-аналитики, дополняющих и существенно расширяющих классические социологические методы, применяемые в политологических исследованиях, в том числе, технологии, основанные на Big Data.

Савенков Р.В. (ВГУ, Воронеж)

СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Политическая оппозиция - широкое социальное явление, возникающее в силу неоднородности общества и различия интересов, как отдельных людей, так и социальных групп. Общепринятым считается рассмотрение оппозиции в широком (*sensu largo*) и узком смыслах (*sensu stricto*).⁵⁶² В широком смысле понятие «оппозиция» акцентируется на деятельностном аспекте участников политического процесса, рассматривая её как простое противоположение одной политики другой, выступление против мнения большинства, либо господствующего мнения, состояние противопоставления или противоречия с чем-либо.⁵⁶³ Наиболее известное широкое определение понятию «политическая оппозиция» дал Р. Даль. Его трактовка оппозиции предполагает многообразие субъектов воздействия на правительство – это могут быть партии, социальные движения, группы интересов, СМИ, внутриэлитные кланы и группы давления, обладающие достаточным ресурсом для ограничения действий правительства. Недостатком широкой трактовки категории «оппозиция» является её размывание, потеря четкости и уникальности содержания.⁵⁶⁴ Широкая трактовка понятия «оппозиция» сближается с понятием «протест», но отличия все же есть. Протест означает негативную реакцию на целенаправленные действия власти и не предполагает наличия позитивной программы, альтернативного варианта разрешения проблемы. Оппозиция – более сложный уровень протеста, предполагающий кроме собственных предложений, ещё и стремление субъектов протестных действий к получению властных статусов и позиций.

Большинство российских обществоведов рассматривают политическую оппозицию в широком смысле, включая в свой анализ всех субъектов, противостоящих власти, неформальные организации, которые в той или иной степени отражают общественное

⁵⁶¹ Dederick, M. @ComedyCentral the line for the Donald J Trump Twitter Library is insane! Stretches from 5th Ave to 6th Ave. URL: <https://twitter.com/AnnieDederick/status/876196745532907522>

⁵⁶² См. Kubat M. Teoria opozycji politycznej. Kraków, 2010. S. 18-19.

⁵⁶³ Политлексикон: понятие, факты, взаимосвязи / пер. с нем. – М., 2013. – С. 392.

⁵⁶⁴ Гаврилов Г.А. Модели политической оппозиции: теоретико-методологический анализ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. 23.00.01. Екатеринбург, 2003. – С. 20.

мнение в соответствующих лозунгах и проектах.⁵⁶⁵ Такая установка приводит к тройственному взгляду на определение оппозиции: во-первых, это некая сумма *отношений* между субъектом, обладающим политической властью и его оппонентом, во-вторых – это *институт* демократии,⁵⁶⁶ ну а в-третьих, - это субъект политической жизни⁵⁶⁷.

Как поясняет С. Сергеев, понимание оппозиции *sensu stricto* – это политическая партия, коалиция или движение, являющееся парламентским меньшинством, но могущее прийти к власти по итогам следующих выборов. Узкое понимание оппозиции чаще всего относится к институализированным субъектам политического процесса (политическим партиям), входящим в парламент, но не участвующим в формировании правительства.⁵⁶⁸ Такая традиция заложена интенсивным развитием многопартийности, поскольку при демократии именно партии являются основным носителем и выразителем оппозиционного потенциала. Сущностная роль оппозиции состоит в осуществлении постоянного партийного надзора и контроля над правительством, что вынуждает правящую группу ответственно подходить к принимаемым решениям.⁵⁶⁹

Западные политологи долгое время анализировали институализированную и организованную политическую оппозицию. Доминирующим концептуальным инструментом был институциональный подход. Российские политологи стремятся выявить ключевые признаки оппозиции и расширить концептуальные инструменты анализа разных видов политической оппозиции.

Салыков Д.Н. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)
**НОВЫЕ МАЛЫЕ ПАРТИИ РОССИИ КАК ПРОДУКТ СТРАТЕГИИ
ПРЕЗИДЕНТА РФ ПО КАРДИНАЛЬНОМУ ОБНОВЛЕНИЮ
ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Политическая инициатива Президента Д. Медведева (2008-2012) по радикальной «разморозки» партийной системы России образца 2007-2011 гг. за счет генезиса и институционализации широкого круга новых малых партий нашла в совершенно невероятном по скорости свое правовое, а затем технологическое регистрационное выражение. Иначе говоря, новые малые партии появились в одночасье.

Первый очевидный шаг в научном изучении данных партий – это их классификация. Так, современные российские исследователи А.Е.Любарев и М.В.Вольхина заявляют, что критерии классификации новых партий трудно подобрать, потому что большая часть новых партий еще не институционализировалась, т.е. не приобрела устойчивое место в политической системе. Констатируя этот важный для нас исследовательский момент Любарев и Вольхина, все же предлагают такой классификационный подход к новым малым партиям России. Они видят и наполняют примерами три типа новых малых партий России – идеологический, корпоративно-лоббистский и политтехнологический. Хотя при этом говорят, о том, что возможно и другая типология новых российских партий⁵⁷⁰.

⁵⁶⁵ Кислицын С. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. – М., 2011. – С. 13.

⁵⁶⁶ Пономарев К.Н. Политическая оппозиция как атрибут демократии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. 23.00.02. Казань, 2001. – С. 54.

⁵⁶⁷ Гаврилов Г.А. Модели политической оппозиции: теоретико-методологический анализ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Екатеринбург, 2003. – С. 19.

⁵⁶⁸ Сергеев С.А. Политическая оппозиция и оппозиционность: опыт осмысления понятий // Социально-гуманитарные знания. - 2004. - № 3. - С. 125.

⁵⁶⁹ Neuwoud A. Klucz do politologii. Najważniejsze ideologie, systemy, postaci. – Warszawa, 2008. – S. 205.

⁵⁷⁰ Партийная реформа и контрреформа 2012-2014 гг.: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / Под ред. Н.А.Борисова, Ю.Г.Коргунока, А.Е.Любарева, Г.М.Михайлевой. – М.: Изд-во «Товарищество научных изданий» КМК, 2015. С. 71-72.

По достоинству оценивая существующие типологические подходы, мы сформулировали свой подход, переносящий аналитику не на констатацию тех или иных качественных черт партий, а на анализ их деятельности в современной политической реальности России.

В этой связи мы вводим понятия **«партии деятельной (политической) перспективы»**. Наш подход, во-первых, включает, изучение и оценку главных ресурсных характеристик партий таких, как: способ создания партий; оценка политического потенциала лидеров партий; анализ и оценку содержания программы документов; уровень развития региональных отделений партий; наличие и содержание партийных веб-сайтов.

Во-вторых, на основе этих данных, мы типологизируем рассматриваемые партии, но при этом на основе анализа деятельностных усилий той или иной партийной структуры, мы делаем итоговый вывод – превратилась ли та или иная партия **в партии реальной политической перспективы** и на этой основе мало-помалу занимает достойное место в партийной системе России.

В решении поставленной исследовательской задачи, мы проанализировали основное количество существующих на сегодняшний день малых партий России по следующим критериям: **полномасштабная (развернутая) – самоидентификация партии; предложения по «решению» вопроса о власти; содержание программы по обеспечению безопасности России; предлагаемая модель социально-экономического развития страны; характер предложений по внешней политике.**

И в итоге видно, что на сегодняшний день к числу **партий реальной политической перспективы** можно отнести шесть партий: Всероссийская политическая партия «Родина»; Российская партия пенсионеров за справедливость; Коммунистическая партия «Коммунисты России»; Политическая партия «Гражданская платформа»; Всероссийская политическая партия «Партия Роста»; Российская экологическая партия «Зелёные». **Осуществленный анализ мы представили в развернутой таблице, и ее данные представим в докладе на конференции.**

Прямо скажем, осуществленные нами оценки сдержаны. Но при этом отметим, что более авторитетные научные центры, как Институт социально-экономических и политических исследований Российской академии наук в своем прогнозе от августа 2016 года заявляют, что при существующих электоральных трендах достаточно вероятным является сценарий, при котором к 2020 году партийная система РФ естественным образом укрупнится до 25 партий⁵⁷¹.

Как известно, новые малые партии России имеют льготный период своего становления – он составляет 7 лет. Таким образом, после апреля 2019 года мы получим итоговый ответ на вопрос – кто из новых малых партий России стал, по-настоящему, **партиями реальной политической перспективы**.

Самарин Я. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

**НОВЫЕ МЕДИА КАК ФАКТОР РОСТА
ПОПУЛИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ**

В последние годы стал очевиден кризис картельных партий, доминирующих на Западе. Сформировалась политическая олигополия, в рамках которой истеблишмент теряет связь с избирателями, а те, в свою очередь, распространяют «принцип разочарования» на саму

⁵⁷¹ См.: Доклад Фонда ИСЭПИ «Партийное поле России накануне дня голосования». Август, 2016 года // Интернет-ресурс. 25 октября 2016 года. С. 7. Режим доступа <http://www.isepr.ru/news/Partiynoe-pole-Rossii-nakanune-Edinogo-dnya-golosovaniya/>. Дата обращения март 2017.

систему представительства⁵⁷². Возникающая в таких условиях оппозиция выступает с популистских позиций. Хотя предпосылки сложились еще в 1990-х гг., популистские движения смогли добиться успехов только в последние годы. Важную роль в этом сыграло развитие новых медиа.

Возникновение интернет-медиа порождает переход от иерархической модели коммуникации к сетевой⁵⁷³. Пока право на коммуникацию было организовано репрезентативно, журналисты видели себя защитниками общественных интересов⁵⁷⁴. Но это делало и их самих частью истеблишмента. С появлением новых медиа возникает коммуникационное изобилие, вследствие которого происходит демократизация информации. При этом традиционные СМИ в этих условиях критикуются наравне с политической элитой, как ее часть, и теряют свой авторитет.

Освободившуюся роль стража общественных интересов заняли представители групп, не связанных с профессиональным политическим мейнстримом⁵⁷⁵. Им служат опорой социальные сети и новые медиа, а их интересы выходят за пределы традиционных политических программ. При этом они ориентированы на широкие группы избирателей из всех идеологических сегментов, а их главным пунктом становится антиэлитная повестка.

Критика политической элиты превращается в требования восстановления «истинной» демократии. Характерным является пример испанской партии «Podemos». После кризиса 2008 г. в Испании возникает движение «15 мая». Его участники протестовали против политики ведущих партий, направленной на жесткую экономию бюджета, требовали усиления прямой демократии, но при этом не имели ни конкретной программы, ни лидеров. Речь идет о массовом движении нового типа, которое самоорганизовалось посредством социальных сетей⁵⁷⁶. Можно говорить о своего рода вариации Twitter-революций. На базе этого движения сформировался ряд партий популистского толка, в первую очередь левая «Podemos». Но она не вписывается в традиционную идеологическую конфигурацию и заявляет, что привычная дихотомия «правые—левые» сменилась на «демократия—диктатура»: движение противопоставляло себя в первую очередь образу «власти», под которой понимались доминирующие партии, а себя отождествляло с «народом»⁵⁷⁷.

«Podemos» смогли, используя интернет, в течение нескольких недель стать третьей партией в стране. Партия использовала элементы электронной демократии для решения организационных задач и интернет для финансирования. Программа, предполагает восстановление демократии, ограничение влияния наднациональных институтов и банков, рост расходов на социальную сферу, обвинение элиты в коррупции и во всех нерешенных проблемах общества.

Другой аспект коммуникационного изобилия был продемонстрирован на выборах 2016 г. в США. В исследовании роли медиа делается вывод о формировании изолированной «экосистемы правых медиа»: сторонники Трампа обращали свое внимание на поляризованные, сравнительно новые сайты, которые строили повестку на атаках истеблишмента и ставили под сомнение честность традиционных СМИ⁵⁷⁸. Их контент был

⁵⁷² Кин Д. Демократия и декаданс медиа. - Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. - С. 76.

⁵⁷³ См., например, Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. - М.: ГУ ВШЭ, 2000.

⁵⁷⁴ Hallin, D.C. The Passing of the "High Modernism" of American Journalism // Journal of Communication. - 1992. - 42 (3). - P. 14-16.

⁵⁷⁵ Кин Д. Демократия и декаданс медиа. - Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. - С. 105

⁵⁷⁶ См., например, Хенкин С. М. Бипартизм: симптомы кризиса//Ибероамериканские тетради. - 2014. -4 (6). - С. 80-87.

⁵⁷⁷ Стефанчиков И. В. Популизм как политическая стратегия (на примере дискурса партии «Подemos»)// Stephanos. -2016. - 3 (17). - С. 254.

⁵⁷⁸ Study: Breitbart-led right-wing media ecosystem altered broader media agenda// Columbia Journalism Review. 2017. URL: <http://www.cjr.org/analysis/breitbart-media-trump-harvard-study.php> (дата обращения: 29.08.2017).

смесью фактов с повторяемой ложью и укреплялся взаимными ссылками. Таким образом, сформировалась изолированная эхо-камера, усиливающая и радикализирующая взгляды ее участников. В итоге конкуренты Трампа виделись как враги США, с которыми невозможен диалог. Так, коммуникативное изобилие становится угрозой для либеральной демократии.

Резюмируя, можно отметить факторы развития новых медиа, влияющие на рост популизма. Во-первых, демократизация информации приводит к слому властных иерархий и разрушает авторитет традиционных СМИ, на смену которым приходят «общественные контролеры». Во-вторых, в результате недовольства политическим status quo вокруг «контролеров» самоорганизуются движения на основе Интернет, носящие антиэлитарный характер. И, в-третьих, одним из следствий такой самоорганизации, является усиление радикализации в обществе. Все это приводит к подъёму популистских движений.

Самаркина И.В. (КубГУ, Краснодар)

ЕВРОПА И РОССИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ: СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ⁵⁷⁹

В условиях динамичного изменения геополитической ситуации в современном мире, а также мощного многофакторного информационного воздействия на сознание молодежи, в политической науке существует необходимость создания объяснительной модели и осмысления эмпирических данных, позволяющих осмыслить факторы формирования и содержание образа Европы как одного из ключевых геополитических образов политической картины мира, а также потенциал его влияния на формирующуюся национально-государственную идентичность и установки политического поведения молодежи.

Теоретическая модель. Теоретический подход к исследованию восприятия Европы основан на модели социальной перцепции и отражает особенности восприятия геополитического образа и его функции в процессе формирования национально-государственной идентичности. Понятие «образ» отражает результат процесса социальной перцепции, происходящего под влиянием всей системы факторов (целенаправленных и стихийных). Восприятие геополитические объекты (образ Европы) с одной стороны, подчинено общим закономерностям социальной перцепции, с другой стороны, имеет особенности, обусловленные самим содержанием данного образа как части субъективного пространства политики. познания Европы и общения с европейцами.

Методика исследования. В настоящей статье представлены результаты анализа данных, полученных от участников 12 фокус-групп (с представителями студенческой, городской и сельской молодежи) при помощи методики семантического дифференциала (всего 132 единицы анализа). Бланк семантического дифференциала включал в себя две части: базовую и специализированную. После пилотных фокус-групп, на экспертной сессии были определены содержательные компоненты образа Европы (и соответственно, России) относительно которых важно было получить оценки участников исследования. В базовую часть бланка семантического дифференциала были включены семь пар антонимов (хороший – плохой; приятный – неприятный; сильный – слабый; большой – маленький; быстрый – медленный; активный – пассивный; свой – чужой), участникам исследования предлагалось оценить степень выраженности каждого из перечисленных свойств у двух объектов: Европы и России. Для оценки предлагалось использовать биполярную семибалльную шкалу (-3-2-1 0 1 2 3).

⁵⁷⁹

Работа выполнена в рамках проекта «Восприятие Европы в молодежной среде в контексте современных геополитических трансформаций (на материалах Краснодара и Еревана)» (грант РГНФ №16-23-20001).

Аналогичная шкала относительно тех же объектов – Европы и России использовалась и во второй части бланка для оценки параметров объектов специализированного (по признакам, определенным на экспертной сессии) семантического дифференциала. Специализированный семантический дифференциал был составлен с целью определить восприятие основных параметров объектов, отражающих структуру образа страны: люди, социальное самочувствие, социально-экономическое положение, природа, власть, общество, политика, социальное пространство, отношение к другим, степень религиозности. Таким образом в специализированную часть семантического дифференциала были включены следующие пары антонимов: люди добрые – люди злые; люди здоровые – люди больные; люди белые – люди цветные; социальное самочувствие: оптимизм – социальное самочувствие: пессимизм; социально-экономическое положение: стабильное – социально-экономическое положение: нестабильное; природа: чистая – природа загрязненная; власть: демократическая – власть: авторитарная; общество: свободное – общество: несвободное; политика: для людей – политика: для политиков; пространство: единое – пространство: фрагментированное; отношение к другим: терпимое – отношение к другим: нетерпимое; религиозная – светская.

Обсуждение результатов. Максимальное совпадение семантического пространства образов Европы и России в базовой части семантического дифференциала (см. Рисунок 1) происходит по параметрам активности (быстрый – медленный; активный – пассивный). Максимальное расхождение – по параметрам силы (сильный – слабый) и масштаба (большой – маленький), наибольшее – по параметрам социальной дистанции, определяющей идентификационную матрицу (свой – чужой).

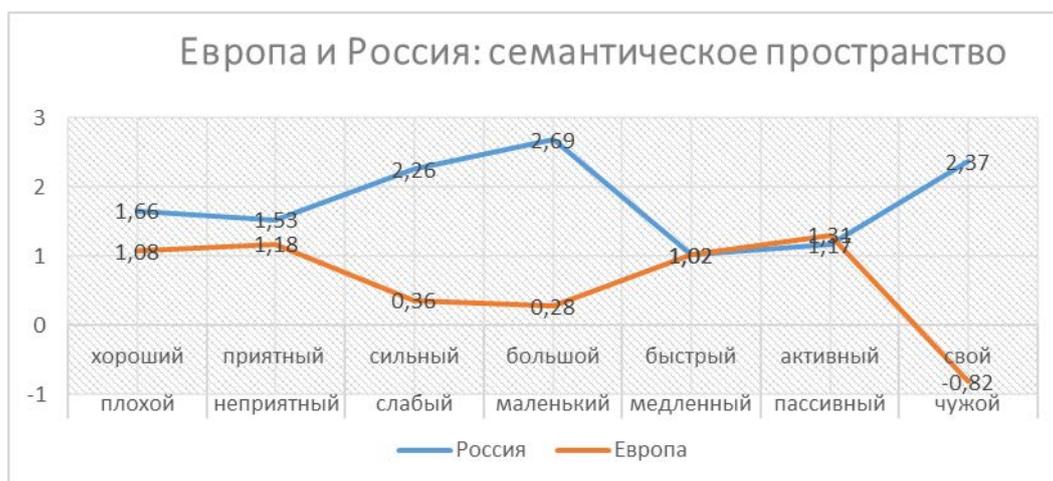

Рисунок 1 – Европа и Россия: семантической пространство (базовая часть СД)

Максимальное совпадение семантического пространства образов Европы и России в специализированной части семантического дифференциала (см. Рисунок 2) происходит по параметрам, отражающим социальную дистанцию и межличностные отношения (люди: добрые – злые; отношение к другим: терпимое – нетерпимое). Максимальное расхождение – по параметрам, описывающим социально-экономическое положение и ситуацию в духовной сфере (религиозная – светская).

Показательны также пики семантического профиля России, доминирующие над профилем Европы: люди (люди: белые – цветные), пространство (единое – фрагментарное), духовная сфера (религиозная – светская).

Рисунок 2 – – Европа и Россия: семантической пространство (специализированный СД)

Образ Европы в сознании молодежи является объектом сравнения и сопоставления с собственной страной. Наше исследование показало, что в сознании молодежи образ Европы является значимым, он имеет сложное и разнообразное содержание. Образ Европы в политической картине мира молодежи выступает в роли Другого, поскольку линий некогруентности с образом собственной страны намного больше, чем линий конгруентности. На основе одной методики сложно определить, в какой именно роли Другого (референтный Свой, соперник или враг) выступает Европа, исследование восприятия Европы молодежью нуждается в продолжении с использованием других методик.

Самохвалов Н.А. (Балаковский филиал РАНХиГС,
г. Балаково, Саратовская область)

АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Вопросы изучения ценностных установок и ориентаций современной молодежи, процессы их формирования и трансформаций, находятся в фокусе постоянного и пристального внимания отечественных исследователей, главным образом, в области социокультурного знания, в частности, политологии⁵⁸⁰, социологии⁵⁸¹ и психологии⁵⁸².

Следует отметить, что молодое поколение россиян ассоциирует свои ценности с тремя основными смысловыми блоками. Первый блок - «я», второй блок - «моё окружение» и третий блок - «плохая компания», друзья.

⁵⁸⁰ См. например, Елишев С.О. Молодёжная политика в процессе формирования ценностных ориентаций современной российской молодёжи // Пространство и Время. 2012. № 2. С. 123-130.

⁵⁸¹ Казарина-волшебная Е.К., Комиссарова И.Г., Турченко В.Н. парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодёжи // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 121-126.

⁵⁸² Романова Е.Г. Корреляция общественных стереотипов и духовных потребностей в процессе формирования ценностных ориентаций современной молодёжи // European Social Science Journal. 2014. № 7-2 (46). С. 306-315.

Молодые граждане РФ, анализируя собственное материальное положение отмечают:

- 32,8% - денег вполне хватает на питание и одежду, однако купить сейчас телевизор, холодильник было бы сложно.

- 3,9% - мы еле сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание.

Таким образом, обобщая приведенные ответы респондентов, следует отметить, что 20% молодых людей оценивают материальное положение себя и своей семьи как затруднительное. В свою очередь 18% молодых людей считают себя обеспеченными или богатыми.

Отвечая на вопрос, какие вы испытываете опасения, или тревоги молодые люди ответили следующее: не реализовать себя в жизни (49, 6%); беспокойство за свою жизнь и жизнь своих близких (41, 2%), остаться без материальных средств к существованию (38, 7%), остаться без друзей (38, 5%) и проблемы с трудоустройством (36,8%).

Современная молодежь в подавляющем своем большинстве однозначно считает, что может проявить и реализовать себя в образовательных учреждениях (77%), в свою очередь, что не смогли бы влиться в образовательную среду, реализовать себя (15%). Таким образом, очевидно, что современная молодежь вполне уверена в себе, в своих силах и возможностях, а также интеллектуальном и творческом потенциале, заложенном в ней и в большинстве с воем не сомневается, что ей удастся его реализовать.

Резюмируя ответы представителей молодого поколения по первому блоку «я» считаем необходимым отметить следующие краеугольные аспекты: во-первых, молодежь обладает огромным инновационным потенциалом, заложенным в ней и не сомневается, что ей удастся его реализовать. Во-вторых, приоритетными трендами для молодежи выступают ориентиры личностного развития. В-третьих, важнейшее место в молодежной среде занимает потребность и необходимость в саморазвитии и самореализации.

Второй блок «моё окружение», во-первых, для молодежи включает в себя, прежде всего, категорию семейные ценности. В частности, опрошенные молодые люди отметили, что семья и любовь (65, 9%) являются основными ценностями современного молодого человека, составляющими личное счастье.

Ответы «категорически против добрых половых связей» (31,5 % опрошенных) и «категорически против действий гомосексуального характера» (71,8% опрошенных) свидетельствуют о том, что, не смотря на стереотип старшего поколения о том, что современная молодежь во многом не имеет элементарных представлений о морали и нравственности, а если и имеет, благодаря именно им, или школьным учителям, придерживаться и соблюдать их не будет ни при каких обстоятельствах является ошибочным.

Весьма значительную роль в жизни представителей молодого поколения занимают друзья. 77,7% опрошенных молодых людей ответили, что проводят своё свободное время с друзьями, при этом, 48,6% делают это по средствам социальных сетей, мессенджеров, то есть в режиме «онлайн», а 44% респондентов в режиме «оффлайн».

Заключительный и третий по счету блок «моя страна» включает в себя представления молодых россиян о ценностях российского государства. Молодые граждане отметили, что РФ на современном этапе присущи: справедливость (69,2%), патриотизм (56,8%), уважение к традициям (55,5%), равенство (48, 6%), державность (33,5%), ориентация на западные ценности (14,3%).

В соответствии с проведенным исследованием ценностных ориентаций молодых граждан Российской Федерации в понятие «патриотизм» они вкладывают следующие характеристики: любить Родину (79,1%); испытывать гордость за великие достижения страны (72,7%); в случае необходимости защищать страну с оружием в руках (57,5%); исполнять обязанности гражданина, соблюдать законы государства. Патриотизм в молодежной среде сегодня явление весьма распространенное и уважительное, поэтому смысловая горизонталь я-патриот-государство выступает в качестве основной среди представителей молодого поколения. Таким образом, приходим к выводу о том, что одной из

фундаментальных ценностей российского государства, по мнению представителей молодого поколения, является патриотизм, который является как активным, так и пассивным.

Саркисян О.Л. (Российско-Армянский
(Славянский) университет, Ереван, Армения)

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Проблемы публичной дипломатии на Южном Кавказе связаны с наличием этнополитических конфликтов, отсутствием определенного общего восприятия региональной истории и межкультурных связей, политической и экономической разобщенностью, малой степенью общественных связей, а также отсутствием собственных институтов публичной дипломатии.

Наиболее активны в сфере воздействия на регион инструментами публичной дипломатии Россия и США, а также ЕС, Турция, Иран и Китай.

Публичная дипломатия, как и другие типы политического влияния, имеет двойственную природу, приводя как к деструктивным, так и к конструктивным последствиям. С одной стороны, государства Южного Кавказа могут использовать возможности публичной дипломатии третьей стороны для укрепления диалога внутри региона. С другой, страны Южного Кавказа выступают скорее всего лишь объектами публичной дипломатии, а не субъектами. Отсутствие «диалогичности» в сфере публичной дипломатии ведет к искажению внутривнутриполитической действительности в обществе-объекте и препятствию для обратной связи.

Публичную дипломатию современной Армении, можно проанализировать на «государственном» и «индивидуальном» уровнях. Ограниченность ресурсов и профессиональных кадров ведет к концентрации нескольких правительственных ведомств на проведении того или иного мероприятия. Вместе с этим необходимость государственной поддержки способствует снижению активности неправительственного сектора в организации различных мероприятий, направленных вовне.

«Индивидуальное» направление публичной дипломатии основано на организации различных мероприятий усилиями филантропов и благотворительных организаций армянской диаспоры. Одним из наиболее ярких примеров негосударственной публичной дипломатии является гуманитарная премия «Аврора», где Армения представляется в качестве субъекта культурного влияния. Такие форматы при широкой информационной поддержке международных СМИ показывают роль Армении как части глобального мира, подогревая интерес иностранных акторов к армянской культуре и истории.

Армянская культура, обладая огромным потенциалом влияния, по политическим и социально-экономическим причинам не всегда рассматривается как стратегический ресурс политики.

Относительными преимуществами азербайджанской публичной дипломатии, соответствующей специфике политической системы республики, являются: 1) большой ресурсный фонд; 2) возможность проведения совместных акций с Турцией, 3) существование конкретных институтов, занимающихся публичной дипломатией, хотя и без определенной специфики деятельности (например, Фонд им. Гейдара Алиева).

Грузия отличается от других стран региона готовностью к внутривнутриполитическим изменениям и реформированию экономической системы. Туризм остается наиболее привлекательным инструментом культурного влияния Грузии, поскольку отсутствие сильной диаспоры и нестабильность политических и экономических институтов ведет к поиску более легких путей инвестирования в экономику. Вместе с этим, политика сближения с НАТО и ЕС предоставляет возможности для привлечения инвестиций из США и европейских государств.

Но без конкретной стратегии культурной политики Грузии будет сложно использовать свой потенциал публичной дипломатии при наличии ограниченных ресурсов.

В процесс разносторонних взаимоотношений в области публичной дипломатии могут включиться также непризнанные и частично признанные государства Южного Кавказа: Арцах, Абхазия и Южная Осетия, что может стать предпосылкой для продолжения диалога в регионе между различными политическими акторами. В ином случае рост внутрирегиональных рисков угрожает потерей статуса Южного Кавказа как цивилизационного и геополитического моста Евразии, превращая регион в «пороховую бочку» новоформирующегося евразийского пространства.

Сащенко Н.П. (РАНХиГС, Москва)

ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ И УЧЁТ ИХ В ПОЛИТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ

Среди показателей состояния напряжённости общества выделяют социально-психологические.

Первое – это социальное самочувствие, вытекающее из совокупности ощущений собственного уровня жизни, его динамики и степени оптимизма. Исследования по России показывают, что самооценка уровня жизни во многих регионах в основном имеет как отрицательные, так и средние, и в меньшей степени положительные значения. В основном люди живут средне, плохо, крайне плохо, едва сводят концы с концами, а затем уже следуют те, кто живёт хорошо. Ощущение динамики уровня жизни, как правило, за последние годы тоже добавляет увеличение отрицательных значений. Такая нивелировка средних и уменьшение положительных значений весьма характерна для большинства регионов. А вот степень оптимизма, как это ни странно, идёт по восходящей.

Отсюда и кажущиеся маловероятными показатели поддержки партии «Единой России» на парламентских выборах в 2016 году и её представителей на муниципальных выборах в 2017, а также доверие Президенту по результатам всероссийского опроса населения. Почему же люди при низких показателях уровня жизни и его отрицательной динамике демонстрируют высокие показатели оптимизма?

С одной стороны, можно этот феномен объяснять спецификой восприятия человеком собственных проблем, особенно на евразийском пространстве. Но это и результат технологий манипулятивного характера, которые позволяют исполнительной власти грамотно формулировать результаты своей деятельности и подавать их в медийном пространстве. Грамотно в том плане, что даже не самые яркие, отнюдь не знаковые события в регионах подаются как положительные, жизнеутверждающие. И, тем не менее, как показывают результаты многолетних исследований, отрицательная динамика социального самочувствия приводит в конечном итоге к состоянию нестабильности в обществе⁵⁸³.

Другой показатель экономический, □ децильный коэффициент: соотношение доходов 10 процентов богатых и 10 процентов бедных. Это объективный показатель, который уместно использовать в объяснительных социально-психологических моделях, имея в виду его взрывоопасный потенциал.

Ещё один показатель □ уровень душевных заболеваний. Разрушение и деформация традиционных ценностей общества сопровождаются ростом чрезвычайных и стрессовых ситуаций, следствием которых является эскалация психического травматизма населения.

583

См.: Сащенко Н.П. Символическое насилие власти и трансформация политических предпочтений: Доклад на междунар. конференции «Информационные технологии в науке, социологии, телекоммуникации и бизнесе. IT+SE'06» // Приложение к журналу «Открытое образование» – Ялта-Гурзуф, 2006.

Критическим уровнем, по оценке Всемирной организации здравоохранения, считается 20 суицидов на 100 тыс. населения. В России этот показатель превышен почти вдвое. На региональном уровне критический по мировым меркам уровень самоубийств к 2008 году был превышен в 3,5–4 раза⁵⁸⁴.

Возрастает количество психически больных людей. Удельный вес душевно больных людей (тех, которые обратились к врачам) в норме в Европе составляет 7-8%, в США 5-7%. Если этот процент повышается, там разворачиваются всевозможные социальные программы поддержки, адаптации, коррекции, консультирования населения, чтобы процент не превышал допустимых значений⁵⁸⁵.

В нашей стране по данным ВОЗ число душевно больных людей в 1993 году составляло 38%. Это, по выражению В.Тишкова, был «ментальный срыв». Сегодня констатируют 12-15% душевных заболеваний в нашей стране. Меньше, но тоже много. Все это усиливает состояние агрессии, обостряет социальные, межнациональные, межэтнические конфликтные настроения.

И ещё один важный показатель, который взят из концепции социальной и культурной дистанции Дробижевой-Тишкова⁵⁸⁶. Это □ показатель психологической дистанции. Он отражает внутреннее видение группой (этносом, нацией и др.) пределов ареала своей культурно-психологической отличительности и свободы.

Учёт названных показателей при исследовании конфликтного потенциала российского общества позволит точнее определить проблемы и ресурсы политического управления.

Свешникова Ю.В. (НИУ-ВШЭ, Москва)

ИНСТРУМЕНТЫ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ИРАНА В ИСЛАМСКОМ МИРЕ И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ

Исламская Республика Иран рассматривает публичную дипломатию как элемент «мягкой силы» государства, и описывает ее в терминах увеличения привлекательности страны на основе культурных и религиозных ценностей.

Одним из основополагающих документов на текущий период является Документ о 20-летней перспективе развития до 2025 г. Так, документ предполагает опору на культуру и исламские ценности, пример «богобоязненного народа», повышение эффективности и развития общества, новое видение религии, развитие общества, основанного на положительных моральных принципах.

Несмотря на внутригосударственную цензуру большого количества электронных ресурсов, представители иранского государства активно используют средства цифровой дипломатии – Twitter, Facebook, Instagram, притом, что некоторые из них не разрешены к использованию гражданами страны. Примечательно, что современные средства распространения собственной «мягкой силы» нацелены на реализацию совсем немодернистского посыла, а именно – «экспорта культуры исламской революции», от которого, казалось бы, Иран отошел со времен аятоллы Рухоллы Хомейни. Новые понятия «мягкой силы», публичной дипломатии, повышения привлекательности на региональной и международной арене используются, по сути, в качестве замены для «экспорта исламской

⁵⁸⁴ См.: Локосов В.В., Шульц В.Л. Основания консолидации российского общества (социологические аспекты). – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2008.

⁵⁸⁵ См., напр.: Development of a Global Mental Health Action Plan 2013-2020// World Health Organization/ URL: http://www.who.int/mental_health/mhgap/consultation_global_mh_action_plan_2013_2020/en/ (дата обращения: 14.09.2017).

⁵⁸⁶ См.: Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России/ Институт этнологии и антропологии РАН. Отв. ред. Дробижева Л.М.. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.

революции», который, в свою очередь, звучит особенно непривлекательно в современном региональном и международном контексте. Таким образом, привлекательный портрет Ирана представляет собой интенсивно развивающуюся державу, а также активного регионального игрока – на Ближнем Востоке и в более широком контексте – в исламском мире, успех которой основан на культурном богатстве, моральном и религиозном превосходстве порядка, сложившегося в ходе исламской революции 1979 г. Поэтому несмотря на идентичный инструментарий публичной дипломатии, применяемый другими, не исламскими, странами Иран намерен транслировать совершенно иной дискурс (противопоставляя себя обществам, где господствует упадок морали).

Основная ставка делается на распространение культуры, но для Ирана это неоднозначное понятие. С одной стороны, это исламистский проект, осуществляемый с 1979 г., а с другой – цивилизационное наследие нескольких тысячелетий со времен Персидской империи, и каждый из этих компонентов применялся с разной интенсивностью и в зависимости от аудитории для проецирования «мягкой силы» Ирана с момента основания нового государства.

Применение Ираном, проецирующим свой имидж как основанный на традиционных религиозных ценностях, современных инструментов публичной дипломатии в исламском мире и за его пределами вызывает ряд интересных вопросов. Какой на самом деле имидж Иран проецирует вовне и насколько он соответствует реальности? Различаются ли подходы в зависимости от аудитории? Насколько хорошо действует система обратной связи в целях корректировки подходов к публичной дипломатии? Какие именно средства применяются и соответствуют ли они ценностным установкам государства? Какие именно инструменты ориентированы на российскую аудиторию и насколько успешно выполняются поставленные задачи?

Селезнева А.В. (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва)
**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ О РЕВОЛЮЦИОННЫХ
СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА В РОССИИ**

Изучение представлений молодого поколения граждан, а особенно школьников о революционных событиях 1917 года в России в рамках политико-психологического подхода имеет важное научно-теоретическое и практическое политическое значение.

Во-первых, интерес к ним научного сообщества к рассматриваемым событиям в год их столетия, равно как и 10 лет назад, вполне понятен. В связи с этим, появляется множество публикаций, которые носят преимущественно историко-политический характер и связаны с осмыслением и оценкой этих событий с позиций современных политических реалий⁵⁸⁷. При этом за рамками внимания исследователей часто остаются отложенные социокультурные и психологические эффекты этих событий.

Во-вторых, подобные исследования важны сегодня в контексте практического поиска ценностей и смыслов как оснований для формирования российской идентичности. Отношение к прошлому является для современных россиян, в том числе и молодежи, наиболее распространенной формой самоидентификации.

В исторической и политической науке Революция 1917 года считается важнейшим событием, на многие годы определившим дальнейшее развитие нашей страны. В то же время,

⁵⁸⁷ См., например: Пантин И.К. Революция и насилие (в защиту исторического подхода к оценке октябрьской революции) // *Общественные науки и современность*. 2017. № 1. С. 140-155; Гринин Л. Е. Русская революция и ловушки модернизации // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 4. С. 138-155; Булдаков В.П. Революция 1917 года: мифы, которые мы выбираем // *Вестник ТвГУ. Серия «История»*. 2017. № 1. С. 39–62.

в политическом сознании россиян в целом, и молодежи в частности, существуют различные и противоречивые представления о нем.

По данным ВЦИОМ, у российских граждан нет однозначного отношения к революции как историческому явлению: 40% граждан считают ее имеющей свои плюсы исторической неизбежностью, 37% - ничем неоправданным потрясением. Непосредственно Октябрьскую революцию 27% граждан считают толчком к социально-экономическому развитию страны, 17% - напротив его тормозом, 18% - катастрофой для страны, а 21% - началом новой эры в истории России⁵⁸⁸.

В рамках опроса 250 учащихся 10-11 классов образовательных организаций г. Москвы с применением политико-психологической методологии были выявлены особенности представлений о революционных событиях 1917 года.

Революционные события 1917 года вызывают у молодых людей противоречивые чувства: 68,7% испытывают к ним одновременно и положительные, и отрицательные чувства. Школьники не обладают сколь-нибудь конкретными знаниями об этих событиях, их причинах и последствиях, наиболее выдающихся деятелях. Уровень когнитивной сложности их представлений достаточно низкий.

Отношение школьников к празднованию столетия Революции также неоднозначное. Большинство молодых людей считают необходимым помнить это событие, но по разным причинам: 25,9% - для переосмысления и недопущения подобного в будущем, 16,9% - как наиболее значимое для нашей страны. Только 8,9% школьников считают неправильно вспоминать и праздновать негативные события.

Чем это можно объяснить? С одной стороны, несистемным изучением истории России в школе, ориентацией на подготовку к сдаче ЕГЭ как технологического экзаменационного инструмента, а не на широкое историческое образование молодежи. С другой стороны, средства массовой информации акцентируют свое внимание в основном на отдельных исторических событиях в контексте государственных праздников или юбилейных дат. Столетие революции в этих условиях остались на периферии информационной и культурной повестки года. При этом, школьники, ориентированные преимущественно на пользование Интернетом, в большинстве своем не попадают в аудиторию даже этих немногих историко-просветительских проектов и программ.

Селиванова Е.С. (ВГТУ, Воронеж)

ТРАНСГРАНИЧНОСТЬ БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИИ КАК ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНЫМ ГОСУДАРСТВАМ

Развитие коммуникаций в сети интернет и цифровизация межотраслевого взаимодействия в различных секторах экономической и общественно-политической жизни национальных государств приводит к появлению принципиально новых транзакций между пользователями. Данное взаимодействие основано на использовании блокчейн-технологии, представляющей собою совокупность инновационных решений в области передачи и хранения данных. Суть данной технологии состоит в создании единой точки доступа к обширным объемам данных, позволяющей разрабатывать «новые отраслевые процессы на основе использования прозрачных актуальных данных, мгновенного совершения транзакций и продления «умных» контрактов с автоисполнением, с бизнес-логикой, прописанной в реестре»⁵⁸⁹.

⁵⁸⁸ Революция: вчера, сегодня... завтра?! Пресс-выпуск ВЦИОМ №2158 от 20.11.2012. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113319>

⁵⁸⁹ Технология блокчейн на рынке капитала // Депозитарium. – 2016. - №2(146). – С. 39-43. – С. 39.

Использование новых методов шифрования, универсальных источников данных, систем «умных контрактов» и децентрализованной записи данных делает блокчейн-технологии привлекательной для широкого круга пользователей посредством обеспечения безопасности и конфиденциальности данных в среде общего доступа. Таким образом, на основе данной технологии разрабатываются программные продукты, составляющие серьезную конкуренцию институционализированным способам хранения и передачи данных в различных областях народного хозяйства.

Первым блокчейн-продуктом, получившим широкое распространение во всем мире, стала система криптовалюты «Биткойн». Ее привлекательность для пользователей состоит в том, что это саморегулирующаяся цифровая валюта, не требующая обслуживания финансово-кредитными организациями. Лавинообразное распространение криптовалюты «Биткойн», равно как и других видов криптовалют, ставит перед традиционными финансовыми институтами и перед институтом государства в целом серьезный вызов. Суть его состоит в том, что граждане национальных государств имеют возможность совершать трансграничные транзакции с использованием блокчейн-технологий, минуя фискальные органы государства, традиционные финансовые институты и таргетируя тем самым сложившийся общественно-государственный порядок.

Остановить распространение данной технологии представляется весьма затруднительным в условиях распространения интернета-технологий. Так, коллектив авторов из Группы Всемирного банка, подготовивших Доклад о мировом развитии «Цифровые дивиденды-2016», отмечают, что «более 40 процентов населения планеты имеет доступ к интернету, и каждый день в сеть выходят новые пользователи. Среди беднейших 20 процентов домохозяйств мобильный телефон есть почти в каждом 7 из 10. Число беднейших домохозяйств, располагающих мобильным телефоном, выше, чем имеющих доступ к туалету или чистой питьевой воде»⁵⁹⁰.

Таким образом, перед национальными государствами встает вопрос институционализации новых технологических процессов, породивших принципиально новые социально-экономические отношения. Эксперты из Института экономики роста им. П.А. Столыпина отмечают, что шестой технологический уклад приведет к глобальной смене социально-экономической формации: переходу от рыночной к прогностической модели развития экономики, действующей на основе анализа big data, когнитивных технологий прогнозирования спроса и планирования предложения.

Чтобы сохранить позиции в мировой экономике, экономический суверенитет, России необходима собственная общегосударственная концепция развития электронной (цифровой) экономики на базе признания и законодательного регулирования блокчейн-технологий, криптовалют и др.⁵⁹¹. Это позволит начать процесс институционализации стихийно распространяющихся новых трансграничных экономических отношений, порождающих, в свою очередь, новые социальные отношения и идентичности граждан, имеющих возможность на законных основаниях обходиться без традиционных финансовых и государственных институтов.

⁵⁹⁰ Доклад о мировом развитии – 2016. Цифровые дивиденды. Обзор. - 2016 Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf> (Дата обращения: 30.04.2017).

⁵⁹¹ Электронная (цифровая) экономика. Приложение к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста». – URL: http://институтроста.рф/upload/iblock/f87/16.-elektronnaya_-tsifrovaya_-ekonomika.pdf (Дата обращения: 01.06.2017).

КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

В политической науке утверждается широкое толкование политики идентичности, опирающееся на анализ субъектов и практик, которые формируют коллективные и групповые идентичности. Оно связывается с деятельностью государства и его институтов по поддержанию общих ценностных оснований принадлежности к политическому сообществу и общих ориентиров его развития, общих представлений о «нас» как нации, стране, государстве, регионе, территории. Под **политикой идентичности** в этом контексте понимается деятельность по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской, территориальной и иных форм коллективных идентичностей. Такая идентичность оказывается объектом целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов на путях формирования общих ценностей и ориентиров развития политического (национального, территориального) сообщества и групповых солидарностей внутри этого сообщества. Государство – ключевой актер политики идентичности в этом поле: оно использует институты социализации и инструменты публичной политики для легитимации властных институтов и для организации взаимодействия социальных субъектов вокруг определенной повестки дня, для вовлечения граждан в такие взаимодействия.

Отличительная черта политики идентичности в современном демократическом обществе – ее многосубъектность. В поле такой политики на национальном уровне вовлечены представители политической элиты («политического класса») и публичные интеллектуалы, формирующие дискурс национальной идентичности. Их ряды пополняет университетская профессура, занятая социогуманитарными исследованиями, представители экспертных структур, авторитетные журналисты и известные в личном качестве в национальном масштабе и в мире авторы научных и околонучных трудов, посвященных проблемам общественного развития, представители креативной экономики, продвигающие в публичное пространство новые интеллектуальные продукты под «идентитарными» (этническими, субкультурными, досуговыми и пр.) брендами. Площадкой политики идентичности становится сетевое информационное пространство, а ее инструментом – сетевая публичная политика⁵⁹². В Сети рождаются и продвигаются новые культурные практики.

Механизмы формирования общих ориентиров, способных консолидировать вовлеченные в социальные взаимодействия сообщества разного уровня, включают разнообразные культурные практики. Среди них важнейшее место занимают практики организации публичных пространств, в которых происходят повседневные взаимодействия. Разнообразные формы репрезентации национальной и этнической идентичности стали предметом интеллектуальной рефлексии и художественного творчества; в последние годы в контекст изучения траекторий нациестроительства интегрируются попытки осмысления и оценки эмоциональной составляющей национального самосознания, различных сочетаний традиционных и нетрадиционных инструментов конструирования идентичности на микроуровне⁵⁹³.

Неотъемлемая часть дискурса идентичности – политика в сфере культуры, поддержание общего культурного пространства с помощью национальных культурных нарративов (в таком контексте пропагандируется творчество А.С. Пушкина в России, В. Шекспира в Великобритании, М. Сервантеса в Испании) и персонифицированных

⁵⁹² Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля. – *Полит. Политические исследования*. 2017. № 2. С. 82-102.

⁵⁹³ См. Isaacs R., Polese A. (eds.). 2016. *Nation-Building and Identity in the Post-Soviet Space. New Tools and Approaches*. London and New York: Routledge.

культурных символов⁵⁹⁴, на основе которых выстраиваются территориальные идентичности и реализуются проекты культурного брендинга территорий.

Идентичность занимает сегодня прочное место в художественных высказываниях и языке массовой культуры, формируя повестку дня публичной политики в культурной сфере. Она стала своего рода брендом социального проектирования, оболочкой, претендующей на вмещение позитивных социальных смыслов. Новые границы между людьми и сообществами, новые размежевания в «разделенных обществах» облекаются субъектами политики идентичности в форму художественных высказываний «об идентичности», и число таких высказываний растет буквально на глазах, принимая самые разные формы. Так, музыкальные проявления идентичности стали темой традиционного музыкального фестиваля в Люцерне летом 2017 года: отражения творческой личности и национальной традиции в «музыке глобальной деревни» стимулируют поиски путей **диалога идентичностей**.

Социальная идентичность оказывается, таким образом, не только глубинным смыслом, но и объектом прямого художественного высказывания. Такое высказывание включается в повестку дня политики идентичности от имени неполитических субъектов и становится инструментом управления социокультурным разнообразием, способным адаптироваться к меняющейся социальной ситуации (хотя далеко не всегда эффективным).

Семенов А.А. (ИДВ РАН, Москва)

ИЗМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ВНЕШЕЙ ПОЛИТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ АМБИЦИЙ КИТАЯ

Внешняя и внутренняя политика Китая претерпевает значительные изменения под руководством Си Цзиньпина. Новый курс реформ, которые китайская пресса назвала «новой революцией» (синь гэмин), был начат китайским лидером немедленно после вступления в должность Генсека ЦК КПК. Этот термин является отсылкой к «культурной революции» и означает начало масштабных реформ, базирующихся на армии и персональной власти.

Несмотря на многочисленные ожидания, что на фоне глобализации «пятое поколение» китайских лидеров начнет проводить политические реформы, в целом направленные на смягчение политического режима, при Си Цзиньпине, наблюдается рост авторитарных тенденций. КПК продолжает усиливать контроль над общественным мнением и подавлять оппозиционные настроения. В стране вырос уровень цензуры, и такие темы, как конституционная демократия, свобода печати и права человека, запрещены. Беспокоясь о проблемах национальной безопасности, китайские власти серьезно ограничили контроль над иностранными НПО.

В то же время китайская экономика демонстрирует замедление темпов роста с двузначных чисел до 6-7%. В 2014 г. Си Цзиньпин в своем выступлении заявил, что Китай входит в «новую нормальность» (синь чантай). Этот термин стал главным для китайской политической риторики, обобщая корректировку курса экономической политики. Понимая опасность экономической стагнации и необходимость экономических реформ, Китай также пытается переориентировать свою экономику с внешних рынков на внутренние рынки и перейти от производства дешевых потребительских товаров до высокотехнологичной и конкурентоспособной продукции с использованием инновационных технологий. Замедление темпов экономического роста для Китая еще не катастрофа, но уже серьезная проблема, которую он пытается решить не только внутренними преобразованиями, но и внешнеэкономической экспансией, резким расширением инфраструктурных инвестиций в

⁵⁹⁴ Бедерсон В.Д. Политика идентичности регионов современной России: сравнительные характеристики персоналистских идентификаторов. Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. Т. 2016. 16. Вып. 1. С. 33-91.

Центральной Азии и России, чтобы справиться с кризисом перепроизводства и обеспечить сбыт китайским товарам.

Все изменения во внутренней политике Китая осуществляются одновременно с изменением внешней стратегии КНР и являются незаменимым этапом для реформирования внешнеполитического курса.

Китайский политик и реформатор Дэн Сяопин сформулировал стратегический принцип внешней политики Китая как «таогуан янхуэй», что можно перевести как «прятаться в тени, скрывать свои способности и ждать своего часа». Принимая во внимание реальные возможности Пекина в то время, Дэн считал, что Китай пока не готов брать на себя роль лидера и должен воздерживаться от конфронтации. Долгое время этот принцип был краеугольным камнем китайской внешней политики. Однако главной долгосрочной целью Китая оставалось восстановление статуса страны как силы на международной арене.

После прихода к власти Си Цзиньпина в китайском руководстве началась дискуссия о необходимости пересмотра устаревшей концепции. На фоне растущего националистического дискурса все больше и больше экспертов высказывались за пересмотр принципов внешней политики, которые больше не соответствовали возросшей силе Китая и изменениям в международной ситуации.

Китайская дипломатия начала проявлять более активные и лидерские качества, а внешняя политика становится более настойчивой и направленной на увеличение глобальной роли Китая. Пекин стремится улучшить имидж страны за рубежом, а степень его участия в международной политике быстро растет. На смену старой концепции приходит новая – «фэньфа ювэй» (т.е. стремиться к достижениям, проявлять себя).

Пекин начинает использовать весь спектр дипломатических методов для реализации целей внешней политики: от экономической дипломатии до «мягкой силы» и общественной дипломатии. Параллельно наращивается военная мощь Китая.

Си Цзиньпин выдвинул новую доктрину гуманитарной глобализации: создание сообщества общей судьбы для всего человечества (жэньлэй минъюнь гунтунти). Идея «общей судьбы» уходит корнями в китайскую культуру, оказывает влияние на подход Китая к глобальному управлению и постепенно становится краеугольным камнем внешней политики Китая. Согласно этой концепции, мир все больше превращается в сообщество, где его судьба переплетается со своей судьбой, поэтому Китай активно работает над расширением сближения интересов со все большим количеством стран путем продвижения беспроигрышного сотрудничества.

Китайские лидеры заявляют, что страна заняла новое место в глобальной системе и что она приобретает новый уровень глобальной ответственности и сфер интересов. Стратегические цели Китая больше не ограничиваются экономикой. Новая внешняя политика ориентирована на активное влияние и включение Китая во все глобальные процессы, а также на создание собственных интеграционных проектов.

Внешнюю политику Си Цзиньпина можно охарактеризовать как попытку переписать нынешний геополитический ландшафт. Примерами таких амбиций являются развитие Шанхайской организации сотрудничества, проект «Один пояс - один путь», состоящий из Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века, а также идея Китая о включении внерегиональных игроков в диалог в формате «БРИКС +».

Семенцова И.Г. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

РОССИЯ, США И КИТАЙ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: ПАРТНЕРЫ ИЛИ КОНКУРЕНТЫ?

Отношения между странами в настоящее время имеют достаточно изменчивый характер. Каждая страна готова вести борьбу за то, чтобы поддерживать свой статус на

международной арене. Сейчас многие эксперты, политологи, дипломаты наблюдают за «игрой», в которой принимают участие три крупные державы – Соединенные Штаты Америки, Россия и Китай. Прежде чем понять, к какому результату каждый из игроков движется, необходимо выяснить, по каким правилам участники действуют.

Первый игрок – Соединенные Штаты Америки. Для начала, необходимо понять, в чем заключается суть отношений США и КНР? Во-первых, КНР является главным кредитором Америки. Во-вторых, Китай является самым крупным торговым партнером США. Объем торговли между США и Китаем в 2013 году достигал 12,5% - и это достаточно большая цифра. Экономический аспект взаимодействия этих двух стран является приоритетным. Также при осмыслении заинтересованности США в отношениях с Китаем, стоит выделить еще одну важную сторону – это боязнь американцев укрепления и без того сильного взаимодействия Китая и России. Мощный союз этих двух держав будет значительно осложнять действия США на международной арене, да и экономическое усиление России посредством взаимодействия с Китаем американцам не выгодно, так как Америка двигается по пути экономического давления на наше государство и стремления его таким способом ослабить.

Игрок номер два – Китайская Народная Республика. Китай заинтересован в отношениях и с США, и с Россией. США – это, прежде всего, важный экономический партнер. Взаимодействие Китая и России осуществляется в самых различных областях – лидеры двух стран укрепляют сотрудничество в ряде сфер – в политической, в экономической, в культурной. К тому же, позиции государств по важным проблемам, которые возникают в мире, нередко являются схожими. Например, и Россия, и Китай стремятся продвигать инициативу урегулирования конфликта с Северной Кореей. Страны сотрудничают в области противодействия сепаратизму, экстремизму и терроризму.⁵⁹⁵ Стоит отметить, что соседское положение открывает множество перспектив в сотрудничестве. Даже если обратиться к политической истории КНР, можно вспомнить, что после Второй мировой войны Китай ориентировался на СССР в построении собственной политической системы.⁵⁹⁶

И наконец, третий игрок – Российская Федерация. Что касается отношения и взаимодействия России с Китаем – то здесь уверенно можно сказать, что для РФ важно, чтобы сотрудничество с данным государством было построено на доверии и дружбе. Это подтверждает Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, который был заключен 16 июля 2001 года. Россия и Китай осуществляют активное сотрудничество в рамках международных организаций таких, как ШОС, БРИКС, ООН. Помимо этого, эти два государства являются экономическими партнерами. Лидерами государств постоянно оговаривается взаимодействие и поддерживается сотрудничество в вопросах, касающихся рынка нефти, поставок газа в Китай, разведки и добычи углеводородов, а также в вопросах экспорта и импорта.

Что же касается отношений России и Соединенных Штатов Америки, то тут сложно говорить о крепком партнерстве. К сожалению, в России все отчетливее понимают, что с приходом нового президента в США кардинальных изменений в сторону налаживания отношений не происходит. И все же две столь сильные державы находят точки соприкосновения в решении актуальных международных проблем.

Подводя итог, можно обратить внимание на цели трех государств.

Для Соединенных Штатов важно не допустить большего сближения РФ и КНР. Это вполне понятное стремление, так как объединение и усиление сотрудничества этих двух стран осложнит положение США на международной арене. Альянс двух сильных государств,

595

Путин и Си Цзиньпин подвели итоги переговоров в Кремле. // Информационное агентство РИА

Новости [Электронный ресурс] <https://ria.ru/politics/20170704/1497818975.html> (дата обращения 14/09/2017)

596

Политические системы и политические культуры Востока / под ред. профессора А.Д. Воскресенского.

которые имеют схожие позиции по важным международным вопросам, не позволит в полной мере США осуществлять значительное воздействие на другие государства или же действовать исключительно в интересах собственного государства.

На сегодняшний день Россия и Китай выступают серьезными политическими силами. Их сотрудничество в рамках крупных международных организаций вполне может позволить им рисовать контуры мирового порядка. Их действия направлены не только на реализацию интересов своего государства, но и учитывают интересы всего мирового сообщества. Это как раз то, что необходимо в современном мире – согласие и продуктивное решение глобальных проблем.

Сергеева Е.В. (СГУ имени Н.Г. Чернышевского, Саратов)

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКОГО
УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ
НА ПРИМЕРЕ ПОРТАЛОВ CHANGE.ORG И РОИ**

Сегодня в российском сегменте Интернета существует ряд электронных порталов, которые позволяют гражданам проявить свою политическую и гражданскую позицию, создавая и поддерживая разнообразные петиции и инициативы, что расценивается как расширение и развитие цифровой демократии в современной политике. С одной стороны, они позволяют вовлекать в политические процессы больше граждан, делая политику доступнее для широких масс населения, особенно для тех, которые по тем или иным причинам вообще не были включены в активную деятельность традиционных политических институтов (партий, общественных движений). С другой стороны, они становятся инструментом политического влияния, актуализируя различные проблемы, формируя политическую повестку дня и направляя общественное мнение. Конечная цель деятельности этих порталов — получение обратной реакции от государственных органов, изменения в законодательстве, решение конкретных проблем. Везде, где существуют устойчивые формы взаимодействия, неизменно возникают правила, принципы и способы их организации, т. е. институты, призванные закрепить и установить порядок кооперации и взаимодействия между гражданами. Эти процессы происходят в и интернет-пространстве, где эти сравнительно новые формы участия приобрели устойчивые формы и плотно вошли в повседневность российского интернет-пользователя и политическую практику государства.

В российском сегменте существует два крупнейших портала, Change.org и РОИ, которые несмотря на то что обладают рядом схожих параметров функционирования, представляют собой совершенно разные модели институционального взаимодействия, а в соответствии с этим обладают неодинаковыми возможностями для влияния на политический процесс.

Схожесть этих порталов проявляется в нескольких аспектах:

1) это площадки для публичных дискуссий, темы для которых предлагают сами граждане, что позволяет выполнять функции по артикуляции и представительства политических интересов граждан; 2) они предполагают аккумуляцию социальной поддержки тех или иных начинаний, проявляющейся в виде голосования, отзывов, комментирования, «лайков», репостов, использование ресурсов SMM, участия в разнообразных акциях и т. д.; 3) это формы самоорганизации граждан, обе являются вариантом краудтехнологий: здесь граждане самостоятельно подготавливают текст петиций или инициативы, решают вопрос о её поддержке, т. е. они позволяют создавать сетевые объединения на основе общего интереса; 4) оба предполагают наличие политического потенциала, т. е. воздействия на процесс принятия решения государственными органами и властью; 5) ценности, лежащие в основе их создания, декларируются очень схожие: свободы

слова и самовыражения, демократизация политики, защита гражданских прав и свобод, подотчётность и контроль над властью.

Отличия данных площадок проявляется при более детальном институциональном анализе их деятельности, из которого можно сделать следующие выводы.

Портал РОИ был создан по указанию Президента РФ как способ и механизм легитимации политической системы. Поэтому он представляет собой формализованную модель взаимодействия с очень ограниченными возможностями для граждан. Ряд юристов указывают, что формально этот РОИ — это институт народовластия, но учитывая сложность рассмотрения и реализации предложений граждан (ни одна из инициатив, набравших 100 тыс. голосов, так и не была реализована), рассматривать его, как имеющий какое-либо политико-властное значение, практически невозможно. Неслучайно в противовес этому мнению появились идеи о том, что это скорее механизм для выражения общественного недовольства, снятия общественного напряжения, т. е. информационно-коммуникативный институт. В целом создание портала РОИ продолжает логику действий российской власти, которая на протяжении последнего десятилетия лет направлена на восстановление государственного контроля во всех сферах общественной жизни, в том числе и в интернет-среде.

Совершенно иной способ институционального взаимодействия представляет собой портал Change.org. Это международная интернет-платформа, которая имеет больше возможностей для самоорганизации граждан: здесь нет ограничения по тематике петиций и инициатив, используют методы краудсорсинг и краудфандинга для популяризации и продвижения общественных инициатив. Главное отличие от РОИ в том, что этот портал предполагает постоянное взаимодействие людей, заинтересованных в решении той или иной проблемы. По сути, это способ организовать общественные движения граждан, но в формате, диктуемом интернет-коммуникацией. Здесь участие гражданина приобретает разные виды активности: вовлечение в различные акции, привлечение внимание СМИ и общественности к высказанным предложениям, обращение напрямую в органы власти, что позволяет её рассматривать как один из методов косвенного лоббирования общественных интересов и давления на власть со стороны общества, что делает это механизм более востребованным для оппозиционно настроенных групп и организаций. Но недостатком этой формы является недостаточное правовое регулирование деятельности этой и похожих платформ, в частности отсутствие дополнительных гарантий по учёту предложений, высказанных на данной платформе.

Институциональные различия этих двух форм взаимодействия обусловлены рядом факторов: эндогенный или экзогенный характер возникновения института; уровень и способ формализация; конгруэнтность данных институтов с элементами политической системы, вписанность в общую логику взаимодействия власти и общества.

Сересова У.И. (АСОУ, Москва)

ЛЕВАЯ ИДЕОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: РЕВОЛЮЦИЯ, СОВЕТСКИЙ ПАТЕРНАЛИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Говоря о влиянии идеологии на социальную политику, в источниках по публичной политике указывают на важность социалистической или социал-демократической идеологии в процессе формирования моделей социального государства⁵⁹⁷. Есть также исследования,

⁵⁹⁷

См., например: Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005. 442с.

показывающие, что чем больше представителей левых партий в правительстве и парламенте, тем больше расходов на социальную сферу из государственного бюджета⁵⁹⁸.

В начале формирования советской власти социальная политика претерпела радикальные трансформации. В соответствии с идеологией большевизма на уровне государства вводится классовый подход – помощь рабочим, красноармейцам, их семьи, детям-сиротам. Проводимая социальная политика, кроме прямого назначения – поддержки уязвимых слоев населения, – выполняла также и сугубо политическую функцию – была направлена на «формирование нужной социальной структуры ... и идентичности людей»⁵⁹⁹ и социальную эксклюзию бывших господствующих классов.

В социальной политике СССР социалистическая идеология выражалась, прежде всего, в патернализме, декларировании подчеркнуто скромных потребностей, государственной монополии в социальной сфере, четком контроле доходов населения со стороны государства⁶⁰⁰. Как следствие, население было уверено в том, что «все социальные проблемы обязано решать государство (во многих случаях, особенно у старших поколений, такого рода патернализм сочетался с ударной работой и политической благонадежностью)»⁶⁰¹.

Примечательно, что при декларировании целей повышения народного благосостояния расходы на социальную политику в СССР были довольно низкими – около 14%⁶⁰², что сопоставимо с либеральными социальными государствами. Обусловлено это было приоритетом развития оборонной промышленности и других направлений индустрии. Ядро всей системы социальной политики в СССР составляло социальное обеспечение, система которого отличалась широкой доступностью. Это пенсии и пособия по старости, временной нетрудоспособности, инвалидности, утере кормильца и др. для пожилых, инвалидов, детей-сирот; многочисленные льготы, охватывавшие так или иначе почти все население страны. Однако, качество доступных социальных услуг – медицинской помощи, доступного жилья, образования – не было гарантировано высоким для всех. Факт принадлежности к номенклатуре обеспечивал «причастность к системе распределения благ»⁶⁰³. За сочетание этих признаков советскую модель социальной политики иногда называют «авторитарным государством всеобщего благоденствия»⁶⁰⁴.

Крушение Советского Союза не привело к полному коллапсу системы социальной защиты, однако, потребовались либеральные реформы. Это было связано с необходимостью рационализации социальных обязательств государства перед своими гражданами, а также более эффективного использования ограниченных ресурсов в социальной сфере. В то же время, несмотря на дефицит бюджета и экономический кризис, государство не могло полностью отказаться от социальных обязательств в силу зависимости от прошлого – советского опыта социальной политики, инертности институтов социальной защиты и ориентации большинства граждан на помощь со стороны государства. Одна из первых реформ – становление системы обязательного медицинского страхования вместо госбюджетного финансирования (1991); далее – формирование системы государственных учреждений социального обслуживания населения (1995). Приобретает адресный характер

⁵⁹⁸ См., например: Beland D. Ideas and Social Policy: an Institutional Perspective // Social Policy and Administration. February 2005. Vol. 39. No 1. P. 1-18. Brady D. The Politics of Poverty: Left Political Institutions, the Welfare State and Poverty // Social Forces. December 2003. Vol. 82. № 2. P. 557-588.

⁵⁹⁹ Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007. С. 7.

⁶⁰⁰ Гонтмахер Е. Социальная политика в России: эволюция 90-ых и новый старт // Pro et Contra. 2001. Т. 6. №3. С. 7-22.

⁶⁰¹ Там же. С. 7.

⁶⁰² Стребков А.И. Социальная политика: теория и практика. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2000. С. 191.

⁶⁰³ Советская... С. 8.

⁶⁰⁴ Forrat N. The Authoritarian Welfare State: a Marginalized Concept: Comparative Historical Social Science [Текст]: Working Paper No. 12-005. Chicago: Northwestern University, 2012.

социальная помощь (1999), начинает действовать система профилактики безнадзорности (1999).

Реформы начала 2000-ых гг. также имеют ярко выраженный либеральный характер, они были нацелены на бóльшую экономическую эффективность и передачу части полномочий от государства негосударственным акторам – введение накопительной пенсионной системы вместо перераспределительной (2001), монетизация льгот (2005), привлечение частных и благотворительных организаций к социальному обслуживанию (2013). Новый вектор российской социальной политики со второй половины 2000-ых гг. – Приоритетные национальные проекты «Здоровье», «Образование», «Жилье» и «Сельское хозяйство»; программа материнского капитала, т.н. «майские указы» 2012 г. о повышении заработной платы бюджетникам. Они, в противоположность общемировой тенденции, ярко продемонстрировали обратный тренд в российской социальной политике – в сторону расширения социальных программ государства.

Сейчас осуществляется трансформация идеологического «контракта» между государственным «аппаратом заботы» и человеком. Если в советское время осуществлялся обмен государственного патернализма на самоотверженный труд и абсолютную политическую благонадежность, то сейчас – минимальных социальных гарантий на индивидуальную социальную ответственность граждан, консолидацию и общую лояльность власти. Реформы в области социальной политики в России представляют собой сплав элементов либеральной и социалистической идеологий, а также тенденций авторитарного политического режима.

Серова А.А. (Москва, НИУ-ВШЭ)

КОРРУПЦИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ СОВРЕМЕННОГО ТИПА

Коррупция, в том числе и политическая, становится основным фактором функционирования политической системы в современных авторитарных режимах. Однако до сих пор конвенционально не определена роль коррупции в отношении экономической и политической эффективности государства.

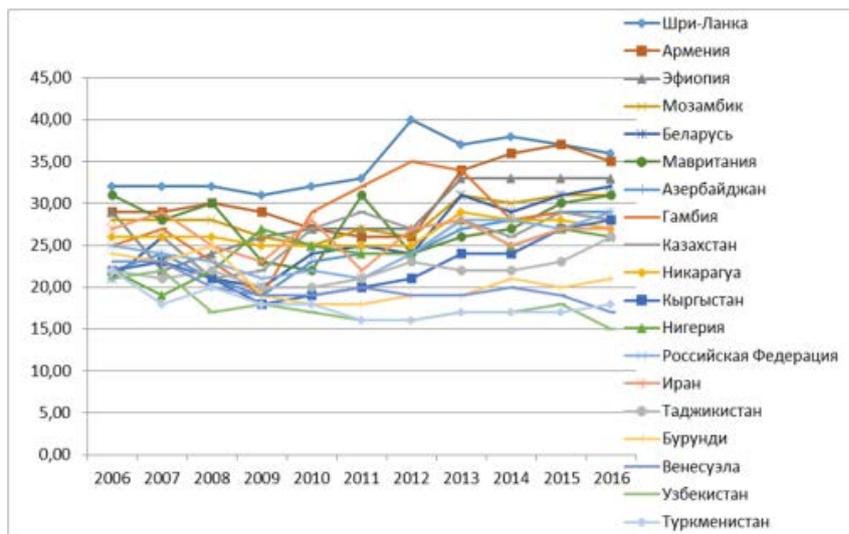
Зачастую коррупция интерпретируется в качестве компенсаторного механизма вследствие некачественной работы институтов. Подобное утверждение представляется справедливым, однако для того, чтобы давать оценочную характеристику рассматриваемого нами феномена необходимо понять и проанализировать какое воздействие он оказывает на состояние того или иного процесса. Поскольку эффективность функционирования институтов определяется правящим режимом, представляется разумным рассмотреть влияние коррупции на состояние политического режима.

Проблемы, с которыми сталкиваются исследователи при изучении влияния политической коррупции на состояние политических систем и режимов связаны с путаницей относительно двух понятий - стабильности и устойчивости. В первом случае речь идет о способности системы сохранять динамическое равновесие в долгосрочном периоде. Устойчивость же подразумевает сохранение временного равновесия при заданных определенным образом параметрах и воспринимается как дискретная характеристика стабильности, которая может носить как положительные, так и отрицательные черты. Это реакция политической системы на внешние вызовы, выводящие систему из равновесия.

Так, в случае стран с авторитарными режимами речь идет скорее о состоянии устойчивости, то есть когда есть временной параметр, но необязательна качественная характеристика этого состояния. Цель таких режимов, прежде всего, заключается в обеспечении самосохранения. Зачастую, инструментом, позволяющим надолго удерживаться во власти правящим политико-экономическим группировкам при неоавторитарном режиме, является коррупция, в том числе и политическая.

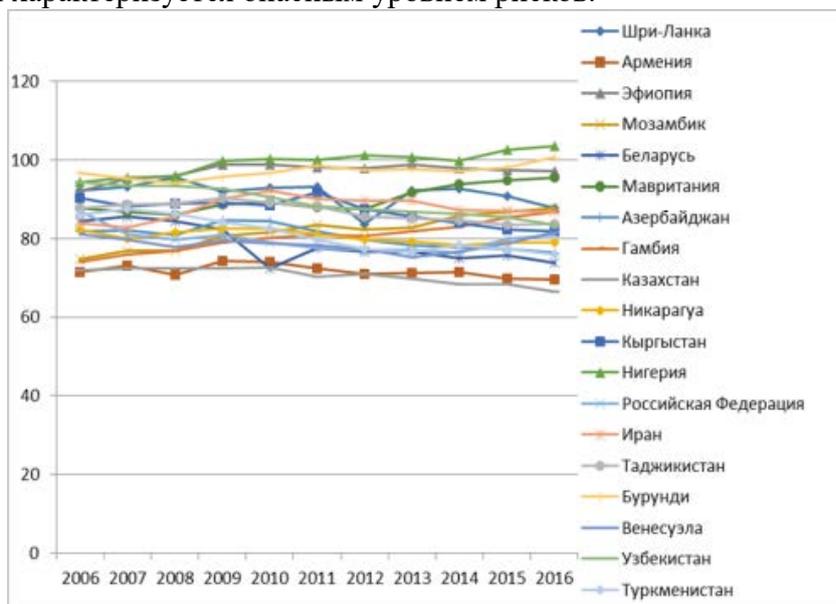
Состояние стабильности политического режима обуславливается некоторыми факторами, и подразумевает, в том числе, высокий уровень качества жизни. К таким факторам можно отнести: легитимность, верховенство закона, эффективность принятых политико-управленческих решений, конкурентность, обратная связь, совокупная продуктивность факторов производства.

Выборку данного исследования составляют 19 стран с неоавторитарным режимом. Для измерения уровня коррупции используется Индекс восприятия коррупции «Transparency International». Для оценки стабильности политического режима используется «Индекс хрупкости государства», рассчитанный по двенадцати критериям «слабости» государства. Данный индекс показывает насколько государство способно контролировать политическую, социально-экономическую ситуацию в стране. Временные рамки устанавливаются с 2006 по 2016 год.

На основании проведения анализа эмпирических данных по выбранным 19 странам с авторитарным режимом современного типа по данным ИВК было выявлено, что все рассматриваемые нами страны имеют высокий уровень коррупции, что говорит о значимой роли данного феномена как механизма функционирования политического режима.

Кроме того, по данным Индекса хрупкости государства страны с неоавторитарным режимом являются нестабильными и находятся в группе стран с уровнем стабильности ниже среднего, который характеризуется опасным уровнем рисков.

Еще одним показателем качества состояния режима стал Индекс глобальной конкурентоспособности, который продемонстрировал, что 19 выбранным стран имеют низкий уровень экономического развития (находятся в промежутке от 2,9 до 4,6 баллов из 7) и не в состоянии обеспечить долгосрочное повышение качества жизни.

Таким образом, неоавторитарные режимы используют политическую коррупцию в качестве механизма способного обеспечить им долгосрочное существование. Однако при такой конфигурации правящие политические силы с помощью коррупции достигают состояния некоего равновесия, которое лучше определяется термином «устойчивость». Однако устойчивость - это всего лишь дискретный параметр стабильности, для достижения которой системе необходимо изменить саму логику функционирования своих политических институтов. Подобные режимы обладают «квазистабильностью», которая характеризуется наличием только лишь временного параметра.

Сидоров В.В. (КФУ, Казань)

СУВЕРЕНИТЕТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Государственный суверенитет всегда стоял в центре внимания политической науки. В настоящее время вокруг данного феномена также ведутся интенсивные научные дискуссии. Количество статей и монографий, посвященных проблематике суверенитета исчисляется тысячами и продолжает увеличиваться. Столь значительное внимание ученых связано с актуальностью и значимостью суверенитета, как для мировой политики, так и для внутренней политики всех без исключения государств мира.

Суверенитет, определяемый как верховенство государства во внешних и внутренних делах, выступает центральным и системообразующим признаком современного государства. Известный исследователь С.Краснер выделил четыре аспекта государственного суверенитета: суверенитет взаимозависимости, внутренний суверенитет, вестфальский суверенитет и международно-правовой суверенитет⁶⁰⁵. Суверенитет взаимозависимости связан с контролем государства своей границы. Внутренний суверенитет подразумевает наличие у государства монополии на легитимное насилие для поддержания порядка и эффективного функционирования государства. Вестфальский суверенитет связан с отсутствием внешних источников власти как де-юре, так и де-факто. Во внешней политике это означает, что государства следуют правилу невмешательства во внутренние дела других суверенных государств. Наконец международно-правовой суверенитет означает, что суверенитет имеет значение лишь, если он признается другими суверенными государствами.

Взгляд на суверенитет национальных государств с точки зрения межправительственного подхода предполагает интеграцию без уступок суверенитета наднациональным институтам. Государства сохраняют контроль над процессом интеграции. Европейская интеграция предполагает *объединение* суверенитетов государств, что противоположно мнению о *передаче* суверенитета с национального на наднациональный уровень.

Сторонники межправительственного подхода, тем не менее, соглашались с тем, что существует передача некоторых функций исполнительной власти на общеевропейский уровень, в частности Европейской комиссии и Суду ЕС. Основная идея заключается в том, что такая передача функций происходит в интересах правительств государств. Из этого проистекает следующий постулат анализируемой теории. Институты Европейского союза не являются самостоятельными акторами, они лишь обслуживают интересы национальных государств, а значит ЕС не обладает каким бы то ни было суверенитетом, а лишь использует

⁶⁰⁵ Krasner S. Abiding Sovereignty // International Political Science Review. – July 2001. – Vol. 22. – №3. – Pp. 229–251.

делегированные национальными государствами функции. Такая позиция находит поддержку многих современных исследователей. Так же это означает, что национальные государства могут в любой момент «забрать» переданные функции назад. При этом объем суверенитета национального государства совершенно не меняется. Справедливость данного утверждения блестяще проиллюстрировал «брекзит».

По мнению Э.Моравчика государство «играет двух-уровневую игру». С одной стороны, оно действует на внутренней арене⁶⁰⁶. Политические институты государства испытывают на себе постоянное воздействие импульсов, исходящих от огромного количества внутренних акторов – групп интересов, социальных классов, политических партий и т.д. Второй «уровень игры» – международный. Исходя из такого понимания среды существования государства, либеральный межправительственный подход постулирует, что внутренние экономические интересы и возникающий из них спрос на интеграцию является движущей силой в создании наднациональных институтов. Однако интеграция не возникает сам по себе. Она является итогом межгосударственных переговоров, где национальные государства ищут общие решения для общих проблем. При этом, во-первых, не все государства обладают равным весом в переговорном процессе. Приоритет в поиске решений находится у крупных и мощных государств. Во-вторых, создаваемые в результате переговоров наднациональные институты являются инструментом повышения эффективности межправительственных переговоров.

Современный мир, в котором глобализация, регионализация и интеграция происходят одновременно, с одной стороны, создает уникальные условия для процветания, а с другой стороны таит в себе и многие опасности для суверенитета национальных государств. Как было показано нами, процессы европейской интеграции на данный момент времени не угрожают суверенитету государств-членов Европейского союза. Во-первых, сама природа европейской интеграции является государственно-центричной. Государства объединяют суверенитет, а не передают его наднациональным институтам, используя последние лишь в своих прагматических целях. Во-вторых, это связано с теми кризисными явлениями, которые происходят на европейском континенте последние 10 лет. Формирование наднациональных центров власти, которые могли бы стать привлекательными для простых европейцев, остается все еще делом будущего. Общественное мнение также будет стоять на защите национального суверенитета, как и государственные институты. Процесс выхода Великобритании из ЕС, несомненно, заставит в ближайшем будущем пересмотреть основы европейской интеграции. Перед политической наукой также встают совершенно новые исследовательские вопросы. Современный кризис европейской интеграции требует своего научного осмысления, поскольку существующие теории интеграции создавались в совершенно другую эпоху.

Слатинов В.Б. (КГУ, Курск)

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕЖИМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ «ПРАВИЛ ИГРЫ» ДЛЯ БЮРОКРАТИИ

Официальные установки верховной власти в сфере преобразования института государственной гражданской службы России претерпели в последнее время существенные изменения. Смена подходов к трансформации «правил игры» для государственной

⁶⁰⁶ Moravcsik A. The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. – Ithaca: Cornell University Press, 1998. – 514 p.

бюрократии органически совпала с переформатированием политического режима в 2012-2016 годы в направлении «авторитарной консолидации».

В целом, институциональные изменения, реализованные в государственной гражданской службе России в 2012-2017 годы, вписываются в пять ключевых трендов.

В рамках первого (антикоррупционный тренд) в российское законодательство был введен институт декларирования расходов для должностных лиц, установлен запрет на владение счетами в иностранных банках за пределами России и использование иностранных финансовых инструментов. Конкретизированы основания для увольнения с гражданской службы в связи с «утратой доверия». В ближайшие годы предполагается внедрить методику оценки и систему мониторинга эффективности антикоррупционных подразделений государственных органов, обеспечить ежемесячное обновление антикоррупционных разделов официальных сайтов государственных структур.

Вторым трендом развития государственной гражданской службы является «ограниченная профессионализация» - совершенствование институтов, способствующих росту профессиональной квалификации кадров государственных служащих, но без угрозы значимым для власти протекционистским практикам их подбора, расстановки и продвижения. Законодательно конкретизирован порядок работы с резервом кадров, уточнен характер регулярной ротации руководителей контрольно-надзорных федеральных структур. Квалификационные требования по замещению должностей гражданской службы адаптированы к изменениям в системе высшего образования. Ожидается внедрение электронного кадрового документооборота и автоматизированной системы проверки сведений о служащих и, наконец, внедрение единой методики проведения конкурсов на замещение вакантных должностей в государственных органах.

Третьим трендом изменений на гражданской службе стала «национализация бюрократии». Ее суть – в попытке верховной власти не допустить формирования зависимости лиц, замещающих должности гражданской службы, от влияния иностранных государств и зарубежных неправительственных организаций. В числе институциональных мер, реализующих эту задачу, стал запрет для гражданских служащих на владение счетами в иностранных банках, расположенных за пределами России, и на использование иностранных финансовых инструментов. Был введен запрет на прием на должности гражданской службы претендентов-мужчин, не прошедших военную службу по призыву без законных оснований отсрочки. В служебное законодательство введена норма об обязательном декларировании присутствия гражданских служащих в социальных сетях.

Четвертый тренд перемен на государственной службе – экономия ресурсов. Сокращение численности государственных гражданских служащих началось уже в ходе кризиса 2008-2009 годов. С 2012 года по 2016 год численность гражданских служащих в России сократилась с 743,2 тыс. до 723,3 тыс. человек⁶⁰⁷. До 2018 года приостановлено действие статьи о ежегодной индексации денежного содержания, приняты решения о постепенном повышении пенсионного возраста для лиц, проходящих гражданскую службу, сокращении дополнительных отпусков для служащих.

Пятой тенденцией институциональных изменений стала попытка расширения общественного участия в управлении службой. Здесь были использованы некоторые инициативы «Открытого правительства» по реформированию государственной службы, выдвинутые в 2012 году. В частности, закреплена норма об обязательном участии в конкурсных, аттестационных комиссиях, комиссиях по служебной этике и урегулированию

⁶⁰⁷ См: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Состав работников, замещающих государственные и муниципальные должности и должности государственной гражданской (муниципальной) службы по полу, возрасту, стажу работы и образованию. - http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1237818141625 (дата просмотра 12.02.2017)

конфликта интересов на государственной гражданской службе представителей общественных советов при органах государственной власти.

Институциональные эффекты реализованных мер еще предстоит оценить, но очевидно, что осуществленные изменения вписываются в логику «частичной реформы». Система управления гражданской службой, а также независимый антикоррупционный аудит остаются несформированными – это, вкупе с пробелами в рационализации кадровых процедур, сохраняет возможности для активного использования в российском государственном управлении рентоизвлечения, протекционистских практик и клиентелизма.

Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В. (РУДН, Москва)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РФ В ОТНОШЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭЛЕМЕНТОВ НОВИЗНЫ И ОТМИРАЮЩИХ ФОРМ

Политического и управленческого свойства действия и утверждения, имеющие прямое и косвенное отношение к образованию, занимают критически существенное место в политической и повседневной жизни российского общества. Если это не популистская политика, которая будто бы стала визитной карточкой и сущностью современной мировой политики, тогда что это за политика?

В сентябре 2017 г. в стране проходит выборная кампания, важнейший политический акт, а во Владивостоке на форуме в это же время президент страны находит возможным сказать и связать грандиозные планы развития Дальнего Востока с подготовкой кадров по нужным направлениям. И дает поручения по разработке программы для устранения недостатков в этой области Правительству, Минвостокразвитию, Минобрнауки совместно с Агентством по развитию человеческого капитала. Председатель правительства в то же самое время и в той же социально-политической обстановке, что сопровождает повседневную жизнь россиян, на пленарном заседании московского финансового форума, говорит о принятой правительством программе «Цифровой экономики», способной решить многие проблемы, но и «убить» целые профессии, о критических вызовах на этом пути и необходимости подготовиться к ним в том числе и образованию. По тем же вопросам и в том же окружении всегда можно видеть руководителя Минобрнауки. Заглянув на официальный сайт этого ведомства, находим пространный перечень документов (четыре приоритетных проекта, стратегию развития воспитания, проект по повышению конкурентоспособности ведущих вузов..., и др.), демонстрирующих активную позицию федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, нанотехнологий, интеллектуальной собственности, а также в сфере воспитания, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений. Насколько такие действия и документы соответствуют запросам на развитие настоящего и нового образования? Не очень понятно и ясно!

Исходной позицией в нашем анализе и дискуссии является следующие аргументы и основания:

- главный регулятор этого процесса – государство и государственная политика. Эти институты и системы регулирования и управления образованием сегодня демонстрируют и отмирающие, и новые элементы своего развития и влияния. В своих тезисах исходим, как и многие российские⁶⁰⁸ и зарубежные исследователи⁶⁰⁹, не только из того, что активная

⁶⁰⁸ См.: Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Красноярск, 2012. С. 87; Будущее образования: глобальная повестка. // https://edu2035.org/pdf/GEF.Agenda_ru.pdf.

позиция государства, государственная политика, оказывают самое непосредственное влияние на изменения в образовании и отношения в этой сфере. Но и что эта политика демонстрирует противоречивый характер нового и отмирающего;

- мы признаем и присоединяемся к той группе экспертов и специалистов, которые держатся мнения, что основная задача государственного регулирования на данном этапе развития РФ состоит не в том, чтобы продолжать реформу образования, а в том, чтобы создать условия для появления нового образования;

- возможными и даже желательными направлениями образовательной политики должна быть политика в отношении индустриального образования и политика в отношении нового образования. В краткосрочной перспективе от 2017 до 2025 гг. элементы новой системы образования могут выглядеть следующим образом: развитие структуры образования в сторону широкого распространения онлайн-университетов (мини-университетов и «университета для миллиарда», и курсов MOOCs (сокращение от англ. massive open online course – массовые открытые онлайн курсы). И одна, и другая модель университета дополняют себя в политике («образовательный империализм») концентрации усилий по трансляции знаний.

- произойдет смена типов оценки знаний и достижений (паспорт компетенций и прецедентов); развитие виртуальных и менторских сетей; изменение стиля познания – от персонального к групповому («co-working»); повышение роли игровых моделей обучения, объективация процесса обучения через биологическую обратную связь и нейроинтерфесы.

- отживающими формами станут: учитель-репетитор, лектор-транслятор, оценки по итогам семинаров/сессий, диплом по окончании учебного заведения, научные журналы и стандарты цитирования, авторские учебники, существующая система оценки и управления интеллектуальной собственностью.

Политика индустриального образования обретает *другое* содержание в противоречии старого, отмирающего и нового. И важно понимать, что это «другое» есть *свое* другое, развивающееся в *свою* противоположность.

Слобожникова В.С. (СГЮА, Саратов)

РЕПЕРНЫЕ ТОЧКИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Особенностью современного политического развития является, с одной стороны, отсутствие четких общих стратегических ориентиров в развитии страны, а с другой, - разработка различного вида стратегических программ для конкретных сфер жизнедеятельности. Эти особенности стали следствием современного состояния политических идеологий и формализованная деидеологизация политического процесса. Прежде функцию стратегического ориентирования выполняли политические идеологии, которые в современную эпоху переживают кризис.

Самое общее описание современной ситуации проходит в категориях «постмодерн», «постсекуляризм», «глобализация», «сетевое общество», «регионализация» и других, которые массово вошли в современное гуманитарное знание в XXI веке, за которыми стоят новые вызовы для государства и сквозь призму которых и нужно рассматривать выработку будущих ориентиров страны.

Сейчас очевидно, что, несмотря на историчность государства, мечты марксистов об его отмирании и предположения либералов о необходимости сведения роли и значения этого

⁶⁰⁹ См.: Бок, Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. Пер. с англ. С. Карпа; М., 2012. С. 213.

политического института к минимуму оказались, с точки зрения современных вызовов, бесперспективными. Не случайно, Ф. Фукуяма после работы о конце истории, написал о сильном государстве.

Понятно, что современное сильное государство должно отличаться по качественным характеристикам от понимания сильного государства прежнего времени, когда оно в системе «государство-общество» превалировало и даже приобретало черты тоталитарного. Прошлему типу сильного государства соответствовали и особые механизмы политических взаимодействий. В современных условиях государство не может держаться только на администрировании, выстраивая со всеми политическими акторами субъектно-объектные отношения.

А. И. Герцен, анализируя европейские политические процессы и теоретические разработки марксистов, республики делил на политические социальные. Политические революции антифеодальные, антимонархические приводили к формированию политических республик, демократических по сути, но не способных решить основные социальные противоречия. Если подходить с этих позиций в оценке современного состояния России, то она находится на стадии политической республики.

Демократическое государство, правовое государство, социальное государство - как далеко мы продвинулись в реализации этих идей, насколько эти характеристики стали явлениями общественно-политической практики?

Как бы мы не стремились в постмодерн, базовые противоречия эпохи модерна не решены, а это прежде всего социальные противоречия. С точки зрения здравого смысла и сегодняшних реалий, перспектива их решения даже в самом общем виде вряд ли просматривается.

Демократический ресурс современного государства не может подменить и удовлетворить современные потребности российского общества. Социологические опросы все более акцентируют внимание запрос на справедливость, которая гораздо шире ценностей демократии. Это подтверждают и идеологические крючки оппозиции, и ее молодежно-детский состав. Именно эти факторы необходимо учитывать при выработке направления будущего развития России и определения его базовой основы.

Сегодня в качестве такой основы выдвинут патриотизм. Бесспорно, у этой идеи огромный потенциал прежде всего с позиции общественно-политической практики. Но этот концепт фиксирует отношение к происходящему, а не определяет направление изменений сущного.

В советские времена был популярен лозунг: «Народ и партия едины и потому непобедимы». История продемонстрировала колоссальный потенциал этой общественно-политической технологии, но, к сожалению или к счастью для истории человечества, нельзя дважды войти в одну и ту же воду. Слишком серьезные изменения пережила наша страна с тех времен, и изменилось всё и все, что принципиально меняет подходы в формировании сильного государства.

Ответы на многие вопросы можно найти в интеллектуальном наследии прежних времен. XIX – XX вв. дали огромное количество теоретических работ. В условиях нарастающего обострения социальных противоречий востребованными оказались прежде всего крайние позиции: радикализм в его социалистически-коммунистическом варианте и консерватизм в имперско- патриотически-монархическом. Но в первой половине XIX, когда интеллектуальное общество России стало анализировать процессы, происходящие в Западной Европе, столкнувшись с классическим капитализмом и его негативными социальными последствиями, появился не только крестьянский общинный социализм А. И. Герцена, но и идея солидаризма. И М. М. Сперанский, и славянофилы стремились найти основы развития, которые бы не углубляли противоречия, а сглаживали, не раскалывали общество, а объединяли. Полагаем, что именно идея солидарности и политика на этой базе могут стать основой современного сильного государства.

ПАТИСИПАТОРНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ: ОПЫТ АНАЛИЗА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ QCA

В России политика привлечения граждан к бюджетному процессу началась в 2013 году. В настоящее время все 85 регионов имеют открытый бюджет для граждан, а сотни муниципалитетов используют практику гражданского бюджетирования. В последующие годы концепция «бюджета для граждан» развивалась в направлении не только улучшения представления бюджетных данных для граждан, но и расширения практики привлечения граждан к самому бюджетному процессу.

Для нашего исследования этот сложный процесс гражданского бюджетирования характеризует способность «инклюзивности» регионов. В условиях регионального развития мы понимаем состояние инклюзивности достигнутым, когда граждане стремятся участвовать (и имеют возможность для такого участия), государственные органы открыты для участия, а сами граждане используют результаты развития. Потенциал инклюзивности связан с институтами, которые предоставляют возможность для участия. В этом смысле основная гипотеза исследования заключается в том, что чем выше уровень инклюзивной способности региона, тем выше открытость бюджетных данных и гражданского участия в бюджетном процессе.

На наш взгляд, четыре характеристики инклюзивного потенциала региона в аспекте рассматриваемой темы значительны. Во-первых, инклюзивность подразумевает высокий уровень возможностей для граждан использовать информацию. Этот уровень определяется, с одной стороны, развитием новых средств коммуникации и информации, с другой - открытостью государственных и муниципальных властей. С этой целью мы сформулировали две переменные: *inf* - уровень развития информационного общества в регионе и *serv* - доля граждан, которые готовы использовать электронные услуги. Во-вторых, инклюзивная способность обеспечивается состоянием среднего класса в регионе (*income*) и качеством жизни (*life*). Операционализация этих переменных и, следовательно, их метрические значения взяты из разных источников - Минкомсвязи РФ, Единого реестра государственных услуг, Росстата, портала Riarating.

В качестве зависимых переменных в нашем исследовании мы приняли общие рейтинговые данные о состоянии открытости бюджетных данных в регионах России (*open*) и (*cit*) - общие характеристиках рейтинга относительно развития «бюджета для граждан».

Общая гипотеза исследования выражается следующей моделью, если мы используем QCA-операторы - качественный сравнительный анализ.

$$\text{Open (Cit)} = \text{Inf} + \text{Serv} + \text{Income} + \text{Life}$$

Открытость бюджетных данных в регионе определяется сочетанием четырех условий: информационным развитием региона или долей граждан, зарегистрированных в едином реестре услуг или наличием среднего класса или качеством жизни населения.

Объектом исследования выступили 22 региона, получившие самые высокие баллы по раскрытию бюджетных данных в 2015 году. Чтобы провести Crisp-анализ, мы создали исходную таблицу истинности, в которую включили кодифицированные показатели зависимых и независимых переменных для каждого отдельного случая, которыми являются регионы России. На основе использования программы была получена базовая таблица истинности для 22 случаев. Таблица включила в себя все независимые переменные (*Life*, *Income*, *Inf*, *Serv*), а также количество случаев, которые соответствуют конкретной конфигурации реквизитов.

Анализ таблицы истинности с использованием алгоритма Куинна-МакКласки дает следующий результат конфигурации условий (1), которые определяют наличие высокой открытости бюджетных данных в регионах России.

$$\text{Open} = \text{Inf} \cdot \text{income} + \text{serv} \cdot \text{Life} + \text{Serv} \cdot \text{Inf} + \text{Serv} \cdot \text{income} \cdot \text{life} \quad (1)$$

Как видно из десяти возможных конфигураций причин открытости бюджетных данных, которые были в таблице истинности, четыре конфигурации являются естественными для 22 регионов.

Аналогичная процедура была проведена для работы с таблицей истинности для 22 регионов для зависимой переменной «cit». Из полученной таблицы истинности выявилось, что конфигурация условий такая же, как и для бюджетной открытости. Однако есть противоречивые результаты, закодированные буквой С, когда эта конфигурация генерирует результат и не генерирует его.

Концептуальный анализ показал, что актуальность соответствующих противоречивых конфигураций для получения результата («cit») не очевидна. Используя логику экспериментального анализа, можно сказать, что эти конфигурации не нужны для «бюджета для граждан», поэтому мы можем пренебречь ими. Тогда использование алгоритма Куинна-МакКлоски дает формулу, которая демонстрирует новый результат: при конфигурации условий появляется значительная переменная «Доход».

$$\text{Cit} = \text{Serv} \cdot \text{Inf} + \text{serv} \cdot \text{inf} \cdot \text{Life} + \text{serv} \cdot \text{Income} \cdot \text{Life} + \text{Inf} \cdot \text{Income} \cdot \text{Life} \quad (2)$$

По нашему мнению, результаты качественного сравнительного анализа говорят о разных типах или моделях введения открытых бюджетных данных и «бюджета для граждан» в российских регионах.

Анализ конфигурации условий приводит к выделению трех основных моделей для формирования открытого бюджета и «бюджета для граждан». Первая модель условно называется *технократической*. В этой модели большое значение придается созданию информационной инфраструктуры и электронных услуг. К таким регионам относятся Астраханская область, Кировская область и Алтайский край. Во второй модели наблюдается *пассивный подход* к формированию условий для открытого бюджета и «бюджета для граждан». Высокое качество жизни и более или менее благоприятные условия для распределения доходов считаются более важными, чем развитие электронной демократии для граждан. Эти регионы включают Краснодарский край, Оренбургскую область, Республику Адыгею и, в меньшей степени, Ханты-Мансийский автономный округ, Ставропольский край и Удмуртскую Республику. Большинство исследованных регионов используют третьей стратегию объединения условий. Эту модель можно условно обозначить как *инклюзивную*. В этих регионах развитие информации, предоставление электронных услуг, качество жизни и справедливое распределение объединяются в сложную конфигурацию условий. В эти регионы входят Омская область, Красноярский край, Мурманская область, Московская область, Башкортостан, Воронежская область.

Смулькина Н.В. (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва)
**ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС:
ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Исследование отношения российских граждан к процессу выборов сейчас является чрезвычайно актуальным. Оценка меняющегося политического контекста и избирательного дизайна в процессе наблюдения или изучение общественных настроений с помощью социологических опросов дает возможность лишь опосредованно прогнозировать избирательную активность и оценивать склонность рядовых граждан к политическому участию. Для проведения политико-психологического анализа отношения россиян к процессу выборов в качестве основного метода сбора информации был выбран экспрессивный проективный метод

конструирования сказочных сюжетов. Его использование позволило изучить более широкую палитру востребованных массовым сознанием прототипов, оценить их взаимосвязи, выявить неосознаваемые компоненты политических образов. Анализ эмпирического материала, собранного за последние 4 года, позволил сделать ряд выводов об особенностях восприятия выборного процесса российскими гражданами.

В результате проведенного исследования, появилась возможность утверждать, что в представлениях россиян центральными фигурами электорального процесса являются кандидаты, а не избиратели. Заметна низкая значимость активного избирательного права для многих рядовых граждан. Активное избирательное право многими воспринимается не как право, а как общественный долг (при положительной конотации представлений об институте выборов) или как повинность, формальная обязанность (при негативном эмоциональной конотации представлений). В последнем случае, россиянам свойственно относится к институту выборов и роли избирателя с изрядной долей скептицизма, с критикой или же откровенным пренебрежением. Однако, важно что, при этом на неосознаваемом уровне институт выборов не выглядит отчетливо непривлекательно.

Немногие респонденты склонны рефлексировать о своем месте в избирательном процессе. Ролевые ожидания к избирателю сопровождаются представлением о человеке как о винтике политической системы. Это отражалось в частых ассоциациях ролевого поведения избирателя с процессом политических манипуляций. Как правило, сам процесс манипулирования и обмана в ходе выборов респонденты не воспринимают негативно, в данном случае им скорее свойственно безразличие. Факт низкой значимости электорального поведения для россиянина подтверждается и выявленной тенденцией, того, что для большей доли респондентов политическое участие связывается с различными формами протестной активности (бунт, забастовка и пр.). Любопытно, что наиболее значимой причиной трансформаций голосующей общности в общность протестную в сюжетах являлась недовольство «подтасовкой голосов».

Подобное двойственное общественное отношение к обману в ходе выборов, объяснимо вероятно двумя основными тенденциями. С одной стороны, институт выборов, как и вся политика, воспринимается многими россиянами, если ни как «грязное дело», то как «закулисная игра», где манипулирование избирателем и конкурентом лишь способ, один из многих. Данная позиция опирается на политико-культурные детерминанты массового сознания (пассивный народ, отчужденность власти от общества). С другой стороны, согласно той же российской политической культуре, представитель власти должен быть морально и нравственно привлекательным, он должен заботиться об обществе, и если и обманывать, то во благо народа. Именно поэтому нарушение сценария выборов, вызывает общественный протест. Несмотря на ощущение своей вторичности, избиратель от лица всего голосующего общества требует, чтобы театрализованная постановка «Выборы» прошла на должном уровне и согласно сценарию. В противном случае, откровенная незаинтересованность власти в интересах и поведении избирателя трактуется обществом как пренебрежение. В подобной ситуации, согласно культурной традиции, общество убеждено, что вправе свергнуть власть.

Феномен политического абсентеизма объясняется россиянами незаинтересованностью граждан в политике, отсутствием харизматичных кандидатов, «срежессированными» предвыборными кампаниями и заикленностью избирателей на собственных обыденных делах.

Факты высокой частотности в сюжетах описаний массовых настроений неудовлетворенности, и примеров общественного запроса к кандидату, заключающегося в требовании сохранения социальной структуры общества, централизации государства, позволяют сделать вывод о склонности к восприятию россиянами современного общества в ситуации социокультурного кризиса. Этот тезис подтверждает встретившаяся модель поведения избирателей в ходе кампании (персонажи готовы отказаться от собственной индивидуальности, в обмен на чувство защищенности и безопасности).

Подытоживая все вышесказанное, отметим, что при изучении политического восприятия выборного процесса массовым сознанием в фокусе внимания неизменно оказывается характер отношений власти и общества.

Соколов А.В. (ЯрГУ, Ярославль)

ИНДЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ^{610*}

Процессы постоянных социально-экономических и политических преобразований в нашей стране сопровождаются нарастанием социальной напряженности в обществе, проявляющейся, прежде всего, в апатии, формированием у населения чувства неудовлетворенности своим уровнем и образом жизни. В тоже время можно наблюдать несколько значительных всплесков протестной активности в современной России: 2005 год (протест против монетизации льгот), 2011-2012 годы (протест против нарушений на выборах), весна 2017 года (антикоррупционные протесты).

При этом протест обычно базируется на определенных организационных структурах, которые постепенно трансформируются от классических вертикально интегрированных организаций к горизонтальным. Это позволяет повышать эффективность в процессе коммуникации между его участниками, мобилизовать новых участников и ресурсы, оказывать воздействие на процесс принятия решений. Особенностью современного политического протеста является его организация на цифровых технологиях и новых медиа.

Под протестной активностью мы понимаем форму коллективного действия, ориентированную на оспаривание социальных норм, устранение сформировавшихся дисбалансов в общественно-политических отношениях посредством различных инструментов мобилизации ресурсов.

Современные исследования протестной активности ориентированы, главным образом, на выявление и описание отдельных протестных кампаний, факторов и условий, способствующих их появлению. При этом достаточно редко формируются концептуальные модели протестной активности, индексы, характеризующие протестную активность. Особо актуальным представляется введение математического аппарата в процесс изучения протестной активности, в том числе, посредством разработки индекса протестной активности. О.В. Попова указывает, что «Индексы – это относительные величины, количественно характеризующие динамику совокупности, состоящей из непосредственно несоизмеримых единиц, или части такой совокупности»⁶¹¹.

Как отмечает Н.А. Антанович, процесс индексирования связан с несколькими методологическими проблемами:

1. упрощенным представлением изучаемого объекта;
2. обоснованности процедуры шкалирования (измерения или оценки);
3. надежности исследования;
4. достоверности и объективности эмпирических данных (в том числе, экспертных оценок)⁶¹².

Анализ исследований, посвященных протестной активности, а также ее моделированию и индексированию, свидетельствует о том, что в последние годы данная проблема получает

⁶¹⁰

Выполнено в рамках исследовательского проекта РФФИ № 17-33-01022 (а2)

«Моделирование и индексирование протестной активности в субъектах Российской Федерации».

⁶¹¹

Попова О.В. «Измерительный инструмент» в сравнительной политологии: к вопросу о нерешенных проблемах // ПОЛИТЭК (POLITEH: Политическая экспертиза). 2009. № 1. С. 271.

⁶¹²

Антанович Н.А. Индексы как измерительный инструмент в политологии // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2010. № 1. С. 58.

все большее освещение в трудах зарубежных и отечественных политологов, социологов, психологов. Вместе с тем, тот же анализ позволяет утверждать, что данная проблема в условиях развития новых социально-политических реалий и технологий продолжает оставаться малоизученной. Существует определенный дефицит отечественных исследований, анализирующих современные аспекты форм организации протестной активности в российской практике, а также разрабатывающих методологию их моделирования и индексирования.

Представляется, что индекс, объективно отражающий протестную активность в субъекте Российской Федерации, должен включать в себя данные, собираемые:

1. методом экспертных оценок, которые позволят получить оценки ситуации, как в целом, так и по отдельным показателям (протестная активность, структурированность протестных групп, наличие необходимого технологического обеспечения, лояльность среды, развитость диалоговых механизмов, формы протестной активности, реакция власти на протест, особенности политической культуры населения и др.);

2. объективные статистические данные (миграция, безработица, уровень экономического неравенства, электоральные предпочтения, и др.).

Это позволит включить в индекс широкий спектр показателей и учитывать влияние различных факторов.

Таким образом, разработка инструментария для индексного анализа протестной активности в субъектах Российской Федерации требует не только преодоления общенаучных проблем, но и выявления, а также операционализации ключевых показателей, которые позволят провести валидное исследование.

Соколов Н.Н. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРИСПОСОБЛЕНИЕ К НЕГАТИВНОЙ ПОЛИТИКЕ

Структура общественно-политического движения (ОПД) в России приспособляется, как мы предполагаем, исключительно к негативной политике. Ее усиливают как нервное настроение и поведение правящей элиты, так и оппозиционно настроенное сообщество, если таковое как политический субъект существует. Сообразны такому положению и состоянию реакция ОПД, сформировавшиеся в его недрах в постсоветский период тенденции имманентного для него развития⁶¹³, а также новые формы его жизнедеятельности и участия в ней. Попытаемся тезисно обосновать такое утверждение для дальнейшей дискуссии.

Во-первых, налицо переплетение в тугую узел объективных и субъективных проявлений в экономике и политике, которые становятся основанием к настроенному и даже ошестившемуся поведению всех субъектов общественно-политического движения. В первую очередь – сторонников и идеологов правящего режима. Их позиция озвучивается исполнителями воли правящего класса. Когда В. Путин на заседании саммита БРИКС в расширенном составе в начале сентября 2017 г. заявляет, что Россия выходит на восстановление темпов экономического роста⁶¹⁴, то в случае верности таких заявлений и успеха на этом направлении ее авторам улыбается не только власть, но и государственная ответственность. Но одни таким заявлением, даже успехом в этом деле еще ничего не гарантируется. Потому как в то же время идут сообщения о том, что над российской

⁶¹³ См.: Слизовский Д.Е., Рузанов С.А., Олейников Д. И. Общественно-политическое движение в России (1991-1999 гг.): актуальность, подходы исследования. // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. № 304 (4-5). 2016. С. 34-43.

⁶¹⁴ Путин заявил о восстановлении темпов роста российской экономики. // <https://news.mail.ru/economics/30887308/?frommail=1>

банковской системой нависла угроза валютного кризиса. За июль 2017 г. объем свободных валютных средств у российских банков сократился в 3,5 раза – с 6,3 до 1,8 миллиарда долларов. Экономике, понятно, надо, преобразовать было уже давно. Но и теперь речь в общественно-политическом движении и с размахом движения, а не закулисных переключек кулуарных персон должна идти именно об этом.

Во-вторых, в общественно-политическом движении всегда переплетаются мотивы государственные и корпоративные, партийные и общественные, обычные и личностные. В рамках ОПД личное поведение столь же мало идеалистично, как и обычное, обывательское или государственное. Открыто сетуют в разных слоях общества об отсутствии каналов роста, уважения к творческой работе и работникам. Человеческие и профессиональные интересы, понятно, должны работать, чтобы не мешать отбору людей, наделенных лидерскими качествами. Устроит, удовлетворит ли не протестующее общество или хотя бы чиновников поручение администрации президента РАНХиГС при президенте РФ обучить новых губернаторов. Всего будет подготовлено 162 будущих руководителя регионов. В регионах ищут по два претендента, которые пройдут курс обучения. Не обязательно они будут назначены в родной регион – скорее всего, окомандированы поднимать другие регионы. Протестующая же часть россиян, не все, но некоторые, стремятся уже даже детей своих «вынуть» из системы российского образования, где, по их мнению, царит насилие и унижение.

В-третьих, нарастает движение и предпринимаются мыслительные потуги в среде радикальной и здоровой оппозиции, активной части ОПД, к прояснению того, в чем причина «слива» протеста 2011-12 гг. и кто виноват в этом. Общественно-политическое движение на современном этапе развития страны демонстрирует признаки переосмысления недавнего прошлого, поиска путей приложения усилий к обновлению своего потенциала. Это заметно как среди позитивистов-государственников, так и среди негативистов-общественников ОПД. Среди первых, например, в окружении Эллы Памфиловой говорят, что глава ЦИК жалуется на давление со стороны СМИ и либеральной общественности. По слухам, Памфилова переживает, что оппозиция заранее разогревает общественное мнение на тему фальсификаций. Среди вторых настроение ожидания какого-то «большого бума». Профессиональные страдалцы, их сообщество, есть ли оно, это еще вопрос, все же тешат себя двумя надеждами - выйти на улицу и получить поддержку наблюдателей снаружи.

К сожалению, вследствие низкой и даже незначительной заинтересованности общественности, ее приспособленческой традиции, наряду с объективными и субъективными запросами, отсутствует должный политический анализ реальных жизненных процессов ОПД на новом этапе. И стоит сделать попытку и обсудить желательный вариант дальнейшего его развития.

Соловьев А.И. (МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва)

**ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА:
ЭЛИТАРНАЯ ВЕРСИЯ**

Современная практика демократических стран демонстрирует неуклонное вовлечение населения в процесс управления государством и обществом. Эффективные каналы представительства гражданских интересов, публичные сети, механизмы массового дискурса активно используются людьми в целях влияния на содержание правительственных стратегий, что, в конечном счете, способствует демократизации власти и механизмов государственного управления, тем самым предопределяя и соответствующий тип постепенной трансформации самого государства.

В то же время тренд последовательного укрепления демократических институтов и активизации гражданского участия, отнюдь не единственный источник эволюции государства и государственной власти. Серьезнейшую, а в ряде государств и преобладающую тенденцию в эволюции власти и государственных форм ее организации инициируют правящие элиты.

Наиболее мощным основанием этих целенаправленных действий служат патрон-клиентские отношения, которые пронизывают все сферы власти и управления, подчиняя себе едва ли ни всех представителей правящего класса. В науке давно и убедительно показаны разнообразные результаты распространения таких коммуникаций и управленческих паттернов (опирающихся на соответствующие этические стандарты и нормы) в виде активности кланов, клиентел, клик, парантел, встроенных в органы управления лоббистских структур и других элитарных ассоциаций сетевого происхождения. Независимо от преобладания конкретных типов коалиций такого рода, все они создают ту пресловутую «политическую машину» (Дж. Скотт), которая обслуживает только «своих» или тех, «кто на нее работает».⁶¹⁵ В рамках этой «машины» сетевое управление всегда предполагает такое управленческое конструирование «общественных благ», которое создают преференции лишь для определенных групп, которые «ожидают получение эффектов от принимаемых решений».⁶¹⁶

Коротко говоря, патрон-клиентские этика и отношения элитарных коалиций, пронизывая все ветви и арены власти, укореняют латентные механизмы контроля за процессами и ключевыми процедурами принятия государственных решений. В результате в системе государственной власти формируется и воспроизводится закрытый от общественности механизм политического целеполагания и распределения (перераспределения) общественных благ и ресурсов. В свою очередь, низкое качество институтов и слабый контроль со стороны общества граждан за правящими кругами только расширяют пространство власти этой «политической машины». А патримониальная психология масс и незаинтересованность населения в контроле за властями в еще большей степени усугубляют складывающееся положение. Положение, с которым ни институты, ни порождаемые населением публичные сети просто не способны конкурировать при разработке государственных стратегий и целей.

Подкрепляясь механизмами ротации и кооптации элиты в состав правящего класса, качественно снижающих, а по сути, вообще устраняющих их политическую ответственность и подотчетность обществу, патрон-клиентские структуры и отношения расширяют пространство неподконтрольности власти населению. Укореняя дискретный характер государственного регулирования, политико-административные сети превращаются в источник своеобразной управленческой трансгрессии, означающей постепенное изживание государством своих свойств гражданского антрепренера и переход к корпоративным формам организации общественной власти и соответствующим ориентирам ее функционирования.

Весьма показательно, что в переходных обществах доминирование элитарно-сетевого ландшафта не ограничивается контролем за принятием государственных решений, а претендует на трансформацию политического порядка в целом, оказывая влияние на весь комплекс отношений государства и общества как такового.

Практическая невозможность управления политико-административными сетями превращает активность последних в ключевого игрока, реально моделирующего очертания государственной власти и государства как такового. Впрочем, вопрос о том, станет ли элитарная версия эволюции государства ключевым направлением его эволюции, решит только время. Пока же остается лишь наблюдать исторический спор общества граждан и элитарных сетей, превращающихся из латентного оператора власти в носителя суверенитета национального государства.

⁶¹⁵ Banfield E.C., Wilson J.A. City politics. - Cambridge: Harvard University Press. 1965. P.116

⁶¹⁶ Ingram H., Schneider A.L., de Leon P. Social Construction and Policy Design In Theories of the Policy Process / Ed. by P.A. Sabatier. - University of California, Davis: Westview Press. Second ed., 2007. P. 95.

РЕФОРМА КАК ОСОБЫЙ ВИД ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Реформирование в современной России приобрело всеохватывающий характер, затрагивая практически все сферы жизни общества. Такой характер реформ приводит к максимально широкой трактовке их смыслового содержания в политическом дискурсе, порождая риски некорректного определения целей и задач реформаторских процессов и существенно осложняя их достижение.

В научном дискурсе наиболее распространенным является понимание «реформы» как целенаправленного процесса государственных изменений институтов, не затрагивающих основ политического строя.⁶¹⁷ Главными преимуществами реформ как государственных изменений, как правило, обозначают их комплексность, системность и возможность корректировки хода реформ, позволяющих предупреждать конфликты и оптимизировать затраты в зависимости от их предварительных результатов. Но для успешной реализации реформ требуется выполнения целой совокупности условий, ряд из которых связаны с самой спецификой реформ.

Первым и основным таким условием являются высокие требования к компетенции реформаторов. Как целенаправленное изменение институтов, ориентированное на обеспечение устойчивого развития государства, реформа в обязательном порядке предполагает наличие системного видения ее целей и задач, концептуальность, прогнозирование и комплексную оценку последствий, а, значит, присутствие в экономической системе агентов, обладающих указанными навыками, которые разрабатывают и реализуют план реформ.

Второй важный аспект, который всегда необходимо учитывать при принятии решения о преобразовании институтов путем реформ – это крайне затратный характер последних. Масштабы и комплексность реформ требуют одновременных затрат различных видов ресурсов. Учитывая, что реформирование изначально допускает корректировку хода преобразований, результаты данного процесса являются сложно прогнозируемыми, а, значит, возникает риск издержек и не планируемых затрат.

Наконец, при всей привлекательности реформ для общества как наименее конфликтного вида государственных преобразований, реформы в равной степени являются привлекательными и для основных властных субъектов. Масштабность реформ и изначальная сложность их содержания, ориентированность на предполагаемый, не осязаемый в текущий момент времени, результат, делает практически невозможной системный контроль за ходом реформ со стороны общества. Это порождает риски скрытого перераспределения общественно значимых ресурсов в интересах определенных групп, которые в силу своего политического и/или экономического статуса имеют возможность контролировать процесс реформ.

Применительно к российскому опыту одной из наиболее показательной с точки зрения двойственного характера реформ является начавшаяся в 2003 году административная реформа. Исходя из целей и задач, определенных в программных документах, ее концептуальной основой стала модель нового государственного управления. Выбор этой модели в опыте западных стран был связан с необходимостью оптимизации затрат на содержание государственного аппарата и одновременным поиском новых основ обеспечения легитимности политического класса, экономически зависимого от воли все более

617

Полтерович В.М. Элементы теории реформ. - М.: Экономика, 2007. С 2.

требовательных налогоплательщиков. Ориентации на информационную открытость, внедрение механизмов проектного управления и управления по результатам, оценки эффективности, исходя из понимания государственного управления как деятельности по оказанию государственных услуг, решали эти задачи, придавая одновременно максимальную гибкость государственному управлению, приспособлявая его к новым форматам взаимодействия общества и власти.

В российском опыте идейное содержание реформы вступило в противоречие с технологиями ее реализации, на данном этапе проявляющееся в подходах к реформированию сферы деятельности контрольно-надзорных органов. Снижение административных барьеров за счет применения риск-ориентированного подхода к контрольно-надзорной деятельности в своем идейном содержании призваны сделать взаимодействие населения с властью максимально конструктивным.⁶¹⁸ Однако предлагаемые подходы к определению критериев риска, оценке эффективности деятельности контрольно-надзорных органов настолько сложны, не системны, что фактически нивелируют все возможности выработки единой концепции государственного контроля и надзора и сводят фактически на нет общественное участие в этих процессах. Практика реализации административной реформы в России приводит не к упрощению, а существенному усложнению процесса взаимодействия власти и общества и не обеспечивает его сугубого переосмысления. Это оборачивает цели административной реформы, в перспективе низводя ее до реорганизации или реструктуризации, никак принципиально содержание государственного управления не меняющих.

Софронов П.А. (СВФУ им. М.К. Аммосова, Якутск)
**О МЕРАХ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
КАК УСЛОВИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АРКТИКИ**

Коренные малочисленные народы Севера обладают особым статусом защиты своих прав для сохранения собственного этноса, которые гарантированы Конституцией России⁶¹⁹.

К вопросам совместного ведения федеральных и региональных органов власти отнесены вопросы защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей⁶²⁰.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» общины малочисленных народов создаются в целях защиты их исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйствования, промыслов и культуры.

Таким образом, для реализации своих конституционных прав представителям коренных малочисленных народов необходимо создавать общины - некоммерческие организации с правами юридических лиц. Правовой статус таких организаций определен в статье 6.1 Федерального закона от 12.01.1996 г. №7-ФЗ "О некоммерческих организациях"⁶²¹.

⁶¹⁸ План мероприятий («дорожная карта») по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации на 2016 - 2017 год: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.04.2016 № 559-р// Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

⁶¹⁹ статья 69 Конституции РФ

⁶²⁰ пункт «м» части 1 статьи 72 Конституции РФ

⁶²¹ Статья 6.1. Федерального закона от 12.01.1996 г. №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (в ред. 06.04.2015)

Данная статья была введена Федеральным законом от 01.12.2007 № 300-ФЗ в целях устранения пробела в определении правового статуса общин.

На начало 2015 года в Якутии насчитывалось 138 кочевых родовых общин КМНС (данные с сайта Управления Министерства юстиции РФ по РС(Я)). В 2013 году их было 119, на начало 2014 года – 134. Таким образом, число общин постоянно растет.

В 2014 году Российская Федерация приняла свою программу развития промышленности редкоземельных металлов⁶²². Перечень товарных продуктов (пятиокись ниобия, оксиды скандия, иттрия, лантана, празеодима, неодима, самария, европия), получаемых в результате гидрометаллургического передела комплексных руд месторождения Томтор предопределяет весьма широкую сферу их потребления⁶²³.

Стратегически важное для страны Томторское месторождение РЗМ расположено в Якутии, на территории Оленекского национального эвенкийского района - в исконной среде обитания коренных малочисленных народов Арктического Севера.

В условиях социально-экономического развития государства и становления гражданского общества важным шагом в сохранении и развитии коренных малочисленных народов Севера будет служить политическая социализация.

Изначально термин "социализация" был введен первым американским профессором социологии Франклином Генри Гиддингом в своей книге "Теория социализации", изданной в 1897 г. В базовой работе Гиддинга "Принципы социологии" социализация как социологическое понятие имеет достаточно узкую характеристику: "Процесс знакомства друг с другом, установления симпатии и дружеских отношений, научения получать удовольствие от общности и от сотрудничества друг с другом в нашей работе мы можем назвать социализацией"⁶²⁴.

Таким образом, в историко-социологическом аспекте социализация рассматривается как процесс выстраивания индивидом своей социальной среды в соответствии со своими целями и интересами⁶²⁵.

Политическая социализация коренных малочисленных народов как отдельной социальной этнической группы не может рассматриваться отдельно от политических процессов и обстановки в стране.

Политическая социализация является условием выживания и сохранения коренных малочисленных народов Севера в условиях промышленного освоения Крайнего Севера. Именно усиление деятельности институтов политической социализации, то есть общин, органов государственной власти и местного самоуправления, должно стать толчком в развитии политического самосознания и политической активности представителей малочисленных этносов, которые находятся в более уязвимом положении.

Следует обратить внимание на исследование, проведенное Ю.Д. Петровым в работе "Народы Севера: власть и политика"⁶²⁶. Для политической традиции народов Севера характерна их общая отчужденность от политики и политический абсентеизм. На протяжении всей своей истории они стояли как бы вне политики.

К институтам политической социализации малочисленных народов относятся семья, кочевые школы, община, трудовые коллективы такие как оленеводческие, рыболовные, охотнические и иные хозяйства, СМИ, органы государственной власти, наделенные

⁶²² Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

⁶²³ Паспорт № 86, массив А месторождения Томтор, участок Буранный (инв.№ 1499 ГУП «Сахагеоинформ»).

⁶²⁴ Луков, Вал. А. (2002) Тезаурусная концепция социализации // Дискурс: Социол. студия. Вып. 2: Социальная структура, социальные институты и процессы / под общ. ред. В. А. Лукова. М. : Социум. С. 8–19.

⁶²⁵ Луков Вал. А., Лукова Е. Е. О теории социализации Франклина Гиддинга [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2014. № 3 (май — июнь).

⁶²⁶ Петров Ю.Д. Народы Севера: власть и политика. - М., 2009. - с. 45-47

полномочиями по вопросам коренных малочисленных народов и прочие институты. С 2014 года в Якутии начали работу новые институты – уполномоченный по правам КМНС и Госкомитет по делам Арктики.

Меры по усилению политической социализации:

- обязательное проведение экологической и этнологической экспертизы перед началом реализации инвестиционных и промышленных проектов;

- обязательность вхождения членов общин малочисленных народов в органы управления промышленных предприятий, осваивающих месторождения в районах Крайнего Севера;

- реализация концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов, программ социально-экономического партнерства, экологического контроля, контрольно-ревизионных мероприятий со стороны общин и органов местного самоуправления с привлечением общественности и СМИ.

Определенную роль в низкой политической социализации малочисленных народов играет так называемое «цифровое неравенство» – высокая стоимость, а порой и отсутствие доступа в Интернет.

Знание своих конституционных прав и умение грамотно аргументировать и отстаивать их на практике через институт общины должны сформировать цивилизованный механизм взаимодействия бизнеса, крупных компаний с коренными малочисленными народами, проживающими на своей земле. Не закрыться, установив границы и законы, а наладить полноценный диалог, взаимовыгодное сотрудничество, направленное на развитие – в этом должен заключаться смысл политической социализации.

Степанова Е.А. (КубГУ, Краснодар)

ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИА СТЕРЕОТИПОВ В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ⁶²⁷

Хорошо известно, что СМИ оказывает большое влияние на мышление и восприятие информации массами. Во многом это связано с тем фактом, что пресса стандартизирует материалы, подводя данные под общую устойчивую формулу мышления – стереотип. Таким образом, информационное поле не только формирует новое восприятие, но и подпитывает устоявшиеся стереотипы.

Однако, учитывая огромные объемы информации, которые вынужден воспринимать человек в современном мире, а также меняющиеся отношения к устоявшимся стереотипам, общество очень избирательно подходит к вопросу восприятия новых данных. Согласно последним исследованиям, все меньше россиян смотрят телевизор⁶²⁸.

Рассмотрев сто самых популярных телепередач в России согласно рейтингу медийного агентства Total View на февраль 2017 года, мы можем выделить основные целевые группы, на которые направлено современное телевидение, а также понять, какие стереотипы активно используются в медийном пространстве⁶²⁹. Наиболее популярные передачи также можно разделить на гендерно-ориентированные и нейтральные.

⁶²⁷ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Сетевые ресурсы развития локальной политики в условиях новой политической реальности» (№ 15-33-01313, 2015-2017 гг.).

⁶²⁸ Все меньше россиян смотрят телевизор / Официальный сайт портала «Актуальные комментарии». URL: <http://actualcomment.ru/vsye-menshe-rossiyan-smotrit-televizor-1608271132.html> (Дата обращения 11.09.2017 г.)

⁶²⁹ 100 наиболее популярных телепрограмм среди россиян / Официальный сайт медийного агентства Total View. URL: <http://www.totalview.ru/100-naibolee-populyarnykh-tv-programm-sredi-rossiyan/> (Дата обращения 11.09.2017 г.)

Анализ ста наиболее рейтинговых телепередач в 2017 году показал, что 4% программ четко гендерно-ориентированы. В частности, основная направленность данных передач – решение психологических и практических семейных проблем мужчин и женщин. Так, например, шоу «Мужское/женское» напрямую рассматривает реальные конфликтные ситуации пар, предлагая конкретное их решение.

Среди популярных телепередач преобладают гендерно-нейтральные: 19% составляют новости, 16 % относятся к развлечению и юмору, 11 % охватывают дискуссионные и скандальные шоу, всего 4 % отводится на спорт, в то время как 3 % составляют шоу о детях. Биографические и комедийные программы без гендерного окраса и мускулинно-феминных проблем преобладают среди популярных: на них приходится более 20%.

Затрагивая гендерно-ориентированные передачи стоит отметить, что большая их часть основана на интересах домохозяек – самой медийно-активной целевой группе. Интересен тот факт, что согласно статистическим данным на январь 2017 года, доля женщин среди безработных составила 47,3%, в то время как неработающих мужчин – 52,7%. Можно сделать вывод, что большая часть потребителей медийных услуг в России – мужчины. Тем не менее, опрос, проведенный социологами «Левада-центра» показал, что женщины предпочитают смотреть телевизор чаще мужчин (33 % против 29% соответственно)⁶³⁰.

В ходе анализа объема гендерно-ориентированных передач, был отмечен тот факт, что процент шоу и сериалов для мужчин составляет 12%, в то время как женщин всего 8%. Особенно стоит учесть тематическую составляющую данных программ. В то время как мужчин больше интересуют криминальные детективы, ремонт и автомобили, формат передач для домохозяек критически мал. Восемь сериалов, отмеченных в списке ста наиболее популярных, основываются на одинаковом сюжете: неразделенной и несчастливой любви, изменах и финансовом неравенстве.

Необычной особенностью оказалось отсутствие в рейтинге кулинарных телепередач, традиционно относящихся к типу женских.

На основе данного анализа можно сделать вывод о взаимосвязи стойких стереотипов общества и медийном пространстве. Подавляющее большинство популярных телепередач не имеют гендерной окраски, поскольку общество стремится отойти от устоявшихся стереотипов. Это особенно заметно потому, что современное телевидение наполнено разнообразным контентом, включая множество гендерно-ориентированных шоу и сопутствующих гендерно окрашенных информационных потоков, таких как реклама. Более того, статистические данные, косвенно говорящие о соотношении домохозяек-мужчин и домохозяек-женщин в России коррелируются с процентной представленностью телепередач для мужской и женской целевых групп.

Стручалина К.А. (СГЮА, Саратов)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ВЫБОРОВ 10 СЕНТЯБРЯ 2017 ГОДА В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Избирательный цикл 2016-2018 гг. в Саратовской области ознаменовался выборами депутатов Саратовской областной Думы VI созыва и выборами губернатора Саратовской области. Формирование регионального парламента осуществляется по смешанной избирательной системе (23 депутата по единому избирательному округу и 22 депутата по

⁶³⁰ Россияне предпочитают снимать стресс перед телевизором / Официальный сайт «Вечерняя Москва». URL: <http://vm.ru/news/416451> (Дата обращения: 11.09.2017 г.)

одномандатным округам)⁶³¹. На 1 июля 2017 года на территории Саратовской области зарегистрировано 52 региональных отделения политических партий⁶³².

В выборах в Саратовскую областную Думу VI созыва участвовали 8 из 50 региональных отделений, имеющих право принимать участие в Едином дне голосования (далее ЕДГ) 10 сентября 2017 года⁶³³.

В одномандатных округах кандидаты в депутаты были выдвинуты от 7 политических партий: региональные отделения партий «Родная Партия», «Коммунистическая партия коммунисты России», «КПРФ», «Единая Россия», «Справедливая Россия», «ЛДПР», «Патриоты России». По результатам выборов в одномандатных округах победу одержали кандидаты от партий «Единая Россия» (18 мандатов), «КПРФ» (2 мандата), «ЛДПР» (1 мандат).

По единому избирательному округу списки кандидатов были выдвинуты от партий «ЯБЛОКО - объединенные демократы», «Коммунистическая партия коммунисты России», «КПРФ», «Единая Россия», «Справедливая Россия», «ЛДПР». 5 % электоральный барьер преодолели 4 политические партии: «Единая Россия» (66,84%), «КПРФ» (14,67%), «ЛДПР» (8,06%), «Справедливая Россия» (5,75%). Исходя из набранных голосов, депутатские мандаты между партиями распределились следующим образом: «Единая Россия» - 18, «КПРФ» - 2, «ЛДПР» - 1, «Справедливая Россия» - 1.

За место губернатора Саратовской области боролись кандидаты от 4 политических сил: «Единая Россия», «КПРФ», «ЛДПР», «Патриоты России». С результатом 74,63% победу одержал представитель партии «Единая Россия».

Анализ участия политических партий в избирательном процессе позволяет сделать несколько выводов.

1. Лидирующие позиции в партийно-политической системе региона занимает партия «Единая Россия». Основной упор в работе политической партии был сделан на проведении предварительного партийного голосования. Внедрение политической партией «Единая Россия» такого института как праймериз способствовало активизации деятельности всех первичных и местных отделений, действующих на территории области.

2. Работа «КПРФ» в Саратовской области дала положительные результаты, что позволило партии заметно упрочить свои позиции на региональной политической сцене. Если в областной Думе V созыва интересы партии представлял 1 депутат, то в областной Думе VI созыва численный состав «КПРФ» увеличился до 5 депутатов.

3. Активную позицию заняла партия «ЛДПР», получившая 8,06% голосов по единому избирательному округу. Длительное время «ЛДПР» не показывала высокой электоральной эффективности в регионе, не имела представительства в законодательном собрании области. На выборах в ЕДГ партии удалось получить поддержку электората не только по единому избирательному округу, но и по одномандатному округу.

4. «Справедливая Россия» сохранила представительство в региональном парламенте, уступив свою позицию партии «ЛДПР». Также, стоит отметить тот факт, что от партии «Справедливая Россия» не был представлен кандидат на пост губернатора области.

5. Образованные после 2012 года партии проявили низкую активность в избирательном процессе, только 2 партии из 42 приняли участие в выборах. Кандидаты в депутаты были выдвинуты от «Родной Партии» и «Коммунистической партии коммунисты

⁶³¹ См.: Закон Саратовской области от 28 июня 2007 г. №105-ЗСО «О выборах депутатов Саратовской областной думы» (в ред. от 24.04.2017 г.) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/933009911> (дата обращения 13.09.2017)

⁶³² См.: Официальный сайт Избирательной комиссии Саратовской области // URL: <http://www.saratov.izbirkom.ru/regionalnye-otdeleniya-pp-v-ra/> (дата обращения 12.09.2017 г.)

⁶³³ См.: Официальный сайт Избирательной комиссии Саратовской области // URL: http://www.saratov.vybory.izbirkom.ru/region/region/saratov?action=show&root=1&tvd=26420001300149&vrn=26420001300144®ion=64&global=&sub_region=64&prver=0&pronetvd=0&vivid=26420001300144&type=236 (дата обращения 12.09.2017 г.)

России». Выдвинутый по одномандатному округу кандидат от «Родной партии» получил около 20% голосов электората, составив достойную конкуренцию кандидатам от парламентских партий.

Таким образом, выборы 10 сентября 2017 года изменили расстановку политических сил в Саратовской области. Политические партии «Единая Россия» и «КПРФ» закрепили свои позиции в партийно-политической системе региона, что подтверждают устойчивые результаты выборных кампаний. Испытание выборами вскрыло слабость «Справедливой России» в региональном политическом процессе. В сравнении с результатами предыдущих выборов наибольшую эффективность показало региональное отделение партии «ЛДПР», которой впервые за долгое время удалось получить места в региональном парламенте.

Сулимов К.А. (ПГНИУ, Пермь)

УНИФИКАЦИЯ И РАЗНООБРАЗИЕ: СИСТЕМЫ КОНСУЛЬТАТИВНО-СОВЕЩАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ[□]

К настоящему времени в России относительно сложились несколько систем общественно-консультативных органов (далее – КСО) как элементов публичного управления. Как минимум речь идет, во-первых, о системе общественных палат (федеральной, региональных, муниципальных), во-вторых, о системе общественных советов при органах исполнительной власти разных уровней, в-третьих, о весьма разнообразной совокупности общественно-консультативных органов при государственных и муниципальных учреждениях (общественные, попечительские, наблюдательные и прочие советы), и, в-четвертых, об особой разновидности КСО, которые существуют "при политиках". В последнем случае – это, например, советы по межнациональным отношениям, по развитию финансового рынка, по противодействию коррупции и прочие, всего семнадцать, при главе государства. И национальная политика, и развитие финансового рынка являются государственными политиками, президент – тоже политик, поэтому речь идет о КСО "при политиках". Аналогичные последним, по сути, и часто по названиям, КСО во множестве существуют при высших должностных лицах регионов и главах муниципалитетов.

Это перечисление не является строгой таксономией. За ее пределами, например, остались КСО при парламентах, а также разнообразные экспертные советы, хотя различие между ними и общественными советами всегда проблематично. Кроме того, КСО при учреждениях образуют очень относительное единство. Это самая массовая и наименее изученная разновидность КСО, которая сильно дифференцирована внутри себя по сферам (образование, здравоохранение и т.д.) и типам учреждений (например, наблюдательные советы при автономных учреждениях являются очень особенной разновидностью КСО).

Тем не менее, выделение разных систем КСО позволяет видеть значимые различия в подходах к их формированию и развитию. Одно из ключевых различий можно описать через противопоставление унификации разнообразию. Явный тренд на унификацию действует в отношении системы общественных советов при органах исполнительной власти. Некогда весьма разнообразная по ключевым характеристикам совокупность КСО при министерствах и ведомствах ныне серьезно и целенаправленно унифицирована, по крайней мере, в отношении принципов и процедур формирования, предметов деятельности, субъектного состава. Тренд, если не стартовал, то явно усилился с 2012 года в ходе так называемого "перезапуска" (или "перезагрузки") системы общественных советов. Ведущую роль здесь играли Открытое правительство и Общественная палата РФ.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-03-00121.

КСО "при политиках", то есть прежде всего при высших должностных лицах регионов и главах муниципалитетов, создаваемые в зонах отдельных государственных и муниципальных политик представляют собой полную противоположность. Не существует универсального нормативного регулирования или методического вменения (унификация КСО при органах исполнительной власти федерального и регионального уровней шла обоими путями) по формированию, деятельности и прочим вопросам в отношении таких КСО. Деятельность каждого совета регулируется *ad hoc*, правовым актом о его создании. Такой подход должен иметь следствием более высокое разнообразие и в значительной степени это действительно так.

Однако многое зависит от характера самой политики, в зоне которой создается КСО. Точнее – от степени ее политической важности для федерального центра и, связанной с ней, степени универсализации подходов к ее реализации. Например, в сфере национальной политики, которая является очень важной для государства, использование КСО в качестве инструмента ее реализации приобрело универсальный характер. После создания соответствующего совета при главе государства в 2012 году, подобные советы появились более чем в пятидесяти субъектах РФ (в части регионов они существовали и раньше). Более того, процесс захватил и муниципалитеты, в некоторых регионах КСО в сфере национальной политики созданы при главах всех муниципальных образований.

Разумеется, при их создании опираются на имеющиеся внешние (для муниципалитета, региона) примеры, которые могут восприниматься как эталонные и образцовые, что запускает процесс институционального изоморфизма. Но как представляется, следуют не только внешним примерам, но и собственным практикам формирования и использования консультативно-совещательных органов. Это помогает объяснить сохраняющуюся высокую степень разнообразия КСО по национальным отношениям и в других политиках, не только в отношении формирования и состава, но и практик деятельности.

Сунь Цзыци (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

**ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ И КОНСТРУИРОВАНИЯ
НОВОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
У МОЛОДЁЖИ ТАЙВАНЯ И ГОНКОНГА: ТЕХНОЛОГИЯ, ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Национально-государственная идентичность представляется собой психологическую само-ассоциацию личности с геополитическим образом (образами) определенного национально-государственного конструкта, имеющая в своем основании персональные фреймы (мотивы и ценности), закрепляющаяся и проявляющаяся через символические репрезентации⁶³⁴.

Тайвань - единственной провинции Китая, не контролируемой правительством КНР. Тайваньский вопрос остается значимым деструктивным фактором стабильности КНР с момента её создания в 1949 г. вплоть до последнего времени. В последние два десятилетия идея формирования «собственной идентичности» оказала очень глубокое влияние на общественное сознание тайванцев. Несмотря на то, что значительная часть населения Тайваня выступает за сохранение статус-кво, в последнее время в тайванские СМИ и демократическая прогрессивная партия (ДПП), которая является сторонниками независимости Тайваня, начали активно продвигать новый национальный миф,

⁶³⁴ Евгеньева Т.В. Социально-психологические аспекты формирования национально-государственной идентичности россиян в постсоветский период // Актуальные проблемы современной политической психологии / Под ред. Е.Б. Шестопа. М., 2010. С. 324.

направленный на конструирование своей собственной на национально-государственной идентичности и «демонтаж» общей китайской идентичности с помощью различных политико-психологических компонентов: политических образов, политических ценностей и символов

Первый – создание образа «свои – чужие». Партия ДПП и её сторонники в интернете активно проводят деление жителей Тайваня на «уроженцев данной провинции» и «уроженцев других провинций», а позже – различие между коренными жителями Тайваня (аборигены) и «новыми жителями» (переселенцы с материка и их потомки), которые составляют более 98 процентов общего числа тайванцев. Таким образом, водораздел между тайванцами и китайцами (к которым отнесены и «новые жители») стал различием по крови⁶³⁵.

Вторым методом конструирования новой идентичности является конструирование нового образа прошлого путём переписывания истории.

Третий метод есть пропаганда западных ценностей, таких, как демократии, прав человека, мультикультурализма, свобод личности и т.д. В то же время в интернете и социальных сетях регулярно идёт критика традиционных китайских ценностей.

И, на конец, попытка конструирования новой идентичности осуществлялась через некие символы: символ тайванского языка и попытка создания своей письменности, символ животных – тайванский медведь и символ персонажа т.п.

Распространение новых мифов и попытка конструирования новой идентичности по сути есть попытка избежать психологического недовольства, ощущения неопределенности политической жизни и отсутствия четких ориентиров у современной молодёжи. Таким образом, можно говорить о смутной перспективе этих попыток у тайванцев. Помимо прочего, в то же время, подобные попытки произошли и в Гонконге, особенно после т.н. «революция зонтиков» 2014, что напоминает события на Украине в последние годы. Теоретической основой исследования служат многолетние разработки кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова; работы Е.Б. Шестопаля, Н.М. Ракитянского, Т.В. Евгеньевой, А.В. Селезнёвой, А.Л. Зверева⁶³⁶; а также труды французского автора Сержа Московича и советского учёного А.Н. Леонтьева⁶³⁷.

Суслов Е.В. (МарГУ, Йошкар-Ола)

ГОСУДАРСТВА ФИННО-УГОРСКОГО СООБЩЕСТВА МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И РОССИЕЙ: КУДА КАЧНЕТСЯ МАЯТНИК?

Доминирующая тенденция последних нескольких лет в Европе – её раскол, который, с одной стороны, настораживает, однако, позволяет сохранять сдержанный оптимизм, поскольку прогнозы «евроскептиков» о грядущей «брекзитизации» Европы подтверждения на практике не получили, с другой – Европа, конечно же, никогда не была «схвачена» единым «обручем» государствостроительства, что и показала неудавшаяся попытка принятия

⁶³⁵ Чэнь Цзявэй. Тайваньская идентичность: локальная, национальная, глобальная? // «Развитие и экономика», №7, – М. 2013

⁶³⁶ Политическая психология, культура и коммуникация: сборник / Редкол. Е.Б. Шестопаля (отв. ред.) и др. М.: РОССПЭН, 2008. 319 с. (Современная российская политическая наука / Российская ассоц. политической науки): Шестопаля Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М., 2008: Евгеньева Т.В. Социально-психологические аспекты формирования национально-государственной идентичности россиян в постсоветский период // Актуальные проблемы современной политической психологии / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М., 2010. С. 324.: Политическая психология: хрестоматия / сост. Е.Б. Шестопаля; [пер.: В. Блинов и др.]. М.: Аспект Пресс, 2006. 447 с.

⁶³⁷ Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения, М, 1983. С. 251-26.

европейской конституции. Но идея единства, солидарности в защите ценностей демократии, либеральных свобод и, наконец, собственной безопасности ей никогда не была чужда.

Сегодня в европейской политике, похоже, приходит трудное понимание необходимости усиления центростремительных сил в интересах укрепления единства Европы. Опасения по поводу собственной безопасности и как следствие попытки дрейфа в сторону федерализации континента возникли в контексте внешних факторов опасности, исходящих с востока. Во всяком случае, эта тенденция им представляется наиболее очевидной.

И в этой связи есть необходимость выяснить причину беспокойства европейцев, вызванную активными внешнеполитическими действиями Кремля в европейском направлении, а также дать оценку состоянию отношений России с государствами, называемыми автором государствами финно-угорского сообщества (Венгрия, Финляндия и Эстония), в условиях посткрымского осложнения отношений между Россией и Европой. Представляется, что эти страны в сложившихся противоречивых условиях выступают в роли своеобразного индикатора, отражающего спектр разнообразия отношений: от достаточно высокого уровня взаимности в последнее время с Венгрией до весьма натянутых – с Эстонией. При этом отношения с Финляндией сохраняются относительно равными. Исследовательский интерес к этим странам продиктован наличием финно-угорского этнокультурного и языкового родства между европейскими и российскими финно-уграми как данности, который может быть фундаментом для международного гуманитарного сотрудничества между Россией и Европой.

Поддержка Москвой центробежных европейских сил продиктована, во-первых, ее стремлением размыть европейскую солидарность по поводу экономических санкций в отношении России, во-вторых, ослаблением Европейского Союза, вызванным кризисом его идентичности и нарастающим падением уровня политического консенсуса, в-третьих, появлением практически во всех странах большой Европы политических сил, открыто симпатизирующих российскому лидеру.

«Возвращение» Крыма в 2014г. «в родную гавань» привел европейский политический класс к разделению на: «левых «еврооптимистов» с их догматической политкорректностью и ханжеским мультикультурализмом и правых «евроскептиков» с их архивным национализмом и циничным прагматизмом. В тяжелую для Кремля минуту «евроскептики» протянули ему руку помощи и стали новыми духовными друзьями России»⁶³⁸. Когда стало понятно, что санкций и международной изоляции за Крым пусть и в ограниченной форме не избежать, то само собой разумеющимся стали попытки изменить расклад политических сил в Европе.

Наиболее приемлемой для реализации этих намерений оказалась Венгрия, которая с приходом к власти в 2012г. в качестве премьер-министра Виктора Орбана заняла крайне деструктивную позицию по отношению к структурам ЕС. Неоконсервативный курс «Виктатора», как многие называют Орбана в Венгрии, подчеркивая его диктаторские наклонности, небескорыстен. Его агрессивные выпады против ЕС, иногда и небезосновательные, вполне компенсируются российской стороной. Например, резким увеличением поставок газа в Венгрию, а также реализацией российской стороной проекта по модернизации атомной электростанции в Пакше, которая начнется в январе 2018г.

В Эстонии, демонстративно не разделяющей посткрымский вектор российской внешней политики, единственной политической партией, которая позиционировалась как пророссийская, была Центристская партия, возглавляемая до недавнего времени мэром Таллина Э.Сависааром. Эта партия в основном имела электоральную поддержку со стороны русскоязычного населения, остающегося обладателем «серых» паспортов не граждан.

Посткрымский синдром в Европе менее всего охватил Финляндию. Еще в начале декабря 2016 года она стала первой страной, фактически отказавшейся от санкций в

638

Пастухов В. Поглощение Европы. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/70726.html>

отношении России. Позиция Финляндии оказалась более чем прагматичной: она исходит из того, что политическое заявление о нарушении Россией международного права, не должно мешать экономике. Тем более что санкции никак не изменят позиции России, поэтому нет никакого смысла и дальше упускать выгоды в торговле с ней.

Таким образом, судя по реакции государств финно-угорского сообщества на новые политические реалии в Европе, маятник предпочтений качнулся, скорее, в сторону России, несмотря на свою неэффективную экономику, демонстрирующую силу и уверенность во внешней политике.

Суслов И.В. (СГЮА, Саратов)

ДОВЕРИЕ К ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ КУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА В АСПЕКТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Феномен «доверия» кажется легким, эфемерным и сложно подвергается операционализации. В социологической традиции понятие доверие имеет долгую историю изучения и толкования. Доверие – это слово с богатым семантическим бэкграундом, его невозможно потрогать, тяжело замерить научными методами. Однако данный термин широко используется в социальных науках при анализе ценностей, доминирующих в том или ином обществе. Вслед за Э. Гидденсом⁶³⁹ и Ф. Фукуямой⁶⁴⁰, под доверием будет пониматься результат социализации и общественная ценность. Кредит доверия к агентам или абстрактным системам основывается на «погружении в веру», что позволяет преодолеть или игнорировать проблему нехватки информации о том или ином человеке или социальном институте⁶⁴¹. Доверие базируется на общих нормах и ценностях, существующих в обществе.

В конце 2000-х годов П.М. Козыревой была написана статья о проблемах идентификаций россиян⁶⁴². Степень соотнесения с той или иной социальной группой была увязана с наличием или отсутствием доверия индивида к ней. Вопрос респондентам включал следующую формулировку: «... как часто вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми, о ком вы могли бы сказать "Это - мы?"». Соответственно П.М. Козыревой при анализе эмпирического материала были сделаны следующие теоретические допущения: во-первых, идентификация с социально-демографической и этнической группой была заявлена как доказательство доверия к ней. Во-вторых, широкая гражданская идентификация индивида (со всеми россиянами) рассматривалась как необходимое условие для устойчивого развития общества.

Отсутствие сильной гражданской идентификации может замещаться сплоченностью на основе национальности и/или религиозности⁶⁴³. Последние типы идентификации имеют не только положительные, но и негативные последствия для устойчивого функционирования социума в целом. В новом российском обществе предполагается формирование гражданского доверия и идентичности, основанных на этнической солидарности.

В российском обществе уровень гражданской идентичности (а значит и общенационального доверия), является одним из самых низких, уступая профессиональной, этнической и религиозной идентификации. Российские социологи на практике показали –

⁶³⁹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический проект, 2005.

⁶⁴⁰ Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. Москва: Издательство АСТ, 2004.

⁶⁴¹ Гидденс Э. Указ. соч. С. 111.

⁶⁴² Козырева П.М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в ее формировании // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 29-39.

⁶⁴³ Семенов И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 8-28.

«что в переходный период сети взаимопомощи, построенные на кровнородственных и дружеских отношениях, способствовали успешной адаптации индивидов и домохозяйств или, по крайней мере, преодолению кризисных ситуаций»⁶⁴⁴.

Отчего зависит доверие? Эмпирическое исследование гражданской идентичности как феномена сфера культуры предполагает анализ следующих компонентов: моделей и механизмов познания, размышления и осмысления реальности современных россиян; набор ценностей, определяющих желания, мотивы и интересы деятельности; самоопределение социальной роли и места в социальной структуре, а также поведенческих стратегий.

Эмпирическое исследование компонентов менталитета россиян, соотносимых с феноменом гражданской идентичности, возможно проводить социологическими методами: интервью и анкетные опросы. Достаточно размытое понятие доверия населения к гражданской идентичности может быть сведено к ряду индикаторов, которые бы фиксировались во время опросов.

Доверие к гражданской идентичности показывается при ответе респондента на вопрос о предлагаемых способах решения государственных проблем. Индивид либо всю ответственность возлагает на сильную власть; либо жалуется на «некультурное» население или слабость власти; либо предлагает использовать потенциал общественного активизма, объединить гражданские силы с целью улучшения обстановки.

Гражданская позиция может быть прояснена вопросом об отношении респондента к налогам и рент. Индивиды могут стремиться избежать налогов, и подчеркивать зависть к рентополучателям (в контексте теории квазисословного рентного общества С. Кордонского). Индивиды с сильной гражданской идентичностью будут указывать на свое доверие к системе распределения социальных и экономических благ, стремятся к честной выплате налогов, указывать на необходимость соответствия размера заработка с квалификацией и объемом выполненных работ.

Тадевосян Н.А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 2017 ГОДА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ДЕМОКРАТИИ

Февральская революция началась стремительно, внезапно для всех: властей, партий и дипломатов, более того, копившееся в течение многих лет возмущение прорвалось наружу в значительной мере неожиданно и для самого народа. Часто начало революции называют «стихийным». Как понять, почему она началась? Есть очень много различных версий и тривиальных, и уникальных, но в любом случае интересных.

1. Одни историки преимущественно объясняют стремительно нараставшие события перебоями с хлебом в Петрограде. Но было ли это действительно так? Фактически установлено, что того количества хлеба, которое было в городе, хватило бы на 22 дня. Но люди хотели и ждали только черного хлеба, потому что зарплата основной массы населения позволяла покупать только черный хлеб.

2. Другие исследователи указывают на бездеятельную развращенность петроградского гарнизона.

3. Третьи выдвигают версию «немецкого вмешательства», связывают начало революционных событий с деятельностью немецких агентов, организованную на деньги германского государства. Несомненно, зная приемы германской дипломатии и методы ведения войны, направленные на разложение противника, можно не сомневаться, что германский след найдется в развитии кризисной внутривнутриполитической ситуации в России. Но как писал Солженицын, «немецкую» причину полезнее недооценить, чем переоценить», и я с ним в этом соглашусь.

⁶⁴⁴

Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 62.

4. Четвертые отмечают враждебность между обществом и властью, многократно усиленную длительностью военного периода, голода, холода и отсутствием государственного порядка. Солженицын писал так: «Стояла Россия веками — и думалось, что ее существование не требует настойчивого изобретательного приложения сил. Вот так стоит — и будет стоять».⁶⁴⁵

5. Пятые отмечают отсутствие влияния церкви на людей, которое могло бы приостановить революционные события. Дуализм ситуации заключался в следующем. С одной стороны, церковь, которая бездействовала в дни революции, не пытаясь призвать народ мыслить благоразумно и еще немного «подождать». С другой стороны, церковь уже два столетия подчинявшаяся властной имперской длани, потерявшая высшую ответственность и упустившая духовное руководство народом. «Война» церкви и государства в конечном итоге способствовала развитию событий по революционному сценарию. Как не вспомнить, что в день отречения императора — ни один иерарх (и ни один священник) православной Церкви, каждодневно возносивший непререкаемые за Государя молитвы, — не поспешил к нему поддержать и наставить? Но говорили и обратное: «Смута послана нам за то, что народ Бога забыл».

6. Шестой аргумент: если бы крестьянство к этой войне уже было бы общественно-равноправно, экономически устроено и не таило бы сословных унижений и обид — петроградский бунт мог бы ограничиться столичными эпизодами, но не дал бы губительного раската революции с марта по осень. Кто верит, а кто и не верит в судьбу. А что если смута была послана нашему народу? А что, если ее надо было пройти как испытание?

Система, которая становится нестабильной рано или поздно разрушится, потому что нет властной руки. Невозможно утверждать это и не привести слова самого Керенского: «Новая власть - это основания для новой России, которая будет свободна и от внутреннего, и от внешнего врага». И эта власть не поставит под вопрос существования всего государства Российского. Смею утверждать, наверное, что эти слова не забудут в России и через века». Действительно, сейчас мы, спустя 100 лет, открываем в них новый смысл.

Так зачем нужна была эта революция? Возможно, Россия должна была пройти через эти испытания, чтобы окрепнуть духом и заново встать на ноги.

В нашей несостоявшейся февральской демократии пророчески проявилась вся слабость демократий процветающих — их ослепленная безумная попятность перед крайними видами социализма, их неумелая незащитность против террора. Эта история была уроком для всех демократических стран. И нам остается верить, что для нашего народа - этот исторический опыт не забудется никогда и не повторится снова, даже в иной, более мягкой форме.

Таишева В.В. (РУДН, Москва)

ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ ДЕМОКРАТИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА

В современном процессе развития общества, характеризующемся, прежде всего, информатизацией общественной жизни, происходит стремительное развитие и последующее распространение интернет-технологий.

Информационные технологии, в частности интернет, в настоящее время становятся неотъемлемым инструментом в политике, экономике, культуре и пр. Информационные процессы, происходящие в интернет-пространстве, способствуют конструированию политической реальности. Все чаще интернет-пространство выступает в качестве

⁶⁴⁵ Солженицын А. Размышления над февральской революцией // Российская газета. 27 февраля 2007 г. (№ 40)

пространства политического. Информационные технологии приобретают важное стратегическое значение в процессе принятия и реализации политических решений, а также в процессе формирования современной политической культуры и ценностных ориентаций общества.

Под влиянием развития интернет-технологий и возможностей информационно-коммуникационных технологий в целом изменяется также способ функционирования традиционных политических институтов демократического общества. Возникновение принципиально новых путей взаимодействия общества, граждан и государства, которые предоставляют ИКТ позволяют говорить о трансформации самой представительной демократии, на смену которой, по некоторым экспертным оценкам, придут такие формы демократии, как прямая цифровая (электронная) демократия, демократия соучастия или совместного действия, экспертная демократия.

Говоря о трансформации демократии, целесообразно также рассмотреть особенности модернизации демократических ценностей, которые лежат в её основе и также приобретают новую интерпретацию в условиях информатизации общественно-политических процессов.

Таким образом, в данной работе рассматриваются демократия и демократические ценности и особенности их трансформации в контексте интернет-пространства, а также выявляются риски и угрозы, связанные с внедрением ИКТ в политическую сферу общества.

Как и традиционные демократические ценности, ценности демократии в рамках интернета базируются на ряде принципов, включающие равноправие, плюрализм, гражданские права и свободы и пр.

Тем не менее в интернете, являющемся, в первую очередь, пространством, в котором генерируется, распространяется и поглощается информация, одной из важнейших ценностей является ценность свободы слова. В рамках интернета свобода слова является неотъемлемым принципом функционирования информационных ресурсов различной, в том числе политической, направленности. Вообще, говоря о ценностях интернет-пространства, стоит отметить, что виртуальные ценности, наряду с традиционными общественными ценностями, включают также те ценности, которые базируются исключительно на сетевой этике и киберкультуре и идеологии (например, анонимность).

Ценности и принципы, получившие своё дальнейшее развитие в интернет-пространстве, широкое распространение получили в рамках электронной демократии, которая предоставляет гражданам альтернативный способ реализации своих основных прав и свобод, как например активное голосование за принятие того или иного решения или законопроекта, выдвижение гражданских инициатив, формирование общественного мнения путем участия в онлайн опросах и дебатах и т.д.

Также интенсивное внедрение интернет-технологий, как в социальную, так и в политическую сферу общества способствует повышению эффективности и легитимности традиционных демократических институтов и дальнейшему распространению ценностей демократии.

Во многом это объясняется тем, что благодаря возможностям интернет-технологий увеличивается уровень открытости и прозрачности деятельности властей, обеспечивается более широкое участие граждан в политическом процессе и появляется всё больше площадок для волеизъявления граждан, что, в свою очередь, способствует более тесному диалогу общества и государства.

Однако, как и любой процесс, эволюция демократии и ценностей демократии под влиянием развития информационных технологий сопряжена с рядом рисков. К таковым можно отнести информационное неравенство, вызванное неравномерным распределением мощностей и доступа населения к ИКТ, недостаток профессиональных знаний и компетенций в области политики и государственного управления у значительной части гражданского общества и, вместе с тем, ангажированность экспертов и виртуализация

экспертного статуса.⁶⁴⁶ Это, в свою очередь, может стать причиной «дефицита демократии» и свидетельствовать о двоякой роли интернета в вопросе распространения демократических принципов и ценностей.

Тарасов И.Н. (БФУ им. И. Канта, Калининград)

**КОГЕРЕНТНОСТЬ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И ГЕРМАНИИ
В РЕГИОНЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ⁶⁴⁷**

На базе Балтийского федерального университета при поддержке РГНФ* в настоящее время реализуется исследовательский проект, направленный на установление корреляции внешнеполитической доктрины ФРГ в отношении стран Балтии на современном этапе и возможностей реализации политических, экономических, социальных и гуманитарных интересов России в регионе.

Построенная нами «матрица интересов» пяти стран в сфере экономики позволила определить точки пересечения региональных интересов. Таковыми показали себя проблемы внешних инвестиций, поддержания уровня товарооборота между странами, формирования общеевропейской и региональной автономной энергетической систем, вопросы поставок российских энергоносителей и электроэнергетики.

В процессе реализации исследовательского проекта мы столкнулись с некоторыми методологическими трудностями. К наиболее существенным, по нашему мнению, стоит отнести: проблему динамики и (не)стабильности интересов; несовпадение дискурсивных полей России, Германии и стран Балтии в отношении региона; ограничения измерительного инструментария сравнительных исследований в сфере международных отношений.

Характеристики современного этапа (с 2004 г.) германско-балтийских отношений связаны с их взаимодействием внутри ЕС и НАТО. Германия регулярно оказывается перед сложной внешнеполитической дилеммой: с одной стороны, она не может игнорировать интересы своих балтийских партнеров по ЕС и НАТО, с другой – заинтересована в сохранении и улучшении отношений с Россией. По всей видимости, в кратко- и среднесрочной перспективе внешняя политика ФРГ в регионе Балтийского моря будет в большей степени скоординирована с партнерами по НАТО и ЕС, чем это было до начала кризиса на Украине. Это означает, что «пробалтийская» линия во внешнеполитическом ведомстве ФРГ получила теперь значительно более весомые аргументы, чем прежде.

Очевидно, что площадь сопряжения (когерентность) позиций Германии и стран Балтии по отношению к России невелика и касается в основном политических аспектов многосторонних отношений в регионе. В неполитических сферах можно говорить о еще меньшей когерентности их интересов. Российские инициативы по развитию толерантности и противодействию радикализму и экстремизму в Балтийском регионе находят позитивный отклик у ряда европейских партнеров. Правительства стран Балтии рассматривают подобные инициативы как попытку вмешательства во внутренние дела. Действенное влияние по изменению положения русскоязычной общины в странах Балтии возможно при сближении понимания проблемы двух наиболее значимых региональных держав – России и Германии. Наиболее близким российскому пониманию идеи толерантности является такой специфический приоритет балтийского вектора внешней политики Германии, как усиление региональной идентичности. Балтийская идентичность трактуется одновременно аксиологически – как

⁶⁴⁶ Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М.: Издательство Московского университета; Проспект, 2015. – 272 с., илл.

⁶⁴⁷ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 15-37-01209 «Тенденции развития балтийского направления внешней политики Германии в контексте реализации региональных интересов России».

чувство сопричастности общим ценностям, и институционально – как следование общим правилам и нормам отношений. С точки зрения Берлина, «балтийская общность» (Ostseeschaft) может и должна включать этнолингвистическое разнообразие, что совпадает с российской позицией, но одновременно противоречит ей, поскольку жестко сталкивается с политикой незыблемости российской идентичности в Калининградской области.

Анализ содержания билатеральных и мультилатеральных отношений между ФРГ, Россией и странами Балтии позволил установить заметное отставание в реализации региональных проектов сотрудничества от прямых двухсторонних договоренностей. Продвижение региональных интересов России в Восточной Прибалтике сопряжено с заметной асимметрией экономических и политических позиций в отношениях с Германией и странами Балтии. Такое положение дел открывает для нашей страны возможность эксплуатации балтийского направления внешней политики ФРГ. Наиболее перспективной представляется тактика «малых дел», суть которой может быть в общих чертах сведена к деполитизации экономического германско-российского сотрудничества на Балтике и экономизму социокультурных связей с вовлечением институтов гражданского общества стран Балтии. Открытой нишей сотрудничества, несмотря на усложнение политических отношений, остается сфера взаимодействия на уровне отдельных регионов стран и муниципалитетов. Потенциал такого взаимодействия, на наш взгляд, недооценен. Отраслями регионального взаимодействия могут стать проекты в области культуры (проекты, поддерживающие этнокультурное разнообразие), науки (медицина и сельское хозяйство), бизнес-образования и экологии.

Тарусин П.В. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

РОЛЕВОЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ЛИДЕРСКОГО ОТБОРА

Концепт *«ролевого капитала государственного лидера»* (далее ролевой капитал) является заимствованной из смежных с политологией научных дисциплин теоретической конструкцией, адаптированной к новому объекту исследования. Она позволяет «перекинуть мостик» между существующими исследовательскими подходами и методами, в той или иной мере связанными с изучением процессов и механизмов рекрутирования государственных лидеров. Понятие ролевого капитала органично «выводится» из концепта человеческого капитала, обозначающего совокупность социальных качеств и характеристик индивида и выражающего его способность выполнять конкретные «трудовые» функции в различных сферах экономической деятельности.

Ролевой капитал определяется как интегральная совокупность личных качеств и способностей индивида, располагаемых им ресурсом, которая позволяет реализовывать лидерские роли в определенных социальных, политических обстоятельствах. Данное понятие включает не только свойства и способности самой личности, но и *надперсональные* (внешние по отношению к ней) компоненты, обладающие социальной, политической, финансовой или иной природой, которыми индивид располагает лишь временно. Например, административный и властный ресурсы, уровень легитимности, репутация, авторитет и т.п. Глубинная взаимосвязь личных и надперсональных составляющих ролевого капитала заключается в том, что «внешние» выражают, как правило, «виртуализированные в массовом сознании» представления о персональных качествах и способностях индивида.

Расхождения относительно содержания и объема «типового комплекта» компонентов ролевого капитала обусловлены сложностью с разделением «функционально-ролевых» качеств и навыков лидера от частных характеристик. Набор и состояние его элементов всякий раз оказывается исключительно индивидуальным, однако с практической точки зрения значимо формирование *именно* законченной (completed) и внутренне сбалансированной их совокупности.

Поскольку понятие лидерского капитала обобщает предельно широкое разнообразие присущих индивиду свойств и качеств, увязывая их состояние и трансформацию с содержанием и требованиями лидерских ролей и функций, исследователь «работает» не с массивом разрозненных качеств и способностей индивида, а с их интегральной «формулой», что значительно упрощает процедуры анализа изучаемого явления. Ввиду того, что в состав данной «формулы» входят «надперсональные переменные», которые, в отличие от личных свойств, поддаются фиксации и верификации, снижается субъективизм исследовательских представлений и оценок, появляются возможности их рационализации, а гипотетически и математической калькуляции.

В процессе лидерского рекрутирования индивиды, по своей воле либо под давлением внешних обстоятельств, моделируют состояние ролевого капитала, стремясь максимизировать его «стоимость/полезность», с учетом особенностей собственной социальной базы, политической и экономической ситуации, сильных и слабых сторон конкурентов.⁶⁴⁸ Индивиды формируют стратегии «инвестирования» в ролевой капитал, в соответствии с существующими институциональными нормами и правилами, корректно «встраивая» себя в систему политических и социальных иерархий, что существенно снижает уровень неопределенности в поведении участников лидерского отбора.

Конструирование ролевого капитала осуществляется путем «улучшения» отдельных его компонентов и/или добавления новых, оптимизации их сочетания, а также за счет коррекции условий его применения, например, за счет благожелательного позиционирования личных качеств и достоинств в общественном мнении. Стремление повысить «капитализацию» ролевого капитала, прежде всего за счет заимствуемых извне компонентов, стимулирует индивидов к результативной политической или служебной деятельности. Любая оказия качественно улучшить ролевой капитал, предоставляемая случайным образом и не слишком часто, становится предметом острейшей конкуренции потенциальных претендентов, соревнующихся в умении максимально эффективно использовать столь редко выпадающие в политике «счастливые моменты».

При продолжительном (чрезмерно затянувшемся) пребывании в политике (власти) масштабы и темпы адаптации ролевого капитала резко падают, его структура и содержание «окостеневают». Индивиду все труднее внутренне меняться, «сбрасывая оболочку» устаревших образцов функциональной деятельности и поведения. Последовательное угасание мотивов и способностей к саморазвитию влечет «окостенение» ролевого капитала и структур личности лидера. Поэтому, с точки зрения процессов лидерского отбора, так значим, даже критичен, возраст претендента на статус лидера. Неслучайно, в ряде стран, законодательно устанавливается не только нижняя, но и верхняя планка, ограничивающая возраст кандидатов на пост главы государства.

Тезадова Д.А. (КубГУ, Краснодар)

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И СЕМЕЙНЫЕ СТРАТЕГИИ «УХОДА И ЗАБОТЫ»
В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА:
ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ СТРАН ЕВРОПЫ**

Социальная поддержка в государстве всеобщего благосостояния носит многомерный характер и включает денежные выплаты и услуги, а также формальную и неформальную

⁶⁴⁸ Цуладзе А. Политический лидер в условиях кризиса / Психология и психоанализ власти. - Самара: Бахрах-М, 2016. С. 520.

государственную и частную деятельность по оказанию ухода. Изменение формата социальной поддержки в связи с трансформацией условий в которых предоставляется уход (появление специальных отдельных учреждений), изменением обязанностей семьи и членов семей, изменением роли женщин в осуществлении ухода и заботы (перенос этой роли на социальные учреждения) привели к снижению предложения по оказанию социальной поддержки и к увеличению спроса на такого рода социальные услуги в конце XX в. Женщины в целом по всем странам берут на себя функции социальной поддержки все меньше в связи с нежеланием осуществлять уход и заботу, либо в силу необходимости пребывания на рынке труда и осуществления экономической деятельности⁶⁴⁹.

Концепция социальной поддержки изначально рассматривалась для определения специфических характеристик «ухода и заботы» как характеристик опыта жизни женщины, деятельность, связанная с уходом и заботой, воспринималась в контексте неоплачиваемых домашних услуг через связи брака/родства. Гендерное разделение оплачиваемой работы на протяжении XX в. фактически свелось к нулю, забота и уход в этот же временной период стали частью сферы государственных социальных услуг⁶⁵⁰. Скандинавскими исследователями утверждалось, что работа женщин в школах, больницах, домах престарелых и других социальных учреждениях государства всеобщего благосостояния являлось формой «общественной патриархии»⁶⁵¹, т.е. женщины стали выполнять те же работы на государственной службе, что и дома, только теперь эти работы стали носить оплачиваемый характер. Используя предложенную схему анализа государств всеобщего благосостояния, М.Дэли и Дж.Льюис выделили следующие модели⁶⁵²:

- в скандинавских странах забота и уход за престарелыми (получение ухода по месту жительства) и детьми (пребывание детей в государственных учреждениях дневного пребывания) является задачей государства, а не отдельной семьи⁶⁵³;

- в средиземноморских странах уход и забота продолжают оставаться правом и обязанностью семьи, рынок социальных услуг в этой сфере неразвит;

- в Германии социальную поддержку в отношении детей и престарелых людей может оказывать семья, в противном случае эту функцию выполняют добровольческие организации с помощью государственного финансирования;

- во Франции существует государственное финансирование ухода за детьми, добровольческий сектор осуществляет уход за пожилыми людьми;

- в Великобритании и Ирландии уход за детьми осуществляется добровольческими организациями, уход за престарелыми — государственными организациями, источники финансирования распределены соответственно принадлежности организаций.

Таким образом призма социальной поддержки позволяет выделять различия современных социальных государств по признаку ухода за детьми и престарелыми, признаку вклада секторов гражданского общества в уход и заботу о гражданах, степени приватизации и коллективизации данных социальных услуг. В целом в европейских странах мы можем наблюдать переход от семейной солидарности в предоставлении услуг заботы и ухода за членами семьи в сторону маркетизации социальных услуг государственных институтов в сфере социальной поддержки, в некоторых европейских странах мы наблюдаем перенос предоставления услуг социальной поддержки в частный и некоммерческий сектора.

⁶⁴⁹ Moroney R. *The Family and the State. Considerations for Social Policy*. London: Longman, 1976.

⁶⁵⁰ Гнедаш А.А. *Семья и государство в условиях новой политической реальности*. – Краснодар: Перспективы образования, 2016.

⁶⁵¹ Siim B. *The Scandinavian Welfare States -Towards Sexual Equality or a New Kind of Male Domination? // Acta Sociologica*. 1987. № 30 (3/4). P. 255.

⁶⁵² Дэли М., Льюис Дж. *Концепция социальной поддержки и анализ современных государств благосостояния // SPERO*. 2014. № 19. С. 117-136.

⁶⁵³ Hanssen J-I. *The Scandinavian Model as Seen from a Local Perspective // J. Sipilä (ed.) Social Care Services: The Key to the Scandinavian Welfare Model*. Aldershot: Avebury, 1997.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ США В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ

В эпоху «холодной войны» регион Северной Европы рассматривался США и НАТО в основном с военно-политической точки зрения. Особое внимание уделялось военной инфраструктуре региона. После окончания «холодной войны» военно-политический аспект безопасности в Северной Европе перестал быть доминирующим, уступив место проблемам т.н. «мягкой» безопасности,⁶⁵⁴ которая включает в себя методы противодействия невоенным или нетрадиционным угрозам. Однако, не смотря на сложившуюся ситуацию, возможен сценарий усиления военного присутствия в Северной Европе. Данный прогноз основан на таких факторах, как милитаризация Польши и стран Балтии, перспектива вступления Финляндии и Швеции в НАТО, а также нарастающий интерес США к Арктике. Стоит отметить, что Дания, Исландия, Норвегия, страны Балтии, а также Польша и Германия являются государствами-членами НАТО. Если Финляндия и Швеция вступят в НАТО, то почти вся Северная Европа, согласно новой концепции региона, окажется под контролем альянса, который является инструментом геополитического влияния США на международной арене. Главная проблема заключается в том, что усиление влияния США в Северной Европе угрожает интересам безопасности России.

В мае 2016 года президент США и лидеры Северных стран – Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции – сделали совместное заявление о расширении военного сотрудничества между их государствами. По мнению участников этой встречи, данное решение связано с агрессивной политикой России в отношении Украины, “аннексией” Крыма, а также с усилением военного присутствия России в регионе Балтийского моря. В ответ на действия России на Балтике США вместе с союзниками намерены укреплять безопасность региона милитаризацией.⁶⁵⁵ Развитие военного сотрудничества между США и Северными странами может поспособствовать вступлению Финляндии и Швеции в НАТО. Некоторые эксперты полагают, что присоединение Финляндии и Швеции к Североатлантическому альянсу может быть реализовано через военный союз Северных стран, о создании которого было заявлено министрами военных ведомств Дании, Норвегии, Финляндии и Швеции, а также главой МИД Исландии в апреле 2015 года.⁶⁵⁶ Осуществление такого сценария вполне соответствует внешнеполитическим интересам США. Если Финляндия и Швеция вступят в НАТО, то они автоматически станут потенциальными противниками России.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что укрепление позиций США в Северной Европе происходит за счет расширения военно-политического сотрудничества США с Северными странами и посредством милитаризации Польши и прибалтийских стран. Еще одним фактором может стать членство Финляндии и Швеции в Североатлантическом альянсе. Предположительно, США заинтересованы в расширении своего геополитического влияния в Северной Европе для защиты своих интересов в Арктике. Такая ситуация объясняется тем, что в Арктике наблюдается процесс постепенного потепления климата, благодаря которому в дальнейшем появятся новые экономические возможности для региона. Например, климатические изменения в Арктике позволят облегчить доступ к ее нефтегазовым ресурсам, а также дадут возможность увеличить объем морских перевозок через арктическую акваторию. Другими словами, Соединенные Штаты рассматривают Северную Европу в качестве плацдарма для реализации своих экономических планов в Арктике, что обосновывается деловыми интересами американских элит.

⁶⁵⁴ Дерябин Ю.С. Северная Европа. Регион нового развития. Москва: Весь Мир, 2008. С. 10.

⁶⁵⁵ U.S.-Nordic Leaders' Summit Joint Statement [Электронный ресурс] / The White House. Электрон. дан. Washington. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/05/13/us-nordic-leaders-summit-joint-statement>. Яз. англ. (16.08.2016).

⁶⁵⁶ Полубота, А. Швеция и Финляндия на пороге НАТО [Электронный ресурс] / Свободная Пресса. Электрон. ст. Москва. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/118424/>. Яз. рус. (12.08.2016).

Несмотря на то, что Арктика не упоминается в стратегической концепции НАТО, существует вероятность активизации альянса в регионе. Так, генсек НАТО Йенс Столтенберг в июне 2016 года заявил, что Россия наращивает свой военный потенциал в Арктике и поэтому альянс будет вынужден принять ответные меры.⁶⁵⁷ Увеличение военного присутствия НАТО в Арктике, скорее всего, будет способствовать реализации арктической политики США.

Тимофеева Л.Н. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)
**ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ ЧЕРЕЗ СМИ:
ПОЧЕМУ МНЕНИЯ ВАЖНЕЕ ФАКТОВ?**

Куда подевалось наше стремление увидеть мир таким, каков он есть, а не каким мы хотим его себе представить? Куда подевались «качественные» медиа? Почему по-прежнему развязана холодная информационная война между Западом и Россией? Этот вопрос впору сегодня задать самим себе интеллектуалам, ученым, исследователям, чья профессия – думать, понимать, объяснять. И журналистам, чья профессия – рассказывать о событиях. Почему сегодня в ходу «пост-правда»? Эти и другие вопросы задают сегодня многие исследователи и специалисты по коммуникациям из разных стран. Достаточно вспомнить хотя бы книгу австрийского политолога и публициста Ханнеса Хофбауэра «Образ врага по имени Россия. История одной демонизации» (2016), швейцарского журналиста и общественного деятеля Ги Метана «Запад-Россия: тысячелетняя война» (2016). Много шума наделала переведенная на многие языки книга немецкого журналиста и публициста Удо Ульфкотте «Продажные журналисты. Любая правда за ваши деньги» (2015). Проработав 17 лет в очень влиятельной в Германии газете «Франкфуртер Альгемайне цайтунг», он поделился своими наблюдениями, подкрепив их фактами, как ответственные за ключевые рубрики журналисты ведущих периодических изданий работают на НАТО и как ими манипулируют политические группировки и секретные службы страны. И хотя его обвинили как сторонника «теории заговора», но факты не опровергли. Более того эти факты были подтверждены другим исследованием, проведенным Уве Крюгером, аналитиком из Немецкого института журналистики⁶⁵⁸.

Политику пост-правды в СМИ характеризуют так: она не отвергает правды, а утверждает предрассудки, воздействуя на человеческие эмоции, обращенные к личным убеждениям граждан, сформировавшимся стереотипам. Утверждается, что политики мейнстрима должны найти способы борьбы с ней. Например, благодаря Facebook или YouTube, можно развенчать политических игроков, которые разным аудиториям дают противоположные обещания, разоблачить их поведение с помощью утечки электронных писем. Есть институты и практики для борьбы с ложью: независимые юридические системы; расследовательская журналистика; «качественные» СМИ, которые руководствуются принципами объективности и всесторонности освещения; есть законодательные запреты и ограничения в сетях. Хотя в европейских государствах доступ к информации в Интернете не ограничивается и любые попытки регулирования приводят к обвинению в цензуре, тем не менее, и там есть ограничения. Ответственность за безопасность контента несут провайдеры и специальные службы. В каждой цивилизованной стране есть кодексы этики журналистов, которые диктуют им правила честной работы. Но коль скоро мировая и российская

⁶⁵⁷ Генсек НАТО запрещает России контролировать Арктику и Средиземное море. [Электронный ресурс] / Pravda.Ru. Электрон. дан. Москва. URL: <http://www.pravda.ru/news/world/16-06-2016/1303840-nato-0/>. Яз. рус. (20.09.2016).

⁶⁵⁸ Uwe Kruger, «Meinungsmacht. Der Einfluss von Eliten auf Leitmedien und Alpha-Journalisten-eine kritische Analyse». Köln, Herbert von Halem Verlag, 2013.

общественность не первый год озабочена такими проблемами, невольно возникает вопрос – действительно ли они новы?

Есть основание утверждать, что на самом деле феномен пост-правды т.е., когда на первое место выдвигаются не факты, а удобные политическому актору эмоционально и односторонне направленные толкования о них, не нов. Технологии эти активно использовались накануне первой и второй мировой войны и в мирное время в период «холодной войны». Их исследование началось еще в начале XX века и продолжается и сегодня уже в условиях появления сетевых коммуникаций в Интернете и институционализации социальной журналистики (Г.Лассуэлл, У.Липпман, П.Лазарсфельд, Г.Блумер, Ю.Хабермас, Э.Кастельс и др.).

Анализ показывает, что явление искажения информации в политике известно давно, но особенность феномена современной «пост-правды» связано, *во-первых*, с достижениями информационно-коммуникативной революции, предоставивших потребителю множество источников информации, проверить достоверность которых практически невозможно; *во-вторых*, с развитием и закреплением норм свободы слова и печати, что предполагает создание отдельными людьми и социальными группами, разделяющими свою шкалу ценностей и защищающих свою картину миру – собственного информационного пространства и «предмета веры» и откликающихся на «свою» популистскую политическую повестку дня («Правда – это то, во что хотят верить люди»); в-третьих, появлением социальной журналистики, которая уступает профессиональной журналистике в объективности освещения и в проверке фактов; в-четвертых, с связи с ослаблением требований к самим журналистам и СМИ, чья деятельность нередко связана с политической и финансовой «целесообразностью», т.е. подменой журналистики пропагандой или желанием заработать и, в-пятых, сегодня процедура формирования политической повестки дня с помощью СМИ является в связи с интересами политических кругов, которые ее формируют, *полифункциональной*: одновременно – и важнейшей технологией завоевания общественного мнения, и показателем качества демократичности политической системы, и пропагандистским и контрпропагандистским оружием в информационных войнах и в борьбе с терроризмом, получив название «инфоганды».

Титков А. С. (НИУ ВШЭ, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)
**МОДЕЛЬ «СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА» Ю. ЛЕВАДЫ:
ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПЕРЕХОДА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

Исследование «Советский человек», проведенное ВЦИОМ Ю. Левады 1989 – 1993 годах⁶⁵⁹, в эмпирическом смысле важно как собрание уникальных данных о массовых предпочтениях граждан России в решающий период политического перехода, а в теоретическом смысле значимо как наиболее полное и последовательное изложение концепции «советского человека» как особого «социально-антропологического типа». Эмпирическое значение работы можно считать бесспорным (другого аналогичного массива данных нет), ее теоретическая значимость выглядит более спорной. Монография «Советский простой человек» (1993), излагающая основные результаты исследования коллектива Ю. Левады, прогнозировала, что в последующие годы фиксируемый опросами тип «советского человека» должен сократить свое представительство, а в обозримом будущем исчезнуть совсем. Такое предположение прямо следовало из предложенной Ю. Левадой модели изменений ценностных ориентаций от поколения к поколению, в соответствии с которой тип

⁶⁵⁹ Левада Ю. А. и др. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. – М.: Мировой океан, 1993.

«советского человека» характерен, прежде всего, для поколения, сформировавшегося в 1930-е – 1940-е годы, тогда как в последующих поколениях советская модель начала трансформироваться и распадаться. Уже к середине 1990-х годов, по результатам следующей волны проекта (1994 год), исследователи группы Ю. Левады пришли к выводу, что их первоначальный прогноз не подтверждает. По их новой интерпретации, тип «советского (постсоветского) человека» оказался намного более устойчивым к изменениям, чем предполагалось в стартовом исследовании⁶⁶⁰. Подобная трактовка прослеживается в многочисленных более поздних публикациях и выступлениях Ю. Левады и его группы вплоть до самых последних⁶⁶¹. В этих более поздних публикациях понятие «советского (постсоветского) человека» постепенно отходит от изначальных характеристик, становится все более размытым и ситуативным. Для академического обсуждения модели «советского человека» Ю. Левады необходимо, прежде всего, вернуться к ее исходным положениям, описанным в монографии 1993 года.

Обсуждение концепции «Советского простого человека» (1993) затруднено из-за особенностей теоретической и методологической позиции Ю. Левады и его группы. Разделяемый группой Ю. Левады идеал «эмпирически обоснованного исследования», в котором концепция складывается в ходе анализа данных, приводит их к предубеждению к априорным теоретическим схемам, а отношение к СССР как к «неклассической ситуации», для которой не подходят универалистские западные модели, мешает включению анализируемого текста в общую социологическую и политологическую дискуссию. Как следствие, теоретическую модель исследования приходится «вычитывать» из текста монографии, причем такая реконструкция имеет неизбежно гипотетический характер.

В основу реконструкции положена описанный в монографии набор базовых «антиномий» советской модели: (1) советская исключительность vs универсализм (ориентация на Запад); (2) иерархия vs равенство; (3) лояльность vs ориентация на личные достижения; (4) ориентация на государство (патернализм) vs частная жизнь. Такой набор дуальных оппозиций в целом вписывается в логику теории Т. Парсонса⁶⁶², оказавшей большое влияние на советских социологов 1960-х – 1980-х годов, и может упорядочен и интерпретирован в рамках этой модели. Сохранена также изначальная идея Ю. Левады об изменениях преобладающих ориентаций от поколения к поколению, которые могут быть описаны как переход от преобладания одной из сторон оппозиции к противоположной в координатах четырех названных переменных.

Предлагаемая схема согласуется с эмпирическими данными исследования 1989 – 1993 годов. Она же, предположительно, позволяет описать изменения в политической повестке 1990-х – 2010-х годов. Так, демократический переход рубежа 1980-х – 1990-х годов определялся сдвигом предпочтений к ориентациям универсализма, личных достижений и частной жизни; авторитарная консолидация 2000-х годов – возвращением ориентации на уникализм, иерархию, государство; повестку 2010-х годов – усилением запроса на равенство (все названные предположения требуют дополнительной эмпирической проверки). Более строгая, чем в исходном тексте, формализация модели, позволяет вернуть ее как в теоретические дискуссии, так и в эмпирические исследования.

⁶⁶⁰ Левада Ю. А. Человек советский пять лет спустя (предварительные итоги сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения. – 1995. – Январь – февраль.

⁶⁶¹ См., напр.: Левада Ю. А. Ищем человека: Социологические очерки 2000 – 2005. – М.: Новое издательство, 2006; Гудков Л. Д. Человек в неморальном пространстве: К социологии морали в посттоталитарном обществе // Вестник общественного мнения. – 2013. – № 3-4.

⁶⁶² См., напр.: Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1998.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОТ ИМПЕРАТИВА ПРОШЛОГО К МЕТАФОРЕ «ОБРАЗА БУДУЩЕГО»

Проблема формирования национально-государственной идентичности в современной (постсоветской) России традиционно занимает одно из важных мест в отечественной политической науке. В 2017-м году тематика российской идентичности вновь оказалась в фокусе внимания политологического и в целом экспертного сообщества, причем в двух, казалось бы, разнонаправленных ракурсах. С одной стороны – в контексте 100-летнего юбилея «октябрьской революции», что неизбежно стимулировало некую рефлексию по поводу «советского проекта» в целом. С другой стороны, в условиях начавшегося электорального цикла востребованной оказалась тема «образа будущего», перспектив России в условиях нарастающих геополитических и социокультурных вызовов XXI века.

По нашему мнению, национально-государственная идентичность – это устойчивая взаимосвязь человека с национальной общностью (как этнически однородной, так и неоднородной), репрезентацией которой выступает образ «мы» как воображаемого сообщества, поддерживаемая посредством института государства и политико-культурной традиции государственности.

Представляется возможным выделить четыре этапа формирования национально-государственной идентичности в постсоветской России. Первый этап (1992-1994 гг.), который с большой долей условности может быть охарактеризован как «демократический», проявлялся в доминировании конфликтных политических установок и практик, ориентации на сознательный и радикальный разрыв с «советским прошлым». На втором этапе (условно «вакуумном») в 1995-2000 гг. власть предпринимает попытку скорректировать государственную «политику памяти», сделав ставку – при сохранении общего «антисоветского» идеологического вектора – на отказ от агрессивной конфликтной риторики. При этом предпринимаются и ряд шагов по имплементации отдельных элементов советского прошлого в аморфное символическое пространство «новой России». Прежде всего, это относилось ко всему тому, что было связано с Великой Отечественной войной.

На третьем – «раннем путинском» - этапе (2001-2008 гг.) происходит полномасштабное «возвращение» государства к вопросам конструирования национально-государственной идентичности. Можно констатировать, что в 2001-2008 гг. «политика идентичности» в России постепенно приобретает очертания целенаправленности и системности, начинает охватывать различные сферы государственного управления (такие, как информационная политика, молодежная политика, культурная политика) и все более проявляет конвенциональные свойства. В основание официального «исторического облика» России помещаются ценность патриотизма и принцип преемственности всех этапов российской истории.

На четвертом этапе (2009 г. – наст.вр.) в целом сохраняется конвенционально-примирительная стратегия формирования установок исторической памяти и через них - национально-государственной идентичности российского общества. Однако, в содержании, системе приоритетов и в механизмах реализации государственной «политики идентичности» происходят существенные изменения. Они были вызваны изменением социально-политического контекста: прежде всего, ростом протестных настроений среди молодежи и жителей крупных городов, «запросом на перемены», который становится все более масштабным в 2016-2017 гг.

В этих условиях ключевой проблемой российской политики становится не только окончательное преодоление кризиса гражданской модели идентичности, но и поиск адекватного образа будущего.

По нашему мнению, сегодня конструирование полномасштабного образа будущего ограничивается целым рядом как макрополитических, так и субъективных факторов, среди которых позволим выделить ДВА наиболее заметных.

Во-первых, очевидно, что государство (российская власть в частности) проигрывает «информационную конкуренцию» в интернете и оказалось неспособным предложить новые форматы исторического образования в условиях изменения коммуникативного ландшафта современного российского общества. То есть, перед нами множество отрывочных и конфликтных по отношению друг к другу «образов прошлого» (которые периодически сталкиваются в публичном пространстве «по поводу» отдельных фигур, как произошло с фильмом «Матильда» и отношением к Николаю II). Естественно, разность «образов прошлого» неизбежно порождает различные представления о будущем.

Во-вторых, перед властью во весь рост обозначилась условная «проблема конвертации» героического прошлого России в привлекательный образ будущего. В данном случае абсолютно неэффективным представляется фрагментарный «собираТЕЛЬный» подход, основанный на желании взять отдельные эпизоды из различных периодов российской истории и объединить их некой общей «патриотической линией». Очевидно, всё большую злободневность приобретает вопрос: как наше «славное прошлое» может помочь нам в будущем?

Представляется, что именно проблема эффективного «использования» образа прошлого, его не «мемориализации», а политической актуализации, является крайне важной как с точки зрения конструирования привлекательного «образа будущего», так и в ракурсе дальнейшего эффективного формирования общероссийской национально-государственной идентичности в целом.

Толпыгина О.А. (СНИУ им. С.П. Королева, Самара)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ИЗБИРАТЕЛЬ – МОДЕЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Предметом нашего анализа является трансформация идеологических стратегий российских партий и моделей их взаимодействия с избирателями после 2011 г.

В исследовании использовались два метода: контент-анализ и экспертный опрос.

Исследовались программы ЕР, КПРФ, ЛДПР, СР, «Яблоко», «Гражданская платформа», Партия Роста, Российская партия пенсионеров за справедливость, «Патриоты России» и «Родина».

Выяснилось, что в программной риторике практически всех партий возросла доля социально-экономического измерения. В рамках измерения «центр – периферия» у всех, кроме ЛДПР, сократилась доля темы национального строительства и увеличилась доля темы государственного строительства. Измерение «поддержка власти» в 2016 г. прозвучало слабо – половина партий не поднимала его в своих программах, обычно тема обсуждается в рамках более «публичных» форм предвыборной риторики. Тема «авторитаризм – демократия» в 2016 г., в отличие от предыдущих выборов, была практически проигнорирована партиями.

В экспертном опросе приняли участие 10 экспертов (партийные функционеры, политтехнологи, политические аналитики).

Задачи экспертного опроса:

- определить специфику избирательной кампании 2016 г. – ее институционального, социально-экономического, политического, идеологического контекста;
- провести анализ партийных стратегий в целом и идеологических в частности;
- выяснить, какие приемы и методы использовались партиями в работе с избирателями, какие из них считаются наиболее эффективными и почему.

1) Эксперты дали достаточно предсказуемые оценки контекста выборов, которые концентрировались вокруг социально-экономического кризиса и «активной работы российской власти по восстановлению империи» – присоединение Крыма, война в Сирии, противостояние с Европой и Америкой, самопозиционирование России как авторитетного центра силы. Все эксперты называли ключевым событием современной российской истории и центральным пунктом повестки дня присоединение Крыма.

2) На вопрос о роли партийных идеологий в избирательной кампании эксперты давали самые разные ответы, вплоть до противоположных – от признания их решающим фактором победы на выборах (представители «Единой России») до полного отрицания ее значения (политтехнологи). Представители «умеренной» точки зрения называли идеологии одним из условий успеха, наряду с имиджем лидера, репутацией партии, позитивным или негативным электоральным опытом, кадровой политикой, доступом к СМИ и т.п.

По мнению экспертов, в условиях идейной консолидации большинства электората и маргинализации меньшинства у парламентских партий существенно сократился выбор поведенческих (в том числе идеологических) стратегий. Партии вынуждены были играть в заданном поле идей и смыслов. Это привело к значительному снижению их активности в избирательном процессе и сближению их повестки.

Главная идеологическая стратегия парламентских партий, по мнению экспертов, заключалась не в привлечении нового электората, а в поддержании традиционного, выступающего «гарантией», «страховкой» сохранения партиями своего парламентского статуса.

3) В числе приемов и методов работы партий с электоратом эксперты упоминали, как правило, стандартный перечень: встречи с избирателями, уличная агитация, использование доступных СМИ и новых медиа, участие в дебатах на региональном телевидении и радио. Целью этой работы называлось повышение узнаваемости партии и ее кандидатов, демонстрация ее активности, привлечение неопределившегося электората, акцентирование своих базовых идей, программных положений. Спектр методов работы с избирателями и их эффективность во многом зависит от статуса партии и объема ресурсов, которыми она располагает, а также от того, как партия себя позиционирует.

Эксперт от ЕР отмечал, что избирательная кампания, как и работа с избирателем, начинается с определения повестки посредством социологических исследований.

Остальные партии использовали другие ресурсы (в т.ч. интернет, «точечную работу с избирателем»), осознавая их ограниченность – например, отсутствие полноценного доступа к официальным СМИ, главному источнику информации для основной части электората.

Таким образом, исследование продемонстрировало, что на поведение партий существенным образом повлияло изменение контекста. Достижение общественного консенсуса по «ключевым вопросам повестки», укрепление авторитета президента, абсолютное доминирование власти в медийном пространстве сократили стратегические возможности партий, наложив серьезные ограничения на их идеологическую деятельность. Партии утрачивают возможности производства новых идей, востребованных обществом. Поиск смыслов осуществляется из предложенного набора вариантов.

По мнению экспертов, в производстве идей не утратили субъектность только либеральные партии, но и их возможности в этом плане сильно ограничены.

ПАТРОН-КЛИЕНТАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПАРТИЙНОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ

Одним из важных аспектов политической модернизации, отношений между государством и обществом выступает институциональный аспект. Политические институты характеризуются различным спектром действующих сил, отличающихся спецификой репрезентации. Ряд ученых-обществоведов определяют с одной стороны – органы государственной власти, политические партии, общественные объединения, а с другой стороны – группы интересов, включенные в систему политического представительства. Наиболее существенным структурным элементом политического представительства в условиях модернизации можно назвать партийный корпоративизм. Учитывая исторический опыт государства, можно отметить, что российская модернизация предрасположена к государственной, патерналистски ориентированной модели демократии, в том числе ее корпоративной составляющей. В такой модели политической модернизации целесообразным представляется отметить патрон-клиентарные отношения, которые характеризуются формой взаимодействия политической и экономической элитами. Такие отношения можно проследить через партийную составляющую.

Основными характеристиками патрон-клиентарных отношений «управляемой демократии» в современных условиях России стали:

- формирование политическим режимом модификаций «партии власти», «правлящей партии», «партии парламентского большинства»;
- координация деятельности групп лиц, элиты, обозначаемой понятиями «партийный бюрократизм», «партийный клан»;
- система отбора кадров в структуры политической власти через партийные процедуры предварительных голосований.

«Партийный бюрократизм» посредством коллегиальных органов партии (президиумы, политбюро, политсоветы и др.) формирует и отслеживает политическую повестку дня, отражающую процесс реформирования общества, политические процессы, развитие российского бизнеса, национальную безопасность и подчиняет ее своим интересам. В результате наблюдается тенденция слияния интересов, когда одни и те же должностные лица одновременно являются и членами партии, и членами правительственных структур, отношения между ними основаны на «договоре» по вопросам распределения политико-властных ресурсов. Здесь обозначается партийный клиентелизм, свойственный политической партии, назначающей государственные кадры по принципу их партийной принадлежности, превалирования партийных интересов. В этой связи активность проявляют бизнес-структуры. Особенно их политическая активность проявляется в период парламентских, губернаторских выборов в субъектах Федерации. В партийном контексте их деятельность проявляется через: партийный лоббизм, финансирование, оказание пожертвований политическим партиям под свои кандидатуры; личное участие в избирательной кампании вплоть до избрания в представительные органы власти.

Патрон-клиентарные отношения в партийном менеджменте характеризуют следующие его особенности: ориентация не на идеологию, а на избирательные технологии и их трансформацию; организационная гибкость и подвижность; подчеркнутые открытость и демократизм в управлении.

Организационную гибкость и подвижность патрон-клиентарных отношений в партийной организации можно проследить через сменяемость ее руководящего состава, так называемую ротацию (обновление). Такая форма активно применяется в «Единой России» с 2013 года. Другой формой подчеркнутой инструментальности и открытости является процедура партийного предварительного голосования, также активно применяемой «Единой Россией». В данном контексте предварительное голосование позволяет повысить

заинтересованность партийного руководства в управлении механизмами внутрипартийной демократии и общий уровень политической конкуренции. Этот принцип реализуется в том случае, если партийные лидеры работают в конкурентном политическом поле и стремятся мотивировать кандидатов партии к достижению наилучших результатов, а не имитируют политическую конкуренцию.

Целесообразным представляется отметить, что форма подготовки и проведения предварительного голосования развивалась от внутрипартийной до открытой составляющей с участием беспартийных кандидатов, представителей от общественных объединений и СМИ и проведением дебатов между участниками.

Особую актуальность партийное предварительное голосование приобрело в избирательном цикле 2016 года. Организация и проведение предварительного голосования партии «Единая Россия» в преддверии избирательной кампании - это процесс, требующий от партии одновременно большей строгости в действиях, четкости в определении этапов работы, подготовленности и последовательности действий, высокой прогнозируемости и «прозрачности» предстоящих мероприятий. И вместе с тем - гибкости, умения участвовать в работе, несмотря на внезапно возникающие обстоятельства, способности встраивать ответы на эти «вызовы» момента в общий процесс избирательной работы.

Обращает на себя внимание также процесс сменяемости федеральной административной и региональной элит, их консолидация в рамках партийного корпоративизма. Данный процесс прослеживается также через призму предварительного голосования. Одной из особенностей праймериз в нижнюю палату Федерального Собрания РФ 2016 года стало снижение в процедуре голосования роли и участия Общероссийского народного фронта, созданного накануне избирательного цикла 2011-2012 годов.

Таким образом, в рамках модернизации, в условиях современной политической и избирательной систем в России выкристаллизовывается тенденция ребрендинга политических партий со спецификой патрон-клиентарных отношений. Таким партийным организациям свойственно широкое членство, которое характеризуется не идеологическим компонентом, а скорее – наличием партийного контрактивизма (связей патрон-клиент) и заинтересованностью в электоральной победе.

Фазулов А.Р. (КФУ, Казань)

ЭВОЛЮЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Для молодых демократических режимов избирательная система представляет важнейший политический институт, испытывающий на себе всю сложность политических, социальных и общественных процессов в государстве. Веденеев Ю.А. так сформулировал этот тезис: «Основная проблема электоральной демократии заключается именно в том, что сама по себе юридически и административно обеспеченная, формализованная процедура выборов не гарантирует демократическое качество государственной власти»⁶⁶³. Таким образом, наличие института выборов само по себе еще не обеспечивает демократических результатов. Политические процессы, происходящие и в полисе, и социуме, часто оказываются не менее существенными детерминантами, влияющими на укоренение демократии в государстве, чем избирательная система как совокупность юридических норм избирательного права.

Реальное функционирование избирательной системы зависит от множества факторов - экономических, социальных, политических, культурных, которые в сумме

⁶⁶³ Веденеев Ю.А. Развитие избирательной системы РФ: проблемы правовой институционализации / Ю.А. Веденеев // Журнал российского права. – 2006. – №6. – С. 48.

определяют работоспособность любой системы и любого института, в том числе и избирательной системы.

Именно политические факторы определяют, насколько исполняются те нормы, которые прописаны в юридических документах и декларируются политическими лидерами. Именно политическая составляющая показывает как есть, а не как должно быть, какое влияние оказывают неформальные и неинституциональные элементы. В зависимости от того, какие политические факторы, каким образом и с какой силой или интенсивностью влияют на избирательную систему, будет определяться функционирование и эволюция или деградация последней.

Неоднократное реформирование избирательной системы за небольшой период существования новейшего российского государства свидетельствует о том, что законодатель стремится найти оптимальный вариант избирательной системы, который позволил бы наиболее полным образом реализовать политические права граждан на осуществление государственной власти, обеспечил бы наиболее справедливое представительство интересов населения в выборных органах государственной власти. Реализуя данные цели, были приняты множество нормативно-правовых документов, регулирующих избирательные отношения, среди которых необходимо отдельно отметить Конституцию Российской Федерации, как основной закон государства, закрепляющий основы конституционного строя и гарантирующий основные права и свободы человека и гражданина.

Политологи и правоведы, исследующие избирательную систему России в последнее десятилетие, отмечают неприятную тенденцию снижения значения выборов как института демократического участия. Основным препятствием на пути утверждения демократии в России становится проблема отчуждения власти и общества. Политологи указывают: «Выборы в России становятся всё менее конкурентными и справедливыми, на них всё меньше оспаривается власть, доминирует административный ресурс, манипулирование»⁶⁶⁴.

Оценивая избирательную систему Российской Федерации с точки зрения формирования и развития политических партий и партийной системы, структурирования политических интересов различных общественных сил, можно сказать, что существующая избирательная система и законодательство в данной области не справляются со своей задачей, что приводит к кризису системы партийно-политического представительства и постоянно увеличивающемуся расстоянию между государственной властью и её выбирающих граждан. Существование «партии власти», псевдопартии, без какой-либо идеологии, имитирует наличие представительства интересов населения и существования партийной системы Российской Федерации, что, в свою очередь, влечет деградацию другого демократического института – Парламента. Хотя избирательная система, как элемент политической системы, определяющий порядок условия формирования властных органов, является неотъемлемым механизмом легитимации политической власти.

Действующая конструкция избирательной системы Российской Федерации представляет механизм преемственности и воспроизводства существующей власти. Последние федеральные и региональные выборы свидетельствуют, что принцип народовластия теряет свою суть, и с помощью избирательной системы превращается в инструмент обеспечения избранности представителей «партии власти» в ущерб другим элементам политической системы. Вследствие данных процессов теряется такая функция политической системы, как обратная связь между государством и обществом.

Дальнейшее развитие демократических институтов, становление реальной многопартийности, возможны в условиях развития демократических ценностей, демократического сознания, демократической политической культуры, когда на первый план в политических реформах и преобразованиях будет поставлены интересы населения, а не господствующих политических групп.

⁶⁶⁴ Авдонин В.С. Региональные выборы в условиях трансформационного процесса в России // Проблемы и суждения: голоса российской политологии. Сборник трудов. – М.: КДУ, 2004. – С. 208.

Фан И.Б. (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург)
**ЦЕННОСТЬ ЖИЗНИ ГРАЖДАНИНА КАК ОСНОВА ЕГО
ДОСТОИНСТВА**

Основой демократического правового государства как сообщества суверенных граждан, объединенных общими законами, является идея внутренне присущего человеку достоинства. Достоинство человека (human dignity) понимается как способность формулировать ценность цели, она предполагает наличие у человека разума и свободы воли. Для государства оно есть безусловный и абсолютный предел вмешательства в жизнь гражданина, образец отношения к нему. Политическая и правовая системы государства основываются на этой способности человека. Посредством провозглашения прав человека, действий и состояний абсолютными (право на жизнь, свободу, собственность и др.) утверждается равноценность индивида в отношениях с государством и другими людьми. Принцип достоинства человека послужил основой принципа достоинства гражданина и конституционализма в целом. Гражданское достоинство – это «способность индивида воздействовать на условия своего существования через общественные институты, самоуправление, собственность, прессу, суды – все то, что гарантирует право на права», способность и возможность человека пользоваться своими правами⁶⁶⁵. Реализация этого зависит от всей системы политических и правовых институтов, обеспечивающих осуществление прав человека и гражданина, в том числе права на личную неприкосновенность и частую жизнь.

Конституционный статус гражданина является высшим признанием достоинства человека, поскольку основан на признании каждого личностью, обладающей свободой воли, то есть самосознанием, рефлексией, способностью к самоуправлению, личностью, равной с другими в свободе перед законом, обладающей политической и правовой свободой. Так же это и признание каждого другого человека в государстве в качестве «субъекта законодательствующей воли» (И. Кант), способного участвовать в принятии политических решений и управлении государством. Достоинство гражданина связано с осознанием личностью единства собственных прав и обязанностей, с уверенностью в правомерности собственных притязаний на законные права и свободы в силу личной законопослушности и ответственности в исполнении обязанностей перед другими гражданами и государством.

Отсутствие реального признания российским государством достоинства и самоценности каждого человека проявляется во многих отношениях. Однако существует теоретическая и практическая проблема операционализации морально-правовых понятий достоинства человека и гражданина. По нашему мнению, одним из параметров анализа этих понятий могут быть более конкретные понятия ценности и цены жизни и деятельности гражданина в политической, правовой, экономической и других сферах. Для дальнейших этапов операционализации понятия достоинства необходима выработка комплекса экономических показателей стоимостного выражения тех или иных прав гражданина и обязанностей, выполняемых им для государства, и стоимости обязанностей и ответственности органов государства и должностных лиц перед гражданином, а также адекватных компенсаций в случае гибели или ущерба здоровью гражданина, полученных во время выполнения гражданских и/или военных обязанностей. Наша гипотеза состоит в следующем. Гражданина можно рассматривать в качестве «рабочей силы» для государства, а гражданство – в качестве товара, услуг государства, покупаемых гражданином посредством уплаты налогов, и государством у гражданина посредством обеспечения политического и правового порядка и оказания управленческих, правоохранительных, медицинских, образовательных и иных услуг. Исходя из этого, можно сконструировать экономическую

⁶⁶⁵ Хованская А.В. Достоинство человека: к либеральной стратегии права для России // Полис. 2001. №4. С. 56.

модель стоимости услуг обеих сторон взаимодействия – гражданина и органов государства (должностных лиц). Понятие цены человеческой жизни позволит протестировать все подсистемы российского государства: политическую систему – на степень реализации конституционных и политических прав граждан, включая степень их участия в политике и управлении государством; правовую систему – на предмет нацеленности работы ее структур на правовое обеспечение статуса гражданина, уровень защиты жизни, свободы, достоинства и прав человека и гражданина; экономическую систему – на возможности осуществления гражданином экономических свобод и т.д. Определенная цена человеческой жизни и деятельности будет в этом случае рассматриваться в качестве результата функционирования всех институтов общества и государства.

Несмотря на риторику и декларации политического и юридического характера, традиционным основанием фактического функционирования российского государства исторически и до сих пор является пренебрежение жизнью и деятельностью россиян, недооценка их ценности и стоимости. Чтобы сделать выводы о реальной ценности жизни российских граждан, необходимо исследовать политические, правовые и иные институты реализации прав российских граждан.

Филиппов С.И. (НГУ, Новосибирск)

УСЛОВИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЕННО-ГРАЖДАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ РОССИЙСКОЙ И АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИЙ (XVII–XIX ВВ.))⁶⁶⁶

Проблематика, связанная с ответственностью государственных служащих, остается актуальной как в практическом, так и в теоретическом аспектах на протяжении нескольких тысячелетий. Многочисленные объяснения данного феномена связаны с различными представлениями о государстве и могут быть объединены в несколько групп. Согласно теории эгоистической элиты (Ибн Халдун⁶⁶⁷, П. Турчин⁶⁶⁸), интересы и мотивация служилого класса ограничивается обеспечением собственного благополучия. Если в условиях относительно низкой групповой солидарности представителям элиты приходится считаться с интересами подвластного населения, то в ситуации сплоченной элиты и относительно высокой доли ее в общем населении этого не происходит. В веберовской традиции, рассматривающей государство в качестве института, монополизирующего легитимный контроль над территорией⁶⁶⁹, под ответственностью государственных служащих понимается обеспечение суверенитета (монополии на насилие) по отношению к внешним (защита государственной территории/экспансия) и внутренним (борьба с преступностью, мятежами, сепаратизмом) конкурентам легитимной государственной власти. С точки зрения теории общественного договора, ответственность государственных служащих – степень соблюдения (имплицитного или эксплицитного) договора между субъектами власти, обладающими средствами принуждения и подданными государства, делегирующими часть своих суверенных прав и ресурсов государству в обмен на защиту их жизни, свободы и собственности (Т. Гоббс, Дж. Локк).

⁶⁶⁶ Работа выполнена при поддержке Российского государственного научного фонда, проект № 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ».

⁶⁶⁷ Ибн Халдун. Введение (ал-Мукадима) / Историко-философский ежегодник. 2007. - М.: Наука, 2008. С. 187–216.

⁶⁶⁸ Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. - М.: Издательство ЛКИ, 2007.

⁶⁶⁹ Вебер М. Избранные сочинения. М.: Прогресс. 1990. С. 645–646

Перечисленные подходы не являются взаимоисключающими, их эвристический потенциал может быть использован для исследования ответственности государственных служащих в различных политических режимах. В качестве основного метода исследований используется макроисторический подход, предполагающий синтез различных теорий и уровней анализа для объяснения исторических феноменов.

На основании перечисленных теоретических подходов сформулированы показатели ответственности государственной службы: высокий уровень исследуемого явления характеризуется лояльностью по отношению легитимной власти (неучастие в бунтах, заговорах); защитой законных интересов подданных (жизни, свободы, собственности); относительно низкой стоимостью государственной службы. Показателями относительно низкого уровня ответственности государственных служащих являются участие в мятежах, заговорах против легитимной власти, поддержка ее внешних врагов, использование властных ресурсов для противозаконной деятельности (грабежи, вымогательства), не представление защиты подданным, существенное завышение стоимости государственной службы. Исследование проводится на материале анализа контрастных случаев: Военной границы империи Габсбургов (XVII – первая половина XIX вв.), а также администрации Новой Сербии (Российская империя, 1750–1764 гг.). Данные случаи являются сходными по некоторым параметрам (выполняемые функции – защита пограничья, организация управления территориями, отчасти этнический состав), но существенно отличаются по исследуемому параметру. Военная граница обходилась относительно дешево для имперской казны и эффективно выполняла функции по охране границы, подавлению бунтов, участию в войнах, которые вела Австрия⁶⁷⁰. Для военно-гражданской администрации Новой Сербии характерен относительно низкий уровень ответственности: высокая стоимость содержания данной территории для бюджета, набеги, грабежи, насильственное переселение жителей соседних территорий, низкая эффективность как воинских формирований⁶⁷¹.

В ходе анализа получены следующие результаты. Условиями относительно высокой ответственности военно-гражданской администрации являются относительно низкий статус глав военно-гражданской администрации в имперской должностной иерархии, ограничение контактов населения территорий, контролируемых военно-гражданской администрацией с соседними регионами. Условия относительно низкой ответственности военно-гражданской администрации – ее независимость от местной власти, относительно высокий статус руководства военно-гражданской администрации в имперской должностной иерархии.

Фролов А.А. (ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)
**ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЯРОСЛАВСКОЙ
ОБЛАСТИ (РЕЗУЛЬТАТЫ ИНДЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)^{672*}**

Ежегодно в стране возрастает заинтересованность исследователей в вопросах изучения гражданской активности населения. Многие из них пытаются создать модель идеального общественного устройства, которая бы способствовала повышению гражданской активности, и, как следствие, улучшению качества и уровня жизни населения. Сама гражданская активность является динамичным и изменчивым явлением, которое зависит от множества факторов внешней и внутренней среды. Это и делает ее актуальным явлением, требующим не только теоретических разработок самого понятия, но и проведения практико-ориентированных исследований форм проявления активности населения и систематизации

⁶⁷⁰ Костяшов Ю.В. Сербия в Австрийской империи//Вопросы истории. № 5 1997 г. С. 140-145.

⁶⁷¹ Костяшов Ю.В. Генерал Иван Хорват – сербский авантюрист на русской службе (вторая – половина XVIII в.)//Славяноведение 2012, 2. С. 34-41.

⁶⁷²

полученных результатов. В частности, данные проблемы ученые пытаются изучить при помощи формирования Индексов, применяя для этого различные показатели.

В 2016 году было проведено Индексное исследование гражданской активности в Ярославской области. Исследование имело под собой цель выявления фактического уровня гражданской активности жителей региона, достигнутую посредством проведения социологического исследования. В теоретическую основу индексного исследования гражданской активности были включены основы теорий относительной депривации, коллективного действия и теории идентичности. Теория относительной депривации раскрыла динамичные показатели, демонстрирующие различия в понимании общественных процессов людьми, вопросы рассогласованности представлений или ожиданий людей о социальных явлениях, социальную напряженность и другие показатели. Теория идентичности раскрыла вопросы принадлежности индивида к той или иной социальной группе, его коммуникацию и характер отношений с различными политическими институтами. Теория коллективного действия раскрыла групповые эмоции и субъективную вероятность успешности коллективных действий разных групп, а также степень участия жителей в общественной жизни региона. В исследование были включены субъективные показатели: степень доверия населения к формам проявления гражданской активности; основные сложности, с которыми сталкиваются граждане при проявлении гражданской активности; стабильность гражданской позиции населения, основную мотивацию к действиям.

Результаты исследований показали, что Индекс гражданской активности Ярославской области равен 4,2 баллам (в шкале от 1 до 10). При этом экспертная оценка субъектов гражданского общества получила более высокие баллы, по сравнению с реальным участием населения в разнообразных формах гражданской активности.

Остановимся на некоторых показателях Индекса. Одним из ключевых аспектов разработанного Индекса стало выявление степени вовлеченности населения в общественную жизнь. Степень личного участия граждан в общественной жизни региона оказалась невелика – 3,3 балла, как и степень активности близкого круга общения респондентов – 3,2 балла. При этом средний показатель ощущения социальной несправедливости респондентами региона составил 3,9 балла. Наименьшая степень ощущения социальной несправедливости была зафиксирована в сельской местности – 3,7 балла. Наибольшая степень ее ощущения в средних и малых городах – 4,5 балла. Была выявлена особенность проявления феномена социального отчуждения на уровне муниципальных образований: средних и малых городов, а также сельской местности региона.

Конкретные формы гражданского участия, в подавляющем большинстве, оценены невысоко. Из широкого перечня наиболее практикуемых форм гражданского участия наибольшую оценку получило участие граждан в электоральных процессах – 5,1 балл, благотворительная деятельность – 2,7 балла, посещение просветительских мероприятий 2,3 балла и обращения в органы власти и подписание петиций – 2,1 балл. Наименьшая активность граждан была зафиксирована в участии в акциях гражданского протеста – 1,3 балла. Низкую оценку получили показатели работы населения с НКО – 1,7 балла и различные формы Интернет-активности – 1,9 балла. При этом необходимо отметить, что ответы респондентов о барьерах и сложностях для проявления гражданской позиции показали отсутствие серьезных препятствий для проявления гражданской активности в Ярославской области. Наибольшими барьерами жители региона считают отсутствие свободного времени для собственного участия в различных формах гражданской активности и отсутствие денежных средств на гражданский активизм.

Показатели Индекса продемонстрировали низкую степень доверия населения к различным формам электронной коммуникации. В регионе существует необходимость создания механизма информационного освещения как оказывающих различные услуги населению некоммерческих организаций, так и механизмов вовлечения населения в общественную жизнь региона.

МЕССИАНСКИЕ ИДЕИ В ПОЛИТИКЕ РФ И США

Современные геополитические процессы и трансформации, влияние развития информационных технологий и формирование глобального информационного сообщества – это процессы которые требуют идеологического обоснования внешнеполитических действий стран, которые выступают ключевыми игроками на международной арене – РФ и США. Прежде всего, идеологическое обоснование важно для внутренней поддержки действий политических лидеров (то есть общество в своем большинстве должно быть солидарно с действиями государства и его так называемой «миссией»), а также для консолидации общества и укрепления национальной идентичности в обеих странах.

Несомненно, помимо США и РФ важными акторами на международной арене также выступают страны-члены ЕС, Китай, Индия и многие другие, но в данном контексте, интересным представляется сравнение полярных идеологических представлений именно в российском и американском обществах, при определенной внешней схожести идей исключительности и мессианства, которые присущи обеим странам.

Важнейшим фактором формирования национальной «миссии» естественно выступают особенности национального характера, а также доминирующие в обществе ценности. Важнейшим этапом становления мессианских идей в политике и обществе в США приходится на период окончания II Мировой Войны, так как США трактовали свое участие как принятие на себя своего рода ответственности за судьбу всего мира. Разработка ядерного оружия, космических и атомных технологий только способствовали укреплению данной идеологической «миссии».

В России идеи избранности зародились гораздо раньше, что естественно, если учесть период существования истории государства - более чем тысячелетняя история российского государства. Идеи мессианства и исключительности в РФ и США воспринимаются полярно. В основе образа и политической культуры США - национальная «Я-концепция», которая сложилась к середине XX века из исторических представлений, сформировавшихся в американском сознании еще в XVIII веке. В основе базовых принципов американской идентичности - национально-патриотические настроения с эсхатологической идеей миссии, особом государственном «предначертании» США как своеобразного «государства-маяка» в мировой политической системе. Подобная постановка вопроса в национальном американском самосознании автоматически снимает вопрос о территориальных границах государств, а зоной ответственности внешнеполитических действий США нередко объявляется весь мир⁶⁷³.

В российском же самосознании также, как и в США, эсхатологическая миссия в сознании народа заключается в идее богоизбранности земли – Святой Руси. Образ Святой Руси включает в себя идею святости и благочестия русского духа как единственного хранителя православной веры и образ благочестивого государства, которое выступает продолжателем традиций Святой земли - Иерусалима⁶⁷⁴. Данная роль несомненно подкреплена исторически сложившейся культурной традицией, которая опирается на библейские, а также фольклорные источники.

Таким образом, формально схожие идеи мессианства в понимании РФ и США приобретают полярный характер. Если для понимания российской общественности мессианство подразумевает жертвенность ради добра и порядка в мире, то при определенном

⁶⁷³ Фролова О. А. Структура американской политической элиты как субъекта мировой политики в начале XXI века: диссертация на соискание степени кандидата политических наук [23.00.04]. – М., 2015. С.110-111. – Режим доступа: http://dissovet.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php?id=19&mod=dis&dis_id=770

⁶⁷⁴ Филатов М.В. Эсхатологические традиции русского народа. // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник, 1999. № 3. С.31-38.

формальном сходстве американского идеологического поведения с мессианством, его суть все же сводится к прагматизму. Русское же мессианство сводится к жертвенности русского народа ради спасения человечества, не только физической, но и духовной. В самосознании русского народа глубоко заложена вера в особое предназначение русского народа и русского подвига⁶⁷⁵.

Хаметов Э.Ш. (МГУ им. М.В. Ломоносова)

СПОРТ ВЫСШИХ ДОСТИЖЕНИЙ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО – ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Актуальность. Одной из актуальных проблем современного общества, является проблема формирования национально-государственной идентичности государства.

Целью данного доклада является попытка показать роль спорта высших достижений в формировании национально-государственной идентичности.

Спорт наряду с искусством, наукой, музыкой, является конструирующим элементом национальной идентичности в современном мире. Развитие спорта высших достижений его престижа и популярности во всем мире стало возможным с помощью глобального информационного и экономического пространства. В связи с этим спорт стал эффективным инструментом политической коммуникации, средством повышения политического и экономического имиджа государства на международной арене.

Государства, проводящие на своей территории спортивные мегасобытия, такие как, Олимпийские Игры и Чемпионаты Мира по футболу и др., воспитывают у общества гордость за страну, укрепляют национальную идентичность с помощью эмоциональных переживаний болельщиков, специфических культурных знаков и символов, понятных обществу.

Рассмотрим два способа формирования национально – государственной идентичности:

- Национально – государственная идентичность через чувство гордости за страну, которая стала хозяйкой и победительницей Олимпийских Игр в Сочи 2014;
- Формирование образа «врага» на фоне попытки дисквалификации всей олимпийской сборной России и допингового скандала.

Одним из важных факторов индивидуально-институциональных отношений, формирующие национально - государственную идентичность, знаковые события — крупные международные соревнования, в которых государство выступает как единое целое, что подразумевает усиление определенных аспектов социальной идентичности индивидов и социальных групп.⁶⁷⁶

Исследования спорта предполагает, что современный спорт является средством существования национального государства, эффективным способом национальной интеграции и катализатором национального строительства. Государства в современном мире используют национальные спортивные достижения для консолидации национальной идентичности.

Э. Хабсбаум считает, что проведение Олимпийских Игр и Чемпионатов Мира по футболу способствует интеграции новых сил в формировании национального государства.

⁶⁷⁵ Петров А.П., Голощапов И.П., Трансформация политической парадигмы и вековой код русской культуры. // Вестник ЗабГУ. 2016. Т.22 №2. –С.48-54.

⁶⁷⁶ Санина А.Г., Козлова А.А, Триголос О.В. Влияние Олимпийских Игр в Сочи на формирование государственной идентичности молодых Россиян: Результаты Эмпирического исследования. 16 с. 2014

Спорт представляет собой уникальное средство для пробуждения национальных чувств, который выступает в роли символического действия, для существования самой нации.⁶⁷⁷

«Спорт не может завоевать территорию, сокрушить идеологию или религию, но способен поддержать строительство нации»⁶⁷⁸.

Спортивная борьба, стремление к победе, соперничество между спортсмена мирового уровня создают мощный эмоциональный фон, который способствует усилению желания победы своей национальной команды, спортсмена, и тем самым идентифицируется на национальном уровне.

Олимпийские Игры в Сочи стали попыткой трансляции общественному мнению новых российских героев, а миру – Новой России. Для населения страны, успех российской команды ознаменовался возрождением страны, возвращением себе утраченных позиций. СМИ пытались сформировать образ героев из спортсменов победителей домашней олимпиады.⁶⁷⁹

Вторым фактором, влияющий на формирования национально – государственной идентичности является образ «врага», присутствующий на мировой спортивной арене.

Т. Евгеньева, считает, что образ «врага» в своей основе лежит на восприятии объекта не столько, как незнакомого и чужеродного, но и как потенциально опасного.⁶⁸⁰ Таким образом, для поддержания, трансформации национально–государственной идентичности необходимо присутствие «других» внешних и не редко внутренних «врагов», оказывающие влияние на процесс идентификации. Образ «врага» - действенное средство внушения, наличие общего сильного врага, как правило, заставляет общество сплотиться вокруг власти.⁶⁸¹ В связи с этим общество способно консолидироваться и укреплять свою идентичность, как одну из своих жизненно важных интересов.

Хлебников И.Е. (РУДН, Москва)

ФЕНОМЕН ХОЛОДНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ США

С конца 2000-х годов в США наблюдается череда внутривнутриполитических кризисов и конфликтов. Ее условным началом можно считать избрание Барака Обамы на пост президента (хотя, безусловно, основополагающие причины этого процесса берут свое начало еще в 20-м веке). То, что предполагалось долгожданным достижением «пострасовой» эпохи и началом «нового американского века», не только не привело к желаемым результатам, но и оказало противоположное влияние на американское общество. К концу второго срока Обамы уровень межрасовой враждебности находился на одном из самых высоких уровней за всю историю наблюдений⁶⁸², а масштаб столкновений и бунтов на расовой почве был сравним с тем, что происходило в 60-х годах прошлого столетия.

⁶⁷⁷ Jarvie G. Sport, Nationalism, and Cultural Identity, in: *The Changing Politics of Sport*, ed. by L. Allison. Manchester: Manchester University Press, 1993, pp. 58–83.

⁶⁷⁸ Cronin M., Mayall D. Sport and Ethnicity: Some Introductory Remarks, in: *Sportingnationalisms: Identity, Ethnicity, Immigration and Assimilation*, ed. by M. Cronin and D. Mayall. Portland: Frank Cass Publishers, 2005. Pp. 1–13

⁶⁷⁹ Абрамов А.В. Современный Российский патриотизм как маркер гражданской идентичности личности и общества. Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки» 2014/ №3. С. 215 – 221.

⁶⁸⁰ Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи // *Полития*. 2007. № 3

⁶⁸¹ Ачкасов В.А. Роль «Образа врага» в процессах этнополитической мобилизации. СПбГУ. С. 106 – 128.

⁶⁸² U.S. Worries About Race Relations Reach a New High // *Gallup News*. 11 April 2016. URL: <http://news.gallup.com/poll/190574/worries-race-relations-reach-new-high.aspx>

Для американской политической культуры характерно излишнее заострение внимания на расовой тематике, однако масштаб кризисов, которые испытывает американское общество, выходит ее пределы. К ним можно отнести феномен движения Occupy Wall Street, неспособность политических элит договориться о курсе реформ системы здравоохранения (введение и попытка отмены Obamacare), кризис в обеих политических партиях, где произошел отрыв верхов от низовых сторонников (что нашло свое выражение в поддержке внесистемных кандидатов таких как, Берни Сандерс и Дональд Трамп), полемику вокруг символики Конфедеративных Штатов Америки, падение доверия граждан к основным властным институтам, превращение Верховного суда в инструмент проведения той или иной политики, неконтролируемую массовую иммиграцию при все большем недовольстве ею среди граждан, конфликты по поводу свободы слова в университетах и объективности мейнстримных СМИ и многое другое.

Все эти системные проблемы, безусловно, имеют набор различных факторов в своей основе. Одной из наиболее популярных объяснительных моделей является конфликт между традиционными элитами и противостоящими им популистскими движениями (например, Партия чаепития, движение Black Lives Matter) и лидерами. Такой подход, конечно, имеет право на существование, однако вместе с тем, обращает на себя внимание, что во многих ситуациях у условно «элитной» стороны имеется поддержка со стороны достаточно широких слоев населения. Так, хотя лично Хиллари Клинтон являлась нехаризматичным политиком, типичным представителем истеблишмент, а ее избирательную кампанию сопровождала череда скандалов, в итоге она набрала больше голосов на выборах, чем ее соперник. Теоретически это можно отнести на счет активной кампании по мобилизации электората под лозунгом недопущения к власти конкретно Трампа.

Однако даже спустя почти год после выборов продолжается сопротивление избранному президенту не только со стороны высокопоставленных политиков и бюрократов, но и со стороны рядовых граждан: рядовых чиновников, журналистов, студентов и т.п. Степень эмоциональности конфликта позволяет предположить, что имеет место не просто раскол общества по поводу проводимых политик, но по поводу более глубоких ценностей. Люди, составляющие американскую нацию, будучи оторванными от своих корней и не имея многовековой истории, обосновывали свою лояльность друг другу через понятие «договорной нации» (Proposition nation).

Однако в случае, если по наиболее фундаментальным вопросам между членами нации наступает раздор, то в таком обществе просто отсутствуют другие механизмы удержания его частей от взаимного противостояния⁶⁸³. При этом социальная инерция и опасения дестабилизации своей страны удерживает части от немедленного к открытому конфликту, заставляя их маскировать свои действия соображениями высшего порядка (противостояние популизму, возвращение власти народу, достижение социальной справедливости). В тоже время отсутствие артикуляции настоящих интересов предотвращает возможности достичь постоянного мира (или хотя бы перемирия) через договорной процесс.

Очевидно, что по мере нарастания взаимной враждебности, а также по мере накопления ошибок в процессе управления государством и обществом, противостоящие друг другу нации должны будут каким-то образом разрешить накопленные противоречия: в ходе открытого конфликта, установления авторитарной формы правления или сепарации на несколько независимых государств. В тоже время тот факт, что эти процессы происходят в мировом политическом и финансовом гегемоне, внешняя политика которого отличается интервенционизмом, представляет собой угрозу стабильности всего мирового порядка⁶⁸⁴.

⁶⁸³ Buchanan P., What Still Unites Us? // Buchanan.org. 24 August 2017. URL: <http://buchanan.org/blog/still-unites-us-127570>

⁶⁸⁴ Дробницкий Д., Левая сверхдержава. XXI век // Политаналитика. 5 сентября 2017. URL: <http://www.politanalitika.ru/v-polose-mnenij/levaya-sverhderzhava-xxi-vek/>

ПОПУЛИЗМ И САТИРА КАК НОВЫЕ ГРАНИ ПОЛИТИЧЕСКОГО

«КОНЕЦ ПОЛИТИКИ ТЩЕСЛАВНЫХ»⁶⁸⁵. В настоящее время происходит форматирование политического пространства в сторону волонтерства, кооперативизма, гражданской инициативы, неклассических политических практик, усиления маргинальных партий и, в целом, импровизации⁶⁸⁶. Многие мировые лидеры почувствовали этот переход, что породило политические события, которые сложно было спрогнозировать (Brexit, аналогичный референдум в Италии, электоральные процессы в Европе и США). А также привело к усилению популистского дискурса.

РОЖДЕНИЕ НОВОГО ПОПУЛИЗМА: МЕЖДУ ПРАВЫМИ И ЛЕВЫМИ. Помимо роста правого (в центральной Европе) и левого популизма (в южной) развивается его синтезированный тип: «Партия свободы» в Нидерландах, партии скандинавских стран (шведские демократы, «Подлинные финны», «Датская народная партия», «Партия прогресса в Норвегии») – здесь внутренняя политика имеет левый уклон, а внешняя – правый. В контексте метамодерна это не является противоречием, а еще одним проявлением metaxu – промежуточности, относительности. Ангела Меркель также может рассматриваться как представитель новой политики: внешняя политика Германии выстраивается по логике единого европейского пространства, а внутренняя – спорадическая, с опорой на общественную поддержку и тренды.

МОБИЛИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ НИГИЛИЗМ. Ключевой особенностью метамодернистского мира является всепронизывающий феномен фейка. Суть нового популизма заключается в эффекте мобилизации новых слоев общества через недоверие политическим, корпоративным и медиа-элитам⁶⁸⁷. Антикоррупционные протесты в России в 2017 г. эксперты РАНХиГС и НИУ ВШЭ рассматривают как протест поколения людей, выросших без телевидения и монополии единой точки зрения, что сделало новое поколение рефлексивным, осознанным, с потенциалом к политическому действию. Испанская «Подemos», американские Occupy Wall Street и The Tea Party также наращивают политический вес благодаря новому слою населения.

САТИРА СТАЛА СПОСОБОМ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ. Ощущение «мыльного пузыря» от политики и политиков породило политический сарказм, носители которого в настоящее время по иронии имеют реальную политическую силу. Образ комика-правителя – это эссенция «конца политики тщеславных», которую представляют многие высокопоставленные лица и влиятельные партии: Йон Гнарр и «Лучшая партия» в Норвегии, итальянское «Движение Пяти звезд», немецкая партия «Die Partei», император Палпатин в горсовете Одессы, комик Джимми Моралес избранный президентом Гватемалы и др. Победитель президентских выборов США 2016 г. Дональд Трамп также вписывается в экспериментально-абсурдистскую тенденцию. В итоге, фигуры, изначально расценивающиеся как шутка над политикой, в настоящее время ее реализуют.

ОБЩЕСТВО СТРЕМИТСЯ ВЫЙТИ ИЗ СПЕКТАКЛЯ. Новый популизм выступает как ответ обществу спектакля Ги Дебора, в котором транслируемые властью образы становились объективной реальностью⁶⁸⁸. По всей видимости происходит преодоление этого паттерна посредством высмеивания, разрушения сакральных политических символов.

⁶⁸⁵ Бречалов А. Конеч политики тщеславных. Expert Online, 2015. URL: <http://expert.ru/2015/10/22/konets-politiki-tscheslavnyih/> (Дата обращения: 04.05.2017).

⁶⁸⁶ Slaughter A-M. Podcast: What works better in foreign policy: cooperation or coercion? The Economist, 20.04.2017. URL: <http://www.economist.com/news/international/21721271-podcast-what-works-better-foreign-policy-cooperation-or-coercion> (Дата обращения: 04.05.2017).

⁶⁸⁷ Cassidy J. Bernie Sanders and the new populism. The New Yorker, 03.02.2016. URL: <http://www.newyorker.com/news/john-cassidy/bernie-sanders-and-the-new-populism> (Дата обращения: 04.05.2017).

⁶⁸⁸ Дебор Г. Общество спектакля. - М.: Логос, 2000. С. 8.

Таким образом, современный метамодернистский мир с его феноменом постправды находится в стадии конструирования новой политики, старые ценности деконструируются через изобретение нового языка и высмеивание старого. Это время разоблачающей сатиры и популизма, который способен проявлять себя как бесстыдная лобовая манипуляция общественным мнением, так и новая форма политической искренности.

Цветкова О.В. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)
**МОДИФИКАЦИЯ СУБНАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА РОССИИ: ИТОГИ И УРОКИ**

В настоящее время перед обществом стоит задача - переосмыслить влияние революций 1917 года на политическую систему в целом. Необходимо сделать выводы и ответить на основные вопросы: почему разрушалась прежняя система? Каким образом конструировалась новая внутренняя политико-территориальная система?

Субнациональное политическое пространство России включает 85 субъектов, 50 субъектов являются приграничными и имеют государственную границу, причем у 21 субъекта межгосударственные границы являются старыми, унаследованными от советского периода и, значит, обустроенными, у 23 субъектов новые границы, что требует обустройства. К территориям с новыми субнациональными границами относятся субъекты РФ, которые приобрели статус приграничных после распада СССР и присоединения Крыма и Севастополя.

Модификация субнационального политического пространства России происходит в результате воздействия системных факторов: исторической устойчивости (давность) различных участков субнациональных границ, типологии субнациональных границ (старые и новые границы), степени контактности субнациональных границ (открытые и закрытые); эфемерности (непродолжительного существования) субнациональных границ; укрупнения и разукрупнения территориально-административных единиц.

В конкретных условиях при моделировании субнациональных границ субъектов РФ учитываются либо несколько, либо один из факторов. С течением времени их значимость может изменяться, и тогда начинают развиваться процессы, дестабилизирующие ситуацию в субнациональном пограничье.

История формирования субнационального политического пространства России проходит по трем основным периодам: имперский, советский и современный.

Имперский период (XVIII - начало XX в.) разделен на два отрезка в становлении губернских границ: фаза имперского становления и расширения внешних рубежей (XVIII в.), которая характеризуется нестабильными субнациональными (губернскими) границами; фаза имперской стабильности (XIX - начало XX в.), характеризующийся устойчивым субнациональным политическим пространством.

Октябрьская революция 1917 года развязала стихию регионализации, образования советских и несоветских республик, автономий. На окраинах (на Украине, в Белоруссии, Закавказье, Средней Азии, Сибири) и в срединных районах с нерусским населением (на Урале и Волге) в 1918-1920 годах провозглашались автономные или независимые республики (Трудовая коммуна Немцев Поволжья, "малая" Башкирия - прообразы будущих автономных республик (АССР) и областей (АО)).

Верхнее звено деления РСФСР стало двойственным: помимо губерний как наследия собственно АД унитарного государства, появились автономии, субгосударства - элементы деления политического. Именно их обилие, с точки зрения позднейшего советского права, делало Россию федерацией.

Таким образом, советский период характеризуется стабильными внешними политическими границами, но неустойчивыми внутренним субнациональным пространством.

В современный период происходит трансформация политического субнационального пространства России, связанная с процессами укрупнения и разукрупнения, присоединения или отсечения участков территорий одного субъекта РФ под управление другого.

В частности, в отношении субнационального политического пространства России, как показывает практика, за последние годы было обнародовано множество проектов реформы административно-территориального деления Российской Федерации. В настоящее время проблема укрупнения и разукрупнения ряда субъектов Российской Федерации находится в эпицентре политических дискуссий. Лидер партии «ЛДПР» В. Жириновский неоднократно высказывал идею об упразднении национальных республик и превращении их в губернии⁶⁸⁹. В апреле 2016 года спикер Совета Федерации В. Матвиенко объявила о «необходимости укрупнения ряда субъектов РФ»⁶⁹⁰. На московском урбанистическом форуме в июле 2016 года мэр столицы С. Собянин заявил о том, что «правительство страны работает над новым территориальным устройством страны, которое примет во внимание современные процессы урбанизации»⁶⁹¹. Идея укрупнения субъектов Российской Федерации прозвучала в предвыборных программах 2016 года в Государственную Думу многих партийных лидеров⁶⁹².

Настало время извлечь уроки, так как изменение субнационального пространства в многонациональной стране как Россия может иметь необратимые последствия. В первую очередь необходимо учитывать национально-территориальный принцип административного деления территории Российской Федерации.

Чалов И.В. (ТвГУ, Тверь)

ВОЗВРАЩЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОВЕСТКИ В РОССИЙСКУЮ ПОЛИТИКУ: ПРИЧИНЫ И ВОЗМОЖНЫЕ СЛЕДСТВИЯ

В сфере отношений между центром и регионами РФ первое десятилетие XXI века было ознаменовано выстраиванием «вертикали власти», формальной унификацией и централизацией регионального управления. Одним из ключевых факторов формирования этой системы стали нефтяные сверхдоходы, позволившие построить отношения между Москвой и субъектами федерации по принципу «лояльность в обмен на бюджетные трансферты». Однако, противоречия регионального развития за это время не только не исчезли, но в некоторых сферах стали ещё более значимыми, чем раньше. Попытки территориального развития и сокращения социально-экономической дифференциации между регионами России не привели к сколь-либо значимым результатам⁶⁹³.

Тем не менее, результатом этой централизации стало практически полное исключение региональной составляющей из политического процесса. С одной стороны, с выстраиванием «вертикали власти» все значимые решения, касающиеся управления регионами, стали приниматься в столице. С другой – были целенаправленно выхолощены все институты формального представительства региональных интересов на федеральном уровне, включая Совет Федерации.

⁶⁸⁹ «Владимир Жириновский: не Татария, а Казанский край» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1376336.html>

⁶⁹⁰ «В России могут появиться «суперсубъекты»» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2016/4/27/807577.html>

⁶⁹¹ «Численность населения на территории московской агломерации достигла 25 миллионов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/2152091.html>

⁶⁹² «Пересмотр границ регионов встряхнет РФ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.utro.ru/articles/2016/04/28/1280252.shtml>

⁶⁹³ Starodubtsev, A. Bureaucratic Strength and Presidential Inattention: Disempowering Territorial Development Instruments in Russia / RUSSIAN ANALYTICAL DIGEST. No 201. 18 April 2017. pp. 10-13 [Электронный ресурс] URL: <http://www.css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/RAD201.pdf>

В настоящее время мы наблюдаем возвращение региональной повестки в российскую политику. Пока что эти изменения не бросаются в глаза, однако в ближайшие годы значение отношений между центром и регионами будет неизбежно возрастать. Этому будут способствовать два ключевых фактора: изменение межбюджетных отношений и трансформация электоральной системы. Изменения в бюджетных отношениях вызваны сокращением углеводородной ренты и, следовательно, возможностей Москвы влиять на региональные власти посредством распределения трансфертов и государственных инвестиций. Как отмечает Н.В. Зубаревич, в новой экономической ситуации «российские власти пошли по привычному пути фискальной оптимизации: начали «резать» социальные расходы, не меняя неэффективные институты»⁶⁹⁴.

Усиление роли региональных элит в электоральном процессе также оказалось вынужденной мерой. Последствия выборов 2011-2012 годов показали, что получить достойный результат без активного содействия «на местах» становится невозможно: несмотря на все внешние проявления лояльности только личная заинтересованность региональных элит в результатах выборов способна обеспечить необходимый уровень электоральной поддержки. Это осознание выразилось в восстановлении смешанной системы выборов в Государственную Думу и возврату к выборам глав регионов. При этом были предприняты целый ряд мер, обеспечивающих предсказуемость и неконкурентный характер этих выборов. Как отмечает Г.В. Голосов, «риски, связанные с допуском региональных акторов к парламентскому представительству, были вполне осознаны в Кремле, поскольку более года потребовалось для окончательного принятия решения о выборе электоральной системы»⁶⁹⁵.

В данной ситуации возрастает роль силовых структур как агентов федерального центра в регионах. Распространение неформальных практик на всех уровнях власти открывает практически неограниченные перспективы правоохранительного вмешательства в региональную политику. Подтверждением этого тезиса могут служить громкие уголовные дела в отношении губернаторов и высших региональных чиновников. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что громкие отставки и уголовные дела возникают только там, где они не угрожают стабильности в регионе или даже способствуют укреплению позиций правящей элиты⁶⁹⁶.

Расширение регионального представительства в ситуации современной России сопряжено с определёнными угрозами. Речь пока не идёт о территориальной дезинтеграции. Актуальная проблема связана с характером самих региональных политических режимов. На уровне субъектов авторитарные тенденции проявляются в более ярких формах, чем на федеральном уровне. Поэтому в случае современной России децентрализация может создать дополнительные препятствия демократизации политического режима.

⁶⁹⁴ Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики / Мир новой экономики. №2/2017. С. 46-57

⁶⁹⁵ Golosov G.V. Authoritarian Learning in the Development of Russia's Electoral System / RUSSIAN POLITICS 2 (2017). P.201

⁶⁹⁶ De Stefano, C. Kremlin-Governor Relations in the Run-Up to 2018 Presidential Elections / RUSSIAN ANALYTICAL DIGEST. No 201. 18 April 2017. pp. 2-6 [Электронный ресурс] URL: <http://www.css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/RAD201.pdf>

ПОЛИТИКА НЕ РЕВОЛЮЦИЙ, НО ИННОВАЦИЙ: ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В РОССИИ

Современная экономика знаний опирается не только на научные прорывы, но на их практические, востребованные рынком применения – инновации. Инновационная политика России выражена в следующем утверждении Стратегии РФ до 2020 г.: «Переход к инновационной экономике – абсолютный императив развития России»⁶⁹⁷. Однако понятие инноваций в развитых странах связывается не только с различными упованиями, но становится предметом разнообразных пристальных рефлексий, которые хотелось бы развить также и в отечественном академическом дискурсе.

Как правило, инновации связываются с передовым краем технологий, и, на первый взгляд, мало ассоциируются с гуманитарными и социальными изысканиями. Однако современный этап осмысления инновационных процессов отводит огромную роль политике и культуре. Вопросы управления инновациями в современном мире так или иначе связаны со следующими аспектами этого понятия, целиком принадлежащими к сфере «нетехнического»:

1) с экономическим, когда инновация понимается как реализованное новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов или продукции в соответствии с требованиями рынка;

2) с ценностным, когда инновация понимается как часть “responsible development» - осознания общественных целей и ценностей исследований и изобретений;

3) с эпистемологическим, когда инновация может использоваться как один из критериев проверки научного знания;

4) с психологическим, когда инновация рассматривается как востребованная обществом способность к новаторскому мышлению.

Данное исследование фокусируется на аспекте «ответственных инноваций», который проявляется как один из чувствительных нервов современной политики. Этот аспект широко освещается на академическом уровне в таких журналах как, например, *Journal of Product Innovation Management*, *International Journal of Technoethics*, *Journal of Responsible Innovation*.

Так, редакция журнала *Journal of Responsible Innovation* (США) в своей программной статье *Responsible innovation: motivations for a new journal* (2014), написанной при поддержке Национального научного фонда, отмечает необходимость участия представителей социальных и гуманитарных дисциплин в работе над инновационной политикой⁶⁹⁸. В середине прошлого века, говорится в статье, Детлев Бронк (Detlev Bronk), основатель биофизики и президент Национальной академии наук, попросил Конгресс Соединенных Штатов включить социальные науки в мандат Национального Научного фонда, обосновав это тем, что представители социальных наук должны работать рука об руку с естествоиспытателями, чтобы некоторые проблемы решались по мере их возникновения, если бы возникли в таком случае вообще. За последние несколько лет, отмечается в статье, уже состоялось множество встреч и исследовательских групп высокого уровня, проектов и сетей, направленных на концептуализацию и институционализацию ответственных инноваций. В Европе внимание к направлению ответственных исследований и инноваций стало проявляться в финансировании крупномасштабных, мультиинституциональных проектов; программа *Europe’s Horizon 2020* включает положение “Наука с обществом и для общества”, работающее с ответственными инновациями⁶⁹⁹.

⁶⁹⁷ Стратегия-2020: Новая модель роста - новая социальная политика. С. 50.

⁶⁹⁸ *Responsible innovation: motivations for a new journal*. *Journal of Responsible Innovation*, 2014 Vol. 1, No. 1, 1–8, <http://dx.doi.org/10.1080/23299460.2014.885175>

⁶⁹⁹ Цитируется по: *Responsible innovation: motivations for a new journal*. *Journal of Responsible Innovation*, 2014 Vol. 1, No. 1, 1–8, <http://dx.doi.org/10.1080/23299460.2014.885175>

Вопрос «в каком обществе мы хотели бы жить?» - основа для управления инновациями, и в этом смысле само понятие «ответственных инноваций» также должно быть открыто для рефлексивного переосмысления⁷⁰⁰.

Что касается России, у нас существовала традиция осмысления научно-технического прогресса, опирающаяся прежде всего на марксизм. Поэтому связь науки и технологий с общественным благом исследовалась, может быть, однобоко, но понимание важности подчинения технологий социальным запросам обрело свои концептуальные контуры. В качестве примера можно привести сборник ИНИОН «Научно-техническая революция и преимущества социализма. Научно-аналитический обзор» (1982), где на основе рассмотрения 84-х источников по теме обсуждаются связи НТР с различными экологическими, энергетическими, демографическими, градостроительными и прочими проблемами, причем эти проблемы исследуются как в локальном, так и в глобальном контексте.

Представляется, что развитие дискурса инновационной политики с обязательным вовлечением в него политологов, социологов, философов не только обогатит сферу социальных наук, но и создаст в России более благоприятный инновационный и инвестиционный климат.

Черненко Е.И. (ПетрГУ, Петрозаводск)

О ДИНАМИКЕ УЧАСТИЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ В КОНКУРСАХ НА ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ (2013-2017)

Мониторинг результатов участия СО НКО Республики Карелия в конкурсах президентских грантов, ведущийся с 2013 года по материалам портала Фонда президентских грантов (ранее – Портала Грантов Государственной поддержки ННО), позволяет определить степень результативности, проблемные зоны и зоны роста, влияющие на конкурентоспособность региональных общественных организаций в конкурсных отборах.

В рассматриваемый период значительно выросло количество участников конкурсов. После завершения первого конкурса 2017 года такой опыт имеют 123 организации, 23 организации представляют 10 районов республики, наибольшую активность проявили НКО Кондопожского, Пряжинского, Олонецкого районов. Всего за этот период на конкурсы было представлено 380 заявок карельских организаций.

В список грантополучателей входят 32 организации, из них 8 организаций – из районов республики. Неоднократно становились грантополучателями. КРОО «Карельская федерация ездового спорта» (Пряжинский МР) (трижды получала гранты), КРОО «Дом карельского языка» (Пряжинский МР) и КРОО «Живая деревня» (Олонецкий МР) – по 2 раза выигрывали гранты.

С 2013 по 2017 год (включая 1 конкурс 2017) республиканским организациям было выиграно 45 грантов (11,8 % от общего числа заявок) на общую сумму 57332219 руб. Постепенно увеличивается количество выделяемых грантов. Выросли и суммы выделяемых грантов. Так, в 2013 году региональные организации получили 8876516 руб. в 2016 – 19900948, по итогам первого конкурса 2017 года – 15 708 077 руб. В первом конкурсе 2017 года принимали участие 45 организаций, было подано 47 заявок. 18 организаций участвовали в конкурсе впервые. 14 организаций представляли районы республики. Выделено 12 грантов (27,9 % от количества заявок, допущенных до экспертизы). 4 проекта (8,5% от числа поданных заявок) не были допущены до экспертизы (по стране – 10,5%). По республике, эта ситуация с годами улучшается, так в 2015 году этот показатель составлял 18,3%.

⁷⁰⁰

Там же

Анализ поданных заявок и полученных грантов в первом конкурсе 2017 года по видам государственной поддержки позволяет сделать следующие выводы.

В 2017 году из 12 направлений государственной поддержки заявки были поданы по 10. По направлениям Защита прав и свобод человека и гражданина и Развитие общественной дипломатии заявок от региональных организаций не поступило. Больше всего заявок было подано по направлениям: Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан – 25,5%, Охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни – 14,%; Поддержка проектов в области культуры и искусства -14,9%; Сохранение исторической памяти – 12,8%.

По результатам первого конкурса гранты были выделены по 6 видам государственной поддержки. По количеству полученных грантов, на первые позиции выходит направление Сохранение исторической памяти – 3 гранта, по 4 направлениям (Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан, Охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни, Поддержка проектов в области науки, образования, просвещения; Поддержка проектов в области культуры и искусства) получено по 2 гранта. По объемам выделенных средств на первых позициях – направление Поддержка проектов в области науки, образования, просвещения (3352477 руб.); Охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни (3224734 руб.); Сохранение исторической памяти (3043300 руб.). Анализ этих итогов свидетельствует о необходимости расширения спектра подаваемых заявок по отдельным видам государственной поддержки.

Проявила себя проблема информационной открытости НКО. Из 45 грантозаявителей собственные сайты имеют 14 организаций, группы в социальных сетях – 12. Из 12 организаций – грантополучателей, 7 имеют свои сайты, 3 – страницы в социальных сетях, о 2 – присутствует информация на сайтах других организаций.

Еще одно наблюдение касается сравнения результатов конкурса 2017 по субъектам СЗФО (за исключением СПб). Анализируя эти данные можно говорить о том, что по ряду показателей (соотношение заявок и грантов, количество полученных грантов, сумма грантов) республиканские СО НКО уверенно занимают 3 место по СЗФО. Но по объему полученных средств, размерам отдельных грантов и по среднему значению веса одного гранта они значительно уступают лидерам из Архангельской и Вологодской области.

Общие итоги участия СО НКО республики в конкурсах свидетельствуют о растущем интересе и накапливаемом опыте участия республиканских организаций в проектной деятельности, достаточной эффективности и возможности преодоления проблемных зон, в том числе, и за счет организационного, информационного и методического сопровождения со стороны Общественной палаты республики и регионального Министерства по вопросам национальной политики, связям с общественными и религиозными объединениями.

Черникова В.В. (ВГУ, Воронеж)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС

Формирование региональной идентичности привлекает внимание различных исследователей. Интерес представляет и использование региональной идентичности в политических процессах.

Идентичность включает три основных аспекта: историческую (коллективную) память, представление о воображаемом «мы» и представления о «других». Коллективная память позволяет отразить исторические события, экстраполировать прошлое на настоящее и вероятностное будущее, почувствовать жизнеспособность своего сообщества. Представление о собственном «мы» – это состояние соотнесения личности с регионом.

Происходит формирование чувства солидарности регионального сообщества. Что принципиально важно при разработке стратегий предвыборной борьбы. Представления о «других» формируют дистанцию с другими сообществами. Идентификация «своих» и «чужих», поддерживает расколы в обществе, на основании которых происходит консолидация отдельных групп. Например, антимигрантских объединений.

Региональная идентичность в условиях политической борьбы может использоваться как политический ресурс, апеллируя к региональной групповой солидарности, региональной политической культуре и сложившимся моделям поведения. Она выступает инструментом политической мобилизации и коллективных действий, фактором политического поведения.

Рассмотрение инструментального аспекта региональной идентичности наиболее эффективно с точки зрения конструктивизма. Уместно использовать толкование В.Я. Гельмана, что «представляется более продуктивной исследовательская традиция, рассматривающая возникновение и развитие политической идентичности (в том числе и региональной) как результат деятельности политических акторов, которые пытаются использовать эти явления в своих интересах. Аналогом такого инструментального механизма формирования политической идентичности может служить механизм «изобретения традиции», описанный исследователями национализма».⁷⁰¹

Среди значимых акторов, использующих региональную идентичность в качестве политического ресурса, следует рассматривать политические элиты, поскольку им в значительной мере принадлежит контроль над символическим пространством и возможность инкорпорировать регионалистские установки в политическую повестку. Консолидация вокруг региональных ценностей используется как на внешнем политическом рынке (для лоббирования интересов региона перед федеральным центром), так и на внутреннем, в борьбе с оппозицией.

Идентичность может выступать в качестве индивидуального политического ресурса, когда критерием поддержки становятся не деловые качества кандидата, а его региональная принадлежность.

Наряду с региональными элитами этот ресурс стремятся использовать и оппоненты, играя с одной стороны, на чувстве региональной солидарности, с другой стороны, на тех потенциальных угрозах стабильности региональной жизни, которые не являются объектом внимания действующих элит.

Рассматривая кейс Воронежской области, можно отметить, что консолидация сообщества по принципу региональной солидарности, зачастую носит протестный характер (экологический протест по поводу добычи никеля, дополненный другими протестными акциями).

Можно выделить две стратегии использования региональной идентичности в политике. Первая стратегия предполагает консолидацию сообщества на основании самопредставления, с опорой на символы и традиции. Она в большей мере характерна для представителей правящих элит, стремящихся удержать власть. В качестве оппонентов предстают те, кто стремится «разрушить» сложившийся статус-кво, угрожает ценностям сообщества. Доступ к медийному ресурсу позволяет осуществлять контроль над информационным полем и максимизировать властный потенциал.

Другая стратегия характерна для контрэлит, оппозиции и внешних сил, стремящихся подорвать (или сократить) возможности действующей элитной группы. Это стратегия производства конфликта. В качестве мобилизационного ресурса также происходит апелляция к региональной идентичности, но на базе существующих расколов или проблем, особенно тех, которые актуализировались сравнительно недавно. В качестве мишеней выбираются представители элиты «не местного» происхождения (губернатор, его заместители), как лица не заинтересованные в развитии региона, носители другой идентичности. В качестве

⁷⁰¹ Гельман В.Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности / В.Я. Гельман // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 2, с. – 93.

проблем выступают наиболее слабые места в политике: приток мигрантов, экономический спад (если есть) или «разоблачение» официальной статистики (если спада нет), экологические показатели и т.д. В зависимости от изменения игроков, акцентируется внимание на конкретных вопросах.

Попытки внешних игроков (иностранных политиков) играть на этом поле пока малоэффективны и не оказывают влияние на региональное сообщество, однако сам факт расширения числа заинтересованных акторов заслуживает анализа.

Доминирование правящей партии на федеральном уровне в предвыборный период ставит перед политическими игроками задачу поиска других способов воздействия на население. Использование символического компонента региональной идентичности для обоснования программ и стратегий становится одним из таких способов.

Чернышов Ю.Г. (АлтГУ, Барнаул)

КОНСТРУКТИВИЗМ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИЙ: ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ ЧЕРТЫ В «НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВЕ» ПОСТСОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

Всякая кардинальная (революционная) смена общественного строя, как правило, сопровождается ломкой и заменой не только институтов, но и системы ценностей. События 1917 года в России продемонстрировали это со всей полнотой: разрыв с прошлым шел по давно известной формуле: «Поклонись тому, что сжигал, и сожги то, чему поклонялся». Монархизм сменился республиканизмом (по крайней мере, декларируемым), а религиозность - атеизмом. «Первое в мире государство рабочих и крестьян» сразу приступило к выстраиванию новой системы власти, новых символов и идентичностей. При этом активно использовались методы «социальной инженерии»: общество, как заметил еще Льюис Мамфорд, в XX веке все чаще регулировалось «сверху», как Мегамашина, по заранее намеченным планам⁷⁰². Однако после распада СССР начались новые преобразования – «нациестроительство» происходит уже в иных направлениях. Хотелось бы, развивая выводы существующих исследований⁷⁰³, остановиться на вопросе о том, какие общие и особенные черты этой политики проявляются в постсоветских государствах.

Термин «nation-building» распространился в англоязычной литературе в 1960-е гг. Страны, получившие свободу от колониальной зависимости, приступали в это время к «формированию наций». Затем, уже в последнее десятилетие этого века, появляется еще ряд новых государств, причем не только на постсоветском пространстве, но и в других регионах мира. Перед ними тоже встает задача консолидации и «выстраивания» нации на новых основах. В трактовках самого понятия «нациестроительство» уже тогда проявились различия «примордиалистских» и «конструктивистских» подходов. В первом случае акцент делался на объективно обусловленные процессы, традиции, роль языка и культуры, а во втором – на преобразующую роль государства, выстраивающего новые идентичности. Разумеется, вторая модель больше соответствовала идеологии «авторитарной модернизации», однако и в этом случае политики часто использовали апелляции к «почве», к национальным традициям.

Наиболее общими чертами процесса «нациестроительства» в постсоветских республиках были, пожалуй, резкое повышение роли «титального» этноса и смена элит, а также выстраивание новых идентичностей, призванных легитимизировать новые политики. В большинстве случаев «политика памяти» была направлена на «удревнение» истории «своего»

⁷⁰² Mumford L. Myth of the Machine. Vol. 1. Technics and Human Development. - N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1967. 352 p.

⁷⁰³ См., например: Летняков Д.Э. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // Мир России. 2016. № 2. С. 144-167.

этноса, на раскрытие прежде малоизвестных драматических страниц прошлого, на дистанцирование от России, которой отводилась роль «Другого». Разрабатывается новая государственная символика, отражающая национальные традиции и ценности, вводятся новые государственные праздники (в частности, связанные с обретением суверенитета) и т.д. Языковая политика также развивалась примерно в одном направлении: роль русского языка постепенно сокращалась и, наоборот, всемерно поддерживалось использование «национального» языка.

Говоря о своеобразных чертах процесса «нациестроительства» в данных государствах, следует учитывать, что даже исходные позиции в этом процессе существенно отличались. Одни страны уже имели опыт государственности (страны Балтии, Армения, Грузия и др.), другие – почти нет; в одних «титульный» этнос сохранил свои традиции и язык, а также свой численный вес, в других процессы ассимиляции зашли гораздо дальше (Беларусь, Казахстан, Украина и др.). Со временем все больше стали сказываться влияния тех религиозно-культурных традиций, к которым были исторически близки «титульные» народы: в одних странах заметно возрастает влияние ислама, в других – католицизма, протестантизма, автокефальных церквей. В рамках «многовекторной» политики правительства начинают все активнее развивать связи не только с Россией, но и с разными другими соседями – Евросоюзом, Турцией, Ираном, Китаем и т.д. Актуализируется цивилизационная идентичность: «мы – европейцы», «мы – евразийцы», «мы – часть исламского мира» и т.д. Достаточно большую роль во многих странах при выборе вектора развития сыграли авторитарные лидеры, однако и их влияние не было безграничным. Весьма характерно, например, что А.Г. Лукашенко, придя к власти в 1994 г., сменил курс нациестроительства с «литвинского» на «советский». Однако в последние годы под влиянием ряда факторов, как «внутренних», так и «внешних», этот курс подвергся заметной корректировке.

Таким образом, в целом чаще шло движение к выстраиванию не столько «гражданских», сколько «этнических» наций. Однако противоречивый процесс «нациестроительства» на этом не закончен. Можно прогнозировать, что многие из данных стран будут и дальше корректировать свою политику с учетом той степени влияния, которое будут оказывать на них различные общественные силы и международные акторы.

Чес Н.А. (МГИМО МИД России, Москва)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ЭПОХУ МЕДИАВОЙН: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ КОНСТАНТЫ И ДИСКУРСИВНЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ

Интенсивное развитие и распространение сетевых и компьютерных технологий, сопровождающееся глобализацией информационного пространства, радикальным образом изменяет форматы коммуникативного взаимодействия, обуславливая такие современные тенденции, как виртуализация общества и медиатизация политики. Как отмечает Тен ван Дейк, в полимодальной коммуникационной среде 21 века изучение политического дискурса, опосредованного СМИ, приобретает особую актуальность ввиду «гигантского властного потенциала» данного дискурса, открывающего широкие возможности для осуществления воздействия на «ментальные модели, знания, установки и даже идеологию реципиентов», то есть для «ментально опосредованного управления действиями других»⁷⁰⁴.

Многочисленные отечественные и зарубежные исследования, выполненные в рамках политической и когнитивной лингвистики, а также критического дискурс-анализа, свидетельствуют о том, что ангажированные представления о событиях в мире создаются в

⁷⁰⁴ Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. Изд. 2-е. – М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – С. 93.

процессе «конструирования концептуального содержания» при помощи ряда когнитивных механизмов, в число которых входит ориентация на нормы, идеалы, оценки, ценности, стереотипы⁷⁰⁵.

Аксиологические ориентации, образующие систему координат, в рамках которой происходит «интерпретация полученных знаний, вторичная концептуализация и вторичная категоризация»⁷⁰⁶, демонстрируют определенные межкультурные и межнациональные различия. Однако в национально-культурных ценностных пространствах можно выделить общие элементы и схемы – универсальные концептуальные константы, которые играют важную роль как в формировании концептуальных и языковых картин мира в целом, так и отдельных их сегментов. К такого рода базовым ценностно-ориентированным категориям с маркированной оценочностью относятся категории «свой» и «чужой». Отражая древнее архетипическое представление человека о мироустройстве, данные категории активно используются в современном политическом институциональном и медийном дискурсе в манипулятивных целях при реализации установки на конфронтацию.

В этой связи внимания заслуживает изучение американского политического институционального и медийного дискурса, в первую очередь в силу стремления США, имеющих в своем распоряжении значительные технологические и лингвистические ресурсы, к монополии в глобальном информационном пространстве; во-вторых, в контексте периодически возникающей перед американскими администрациями острой необходимости придать легитимность и популяризовать свои внешнеполитические действия, по официальным заявлениям направленные на распространение либерально-демократических ценностей и гражданских свобод, но фактически приводящие к силовой смене режимов, гражданским войнам и дестабилизации ситуации в отдельных регионах мира.

Результаты комплексного когнитивно-дискурсивного анализа текстов официальных заявлений и публичных выступлений президентов и высокопоставленных должностных лиц США, а также публикаций в американских СМИ в период войн в Афганистане (2001-2014 гг.), Ираке (2003-2011 гг.), Сирии (2011 – 2017 гг.) позволяют высказать предположение о существовании многокомпонентной концептуальной схемы или матрицы, представляющей собой сложный динамический фрейм, структурно объединяющий обязательные и вариативные элементы с различным ценностным и оценочным статусом. Методом когнитивного моделирования была проведена реконструкция основных элементов концептуальной матрицы и ряда когнитивных операций, на основании и посредством которых формируются идеологически маркированные представления; выявлены ключевые этапы реализации данной базовой схемы в дискурсе; установлены корреляции между доминантными прагматическими целями и репертуаром вербальных средств, обеспечивающих максимально эффективное выполнение прагматических задач на каждом из этапов реализации стратегии конфронтации в условиях информационной войны.

Сопоставление данных по трем вышеозначенным периодам свидетельствует о системном воспроизводстве ключевых элементов концептуальной матрицы и использовании определенного набора когнитивных процедур в схожих дискурсивных условиях для реализации аналогичных прагматических установок. Предлагаемая методика исследования закладывает основу для проведения диахронических исследований с целью выявления концептуальных констант и переменных.

⁷⁰⁵ Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов. Изд. 4-е, испр. и доп. - Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 101.

⁷⁰⁶ Там же. – С. 179.

Чирикова А.Е. (ИС ФНИСЦ РАН, Москва),
Ледяев В.Г. (НИУ ВШЭ, Москва)

КОАЛИЦИИ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ

Доклад опирается на результаты эмпирического исследования в 5 малых городах Пермского края, Ивановской и Тамбовской областей, выполненного в 2011-2015 гг. Основной эмпирический материал был получен в ходе 76 интервью (руководители законодательной и исполнительной власти, депутаты местных legislatures, чиновники, бизнесмены, руководители промышленных предприятий, партийных и общественных организаций, СМИ, эксперты).

Палитра взаимоотношений между бизнесом и властью очень широка. В докладе мы фокусируем внимание на коалициях, возникающих между ними в локальном политическом пространстве.

Как и любые коалиции – добровольные объединения (союзы) групп ради получения выгод, недоступных им по отдельности – коалиции бизнеса и власти выстраиваются ради их совместной выгоды и возможностей достижения значимых целей. Обнаруженные нами практики выстраивания коалиций оказались, судя по всему, достаточно типичными и одновременно весьма вариативными.

Что общего мы увидели в коалициях бизнеса и власти в пяти городах? Во-первых, в большинстве городов (исключение – моногород в Пермском крае) ведущей стороной во взаимоотношениях оказывались местные власти, чаще всего городская администрация. Это вполне естественно и отражает тот факт, что именно акторы публичного сектора, как правило, обладают наиболее значительным набором ресурсов власти и влияния, и не только на локальном уровне.

Во-вторых, во всех городах было обнаружено, что вступление в коалиции с властью со стороны отдельных групп бизнеса, особенно малого, часто было не в полной мере добровольным. Это обусловлено не только тем, что власть обладает довольно широким спектром возможностей влиять на бизнес и бизнесменов, но и отсутствием надежных правовых и социальных механизмов защиты бизнеса от произвола чиновников.

В-третьих, степень асимметрии, возникшая между руководством городской администрации и остальными акторами очень заметна; и она также может подрывать саму идею коалиции как союза акторов, принимающих коллегиальные решения. С этой точки зрения отношения могут выглядеть более похожими на чисто элитистские паттерны власти, чем на неоплюралистические когнитивные модели городских режимов.

В-четвертых, имеет место очень сильная персональная составляющая коалиций; фактически они часто выстраиваются вокруг одного человека и зависят от него. Поэтому изменения в руководстве исполнительной власти с очень большой долей вероятности могут привести к существенным изменениям в составе и конфигурации основных акторов.

В-пятых, взаимодействие между руководством города и представителями бизнеса часто не имеет четкой политической составляющей, а касается в основном частных экономических, а подчас и технических вопросов.

В-шестых, в отличие от американских и европейских городов, где солидные коалиции в городском политическом пространстве обычно опирались на какие-то формальные организационные площадки, выступавшие ареной согласования интересов участников коалиции, в российских городах таких организаций не оказалось.

Поэтому, в-седьмых, сложился дисбаланс формальных и неформальных связей в отношениях между бизнесом и властью: явное превалирование неформальных отношений над формальными.

Различия во взаимоотношениях между бизнесом и властью связаны с целым рядом параметров, в числе которых наиболее важными являются следующие:

1. Состав коалиций. Чаще других, как показало наше исследование, коалиции образуют наиболее влиятельные представители исполнительной власти и местного крупного и мелкого бизнеса; реже возникают коалиции власти с неместным (областным, региональным) бизнесом.

2. Мотивы формирования коалиций и их реальная повестка. Были обнаружены несколько различные балансы общественных и личных (корпоративных) интересов и целей участников коалиций.

3. Конфигурация формальных и неформальных площадок взаимодействия участников коалиций. Во всех городах имели место формальные структуры, призванные выражать интересы бизнеса и обеспечивать диалог бизнеса и власти; однако более эффективными оказались неформальные каналы взаимоотношений и представительства бизнеса.

Изучая эти и другие аспекты выстраивания коалиций бизнеса и власти, мы обнаружили довольно разные, хотя и в чем-то похожие модели взаимоотношений бизнеса и власти в малом городе. Не предлагая более-менее законченной классификации (типизации) коалиций, мы представим в докладе коалиции, которые были обозначены нами следующим образом: коалиции со «своими», коалиции с «неместными», электоральные коалиции («попасть и удержаться во власти»), коалиции ради личной выгоды, коалиции ради общественного блага. Выделение вышеобозначенных практик взаимодействия бизнеса и власти в локальных сообществах весьма условно: по сути мы смотрели на одни и те же практики под разным углом зрения. В реальности же они не только сосуществуют, но и в чем-то взаимообуславливают друг друга.

Чугунов А.В. (Университет ИТМО, Санкт-Петербург)
**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В современной российской политической науке отсутствует общепринятое определение электронного участия, как нового явления, находящегося на стыке политологии и информатики.

Вопрос о сфере применения термина «электронное участие» с точки зрения политической науки можно рассматривать, либо ограничивая его применение собственно сферой политических отношений, либо используя расширительную трактовку, а именно включая весь спектр проблем граждан, при решении которых задействованы органы власти и подведомственные структуры. Автор придерживается мнения, что необходимо использовать расширительную трактовку, т.к. в реальности трудно и невозможно отделить «чистую» политику от ее проявлений, которые непосредственно касаются жизни граждан. Некоторым подтверждением данного тезиса является и то, что вопросы, связанные с удовлетворенностью граждан результатами оказания государственных и муниципальных услуг, являются важным компонентом государственной политики не только в России, но и во всех государствах, придерживающихся той или иной модели демократии. Специфика реализации методов электронного участия также связана и с конкретной моделью политического процесса, реализуемой в соответствующей социокультурной среде и политической системе.

Исследование «электронного участия» в рамках политической науки должно опираться на понятие «политического участия» - деятельность граждан с целью влияния на принятие политических решений и их осуществление. К политическому участию относится и добровольная деятельность обычных граждан, не связанных с официальным осуществлением политических или управленческих функций.

В настоящее время большие возможности для электронного политического участия предоставляют социальные сети, интернет-форумы, краудсорсинговые ресурсы, порталы для

сбора подписей и т.д., которые становятся площадками для дискурсивного обсуждения актуальных общественных проблем. Этот сегмент общественной жизни (а также соответствующий инструментарий) формируется силами не только и не столько государственных структур, сколько общественными организациями и движениями, а также самими гражданами.

Концепция развития «электронного участия» (e-Participation) опирается на концепцию «электронного управления» (e-Governance), которая, в отличие от концептуальной линии «электронного правительства» (e-Government) предполагает широкое вовлечение граждан и структур гражданского общества к управлению и развитие методов (организационных технологий) учета общественного мнения и краудсорсинга.

Можно констатировать, что методы и технологии электронного участия являются необходимым «механизмом» (или экосистемой) обеспечения реализации принципов и концепции e-Governance в сфере государственного и муниципального управления. И в данном контексте технологии и сервисы e-Government играют уже вспомогательную роль – роль базовой информационно-технологической платформы, обеспечивающей взаимодействие в режиме G2G, G2C, G2B. Зачастую системы e-Government функционируют изолированно от систем e-Participation, однако максимальный прогресс и тем самым соответствие концепции и принципам e-Governance достигается в том случае, когда реализуются «шлюзы», обеспечивающие непосредственное взаимодействие в режиме реального времени между системами e-Government и e-Participation. В этом случае в общую экосистему электронного взаимодействия включаются сервисы в режиме C2G и B2G.

Для того, чтобы построить модель институциональных отношений между властью и гражданами, реализуемых в информационной среде, феномен «Электронное участие» необходимо рассматривать в тесной связи и в общем контексте с рассмотрением феномена «Электронное правительство». Причем институциональные аспекты, в том числе нормы и правила, формулируемые как в правовой базе, так и на уровне межэлитных отношений, являются определяющими. Модель институциональных отношений включает взаимодействие между центрами принятия решений, нормативную правовую базу, регулирующую правила функционирования инфраструктуры, обеспечивающей электронное взаимодействие граждан с органами власти. Естественно, в модель входят не только федеральные, но и региональные власти, а также собственно граждане, использующие различные каналы взаимодействия с властью. Причем каналы могут быть, как независимые, так и встроенные в систему государственных информационных ресурсов (рис. 1).

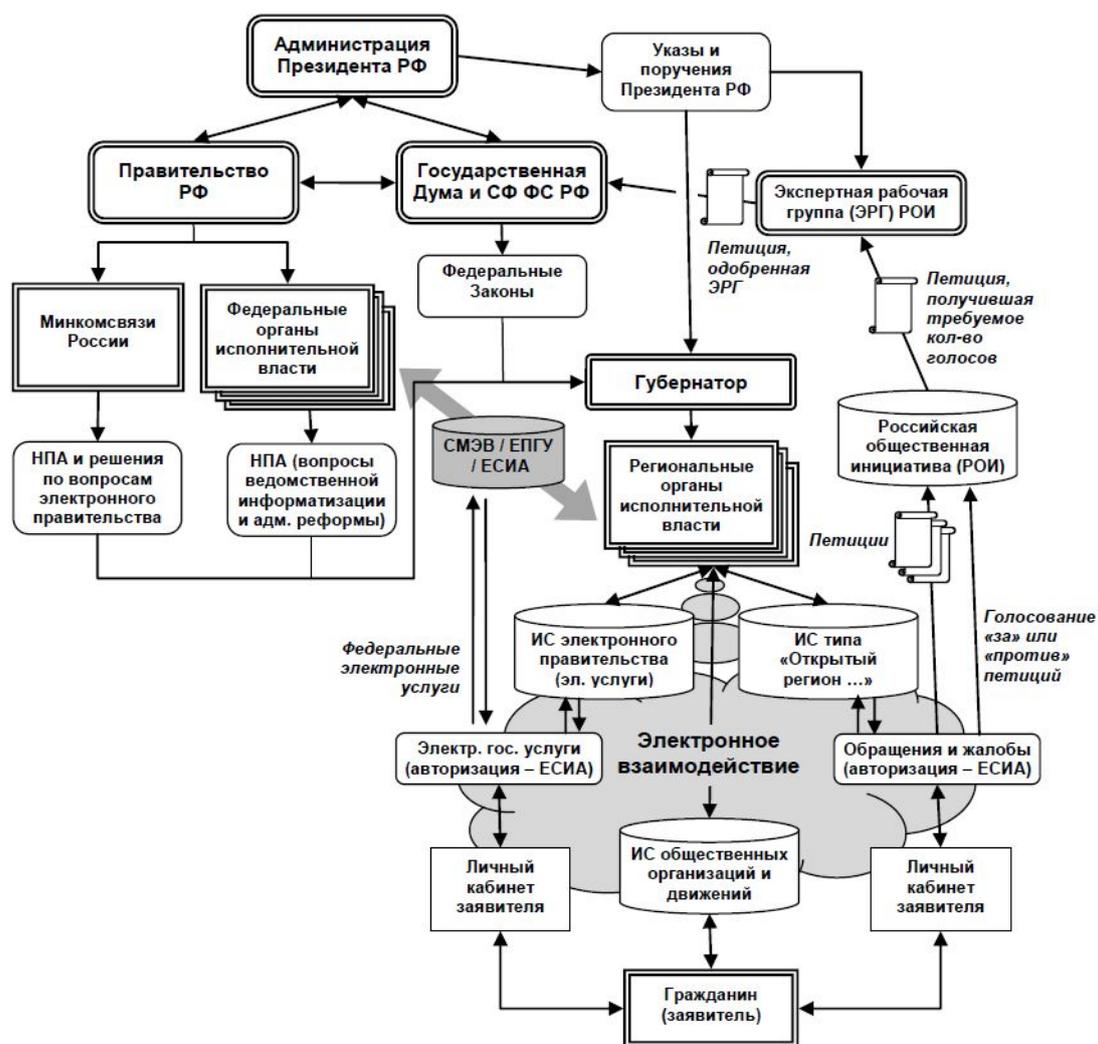

Рис. 1. Обобщенная схема институционального взаимодействия электронного правительства и электронного участия в Российской Федерации (по состоянию на 2016 г.)

На наш взгляд можно вычлениить три основных канала электронного взаимодействия в современной России:

- официальный канал, обеспечивающий функционирование системы электронных услуг (электронное правительство);
- неофициальный канал, представленный информационными системами общественных организаций и движений (электронное участие, инициированное гражданами);
- официальный канал, обеспечивающий обратную связь власти с гражданами через информационные системы, созданные и поддерживаемые органами власти или подведомственными организациями (электронное участие, инициированное властью).

При этом два канала электронного участия явно выполняют функцию «обратной связи» для всей системы, представленной на данной схеме. Легитимность ресурса электронного участия является важной позицией, которая существенно влияет на его популярность и востребованность со стороны граждан.

Электронное участие, как комплекс методов и инструментов, обеспечивающих информационное взаимодействие граждан и органов власти, следует рассматривать как применительно к политическим процессам, так и ко всему спектру проблем граждан, при решении которых задействованы органы власти и подведомственные структуры. Соответственно к ресурсам электронного участия относятся, например, и системы, обеспечивающие реагирование власти на проблемы ЖКХ и городского хозяйства.

Электронное участие - важный компонент, обеспечивающий «обратную связь» для всей системы электронного взаимодействия гражданина и власти, включающей, в том числе, и многоуровневую инфраструктуру электронного правительства. Однако в настоящее время эта обратная связь функционирует недостаточно эффективно: имеется ряд институциональных барьеров, созданных властью для исключения возможности использования технологий электронного участия внесистемной оппозицией.

Шабров О.Ф. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)
ЭПОХА ПОСТМОДЕРНА: НОВЫЕ РЕАЛИИ И ВЫЗОВЫ

Становится всё более очевидным, что на рубеже тысячелетий мир радикально изменился. Недаром в научный обиход вошло понятие постмодерна, отражающее разрыв современной эпохи и эпохи «модернити», базировавшейся на развитом индустриальном технологическом укладе⁷⁰⁷. Но до сих пор в политической науке остаются, на наш взгляд, недостаточно отрефлексированными радикальные изменения, с которыми связан этот переход.

1. Наиболее очевидное из них □ завершение очередного цикла мировой гегемонии и постепенная, но неуклонная утрата лидерства Соединёнными Штатами Америки. Согласно прогнозу, опубликованному в журнале «Forbes», к 2018 году вклад Китая в мировой ВВП превзойдёт вклад США⁷⁰⁸. Одной из особенностей XXI века, проявляющихся наиболее наглядно, является всё более откровенный передел сфер влияния.

2. Острота проблемы очередного передела усугубляется растущими амбициями новых коллективных игроков □ транснациональных корпораций и мировых финансовых центров. Сегодня уже многие авторы рассматривают влияние ТНК на государственное управление как свершившийся факт⁷⁰⁹. Наглядно демонстрирует это беспрецедентная травля в собственной стране законно избранного Президента США Д.Трампа, покусившегося на детище ТНК, □ транстихоокеанское торговое партнёрство, □ ущемлявшее, по мнению американских экспертов, даже суверенитет США⁷¹⁰.

3. В отличие от предыдущих «мировых перестроек» нынешний передел сфер влияния происходит на фоне глобального истощения природных ресурсов, которое прогнозировали авторы опубликованного в 1972 году коллективного труда «Пределы роста. Доклад Римскому клубу»⁷¹¹. В опубликованной через 30 лет по результатам нового исследования книге авторы

⁷⁰⁷ См., напр.: Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // ПОЛИС. – 1997. – №4.

⁷⁰⁸ Mike Patton. China's Economy Will Overtake The U.S. In 2018 // Forbes/ URL: <https://www.forbes.com/sites/mikepatton/2016/04/29/global-economic-news-china-will-surpass-the-u-s-in-2018/#3cad7402224a> (дата обращения: 26.08.2016).

⁷⁰⁹ См., напр.: Войтоловский Ф.Г. Механизмы косвенного влияния ТНК на принятие внешнеполитических решений в США: истоки и современность // ТНК в мировой политике и мировой экономике: проблемы, тенденции, перспективы. - М., 2005. С.92 – 98; Кочетков А.П. Национальное государство в условиях глобализации // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы. - М., 2015. С.95 – 108.

⁷¹⁰ См., напр.: Trump to withdraw from Trans-Pacific Partnership on first day in office // TheGuardian. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/nov/21/donald-trump-100-days-plans-video-trans-pacific-partnership-withdraw> (дата обращения: 26.08.2016).; Colorado Alliance for Immigration Reform URL: <http://www.cairco.org/highlights/secretive-sovereignty-subverting-trans-pacific-partnership> (дата обращения: 26.08.2016).

⁷¹¹ См.: Медоуз Д. и др. Пределы роста / Пер. с англ.; Предисл. Г. А. Ягодина. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 208 с.

делают прогноз, что «через 20 лет общество открыто признает факт выхода за пределы»⁷¹². И сегодня мы являемся свидетелями ожесточённой борьбы за природные ресурсы.

4. Проблема ресурсов ставит человечество перед дилеммой: либо радикальное сокращение численности населения, либо ограничение материального потребления населением развитых стран. Первый путь несовместим с провозглашаемыми Западом ценностями. Второй — с моделью общества потребления, обеспечивавшей процветание странам «золотого миллиарда» и сулившая экономический рост «второму» и «третьему» миру в XX столетии.

5. Превращение ТНК и МФЦ в глобальных надгосударственных игроков ставит под вопрос и возможности функционирования западной модели представительной демократии. Ведь в той степени, в которой государство утрачивает внешний суверенитет, доля власти, принадлежащая народу, сокращается. И народ, формально оставаясь источником власти, в реальности сталкивается с конкуренцией ещё одного могущественного источника власти — ТНК и МФЦ, интересы которых далеко не всегда совпадают с национальными интересами. В принципе ставится под вопрос эффективность современного национального государства.

6. Деформируется и сам источник власти над тем, что остаётся в распоряжении государства, — народ как исторически сложившаяся в рамках страны, объединённая общей исторической памятью и заложенными в сознании социальными ценностями общность, сплочённая чувством идентичности, связи собственной судьбы с судьбой страны. С одной стороны, радикальное ускорение хода истории объективно затрудняет социальное наследование, опыт старшего поколения всё меньше согласуется с миром, в который вступает молодёжь. С другой, разрушающее воздействие на национальную идентичность оказывают виртуализация и глобализация социальных связей. В развитых странах национально-государственная идентичность оказывается ещё и под нарастающим давлением массовой иммиграции из стран с иной культурой. В результате место народа всё больше занимает население — совокупность индивидов, голосующих исходя из личного блага, не обременённых потребностью быть достойными памяти собственных предков и ответственностью за судьбу следующих поколений.

7. Наконец, утрачивают исходный смысл и процедуры политического представительства интересов. Оторванный от реальных общественных отношений, человек не имеет достоверного представления и о тех партиях и кандидатах, которых наделяет правом принимать решение от своего имени. Он голосует за их образы, симулякры, формируемые в соответствии с потребностями избирателя и поставляемые интернетом и средствами массовой информации. Механизм представительства интересов всё больше превращается в ритуал, а выборы в способ манипулирования массовым сознанием в целях получения и легитимации власти.

В итоге западное общество, сформировавшееся во второй половине XX столетия как привлекательный образец, проект, основанный на развитом индустриальном технологическом укладе, рыночной модели неограниченного роста потребления и представительной демократии, исчерпало свой лидерский потенциал. При этом вопрос о модели, адекватной эпохе постмодерна, остаётся открытым. Неоспоримым представляется лишь одно: в условиях исчерпания ресурсов образцом может служить только общество, ориентированное на рост потребления, прежде всего, духовных, не материальных благ; общество, в котором критерием личного успеха и высокого социального статуса будет духовное богатство, а не количество предметов роскоши.

⁷¹² Медоуз Донелла, Рандерс Йорген, Медоуз Деннис. Пределы роста. 30 лет спустя / Пер. с англ. — М.: ИКЦ «Академкнига», 2007. — С.28.

Шапиро Н.И. (НИИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ МИССИИ НАТО В АФГАНИСТАНЕ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В декабре 2014 г. завершилась миссия Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Исламской Республике Афганистан – крупнейшая операция в истории Североатлантического альянса. Ее завершение сопровождалось переходом коалиционных сил к выполнению консультативно-тренировочных функций в рамках небоевой миссии «Решительная поддержка»⁷¹³. С 2015 г. афганские силовые структуры несут полную ответственность за поддержание безопасности на всей территории ИРА.

Несмотря на ряд позитивных результатов, деятельность международных сил не привела к стабилизации обстановки в стране. Легкость и быстрота первоначальных побед сменились затянувшейся вовлеченностью США и НАТО в изнуряющий асимметричный конфликт. Многократно возросли новые вызовы и угрозы безопасности, в первую очередь терроризм и наркотрафик. По уровню наркопроизводства и террористической активности боевиков неоднократно наблюдалось обновление рекордных значений. Эскалация вызовов, исходящих с территории ИРА, угрожает безопасности сопредельных регионов.

Многолетние усилия США и НАТО в области подготовки афганских сил не привели к формированию боеспособной армии и полиции. Четко обозначились пределы использования коалиционного ресурсного потенциала для реализации задач социально-экономического восстановления страны. Попытки создать дееспособное афганское правительство потерпели крах. Несмотря на безальтернативность политико-дипломатического пути урегулирования афганского конфликта, перспектива достижения компромисса с «умеренными» талибами представляется отдаленной.

Вывод основной части коалиционных сил и их переориентация на осуществление преимущественно учебно-тренировочных задач стимулировали боевиков активизировать действия почти на всей территории страны. Предмет особой озабоченности России – транзит нестабильности из южных и юго-восточных районов Афганистана в относительно спокойные в прошлом северные районы. Напряженная ситуация сложилась в районах, граничащих с Таджикистаном и Туркменистаном. Дополнительную остроту ситуации придает распространение активности террористической организации «Исламское государство» (запрещена в России) на Южную и Центральную Азию. Боевики ИГ декларируют цель создания «вилаята Хорасан» – территориального подразделения, включающего Афганистан, Пакистан и ряд других государств региона. Рост миграционных потоков из Афганистана превратился в острую проблему для Европейского союза, переживающего беспрецедентный миграционный кризис. По данным ООН, в 2015 г. Афганистан занял второе место после Сирии среди основных стран исхода беженцев.

Ввиду эскалации насилия в Афганистане в период завершения миссии МССБ, активизировались дискуссии о дальнейшей деятельности международных сил в этой стране. Актуализировалась необходимость ревизии курса США и НАТО с учетом последствий вывода войск из ИРА для развития ситуации в стране и регионе. На практике это проявилось в (1) приостановлении процесса вывода войск, (2) пролонгировании миссии «Решительная поддержка», (3) продолжении участия коалиционных сил в боевых операциях на территории ИРА (в ограниченном объеме), (4) модификации подходов к подготовке и оснащению афганских ВС, (5) переориентации США на сохранение бессрочного присутствия в Афганистане.

⁷¹³ Миссия НАТО «Решительная поддержка» функционирует на территории ИРА с 1 января 2015 г. в соответствии с резолюцией 2189, принятой СБ ООН 12 декабря 2014 г. Миссия направлена на обучение афганских сил с целью повышения их боеспособности до уровня, позволяющего самостоятельно поддерживать безопасность в стране.

В долгосрочном плане сохраняется нацеленность альянса на укрепление партнерства с ИРА⁷¹⁴. Постулируется необходимость постепенного перехода к более типичным отношениям «в соответствии с... моделью партнерских отношений, которые сложились между НАТО и другими странами»⁷¹⁵. Руководство альянса подчеркивает, что присутствие в Афганистане отвечает интересам безопасности стран-членов. Деятельность НАТО на афганском треке осуществляется в рамках общих усилий альянса по противодействию терроризму и экстремизму.

Оценивая промежуточные итоги миссии «Решительная поддержка», приходится констатировать, что для решения даже части поставленных задач потребуется значительно больше времени и ресурсов, чем предполагалось ранее. Ситуация в Афганистане продемонстрировала пределы реализации вспомогательных (консультативно-тренировочных) функций в условиях обострения вооруженного конфликта. Высокая динамика развития военно-политической обстановки в стране обуславливает необходимость дальнейшей корректировки параметров иностранного присутствия. В отсутствие скоординированной деятельности региональных и внерегиональных держав, а также без активной поддержки со стороны афганского народа и руководства страны результативность международных усилий по стабилизации ИРА будет низкой.

Шаповалов В.Л. (Москва, МПГУ)

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Изучение становления и развития партийной системы современной России представляет серьезный научный интерес как для российских, так для зарубежных ученых. Различным аспектам деятельности российских политических партий посвящено значительное количество исследований⁷¹⁶.

В то же время недостаточно изученной остается проблема анализа взглядов, идей, представлений политических партий о прошлом, настоящем и будущем. Ключевое место в формировании образа прошлого, в частности, имеют представления о Великой Российской революции 1917 года. Оценка революционных событий представляет значительный интерес, являясь, по сути, основанием для формирования идеологической платформы той или иной партии. Особое значение анализ образа революции в политическом дискурсе приобретает в контексте важного символического рубежа – векового юбилея революционных событий.

По отношению к революционным событиям их целесообразно разделить на четыре группы, которые условно можно назвать «партией согласия», «партией контрреволюции», «партией Февраля» и «партией Октября».

«Партия согласия» представлена Президентом Российской Федерацией Владимиром Путиным и пропрезидентской партией «Единая Россия». В ее основе – стремление завершить конфликт, сгладить существующие противоречия, поставить точку в споре

⁷¹⁴ Политическая основа долгосрочного взаимодействия НАТО с Афганистаном заложена в 2010 г., когда на саммите альянса в Лиссабоне была принята «Декларация о долгосрочном партнерстве».

⁷¹⁵ Годовой отчет Генерального секретаря 2015. НАТО, 2016 г. С. 49.

⁷¹⁶ Заславский С. Современные политические партии России: анализ программ и уставов. – М.: РАГС, 2004.; Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. – М.: ИНДЕМ, Московский городской педагогический университет, 2007.; Сунгуров А. Становление политических партий и органов государственной власти в РФ. – СПб: Балтийский институт, Центр «Стратегия», 1994.; Усманов Р.Х. Политические партии и политические процессы (история, теория и современность). М., 2001.

сторонников и противников революции, объединить всех россиян на идее «примирения и согласия»⁷¹⁷.

Более непримиримое отношение к революции 1917 года демонстрирует «партия контрреволюции», представленная ЛДПР. В своей программе либерал-демократы квалифицируют революцию 1917 года в качестве «большевистского переворота», акцентируя, тем самым, внимание на нелегитимном характере советской власти⁷¹⁸.

«Партия Февраля», объединяющая сторонников Февральской революции, является самой представительной по составу. Она объединяет достаточно разнородные политические силы, от правых либералов до умеренных социалистов. Взгляды на революцию либеральных партий, «ПАРНАСа» и «ЯБЛОКа», достаточно близки. Обе партии рассматривают Февральскую революцию как исторический шанс к построению в России общества, основанного на идеях демократии и свободы⁷¹⁹. Основатель партии «ЯБЛОКО» Григорий Явлинский обращает внимание на то, что Февральская революция являлась попыткой элит спасти страну от катастрофы. Главной особенностью подхода лидера «справороссов» к оценке исторических событий является вывод о «социалистическом характере» Февральской революции⁷²⁰.

«Партию Октября» составили две коммунистические партии: КПРФ и «КОММУНИСТЫ РОССИИ». И первые, и вторые полностью поддерживают позиции в революционном кризисе большевиков, апеллируя при этом к оценке революционных событий В.И. Лениным⁷²¹. Обращает на себя внимание стремление КПРФ представить большевиков в качестве спасителей России от распада и уничтожения⁷²². «КОММУНИСТЫ РОССИИ», так же, как и КПРФ, считают себя продолжателями дела РСДРП (б). Однако, в отличие от последних, они видят в качестве основных достижений Октября не возрождение государства, а приверженность идеям пролетарского интернационализма и народовластия⁷²³.

Столетие революции в России и повышенный интерес общества к событиям вековой давности создают благоприятные предпосылки для диалога ведущих политических сил по проблемам оценки революционного наследия. Вместе с тем, необходимо отметить высокую степень поляризации общества по вопросам об отношении к Великой Российской революции.

Шашкова Я.Ю. (АлтГУ, Барнаул)

РОТАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛИДЕРОВ КАК ЭЛЕМЕНТ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ПАРТИЙ В РФ⁷²⁴

Уже почти аксиомой в политической науке стало вслед за Э. Даунсом и Ю. Хабермасом, сравнение политики с бизнесом. Соответственно проводятся аналогии между структурой и деятельностью политических и экономических акторов, что все больше

⁷¹⁷ Послание Президента Федеральному Собранию. 1 декабря 2016 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>

⁷¹⁸ Программа ЛДПР. URL: https://ldpr.ru/party/Program_LDPR/

⁷¹⁹ Заявление Партии Народной Свободы в связи со столетием революции в России. URL: https://parnasparty.ru/images/data/docs/589df2c551c40_Zayavlenie_Partii_s_pravkami.PDF; Григорий Явлинский: Возвращение к Февралю. URL: <http://www.yabloko.ru/2017/02/27>

⁷²⁰ Миронов С.М. Февраль – предвестник Октября. URL: <http://mironov.ru/moya-pozitsiya/fevral-predvestnik-oktyabrya/>

⁷²¹ Интервью Председателю ЦК КПРФ Г.А. Зюганова агентству Синьхуа. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/154154.html>

⁷²² Программа Коммунистической партии Российской Федерации. URL: <https://kprf.ru/party/program>

⁷²³ Программа партии «Коммунисты России». URL: <http://komros.info/about/programma/>

⁷²⁴ Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ №16-03-50136 «Динамика социально-демографического состава элит региональных отделений политических партий Западной Сибири в контексте реформирования партийно-электорального пространства»

подтверждается в современных условиях. Не обошел вниманием экономический подход и политические партии, приравнивая их к бизнес-проектам, предприятиям, возглавляемым политическими менеджерами и нацеленным на получение политической прибыли, что не могло ни сказаться на требованиях к качествам и деятельности партийных элит, в частности регионального уровня. В связи с этим представляет интерес анализ места и роли руководителей региональных отделений в партийных организациях современной России в рамках глобальных трендов партогенеза, а также выявление причин их ротации на материалах регионов Западной Сибири.

Современные тенденции развития партий влекут за собой изменения места и роли руководителей региональных отделений в системе внутрипартийных отношений. Изменились и критерии оценки организационной эффективности отделений партий и их руководителей, причем оценщиком выступает не столько внешняя общественность, сколько внутренняя. Сегодня от них ожидают не просто реализации своих целей, а умения адаптировать к политической ситуации и «правилам игры» внутреннюю жизнь партийных структур. Не меньшее значение для партии при удорожании политики и снижении партийной идентичности приобретает способность мобилизовать ресурсы своего окружения – кадровые, финансовые, информационные и др. Особенно это важно накануне и в ходе масштабных избирательных кампаний.

И если высшее руководство партии – это в первую очередь публичные политики, в основном сконцентрированные на формировании символического капитала партии, а для партий, представленных в Государственной Думе – на законотворческой деятельности, то региональное руководство оценивается как менеджеры или как публичные политики со способностями менеджеров. Кроме того, руководители региональных отделений партий, находящиеся на среднем уровне партийной иерархии, должны обладать стратегическим мышлением, уметь удавливать изменения в обществе и партии, видеть их сущность и динамику.

Показателями эффективности их работы могут выступать как результаты выборов, так и лояльность центральному руководству (в России – еще и губернаторам, контролирующим электоральное поле), отсутствие внутрипартийных конфликтов, способность к мобилизации ресурсов и др.

Невозможность же или неспособность выполнить поставленные задачи, как правило, приводит к ротации руководства региональных отделений, сопровождающейся поиском и рекрутированием партиями эффективных менеджеров, способных мобилизовать ресурсы на достижение ее целей.

Исходя из обозначенных требований, можно выделить четыре причины ротации региональных партийных лидеров.

Наиболее распространенной являются низкие электоральные результаты, оборачивающиеся для партии существенными кратко- или долгосрочными потерями, или угроза их получения. При этом вопрос ротации регионального руководства по итогам выборов ставится партиями не только в рамках кампании «по поиску виновных», но и из-за перехода избирательных кампаний в режим перманентности.

Второй причиной выступает наличие внутрипартийных конфликтов или конфликтов руководителей региональных парторганизаций с губернаторами.

Кроме того, некоторые партии в качестве причины ротации руководителей региональных отделений устанавливают занятие ими должностей, по мнению партии, не совместимых с партийной работой.

Ротация же руководства в малых партия связана с процессами создания оргструктур или попытками реанимации региональных отделений, зачастую накануне выборов.

В целом, можно констатировать, что руководители региональных отделений имеют как бы противоречивый статус в современной партийной иерархии. С одной стороны, они обладают достаточной свободой деятельности, обусловленной относительной автономией

региональных отделений, особенно в партиях «франшизного» типа, и выходом партийной элиты из-под контроля рядовых членов партии, а с другой – несут персональную ответственность перед центральным руководством за эффективное функционирование парторганизаций и получение ими политической прибыли. Соответственно их деятельность оценивается по критериям менеджмента, неудовлетворение которым влечет за собой ротацию региональных партийных лидеров, о чем наглядно свидетельствуют кейсы регионов Западной Сибири.

Шведова Н.А. (ИСКРАН, Москва)

АМЕРИКАНКИ, ВЫБОРЫ И «ТРАМПКЭР»

"Отменить и заменить «Обамакэр» (*Obamacare – Закон о доступном здравоохранении – прим. авт.*) - простой, ясный, четкий лозунг избирательной кампании республиканцев в 2016 г., на практике столкнулся со сложной реальностью⁷²⁵. После одобрения Палатой представителей законопроекта, нацеленного на ликвидацию «Обамакэр», активизируется деятельность неправительственных женских организаций для организации «давления» на Сенат, в котором планировалось голосование до 4 июля 2017 г. по законопроекту, решающему судьбу *Закона о доступном здравоохранении* («Обамакэр»). Заметим, что именно женские голоса на выборах всех уровней становятся решающими в определении судьбы кандидатов, о чем свидетельствуют результаты последних избирательных гонок, включая избирательные кампании как на места в высший законодательный орган страны – Конгресс США, так и на пост президента: гендерный разрыв голосов избирателей очевиден в большинстве избирательных кампаний.

Президент НКО «Феминистское большинство» Элеонор Смил (Eleanor Smeal) обращается к американкам со «срочным предупреждением», в котором говорится о том, что «жестокый и вредный законопроект о здравоохранении» тайно создается тринадцатью членами рабочей группы из сенаторов – республиканцев. Все они белые мужчины. Между тем, именно женщины, особенно цветные, окажутся жертвами, если вариант «Трамкэр», одобренный Палатой представителей, получит поддержку Сената. Э.Смил призывала американок действовать незамедлительно и требовать от своих парламентариев не поддерживать вариант Палаты представителей. «Теперь вы должны принять меры. Скажите своим сенаторам остановить «Трамкэр» (Trumpcare) и спасти «Медикейд» (Medicaid), пока не стало слишком поздно, и осудить скрытный подход, которым республиканцы разрабатывают этот законопроект... Мы не можем позволить им украсть здравоохранение у миллионов». Аргументы были просты: «Трамкэр» ликвидирует программу «Медикейд», сокращая ее на 834 млрд. долл. в течение десяти лет, «чтобы предоставить налоговые льготы в размере 634 млрд.долл. корпорациям»⁷²⁶. В общей сложности 23 миллиона человек потеряют медицинское обслуживание. Это означает, что некоторые больницы будут ликвидированы, особенно в небольших городах, где дома сестринского ухода (и дома для престарелых) вынуждены будут закрываться, так как «Медикейд» оплачивает две трети их пациентов, более 70 процентов из которых составляют женщины. Вариант, который прошел в Палате представителей, одобряет лишь 17 процентов американцев⁷²⁷. «Мы сталкиваемся под руководством Трампа со стремлением отменить Закон о доступном здравоохранении и с бюджетом, который сокращает критическое финансирование системы социальной защиты и доступа к медицинской помощи женщинам, среди других ключевых программ... они

⁷²⁵ Prokop, Andrew Everything Republicans will have to do to actually repeal and replace Obamacare, explained <http://www.vox.com/2017/1/13/14194538/obamacare-repeal-replace-vote-process>

⁷²⁶ Stop Trumpcare. http://salsa.wiredforchange.com/o/1269/p/dia/action4/common/public/?action_KEY=12938

⁷²⁷ Там же

приносят пользу богатым - за счет жизни женщин с низким доходом»⁷²⁸, - подчеркивала представительница женского движения.

Еще в конце 2016 г., после победы Д.Трампа, было обнародовано «Руководство по борьбе с повесткой Трампа»⁷²⁹, написанное группой бывших сотрудников Конгресса, нацеленное на усиление сопротивления программе действий Дональда Трампа. В документе анализируется стратегическая мудрость «Чайной вечеринки» (*движение «Чайной партии»- прим. авт*), сфокусированная на ее местном уровне. Цель, по словам создателей, состояла в том, чтобы «стимулировать массовое движение местных прогрессивных групп для борьбы с повесткой Трампа и продвижения как прогрессивной политики, так и кандидатов»⁷³⁰.

Американские исследователи подчеркивают, что тысячи граждан «уделяли время для участия в собраниях, посещали офисы Конгресса и часто звонили в эти офисы. Это устойчивое действие действовало лучше любого опроса, чтобы показать Конгрессу, насколько непопулярны законопроекты. Это было напоминание о том, как демократия может работать». По меньшей мере, девять сенаторов-республиканцев выразили серьезные сомнения по поводу законопроекта. Но только два не голосовали единогласно: Сьюзан Коллинз (штат Мэн) и Лиза Мурковски (штат Аляска). На них явно повлияло общественное мнение». В результате Сенат не поддержал законопроект. Некоторые американские исследователи склонны считать, что многие американцы «не получили бы медицинского страхования, если бы не единство демократов», которое стало «подходящим отголоском 2010 г., когда Барак Обама, Джо Байден, Нэнси Пелоси и Гарри Рид держали свою партию вместе, чтобы одобрить важнейшую социальную политику (*Закон о доступном здравоохранении – прим. авт*). Сегодня он остается законом страны»⁷³¹. Однако сторонники реформы здравоохранения «по-обамовски» предупреждают: «Никто не должен думать, что битва закончилась. Мерфи, сенатор (штат Коннектикут), говорит, что просыпается каждый день, опасаясь новых усилий по отмене «Обамакэр» (Obamacare), который следует усовершенствовать и защитить от саботажа Трампа»⁷³².

Американки – участницы женского движения выступают за расовое и гендерное равноправие, доступное здравоохранение и право на аборт – это именно те вопросы, которые находятся под угрозой во время правления Д. Трампа.

Швырков А.И. (Брянский государственный технический университет, Брянск) **УКРАИНСКИЕ «РЕВОЛЮЦИИ»: ВЕХИ РАСПАДА?**

Любой анализ подразумевает некоторую *парадигму*. Под парадигмой я понимаю определенную установку по отношению к тем или иным феноменам и процессам.

Последние несколько столетий для европейской науки одной из наиболее значимых парадигм была *парадигма развития* («прогресса»). Однако ниже я попытаюсь проинтерпретировать то, что происходит последние без малого 30 лет на Украине с позиций иной парадигмы. Условно ее можно назвать *парадигмой распада*. Суть ее в том, что большинство процессов, там происходящих, должны рассматриваться как процессы

⁷²⁸ Кэтрин Спилл. Исполнительный редактор, журнала «Миссис (Ms.)» Katherine Spillar. Executive Editor, «Ms».

⁷²⁹ Bethea, Charles The Crowdsourced Guide to Fighting Trump's Agenda
<http://www.newyorker.com/news/news-desk/the-crowd-sourced-guide-to-fighting-trumps-agenda>

⁷³⁰ Ibidem.

⁷³¹ [Leonhardt](https://www.nytimes.com/2017/08/01/opinion/obamacare-trumpcare-citizen.html?emc=edit_ty_20170801&nl=opinion-today&nid=78189346&te=1), David. The Americans Who Saved Health Insurance
https://www.nytimes.com/2017/08/01/opinion/obamacare-trumpcare-citizen.html?emc=edit_ty_20170801&nl=opinion-today&nid=78189346&te=1

⁷³² Ibidem.

деградационные, процессы распада, разрушения (а не развития, становления и т.п.). Украинские же «революции» – суть всего лишь *вехи* этого распада.

Начну с партийной системы.

После 1991 г. на Украине образовалось множество партий самого разного толка. Этот факт можно расценивать как свидетельство большей свободы, демократизации и т.п. Однако его можно интерпретировать и по-иному, а именно как результат распада «украинского филиала» КПСС.

Благодаря такому своему происхождению многие из этих партий не имели той поддержки, на которую вроде бы позволяет рассчитывать их «идеологии». Этим же обусловлена та легкость, с которой их лидеры изменяли своим партийным программам.

Одно время среди украинских политологов и политиков было распространено мнение, что довольно скоро украинская партийная система станет двухпартийной. Кандидатами на составляющие этой системы прочили Партию Регионов (ПР) и Блок Юлии Тимошенко (БЮТ). Также известно, что двухпартийности не получилось.

Наиболее простое объяснение этого может быть дано именно в контексте парадигмы распада. Действительно, начиная с момента «официальной смерти» СССР экономическое положение Украины в общем и целом ухудшается. Поскольку Украина становилась все более и более бедным государством, постольку она уже просто не могла позволить себе *более чем одну* крупную партию. Так как единственный сектор украинской экономики, который еще хоть как-то функционировал – это, условно говоря, сырьевой, такой партией могла стать только Партия Регионов.

События «после Майдана» лишь подтверждают тезис о невозможности Украины «прокормить» больше, чем одну крупную партию: партий, сравнимых с ПР, на Украине в настоящее время нет и не предвидится, более того, не уверен, можно ли большинство современных украинских политических партий вообще считать таковыми.

Парадигма распада позволяет по-новому взглянуть и на так называемую *эпоху первичного накопления капитала* – как часто характеризуют несколько первых лет после распада СССР.

С точки зрения этой парадигмы первичное накопление капитала происходило в СССР. В 90-х же годах 20-го столетия этот капитал был просто «приватизирован». При этом этот приватизированный капитал не инвестировался в сколько-нибудь достаточном объеме в украинскую экономику, а выводился за рубеж.

Понятно, что ни о какой «демократизации» украинской политической жизни ни в прошлом, ни тем более в настоящем говорить не приходится. Возможность консолидации демократии с каждым годом лишь уменьшается. Причем такие события, как «оранжевая революция» или «евромайдан», по факту лишь уменьшали и уменьшают шансы Украины стать демократическим государством, знаменуя собой сползание страны в состояние все большей архаики.

Шестакова А.А. (КубГУ, Краснодар)

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ИМИДЖА ЛИЧНОСТИ В ONLINE-СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

На базе социальных платформ (Facebook, Вконтакте, Twitter, Одноклассники) происходит позиционирование имиджа личности, в результате чего индивид конструирует собственную идентичность в глазах пользовательского сообщества. Позиционирование имиджа также обуславливается кнопкой «Мне нравится», тем самым отражая интересы определенного пользователя, его отношение к той или иной ситуации. Мнение о личности складывается исходя из интересов и поведения этой личности, порождая социальную ответственность и последствия, которые являются следствием социального действия, совершённого в социальных сетях.

Впервые феномен «социального действия» был рассмотрен немецким социологом М. Вебером, который выделяет четыре идеальных типа социального действия: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное⁷³³, которые мы рассмотрели с учетом специфики сетевого общества, в рамках позиционирования личности в различных социальных сетях:

1. Целерациональное социальное действие, при котором индивид достигает своей рациональной цели, где средством достижения будут выступать определенные предметы и люди, подобно тому, как школьники и студенты стремятся завоевать уважение и положительное отношение преподавателя, посредством проявления интереса к его персоне в социальных сетях. Проявление интереса будет отражаться в комментариях к определенным записям, демонстрация факта понравившейся фотографии и добавлением этой информации на свою страницу в социальных сетях.

2. Ценностно-рациональный тип проявляется в осознании важности и значимости того или иного явления для индивида, исходя из его личных убеждений. Проецируя этот тип на действие индивида в социальных сетях, можно привести пример пользователя, который поделился новостью побуждающей бережнее относиться к природе. Как следствие, подобное действие может послужить стимулом к конструктивному последствию за пределами online-пространства. Такое поведение в большей степени характерно наиболее социально-активным пользователям, стремящимся проявить свою жизненную позицию или заинтересованным пользователям, которые испытывают определенное социальное давление со стороны административного ресурса.

3. Традиционный тип действия представляет собой обыденную стратегию поведения индивида. Для такого типа характерно шаблонное следование определенным нормам. Проецируя этот тип на пользователя социальных сетей, можно охарактеризовать, что такой человек будет придерживаться мнения большинства, состоя в тех же сообществах и группах в социальных сетях, где больше подписчиков. Многие события в социальной сфере становятся наиболее значимыми, с точки зрения общественного внимания, после их освещения в различных социальных платформах (Facebook, Вконтакте, Twitter, Одноклассники) пользователями с большим количеством подписчиков. Пользователи такого типа действия будут следовать авторитетным источникам и доверять проверенной информации, что может зависеть и от типа личности и от возрастных особенностей.

4. Пользователь социальных сетей аффективного типа придерживается эмоционального показателя, может быть резок в своих высказываниях по поводу определенных происшествий, событий и новостей. Под воздействием эмоций, он может оставлять резкие комментарии под фотографиями, делать провокационные заявления на своей личной странице в социальных сетях. Примером такого действия является «троллинг», явление, базирующееся на механике обратной связи и рассматриваемое как размещение в online-пространстве провокационных комментариев, основное назначение которых вызвать так называемый «спор ради спора»⁷³⁴. Такой тип социального действия будет характерен для личности, преследующей определенные цели в таком поведении. К примеру, чтобы вывести оппонента на эмоции, тем самым привлекая внимание к своей персоне со стороны общественности.

Стоит отметить, что для пользователя не будет характерен только один тип социального действия, здесь мы говорим о комбинированном типе социального действия, сочетающего в себе несколько паттернов. Как следствие, можно предположить гибридные типы социального действия в сетевом сообществе. Комбинированный тип личности также

⁷³³ Weber, M. *Economy and Society*. Vol. 1. – Berkeley, 1978. – P. 24-25.

⁷³⁴ Гнедаш А.А., Рябченко Н.А. Конструктивные и деструктивные социально-политические практики в online-пространстве современной России: «фейлы», «кейсы», «механики». *Человек. Сообщество. Управление*. Краснодар: КубГУ. 2014. №2. С. 40-54.

будет зависеть от особенностей личности, её возрастных особенностей, социальных привычек и социального окружения.

Шестопал Е.Б. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)
**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА ПЕРЕД ВЫБОРАМИ 2018**

Президентские выборы в современной России гражданами воспринимаются иначе, чем выборы всех других уровней. Так было и в 1996, и в 2000-е и в 2012. Это связано и со значимостью роли Президента в нашей политической системе, и с личностью действующего исполнителя этой роли, и с нашей политической культурой, в которой глава государства, как бы он ни назывался, всегда играл ключевую роль. Президентские выборы к тому же играют роль своего рода Юрьева дня, и, несмотря на всеобщий политический цинизм, все еще воспринимаются гражданами как одна из немногих возможностей быть услышанными властью. Отсюда и уровень явки, который выше чем на указанных выборах.

Отсюда возникает и важная для политологов задача учета психологического состояния общества накануне выборов. Устойчивость или нестабильность настроений электората, трансформация образов власти лидеров во многом определяют не только выбор конкретного претендента на пост Президента, но и общую поддержку власти, уровень консолидации общества и устойчивость политической системы.

В докладе обсуждаются результаты конкретного эмпирического исследования психологического состояния российского общества перед выборами 2018. В исследовании традиционно изучались образы российской власти и лидеров. Наши данные позволяют говорить о том, что уже в сентябре-октябре 2017 году, когда были проведены эти замеры, обозначился новый этап в восприятии политиков и власти российским обществом. Обострение международной ситуации и экономический кризис привели к двум важным тенденциям, которые существенно повлияли на общий тонус общества. Во-первых, продолжается складывание того ценностного фундамента национального единства страны. Во-вторых, после 2014 года образ Путина в массовом сознании сохраняет и даже наращивает свою масштабность, силу и лидерский потенциал, хотя это не означает, что электорат абсолютно един в своем отношении к нему. Однако на бессознательном уровне у него нет конкурентов ни в России, ни среди зарубежных политиков.

Одновременно с этим есть ряд факторов, которые серьезно дестабилизируют психологическое состояние общества. Среди них особое значение имеют, на наш взгляд

- Не до конца выстроенная политическая система, в которой власть использует ручной, а нередко и импровизационный стиль управления.
- Широкое распространение альтернативных каналов коммуникации (Интернет), которые в нынешнем электоральном цикле уже сыграли существенную роль в делигитимизации результатов выборов.
- Серьезная дифференциация общества в отношении власти.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В РАМКАХ ОТКРЫТОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: ПРОЕКТ ИНДЕКСА ИЗМЕРЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Феномен открытого правительства включает в себе перспективы не только информационного, но и политического взаимодействия, включая в себя многочисленных акторов и систему их сотрудничества. В основе открытого государственного управления лежат механизмы института обратной связи, **взаимодействия власти и общества** и, более того, подотчетности власти обществу.

1. Инновационный, комплексный и динамичный характер данного явления предопределяет необходимость разработки индексов расчета качества системы, в целом, и эффективности конкретных административных решений.

Определения "открытого правительства" в научной среде задают данный феномен как процесс выстраивания способов взаимодействия государства и гражданского общества посредством использования современных информационных и коммуникативных технологий, подчеркивая такие свойства этого взаимодействия как отзывчивость, диалоговый характер, вовлеченное участие.⁷³⁵

Несмотря на то, что рядом уже существующих индексов, таких как "Открытое Правительство" Мирового Банка, Барометр Открытых Данных, Методика мониторинга Института Свободы Информации весьма полно охвачены критерии оценки работы открытого правительства, до сих пор наличествует проблема "минимализма" масштабных индексов участия и сотрудничества. Например, WJP Open Government Index неразрывно связывает оценку гражданской вовлеченности и механизмов жалоб с параметрами демократизма режима в целом, Индекс открытости правительства регионов РФ опирается на наличие оппозиции, а индекс E-Participation ООН фактически опускает обозначение механизмов получения общественного мнения, консультации и принятия совместных решений. Именно поэтому возникает необходимость выработки "максималистской" модели индекса сотрудничества.

Можно выделить три механизма взаимодействия: однонаправленные G2C и C2G, а также гармоничное сотрудничество государства и гражданского общества. Например, к односторонним механизмам можно отнести такие, как получение гражданами конкретной информации и консультации с органами власти, совершение экономических транзакций.⁷³⁶ К полноценному демократическому "сотрудничеству" можно отнести следующие механизмы, когда активная роль отводится гражданам, но процесс контролируется государством: участие граждан в выполнении функций государства, гражданский мониторинг, краудсорсинг. Очевидно, обозначенные процессы взаимодействия являются слишком сложными для схватывания единым не диверсифицированным индексом.

Выделим три вида взаимодействия гражданского общества и государства: "социальное", "технологическое", "политическое".

1). Под оценкой социального взаимодействия понимается необходимо оценки качества коммуникативного действия.^{737 738} Могут быть выделены объективные и субъективные показатели:

(А) Сформулируем "объективные" показатели: например, социальная инклюзивность.

(Б) "Субъективные" показатели, в отличие от обозначенных выше, основываются на учете мнений реальных участников взаимодействия со стороны гражданского общества.

⁷³⁵ Open Government: Origin, Development, and Conceptual Perspectives

⁷³⁶ Citizen interaction with e-government: From the streets to servers?

⁷³⁷ Varieties of Participation in Complex Governance

⁷³⁸ The shape of eParticipation: Characterizing an emerging research area

Анкетный опрос представляется наиболее уместным методом сбора информации. Выделим критерии оценки:

стиль взаимодействия;

удовлетворенность от участия;⁷³⁹

характер ролей инициаторов (свободный гражданин; представитель мнения социальной группы, эксперт по проблеме).

2). Исключительно важно оценить техническую оснащенность официальных площадок для общения, на практике это могут быть следующие функции сайта: блог, социальные медиа, RSS, информативные "метки", обмен аудио-визуальной информацией, чат-комнаты.⁷⁴⁰ В качестве важных механизмов для оценки можно выделить: подачу публичной петиции, интернет оповещения о принятии решений, проведение crowdsourcing-конкурсов.

3). "Политический" аспект предполагает осмысление степени важности стадии выработки идей в принятии решения. Целесообразно провести следующие мероприятия:

- сопоставление обсуждаемых проблем с характером принятых решений (скорость принятия решения; развивается ли разработка проблем экспертами; есть ли учёт пожеланий граждан);

- опрос ответственных государственных лиц на предмет оценки вклада общественности в улучшение управления.⁷⁴¹

Шмелева О.Ю. (ННГУ, Нижний Новгород)

ОТРАЖЕНИЕ ОПЫТА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ В РФ В ОБРАЗЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Современные тенденции политического развития (смена парадигмы государственного управления, трансформация сущностных характеристик государства, «новое разделение ответственности между государством и обществом»,⁷⁴² реализация принципов гетерархии, субсидиарности, расширения публичного пространства и участия граждан в управлении, диалога, партнёрства, согласования интересов и др.) способствуют переходу на новый формат взаимоотношений власти и общества. Новые принципы, формы, механизмы взаимодействия общества и власти вносят коррективы в образ современного российского государства. Вместе с тем, изменение модели взаимодействия граждан и государства сопровождается политико-культурным, институциональным прочими рисками; усложняется на практике рядом проблем и противоречий как субъективного, так и объективного характера. Поэтому становится актуальной задача преодоления несоответствия между нормативным и реальным, «живым» образом современного российского государства в сознании населения.

Методологическим инструментом решения поставленной задачи стал метод анкетирования, позволивший проанализировать формы, механизмы взаимодействия власти и общества, мотивы участия россиян в общественно-политической жизни страны (региона), предпочтения граждан в выборе форм и инструментов решения текущих проблем (на примере Нижегородской области). Исследование проводилось по теме: «Проблемы

⁷³⁹ Enabling Citizen Participation in Gov 2.0: An Empowerment Perspective.

⁷⁴⁰ Web 2.0 Tools for Public Participation through Government Websites

⁷⁴¹ Challenges and Concerns of Open Government: A Case of Government 3.0 in Korea

⁷⁴² Гаман-Голутвина О.В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления//Полис. 2007. № 4.

взаимоотношения власти и общества в современной России» в период с 15-30 мая 2016 г. на кафедре прикладного анализа и моделирования ИМОМИ ННГУ среди жителей Нижнего Новгорода (выборка - 500 человек).

Наиболее распространёнными формами участия, по материалам исследования, стали выборы, обращение во власть с письмами, жалобами, встреча с депутатом, участие в публичных слушаниях. Ключевыми направлениями взаимодействия - благоустройство и развитие инфраструктуры, выдвижение гражданами инициатив по расширению социальных гарантий, мер социальной поддержки, решению экологических проблем, вопросам транспортной инфраструктуры.

Обобщение результатов исследования позволило также очертить проблемное поле в системе коммуникации «власть-общество». Среди актуальных на сегодняшний день проблем - незаинтересованность представителей федерального, регионального и муниципального уровней власти в диалоге с гражданами (так считали 45%; 58,5% и 60 % опрошенных соответственно); формализация практик и механизмов участия населения в решении значимых общественно-политических проблем. 38,5% респондентов считали, что тезис Президента РФ о необходимости «дать возможность гражданам раскрыть себя..., активнее участвовать в обустройстве своей жизни...» реализуется только на бумаге, 23% полагали, что региональная власть в этом не заинтересована, 20%, - что сами нижегородцы не мотивированы на участие.

Практическая деятельность, опыт взаимодействия граждан с властью являются важным фактором формирования образа, корректирующим представления о предмете отражения. Под воздействием опыта образ усложняется, конкретизируются его свойства. Причём динамика образа может осуществляться как в положительную сторону, так и в сторону усиления деприваций. Факторами усиления деприваций в политическом сознании нижегородцев стали наличие устойчивого конфликтного поля в регионе, внутриэлитные расколы (по линии «губернатор – мэр областного центра» на протяжении 2010-2017 гг.), деиндустриализация.

Важная роль в процессе формирования образа государства принадлежит также сложившейся в сознании нижегородцев системе ценностей как детерминирующему фактору, выступающей рамочной конструкцией складывающейся картины мира (актуальными ценностями 49% считали законность, 48% - социальную справедливость, 52% - патриотизм, 38,5% - гражданские свободы, 31% - заботу и покровительство).

Структура образа современного государства представлена ожиданиями стабильности и порядка (59%), социальных гарантий (43%), материальной поддержки, гарантий прав и свобод граждан (40%); стабильности (35%); представлениями о ключевых принципах, на которых должны строиться взаимоотношения власти и общества в демократическом государстве. В числе последних - открытость (публичность), законность, взаимная ответственность, честность, социальная справедливость, забота и покровительство, самоорганизация и инициативность граждан.

Таким образом, опыт взаимодействия общества с государственными институтами, являясь детерминирующим фактором формирования образа предмета в сознании и основным компонентом процесса восприятия современного государства в массовом сознании, корректирует представление о его сущности, наполняет его новым содержанием, делает образ государства более многомерным и неоднозначным. Практические знания расширяют когнитивные представления о современном государстве, вместе с тем, увеличивают разрыв между нормативным, формируемым при поддержке государства образом, и его реальным состоянием. Реальный образ расходится с представлениями действующей власти о современном государстве, его функциональном назначении, распределении сфер ответственности между государством и обществом, принципах функционирования (взаимной ответственности, инициативности граждан). Напротив, прочную нишу в структуре образа занимают представления о функциях государства, связанных с заботой, обеспечением

социальных гарантий, стабильности. Данное заключение позволяет говорить об амбивалентности образа современного государства, его дифференциации по различным основаниям - по уровням власти, функциональной ответственности и др.

Шпагин С.А. (НИ ТГУ, Томск)

ДИНАМИКА ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫБОРОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ СОБРАНИЯ 10 СЕНТЯБРЯ 2017 Г.)

В ходе единого дня голосования 10 сентября 2017 г. прошли выборы органов законодательной власти шести субъектов Российской Федерации: Республики Северная Осетия – Алания, Удмуртской республики, Краснодарского края и трех областей – Пензенской, Саратовской и Сахалинской. Поскольку 5 лет назад парламентские выборы прошли только в этих же регионах, есть возможность сравнить результаты и оценить изменения, которые произошли за это время в региональных партийных системах⁷⁴³.

Стоит напомнить, что 2012 г. ознаменовался настолько существенными изменениями партийного и избирательного законодательства, что стал важным рубежом в развитии российской партийной системы. Именно с него стартовал процесс быстрого роста числа партий и активизации их участия в выборах разных уровней.

Первое, что обращает на себя внимание – заметное снижение удельной активности участия партий в избирательных кампаниях. В 2012 г. из 28 партий, имевших право участия в выборах, 23 выдвинули свои списки в тех или иных регионах. Количество зарегистрированных списков в одном регионе колебалось от 11 до 17. На выборах 2017 г. свои списки выдвинули 24 партии из 70 зарегистрированных⁷⁴⁴. Но по регионам повсеместно произошло сокращение количества списков. И если в Пензенской и Сахалинской областях это сокращение было минимальным, то в остальных регионах количество партийных списков в бюллетенях уменьшилось по сравнению с 2012 г. более чем вдвое, а в Краснодарском крае – более чем в 3 раза. Причем отказов в регистрации списков было совсем немного, а в половине регионов были зарегистрированы списки всех партий, предоставивших документы. Скорее всего, невысокая активность связана с выбором малыми партиями стратегии минимизации усилий по соблюдению требований к регистрации.

Вторая тенденция проявила себя при подведении итогов голосования. При сокращении количества участников выборов доля голосов оставшихся увеличилась неравномерно. Почти весь выигрыш достался парламентским партиям. Причем, если показатели голосования за остальные парламентские партии выросли в одних регионах, но снизились в других, то уровень голосования за ЛДПР вырос повсеместно, кроме Удмуртии. Например, существенный прирост голосов «партии власти» в Северной Осетии и Удмуртии отчасти компенсировался значительными потерями в Саратовской области. И наоборот, КПРФ потеряла часть голосов в обеих республиках, но несколько увеличила свои показатели в остальных регионах. Однако все эти флуктуации почти не отразились на господствующем положении «Единой России», набравшей большинство голосов во всех регионах.

⁷⁴³ Сведения о результатах избирательных кампаний 2012 г. и 2017 г. получены с официального сайта ЦИК РФ: Выборы, референдумы и иные формы волеизъявления // Центральная Избирательная комиссия Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения 13.09.2017).

⁷⁴⁴ Итоги выдвижения и регистрации кандидатов и партийных списков на выборах представительных органов власти российских регионов и их административных центров 10.09.2017. Аналитический доклад по мониторингу выборов 10.09.2017. URL: https://drive.google.com/file/d/0Bwf1q8m_RQgMaEJkV3ZESkdHYIE/view (дата обращения 12.09.2017).

Количественная оценка уровня межпартийной конкуренции при помощи индекса эффективного числа партий позволяет сделать вывод о том, что во всех регионах в 2017 г. прошли неконкурентные выборы. Исключение составил случай Сахалинской области, где значение индекса по формуле М. Лааксо - Р. Таагеперы⁷⁴⁵ составляет 3,62, а по формуле Г.В. Голосова⁷⁴⁶ – 2,41. В остальных субъектах федерации значение индекса Голосова менее 2. По сравнению с выборами 2012 г. показатель эффективного числа электоральных партий заметно упал в обеих республиках, незначительно снизился в Краснодарском крае, но немного вырос во всех областях, особенно в Саратовской (+0,56 по Лааксо – Таагепере, +0,28 по Голосову).

В итоге можно констатировать, что в условиях практического отсутствия конкуренции выборы 2017 г. не внесли радикальных изменений в партийные системы соответствующих регионов. Они не поколебали господствующего положения «Единой России» и не принесли существенных дивидендов непарламентским партиям. А затухание активности малых партий демонстрирует дальнейшую стабилизацию партийной системы.

Шумилина Д.В. (РУДН, Москва)

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИНИЦИАТИВЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПОТЕНЦИАЛ

В постоянно меняющемся мире динамика развития политических систем является важным фактором их эффективного функционирования. Для этого политические институты демократических государств, как составной части этих систем, подвергаются обновлению в контексте поиска новых ориентиров политического развития.⁷⁴⁷ На протяжении всей истории, что женщины были лишены права голоса, их интересы не учитывались законодателями или понимались в искаженной форме. Но, с тех пор как, женщины добились политических прав, их малое представительство в политике и властных структурах тормозит развитие политической системы, которое невозможно без установления равноправия. Гендерные стереотипы, преграды и другие факторы лишают политическую и экономическую сферу государства важной части ценного человеческого ресурса, делая проводимую политику однобокой, зачастую сексистской, что отражается на установлении политической стагнации.⁷⁴⁸

Термин «гендерное равенство» рассматривается как система, вне зависимости от пола индивид имеет равный доступ к возможностям и правам. Гендерную политику принято воспринимать как часть социальной политики государства.⁷⁴⁹

Формальная борьба за установление гендерного равенства началась с момента создания ООН. Согласно второй статье Всеобщей Декларации прав человека от 1948: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета

⁷⁴⁵ Laakso M., Taagepera R. The «Effective» Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. April. P.4.

⁷⁴⁶ Голосов Г.В. Мир партийных систем и партийные системы мира [Электронный ресурс] // Полит. Ру. Информационно-аналитический портал. М., 1999 – 2011. Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2011/04/06/partyism.html> (дата обращения 15.08.2017).

⁷⁴⁷ Гришин О.Е. Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №1. URL: <http://www.science-education.ru/121-18121> (дата обращения: 26.05.2017).

⁷⁴⁸ Ann Shola Orloff Gender and the Social Rights of Citizenship: The Comparative Analysis of Gender Relations and Welfare States. URL: <http://www.jstor.org/stable/2095903>

⁷⁴⁹ Федотовская Т.А. Современная социальная политика: гендерный подход // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2007. №25 (342). С.6-24.

кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения». ⁷⁵⁰ В Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 1979 года, которая была ратифицирована и Советским Союзом, основное понятие «дискриминация» рассматривается так: «...понятие «дискриминация в отношении женщин» означает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области». ⁷⁵¹

Проводимая правительством РФ политика не включает в себя вопросы рассмотрения и разрешения гендерной проблемы, а наиболее консервативные представители политической элиты воспринимают данную тему как несущественную для российских реалий. К тому же, на повестке Государственной Думы часто появляются законопроекты, которые своим содержанием противоречат нормам гендерного равенства. Одна из категорий подобных инициатив, вызывающая общественный резонанс, состоит из нескольких законопроектов, связанных с искусственным прерыванием беременности. Самой критичным было предложение о выводе аборт из системы ОМС, что само по себе является попыткой нарушения репродуктивных прав большей части населения Российской Федерации. ⁷⁵²

В противовес политике большинства развитых стран мира Российская Федерация, начиная с середины 2000-х гг., практически игнорирует вопрос гендерного равенства. Предполагается, что п.3 ст.19 Гл.2 Конституции РФ полностью обеспечивает реализацию равных прав, свобод и обязанностей между обоих полов. Но практика показывает, что без дополнительных мер и законодательных актов, указанное в Конституции равенство существует только де-юре. Принятие факта существования проблемы гендерного неравенства и необходимости ее решения не является модной либеральной тенденцией, но реальной необходимостью законодательно обезопасить половину населения государства, подтолкнуть ее к более активному проявлению себя в экономике и политике, поскольку самым ценным ресурсом на планете продолжает оставаться человеческий ресурс. Взятый правительством РФ курс направлен меньше на развитие способностей женщин, повышение их экономического статуса и профессионализма и больше на усиление традиционного отношения к положению в обществе, где женщина в первую очередь мать и жена. А при необходимости в заработке, проявляется советская концепция «двойной смены» для женщин. Естественно, в такой ситуации женщины оказываются, не просто меньше вовлечены в политику, но повышается уровень их индифферентности к ней даже в качестве избирателей, что перерастает в ситуацию, когда их голоса остаются не услышанными, проблемы не решенными, интересы не агрегированными. ⁷⁵³

Таким образом, существование государственных Стратегий бесполезно без реальных мер, среди которых в качестве первых шагов могли бы быть: устранение списка запрещенных профессий для женщин, профилактика насилия в семье и увеличение тюремного срока за данное преступление, создание по всей стране кризисных центров для женщин, привлечение девушек в молодежные организации, введение обязательного процента представительства женщин в партийных списках на выборах регионального и федерального уровня. Реализация

⁷⁵⁰ Всеобщая декларация прав человека URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

⁷⁵¹ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения 17.05.2017)

⁷⁵² Депутаты предложили вывести аборт из системы ОМС. URL: <http://www.interfax.ru/russia/442414> (дата обращения 17.05.2017).

⁷⁵³ Gender equality and extension of women rights in Russia in the context of the UN millennium development goals. URL: http://www.undp.ru/Gender_MDG_eng.pdf

названных мер позволит расширить поле для дальнейшего устойчивого поступательного политического развития нашего государства.

Шумилов А.В. (ЧГПУ, Чебоксары)

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА И НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ: ПОИСКИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Перед избирательным циклом 2018 в России значительно активизировалась работа с молодежью, стали появляться новые проекты конвенциональной гражданской активизации молодежи⁷⁵⁴, в которых вполне закономерно преобладала традиционная модель взаимоотношения общества и государства, при которой государство – ведущая и единственная сила, способная интегрировать общество. Несомненно, решающая роль в модернизации российского общества принадлежит новым поколениям. От того, какие процессы происходят сейчас в молодежной среде, зависит будущее России. На основе эмпирических материалов и социологических исследований массового сознания студенческой молодежи, проводимых с 1999 г. ИС РАН, НИИ ОПН и автором (в Чувашской Республике), сконцентрировано, представлены основные тенденции изменений в сознании молодежи, а также новые практики работы с молодежью которые преподносятся как инновационные. Основной социальной группой в качестве объекта изучения было выбрано студенчество, это объясняется тем, что именно оно должно составить будущий средний класс и выступить актором гражданского общества, также на работу с этой группой направлены многие молодежные форумы⁷⁵⁵.

Следует отметить, что результаты социологических исследований со всей очевидностью свидетельствуют об отсутствии какой-либо расколотости, дифференциации массового сознания студенческой молодежи. Однако оно не является цельным, а выступает в фрагментарном виде, в котором порой парадоксальным образом сочетаются совершенно несовместимые взгляды. К примеру, респондент может настаивать на европейских ценностях для России, ее демократия должна быть не особой, а такой, как в развитых странах Европы и Америки, и в то же время утверждать, что наилучшей системой государственного управления является диктатура и западный образ жизни для россиян чужд. Сложно выделить каких-либо сложившихся групп студенческой молодежи с определенным мировоззрением. Только условно можно говорить о традиционалистах и модернизаторах. Тем не менее, результаты мониторинга студенчества позволяют проследить определенные тенденции в развитии массового сознания.

В первую очередь обращает на себя внимание значительное укрепление патерналистских начал в сознании молодых людей. В 1999 г. немногим более половины студенчества (58,9%) считало, что государство должно помогать всем гражданам без исключения, к 2016 г. доля увеличилась до 87,1%. В то же время стремительно уменьшилось количество студентов полагающих, что государство должно помогать только тем гражданам, которые не могут позаботиться о себе сами.

В 1999 г. большинство студенческой молодежи было настроено на продолжение либеральных реформ (63,9%). Начиная с 2007 г. к 2017 г. картина разительно поменялась. Подавляющее большинство молодежи желают стабильности (89,6%). Следует отметить, что качественное изменение в массовом сознании студенческой молодежи произошло после 2007 г. Например, более половины молодых людей желало жить там, где достойно будут

⁷⁵⁴ Сковиков А.К. Гражданское общество и государство: механизм взаимодействия // PolitBook. 2016. №4.
⁷⁵⁵ Шумилов А.В. Факторы формирования электоральной политики в молодежной среде // PolitBook. 2012. №1.

оплачивать их труд. Сегодня, наоборот, значительная часть студенчества желает остаться в России.

Если в 2003 г. традиционные ценности коллективизма, равенства признавало чуть более четверти студенческой молодежи (29,6%), то в 2016 г. – 51%. Закономерно в этом случае существенное уменьшение числа молодых людей, выбирающих ценности индивидуализма, свободы и конкуренции. Отсюда не удивительно, что если в 2003 г. 52,8% студенческой молодежи желало, чтобы Россия стала частью единой Европы, то в 2016 г. – 39,0%. Напротив, если в 2003 г. чуть более трети молодых людей считало, что западный образ жизни чужд для них (36,9%), то в 2016 г. их число увеличилось до 55,3%. Можно также отметить увеличение электоральной активности студенческой молодежи, что в целом соответствует опросу European Social Survey⁷⁵⁶.

Кратко, данные социологических исследований свидетельствуют о достаточно серьезном сдвиге массового сознания студенческой молодежи в сторону традиционных ценностей, о приходе консервативного поколения молодежи. Анализ данных показывает, что блокиратором модернизации является элита и государственная молодежная политика. Соответственно молодежь склонна поддерживать тот тип российского государства, который сложился в настоящий момент. Отсюда надежды на продолжение модернизации России следует отложить на следующее поколение, которое придет после 2025 г. Правда следует заметить, что и нынешнее поколение молодежи, вернее ее некоторая часть будет работать на модернизацию российского общества.

Щеглова Д.В. (ВГУ, Воронеж)

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ И ЭТИЧЕСКИЙ ЗАПРОС К ПОЛИТИЧЕСКИМ ЭЛИТАМ В УСЛОВИЯХ ПОСТ-ПРАВДЫ

Теоретико-методологическое осмысление протеста как социального феномена имеет долгую историю⁷⁵⁷. Классическим считается толкование протеста с точки зрения теории депривации Гарра, который связывал его с уровнем экономического неравенства и других показателей, связанных с уровнем жизни. Взаимосвязь между экономическим неравенством и протестом по-прежнему остается на повестке дня научного сообщества⁷⁵⁸, особенно при анализе протестных настроений в периоды экономических кризисов⁷⁵⁹.

Однако, со временем фактор уровня жизни отошел на второй план, уступив место ценностной трактовке политического протеста. Сторонники ценностного подхода обнаружили сильную корреляцию между типом политического протеста и разделяемыми ценностными (изучались, как правило, «правые» и «левые» ценности⁷⁶⁰). Интересно то, что согласно данным авторов, протестующие с разными ценностями показывают единодушные в том, какие проблемы они видят наиболее актуальными в современном обществе, что указывает на вполне практичную, рациональную основу протеста, который оказывается облачен в различные «ценностные» одежды. К общим проблемам, как правило относились безработица, социальная незащищенность, законность.

⁷⁵⁶ Авцинова Г.И., Атаев Т.Б., Ахрамеева Е.С. Политика. Инновации. Технологии / под общ. ред. О.Е. Гришина, Г.И. Авциновой, Л.И. Гордеева. - М.: НИИ общественных и политических наук, 2014.

⁷⁵⁷ Pamela E. Cadena-Roa O.J., Kelley D. Strawn *Emerging Trends / Study of Protest and Social Movements*, Volume 11, edited by Betty A. Dobratz, JAI Press, Inc. - 2003.

⁷⁵⁸ Acemoglu, D., Simon J., Robinson J., Yared P. *Reevaluating the Modernization Hypothesis // Journal of Monetary Economics* - 2009.- No 56(8). – Pp. 1043-58.

⁷⁵⁹ Carles, B. *Democracy and Redistribution* - Cambridge University Press, 2003.

⁷⁶⁰ Hutter S., Hanspeter Kriesi. *Movements of the Left, Movements of the Right Reconsidered, // Future of Social Movement Research*, University of Minnesota Press, 2013. - Pp. 281-298.

В середине «нулевых» тренд изучения протестных движений обозначился, как исследования новых форм протестного участия и аккумуляции протестного потенциала в новых типах сетевых отношений. Эта проблематика нашла свое отражение в ряде работ, посвященных технологиям СМК и социальных медиа для активизации протестного потенциала⁷⁶¹.

С возрастанием роли социальных медиа и новых коммуникационных технологий изменилось и содержание политического протеста: в нем отразился запрос на этичность, на ответственность политических элит перед своими гражданами. Новые формы протестов, которые получили название «soft political protest»⁷⁶² охватили не только режимы «новых» демократий, но и «старые» демократические системы, которые считаются устойчивыми. В исследовании специалистов института Айовы «Economic Inequality and Nonviolent Protest» было отмечено, что уровень протеста в старых демократиях даже выше, чем в новых⁷⁶³, да и причины возрастания протестных настроений в этих демократиях разнятся, равно, как и их характер (насильственный или ненасильственный).

Дело в том, что современных демократиях протестность определяется не столько принадлежностью к «большинству» или «меньшинству», сколько тем, насколько сильно политическая элита воспроизводит или углубляет неравенство между гражданами и политическими элитами, насколько эта элита манипулирует информацией и использует медиасреду в оправдание непопулярных мер. Наступление эпохи постправды, с ее многовекторной коммуникацией, насыщенной эмоциональными образами, популистскими призывами и новыми технологиями работы с большими данными приводит и к новым запросам, артикулирующимся в протестных движениях.

Электорат, погруженный в бурлящую информационную среду обнаруживает, что коммуникация превращается в пространство манипуляций, симулякров, фейков, что заставляет граждан все больше отчуждаться от политики и управления. Такое отчуждение приводит к накоплению протестного потенциала и падению эффективности «обратной связи». Политтехнологи и маркетологи находят решение в технологиях социально-этического маркетинга. Его суть – в технологии выстраивания долгосрочных отношений доверия между властью и населением посредством различных структур-посредников и установления двусторонней симметричной коммуникации. Этот подход видится перспективным в условиях нарастания объемов постправды и снижения социальной ответственности политических элит. Последнее в глазах электората становится важнее, чем личный достаток и благосостояние.

Щенина О.Г. (Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва)
**КОММУНИКАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ**

Эволюция общества нового типа - сетевого (информационного, постиндустриального, постинформационного) - влечет за собой изменения коммуникационной и коммуникативной составляющей в структуре политических отношений. Политические отношения будем рассматривать как многообразные, многоуровневые связи и контакты между политическими

⁷⁶¹ Little A.T. Communication Technology and Protest // The Journal of Politics. - 2015.- volume 78. - number 1. - URL: <http://dx.doi.org/10.1086/683187>

⁷⁶² Dubrow, J., Slomczynski, K. Tomescu-Dubrow I. Effects of Democracy and Inequality on Soft Political Protest in Europe: Exploring the European Social Survey Data // International Journal of Sociology. - Vol. 38, No. 3. - pp. 36-51.

⁷⁶³ Solt F. Economic Inequality and Nonviolent Protest, University of Iowa - URL: http://myweb.uiowa.edu/fsolt/papers/Solt2015a_pre.pdf.

субъектами: институтами, социальными группами, гражданами по поводу реализации власти и управления.

Структура политических отношений современного российского общества достаточно сложна и многослойна, а на их функционирование оказывает влияние большое количество разного рода факторов. Однако, на наш взгляд, важнейшим из них и во многом определяющим формат коммуникаций политических отношений, будет стремительное развитие в условиях новой социальной реальности сетевого общества. В свою очередь фрагментированность пространства политических отношений по сути является одной из характеристик сетевого общества.

М. Кастельс указывал на изменяющиеся политические отношения социума под влиянием увеличения роли информации в процессе складывающегося сетевого общества. В тоже время именно М. Кастельс одним из первых поставил вопрос в новом контексте: о власти коммуникаций в современном мире, полагая, что «коммуникационная власть находится в сердце структуры и динамики общества»⁷⁶⁴.

Безусловно, устройство социальной организации на основе сетевого принципа влечет за собой обновление формата существующих коммуникативных связей и отношений, то есть предполагает также сетевой принцип организации коммуникации.

Таким образом, в современном мире сетевые ресурсы вторгаются во все области жизни, изменяя и трансформируя их. В этой связи «некоторые говорят о третьей стадии демократического развития, на которой дух и сущность античной прямой демократии воплотятся в сетевой форме»⁷⁶⁵. Дж. Кин рассматривает ее как «мониторную демократию – это эпоха опросов, фокус-групп, делиберативного голосования, сетевых петиций, голосований аудитории и потребителей»⁷⁶⁶.

Одной из современных технологий сетевого общества является блокчейн. Она возникла на нынешнем этапе развития сетевого общества и представляет собой в самом общем виде децентрализованную систему отношений. А ведь именно это является характерной чертой сетевого общества. Использование возможностей новой технологии блокчейна в политической сфере и степень ее эффективности очевидны. Следовательно, в сетевом обществе происходит изменение каналов и средств передачи информации.

Хотелось бы отметить, что революция в сфере коммуникаций, начавшись в XX веке и продолжающаяся в новом столетии, привела к модификации многих сторон общественной жизни, в том числе и сферы политических отношений. «Революционная эпоха коммуникационного изобилия»⁷⁶⁷, по мнению Дж. Кина, позволила перейти к инновационным по своей сути формам коммуникативных взаимодействий, тем самым предлагая новые форматы и для политического дискурса. То есть дискурс сетевой становится неотъемлемой частью дискурса политического.

Сети предлагают современному человеку не только большие массивы информации, но и практически неограниченные возможности для реализации эффективной коммуникации. Однако очевиден разрыв в деятельности пользователей сетей между онлайн и офлайн реальностью (виртуальной активностью и реальной) и это одна из интересных тенденций развития сетевого общества. Отсюда и асимметричность коммуникаций – тех, тот, кто ее фильтрует, обеспечивает технологически, влияет на содержание и объемы информационного контента имеет больше власти и возможностей влияния на умы.

⁷⁶⁴ Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 20.

⁷⁶⁵ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С.27.

⁷⁶⁶ Там же, с. 111.

⁷⁶⁷ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 8.

При этом осуществляя самостоятельное управление коммуникациями, пользователь сетей по сути создает новую информационную среду, а также приобретает и формирует свою сетевую идентичность (идентичность, рассматриваемую в контексте теории социального конструирования реальности, например, П. Бергера). В рамках сетевой виртуальной реальности обретение пользователем идентичности в сетях существенно отличается от ее других видов и форм. И этот вопрос сегодня все больше интересует исследователей.

Содержание информации, способы и механизмы ее распространения в политических сетях оказывают серьезное влияние на мировоззрение людей, их политические установки и политическое сознание. Так, по мнению Демидова А.И., формируется новый субъект политических отношений – «новый «сетевой» политический человек» - «сетевой political MAN»⁷⁶⁸.

Щербинин А.И. (НИ ТГУ, Томск)

**РЕВОЛЮЦИЯ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
«ДЛИННОЙ ПАМЯТИ»**

«Длинная тень прошлого», по Алейде Ассман, возможна, на наш взгляд, если событие попадает в свет современных интересов. Несмотря на столетний юбилей, Октябрьская революция не стала «музейным экспонатом» и объектом исключительно воспоминаний и примысливаний. Мы живем в сетке революционных топонимов, сталкиваемся, и зачастую проигрываем, в борьбе за «справедливое» прошлое. Впрочем, идея Е. Добренко о том, что еще сталинизм поместил революцию в музей в основе правильная⁷⁶⁹. Но на место революции «ленинской» в начале 30-х годов пришли синхронно две революции сталинских. О первой – социальной много писали, исследуя создание колхозов, раскулачивание. О второй – символической написано меньше. Но обе революции были тесно связаны. Под второй мы подразумеваем символический переворот, связанный с ликвидацией храмов «по просьбам трудящихся», массово-показательным сожжением икон, дискриминацией служителей культа, членов их семей, активных прихожан. В итоге на голом, табуированном символическом поле «с чистого листа» можно было в короткий срок симулировать победу социализма – победу опять же символическую, основанную на принудительном Забвении, ампутации части истории, символически-механическом замещении. Вместо храмов – клубы, вместо икон – портреты вождей. И это было повсеместно – наряду с Храмом Христа Спасителя за короткий период взорваны кафедральные соборы в губернских центрах СССР. В Костроме «Школа им. Фрунзе постановила не жечь иконы на площади, а передать их на текстильные ф-ки в качестве топлива. Это неверно. Передав иконы на фабрики, мы получим несколько десятков рублей экономии, а если сожжём их на площади — будет большой воспитательный эффект» (Северная правда. 4.01.1930). Что взамен? «До 5 тысяч портретов в вождей и детских картинок продано магазином ОГИЗа за 23 и 24 января, в связи с конкурсом на лучшее воспитание детей потребители этих товаров заполняют магазин. На днях из Иванова КОГИЗ получает большую партию портретов» (Северная правда. 28.01.1935). Из Томска ссыльный драматург Н. Эрдман 20.03.1935 г. пишет Ангелине Степановой: «В здешних магазинах,

⁷⁶⁸ Демидов А.И. Сетевой political MAN/ VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия». Материалы. 22-24 ноября 2012 г. – М.: Российская ассоциация политической науки, 2012. – С. 150-151.

⁷⁶⁹ Добренко Е. Музей революции: советское время и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

кроме портретов вождей, ничем не торгуют. А томская библиотека похожа на томскую столовую – меню большое, а получить можно одни пельмени или Шолохова»⁷⁷⁰.

Поль Рикёр в книге «Память, история, забвение» рассматривает три агрегатных состояния, отражающих реальность прошлого в сознании человека: естественная память, забвение и манипулируемая память⁷⁷¹. Он пишет о манипулировании памятью, в первую очередь, обращаясь к идеологии. Для него феномен идеологии обладает тремя оперативными уровнями по воздействию на постижение мира. Первый – искажение реальности. Вторым – легитимация власти, когда идеология пытается нашу потребность в легитимном порядке обратить в форму веры во власть. Здесь обратимся к Мишелю Фуко, который противопоставляет власть-господство и дисциплинарную власть как противостояние субъекта (в первом случае) и функции (во втором). Власть-господство воплощается в акте установления самого господства, требуя, тем не менее, реактуализации данного события (отсюда всевозможные праздничные шествия, юбилеи). Эта власть символически оформлена и сопровождается ритуальными действиями, фактически вынуждая к клятве на верность господину (ее подтверждению), дани и т.п.

Но первые два уровня идеологии, по Рикёру, были бы бессмысленны, если бы не существовал третий, глубинный, уровень, густо замешанный на культуре. Здесь Рикёр следует за Клиффордом Гирцем – интеграция мира в целое с помощью символических систем, в таком случае идеологию можно понять как хранилище идентичности. Рикёр справедливо считает, что именно данный уровень делает идеологию практически неискоренимой. Бесспорно, что вере, а равно религии и на этом уровне, и в целом отведено центральное место, о чем неоднократно писал в своей работе «Революция и преобразование обществ» Ш. Эйзенштадт.

Таким образом, если первый уровень может обойтись пропагандой, второй – ритуалами, взывающими к вере в актуальную власть, то третий это фактически «донор» первых двух уровней, снабжающий режим нарративом, в форме ли официально одобренного рассказа о славном происхождении, деяниях, в форме ли мифосхемы о пути Героя. Конечно, глубинный уровень дополняется, как указывает Рикёр, историей «дозволенной», прирученной и публично восславленной. Однако это не все. «... Между припоминанием, запоминанием и поминанием заключается несущий в себе опасность пакт»⁷⁷². И это удел всех, кто черпает славу только из прошлого.

Щербина Н.Г. (НИ ТГУ, Томск)

МИФО-ГЕРОИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОБЕДИВШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Мифо-героическая репрезентация Октябрьской революции осуществлялась с помощью политической конструкции победы. Конституирование феноменологии самой победившей Революции стало архетипическим основанием позиционирования значимости, идентичности и «реальности» социалистического мира. В результате феноменологического анализа нами были выявлены некие прафеномены, характеризующие мифологическое бытие Революции как первичной субстанции.

Первая разновидность прафеномена была включена в политические нарративы полной версии сказания о путешествии Героя, от призыва – через полосу испытаний – к возвращению. Тоталитарный героический политический миф моделировался сдвоенным по

⁷⁷⁰ Эрдман Н. Переписка с А. Степановой // Николай Эрдман. Самоубийца : Пьесы. Интермедии. Переписка с А. Степановой. Екатеринбург : У-Фактория, 2000. С. 572.

⁷⁷¹ Рикер П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. С. 118-126.

⁷⁷² Там же. С. 125.

структуре, поскольку герой, пребывающий в двух лицах, совершал сущностно единый путь спасения коллектива. В героическом деянии Сталин символически отождествлялся с Лениным, повторяя все его основные знаковые действия. И, главное, Сталин имитировал саму победу, совершая Вторую Октябрьскую революцию (что раскрывалось в формуле «коллективизация + индустриализация»). Так возникает смыслонесущая политическая конструкция *двух победивших Революций*. Октябрьская революция как смысловой феномен связана с понятием истоков, началом всех начал. Перед нами мифологическая трактовка времени и в это образцовое правремя реверсирует советская политическая реальность. Сущность данной интенции уместно трактовать по М. Элиаде в качестве феномена «вечного возвращения». Имеется в виду архаическое по типу политическое сознание, идентифицирующее «реальность» лишь в результате имитации архетипа. В нашем случае политический мир превращался в «советскую реальность» и пребывал в таком онтологическом статусе лишь в ритуальном действии повторения космогонического деяния. Ввиду того, что политическая реальность моделировалась героическим мономифом, символически реконструировался и сам акт победы Революции. Потому Сталин и присваивает политическую роль демиурга с помощью конструкта-копии второй победы, означивающей возрождение советского мира. Благодаря еще одной победе Революции политический герой становится Спасителем.

Вторая разновидность прафеномена представлена *конструкцией начальной и окончательной побед*. Миф вообще связывает конструкцию двух побед с архетипическими фигурами учителя и ученика, основателя и продолжателя. Пример в христианском мифе подают Моисей и Иисус Навин. Аналогично распределяются символические политические амплуа и в тоталитарном героическом политическом мифе: Ленин одерживает начальную победу, а Сталин – окончательную, под которой понимается «необратимость» социализма. Почему недостаточно одной победы? Согласно мифологии, в результате начальной победы зло повержено и враг разбит, но не уничтожен полностью. Христианскую символику взаимосвязи начальной и окончательной побед мы встречаем в Апокалипсисе. Первую победу одерживает Михаил Архангел во главе святого воинства, свергнув дракона-дьявола. Но только полное поражение Сатаны путем ввержения его в геенну огненную дает возможность праведникам узреть видение нового Иерусалима. Итак, врага нельзя уничтожить в одном сражении, он сохраняет актуальную силу, и число врагов может увеличиться. Именно на эти факты-конструкты мифа и опиралась концепция Сталина «о возрастании классовой борьбы по мере построения социализма». Доктрина обосновывала политическую практику: категоризацию врагов, их выявление, организацию процессов над «врагами народа». Образ врага играл конституирующую роль в оформлении мифогероической политической реальности. И змеборческий подвиг Сталина становится образцом для возведения конструкции «страны героев».

Третья конструктивная разновидность прафеномена – *революция есть серия побед*. Дискурсивно ее выражала мифологическая прописная истина «полной и окончательной победы социализма». Так, Молотов в 1937 году воспроизвел утвердившееся клише: социализм победил полностью политически (октябрьские события) и в основном – экономически (поворот крестьян в колхозы). Но сфера культуры еще остается ареной борьбы за потребную окончательную победу. Итак, Революция продолжается и «нет у революции конца». И для того, чтобы доконструировать прекрасный новый мир, победы множатся, вслед за архетипической победой в Октябрьском вооруженном восстании артикулируются: победы в гражданской войне и в культурной революции, победа коллективизации в деревне, победа индустриализации в экономике, победа над суровой природой Арктики, Великая Победа в Отечественной войне. Эти «промежуточные» победы приближают окончательную победу и светлое будущее всего мира, в котором зла уже не будет.

Таким образом, получается, что в тоталитарный период будущее наступило в основном тогда, когда была создана (и удержана назло врагам) страна «победившего

социализма». Но социалистическая держава постоянно жила в мифоперспективе эсхатологической готовности к битве, после которой будущее наступит окончательно.

Юрченко И.В. (КубГУ, Краснодар)

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В ПЕРИОД НОВОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЦИКЛА⁷⁷³

Изучение проблем и тенденций развития человеческого потенциала в условиях геополитических, информационных и социально-экономических вызовов предполагает выявление конфликтогенных и интеграционных факторов политического участия в эпоху больших перемен. Анализ факторов политического участия является актуальным направлением исследования человеческого капитала как стратегического ресурса развития полиэтнического социума. Среди других факторов, необходимо акцентировать внимание на издержках кадровой политики и управленческой дисфункциональности, которые проявляются на разных уровнях социально-политических взаимоотношений. Системный подход предполагает рассмотрение микро и макро- уровней взаимодействий акторов политического процесса. Если определять политику через концепт ограничений, то ее можно охарактеризовать как ограниченное применение социальной власти. А изучение сущности политики в этом контексте представляет собой определение природы и источников этих ограничений и техники применения социальной власти в рамках данных ограничений»⁷⁷⁴. С точки зрения конфликтологической парадигмы, политика всегда является и фактором конфликта, и поиском механизмов согласования интересов, и способом нахождения компромисса, а также технологией навязывания своей воли другим, вопреки сопротивлению. Возникающие в этой схеме противоречия создают различные векторы поведения лиц, принимающих решения, в зависимости от менталитета и ценностных ориентаций конкретного руководителя, его представлений о профессиональной этике, различных психологических особенностей личности. На этот процесс накладываются особенности традиций и обычаев этноса, к которому принадлежит данный политик или руководитель организации. Таким образом, в политическом анализе и конфликтологической экспертизе форм протестной активности и лояльного поведения избирателей всегда необходим многофакторный подход. Учет региональных особенностей, в частности фактор региональной депривации, также имеет немаловажное значение в процессе мониторинга технологий и форм политического участия различных акторов политического процесса. Так, например, Южный макрорегион России, в частности Краснодарский край, Ростовская область и Республика Крым, ввиду повышенной миграционной активности, фактора пограничного пространства, этнополитических проблем и противоречий, негативных процессов в экономике и роста социальной напряженности в результате региональных и структурных диспропорций развития территорий, рассматривается в соответствие с современной типологией сложносоставных конфликтов. При этом необходим анализ угроз трансформации социальных напряжений низкой интенсивности в деструктивные процессы распада. Поскольку на Юге России сохраняется высокая значимость миграционной проблематики, как фактора радикализма и экстремизма, а миграционные потоки, изменяют этноконфессиональную структуру социума, в результате чего увеличивается степень социальной напряженности, опасность новых конфликтов и реанимации старых. Это активно используют политтехнологи, работающие против Российского государства как «мишени» и ведут, по сути, подрывную пропаганду, в том числе, и с помощью деструктивных

⁷⁷³ Подготовлено в рамках проекта 17-03-00802 РГНФ-РФФИ «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов»

⁷⁷⁴ Политическая наука: новые направления. - М.: Вече, 1999, с. 33.

информационных воздействий. Поэтому одним из аспектов конфликтологической экспертиза коммуникативного поля полиэтничного региона должен быть эпистемологический анализ социального проектирования, воздействующего на политическое участие в период нового избирательного цикла. Кроме того, изменения, которые провоцирует мировой кризис, меняют и структуру факторов, которые оказывают существенное влияние на развитие человеческого потенциала, в том числе с учетом идеологической составляющей интеграционных процессов. Структурирование конфликтующих групп происходит в параметрах аксиологической парадигмы и под воздействием применения политических технологий. Соответствующие критерии и применение необходимого научного инструментария позволяют получить информацию об уровне интеграции жителей Крыма в социокультурные и социально-экономические условия нашей страны, а также о качестве социальных связей южнороссийских субъектов Федерации с приграничными регионами. Конфликтотенные факторы антропологического и ментального характера активно используются оппозиционными политтехнологами, акцентирующими в политическом сознании и поведении, особенно молодежи, проявления радикализма взглядов и действий, источником которых являются социальная депривация и фрустрация, и тогда, как считают психологи, практически единственным выходом для них становится взрыв жестокости, агрессии и экстремизма, которые необходимо нейтрализовать.

Ягодка Н.Н. (РУДН, Москва)

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ

На современном этапе развития российской политической системы государство уделяет все больше внимания вопросам молодежной политики. В центре внимания федеральных, региональных и муниципальных органов власти регулярно оказываются вопросы привлечения молодого поколения к решению социальных вопросов, разработке управленческих решений. При органах исполнительной власти создаются молодежные палаты и советы. Широкое распространение получила практика создания молодежных парламентов.

Как справедливо отмечает И.А. Задонская, российская молодежь постепенно формирует и повышает свою гражданскую культуру, которая позволяет утвердить самооценку молодых людей, их права и законные интересы, понять свою значимость и степень влияния в обществе, ощутить ответственность за социально-политическое развитие⁷⁷⁵. Под молодежной политикой понимается особое направление деятельности государства, политических партий, общественных организаций и иных субъектов общественной жизни, целью которой является влияние на социальное развитие и социализацию молодежи, ее привлечение к решению социальных, политических, экономических, культурных и иных вопросов общественно-политической повестки дня⁷⁷⁶.

Молодежь, безусловно, представляет собой основной потенциал развития и роста гражданской активности и увеличения количества гражданских инициатив. Участие молодежи в гражданских и социальных практиках во многом связано со стремлением сделать мир лучше (19%), общением с единомышленниками (17%), защитой своих прав (16%), желанием поучаствовать в конкретных делах и самореализоваться (по 13 %) ⁷⁷⁷.

⁷⁷⁵ Задонская И.А. Влияние молодежной политики на формирование ценностных ориентаций современной российской молодежи // Социально-экономические явления и процессы. 2015. №1, Т.10, С.111.

⁷⁷⁶ Там же. С.112.

⁷⁷⁷ Трофимова И. Н. Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2(10), С.15.

Согласно результатам исследования И.Н. Трофимовой, российская молодёжь оценивает возможность своего участия в общественно-политической жизни с нескольких точек зрения: 1) самореализация; 2) практическая деятельность; 3) эффективность собственных действий. Если речь идет о наиболее предпочтительных формах участия молодого поколения в политической жизни, стоит отметить отказ большей ее части от рутинных процедур в виде голосования в пользу участия в выборных кампаниях в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей, а также участия в общественно-политических акциях, в деятельности общественно-политических движений, политических партий, интернет-проектах. Отмечается, что в сегодняшнем российском обществе (как среди молодежи, так и среди старшего поколения) гражданская активность имеет скорее амбивалентное, чем актуальное демократическое значение, и данное значение воспроизводится во всех поколениях российских граждан⁷⁷⁸.

Уровень гражданской и социальной активности молодого поколения зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов. К объективным факторам можно отнести: 1) уровень благосостояния; 2) уровень образования; 3) место жительства (крупные города, поселки, деревни).

Среди субъективных факторов следует выделить: 1) гражданскую культуру и степень осведомленности о деятельности НКО и гражданских инициатив; 2) отсутствие веры в собственные силы и в то, что властные структуры могут прислушаться к мнению и требованиям граждан; 3) недоверие к своим согражданам и общественным организациям в целом; 4) отсутствие времени на общественно-полезную деятельность; 5) излишняя политизированность многих общественных организаций, производящая отталкивающий эффект на молодых людей.

Наиболее массовыми сферами проявления гражданской и социальной активности молодежи являются: городская инфраструктура, защита интересов и прав различных социальных групп, защита прав семей и детей, благотворительность, помощь социально уязвимым слоям населения, поиск пропавших людей, защита животных, облагораживание среды обитания, добровольческие практики, развитие городской информационной инфраструктуры и др.

Представители молодого поколения активно пользуются интерактивными диалоговыми и информационными площадками, позволяющими обращаться за консультационной помощью и упрощающие решение основных социально-бытовых вопросов. Следует выделить 4 основных группы платформ для артикулирования гражданских инициатив, являющихся наиболее привлекательными для молодежи: 1) сервисы для работы с обращениями граждан, 2) краудфандинговые платформы, 3) волонтерские сервисы, 4) группы по обмену мнениями граждан.

Сегодня в России наблюдается рост количества социальных организаций и инициатив, отстаивающих гражданские права и свободы, возрастает уровень общественного участия в решении социальных и политических проблем как напрямую, так и через многочисленные институты гражданского общества. Уровень социальной интеграции общества в значительной степени влияет на его способность к самоорганизации и совместному решению проблем. Практика решения гражданами проблем на уровне района, округа, города, страны позволяет накапливать социальный капитал, тем самым формируя устойчивый базис для развития гражданского общества и модернизации политических институтов. Активное вовлечение молодежи в обозначенные процессы и практики представляется одним из действенных инструментов повышения их эффективности.

⁷⁷⁸ Трофимова И. Н. Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2(10), С.16.

ОЦЕНКА РАЗВИТОСТИ МЕХАНИЗМОВ ГОСПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СУБЪЕКТАХ РФ

За последние 15 лет социальное предпринимательство стало бурно развивающимся сектором гражданского общества многих стран мира.

В 2007 году в России по инициативе В. Ю. Алекперова был создан Фонд «Наше будущее», основной задачей которого стало продвижение и поддержка развития социального предпринимательства в нашей стране. Основным инструментом такой поддержки от Фонда стал Конкурс проектов социальных предприятий и бизнес-планов их деятельности, победители которого получали значительные средства в форме возвратного беспроцентного займа. За 10 лет Фондом было поддержано около 200 проектов из более 40 субъектов РФ.

В 2012 году государство также решило начать поддерживать социальных предпринимателей, развернув в рамках Минэкономразвития РФ конкурс субсидий через свои региональные подразделения.

Фонд «Наше будущее» выдавал займы и некоммерческим организациям, и представителям малого и среднего бизнеса, включая индивидуальных предпринимателей (ИП). Следует отметить, что в конкурсе субсидий Минэкономразвития РФ разрешалось участвовать представителям малого и среднего бизнеса и ИП. За это время были созданы разнообразные механизмы государственной поддержки социальных предпринимателей.

В 2017 году по инициативе Фонда «Наше будущее» было решено провести исследование развитости механизмов господдержки социальных предпринимателей в регионах России. Дело в том, что после возврата займов Фонду некоторые социальные предприниматели (далее СП) в разных субъектах РФ испытывали определенные трудности с сохранением экономической устойчивости. Некоторых из них Фонд поддерживал, но в масштабах всей страны требовалась поддержка со стороны государства.

Программа исследования включала разработку плана работ, включая описание набора механизмов господдержки СП, определение показателей оценки работы таких механизмов, создание социологического инструментария, включая определение объема выборки, анкету, инструкции для интервьюеров, правила проведения фокус-групп и глубинных интервью, а также форматы визуализации результатов.

Был сформирован следующий список механизмов господдержки СП:

- 1. Конкурсы субсидий (грантов) и/или целевые субсидии для СП;
- 2. Льготное кредитование СП (госгарантии, субсидированные ставки, ...);
- 3. Помощь при участии в закупках работ (услуг) для государственных и/или муниципальных нужд, ФЗ-44;
- 4. Налоговые льготы (на прибыль, НДС, на имущество, транспортный, НДС) для СП и/или организаций, делающих им благотворительные пожертвования;
- 5. Технологии передачи бюджетных средств СП как поставщикам услуг в социальной сфере (целевой сертификат, компенсация затрат СП, др.);
- 6. Безвозмездная или льготная аренда помещений для СП, преференции при выделении помещений по рыночным ценам;
- 7. Конкурсы по льготной (безвозмездной) аренде помещений для работы СП в режиме коворкинга;
- 8. Помощь в размещении продукции на площадях торговых фирм и сетей;
- 9. Содействие в заключении соглашений между СП и МУП (ГУП) по поставкам им продукции или предоставлению услуг со стороны СП;
- 10. Помощь органов власти в развитии клиентской/партнерской сети СП;
- 11. Поддержка ресурсных центров для СП;

- 12. Организация и проведение обучающих программ и мероприятий (тренинги, вебинары,...) по повышению квалификации сотрудников СП;
- 13. Мониторинг и оценка экономической эффективности и социальных эффектов работы СП в регионе.

В качестве респондентов выступали сами социальные предприниматели, сотрудники ресурсных центров, центров инноваций социальной сферы, региональных фондов, работающих с СП, представители органов региональной и муниципальной власти, взаимодействующих с СП и сотрудники государственных и муниципальных предприятий, действующих в социальной сфере.

На 15 августа 2017 года был проведен опрос в 32 субъектах РФ. На основе обработки около 700 анкет для двух групп респондентов (СП и НеСП – остальные респонденты) были рассчитаны среднegrupповые значения трех показателей (наличие механизма; качество его функционирования и значимость отдельных механизмов господдержки СП для будущего развития социального предпринимательства в каждом отдельном регионе).

В докладе будут приведены сопоставимые графики для разных субъектов РФ. Будут охарактеризованы 4 выявленных типа регионов, отличающихся по степени развитости механизмов. Выборочно будут представлены материалы фокус-групп и глубинных интервью из некоторых субъектов РФ. Особое внимание будет уделено выводам и рекомендациям исследования для разных субъектов и акторов региональной публичной политики.

Ямалова Э.Н. (БГУ, Уфа)

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОКРАТИИ В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ БАЛТИИ

Проблематика становления и развития демократии является одним из магистральных исследовательских направлений современной политической науки. Изучение факторов и причин успеха демократических проектов в одних странах и неудачи аналогичных процессов в других, продолжают быть в эпицентре внимания политологов разных стран мира. Также на современном этапе не менее актуальными являются проблемы многообразия моделей демократического устройства, измерения процесса демократизации, становления и развития демократии, а также решения методологических проблем, связанных с разработкой инструментария, способного оценить развитие демократического процесса.

С этой точки зрения исследование политических процессов в бывших союзных республиках СССР, а ныне суверенных государствах, представляет особую актуальность. Разные векторы развития, которые демонстрируют постсоветские государства в течение последних двадцати пяти лет, позволяют на основе сравнительного анализа протестировать и уточнить ранее выдвинутые теории политического транзита и гипотезы о закономерностях развития процессов демократизации и консолидации демократии. Постсоветские государства как случаи для сравнительного анализа режимных изменений имеют преимущества потому, что их исходные стартовые условия во многом были схожими. Это в особенности справедливо, если сузить поле анализа и создать выборку исследуемых случаев, ограниченных одним регионом и имеющих минимум политико-исторических, географических, культурных, экономических и иных различий.

Так, постсоветские государства Балтии (Латвия, Литва и Эстония) в этом смысле являются идеальным естественным экспериментальным полигоном, позволяющим исследовать процессы демократизации в сравнительной перспективе. Близость географических, исторических, культурных и других объективных параметров этих стран дает возможность минимизировать исследовательское внимание к факторам макро уровня и сфокусироваться на сугубо политических условиях демократического транзита. Это

открывает широкие перспективы учета не только объективных структурных детерминант, влияющих на демократический процесс, но и выявить факторы, обусловленные эффектами решений и действий политиков.

Важно подчеркнуть, что страны Балтии являются одними из последних на современном этапе случаев успешной демократизации, укладывающейся в рамки «третьей волны» демократического перехода по С. Хантингтону⁷⁷⁹. Сравнительно недавний опыт их «историй успеха» имеет актуальность для политической науки с точки зрения выявления новых факторов демократизации как глобального феномена с учетом современных реалий.

Исследование факторов становления и развития демократических режимов в постсоветских государствах Балтии актуально не только для изучения общих трендов современного политического развития, но имеет особую ценность для российской политической науки при осмыслении российского политического транзита. Изучение опыта балтийских государств способствует более глубокому пониманию процессов, происходящих в современной политической системе России. Сравнительный анализ факторов демократизации в государствах Балтии позволяет раскрыть проблемные точки в развитии демократии в России, научно объяснить их природу и факторы влияния.

Все это делает проблематику факторов становления и развития демократических политических режимов в постсоветских государствах Балтии крайне актуальной на современном этапе.

Ячменник К.В. (КубГУ, Краснодар)

ТРАНСФОРМАЦИЯ АКТОРОВ ЛОКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПРОСТРАНСТВЕ СЕТЕВОГО ФРОНТИРА

В связи с современной глобализацией и информатизацией общества, переводом основных сфер жизнедеятельности человека в онлайн-пространство, появлением таких явлений, как электронное правительство, электронное правление, краудсорсинг, вопрос развития локальной политики становится наиболее актуальным особенно в условиях дефицита других ресурсов.

Новый формат социальности определяет современное развитие человека и сообществ как «рефлексивную включенность» в публичное пространство, связанное постоянным производством и распространением знаний, а также выработкой публичных решений на основе непосредственного интегративного участия граждан. Для местных сообществ и локальных территорий данные изменения обуславливают включение сетевых акторов, механизмов и технологий в стратегический арсенал ресурсов развития муниципальных образований.

Акторы локальной политики можно разделить на традиционные и «новые». Среди традиционных акторов сетевой локальной политики ключевыми являются органы местного самоуправления, определяющие формат сетевого взаимодействия с другими акторами. Их деятельность по определению «формата» сетевого взаимодействия связана: с одной стороны, созданием условий для интерактивного взаимодействия с населением на основе технологической инфраструктуры «электронного правления», что обеспечивается функционированием официальных ресурсов органов местного самоуправления (электронные муниципалитеты); с другой стороны – проектированием реальных сетевых структур, способных выработать инновационные способы решения публичных проблем территорий.

Электронные муниципалитеты являются неотъемлемой частью системы сетевого публичного управления национального государства, и представляют собой информационно-

⁷⁷⁹ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.

коммуникативную среду гибридного (онлайн и оффлайн) публичного пространства, в рамках которой создаются различные сервисы, ориентированные на удовлетворение информационных потребностей граждан для осуществления деятельности в пределах локальных территорий.

Новыми акторами локальной политики являются сетевые сообщества, которые придают ей сетевое содержание, продуцируя разнообразные конфигурации в виде сетевых структур и виды публичной деятельности на основе разнообразных механизмов. Актуализация субъектности новыми сетевыми сообществами стало возможным благодаря использованию социальных сервисов и развитию таких механизмов сетевой локальной политики как паблики муниципалитетов в социальных сервисах; краудсорсинговые платформы и гражданские приложения⁷⁸⁰, в том числе, и на открытых данных. Одним из условий формирования «новых» акторов развития локальной политики являются паблики муниципалитетов, поскольку именно они создают предпосылки и основания для развития краудсорсинговых платформ и определяют направление развития гражданских приложений.

Происходящие изменения в механизмах коммуникации и институционализации на локальном уровне политики повлияли на формирование гетерархических организационных форм⁷⁸¹. Гетерархии обладают значительным потенциалом в рамках партнерской модели взаимодействия на основе стратегии сотрудничества осуществить поиск инновационных способов решения общественно значимых проблем локальных территорий.

Интенсивное развитие сетевой локальной политики предполагает внедрение в современную практику муниципальных образований механизмов сетевого публичного управления и сетевого менеджмента. Сетевое публичное управление предполагает создание и функционирование многоуровневой системы, в которой структуры органов власти и управления федерального, регионального, локального уровней на уровне горизонтальных взаимодействий на основе комплекса механизмов будут сотрудничать с различными сетевыми структурами, объединяющих агентов и контрагентов (представителей частного и некоммерческого секторов) для решения публичных проблем как оффлайн –, так и онлайн-среде.

Таким образом, трансформация акторов локальной политики в пространстве сетевого фронта обусловлена сетевизацией политической сферы. На уровне муниципальных образований при доминирующей позиции органов местного самоуправления наиболее оптимальным способом, обеспечивающим сетевое участие граждан в решении публичных проблем территории, является проектирование реального сетевого взаимодействия и его последующий менеджмент, с помощью которого осуществляется интеграция различных акторов и их ресурсов и выработка инновационных способов решения публичных проблем.

Aleksanyan A.S. (YSU, Yerevan, Armenia)

TRADE UNIONS AS AN INSTRUMENT FOR THE DEVELOPMENT OF EURASIAN PUBLIC DIPLOMACY

In the Eurasian space, the effectiveness of the integration processes depends not only on the quality of cooperation among government institutions, but also on civil society organizations (CSOs) of the member-states of the Eurasian Economic Union (EAEU). At this stage, Eurasian integration is in search of mechanisms for realizing its political, social, economic and cultural potential. The

⁷⁸⁰ Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А., Ячменник К.В. «Новые» сетевые акторы развития локальной политики в условиях современной России // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2017. № 1. С. 155.

⁷⁸¹ Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Трансформация политических институтов в пространстве сетевого фронта // PolitBook. 2016. № 3. С. 47.

difference in the actors of Eurasian integration complicates the new challenges of modern reality, because within the framework of the EAEU there is still no possibility for the member countries to solve key problems of internal and external security. Studying the decision-making and separation of responsibility of the EAEU requires all actors to review the management system in terms of the new realities of world politics and international relations. Institutional design of the Eurasian integration unity is a process combining several levels: supranational, national and regional. At the same time, it is searching for variants of the new identity of the EAEU, since only economic mechanisms are not enough to maintain the integrity and viability of the Eurasian integration processes.

The economy of the member-states of the EAEU is at the stage of transformational changes. The transition from a centralized economy to a market economy, the privatization of enterprises, the denationalization of property, liberalization appreciate other factors have led to a number of negative consequences in all member-states of the EAEU: a decline in the quality and standard of living of the majority of citizens, a decline in production, unemployment, late payment of wages, and intensive labor migration have led to aggravation of political and social contradictions. At the national level, one of the ways out of the current situation can be the effective interaction of the state and trade unions, based on the principles of social partnership. At the Eurasian level, effective interaction among trade unions of the member-states of the EAEU, based on the principles of the Eurasian social partnership, can be of great importance. The institutionalization of the Eurasian social partnership can become one of the most important factors in the formation of civil trust and deepening cooperation.

The analysis the models of the social partnership of the member-states of the EAEU become evident that it is necessary to supplement and develop the legal and political mechanisms of social integration. The experience of the social partnership of the Federation of Independent Trade Unions of Russia makes it possible to determine the main directions and prerequisites for development and can be used to develop a set of measures at the national and Eurasian levels to improve the effectiveness of the regulatory impact in social and labor relations. In this context, the formation of an algorithm of public diplomacy may be important, because in the process of creating partnership relations among trade union organizations, three main stages can be identified that ensure the establishment of long-term cooperation and the attraction of necessary resources for the implementation of public diplomacy programs. The first stage is preparatory, the main purpose of which is to define the range of tasks by the social partnership system, which must be addressed by public diplomacy. An important task of the first stage, without solution of which it is impossible to move on to the next one, is the formation of a stable system of cooperation with various social partners at the national level. The second stage is organizational, the goal of this stage is to establish sustainable links with social partners at the national level: 1) agreements on cooperation are prepared; 2) the technology of interaction with various categories of social partners is developed; 3) elements of a future social partnership system are created; 4) determine the forms of partnership and form a circle of social partners. The third stage is system-forming; the goal of this stage is the integration into the system of existing and emerging elements of social partnership, stable and constant interaction with partners, the support of contacts becomes the functional responsibility of actors at the Eurasian level.

Tsygankov, Andrei P. (San Francisco State University, San Francisco, USA)
**THE WORLD ORDER TRANSITION: RUSSIA, THE UNITED STATES,
AND THE FRAGMENTED RIVALRY**

Russia's relations with the United States have been increasingly conflictual. The Kremlin has challenged the position of American hegemony globally and in regional settings. Following election of Donald Trump as the U.S. President, Russia's cyber activities, military strategy, and

media role have been under particular scrutiny although the Kremlin has acted assertively since the second half of the 2000s. While many Western observers place responsibility for the conflict on Russia, some tend to blame the West. However, most observers agree that a Cold War-like confrontation is set to define the two nations' relations. Today the narrative of a new Cold War between Russia and America commands the attention of political and scholarly circles. I argue that it is misleading at least for three reasons.

First, the Cold War perspective fails to address the global power shift and transitional nature of the contemporary international system. In the contemporary world, the old ideological rivalry is no longer applicable. New rules and expectations about the international system and state behavior are being gradually formed. China, Russia, India, Turkey, Iran, and others are seeking to carve out a new space for themselves in the newly emerging international system, as the United States is struggling to redefine its place and identity in the new world.

Second, the Cold War perspective tends to misunderstand Russia's motives and power capabilities. Unlike the old era, Russia does not seek to defeat the other side. Rather, the objective is to challenge the rival party for the purpose of gaining recognition and negotiating a greater space within the largely U.S.-influenced global order. Furthermore, Russia is in no position to challenge the Western nations globally given the large – and in some areas widening – gap between the U.S. and Russian capabilities.

Third, the Cold War narrative underestimates a potential for Russia's cooperation with the West in selected areas. The described asymmetric rivalry does not exclude the possibility of Russia and America cooperating in some areas (nuclear non-proliferation, counter-terrorism, cyber issues) while perceiving each other as competitors over preferred rules and structure of the international system. In the increasingly fragmented and post-hegemonic world, the two nations may move beyond viewing each other as predominantly rivals if they find a way to reframe their values and interests in non-confrontational terms and learn to focus on issues of common concern.

The central objective of the proposed paper is to understand the emerging world order and Russia's role in shaping it. The world is experiencing the next fundamental change since the end of the Cold War. The recent Ukraine crisis and Russia's military intervention in Syria have challenged the U.S.-centered world order. Structurally, it is still the familiar world of American domination with the country's superiority in military, political, economic and cultural areas. However, dynamically the world is moving away from its West-centeredness even though the exact direction and result of the identified trajectory remains unclear.

This paper seeks to understand the dynamics of the new power competition by employing case-studies of Europe and Eurasia. In Europe, the coalition of the United States and Europe has formed against Russia. The United States' objectives of checking Russia's ambitions coincide with the EU preferences for gradual eastern expansion by cutting Ukraine from the Russia-favored Eurasian Union. To Russia, in addition to historic and cultural connections, Ukraine is vitally important for geopolitical reasons. A large borderland territory, Ukraine serves to protect Russia from potential military intervention by Western powers and to connect Russia to Europe economically. In Eurasia, great power rivalry takes a different configuration. We observe two power blocs developing in Eurasia that are united by common values and perceptions of threat: the United States and the EU, on the one hand, and Russia and China, on the other.

Научное издание

**ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН:
ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКИ**

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Е.Н. Собанина*
Дизайн обложки *Ю.Н. Ефремова*

Подписано в печать 08.11.2017. Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 55,5. Тираж 350 экз. Заказ 1718.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41